БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

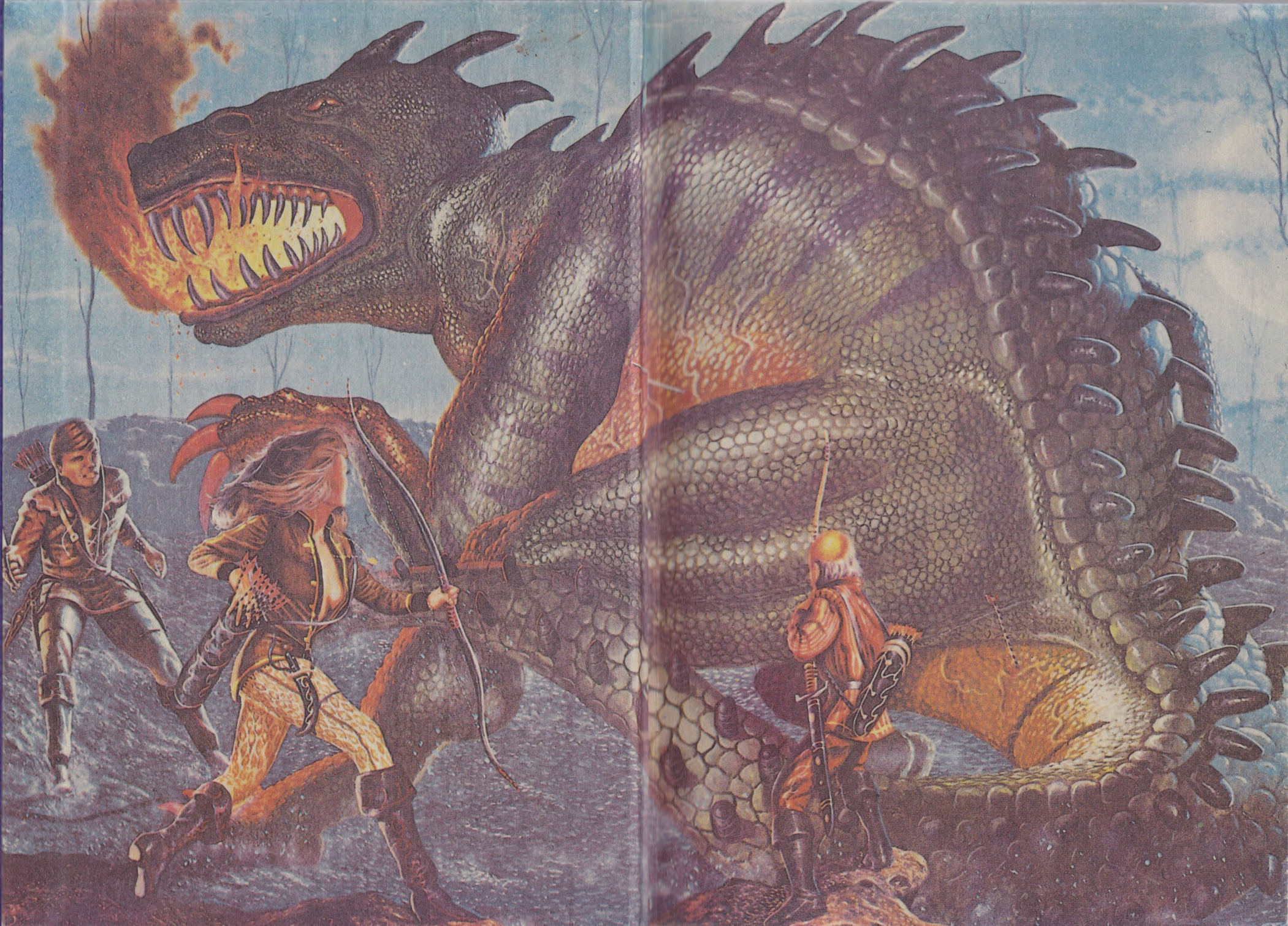


РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ДОРОГА СЛАВЫ

ДОРОГА СЛАВЫ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН



РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ДОРОГА СЛАВЫ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ



Нижний Новгород
Издательство
«ФЛОКС»
1992

ББК 84.7 США
Х-15

Составитель *Н. В. РЕЗАНОВА*

Перевод с английского
М. Муравьев, М. Астафьев, И. Горачин.

Художник *С. ФИЛЯЕВ*

На форзацах использованы иллюстрации
художника **Дэвида Уинслова**

Хайнлайн Роберт Энсон.

Х-15 Дорога Славы: Фантастические романы/Пер. с англ. М. Муравьева, М. Астафьева, И. Горачина; Сост. Н. Резанова.— Нижний Новгород: Издательство «Флокс», 1992. 575 с.

ISBN 5-87198-007-4

Головокружительные приключения, философия, эротика, политика, юмор — все это найдет читатель в романе классика американской фантастики Р. Э. Хайнлайна «Дорога Славы». В сборник включены также романы о космических приключениях — «Красная планета» и «Фермер в небе».

Х $\frac{4703040100\text{-}010}{Д40(03)\text{-}92}$ Без объявл. **ББК 84.7 США**

ISBN 5-87198-007-4

© Составление, перевод, оформление. Издательство «Флокс», 1992


РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
Дорога славы

ДЖОРДЖУ Х. САЙЗЕРУ
И ПОСТОЯННЫМ ПАССАЖИРАМ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
«ТЕРМИНУС, АУЛСВИК и Ф-т МАДЖ:
ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ УЛИЦА»



Б р и т а н (шокированный): Цезарь, это непристойно.
Т е о д о т (возмущенный): Что?
Ц е з а р ь (вновь овладевая собой): Прости его, Теодот, он варвар и полагает, что обычаи его острова суть законы природы.

«Цезарь и Клеопатра», акт II.
Джордж Бернард Шоу.
(Перевод М. Богославской и С. Боброва)

ГЛАВА I

Я ЗНАЮ местечко, где нет ни смога, ни демографического взрыва, ни проблемы, где поставить автомобиль... ни холодной войны, ни термоядерных бомб, ни рекламных песенок по телевидению... ни конференций на высшем уровне, ни Зарубежной Помощи, ни скрытых налогов — нет даже подоходного налога. Климат там того сорта, которым хвалятся Флорида и Калифорния (и которого у них нет), земля прекрасна, люди дружелюбны и гостеприимно относятся к пришельцам, женщины милы и непременно стремятся доставить вам удовольствие...

Я мог бы туда вернуться. Мог бы...

Это был год выборов с обычным припевом под фоновое бип-бикание спутников: «Все, что ты можешь, я могу лучше». Мне стукну-

ло двадцать один, но я не мог сообразить, против какой же партии мне проголосовать.

Вместо этого я позвонил в свой призывной участок и сказал, чтобы они посылали мне свою повестку.

Я возражаю против призыва в армию по той же причине, по которой рак возражает против кипящей воды: может быть, это и лучший час в его жизни, но выбор-то не его. Тем не менее я люблю свою страну. Да, люблю, невзирая на пропаганду во все мои школьные годы насчет того, что патриотизм устарел. Один из моих прадедов погиб при Геттисберге *, а мой отец участвовал в том самом, долгом обратном походе от Инчонского водохранилища, так что не я родил эту новую мысль. В классе я выступал по этому поводу, пока в результате не получил пару по общественным наукам, потом заткнулся и закончил курс.

Но я не изменил своих убеждений в соответствии с убеждениями учителя, который не мог отличить Круглой Высотки от Семинарского хребта.

Вы относитесь к моему поколению? Если нет, вы знаете, почему мы получились столь упорными в своих заблуждениях? Или вы просто списали нас как недоносков?

Я мог бы написать книгу. Еще какую! Но я отмечу один ключевой факт: после того как вы потратили годы, пытаясь выбить из мальчишки патриотизм, не ждите, что он станет кричать «ура», когда получит повестку с таким текстом: «Здравствуйте. Настоящим вы в приказном порядке призываетесь на военную службу в Вооруженные Силы Соединенных Штатов...»

И еще болтают о «потерянном поколении»! Читал я эту дребедень периода после первой мировой войны — Фитцджеральда, Хемингуэя и иже с ними, и меня поражает, что все, о чем им приходилось волноваться,— древесный спирт в контрабандной выпивке. Они держали мир за хвост — так с чего им было плакать?

Верно, у них впереди были Гитлер и Депрессия. Но они-то этого не знали. У нас были Хрущев и водородная бомба, и уж мы-то это точно знали.

Но мы не были «потерянным поколением». Мы были хуже: мы были «безопасным поколением». Не битниками. Биты никогда не превышали нескольких сотен из числа миллионов. Нет, мы трепались, как битники, и классифицировали стереозвучания, и оспаривали выбранный «Плейбоем» список джаз-музыкантов так серьезно, как будто это имело какое-то значение. Мы читали Сэлинджера и Керуака и пользовались словцами, которые шокировали наших родителей, и одевались (иногда) по моде битников. Но мы никогда

---

* Сражение американцев с англичанами в войне за независимость (1780-е гг.). *(Здесь и далее прим. переводчика).*

не считали, что барабаны бонго и борода могут тягаться со счетом в банке. Мы не были бунтовщиками. Мы были приспособленцами, вроде армейских червей. Нашим внутренним девизом было: «Не троньте!»

Большинство наших лозунгов не произносилось, но мы следовали им с той же неизбежностью, с которой утенок лезет в воду. «Не борись с ратушей». «Бери свое, пока можно». «Не попадайся». Высокие цели, великие моральные ценности, а все они означают: «Не троньте!» Клич: «Иди в ногу» (вклад моего поколения в осуществление Американской Мечты) тоже был основан на нашем девизе; он обеспечивал то, что слабак не проведет субботний вечер в одиночестве. Если идти в ногу, соперничество устранялось.

Но стремления у нас были. Да, сэр! Перехитрить призывной участок и выучиться в колледже. Жениться, и пусть она забеременеет, чтобы обе семьи помогали вам, чтобы ты остался студентом, не подлежащим призыву. Подыскать себе работенку, о которой призывные комиссии хорошего мнения, к примеру, в какой-нибудь ракетной фирме. А еще лучше, остаться в аспирантуре, если твои родители (или ее) могут это оплатить, заиметь второго ребенка и таким образом наверняка выйти из списка призывников. Кроме того, докторская степень подоспеет и станет как профсоюзный билет, чтобы продвигаться по службе, получать жалование и пенсию.

Если не было беременной жены с обеспеченными родителями, то вернее всего вас охраняла полная негодность к службе. Неплохим средством являлось повреждение барабанной перепонки, но лучше была все-таки аллергия. Один из моих соседей ужасно страдал от астмы, которая длилась ровно до 26-го дня его рождения. Никакого притворства — у него было аллергия к призывным участкам. Еще одним способом освободиться было убедить армейского психиатра, что ваши способности более подходили Государственному Департаменту, чем армии. Более половины моего поколения были «негодны к несению воинской службы».

Я не думаю, что это беспрецедентно. Есть старая картина, изображающая толпу, пробирающуюся на санях по дремучему лесу и преследуемую волками. Время от времени люди хватают одного из своих и швыряют его волкам. Вот вам воинская повинность, даже если называть ее «отборочной службой» и прихорашивать ее чинами и «пособиями ветеранам», это означает выбрасывание кого-то волкам, в то время как остальные продолжают свою слепую погоню за гаражом на три машины, плавательным бассейном и верными-надежными пенсионными пособиями.

Я не стараюсь казаться лучше, чем другие; я и сам пытался урвать тот же гараж на три машины.

Мои родичи, однако, не могли помочь мне проучиться в колледже. Мой отчим был уоррент-офицером в ВВС, и все, на что его хва-

тало,— это купить обувь собственным детям. Когда его перевели в Германию, как раз перед моим выпускным классом в средней школе, и мне предложили переехать жить к сестре отца и ее мужу, мы оба испытали облегчение.

В смысле денег мне лучше не стало, поскольку мой дядюшка обеспечивал еще свою первую жену — по законам Калифорнии. Это очень похоже на положение раба в Алабаме до гражданской войны. Но мне причиталось 35 долларов в месяц как «остающемуся в живых иждивенцу умершего ветерана». (Не «сироте, потерявшему родителей на войне». То — другое дело, за которое платят больше). Моя мать была убеждена, что смерть родителя последовала от ран, но начальство, ведавшее делами ветеранов, считало по-другому, так что я был всего лишь «остающимся в живых иждивенцем».

35 монет в месяц не заполняли дыру, которую я проделывал в их бюджете, и молчаливо предполагалось, что, когда я окончу школу, я начну кормить себя сам. Отбывая свой срок на военной службе, без сомнения... Но у меня был свой план: я играл в футбол и закончил сезон выпускного класса с рекордом калифорнийской школы Центральной Долины по выигранным ярдам и со сломанным носом. Следующей осенью я устроился в местном колледже штата в качестве «уборщика спортзала», где на 10 долларов в месяц больше, чем то пособие, плюс гонорары.

Я не мог разглядеть своей цели, но план мой был ясен: держаться зубами и ногтями ног и получить диплом инженера. Уклоняться от призыва и брака. После выпуска получить работу, дающую отсрочку от призыва. Копить деньги и получить диплом юриста в придачу — потому что еще раньше, в Хомстеде (Флорида), учитель мне объяснил, что, хоть инженеры и неплохо зарабатывают, деньги и чины идут юристам. То есть я собирался выбиться в люди, да, сэр! Стать вровень с героями Горацио Алджера. Я бы прямехоньким путем рванул сразу к юридической степени, если бы не тот факт, что в моем колледже не изучали юриспруденцию.

В конце сезона моего второго года обучения упор на футбол был снят.

Мы провели сезон «блестяще» — ни единой победы. Гордон «Блеск» (то есть я в спортивных корреспонденциях) стоял первым по ярдам и по очкам; тем не менее мы с тренером потеряли работу. Нет, я «подметал спортзал» до конца года по баскетболу, фехтованию и легкой атлетике, но шеф, который оплачивал их счета, не был заинтересован в баскетболисте ростом всего шесть фунтов один дюйм *. Я провел то лето, пиная ногами воздух и пытаясь подыскать себе дело где-нибудь в другом месте. В то лето мне и стукнуло 21,

* Примерно 185 см.

и, как результат, мои 35 в месяц тоже отпали. Вскоре после Дня Труда * я отошел на заранее подготовленные позиции, то есть позвонил в свой призывной участок.

Я рассчитывал оттрубить годик в военно-воздушных силах, потом поступить по конкурсу в Академию ВВС — стать астронавтом и получить знаменитость взамен богатства.

Что ж, не всем суждено стать астронавтами. В ВВС уже набрали свою квоту или что там еще. Я так быстренько очутился в армии, что едва успел собрать манатки.

Тут я вознамерился стать лучшим секретарем капеллана во всей армии; я позаботился о том, чтобы «печатание на машинке» было занесено в список моих умений. Если бы мне было позволено выразить свое мнение, я хотел бы отслужить свой срок в Форт-Карсоне, перепечатывая черновики набело и посещая вечернюю школу где-нибудь на стороне.

Мне не было позволено выразить свое мнение.

Вы бывали в Юго-Восточной Азии? Флорида после нее кажется пустыней. Куда ни ступишь, всюду хлюпает. Основной транспорт здесь — танки-амфибии. В чащах полно насекомых и еще туземцев, которые в тебя стреляют. Войной это не было, это не было даже «Действиями по Наведению Порядка». Мы были «Военными Советниками». Однако Военный Советник, дня четыре провалявшийся мертвым в такой жаре, воняет точно так же, как обыкновенный труп в войне настоящей.

Меня повысили в звании до капрала. Меня повышали в звании 7 раз.

До капрала.

У меня было неправильное мировоззрение. Так сказал мой ротный. Мой родитель был из морской пехоты, а отчим — из ВВС; моим единственным стремлением в армии когда-то было стать писарем при капеллане где-нибудь в Штатах. Мне не понравилась армия. Моему ротному командиру армия не нравилась тоже; он был старшим лейтенантом, не выслужившимся до капитана, и каждый раз, как он начинал хандрить, капрал Гордон терял свои лычки.

В последний раз я их потерял из-за того, что сказал ему, что пишу письмо своему конгрессмену на предмет выяснения вопроса, почему меня, единственного солдата в Юго-Восточной Азии, собираются уволить по старости, вместо того, чтобы отослать домой по истечении срока. Это его так разозлило, что он не только разжаловал меня, но и отправился в джунгли и стал героем, а потом стал мертвецом. Так я и получил этот шрам через свой сломанный нос, потому что я тоже проявил героизм и мог бы получить медаль «За заслуги», если бы это кто-нибудь видел.

---

* Американский праздник

Пока я выздоравливал, меня решили отправить домой.

Майор Ян Хей где-то в «Войне за окончание войн» описал структуру военных организаций: вне зависимости от ТД * все военные бюрократии состоят из Отдела Внезапной Атаки, Отдела Грубой Шутки и Отдела Крестной Матери-Волшебницы. Большинством дел распоряжаются первые два, так как третий очень мал. Отдел Крестной-Волшебницы — это всего лишь одна пожилая женщина, служащая в Общей Службе 5 и обычно в отпуске по болезни.

Но когда она находится на рабочем месте, она иногда откладывает свое вязание, выбирает в списке одно из имен, проходящих через ее ведомство, и делает что-нибудь доброе. Вы видели, как меня с двух сторон пилили Отделы Внезапной Атаки и Грубой Шутки; на этот раз Отдел Крестной-Волшебницы выбрал рядового 1-го класса Гордона.

Следующий шаг был таков: узнав, что отправляюсь домой, как только подживет лицо (коричневый маленький брат не простерилизовал свой боло), я отправил заявку на демобилизацию в Висбаден, где жила моя семья, вместо Калифорнии, где был дом лишь по документам. Я не критикую коричневого младшего брата; он вовсе не хотел, чтобы я поправлялся. Ему бы это удалось, если бы он не занялся приканчиванием моего ротного, и ему хватило бы времени хорошенько поработать со мной. Не стерилизовал свой нож-штык и я, но он не жаловался, он просто вздохнул и распался надвое, как кукла, набитая опилками. Я чувствовал к нему благодарность; он не только подтасовал карты так, чтобы я выбрался из армии, он еще и подал мне грандиозную идею. Он и военврач нашей палаты.

Военврач сказал:

— Ты скоро поправишься, сынок. Но шрам у тебя останется, как у студента из Гейдельберга.

Что заставило меня задуматься — без диплома найти подходящую работу невозможно, как невозможно стать штукатуром, не будучи сыном или племянником кого-нибудь из профсоюза штукатуров. Но ведь дипломы бывают разные. Сэр Исаак Ньютон с дипломом такого провинциального колледжа, как мой, был бы на побегушках у Джо Криворукого — если бы у Джо был диплом европейского университета.

Почему бы не Гейдельберг? Я намеревался выдоить мое солдатское пособие; у меня уже это было на уме, когда я в тот раз поторопился позвонить в призывной участок.

По сведениям моей матери, в Германии все было дешевле. Может, я смог бы растянуть эти пособия вплоть до докторской степени. Herr Doktor Гордон mit шрамы на der лицо **, да еще из Гейдельбер-

---

* Театр действий.

**Господин доктор Гордон со шрамами на лице.

га! Это принесло бы тысчонки три лишних в год от любой ракетной компании.

Черт, я бы подрался пару раз на студенческих дуэлях и прибавил бы настоящие гейдельбергские шрамы в дополнение к своему красавчику. Фехтование было видом спорта, который мне здорово нравился (хотя таким, который меньше всего считался годным для «подметания спортзала»). Некоторые терпеть не могут ножей, сабель, штыков, всего острого; у психиатров есть для этого словечко: айхмофобия. Идиоты, которые гоняют машины по сотне миль в час по пятидесятимильным дорогам, тем не менее впадают в шок при виде обнаженного лезвия.

У меня в этом отношении хлопот не было, поэтому я жив, и именно в этом одна из причин, почему я постоянно опять попадал в капралы. «Военный Советник» не может позволить себе бояться ножей, штыков и прочего; он должен с ними справляться. Я их никогда не боялся, потому что я всегда был уверен, что могу обойтись с любым так, как тот намеревается обойтись со мной.

Я так и поступал всегда, за исключением того случая, когда промахнулся, проявляя героизм, да и это была не слишком скверная ошибка. Если бы я попробовал смыться вместо того, чтобы остаться и выпотрошить его, он разрубил бы мне позвоночник надвое. А так, он не успел на меня как следует замахнуться, и его тесак всего лишь чиркнул меня по физиономии, когда он стал распадаться, оставив меня с пренеприятной раной, в которую проникла инфекция задолго до того, как прилетели вертолеты. Инфекции я вовсе не чувствовал. У меня закружилась голова, я сел в грязь, а когда очнулся, врач вводил мне в кровь плазму.

Мне даже хотелось опробовать поскорее дуэль по-гейдельбергски. Тело, руку и шею обкладывают чем-нибудь мягким, на глаза, на нос и уши помещают стальную предохранительную маску — это вам не то, что встретить прагматика-марксиста в джунглях. Мне разок попадалась одна из тех штук, которыми фехтуют в Гейдельберге; это была легкая прямая сабля, острая вдоль лезвия и на несколько дюймов острая с другого бока — но с тупым концом! Игрушка, способная наносить красивые шрамы для обольщения девушек. И только!

Я достал карту, и что же вы думаете! Гейдельберг всего лишь в двух шагах от Висбадена. Поэтому я и запросил, чтобы меня высадили по мобилизации в Висбадене.

Палатный военврач сказал:

— Ты оптимист, сынок.— Но свои инициалы поставил.

Сержант медслужбы, заведующий документацией, сказал:

— Не может быть и речи, солдат.

Не скажу, что деньги перешли из рук в руки, но в резолюции, которую подписал начальник госпиталя, значилось: «Не возражаю».

Палата согласилась, что я упорно рвусь в психопаты: Милый Дядюшка * не катает вокруг света бесплатно рядовых 1-го класса.

Меня вынесло так далеко за горизонт, что расстояние было одинаковым как до Хобокена, так и до Сан-Франциско, но ближе к Висбадену. Однако политика требовала отправлять возвращающихся домой через Тихий. Военная политика как рак: никто не знает, откуда она берется, но плюнуть на нее нельзя.

Отдел Крестной Матери-Волшебницы очнулся на мгновение и коснулся меня своей волшебной палочкой.

Я уже собрался взобраться на борт корыта под названием «Генерал Джонс» курсом на Манилу, Тайпей, Йокогаму, Перл и Сиэтл, когда пришла депеша, разрешающая любой мой каприз и еще немножко. Я был направлен в европейский военный резерв США, Гейдельберг, Германия посредством попутного военного транспорта для демобилизации по моей просьбе, смотри примечание такое-то. Неиспользованные увольнения могут быть использованы или оплачены, смотри приложение этакое. Означенному лицу разрешалось возвращение во Внутреннюю Зону (Штаты) в любое время в пределах 12 месяцев со дня отъезда, без последующих правительственных расходов. Кавычки закрываются.

Сержант бумажных дел вызвал меня к себе и показал мне это с лицом, сияющим от невинного торжества.

— Только вот «попутного транспорта»-то и нет, солдат. Так что закидывай свою задницу на борт «Генерала Джонса». Ты отправляешься в Сиэтл, как я и сказал.

Я знал, что он имеет в виду: единственный транспорт ходил на запад редко-редко и отправился в Сингапур 36 часами раньше. Я уставился на свою депешу, раздумывая о кипящем масле и прикидывая, не задержал ли он ее у себя как раз настолько, чтобы я под ней не уплыл.

Я покачал головой.

— Я попытаюсь поймать «Генерала Смита» в Сингапуре. Будьте настоящим человеком, сержант, и оформите мне приказик на него.

— Твой приказик оформлен на «Джонса». В Сиэтл.

— Черт возьми,— сказал я задумчиво,— кажется, мне впору пойти показаться капеллану.

Я быстренько растворился, но не с тем, чтобы повидать капеллана. Я отправился на летное поле. Потребовалось пять минут, чтобы выяснить, что ни один пассажирский или американский военный самолет не вылетал на Сингапур в нужное для меня время.

Однако вечером в Сингапур вылетал австралийский военный транспортник. Австралийцы не являлись даже «Военными Советниками», но часто торчали неподалеку в качестве «Военных Наблюда-

---

* США

телей». Я отыскал штурмана этого самолета, лейтенанта ВВС, и выложил ему обстановку. Он расплылся в улыбке и сказал:

— Всегда найдется местечко еще для одного. Колеса поднимаем вскоре после чая, вероятно. Если старушка согласится взлететь.

Я знал, что согласится. У них была «Мокрая Курица», тип С-47, в основном из заплат, и один бог знает сколько миллионов миль. Она доберется до Сингапура на одном моторе, если ее попросить. Я понял, что счастье мне не изменило, как только разглядел эту присевшую на поле конструкцию из маскировочной пленки и клея.

Четырьмя часами позже я был в ее утробе, а шасси убрано.

Я отметился о прибытии на борт ВТС США «Генерал Смит» на следующее утро, изрядно промокший,— «Гордость Тасмании» прошлой ночью летела сквозь грозы, а главная слабость «Мокрых Куриц» в том, что они протекают. Но кто станет хаять прозрачный дождичек после грязищи джунглей? Корабль отправлялся в тот же вечер, что меня изрядно порадовало.

Сингапур похож на Гонконг, только плоский, одного дня было достаточно. Я выпил разок в старом «Рэффлз», другой в «Адельфи», побывал под дождем во Всемирном Парке развлечений, прошелся по Аллее Менял, зажав в одной руке деньги, в другой предписание, и купил билет Ирландского Тотализатора.

Я в азартные игры не играю, если вы согласны с тем, что покер — это искусство. Однако это было подношением богине фортуны, благодарностью за длинную полосу везения. Если бы она вздумала ответить 140 тысячами долларов США, я бы их ей в лицо не швырнул. А если нет... Ну, номинальная стоимость билета была один фунт, т. е. 2,80 американских доллара. Я заплатил 9 сингапурских долларов, или 3 американских,— невелика роскошь со стороны человека, только что выигравшего бесплатное кругосветное путешествие, не говоря уже о том, что он целым и невредимым выбрался из джунглей.

Но я тут же получил сполна на все свои три доллара, когда вылетел из Аллеи Менял, спасаясь от пары дюжин других ходячих банков, горящих желанием продать мне свои билеты за сингапурские доллары, любой вид валюты или мою шляпу, если я ее выпущу. Я добрался до улицы, подозвал такси и велел водителю отвезти себя к лодочному причалу. Это была победа духа над плотью, потому что я подумывал, не урвать ли мне шанс понизить колоссальное биологическое внутреннее давление. Добрый старый Гордон «Шрам-на-роже» ужасно долго играл в детство, а Сингапур — это один из Семи Греховных Городов, где можно достать все, что угодно.

Я не подразумеваю под этим, что остался предан Девушке с Соседнего Двора. Та юная леди там, дома, от которой я больше всего узнал о Мире, Плоти и Дьяволе, во время потрясных проводов в ночь перед тем, как меня забрили, порвала со мной, когда я еще был

новобранцем. Я чувствовал к ней благодарность, но не привязанность. Она вскоре вышла замуж, сейчас у нее двое детей, и все они не мои.

Настоящая причина моего биологического неудобства была в географии. У этих коричневых братишек, с которыми и против которых я воевал, у всех были коричневые сестрички, значительную часть которых можно было заполучить за определенную цену или даже pour l'amour ou pour le sport *.

Они в течение долгого времени были единственным блюдом в тамошнем меню. Медсестры — так они же офицеры, а редкие специалистки из вспомогательных служб, которые добирались туда из Штатов, блокировались даже прочнее, чем медсестры.

Я не имел ничего против коричневых сестричек из-за того, что они коричневые. Лицо у меня было такое же коричневое, как у них, за исключением длинного розового шрама. Я провел между нами черту из-за того, что они маленькие.

Во мне было 190 фунтов мускулов без капельки жира, и я никогда не мог себя убедить, что женщина ростом в 4 фунта 10 дюймов **, весом меньше 90 фунтов и лет двенадцати на вид — на самом деле взрослая, действующая по собственному желанию. Мне это представлялось чем-то вроде установленного законом обязательного изнасилования и приводило к психической импотенции.

Сингапур был похож на место, где можно было найти высокую девочку. Но когда я вырвался из Аллеи Менял, я вдруг невзлюбил людей, больших и маленьких, и отправился на корабль — и, вероятно, избавил себя от сифилиса, купидонова катара, мягкого шанкра, китайской гнили, триппера и ножного лишая — мудрейшее решение из всех сделанных мной с тех пор, как в 14 лет я не согласился бороться со средних размеров аллигатором.

Я по-английски сказал водителю, какой мне нужен причал, повторил то же по памяти на кантонезском (не слишком хорошо; в этом языке девять тонов, а все, что я учил в школе,— это французский и немецкий), я показал ему карту с отмеченным причалом и его названием, напечатанным по-английски и нарисованным на китайском.

Всем, кто сходил с корабля, давали подобную карту. В Азии любой шофер такси говорит по-английски достаточно, чтобы отвезти вас в район Красных Огней и в магазины, где можно «купить по дешевке». Но он ни в какую не может разыскать ваш причал или лодочную пристань.

Мой «шеф» послушал, глянул на карту и сказал:

— Ясно, приятель. Усвоил,— затем сорвался с места, обошел

---

* Полюбовно или из развлечения.

** Примерно 150 см.

угол на визжащих шинах, покрикивая тем временем на тележки разносчиков, на кули *, на детей и собак. Я расслабился, довольный, что нашел себе этого таксиста среди тысяч.

Вдруг я выпрямился на сиденье и заорал, чтобы он остановился.

Я должен кое-что объяснить: заблудиться я не могу.

Может, это талант «пси», вроде той чепухи, которую изучают в Дюке. Мама говаривала, что у ее сыночка «шишка направления». Назовите, как хотите, мне было шесть или семь, прежде чем до меня дошло, что другие могут заблудиться. Я всегда знаю, в какой стороне север, направление на пункт, куда я отправился, и расстояние до него. Я могу вернуться прямо или пройти по своим следам, даже в темноте и в джунглях. Это было главной причиной тому, что меня в свое время опять повышали до капрала и обычно пихали на сержантскую должность. Патрули, которые вел я, всегда возвращались — я имею в виду уцелевших.

Это было неплохо для городских мальчиков, которые и вообще-то не хотели торчать в тех джунглях.

Я заорал, потому что шофер вильнул направо, когда должен был вильнуть налево, и намеревался выйти под прямым углом на собственный след.

Он прибавил газу.

Я завопил снова. Он больше не понимал по-английски.

Ему пришлось остановиться из-за затора в движении, но не раньше, чем спустя несколько поворотов в одну милю. Я вылез, а он выскочил вслед за мной и стал вопить на кантонезском и показывать на счетчик своего такси. Нас окружили китайцы, подбавившие гаму, а малыши то и дело дергали меня за одежду. Я стоял, не снимая руки с денег, и всерьез обрадовался, заметив полицейского. Я заорал, чтобы привлечь его внимание.

Тот пробирался сквозь толпу, размахивая длинным жезлом. Он оказался индусом; я спросил его:

— Вы говорите по-английски?

— Конечно. И американский я понимаю.

Я объяснил ему мое положение, показал карту и сказал, что шофер посадил меня в Аллее Менял и гонял по кругу.

Фараон кивнул и заговорил с шофером на каком-то третьем языке — малайском, как мне показалось. Наконец фараон сказал:

— Он не понимает английского. Он думал, что вы велели ехать в Джохор.

Мост на Джохор находился на максимальном расстоянии от якорной стоянки, на которое можно уехать, оставаясь все же на острове Сингапур. Я сердито сказал:

— Черта с два он не понимает английского.

---

* Носильщики *(кит.)*.

Фараон пожал плечами:

— Вы его наняли, вы и должны заплатить, сколько на счетчике. Потом я объясню ему, куда вы желаете отправиться, и договорюсь об определенной плате.

— Да я скорее его в аду встречу, чем!..

— Это не исключено. Расстояние весьма незначительно в этом районе. Я считаю, что вам лучше уплатить. Плата при ожидании возрастет!

Бывают такие случаи, когда любой человек должен подняться за свои права, или он не сможет смотреть на себя в зеркало во время бритья. Я уже побрился, так что я мог заплатить 18,50 сингапурских долларов за то, что потерял час и оказался еще дальше от пристани. Шофер потребовал чаевые, но фараон заткнул ему глотку и позволил мне уйти вслед за собой.

Обеими руками я держал свои приказы и деньги, и билет Тотализатора, сложенный вместе с деньгами. Но ручка моя исчезла, а также сигареты, носовой платок и ронсовская зажигалка. Когда я ощутил призрачные пальцы на ремешке часов, я согласился на предложение фараона, что его кузен, человек честный, отвезет меня к пристани за определенную — и умеренную — плату.

«Кузен», как оказалось, как раз ехал за нами вдоль улицы. Полчаса спустя я был на борту корабля. Никогда мне не забыть Сингапур, один из самых поучительных городов.

ГЛАВА II

ДВА месяца спустя я был на Французской Ривьере. Отдел Крестной-Волшебницы охранял меня при переезде через Индийский океан, вверх по Красному морю вплоть до Неаполя. Я вел здоровый образ жизни, загорал и занимался физкультурой каждое утро, спал после полудня, вечером играя в покер.

На свете много людей, которые не знают шансов (слабых, но исчислимых) для улучшения покерной взятки при доборе карт, но горят желанием научиться. Когда мы добрались до Италии, у меня были отличный загар и кругленькая сумма на черный день.

В начале путешествия кто-то проигрался и захотел поставить на кон билет Тотализатора. После некоторых споров билеты Тотализатора стали валютой по цене номинала, 2,00 американских доллара за билет. Я закончил плавание с 53 билетами.

Чтобы попасть на самолет из Неаполя во Франкфурт, потребовались считанные часы. И тут Отдел Крестной-Волшебницы вернул меня Отделам Внезапной Атаки и Грубой Шутки.

Перед поездкой в Гейдельберг я смотался в Висбаден повидать маму, отчима и ребят — и обнаружил, что они только что уехали

в Штаты для переезда на базу ВВС в Эльмендорф на Аляске.

Так что я отправился для обработки в Гейдельберг и стал осматривать городок, пока разматывалась бумажная волокита.

Симпатичный городишко — статный замок, хорошее пиво и БОЛЬШИЕ девочки с розовыми щечками и фигурой, как у бутылки Кока-Колы — да, это, похоже, было приятным местечком для получения диплома. Я начал справляться о комнатах и прочем и познакомился с молодым фрицем со studenten-фуражкой и несколькими шрамами на лице, не красивее моего — дело шло к лучшему.

Я обсудил свои планы с первым сержантом из временно расквартированной там роты.

Он покачал головой:

— Ах ты, бедняжка!

Почему? Никаких армейских пособий Гордону — я не был «ветераном».

Неважно, что шрам. Неважно, что я уложил в боях больше народу, чем поместится в...— в общем, неважно. Та заварушка не была войной, и Конгресс не утвердил проект закона, предоставляющий пособия для получения образования нам, «Военным Советникам».

Возможно, это была моя собственная ошибка. Всю мою жизнь были кругом «армейские пособия» — да я даже сидел на одной скамейке в химической лаборатории с ветераном, который учился в школе по Закону об Армии.

Тот отцовски настроенный сержант сказал:

— Не принимай это близко к сердцу, сынок. Езжай домой, устройся на работу, подожди годок. Примут они этот закон и включат твой год, почти наверняка. Ты молод.

Вот в таком положении и очутился я на Ривьере, штатский, пробующий на зубок Европу перед тем, как воспользоваться правом убраться восвояси. О Гейдельберге не могло быть и речи. Да, жалование, которое я не мог потратить в джунглях, плюс накопленные увольнительные, плюс мои выигрыши в покер, вместе составили сумму, на которой в Гейдельберге я продержался бы с годик. Но ее ничем нельзя было растянуть до диплома. Я рассчитывал на мифический «Закон об Армии» как на прожиточный минимум, а на свою наличность — как на запас.

Мой (измененный) план был очевиден. Рвануть домой прежде, чем разрешенный мне год истечет,— рвануть прежде, чем откроется школа. Использовать имеющиеся деньги как плату за жилье Тете и Дяде, проработать следующее лето и посмотреть, что подвернется. Поскольку призыв уже надо мной не висел, я мог отыскать какой-нибудь способ продержаться этот последний год, даже если не смог стать «Herr Doktor Гордон».

Однако занятия начнутся не раньше осени, а пока была весна.

Я решительно намеревался поглядеть на Европу прежде, чем подставить свою шею под хомут; другой такой случай мне никогда не представится.

Для промедления была еще одна причина: билеты Тотализатора. Приближалось время жеребьевки лошадей.

Ирландский Тотализатор начинается, как лотерея. Сначала продают столько билетов, что ими можно оклеить большой Центральный вокзал. Ирландские больницы получают 25% и единственными наверняка выходят победителями. Незадолго до скачек проводится жеребьевка лошадей. Скажем, в список включается лошадей 20. Если на ваш билет не попадает какая-нибудь лошадь, то это туалетная бумага. (Ну, бывают небольшие утешительные призы.).

Но если вы сумели вытащить лошадь, вы еще не выиграли.

Некоторые лошади не выйдут на старт. Из тех, что выйдут, большинство скачет вслед за некоторыми. Однако любой билет, который вытягивает все равно какую лошадь, даже козу, которая едва способна доковылять до падка, внезапно приобретает стоимость в тысячи долларов в период между жеребьевкой и скачками. Сколько именно — зависит от того, насколько хороша лошадь. Но шансы высоки, случалось, что и худшая лошадь в заезде выигрывала.

У меня было 53 билета. Если хоть один из них вытягивал лошадь, я мог продать этот билет за сумму, достаточную для того, чтобы обеспечить себя в Гейдельберге на все время.

Так что я остался и поджидал жеребьевок.

Дорого жить в Европе необязательно. Молодежное общежитие и то роскошь для человека, выбравшегося из дебрей Юго-Восточной Азии, и даже Французская Ривьера обходится недорого, если подобраться к ней снизу. Я не задержался на La Promende des Anglais *; я получил в свое распоряжение крохотную комнатку двумя километрами вглубь от моря и четырьмя этажами выше, с правом пользоваться общим санузлом. В Ницце есть превосходные ночные клубы, однако постоянно их посещать необязательно, поскольку представления пляжной публики ничуть не хуже... и к тому же бесплатны. Я не представлял себе, каким высоким искусством может обладать танец с веерами, если бы не увидел, как молодая француженка умудрилась снять всю свою одежду и надеть бикини прямо на глазах у горожан, туристов, жандармов, собак — и у меня — и все это без грубых нарушений мягких французских mores **, касающихся «непристойного обнажения». Разве лишь на мгновения.

Да, сэр, на Французской Ривьере есть чем заняться и что посмотреть, не тратя денег.

Пляжи там ужасные. Камень. Но любые камни лучше, чем тря-

---

* Английский бульвар *(фр.)*.

** Нравов *(лат.)*.

сина джунглей, и я надевал плавки, наслаждался представлениями среди публики и добавлял загару. Стояла весна, туристский сезон еще не начался, толпы не было, но было по-летнему тепло и сухо. Я валялся на солнце и ощущал себя счастливым. Всем моим состоянием был ящик в сейфе «Американ Экспресс» * и парижское издание нью-йоркской «Геральд Трибюн» и «Звезды и Полосы». Последние я частенько перелистывал, чтобы посмотреть, как власти предержащие расставляют фишки в мире, потом искал, что новенького в той невойне, из которой меня только что выпустили (о ней обычно вообще не упоминали, а нам-то говорили, что мы «спасаем цивилизацию»). Потом я принимался за дела поважнее, то есть просматривал новости Ирландского Тотализатора, да лелеял надежду, что «Звезды и Полосы» вдруг объявят все это дурным сном и мне в конце концов дадут право на льготы в получении образования.

Потом шли кроссворды и объявления под рубрикой «Личное». Я всегда читаю «Личное»; оно как неприкрытый вид на частные жизни. Штучки типа: «М. Л. просит позвонить Р. С. до полудня». Или о деньгах. Просто удивительно, кто кому что сделал и кому заплатили.

Вскоре я обнаружил еще более дешевый способ проживания с прекрасными бесплатными представлениями. Вы слышали о Л'иль дю Левант? Это остров у побережья Ривьеры, между Марселем и Ниццей, очень похожий на Каталину. К одному его краешку прикреплена деревенька, а другой отгорожен французским флотом для его управляемых ракет; все остальное — это холмы, пляжи и гроты. Нет ни автомобилей, ни даже велосипедов. Люди, которые отправляются туда, не хотят, чтобы им что-то напоминало о внешнем мире.

За 10 долларов в день здесь можно насладиться роскошью, равной 40 долларам в день в Ницце. Или можно платить по пять центов в день за палатку и жить на доллар в день — как делал я, а когда надоест готовить, всегда можно найти хороший дешевый ресторанчик.

Это, кажется, такое место, где нет никаких правил. Постойте-ка, одно есть. У границы деревушки Гелиополиса стоит знак: Le Nu Integral Est Formellement INTERDIT («Абсолютная нагота строго воспрещается»).

Это означает, что любой, будь то мужчина или женщина, обязан надеть какой-нибудь треугольник ткани, cache-sexe **, джи-стринг, прежде чем войти в деревню.

Во всех других местах, на пляжах, в кемпингах и по всему острову, ни черта носить необязательно. Никто и не носит.

---

* Бюро обслуживания туристов.

** Плавки *(фр.)*.

Не считая отсутствия автомобилей и одежды, остров Левант похож во всем на типичный уголок провинциальной Франции. Пресной воды не хватает, но французы воды не пьют, мыться можно в Средиземном море, а на франк можно купить столько пресной воды, что хватит на полдюжины обтираний губкой (чтобы смыть с себя соль). Садитесь на поезд в Ницце или Марселе, слезьте в Тулоне и сядьте на автобус до Лаванду, потом на лодке (час с небольшим) до Л'иль дю Левант... и забудьте про все заботы вместе с одеждой.

Я выяснил, что могу покупать вчерашний номер «Геральд Трибюн» в деревне, в той же лавке («Au Minimum», мадам Александр), где я арендовал палатку и все необходимое для жизни на свежем воздухе. Провизию я закупал в La Brize Marine *, а лагерем расположился над La plage des Grottes **, где удобно устроился и позволил расслабиться нервам, наслаждаясь тем временем сценками среди публики.

Есть такие, кто с пренебрежением относится к божественным женским формам. Секс для них слишком изыскан; им надо было родиться устрицами. На всех молодых женщин приятно смотреть (включая маленьких коричневых сестренок, хоть они меня и пугали); единственная разница в том, что одни выглядят чуть получше, чем другие. Одни полные, другие худые, одни старше, другие моложе. Там некоторые смотрелись, как будто только что вышли из «Ле Фоли Бержер». Я познакомился с одной из таких, и был недалек от истины; она оказалась шведкой, выступавшей в голом виде в каком-то там парижском обозрении. Я совершенствовал с ней французский, а она со мной английский, и она пообещала приготовить мне шведский обед, если меня занесет в Стокгольм, а я приготовил ей обед на спиртовке, и у нас кружилась голова от «vin ordinaire»***, и она захотела узнать, откуда у меня такой шрам, и я рассказал несколько небылиц. Мархатта хорошо действовала на нервы старого солдата, и я опечалился, когда ей пришло время уехать.

Но представление в публике продолжалось. Тремя днями позже я сидел на Пляже с Гротами, откинувшись на валун и разглядывая кроссворд, как чуть не окосел при попытке вытаращить глаза на достойнейшую в этом плане особу из всех, которых мне приходилось видеть в своей жизни.

Женщину или девушку — с уверенностью сказать я не мог. На первый взгляд я дал ей лет восемнадцать, может, двадцать; позже, когда я смог смотреть ей прямо в лицо, она все же выглядела на восемнадцать, но могла бы быть и сорока. Или старше сорока. У нее не было возраста, как у всякой совершенной красоты. Как Елена

---

* Морской ветер *(фр.)*.

** Пляж с гротами *(фр.)*.

*** Дешевое красное вино *(фр.)*.

Троянская или Клеопатра. На вид она и могла бы быть Еленой Троянской, однако я знал, что Клеопатрой она быть не может, потому что она была не рыжая; она была от природы блондинкой. Тело ее было цвета поджаренного гренка без всяких следов бикини, и волосы ее были того же оттенка на два тона светлее. Ничем не удерживаемые, они лились изящными волнами по ее спине, и было похоже, что ножницы их никогда не касались.

Она была высокого роста, не намного ниже меня, и не слишком легче по весу. Не полная, вовсе не полная, за исключением тех изящных отложений, которые облагораживают тело женщины, скрывая лежащие глубже мышцы — я был убежден, что мышцы у нее есть; в ней чувствовалась мощь расслабившейся львицы.

Плечи ее были широки для женщины, такой же ширины, как и ее женственные (роскошные) бедра; талия ее казалась бы полной у женщины поменьше ростом, у нее она была восхитительно стройна. Живот ее ничуточки не провисал и нес идеальный двухкупольный изгиб, в котором угадывалось прекрасное состояние мускулов. Ее груди — только ее большая грудная клетка могла поместить в себе груди такой величины так, чтобы не возникало впечатления «хорошо, но много». Они были высоки и упруги, колыхались лишь самую малость, когда двигался весь корпус, а на их вершинах коронами лежали розовые, с коричневым отливом, конфетки, которые явно были сосками, причем женскими, а не девичьими.

Пупок ее был той жемчужиной, которую воспели персидские поэты. Ноги ее были несколько длинноваты для ее роста; кисти и ступни тоже не были маленькими. Однако все было стройно и мило. Она была изящна, как ни посмотри; и невозможно было представить ее в неизящной позе. При этом она была так гибка и подвижна, что, вроде кошки, могла изогнуться, как угодно.

Ее лицо... Как можно описать совершенную красоту иначе, чем сказать, что когда ее увидишь, не ошибешься? Большой рот чуть растянут в призрачную улыбку, даже тогда, когда в общем черты ее спокойны. Пухлые губы ее были яркими, но если она и использовала какой-то грим, он был нанесен так искусно, что я не мог его обнаружить — и одно это могло бы выделить ее из толпы, потому что в тот год все остальные женские особи носили «континентальный» грим, искусственный, как корсет, и бесстыдный, как улыбка проститутки.

Нос у нее был прямой и своим размером соответствовал ее лицу, отнюдь не кнопка. А ее глаза...

Она усекла, что я на нее пялюсь. Несомненно, женщины не против того, чтобы на них смотрели, и, раздетые, ожидают этого так же, как и одетые в бальное платье. Но открыто глазеть невежливо. Я прекратил поединок по истечении первых же десяти секунд и пытался только запомнить ее, каждую линию, каждый изгиб.

Она устремила на меня ответный взгляд, и я начал краснеть, но

не мог отвести глаз. Глаза ее были такой глубокой голубизны, что казались темными, темнее, чем мои собственные карие глаза.

Я сипло сказал:

— Pardonnez-moi, ma'm'selle,— и сумел наконец оторвать от нее глаза.

Она ответила по-английски:

— О, я не против. Смотрите сколько угодно,— и осмотрела меня так же внимательно, как я изучал ее. Голос ее был теплым, чистым контральто, удивительно глубоким в самом нижнем регистре.

Она сделала два шага по направлению ко мне и остановилась почти надо мной. Я начал было подниматься, но она жестом велела мне остаться сидеть, жестом, который подразумевал подчинение, как будто она с детства привыкла отдавать только приказы. Легкое дуновение донесло до меня ее аромат, и я весь покрылся гусиной кожей.

— Вы американец.

— Да,— я был уверен, что она не американка, и в равной степени убежден, что и не француженка. У нее не только не было ни следа французского акцента, но еще и... ну, в общем, француженки всегда держатся, по крайней мере, немного вызывающе. Это не их вина, этим пропитана французская культура. А в этой женщине не было ничего вызывающего — за исключением того, что само ее существование было подстрекательством к мятежу.

Однако, хоть она и не вела себя вызывающе, у нее был совершенно редкий дар создания мгновенного сближения. Она заговорила со мной так, как мог бы говорить старый друг, как если бы мы были друзьями, знающими самые слабые струнки друг друга и разговаривающими tête-a-tête без всяких натяжек. Она расспрашивала меня обо мне самом, причем некоторые вопросы были довольно интимными, а я честно отвечал на все, и мне ни разу не пришло в голову, что у нее нет никакого права выспрашивать меня. Она не спросила только моего имени, и я — ее. Я вообще не задал ей ни одного вопроса.

Наконец она закончила и снова, внимательно и критически, осмотрела меня. Потом она задумчиво сказала:

— Вы очень красивы,— и добавила: — Au'voir *,— повернулась и ушла по пляжу к воде. И уплыла.

Я был слишком ошарашен, чтобы пошевельнуться. Никто никогда не называл меня «симпатичным» даже до того, как я сломал нос. А уж красивым!..

Не думаю, что я добился бы чего-нибудь, пытаясь гнаться за ней, даже если бы я подумал об этом вовремя. Эта подружка умела плавать.

---

* До свидания *(фр.)*.

ГЛАВА III

Я ПРОТОРЧАЛ на пляже до захода солнца, ожидая, что она вернется. Потом я наскоро поужинал хлебом с сыром и вином, натянул свою джи-стринг и отправился в город. Там я прочесал бары и рестораны, поминутно заглядывая в окна коттеджей, где только они не были занавешены, но не нашел ее. Когда все быстро начали закрываться, я отступился, вернулся в свою палатку, изругал себя за восемь видов идиотизма (и почему я не мог сказать: «Как вас зовут, и где вы живете, и где вы остановились ТУТ?»), залез в мешок и уснул.

Поднялся я на рассвете, проверил plage *, съел завтрак, снова проверил plage, «оделся» и ушел в деревню, проверил магазины и почту и купил свою «Геральд Трибюн».

И тут я оказался лицом к лицу с одним из самых трудных решений в моей жизни: я вытащил на свой билет лошадь.

Сначала я не был уверен, потому что не запомнил наизусть все те 53 серийных номера. Мне пришлось снова бежать в палатку, откапывать их список и проверять — и все подтвердилось! Это был номер, который засел в памяти из-за своей необычности: № XDY34555. Я вытащил лошадь.

Что означало несколько тысяч долларов, сколько точно — я не знал. Но достаточно, чтобы я мог продержаться в Гейдельберге... если я продам его тут же. «Геральд Трибюн» здесь всегда была за вчерашнее число. Это означало, что жеребьевка прошла, по крайней мере, два дня назад — а за это время та скотина могла сломать ногу или быть вычеркнута по девяти другим причинам. Мой билет был стоящими деньгами только пока Счастливая Звезда значилась в списке участников.

Мне надо было сломя голову лететь в Ниццу и выяснить, где и как можно получить наивысшую цену за счастливый билет. Выковырнуть билет из своего сейфа и продать его!

НО КАК ЖЕ С ЕЛЕНОЙ ТРОЯНСКОЙ?

Шейлок со своим криком разрываемой души: «О, дочь моя! О, мои дукаты!» был не больше раздвоен, чем я.

Я пошел на компромисс. Я написал страдальческую записку, в которой называл себя, сообщал ей, что меня внезапно вызвали, и умолял ее или подождать, покуда я не вернусь на следующий день, или, в самом крайнем случае, оставить письмо с сообщением, как ее найти. Я оставил ее у заведующей почтой вместе с описанием блондинки — вот такого роста, волосы вот такой длины, изумительная poitrine *— и двадцатью франками с обещанием дать вдвое больше,

---

* Пляж *(фр.)*.

** Грудь *(фр.)*.

если она вручит письмо и получит ответ. Почтмейстерша сказала, что никогда ее не видела, но что если cette grande blonde * только ступит ногой в деревню, записка будет ей вручена.

После этого у меня осталось время только на то, чтобы рвануть обратно, одеться во внеостровную одежду, перетащить все снаряжение к мадам Александр и поспеть на лодку. С этого момента у меня было три часа, пока я добирался, на раздумья.

Вся беда заключалась в том, что Счастливая Звезда была, в общем-то, не клячей. Моя лошадка оценивалась не ниже чем пятая или шестая, вне зависимости от того, кто составлял список. Ну так что? Остановиться, пока выигрываю, и снять пенки?

Или пойти ва-банк?

Решить было нелегко. Предположим, я мог бы продать билет за $ 10 000. Даже если бы я не пытался на кривой объехать налоги, я все же получил бы большую их часть и смог бы проучиться в школе.

Но я же и так собирался пройти школу — а вот хотел ли я на самом деле учиться в Гейдельберге? Тот студент с дуэльным шрамом был пижоном со своей липовой гордостью от мнимой опасности.

Предположим, я уперся и урвал большой приз, 50000 фунтов или 140 000 долларов.

Знаете, сколько налога платит холостяк на 140 тыс. долларов в Земле Храбрых и на Родине Свободных?

103 тыс. долларов, вот сколько он платит.

Так что ему остается $ 37 000.

Хочу ли я поставить на примерно $ 10 000 против шанса выиграть $ 37 000 — с перевесом как минимум 15 к 1 не в мою пользу?

Ребята, это как выход на внутреннюю финишную прямую на ипподроме. Принцип тот же, будь то 37 кусков или игра в картишки по маленькой.

Но, предположим, я изобрету какой-нибудь способ обойти налоги, поставив таким образом на пари $ 10 000, чтобы выиграть 140 000? Это приводило потенциальную прибыль в соответствие с шансами — а 140 000 были не просто суммой для учебы в колледже, а состоянием, которое могло приносить 4 или 5 тысяч в год до конца дней.

Я не «обманул» бы Милого Дядюшку; у США было не больше моральных прав на эти деньги (если бы я выиграл), чем у меня на Священную Римскую Империю. Что сделал Милый Дядюшка для МЕНЯ? Он расколошматил жизнь моего отца двумя войнами, одну из которых нам не разрешили выиграть,— и тем самым сделал почти невозможным получение для меня высшего образования, если даже не учитывать того неуловимого «нечто», чего может стоить отец,

---

* Эта крупная блондинка *(фр.)*.

для духа сына (я не знал, я никогда не узнаю!),— потом он выдрал меня из колледжа и послал меня сражаться в другой невойне и почти, черт возьми, убил меня и украл у меня мой невинный девичий смех.

Так какое же у Милого Дядюшки право отхватить $ 103 000 и оставить мне меньшую часть? Чтобы он мог «одолжить» их Польше? Или отдать Бразилии? А, в задницу!

Был способ сохранить все (если бы я выиграл) — законный, как брак. Съездить положить в старое маленькое свободное от налогов Монако на годик. Потом можно ехать с деньгами куда угодно.

Может быть, в Новую Зеландию. В «Геральд Трибюн» были более обычные заголовки, чем всегда. Было похоже на то, что мальчишки (просто большие, шаловливые мальчишки!), которые управляют этой планетой, собираются затеять ту, главную, войну, с МКБР * и водородными бомбами, в любую минуту.

Если забраться на юг аж до Новой Зеландии, то, может быть, там что-нибудь и осталось бы после того, как радиоактивные осадки осядут.

Ходят слухи, что Новая Зеландия очень красива, и говорят, что тамошний рыбак считает пятифунтовую форель слишком маленькой для того, чтобы тащить ее домой.

Я однажды поймал двухфунтовую форель.

Примерно в этот момент я сделал жуткое открытие. Я не хотел возвращаться в школу, неважно — победа, поражение или ничья. Мне уже было абсолютно наплевать на трехмашинные гаражи и плавательные бассейны, да и на любой другой символ положения или неприкосновенности. В этом мире НЕ БЫЛО безопасности, и только чертовы дураки и мыши думали, что она может быть.

Где-то там, в джунглях, я стряхнул с себя все амбиции такого рода. Слишком часто в меня стреляли; я потерял интерес к супермаркетам и внегородским подразделениям и к «сегодня обед в УРА **, не забудь, дорогой, ты обещал».

О нет, я не собирался залечь в монастырь. Я все еще хотел...

А ЧЕГО я хотел?

Я хотел яйца птицы Рух. Я хотел гарема, полного прекрасных одалисок, значащих меньше, чем пыль под колесами моей колесницы, меньше, чем ржавчина, которая никогда не запятнает моего меча. Я хотел красного золота в самородках величиной с кулак и скормить этого вшивого захватчика заявки лайками! Я хотел встать утром, чувствуя бодрость, выйти наружу и сломать несколько копий, потом выбрать приглянувшуюся девчонку для своего droit du seigneur *** — я хотел стать бароном и приказать ему не сметь тро-

* Межконтинентальная баллистическая ракета.

** Учительско-родительская ассоциация.

*** Право первой ночи *(фр.)*.

гать моей девчонки! Я хотел слушать, как багровая вода бормочет у кожи «Нэнси Ли» в прохладе утренней вахты, когда не слышно ни единого звука и ничто не движется, кроме альбатроса, который, медленно взмахивая крыльями, следует за нами всю последнюю тысячу миль.

Я хотел мчащихся лун Барсума *. Я хотел Сторизенде и Пуактема, и чтобы Холмс, будя, тряс меня за плечо со словами: «Игра начинается!» Я хотел плыть до Миссисипи на плоту и ускользать от толпы вместе с Герцогом Билджуотерским и Пропавшим Дофином.

Я хотел Пресвитера Джона и Экскалибура, который лунно-белая рука поднимает из вод молчаливого озера. Я хотел плыть вместе с Уллисом и Тросом Самофракийским и «кушать лотосы в стране, казавшейся мне вечным днем». Я хотел чувства романтики и ощущения чуда, которое я знал, когда был ребенком. Я хотел, чтобы мир был таким, как мне обещали в детстве, он будет — вместо того мишурного, мелочного, загаженного бардака, каков он сейчас.

Мне предоставлялся один шанс — на десять минут вчера днем. Елена Троянская, каково бы ни было настоящее имя... И ведь я это знал... И я позволил шансу ускользнуть.

Может, один шанс только всего и можно получить.

Поезд прибыл в Ниццу.

Попав в контору «Американ Экспресс», я прошел в банковский отдел к своему ящику в сейфе, нашел билет и сверил номер со списком в «Геральд Трибюн» — XDY34555, точно! Чтобы остановить дрожь, я проверил другие билеты. Они оказались мусором, как я и думал. Я запихнул их обратно в ящик и попросил, чтобы меня проводили к управляющему.

У меня была финансовая проблема, а «Американ Экспресс» — это банк, а не просто бюро путешествий. Меня проводили в кабинет управляющего, и мы обменялись именами.

— Мне нужен совет,— сказал я.— Видите ли, у меня на руках один из выигрышных билетов Тотализатора.

Он расплылся в улыбке.

— Поздравляю вас! Вы первый человек за долгое время, который вошел сюда с добрыми новостями вместо жалобы.

— Спасибо. Э-э, проблема моя вот в чем. Я знаю, что билет, который выигрывает лошадь, стоит довольно приличную сумму вплоть до самих скачек. В зависимости от лошади, конечно.

— Конечно,— согласился он.— Какую лошадь вы вытащили?

— Весьма недурную, Счастливую Звезду — и вот в этом-то и трудность. Если бы мне досталась Эйч-Бом или любая из трех фаво-

* Название Марса в романах Э. Р. Берроуза.

риток — ну, вы понимаете, как обстоят дела. Я не могу решить, продать или держаться, потому что я не знаю, как рассчитать шансы. Вы не в курсе, что предлагают за Счастливую Звезду?

Он соединил кончики пальцев.

— Мистер Гордон, «Американ Экспресс» не занимается обработкой сведений о скачках лошадей и не выступает посредником при продаже билетов Тотализатора. Однако у вас с собой этот билет?

Я вынул билет и передал ему. Билет побывал во многих покерных играх и был запачкан потом и смят. Но счастливый номер не был поврежден.

Он посмотрел на него.

— У вас есть квитанция?

— Она не при мне.

Я начал объяснять, что дал адрес моего отчима и что почта моя была переправлена на Аляску. Он остановил меня.

— Это неважно,— он ткнул переключатель.— Элис, вы не попросите мсье Рено зайти ко мне на минутку?

Я раздумывал, так ли это на самом деле неважно. У меня хватило ума записать имена и места нового назначения у первоначальных обладателей билетов, и каждый пообещал выслать квитанцию мне, когда получит ее, но до меня не дошла ни одна квитанция. Может быть, на Аляске — я проверил этот билет, когда вынимал ящик,—его купил какой-то сержант, находящийся сейчас в Штудгарте. Может, мне придется заплатить ему что-нибудь, а может, придется ломать ему руки.

Мсье Рено выглядел как усталый школьный учитель.

— Мсье Рено — наш эксперт по такого рода делам,— объяснил управляющий.— Вы позволите ему исследовать ваш билет?

Француз посмотрел на билет, потом глаза у него загорелись, он залез в карман, извлек оттуда лупу ювелира, вставил ее себе в глаз.

— Отлично,— сказал он одобрительно.— Один из лучших. Вероятно, Гонконг?

— Я купил его в Сингапуре.

Он кивнул и улыбнулся.

— Из этого логически следует...

Управляющий не улыбался. Он сунул руку к себе в стол, вытащил еще один билет Тотализатора и вручил его мне.

— Мистер Гордон, вот этот я купил в Монте-Карло. Не сравните ли вы их?

На мой взгляд, они были похожи, за исключением серийных номеров и того, что его билет был хрустким и чистым.

— Что я должен искать?

Может быть, вот это поможет?

С предложил мне большое увеличительное стекло.

Билеты Тотализатора печатаются на специальной бумаге, выполняются в нескольких цветах и на них гравируется портрет. Это лучшее произведение гравировального и печатного дела, чем те, которыми многие страны пользуются в качестве бумажных денег.

Я давно понял, что нельзя изменить двойку на туза, сколько на нее ни пялься. Я отдал обратно его билет.

— Мой поддельный.

— Я так не сказал, мистер Гордон. Я предлагаю, чтобы вы воспользовались посторонним мнением. Скажем, в конторе «Бэнк оф Франс».

— Мне и так все видно. Гравировочные линии на моем нерезкие и неровные. Они прерываются в нескольких местах. Под стеклом печать выглядит смазанной.

Я повернулся.

— Верно, мсье Рено?

Эксперт соболезнующе пожал плечами.

— Это великолепная работа, в своем роде.

Я поблагодарил их и вышел наружу. Я сверился в «Бэнк Франс», не потому что я сомневался в заключении, но потому что нельзя согласиться на ампутацию ноги или выбросить $ 140 000 без стороннего мнения. Их эксперт не стал возиться с лупой.

— Contrefait *,— объявил он.— Ничего не стоит.

Отправиться обратно на Л'иль дю Леван в тот же вечер было невозможно. Я пообедал, а потом разыскал свою бывшую квартирную хозяйку. Моя клетушка для швабр пустовала, и она позволила мне переночевать в ней. Бодрствовал я недолго.

Я был не так угнетен, как ожидал. Я чувствовал себя расслабленно, почти облегченно. На какое-то время у меня появилось чудесное ощущение того, что я богат. Я почувствовал дополнение к нему: тревоги от богатства. Оба ощущения были интересны, и мне не хотелось их повторять, во всяком случае, сразу.

Теперь тревог у меня не было. Единственной, требующей решения проблемой была — когда отправиться домой, а при такой дешевизне жизни на острове спешки не было. Единственным, что меня волновало, было то, что мой поспешный отъезд в Ниццу мог явиться причиной того, что я упущу Елену Троянскую, cette grande blonde! Si grande... si belle... si majestu ouse!**. Я уснул с мыслями о ней.

Я намеревался успеть на утренний поезд, а потом на первую же лодку. Но прошлый день высосал большинство моей наличности, да еще я свалял дурака, не сообразив заправиться наличными, когда был в «Американ Экспресс». К тому же я не спросил про почту. Почты я никакой не ожидал, кроме как от своей матери да, может, еще

---

* Подделка *(фр.)*.

** Такую великолепную, такую прекрасную, такую величавую *(фр.)*.

от тетки единственного близкого друга, который был у меня в армии и которого убили шесть месяцев тому назад. Ну да все равно, уж коли нужно ждать денег, можно забрать и почту.

Для начала я угостил себя роскошным завтраком. Французы думают, что человек может выстоять день на цикории и молоке да на сдобной булочке, что, возможно, и объясняет их дерганую политику. Я выбрал кафе на тротуаре рядом с большим киоском, единственным в Ницце, в котором имелись в продаже «Звезды и Полосы» и где «Геральд Трибюн» поступала в продажу, как только ее завозили; заказал дыню, cafe complet на ДВОИХ и omelette aux herbesfines *, и поудобнее устроился насладиться жизнью.

Когда прибыла «Геральд Трибюн», моего сибаритского удовольствия поубавилось. Заголовки были хуже, чем всегда; они напомнили мне, что мне еще как-то придется бороться с миром: не мог я вечно оставаться на Л'иль дю Леван.

Но почему бы не оставаться там, покуда только возможно? Мне все еще не хотелось идти в школу, а путь к заветному гаражу на три машины был так же безнадежен, как тот билет Тотализатора. Если Мировая Война № 3 собиралась подняться волной кипятка, не имело никакого смысла становиться инженером с 6 или 8 тысячами в год где-нибудь в Санта-Монике только затем, чтобы тебя накрыл огненный шторм.

Было бы лучше пожить на полную катушку, собирать прелестные бутоны, разбирать по косточкам день минувший, с долларами и временем под рукой, потом... Ну потом, может вступить в морскую пехоту, как мой батя. Может, я смог бы выслужиться до капрала — и не быть разжалованным.

Я перелистнул газету на колонку «Личное».

Она была довольно недурна. Кроме обычных предложений чтения тайников души и как выучиться йоге и завуалированных посланий от одного набора инициалов другому, было несколько новинок. Таких, как: ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ! ВЫ ЗАМЫШЛЯЕТЕ САМОУБИЙСТВО? ПЕРЕДАЙТЕ МНЕ АРЕНДУ НА ВАШУ КВАРТИРУ, И Я СДЕЛАЮ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВАШЕЙ ЖИЗНИ РАЙСКИМИ. ЯЩИК 323, Х-Т.

Или: ИНДУССКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН, НЕ ВЕГЕТАРИАНЕЦ, ЖЕЛАЕТ ВСТРЕЧИ С ОБРАЗОВАННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ, АФРИКАНСКОЙ ИЛИ АЗИАТСКОЙ ЛЕДИ, ВЛАДЕЮЩЕЙ СПОРТИВНЫМ АВТОМОБИЛЕМ. ЦЕЛЬ: УЛУЧШЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ЯЩИК 107.

Как этим заниматься в спортивной машине?

---

* Омлет с приправами, специями.

Одно было зловещим: ГЕРМАФРОДИТЫ ВСЕХ СТРАН, ВОССТАНЬТЕ! ВАМ НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ, КРОМЕ СВОИХ ЦЕПЕЙ. ТЕЛ. Opera 59-09.

Следующее начиналось: ВЫ ТРУС?

Ну, в общем, да, конечно. Если можно. Если есть свобода выбора. Я стал читать дальше: ВЫ ТРУС? ЭТО НЕ ДЛЯ ВАС. НАМ КРАЙНЕ НУЖЕН СМЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК. ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ 23—25 ЛЕТ С АБСОЛЮТНЫМ ЗДОРОВЬЕМ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, 6 ФУТОВ РОСТОМ, ВЕСИТЬ ОКОЛО 190 ФУНТОВ *, СВОБОДНО ГОВОРИТЬ ПО-АНГЛИЙСКИ И НЕМНОГО ЗНАТЬ ФРАНЦУЗСКИЙ, ИСКУСНО ОБРАЩАТЬСЯ С ЛЮБЫМ ОРУЖИЕМ, ОБЛАДАТЬ НЕКОТОРЫМ ЗНАНИЕМ ОСНОВ ИНЖЕНЕРНОГО ДЕЛА И МАТЕМАТИКИ, БЫТЬ ГОТОВЫМ К ПУТЕШЕСТВИЯМ, БЕЗ СЕМЬИ ИЛИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРИВЯЗАННОСТЕЙ, БЕЗУКОРИЗНЕННО ХРАБРЫЙ И КРАСИВЫЙ ЛИЦОМ И ФИГУРОЙ. ПОСТОЯННАЯ РАБОТА, ОЧЕНЬ ВЫСОКАЯ ОПЛАТА, НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ОГРОМНЫЕ ОПАСНОСТИ. ВАМ НЕОБХОДИМО ОБРАТИТЬСЯ ЛИЧНО, № 17, УЛ. ДАНТЕ, НИЦЦА, 2-й ЭТАЖ, КВ. Д.

Требование насчет лица и фигуры я прочитал с громадным облегчением. На какую-то головокружительную долю секунды мне показалось, что некто с вывихнутым чувством юмора нацелил прямо на меня грубую шутку. Кто-то, кто знал мою привычку читать «личное».

Адрес тот был всего в сотне метров от места, где я сидел. Я прочитал объявление еще раз.

Потом я заплатил addition, оставил рассчитанные чаевые, сходил к киоску и купил «Звезды и Полосы», пешком прошелся до «Американ Экспресс», получил деньги и забрал почту и отправился на вокзал. До следующего поезда на Тулон было больше часа, так что я зашел в бар, заказал пиво и сел почитать.

Мама жалела о том, что я разминулся с ними в Висбадене. В ее письме подробно перечислялись болезни детей, высокие цены на Аляске и сквозило сожаление, что им пришлось покинуть Германию. Я запихнул письмо в карман и взял «Звезды и Полосы».

Вскоре я читал: ВЫ ТРУС? То же самое объявление до самого конца.

Я недовольно швырнул газету на столик.

Было еще три других письма. Одно приглашало меня внести вклад в атлетическую ассоциацию моего бывшего колледжа; второе

---

* Примерно 76 кг.

предлагало мне совет в выборе мест, куда вложить сбережения, по особому тарифу, всего за $ 48 в год; последнее было простым конвертом без марки, очевидно, переданным из рук в руки в «Американ Экспресс».

В нем находилась только вырезка из газеты, начинавшаяся словами: ВЫ ТРУС?

Объявление было такое же, как и два предыдущих, за исключением того, что в последнем предложении одно слово было подчеркнуто: Вам необходимо обратиться ЛИЧНО...

Я рванул, пуская всем пыль в глаза, на такси на улицу Данте. Если действовать быстро, то времени хватало, чтобы расшифровать эти «классики» и все же поспеть на тулонский поезд. № 17 оказался без лифта; я помчался наверх и, когда уже подходил к квартире Д, встретил выходящего оттуда молодого человека. Он был шести футов роста, красив и лицом и фигурой и по виду был похож на гермафродита.

Буквы на двери гласили: Д-Р БАЛЬЗАМО — ПРИЕМ ПО ЗАПИСИ, на французском и английском. Имя на слух было знакомо и смутно фальшиво, но я не стал останавливаться, чтобы поразмыслить; я рванулся дальше внутрь.

Контора была внутри заставлена особым способом, известным только старым французским законникам и упаковочным крысам. За письменным столом сидел какой-то похожий на гнома тип с веселой ухмылкой, жесткими глазами, ободком растрепанных седых волос и самыми розовыми лицом и скальпом, которые мне доводилось видеть. Он посмотрел на меня и хихикнул:

— Милости просим! Так это ВЫ герой?

Внезапно он выхватил револьвер в половину его роста и равный ему по весу и наставил его на меня. В такое дуло мог бы свободно заехать фольксваген.

— Я не герой,— злобно сказал я.— Я трус. Я просто зашел сюда, чтобы выяснить, в чем заключается шутка.

Я отклонился, шлепнув при этом в другую сторону руку с этим чудовищным арторудием, рубанул ему по запястью и подхватил его. Потом я отдал револьвер ему.

— Не играйте с этой штукой, или я вставлю вам его, откуда ноги растут. Я тороплюсь. Вы доктор Бальзамо? Вы поместили то объявление?

— Ах-ах-ах,— сказал он, ничуть не разозлившись,— импульсивный юноша. Нет, доктор Бальзамо находится там.

Движением бровей он указал на две двери в стене слева, потом ткнул кнопку звонка на своем столе — единственный предмет во всей комнате моложе наполеоновских времен.

— Входите, она вас ждет.

— «Она»? В какую дверь?

— А, Красавица или Тигр? А не все ли равно? В конце-то концов? Герой сам узнает. Трус выберет другую дверь, будучи уверен, что я лгу. Allez-y! Vite, vite! Schnell *. Катись, приятель.

Я фыркнул и рывком открыл правую дверь.

Доктор стояла спиной ко мне возле какой-то конструкции у дальней стены, и одета она была в один из тех халатов с высокими воротниками, которые так любят медики. Слева от меня стоял хирургический стол для обследования, справа — шведская модерновая кушетка; повсюду были шкафчики из нержавейки, стекла и какие-то свидетельства в рамках; вся комната настолько принадлежала сегодняшнему дню, насколько ему не принадлежала комната снаружи.

Когда я закрыл дверь, она повернулась, посмотрела на меня и тихо произнесла:

— Я очень рада, что вы пришли.

Потом она улыбнулась и нежно сказала:

— Вы красивы,— и пришла в мои объятия.

ГЛАВА IV

ПРИМЕРНО минуту, сорок секунд и несколько веков спустя д-р Бальзамо — Елена Троянская на дюйм оторвала свои губы от моих и сказала:

— Отпустите меня, пожалуйста, затем разденьтесь и ложитесь на стол обследования.

Я чувствовал себя, как будто принял девять часов сна, игольчатый душ и три глотка льдисто-холодного аквавито на пустой желудок. Все, что хотела сделать она, хотел сделать и я. Но положение вроде бы обязывало к остроумной ответной реакции.

— Че? — сказал я.

— Пожалуйста. Вы тот, кто нужен, но мне все равно необходимо вас обследовать.

— Ну... ладно,— согласился я,— вам виднее, доктор,— добавил я и начал расстегивать рубашку.— Вы ПРАВДА доктор? Я имею в виду медицину.

— Да. Среди всего прочего.

Я скинул ботинки.

— Но почему вы хотите обследовать МЕНЯ?

— Всего лишь из-за ведьминых отметок. О, я знаю, что не найду ни одной. Но я должна искать и кое-что другое. Для вашей безопасности.

---

* Вали! Быстрей! *(фр.)*. Быстро *(нем.)*.

Стол захолодил мне кожу. И почему эти штуковины ничем не обошьют?

— Вас зовут Бальзамо?

— Это одно из моих имен,— сказала она отсутствующим тоном, пока мягкие пальцы тут и там прикасались ко мне.— Точнее сказать, родовое имя.

— Постойте-ка минутку. ГРАФ КАЛИОСТРО?

— Один из моих дядьев. Да, он пользовался этим именем. Хотя оно вообще-то не его, не больше, чем Бальзамо. Дядя Джозеф очень своенравный человек и не слишком любит правду.

Она притронулась к небольшому давнему шраму.

— Ваш аппендикс удален?

— Да.

— Хорошо. Разрешите мне осмотреть ваши зубы.

Я широко открыл рот.

Лицо у меня, может, и неважнецкое, но я мог бы сдать свои зубы в аренду для рекламы «Пепсодента». Через какое-то время она кивнула.

— Следы фтора. Хорошо. Теперь мне нужна ваша кровь.

Она могла бы для этого укусить меня в шею, и я не стал бы возражать. И не очень бы удивился. Но она сделала это обычным способом, взяв 10 кубических сантиметров из вены внутри левого локтя. Она взяла пробу и поместила ее в тот самый аппарат у стены. Он заурчал и заворчал, а она вернулась ко мне.

— Слушайте, Принцесса,— сказал я.

— Я не принцесса.

— Ну... я не знаю вашего имени, и вы намекнули, что ваша фамилия на самом деле не Бальзамо, а я не хочу звать вас Док.

Уж ясно, я не хотел называть ее Док — ее, красивейшую из всех девушек, которых я когда-либо видел или надеялся увидеть... и после поцелуя, который стер в моей памяти следы всех других поцелуев, которые я когда-либо получил. Нет.

Она над этим задумалась.

— У меня много имен. Как бы вы хотели назвать меня?

— Одно из них, случайно, не Елена?

Она улыбнулась, словно излучая солнечный свет, и я выяснил, что у нее есть ямочки. Она была похожа на 16-летнюю девчонку в своем первом вечернем туалете.

— Вы очень любезны. Нет, она мне даже не родственница. Это было много, много лет назад.— Лицо ее приняло задумчивое выражение.— Хотелось бы вам называть меня Эттарр?

— Это одно из ваших имен?

— Оно очень похоже на одно из них, учитывая разницу написания и произношения. Оно бы могло с таким же успехом быть Эстер. Или Астер. Или даже Эстрельита.

— Астер,— повторил я — Стар *. Счастливая Звезда!

— Надеюсь, что буду вашей счастливой звездой,— сказала она искренне.— Как вы пожелаете. Но как мне называть вас?

Теперь размышлял я. Уж само собой, я не собирался представляться как Блеск — я не комик. Армейское прозвище, которое держалось за мной дольше всего, абсолютно не годилось для ушей леди. И все же я предпочел бы его своему официальному имени. Мой родитель гордился парочкой своих предков — но разве это может служить оправданием тому, чтобы навесить имя Сирил Поль на мальчишку? Мне из-за него пришлось научиться драться раньше, чем я научился читать.

Самым приемлемым было имя, которое я получил в госпитальной палате. Я пожал плечами.

— О, Скар ** будет вполне хорошим именем.

— Оскар,— повторила она, углубив и расширив звук «о» и поставив ударение на оба слога.— Благородное имя. Имя героя. Оскар.— Она приласкала его голосом.

— Нет, нет! Не Оскар — Скар! Рожа со шрамом! Вот за это.

— Ваше имя будет Оскар,— твердо сказала она.— Оскар и Астер. Шрам и Звезда.— Она легонько прикоснулась к шраму.— Вам не нравится ваша отметина героя? Не удалить ли мне ее?

— А? О нет, я уже к ней привык. Я по ней узнаю, кого вижу, когда смотрю в зеркало.

— Хорошо. Он мне нравится, вы носили его, когда я увидела вас в первый раз. Но если вы передумаете, дайте мне знать.

Механизм у стены ухнул и чавкнул. Она повернулась и вынула из него длинную полоску, потом, изучая ее, тихонько присвистнула.

— Это не займет много времени,— бодро сказала она и перекатила аппарат к столу.— Не двигайтесь, пока протектор соединен с вами, никаких движений и дышите неглубоко.

Она присоединила ко мне с полдюжины трубок; они прикреплялись там, куда она их прикладывала. Она надела себе на голову какой-то, как я подумал, причудливый стетоскоп, но после того как она приладила его на место, он закрыл ее глаза.

— Вы и внутри симпатичны, Оскар. Нет, не надо разговаривать.

Она не снимала руки с моего предплечья, и я ждал.

Пять минут спустя она подняла голову и убрала все соединения.

— Все,— весело сказала она.— Больше никаких вам насморков, мой герой, да и та дизентерия, которую вы заполучили в джунглях, больше не будет вас беспокоить. А сейчас мы идем в другую комнату.

---

* Звезда *(англ.)*.

** Шрам *(англ.)*.

Я соскочил со стола и потянулся за своей одеждой. Стар сказала:

— Там, куда мы отправляемся, она не будет вам нужна. Полная экипировка и оружие будут обеспечены.

Я замер с ботинками в одной руке и трусами в другой.

— Стар...

— Да, Оскар?

— Что все это значит? Вы поместили это объявление? Оно предназначалось для меня? Вы на самом деле хотели для чего-то нанять меня?

Она глубоко вздохнула и с расстановкой сказала:

— Я давала объявление. Оно предназначалось для вас, и только для вас. Да, предстоит тяжелая работа... в качестве моего защитника. Нас ждет много приключений... большое богатство... и еще больше опасностей — и я очень боюсь, что ни один из нас не переживет всего этого.— Она посмотрела мне в глаза.— Ну как?

Я мысленно поинтересовался, долго ли меня держали в обитой войлоком палате. Но ей я так не сказал, потому что если я очутился в этом месте, она-то уж вовсе не была там. А я хотел, чтобы она была тут, больше, чем я когда-нибудь чего-нибудь хотел. Я сказал:

— Принцесса... вы наняли себе слугу.

У нее прервалось дыхание.— Идемте скорее, время не ждет.

Она провела меня в дверь за шведской модерновой кушеткой, расстегивая на ходу пуговицы на халате и молнию на юбке, не глядя, куда падает одежда. Почти мгновенно она оказалась в том виде, в котором я впервые увидел ее на пляже.

В этой комнате окон не было, стены были темные и неизвестно откуда падал матовый свет. Рядком стояли две низкие кушетки, они были черного цвета и походили на посмертные ложа, другой же мебели не было. Как только дверь позади нас закрылась, я внезапно осознал, что комната была мучительно, неестественно заглушена; голые стены не отражали ни звука.

Кушетки стояли в центре круга, который был частью большого чертежа, выполненного мелом или белой краской на голом полу. Мы вступили в этот узор; она повернулась, присела на корточки и закончила одну линию, закрыв узор. И в самом деле, она не могла быть неуклюжей, даже сидя на корточках, даже с грудями, отвисавшими, когда она наклонялась.

— Что это? — спросил я.

— Программа, чтобы отправить нас, куда мы собираемся.

— Больше похоже на пентаграмму.

Она пожала плечами.

— Ладно, это пятиугольник могущества. План-схема поездки было бы ярлыком получше. Но, герой мой, я не могу задерживаться для объяснений. Ложитесь, пожалуйста, скорее.

Я опустился на правую кушетку, как указала мне она, но угомониться я не мог.

— Стар, вы — ведьма?

— Если вам угодно. Не разговаривайте больше, пожалуйста.— Она легла, вытянула свою руку.— И возьмите меня за руку, милорд; это необходимо.

Ее рука была мягкой, теплой и очень сильной. Вскоре свет растаял до красного, потом угас. Я уснул.

ГЛАВА V

Я ПРОСНУЛСЯ среди птичьего щебета.

Ее рука все еще была в моей. Я повернул голову и увидел ее улыбку.

— Доброе утро, милорд.

— Доброе утро, Принцесса.

Я огляделся. Мы лежали на тех же самых черных кушетках, но они стояли на свежем воздухе, в покрытой травой долине, на опушке среди деревьев, рядом с нежно смеющимся ручьем — в таком естественно-прекрасном месте, что казалось — его листик за листиком собирали и составили самые неспешные японские садовники.

Теплый солнечный свет плескался в листьях и играл зайчиками на ее золоченом теле. Я глянул вверх, на солнце, и снова на нее.

— Разве сейчас утро?

Когда мы засыпали, было около полудня или чуть позже и солнце должно было — казалось — садиться, а не вставать...

— Здесь снова утро.

Внезапно моя шишка направления закружилась, как волчок, и я почувствовал смятение. Потеря ориентации — чувство для меня новое и очень неприятное. Я не мог найти севера.

Потом все успокоилось. Север был в той стороне, вверх по течению — а солнце поднималось. Было, должно быть, около девяти утра, солнце пройдет через северную часть неба. Южное полушарие. Волноваться нечего.

Это не фокус — сделать лопуху укол наркотика при обследовании, закинуть его на борт 707-го * и сплавить в Новую Зеландию, когда нужно добавляя дурману. Разбудить, когда он понадобится.

Только я этого не сказал и никогда этого не думал. И это было неверно.

Она села.

— Вы голодны?

---

* Боинг-707 — реактивный пассажирский самолет.

Я внезапно ощутил, что омлета, съеденного несколько — сколько? — часов назад, для растущего мальчика маловато.

Я сел и сбросил ноги на траву.

— Я мог бы съесть лошадь.

Она широко улыбнулась.

— Боюсь, что магазин Анонимного Общества Гиппофолов закрыт. Не довольствуетесь ли вы форелью? Мы должны немного подождать, так что можем заодно и поесть. И вы не волнуйтесь, это место защищено.

— Защищено?

— Безопасно.

— Понятно. Э-э, а как насчет удилища и крючков?

— Я вам покажу.

Показала она мне не рыбацкое снаряжение, а как ловить форель руками. Но я знал, как. Мы забрели в чудесный ручеек, как раз приятно прохладный, двигаясь как можно тише, и выбрали место под нависшей скалой, место, где форель любит собираться и думать — рыбий эквивалент клуба джентльменов.

Ловля рыбы руками заключается в завоевании ее доверия и последующем злоупотреблении им. Примерно через две минуты я ухватил одну, фунта на два-три, и выбросил ее на берег, и Стар поймала почти такую же.

— Сколько вы сможете съесть? — спросила она.

— Выбирайтесь на берег и обсохните,— сказал я,— а я поймаю еще одну.

— Лучше две или три,— поправила она.— С нами будет Руфо.

Она бесшумно вышла на берег.

— Кто?

— Ваш придворный.

Я не стал спорить. Я был готов поверить в семь чудес до завтрака, так что продолжал ловить завтрак. После еще двух я остановился, поскольку последняя форель оказалась самой большой из всех, мною виденных. Эти голодранцы прямо в очередь выстраивались, чтобы их схватили.

К тому времени Стар уже развела костер и чистила рыбу острым камнем. Мелочи, любая девчонка-скаут умеет создать костер без спичек. Я и сам мог бы, проведя несколько часов в этаком счастье, просто потерев одно о другое два сухих клише. Однако я заметил, что тех двух коротких гробиков не стало. Ну да я их и не заказывал. Я присел рядом и принял эстафету чистки форели.

Стар вскоре возвратилась с фруктами, похожими на яблоки, но темно-лиловыми по цвету, и с изрядным количеством молодых грибов. Она несла добычу на широком листе, типа канны или ти, только побольше. Больше похоже на банановый лист.

У меня потекла слюна.

— Эх, если бы у нас была соль!

— Я достану. Боюсь только, в ней будет порядочно песку.

Стар поджарила рыбу двумя способами: над огнем на раздвоенной сырой палочке и на горячей плоской глыбе известняка, где был костер,— она все время передвигала огонь, поддерживая его и подкладывая рыбу и грибы туда, где он был. Этот способ мне показался лучше всего. Тонкие травинки оказались местным луком и чесноком, а крохотный клевер на вкус и на вид был похож на конский щавель. От этого, да еще с солью (которая была крупная и с песком и которую, возможно, лизали животные, прежде чем ее достали мы, на что мне было наплевать), форель была вкуснее всего, что я пробовал когда-либо. Ну, естественно, погода, обстановка и компания на это здорово повлияли, особенно компания.

Я пытался вспомнить какой-нибудь высокопоэтический способ, чтобы сказать: «Как насчет того, чтобы нам с вами обосноваться прямо тут на следующие десять тысяч лет? Законным или неофициальным образом — вы не замужем?» И тут нас прервали. Это было тем более досадно, что я изобрел несколько прелестных выражений, абсолютно новых для самого старого и самого практичного предложения в мире.

Старый плешивец гном с шестизарядкой завышенных габаритов стоял позади меня и ругался.

Я был уверен, что это ругань, хотя язык был мне незнаком. Стар повернула голову, что-то сказала негромко и укоризненно на том же языке, уступила ему место и предложила форель. Он взял форель и съел изрядную ее часть, прежде чем сказал по-нашему:

— В следующий раз ничего ему не заплачу. Посмотрите.

— Не надо было пытаться его обмануть, Руфо. Попробуй грибы. Где багаж? Я хочу одеться.

— Вон там.

Он снова принялся уплетать рыбу. Руфо был доказательством того, что некоторым людям надо носить одежду. Он был весь розовый и пузат во всех местах. Однако у него были удивительно хорошие мускулы, чего я никак не подозревал, иначе я проявил бы больше осторожности, отнимая у него ту пушку. Я решил, что если он захочет побороться со мной по-индейски, мне придется выкручиваться. Он глянул на меня из-за полутора фунтов форели.

— Желаете ли вы быть экипированным тот же час, милорд?

— Че? Можешь сначала позавтракать. А что это за тягомотина с «милордом»? В прошлый раз, когда мы виделись, ты крутил револьвером у меня под носом.

— Извините, милорд. Но это велела сделать Она... а что велит Она, должно быть сделано. Поймите меня.

— Мне это как раз подходит. Кто-то же должен править. Но лучше зови меня Оскар.

Руфо глянул на Стар, та кивнула. Он оскалился.

— О'кей, Оскар. Никаких обид?

— Ни капли.

Он отложил рыбу, вытер руку о бедро и выставил ее вперед.

— Здорово! Значит, вы бьете, что нужно, а я доканчиваю.

Мы пожали друг другу руки, и каждый попытался тут же раздавить костяшки пальцев другому. Кажется, мне это удалось чуть получше, но я решил, что он когда-то был кузнецом.

Лицо Стар выразило явное удовольствие, и на нем снова показались ямочки. Она расположилась у костра, став похожей на гамадриаду на обеденном перерыве; теперь она внезапно вытянулась вперед и наложила свою сильную стройную руку на наши сжатые пальцы.

— Мои верные друзья,— сказала она от души.— Мои добрые мальчики. Руфо, все будет хорошо.

— У вас Видение? — сказал он с интересом.

— Нет, просто чувство такое. Но я уже больше не волнуюсь.

— Мы не можем ничего сделать,— угрюмо сказал Руфо,— пока не разделаемся с Игли.

— С Игли разберется Оскар.

И одним плавным движением она поднялась на ноги.

— Запихивай рыбу в рот и распаковывайся. Мне нужна одежда.— Ее вдруг охватило нетерпение.

В Стар сидело больше разных женщин, чем их бывает во взводе женской вспомогательной службы,— и это не просто фигуральное выражение. В данный момент она была просто женщиной — дочерью Евы, выбирающей лучший из двух фиговых листиков, или нашей современницей, жаждущей, чтобы ее голую запустили в «Ниман-Маркус», снабдив чековой книжкой. Когда я встретил ее впервые, она показалась мне скорее степенной и не более интересующейся одеждой, чем я. У меня-то возможности заинтересоваться одеждой никогда не было. Принадлежность к неряшливому поколению была даром судьбы моему бюджету в колледже, где синие джинсы были au fait, а грязный бумажный свитер — модным.

При нашей второй встрече она была одета, но в том лабораторном халате и строгой юбке она представала одновременно и женщиной-профессионалом и добрым другом. Сегодня — в это утро, когда бы это ни было — в ней все полнее вскипали пузырьки. Она приходила в такой восторг от ловли рыбы, что ей приходилось сдерживать в себе визг восторга. Потом она стала копией девчонки-скаута, с размазанной по щеке сажей и волосами, отведенными назад, подальше от огня, пока она готовила.

Теперь она была женщиной всех времен, которая просто не может не наложить рук на новые тряпки. У меня было чувство, что одевать Стар равноценно подмалевыванию бриллиантов короны,

но мне пришлось признать, что, коли уж нам не предстоит разыгрывать сценку «Я — Тарзан, ты — Джейн» прямо в этой долине отныне и вовеки, пока не разлучит нас смерть, то какая-то одежда, хотя бы для защиты ее безукоризненной кожи от царапин ежевики, необходима.

Багаж Руфо оказался маленьким черным ящичком, размером и формой похожим на портативную пишущую машинку. Он открыл его. И снова открыл его.

И продолжал открывать его...

И все продолжал раскрывать его стороны и опускать их на землю, покуда чертова конструкция не стала размером похожа на большой товарный вагон, а набита еще плотнее. Поскольку мне дали кличку «Джеймс правдивый», как только я научился говорить, и поскольку широко известно, что именно я завоевываю топорик среди всей школы ежегодно 22-го февраля, вы должны прийти к выводу, что я стал жертвой обмана чувства, вызванного гипнозом или наркотиком.

Лично я не уверен. Любой, кто изучал математику, знает, что внутреннее по теории не обязательно должно быть меньше, чем наружное, а любой, кому выпало сомнительное счастье наблюдать, как толстуха натягивает или стягивает узкий для нее пояс, знает, что это верно и на практике. Багаж Руфо просто проводил этот принцип дальше.

Первым, что он вытащил, был большой сундук тикового дерева. Стар открыла его и принялась вытягивать воздушные «прелести».

— Оскар, что вы думаете об этом? — она прижимала к себе длинное зеленое платье, набросив подол себе на бедро, чтобы он лучше смотрелся.— Нравится?

Конечно, мне понравилось. Если это был оригинал — а я каким-то образом знал, что Стар не носила подделок,— я не хотел и думать о том, сколько оно должно было стоить.

— Жутко симпатичное платье,— заявил я ей.— Но... Слушайте, мы собираемся путешествовать?

— И очень скоро.

— Я что-то не вижу никаких такси. Не получится ли так, что вы его порвете?

— Оно не рвется. Но вообще-то я не собиралась надевать его; мне просто захотелось показать его вам. Разве не мило? Хотите, я стану манекенщицей? Руфо, мне нужны те сандалии, на высоких каблуках с изумрудами.

Руфо ответил что-то на языке, на котором он ругался, когда прибыл сюда. Стар пожала плечами и сказала:

— Не теряй терпения, Руфо. Игли подождет. Все равно мы не сможем поговорить с Игли раньше завтрашнего утра; милорд Оскар должен сначала выучить язык.

Однако она положила зеленую роскошь обратно в сундук.

— А вот тут маленькая штучка,— продолжала она, вытаскивая что-то другое,— которая просто озорная; другой у нее нет.

Понятно, почему. Это была, в основном, юбка, с небольшим корсажем, который поддерживал, не скрывая — стиль, излюбленный на Крите в древности, я слышал, и все еще популярный в «Оверсиз уикли», «Плейбое» и многих ночных клубах. Стиль, который превращает отвисшие в выпирающие. Не то чтобы Стар в этом нуждалась...

Руфо похлопал меня по плечу.

— Босс? Хотите осмотреть артиллерию и выбрать то, что вам подойдет?

Стар с упреком сказала:

— Руфо, жизнью надо наслаждаться, а не торопить ее.

— У нас будет гораздо больше времени для наслаждения, если Оскар выберет то, чем он лучше всего владеет.

— Оружие ему потребуется только после того, как мы достигнем урегулирования отношений с Игли.

Но она не стала настаивать на показе всех остальных нарядов, и хоть мне было приятно смотреть на Стар, я люблю проверить оружие, особенно если оно мне может понадобиться, как того, очевидно, требовала моя работа.

Пока я любовался выставкой мод, устроенной Стар, Руфо разложил коллекцию, похожую на гибрид магазина продажи армейских излишков и музея — шпаги, сабли, пистолеты, копье длиною верных двадцать футов, огнемет, две базуки с флангов автомата, медный кастет, мачете, гранаты, луки со стрелами, мизерикорда...

— Ты не захватил рогатки,— сказал я тоном обвинителя.

Он ответил с выражением самодовольства:

— Какой тип вам больше нравится, Оскар? С раздвоенной рукояткой? Или настоящую пращевидную?

— Извини, что затеял этот разговор. Я из любого типа и в пол не попаду.

Я поднял автомат, удостоверился, что он разряжен, стал его разбирать. Он казался почти новым, использованным ровно настолько, чтобы движущиеся части притерлись друг к другу. Точность попадания у «Томми» не больше, чем у бейсбольного мяча при подаче, и радиус действия у него не намного больше. Но достоинства у него есть — попадешь из него в человека, он упадет и больше уже не встанет. Он не длинен и не слишком тяжел и на небольшое время развивает хорошую огневую мощь. Это оружие для засад или любого другого типа работы на короткой дистанции.

Но мне больше нравится что-нибудь со штыком на конце, на случай, если партнеру захочется более близкого общения,— и мне нравится, когда это что-то метко бьет и подальше, на тот случай, если

соседушки проявят недружелюбие издалека. Я положил «Томми» и поднял «Спрингфилд» — арсенал Рок-Айленда, как я понял по серийному номеру, но все же «Спрингфилд». У меня к «Спрингфилдам» такое же отношение, как к «Мокрой Курице»: некоторые представители этой техники являются образцами совершенства в своем роде, и их единственно возможное улучшение лежит в коренном изменении конструкции.

Я открыл затвор, ткнул ногтем большого пальца в патронник, посмотрел в дуло. Ствол был яркий, а поля нарезов не сношены — а на дуле я заметил отличительную крошечную звездочку; это было оружие, достойное любого!

— Руфо, по какой местности мы будем двигаться? Примерно как эта, что вокруг?

— Сегодня, да. Но...— он вынул винтовку из моих рук, как бы извиняясь,— пользоваться огнестрельным оружием здесь запрещено. Сабли, ножи, стрелы — все, что режет, колет или калечит с помощью вашей мускульной силы. Никаких ружей.

— Кто это сказал?

Его передернуло.

— Спросите лучше у Нее.

— Если мы не можем их использовать, зачем их тащить? И к тому же я нигде не вижу боеприпасов.

— Боеприпасов уйма. Попозже мы будем в... в другом месте... Там можно пользоваться огнестрельным оружием. Если мы до этого доживем. Я просто показывал вам, что у нас есть. Что вам нравится из разрешенного оружия? Вы стреляете из лука?

— Не знаю. Покажи как.

Он хотел было что-то сказать, потом пожал плечами и выбрал один из луков, натянул кожаную защитную перчатку на левую руку, выбрал стрелу.

— Вон то дерево,— сказал он,— с белым камнем у корня. Я постараюсь попасть примерно на высоте человеческого сердца.

Он натянул тетиву, поднял, выгнул и выпустил стрелу, все одним плавным движением.

Стрела дрожала в стволе дерева футах в четырех от земли.

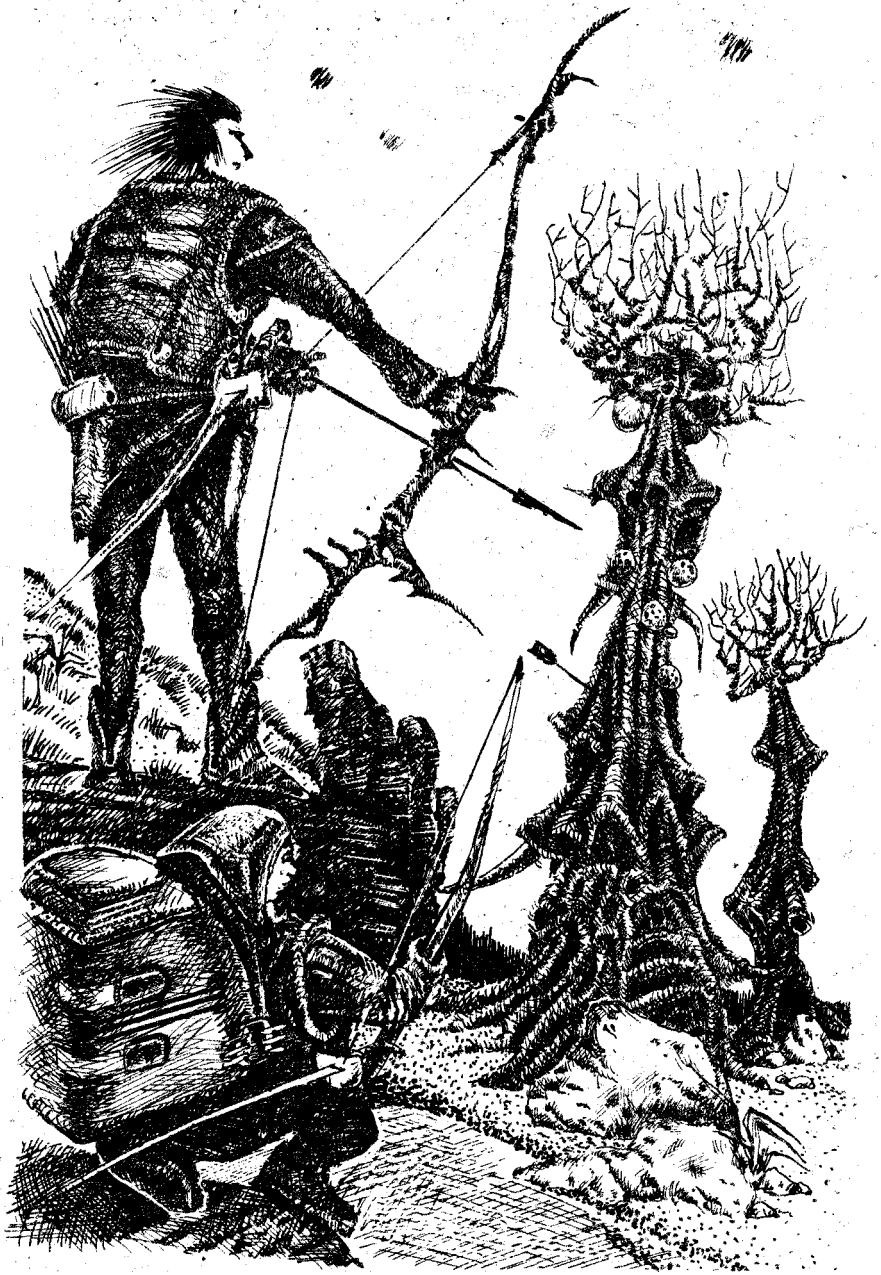
Руфо оскалился:

— Хотите попробовать так же?

Я не ответил. Я знал, что не смогу, разве что случайно. У меня однажды был собственный лук, подарок на день рождения. Не часто я из него попадал, да и стрелы вскоре все потерялись. Тем не менее я устроил спектакль по выбору лука и остановился на самом длинном и тяжелом.

Руфо хмыкнул извиняющимся тоном.

— Если мне позволят заметить, этот будет довольно трудно натянуть — для начинающего.



Я натянул тетиву.

— Найди мне крагу.

Крага пришлась мне впору, как будто для меня была сделана; может, и была. Я выбрал стрелу под стать луку, едва на нее взглянув: они все казались прямыми и точными. У меня и не теплилось надежды попасть в это чертово дерево; оно было ярдов за 50 и не больше фута толщиной. Намерение у меня было нацелиться немного повыше по стволу и возложить надежды на то, что такой тяжелый лук даст мне сравнительно плоскую траекторию. В основном мне хотелось наложить стрелу, натянуть и выпустить все одним движением, как сделал Руфо — ВЫГЛЯДЕТЬ, как Робин Гуд, хотя я им и не был.

Но когда я поднял и согнул лук, почувствовал его мощь, во мне поднялась волна ликования — эта игрушка была по мне! Мы подходили друг другу.

Я выпустил стрелу не раздумывая.

Она с глухим стуком вонзилась в дерево на расстоянии ладони от его стрелы.

— Отличный выстрел! — откликнулась Стар.

Руфо смотрел на дерево и хлопал глазами, потом укоризненно глянул на Стар. Она послала ему взгляд, полный высокомерия.

— Ничего подобного,— заявила она.— Ты знаешь, что я бы этого не сделала. Это было честное состязание... и почетное для вас обоих.

Руфо задумчиво рассматривал меня.

— Хм. Вы не против заключить небольшое пари — ставки на ваш выбор,— что вы сможете повторить это?

— Не буду я спорить,— сказал я.— Я слабак.

Однако я взял другую стрелу и наложил ее. Мне понравился этот лук, мне нравилось даже, как тетива звенькает о кожу на моем предплечье; я хотел испытать его еще разок, почувствовать себя соединенным с ним.

Я отпустил тетиву.

Третья стрела выросла из точки между двумя первыми, но ближе к его.

— Приличный лук,— сказал я.— Я его беру. Принеси стрелы.

Руфо потрусил прочь, не сказав ни слова. Я спустил тетиву с лука, потом стал осматривать ножевой товар. Была у меня надежда, что мне никогда больше не придется выпускать стрелы; не может же игрок надеяться вытащить удачную взятку при каждой сдаче — моя следующая стрела могла запросто повергнуть назад, как бумеранг.

Слишком уж обильное было разнообразие острых лезвий: от двуручного меча, годного для рубки деревьев, до кинжальчика, созданного для чулка дамы. Но я перепробовал и прикинул на руку их все... и нашел среди них клинок, который подошел мне так, как Артуру подошел его Экскалибур.

Таких, как он, я никогда прежде не видывал, так что не знаю, как его назвать. Сабля, наверное, поскольку лезвие было чуть изогнуто и острое по краю, как бритва, и на довольно большом протяжении острое с другой стороны. Острие у одной сабли было так же смертоносно, как у рапиры, а изгиб был недостаточно крут, чтобы ее нельзя было использовать для выпадов и встречных ударов так же, как для рубки в стиле топора мясника. Защитная чашка была в форме колокола, загибающегося назад, вокруг суставов, в полукорзину, но обрезанная достаточно, чтобы провести полное мулинэ с любой защитной позиции.

Центр тяжести был в forte, не больше двух дюймов от чаши, однако лезвие было такое тяжелое, что можно было им перерубить кость. Это была такая сабля, что невольно возникало ощущение, что она — продолжение собственного тела.

Рукоятка сверху была настоящей акульей кожи, обработанная под мою руку. На лезвии был вытравлен девиз, но он был так погребен во всяких завитушках, что я не стал тратить время на его расшифровку. Эта подружка была моей, мы были созданы друг для друга! Я засунул ее в ножны и пристегнул портупею прямо к поясу (я хотел чувствовать ее при себе); в своем воображении я уже был Капитаном Джоном Картером, Джеддаком из Джеддаков *, и Гасконцем с тремя его друзьями вместе взятыми.

— Вы не будете одеваться, милорд Оскар? — спросила Стар.

— А? О, конечно,— я просто пробовал, подходит ли мне размер. Но разве Руфо захватил мою одежду?

— Захватил, Руфо?

— Его одежду? Не хочет ли он те шмотки, в которые он одевался в Ницце!

— А что плохого в том, чтобы носить Leder hosen и рубашку «алоа»? — возмутился я.

— Что? О, абсолютно ничего, милорд Оскар,— поспешно ответил Руфо.— Живи и давай жить другим, это я всегда говорил. Я однажды знал человека, который носил... неважно что. Позвольте показать вам, что я для вас приготовил.

Я мог выбрать что угодно — от плаща из пластика до бронированного панциря. Последний произвел на меня угнетающее впечатление, потому что его присутствие означало, что он может понадобиться. За исключением армейской каски, других доспехов я никогда не носил, носить не хотел, как носить — не знал и не испытывал желания общаться с той грубой компанией, которая делала желательной такую форму защиты.

И к тому же поблизости не было видно лошади, першерона, к примеру, или клайдесдейла, а себя я представить не мог путешест-

---

* Герой фантастических романов Э. Р. Берроуза.

вующим в одной из этих железок. Я шел бы медленно, как на костылях, гремел, как подземка, и загорелся бы, как внутри телефонной будки. Таким способом хорошо сгонять потом десять фунтов за пять миль... Одни только простеганные подштанники, которые одеваются под эту скобяную продукцию, были бы слишком для той прекрасной погоды; а сталь сверху превратила бы меня в ходячую печку и сделала бы меня слишком уязвимым и неуклюжим, чтобы я смог даже отбиться от прокола в водительских правах.

— Стар, вы сказали, что...— я не закончил. Она уже оделась, и лишнего на ней не было. Дорожные сапожки из мягкой кожи — нет, скорее котурны, — коричневое трико и что-то зеленое, короткое сверху, наполовину куртка, наполовину платье фигуристки. Сверху все это покрывалось бойкого вида шапчонкой, а весь костюм в целом придавал ей вид водевильной пародии на стюардессу, нарядную, привлекательную, здоровую и сексуальную.

Или Девы Марианны, поскольку она добавила лук с двойным изгибом — размером вполовину моего, колчан и кинжал.

— Вы,— сказал я,— похожи на то, из-за чего поднялся бунт.

Она показала ямочки и присела в реверансе. (Стар никогда не притворялась. Она знала, что она женщина, знала, что хорошо выглядит, и это ей нравилось).

— Вы недавно что-то говорили,— продолжил я,— насчет того, что пока мне оружие не понадобится. А есть причины, по которым мне стоит надеть один из этих скафандров? У них не слишком удобный вид.

— Я не жду сегодня особенно больших опасностей,— медленно сказала она.— Но это не такое место, где можно вызвать полицию. Решать, что вам нужно, должны вы.

— Но ведь, черт возьми, Принцесса, вы это место знаете, а я нет. Мне нужен совет.

Она не ответила. Я обернулся к Руфо. Он внимательно изучал верхушку дерева. Я сказал:

— Руфо, оденься.

Он поднял брови:

— Милорд Оскар?

— Schnell! Vite, vite! Катись.

— Ладно.

Оделся он быстро, в костюм, который был мужским вариантом того, что выбрала Стар, с шортами вместо трико.

— Подбери себе оружие,— сказал я и начал одеваться, как он, только я намеревался надеть сапоги. Однако под руку мне попалась пара этих котурнов, с виду моего размера, ну я их и примерил. Они прилегли мне к ногам, как перчатки, да все равно мои подошвы так затвердели за месяц ходьбы босиком на Л'иль дю Леван, что твердая обувь мне была не нужна.

Они были не такие уж средневековые, как казались с виду; спереди они застегивались на молнию, а внутри стояла метка: «Fabrique en France».

Папаша Руфо взял лук, из которого он стрелял, выбрал саблю и добавил кинжал. Я выбрал вместо кинжала золингеновский охотничий нож. Я посмотрел с вожделением на армейский пистолет 45-го калибра, но не стал его трогать. Если у «них», кто бы они ни были, действует местный закон Салливана *, я готов подыграть этой шутке.

Стар велела Руфо упаковывать багаж, потом присела на корточки на песчаном берегу ручья и начертила схематичную карту — курс на юг, постепенно понижаясь и придерживаясь ручья, только иногда срезая углы, пока не дойдем до Поющих Вод. Там станем на ночевку.

Я все вбил себе в голову.

— Ясно. Меня надо о чем-нибудь предупредить? Мы стреляем первыми? Или ждем, пока нас начнут бомбить?

— Я ничего не ожидаю сегодня. О, тут есть хищник раза в три больше льва. Но он ужасный трус; на движущегося человека не нападает.

— Вот это, приятель, мне по сердцу. Ладно, тогда мы будем все время двигаться.

— Если мы все же увидим людей — я этого не ожидаю,— было бы неплохо наложить на лук стрелу... но не поднимать лука, пока вы не почувствуете необходимости. Но я не указываю вам, Оскар, что делать; решать должны вы. Руфо тоже не выпустит ни стрелы, если не увидит, что вы готовитесь это сделать.

Руфо закончил укладываться.

— О'кей, пошли,— сказал я.

Мы тронулись. Черный ящичек Руфо приобрел теперь вид ранца, и я не стал ломать голову над тем, как он мог тащить пару тонн на плечах. Может, у него антигравитационное устройство типа «Бак Роджерса». Кровь китайских носильщиков-кули. Черная магия. Черт, да один этот сундук из тика не смог бы поместиться в такую заплечную упаковку в соотношении 30 к 1, уж не говоря про арсенал и прочие мелочи.

Не стоит удивляться, почему я не расспрашиваю Стар о том, где мы, почему мы здесь, как мы сюда попали, что мы собираемся делать, и о подробностях тех опасностей, встреча с которыми ждала меня. Слушайте, ребята, когда вам снится самый роскошный сон в вашей жизни и вы как раз подходите к самому интересному, останавливаетесь ли вы, чтобы сказать себе, что оказаться вместе с вами в сене именно этой девочки логически невозможно — и тем самым разбудить себя? Логически рассуждая, я ЗНАЛ, что все случив-

* Запрет пользования огнестрельным оружием *(амер.)*.

шееся с тех пор, как я прочитал то глупое объявление, было невозможно.

Поэтому я отбросил логику.

Логика — ненадежная штука, друзья. «Логика» доказывала, что аэропланы не смогут летать, и что водородные бомбы не сработают, и что камни с неба не падают. Логика — это способ утверждать, будто то, что не случилось вчера, не случится и завтра.

Нынешнее положение мое мне нравилось. Я не хотел просыпаться ни в постели, ни в палате психушки. И уж совсем я не хотел проснуться все еще в джунглях, может быть, со все еще свежей раной на лице и в ожидании вертолета. Может, коричневый братик завершил свою работу надо мной и послал меня в Валгаллу. Ну ладно, Валгалла мне понравилась.

Я шел впереди мерным шагом; по бедру меня похлопывала чудесная сабля; девушка намного чудеснее ее шагала рядом со мной в ногу; позади нас потел раб-крепостной-слуга-некто, выполняя роли носильщика и «глаза на затылке». Пели птицы, пейзажи кругом были созданы мастером ландшафтной архитектуры, воздух пах приятно и здорово. Если бы мне больше ни разу не пришлось увертываться от такси или смотреть на заголовки статей, я был бы не против.

Большой лук вызывал неудобство — впрочем, как и М-1*.

Маленький лук Стар висел у нее за спиной, от плеча до бедра. Я так попробовал, но он все время за что-нибудь цеплялся. К тому же тогда я нервничал из-за того, что в таком положении он не готов к стрельбе. А она признала, что в луке может возникнуть нужда. Поэтому я снял его и понес в левой руке, натянутый и приготовленный.

На утреннем переходе у нас была одна тревога. Я услыхал, как тетива Руфо сказала «тванг», обернулся уже с изготовленным луком и наложенной стрелой, прежде чем разглядел, что происходит.

Или, вернее, произошло. Птица, похожая на рябчика, не больше. Руфо снял ее с ветки, точно в шею. Я отметил про себя больше не соревноваться с ним в стрельбе из лука и просить потренировать меня в тонкостях.

Он чмокнул губами и ухмыльнулся.

— Ужин!

Всю следующую милю он на ходу щипал ее, потом привесил ее на пояс.

Мы остановились перекусить около часу дня, в красивом месте, которое, как заверила меня Стар, было защищено, и Руфо открыл свой ящик до размеров чемодана и подал нам ленч: холодные вырезки, рассыпчатый провансальский сыр, французский хлеб с корочкой, груши и две бутылки Шабли. После ленча Стар предложила устроить

* Автоматическая винтовка.

сиесту. Мысль выглядела заманчиво; я наелся от души и разделил с птицами только крошки, но я был удивлен.

— Разве нам не нужно спешить?

— Вам нужен урок языка, Оскар.

Надо подсказать средней школе в Понс де Леон лучший способ изучать языки. В лучезарный полдень вы ложитесь на мягкую траву у посмеивающегося ручья, и самая прекрасная женщина любого из миров наклоняется над вами и смотрит вам в глаза. Она начинает тихо говорить на языке, которого вы не понимаете.

Спустя некоторое время ее большие глаза становятся еще больше, и больше... и больше... и вы тонете в них.

Потом, спустя вечность, Руфо говорит:

— Эрбас, Оскар, 't книла вуурсит.

— Ладно,— ответил я,— я и так встаю. Нечего меня торопить.

Это последнее слово, которое я собираюсь записать на языке, который не подходит к нашему алфавиту. У меня было еще несколько уроков, и о них я тоже упоминать не буду, и с того времени мы говорили на этой тарабарщине, кроме тех случаев, когда мне приходилось затыкать дыры вопросами по-английски. Это язык, богатый бранью и словами при занятиях любовью, и богаче, чем английский, в некоторых технических вопросах — но с удивительными проблемами в нем. Нет, например, слова, означающего «юрист».

Примерно за час до захода солнца мы подошли к Поющим Водам.

Весь день мы путешествовали по высокому, поросшему лесом плато. Ручей, в котором мы ловили форель, впитал в себя другие ручейки и был уже порядочный речкой. Ниже нас, в том месте, до которого мы еще не дошли, он устремился с высоких утесов суперйоселитским водопадом. Здесь, где мы остановились лагерем, вода промыла выемку в плато, образовав каскады, прежде чем устремиться в этот прыжок.

«Каскады» — слово слабое. Вверх по течению или вниз, куда ни посмотри, были видны водопады — от больших, в 30 или 50 футов высотой, до маленьких, на которые могла бы запрыгнуть мышь, и всех промежуточных размеров. Они струились террасами и лестницами. Вода была то гладкой, зеленой от отражающейся в ней пышной листвы, то белой, как взбитые сливки, там, где она бурлила в сплошной пене.

Водопады были слышны. Крохотные водопады звенели серебряными сопрано, большие рычали в бассо профун (до)*. На покрытом травой лугу, где мы разбили лагерь, это звучало как несмолкаемый хорал; среди этого шума надо было кричать, чтобы быть услышанными.

---

* Драматический бас *(итал.)*.

Кольридж бывал там в одном из своих наркотических видений *:

И были здесь леса, древние, как холмы,
Хранившие в себе солнечные пятачки зелени.
Но ах! Вон то глубокое романтическое ущелье, которое
Рассекает зеленый холм поперек его кедровых зарослей...
Дикое место! Настолько святое и заколдованное,
Насколько могло быть под ущербной луной место, где
Обитает женщина, оплакивающая своего демона — возлюбленного!
Из этой бездны, кипя в бесконечном шуме...

Кольридж наверняка прошел по этому маршруту и дошел до Поющих Вод. Не стоит удивляться, что он чувствовал желание убить то «лицо из Порлока», которое вторгалось в лучшее его видение. Когда я буду умирать, положите меня у Поющих Вод, и пусть они будут последним, что я увижу и услышу.

Мы остановились на покрытой травой террасе, влекущей, как обещание, и нежной, как поцелуй, и я помог Руфо распаковываться. Я хотел узнать, как он проделывает свой фокус с ящиком. Не понял. Каждая сторона открывалась так же естественно и просто, как когда раскладываешь гладильную доску, а потом, когда она складывалась, это было опять естественно и понятно.

Сначала мы рубили палатку для Стар — конструкция явно не армейского снаряжения; это был изящный шатер из расшитого шелка, а в ковер, который мы расстелили в качестве пола, наверняка ушли жизни примерно трех поколений бухарских умельцев. Руфо сказал мне:

— Вам нужна палатка, Оскар?

Я взглянул вверх на небо и потом на не совсем еще скрывшееся солнце. Воздух был теплым, как парное молоко, и я не мог представить себе, что пойдет дождь. Не люблю я находиться в палатке, если есть хоть малейшая угроза внезапного нападения.

— А ты собираешься воспользоваться палаткой?

— Я? О нет! Но у Нее палатка должна быть всегда. Потом, почти наверняка, она решит спать снаружи на траве.

— Палатка мне не понадобится.

(Прикинем-ка, спит ли «рыцарь» у порога спальни своей дамы с оружием под боком? В этикете таких дел я не был искушен; их ни разу не поминали в «Общественных науках»).

Тут она вернулась и сказала Руфо:

— Защищено. Все преграды были на месте.

— Подзаряжены? — обеспокоился тот.

Она щипнула его за ухо.

— Я не выжила из ума.— Она добавила: — Мыло, Руфо. И пойдем со мной, Оскар; это работа Руфо.

---

* Дальше следует отрывок из начала поэмы «Кубла Хан» Кольриджа.

Руфо откопал из массы скарба кусок «Люкса» и отдал ей, затем оценивающе оглядел меня и вручил мне пачку «Лайф боя».

Поющие воды — лучшая ванна на свете, с бесконечным разнообразием процедур. Стоячие пруды размерами от ножной ванны до таких, в которых можно плавать, зитц-ванны, щекочущие кожу, начиная от тихой струйки до бьющих под естественным напором потоков, которые могут напрочь выколотить мозги, если стоять под ними слишком долго.

Можно выбрать любую температуру. Выше каскада, где мы остановились, в главный поток вливался источник, а у основания каскада бил ледяно-холодным ключом неприметный родник. Не нужно возиться с краном, двинься просто туда или сюда к приятной тебе температуре — или шагай вниз по течению, где температура становится нежно-теплой, как поцелуй матери.

Мы немного поиграли; Стар визжала и хохотала, когда я на нее брызгал, и отвечала на это, окуная меня в воду. Мы оба резвились, как дети; я чувствовал себя ребенком, она ребенком смотрелась, а играла она сильно, давая почувствовать под бархатом кожи стальные мускулы.

Потом я достал мыло, и мы помылись. Когда она начала мыть шампунем волосы, я подошел к ней сзади и помог. Она мне позволила, ей нужна была помощь, чтобы справиться со своей львиной гривой, раз в шесть больше тех, которыми украшает себя в наши дни большинство девчат.

Это было бы крайне благоприятным моментом (Руфо был занят и не торчал на глазах) обхватить ее и сжать в объятиях, потом прямиком проследовать к остальному. К тому же я не уверен, что она проявила бы хотя бы символический протест; она поддержала бы меня с полной охотой.

Черт, да я ЗНАЮ, что она не выразила бы «символического» протеста. Она бы поставила меня на место или холодным словом, или затрещиной в ухо — или вступила бы в игру.

Я не мог этого сделать. Я не мог даже НАЧАТЬ.

Не знаю почему. Мои намерения по отношению к Стар совершали колебания от благородных до неблагородных и обратно, но с того момента, когда мой взгляд впервые упал на нее, всегда были практическими. Нет, позвольте мне выразить это так: намерения мои всегда были явно неблагородными, но с полной готовностью превратить их в благородные, попозже, как только мы смогли бы откопать мирового судью.

Все же я не мог и пальцем ее тронуть за исключением помощи ей в смывании мыла с волос.

Пока я этому дивился, погрузив обе руки в тяжелые светлые волосы и раздумывая, что же удерживает меня от того, чтобы обнять руками эту стройно-сильную талию всего в нескольких дюймах от

меня, я услышал пронзительный свист и свое имя — мое новое имя. Я оглянулся.

Руфо, одетый только в собственную непривлекательную кожу и с полотенцем через плечо, стоял на берегу футах в десяти и пытался перекрыть рев вод, чтобы привлечь мое внимание.

Я перебрался немного поближе к нему.

— Ну-ка, еще разок,— не то чтобы прорычал я.

Он сказал:

— Вы хотите побриться? Или вы отращиваете бороду?

Когда я обдумывал, предпринять мне преступное нападение или нет, я с неловкостью сознавал, что на щеках моих пророс кактус, и неловкость эта помогла мне удержаться. «Жиллет», «Аква Вельва», «Бирма Шейв» и другие заставили затюканного американца-мужчину, а именно меня, стать робким в попытках совращения и (или) изнасилования в случае, так как он не был свежеоструган. У меня была двухдневная щетина.

— У меня нет бритвы,— отозвался я.

Он ответил, подняв опасную бритву.

Стар придвинулась и встала рядом. Она подняла руку и потрогала мой подбородок большим и указательным пальцами.

— Вы были бы великолепны с бородой,— сказала она.— Может быть, в стиле Ван Дейка с издевательскими мустангос *.

Я тоже так думал, раз так думала она. К тому же так большая часть шрама была бы прикрыта.

— Как вы скажете, Принцесса.

— Но я бы предпочла, чтобы вы остались таким, каким я вас впервые увидела. Руфо — хороший цирюльник.— Она повернулась к нему.— Руку, Руфо. И мое полотенце.

Стар не спеша отправилась к лагерю, вытирая себя насух , — я был бы рад помочь, если бы меня попросили. Руфо устало сказал:

— Почему вы не настояли на своем? Она говорит: побрить вас, так что теперь я должен брить — и принимать собственную ванну в спешке, чтобы не заставлять Ее ждать.

— Если у тебя есть зеркало, я сам это сделаю.

— Пользовались когда-нибудь опасной бритвой?

— Нет, но могу научиться.

— Вы бы перерезали себе глотку, а Ей это не понравилось бы. Вот сюда, на откос, где я могу стоять в теплой воде. Нет, нет! Не садитесь на него, ложитесь так, чтобы голова была на краю. Я не могу брить человека, который сидит.

Он начал наносить мне пену на подбородок.

— Знаете почему? Я научился брить на трупах — вот почему, прихорашивая их, чтобы их любимые могли ими гордиться. Не шеве-

---

* Усиками.

литесь! Вы чуть не потеряли ухо. Мне нравится брить трупы, пожаловаться они не могут, предложений не строят, не огрызаются — и никогда не шевелятся. Лучшая моя работа за все время. А возьмем, к примеру, работу...

Он перестал брить и, держа лезвие у моего кадыка, стал перечислять свои заботы.

— Дают мне выходные по субботам? Черта с два, у меня даже в воскресенье выходного нет! А посмотрите на рабочее время! Да вот я тут только что на днях прочел, что какая-то компания в Нью-Йорке — вы бывали в Нью-Йорке?

— Я бывал в Нью-Йорке. Да убери свою гильотину от моего горла, когда так размахиваешь руками.

— Если вы все время говорите, вы обязательно иногда хоть немного да порежетесь. Так эта компания подписала контракт на двадцатипятичасовую неделю. Неделю! Хотел бы я ограничиться 25-часовым ДНЕМ. Знаете, сколько времени я работаю без перерыва, вплоть до этой минуты?

Я сказал, что нет.

— Вот вы опять разговариваете. Больше 70 часов, чтоб мне провалиться! А за что? За славу? Какая слава в куче выбеленных костей? За богатство? Оскар, я говорю вам по правде: я обрядил больше покойников, чем наложниц у султана, и всем без всяких исключений было абсолютно плевать на то, украшены они рубинами размером с ваш нос и вдвое его краснее... или лохмотьями. Какая польза от богатства покойнику? Скажите мне, Оскар, как мужчина мужчине, пока Она не слышит: почему вы позволили Ей уговорить вас на это?

— Мне это пока что нравится.

Он презрительно фыркнул.

— Так сказал человек, пролетающий мимо 50-го этажа Эмпайр стейт билдинг *. Но все равно его ждал тротуар. Впрочем, как бы то ни было,— мрачно прибавил он,— пока вы не разделаетесь с Игли, проблемы нет. Если бы у меня был инструмент, я бы мог здорово закрыть этот шрам, все говорили бы: «Правда, он как живой?»

— Не стоит об этом думать. Ей этот шрам нравится.

(Черт возьми, он и меня этим заразил!)

— С Нее станется. К чему я пытаюсь привыкнуть, так это к тому, что если идти Дорогой Славы, то на пути попадается все больше препятствий. Но я-то нипочем не собирался идти этой дорогой. В моем представлении хорошей жизнью было бы тихое спокойное заведение, единственное в городке, с набором гробов в любую цену и с такой разницей между себестоимостью и ценой товара, которая давала бы некоторую свободу действий, чтобы проявить щедрость к по-

* Один из высочайших небоскребов Нью-Йорка.

несшим утрату. Продажа в рассрочку для тех, у кого хватает разума, чтобы спланировать все заранее,— потому что все мы смертны, Оскар, все мы смертны, и здравомыслящему человеку не мешает посидеть по-приятельски со стаканом пивка и согласовать свои планы с пользующейся хорошей репутацией фирмой, которой он может доверять.

Он тихонько склонился ко мне.

— Знаете, милорд Оскар.... если мы когда-нибудь чудом выйдем из всего этого живыми, вы могли бы замолвить за меня доброе словечко перед Ней. Пусть Она поймет, что я слишком стар для Дороги Славы. Я бы мог многое сделать, чтобы остаток ваших дней прошел в удобстве и радости... если вы по-товарищески ко мне отнесетесь.

— Разве мы не пожали на этом друг другу руки?

— Ах да, верно ведь.— Он вздохнул.— Один за всех и все за одного,— и пан или пропал. Вы готовы.

Когда мы вернулись, было еще светло и Стар была в шатре — и моя одежда была уже разложена. Я начал было возражать, когда разглядел ее, но Руфо твердо ответил:

— Она сказала «неофициально», а это значит смокинг.

Я одолел все, даже запонки (которые оказались изумительно большими черными жемчужинами), а сам смокинг был или сшит на меня, или был куплен в готовом виде кем-то, кто знал мой рост, вес, объем плеч и талии. На ярлыке у воротника значилось: «Инглиш Хоус, Копенгаген».

Но галстук меня убил. Я с ним бился, пока не подвернулся Руфо, он уложил меня на землю (я не стал спрашивать зачем) и одним духом завязал его.

— Вам нужны ваши часы, Оскар?

— Мои часы? — Насколько мне было известно, они остались в кабинете доктора в Ницце.— Они у тебя?

— Да, сэр. Я захватил все ваши вещи, кроме вашей — его передернуло — одежды.

Он преувеличивал. Здесь было все, не только содержимое моих карманов, но и содержимое моего ящика из сейфов «Американ Экспресс»: деньги, паспорт, удостоверение et cetera *. Даже те билеты Тотализатора из Аллеи Менял.

Я начал было спрашивать, как он проник внутрь моего сейфа, но решил, что не стоит. Ключ у него был, и все могло быть сделано просто, с помощью фальшивой доверенности. Или непросто, как его волшебный черный ящик. Я поблагодарил его, и он вернулся к своей стряпне.

Я хотел выбросить этот мусор, все, кроме денег и паспорта. Но в таком прекрасном месте, как Поющие Воды, сорить невозможно.

---

* И так далее *(лат.)*.

На моей портупее был кожаный кошель; я запихал туда все, даже часы, которые остановились.

Руфо поставил перед изящным шатром Стар столик и подвесил лампу на дереве над ним, а на столе расставил свечи. Темнота опустилась раньше, чем она вышла... и остановилась. Я, наконец, догадался, что она ждет моей руки. Я провел ее к месту и усадил, а Руфо усадил меня. Он был одет в сливового цвета униформу ливрейного лакея.

Ожидание Стар того стоило; она была одета в зеленое платье, которое недавно предлагала продемонстрировать мне. До сих пор не УВЕРЕН, что она воспользовалась косметикой, но выглядела она уже не как полная сил Ундина, которая окунала меня в воду час тому назад. У нее был такой вид, словно ее нужно держать под стеклом. У нее был вид Элизы Дулитл на балу.

Звучала мелодия «Ужина в Рио», вплетаясь в звучание Поющих Вод.

Белое вино к рыбе, розовое вино с дичью, красное вино и жаркое — Стар болтала, улыбалась, сыпала остротами. Однажды Руфо, наклонившись ко мне, чтобы обслужить, прошептал:

— Приговоренные ели с аппетитом.

Я уголком губ велел ему убираться к черту.

Шампанское к сладкому, и Руфо торжественно представил бутылку на мое одобрение. Я кивнул. Что бы он сделал, если бы я отверг ее? Предложил другую марку? «Наполеон» с кофе. И сигареты.

О сигаретах я думал целый день. Это были «Бенсон энд Хеджес» № 5... а я курил эту французскую черноту, чтобы экономить деньги.

Пока мы курили, Стар поблагодарила Руфо за ужин, и он должным образом принял ее комплименты, а я поддержал их. Так и не знаю, кто приготовил тот пир гедониста. Большую часть сделал Руфо, но в трудных местах могла поработать Стар, пока меня брили.

Спустя некоторое неспешно-счастливое время, сидя за кофе с коньяком при потушенном верхнем свете, когда всего одна свеча отражалась в ее драгоценностях и освещала ее лицо, Стар слегка отодвинулась от стола, и я быстро встал и проводил ее к шатру. Она остановилась у входа.

— Милорд Оскар...

Итак, я поцеловал ее и вошел за ней внутрь...

Черта лысого вошел! Дьявол, я был так загипнотизирован, что склонился над ее рукой и поцеловал ее. Этим все и кончилось.

Мне не осталось ничего, кроме как выбраться из этой заимствованной у обезьян одежды, вернуть ее Руфо и получить от него одеяло. Он выбрал себе место для сна с одной стороны шатра, так что я подыскал место с другой и растянулся. Было все еще так приятно тепло, что даже одеяло не требовалось.

Но сон ко мне не шел. Говоря по правде, у меня привычка, как

у наркомана, привычка хуже, чем марихуана, хоть и не такая дорогая, как героин. Я могу ее перебороть и заснуть невзирая на нее — но тут еще мешало то, что я в шатре Стар на фоне света видел силуэт, который больше не был обременен платьем.

Дело в том, что я читатель поневоле. «Гоулд медал ориджинэл»* центов за тридцать пять прямехонько уложит меня спать. Или Перри Мейсон. Но я скорее примусь за объявления в старой «Пари-Матч», в которую заворачивали селедку, чем обойдусь без чтения.

Я встал и обошел шатер.

— Псст! Руфо.

— Да, милорд.— Он быстро оказался на ногах, в руке кинжал.

— Слушай, в этой дыре есть что-нибудь почитать?

— Какого сорта что-нибудь?

— Что-нибудь, просто что-нибудь. Слова, поставленные по порядку.

— Минутку.

На какое-то время он исчез, копаясь с фонариком в своем плацдарме мусорных куч. Потом вернулся и протянул мне книгу и маленькую походную лампу. Я поблагодарил его, вернулся на место и улегся.

Это была интересная книга, написанная Альбертусом Магнусом ** и, очевидно, украденная из Британского музея. Альберт предлагал длиннейший список рецептов для осуществления немыслимых дел: как укрощать штормы и летать над облаками, как одолеть врагов, как заставить женщину быть вам верной...

Вот этот последний рецепт: «Ежели хочешь, абы женщина была ни сладострастной, ни возжелала бы мужчин, возьми потаенные члены от Вуолка, и волосы, кои растут на щеках, либо бровях иного, также и волосы, каковые есть под бородой его, и спали все это, и дай ей этого испить, когда не ведает, и не возжаждет она никакого мужчину».

«Вуолку» это, должно быть, было бы неприятно. Если я был бы той женщиной, мне бы тоже было неприятно; рецепт, судя по слуху, тошнотворная смесь. Но это точная формула, со всеми особенностями оригинала, так что если вам приходится туго держать ее в узде, а под руку подвернется «Вуолк», попробуйте. Сообщите мне результаты. Почтой, а не лично.

Там было несколько рецептов, чтобы заставить полюбить вас женщину, которая вас не любит, но «Вуолк» намного опережал другие ингредиенты по простоте. Вскоре я отложил книгу, погасил свет и стал смотреть на движущийся силуэт на шелковом экране; Стар расчесывала волосы.

---

* Дешевое книжное издание.

** Альберт Великий — средневековый алхимик.

Потом мне надоело терзать себя, и я стал смотреть на звезды. Никогда я не знал звезд Южного полушария: в таком влажном месте, как Юго-Восточная Азия, звезды видны редко, а человеку с шишкой направления они вовсе не нужны.

Но это южное небо было великолепно.

Я глядел на какую-то очень яркую звезду или планету (у нее, казалось, виден был диск), как вдруг до меня дошло, что она перемещается.

Я сел.

— Эй, Стар!

Она отозвалась:

— Да, Оскар?

— Подите посмотрите! Спутник. БОЛЬШОЙ спутник!

— Иду.— Свет в ее шатре погас, она быстро очутилась возле меня, так же, как и добрый старый попс Руфо, зевавший и почесывавший ребра.

— Где, милорд? — спросила Стар.

Я показал.

— Вон, прямо! Если подумать, то это, может, и не спутник; может, это один из нашей серии «Эхо». Страх какой большой и яркий.

Она взглянула на меня и отвела глаза. Руфо ничего не говорил. Я поглядел вверх еще немного, глянул на нее. Она смотрела на меня, а не в небо. Я посмотрел снова, понаблюдал, как оно движется на фоне звезд.

— Стар,— сказал я — это не спутник. И не шар из «Эхо». Это луна. Настоящая луна.

— Да, милорд Оскар.

— И значит это не Земля.

— Это правда.

— Хм...— я еще раз поглядел на маленькую луну, так быстро движущуюся среди звезд с запада на восток.

Стар тихо сказала:

— Вы не боитесь, мой герой?

— Чего?

— Очутиться в незнакомом мире.

— Кажется, довольно симпатичный мир.

— Так оно и есть,— согласилась она,— во многом.

— Мне он нравится,— согласился я.— Но, может, пора мне узнать о нем побольше. Где мы? Сколько световых лет или чего там еще, в каком направлении?

Она вздохнула.

— Я постараюсь. Но это будет нелегко: вы не изучали метафизической геометрии — как и многого другого. Представьте себе страницы книги...— Я все еще держал под рукой ту поваренную кни-

гу Альберта Великого; она взяла ее.— Одна страница может быть очень похожей на другую. Или быть совсем непохожей. Одна страница может быть настолько близка к другой, что соприкасается с ней во всех точках — и все же не имеет ничего общего с противоположной страницей. Мы так же близки к Земле — прямо сейчас,— как две соседние страницы в книге. И тем не менее мы так далеко, что в световых годах это не выразить.

— Слушайте,— сказал я,— можно обойтись и без словесных выкрутас. Я частенько смотрел «Зону сумерек»*. Вы имеете в виду другое измерение. Так я это усек.

Она казалась озабоченной.

— Что-то в этой мысли есть, но...

Руфо вмешался:

— И еще есть Игли утром.

— Да,— согласился я.— Если мы должны толковать о Игли поутру, наверное, нам лучше немного поспать. Извините. Между прочим, а КТО же такой Игли?

— Сами увидите,— сказал Руфо.

Я глянул на ту летящую луну.

— Вне всякого сомнения. Ладно, прошу меня извинить за то, что обеспокоил вас всех из-за глупой ошибки. Спокойной ночи, ребята.

Забрался я снова в свои спальные шелка, как взаправдашный герой (сплошь мускулы и никаких гонад, как правило). Ну, и они тоже упаковались. Она больше не включала света, так что мне не на что было смотреть, кроме летящих лун Барсума. Я попал прямо на страницы книги.

Что ж, я надеялся, что она будет удачной, и что писателю моя жизнь пригодится еще во множестве продолжений. Для героя все тут складывалось недурно, по крайней мере, вплоть до этой главы. Менее чем в 20 футах от меня спала, укутавшись в свои спальные шелка, Дея Торис **.

Я всерьез задумался, не подползти ли мне к откидному клапану ее шатра и прошептать ей, что мне хотелось бы задать ей несколько вопросов о метафизической геометрии и прочих материях. Любовных заклятьях, может. А может быть, просто сказать ей, что снаружи холодно, и попроситься войти?

Но я так не сделал. Добрый старый и верный Руфо лежал свернувшись тут же с другой стороны шатра, а у него была странная привычка просыпаться мгновенно и с кинжалом в руке. К ТОМУ ЖЕ ему нравится брить трупы. Как я уже сказал, если есть выбор, я предпочитаю быть трусом.

Я стал смотреть на летящие луны Барсума и незаметно уснул.

---

* Фантастический телесериал по сценарию известного писателя, Р. Серлинга.

** Героиня фантастических романов Э. Р. Берроуза.

ГЛАВА VI

ПОЮЩИЕ птицы лучше, чем будильники, а Барсум никогда не был так прекрасен. Я довольно потянулся, и почуял запах кофе, и подумал, не успею ли я наскоро выкупаться перед завтраком. Наступил еще один прекрасный день, голубой и яркий, солнце только что взошло, и я был не прочь шлепнуть несколько драконов, пока не подоспел завтрак. Только, конечно, маленьких.

Я подавил зевок и перекатился на ноги. Чудного павильона уже не было, а черный ящик был в основном упакован; он был не больше рояля. Стар стояла на коленях перед костром, поторапливая тот самый кофе. В это утро она стала пещерной женщиной, одевшись в шкуру, которая, хоть и красивая, была не красивее ее собственной. Из оцелота, наверное. Или от Дюрона.

— Приветик, Принцесса,— сказал я.— Что на завтрак? А где ваш шеф?

— Завтрак позже,— сказала она.— Сейчас вам только чашка кофе, слишком горячего и слишком черного — лучше, чтобы вы были в плохом настроении. Руфо заводит беседу с Игли.

Она подала мне кофе в бумажном стаканчике.

Я отхлебнул полчашки, обжег себе рот и выплюнул гущу. Кофе бывает пяти сортов: Кофе, Ява, Ямайка, Яд и Растворитель Углерода... Эта дрянь была не лучше четвертой степени.

Тут я застыл, потому что на глаза мне попался Руфо. И компания, пребольшая компания. У края нашей террасы кто-то разгрузил Ноев Ковчег. Тут было все, от аардварков * до ящеров, большинство с длинными желтыми зубами.

Руфо стоял лицом к этому пикету, на десять футов ближе к нам, напротив особенно большого и неуклюжего гражданина. Тут как раз бумажный стаканчик разошелся, и кипяток обжег мне пальцы.

— Хотите еще? — спросила Стар.

Я подул на пальцы.

— Нет, спасибо. Это и есть Игли?

— Вот тот, в середине, которого дразнит Руфо. Остальные пришли просто посмотреть, на них можно не обращать внимания.

— У некоторых из них голодный вид.

— Те, кто покрупнее, в основном травоядные, как демон Кювье. Вон те львы-переростки могут нас съесть — если Игли выиграет спор. Но только потом. Все дело в Игли.

Я повнимательнее пригляделся к Игли. Он походил на потомка из Данди, сплошь челюсти и никакого лба; в нем соединились наименее приятные черты гигантов и людоедов из «Книги Красной Магии». Мне лично эта книга никогда особенно не нравилась.

---

* Степные волки *(ю-афр.)*.

Он смутно походил на человека, если взять это понятие в широком смысле. Он был на пару футов повыше меня и перевешивал меня фунтов на 300—400; но я куда красивее. Волосы на нем росли кустиками, как на упавшей духом лужайке, но с первого взгляда было ясно, что он никогда не пользовался дезодорантом для мужественных мужчин. На буграх его мускулов выступали узлы, а ногти на ногах не знали ножниц.

— Стар,— сказал я,— в чем причина нашего с ним спора?

— Вы должны убить его, милорд.

— Не могли бы мы договориться о мирном сосуществовании? Взаимное доверие, культурный обмен и так далее?

Она покачала головой.

— Он недостаточно развит для этого. Он находится здесь, чтобы удержать нас от спуска в долину,— или он умрет, или умрем мы.

Я глубоко вздохнул.

— Принцесса, я принял решение. Человек, который всегда подчиняется закону, глупее даже того, кто нарушает его при всяком случае. Сейчас не время волноваться о соблюдении местного закона Салливана. Мне нужны огнемет, базука, несколько гранат и самая лучшая пушка из вашего арсенала. Можете показать мне, как их откопать?

Она пошевелила костер.

— Герой мой,— сказала она медленно.— Мне искренне жаль, но это не так просто. Вы не заметили, когда мы курили прошлой ночью, что Руфо зажег наши сигареты от свечей? Не пользуясь ничем, вплоть до карманной зажигалки?

— Хм... нет. Я об этом не думал.

— Это правило против огнестрельного оружия и взрывчатых веществ — не закон, какие действуют у вас на Земле. Оно больше, чем закон; здесь этими вещами пользоваться невозможно. Иначе бы они давно были применены против нас.

— Вы имеете в виду — они не сработают?

— Они не будут действовать. Может быть, тут подходит слово «колдовство».

— Стар, поглядите на меня. Возможно, вы и верите в колдовство. Я — нет. И я готов поставить семь к двум, что автоматы тоже не верят. Я готов проверить это. Вы поможете мне распаковаться?

Впервые она казалась по-настоящему расстроенной.

— О, милорд, молю вас, не надо!

— Почему не надо?

— Даже попытка окончилась бы катастрофой. Верите ли вы тому, что я знаю больше вас о трудностях, опасностях и законах этого мира? Поверите ли вы мне, когда я скажу, что не желаю вашей смерти, что, и это святая правда, моя собственная жизнь и безопасность зависят от вашей? Пожалуйста!

Невозможно не поверить Стар, когда она ставит вопрос ребром. Я задумчиво сказал:

— Наверное, вы правы — иначе тот тип таскал бы с собой шестидюймовую мортиру в качестве личного оружия. Э, Стар, у меня появилась идейка получше. Почему бы нам не смотаться обратно, откуда мы пришли, и не устроиться в том местечке, где мы ловили рыбу? Через пять лет у нас будет симпатичная маленькая ферма. Лет через десять, когда разойдется молва, у нас появится и симпатичный маленький мотель, с плавательным бассейном без условностей и лужайкой для гольфа.

Она чуть заметно улыбнулась.

— Милорд Оскар, возврата нет.

— Почему нет? Я могу найти то место с закрытыми глазами.

— Но нас найдут Они. Не Игли, а другие, подобные ему, будут посланы, чтобы загнать и убить нас.

Я снова вздохнул.

— Как скажете. Ходят слухи, что мотели в стороне от главных дорог — все равно мертвое дело. В той коллекции где-то есть боевой топор. Может, я смогу оттяпать ему ноги раньше, чем он меня заметит.

Она снова покачала головой. Я сказал:

— А теперь в чем дело? Я что, должен биться с ним, стоя одной ногой в ведре? Мне показалось, что годится все, что режет или колет — все, что я делаю собственными мускулами?

— Так оно и есть, милорд. Но это не даст результатов.

— Почему же нет?

— Игли убить невозможно. Понимаете, он, вообще-то говоря, не живое существо. Он — конструкция, созданная неуязвимой именно с этой целью. Мечи, или ножи, или даже топоры не поражают его; они отскакивают. Я это видела.

— Вы хотите сказать, он — робот?

— Если вы подразумеваете рычаги, колесики и печатные схемы — то нет. Вернее было бы назвать Голем. Порода Игли — это подражание жизни.— Стар добавила: — В некоторых отношениях лучше, чем жизнь, поскольку нет никакого способа, насколько мне известно, убить его. Но одновременно и хуже, ибо Игли не очень сообразителен и уравновешен. У него очень много тщеславия и мало здравого смысла. Руфо сейчас на это и нажимает, подогревая его до кондиции, выводя его из себя до того, что он не сможет ясно мыслить.

— Правда? Н-да! Надо мне не забыть отблагодарить Руфо за это от всей души и даже больше, наверное. Ну, Принцесса, так что вы мне сейчас прикажете делать?

Она развела руками так, как будто все было очевидно.

— Когда вы приготовитесь, я сниму защиту — и вы убьете его.

— Но вы только что сказали...— я не стал продолжать. Когда распустили французский Иностранный Легион, для нас, романтиков, осталось очень мало тепленьких местечек. С этим мог бы справиться Умбопа. Несомненно — Конан. Или Ястреб Карс. Или даже Дон Кихот, потому что штука эта была размером как раз с ветряную мельницу.

— Ладно, Принцесса, давайте займемся делом. Ничего, если я поплюю себе на руки? Или и это не по правилам?

Она улыбнулась одними губами и очень серьезно сказала:

— Милорд Оскар, мы все поплюем себе на руки; мы с Руфо будем сражаться рука об руку с вами. Или мы победим... или все мы умрем.

Мы пошли присоединиться к Руфо. Он показывал Игли ослиные уши и орал:

— Кто твой отец, Игли? Мать твоя была мусорной урной, а вот кто твой отец? Глядите на него. У него пупа нет! Ха-а!

Игли парировал:

— А ТВОЯ мать гавкает; Твоя сестра дает зеленые марки! — но, как мне показалось, довольно слабо. Было ясно, что замечание насчет пупов задело его за живое — пупа у него не было. Что ж, полагаю, это только естественно.

Все вышеприведенное — это не совсем то, что сказал каждый из них, за исключением замечания насчет пупа. Мне бы хотелось передать этот разговор в оригинале, потому что на их языке оскорбление — это высокое искусство, по меньшей мере равное поэзии. По сути дела, воплощением литературного изящества служит обращение (принародное) к своему врагу в какой-нибудь трудной стихотворной форме, скажем, сестине, так, чтобы каждое слово источало яд.

Руфо восторженно закудахтал:

— Сделай сам, Игли! Ткни себя пальцем в живот и сделай себе пуп. Тебя оставили снаружи на дожде, а ты сбежал. Тебя забыли доделать. Разве эта штука называется НОСОМ?

Он вполголоса обратился ко мне по-английски:

— Каким он вам нужен, босс? Сырым? Или хорошо пропеченным?

— Не давай ему отвлекаться, пока я не изучу положение. Он английский не понимает?

— Ни слова.

— Хорошо. Насколько я могу к нему подобраться, не опасаясь, что он меня сцапает?

— Насколько хотите, пока не снята защита. Но, босс, вообще-то я не должен вам советовать, но когда мы примемся за дело, смотрите, чтобы он вас не заграбастал.

— Постараюсь.

— Будьте осторожны.— Руфо повернул голову и прокричал: — Йа-а! Игли ест то, что наковырял из носу.— И добавил мне: — Она хороший доктор, лучший, но все равно будьте осторожны.

— Буду.— Я шагнул ближе к невидимому барьеру и поднял голову поглядеть на это создание. Он воззрился на меня сверху вниз и издал ворчащий звук, а я показал ему нос и послал сочный, со смаком «привет из Бруклина»*. Я стоял от него с подветренной стороны, и мне показалось, что он не мылся лет 30—40; запах от него был хуже, чем в раздевалке на стадионе после первого тайма.

У меня проклюнулось зернышко мысли.

— Стар, этот херувим умеет плавать?

Она удивилась.

— Честное слово, не знаю.

— Может, его забыли на это запрограммировать. Как насчет тебя, Руфо?

Руфо самодовольно ответствовал:

— Проверьте меня, только проверьте. Я мог бы поучить даже рыб. Игли! Расскажи-ка нам, почему тебя отказалась целовать свинья!

Стар может плавать, как тюлень. Мой стиль плавания больше похож на паром, но я добираюсь, куда надо.

— Стар, может, эту штуку и нельзя убить, но она дышит. У нее есть хоть какой-то кислородный обмен, даже если она работает на керосине. Если немного подержать его голову под водой — сколько нужно — готов поклясться, что его мотор заглохнет.

У нее расширились глаза.

— Милорд Оскар... рыцарь мой... я в вас не ошиблась.

— Для этого придется изрядно потрудиться. Играл когда-нибудь в водное поло, Руфо?

— Я его изобрел.

— Надеюсь, что это правда. Я в него играл — однажды. Как и поездка на шесте **, это интересное ощущение, но хватает одного раза.

— Руфо, ты не мог бы заманить нашего приятеля поближе к берегу? Я так понимаю, что заграждение следует вдоль этой линии мохнатых и пернатых друзей? Если это так, то мы можем увлечь его почти вон к тому обрывчику с глубоким омутом под ним — помните, Стар, где вы «топили» меня в первый раз?

— Это нетрудно,— сказал Руфо.— Мы двинемся, и он пойдет следом.

— Я бы хотел, чтобы он бежал. Стар, сколько вам понадобится, чтобы отключить ваш забор?

---

* Непристойный звук, издаваемый губами.

** Мера наказания в Америке: пойманных мошенников привязывали к шесту и проносили по улицам города.



— Я могу снять защиту мгновенно, милорд.

— Ладно, значит, план такой. Руфо, я хочу, чтобы ты вынудил Игли преследовать тебя во всю его прыть, а ты удирай и беги к тому обрыву. Стар, когда Руфо это сделает, вырубайте барьер — снимайте защиту — мгновенно. Не ждите, пока я об этом скажу. Руфо, ты ныряешь и гребешь во весь дух; не дай ему себя схватить. Коли нам повезет, если Игли не будет двигаться быстро, при его размерах и неуклюжести он тоже полетит в воду, хочет он того или нет. Я буду бежать неподалеку, рядом с вами и немного позади. Если Игли сумеет нажать на тормоза, я шарахну его нижним захватом и скину в воду. Потом мы все играем в водное поло.

— Я никогда не видела водного поло,— с сомнением сказала Стар.

— Судей все равно не будет. Все, что имеется в виду на этот раз,— это что мы, все трое, наваливаемся на него в воде, окунаем его голову под воду и удерживаем ее так — и помогаем друг другу, чтобы он не запихнул под воду наши головы. Каким бы здоровым он ни был, если только он не лучше нас плавает, он будет в жутко невыгодном положении. Мы продолжаем это делать, покуда он не обмякнет и так не останется, ни в коем случае не позволять ему сделать вдоха. Потом, для верности, мы нагрузим его камнями — умрет он в самом деле или нет, не будет иметь значения. Вопросы есть?

Руфо оскалился ухмылкой гаргойли.

— Это, кажется, будет забавно!

Оба этих пессимиста, казалось, думали, что план сработает, так что мы решили начать. Руфо выкрикнул такое насчет личных привычек Игли, чего не напечатала бы даже «Олимпия Пресс», потом предложил Игли догнать его, назвав в качестве приза невероятную похабщину.

Громоздкому Игли потребовалось много времени, чтобы разогнать свою тушу, но когда он наконец набрал скорость, то оказался быстрее, чем Руфо, оставив позади себя хвост из испуганных птиц и животных. Я бегаю неплохо, но и мне стоило большого труда сохранить дистанцию до гиганта, сбоку и на несколько шагов сзади: я надеялся, что Стар не снимет защиту, если окажется, что Игли сумеет схватить Руфо на земле.

Стар, однако, все же сняла защиту как раз в тот момент, когда Руфо резко отвернул от барьера; а Руфо достиг берега и выполнил отличный прыжок в воду с разбега, без замедления, точно по плану.

Все остальное пошло вкривь и вкось.

Мне думается, Игли был слишком глуп, чтобы сразу усечь, что барьер снят. Он пробежал еще несколько шагов после того, как Руфо сделал угол влево, потом повернул-таки налево довольно резко. Но при этом он потерял скорость и ему не составило труда остановиться на сухой земле.

Я подсек его ныряющим захватом, низким вне всяких правил, и все-таки он упал — но не перевалился в воду. Внезапно мне достались полные объятия сопротивляющегося и очень вонючего голема.

Но мне на помощь тут же подоспела дикая кошка, а вскоре и Руфо, роняя капли с одежды, прибавил свой голос.

Однако положение наше стало похоже на пат, да такой, в котором со временем мы были обречены на проигрыш. Игли весил больше всех нас вместе взятых и состоял, казалось, из одних мускулов, да вони, да когтей и зубов. Мы страдали от синяков, ушибов и ранений — и не причиняли Игли никакого вреда. То есть он вопил, как в телефильме ужасов, каждый раз, когда один из нас выкручивал ему ухо или выворачивал палец, но серьезных травм мы ему не нанесли, он нас определенно забивал. Затащить такую массу в воду было явно невозможно.

Я вступил в борьбу, обхватив его руками за колени, и в таком положении по необходимости и оставался, пока мог, в то время как Стар пыталась овладеть одной его рукой, а Руфо другой. Но положение все время менялось; Игли извивался, как гремучая со сломанным хребтом и всякий раз высвобождал то руку, то ногу, норовя оцарапать или укусить. Из-за этого мы постоянно перемещались; внезапно оказалось, что я вцепился в одну из его мозолистых ног, пытаясь отломать ее напрочь, и гляжу в его открытый рот, широкий, как медвежий капкан, и еще менее привлекательный. Ему не мешало бы почистить зубы.

Тут я пихнул большой палец его ноги ему же в рот.

Игли заверещал, потому что я стал пихать ногу дальше, и вскоре орать ему уже было нечем. Я заталкивал ногу, не останавливаясь.

Когда он проглотил собственную ногу до колена, он ухитрился вырвать у Стар правую руку и ухватился за свою исчезающую ногу. Я успел схватить запястье.

— Помогите мне,— гаркнул я Стар,— ТОЛКАЙТЕ!

Она поняла, в чем дело, и принялась пихать вместе со мной. Рука вошла в его рот до локтя, а нога протолкнулась еще дальше, на порядочную часть бедра. К тому времени Руфо уже работал с нами и просунул левую руку Игли мимо щеки прямо в челюсти. Игли уже сопротивлялся не так сильно, вероятно, из-за нехватки воздуха, поэтому для того чтобы просунуть пальцы его ноги ему в рот, потребовалась только решительность действий: Руфо оттягивал его волосатые ноздри, я давил коленом на подбородок, а Стар толкала.

Мы без передышки скармливали его ему же в рот, продвигали по дюйму за раз и не ослабляли нажима. Он все еще дергался и пытался высвободиться, когда мы закатали его вплоть до таза, а его вонючие подмышки уже почти исчезли.

Похоже было на катание снежного кома, только наоборот: чем

больше мы толкали, тем меньше он становился, и тем шире растягивался его рот — гнуснейшее зрелище из тех, что мне доводилось видеть. Скоро он скатался до размеров пляжного мяча... потом футбольного... а потом баскетбольного, а я катал его между ладонями и, не переставая, жал изо всех сил.

...Мяч для гольфа, теннисный шарик, горошина... и вот не осталось ничего, кроме какой-то жирной грязи на моих ладонях.

Руфо глубоко вздохнул.

— Надеюсь, это его научит не совать пальцев в рот при воспитанных людях. Кто готов завтракать?

— Я хочу сначала помыть руки,— сказал я.

Мы все выкупались, изведя уйму мыла, потом Стар обработала наши раны и дала Руфо перевязать свои по ее указаниям. Руфо прав; Стар — самый лучший медик. Мазь, которую она использовала, не щипала, порезы зажили, гибкие повязки, которые она наложила на них, не нуждались в смене и со временем отпадали без воспалений и шрамов. Руфо страдал от очень серьезного укуса — центов на сорок мяса пропало из его левой ягодицы. Но когда Стар закончила лечение, он мог садиться и вроде бы не испытывал неудобства.

Руфо накормил нас маленькими золотыми блинчиками, большими немецкими сосисками, сочащимися жиром, и напоил несколькими галлонами ХОРОШЕГО кофе. Был уже почти полдень, прежде чем Стар вновь сняла защиту, и мы направились к спуску с обрыва.

ГЛАВА VII

СПУСК в долину Невии рядом с великим водопадом достигает тысячи футов и более чем крут; над краем нависает утес, и приходится спускаться на веревке да еще медленно вращаться, как паук. Не советую такого никому; это вызывает головокружение, и я чуть было не расстался со своими замечательными блинчиками.

Вид сверху изумительный. Со стороны виден водопад; вода летит в воздухе, не задевая утеса и падая так далеко, что успевает укрыться туманом брызг прежде, чем ударится о дно. Потом, оборачиваясь, упираешься взглядом в насупленный утес. Потом долгое обозрение долины, такой пышной, зеленой и прекрасной, что в ее существование с трудом верится — болота и лес у подножия утеса, на несколько миль подальше на среднем плане возделанные поля, потом в далекой дали, туманная у основания, но с явно видными вершинами, могучая гряда покрытых снегом гор.

Стар набросала для меня план долины.

— Сначала мы пробиваем себе путь через болото. После этого дорога становится легче. Нам останется только смотреть в оба за

кровавыми коршунами, потому что мы выйдем на кирпичную дорогу, очень удобную.

— Дорогу, вымощенную желтым кирпичом? — спросил я.

— Да. Такая у них глина. Это что-нибудь означает?

— Да, наверное, нет. Только бы не сделать из этого привычки. А потом что?

— Потом мы переночуем в одной семье, тамошнего помещика. Люди хорошие, они вам понравятся.

— А вот потом дорога станет хуже,— добавил Руфо.

— Руфо, не накликай беду,— остановила его Стар.— Уж ты, пожалуйста, воздержись от комментариев и позволь Оскару разбираться со своими задачами самому, когда он будет решать их на свежую голову, смотреть незатуманенными глазами и без волнения. Ты знаешь кого-нибудь еще, кто смог бы справиться с Игли?

— Ну, если вы так ставите вопрос... нет.

— Именно так я его и ставлю. Сегодня мы спим со всеми удобствами. Разве этого мало? Тебе это будет не менее приятно, чем остальным.

— Вам тоже.

— А когда я пропускала случай насладиться чем-нибудь приятным? Придержи язык. Итак, Оскар, у подножья утесов живут Рогатые Призраки — их обойти не удастся, они увидят, как мы спускаемся. Если нам повезет, мы не должны встретить никого из Шайки Холодных Вод; они прячутся подальше, в туманах. Но если нам не повезет и мы встретим обоих, нам может повезти, если они передерутся друг с другом и дадут нам возможность улизнуть. Тропка через болото опасна; вам лучше заучить этот набросок на память. Надежная почва только там, где растут желтые маленькие цветы; неважно, насколько твердым и сухим выглядит место. Но, как вы можете видеть, даже если осмотрительно следовать по безопасным местам, тут столько ответвлений и тупиков, что мы могли бы проблуждать весь день и быть захваченными тьмой — и остаться тут навек.

Вот так я и оказался первым на спуске, ибо внизу неминуемо ждали нас Рогатые Призраки. Моя привилегия. Разве я не Герой? Разве не я заставил Игли съесть самого себя?

Однако хотел бы я, чтобы Рогатые Призраки в самом деле были призраками. Они оказались двуногими животными, всеядными. Едят все, что угодно, включая друг друга, а особенно — путешественников. От живота и выше, как мне их описали, они очень похожи на Минотавра; а от сего места и ниже — это косолапые сатиры. Верхние их конечности напоминали короткие руки, только кисти были не настоящие — без больших пальцев.

Но вот рога их! Рога у них были как у быков, «техасских длиннорогих», только торчали вверх и вперед.

Есть, однако, хороший способ превратить Рогатого Призрака в просто призрака. В его черепе, как раз между рогами, есть мягкое место, как родничок у ребенка. Поскольку это зверье нападает, нагнув голову, пытаясь проткнуть жертву, это единственное уязвимое место, которое можно достать. Все, что нужно,— это встать, где стоишь, и не дергаться, прицелиться в эту единственную точку — и попасть в нее.

В общем, задача моя была проста. Спуститься первым, перебить их сколько нужно, чтобы обеспечить Стар надежное место для приземления, потом стоять изо всех сил на ее защите, пока не спустится Руфо. После этого мы были вольны прорубить путь себе к безопасности сквозь болото. Если к сабантую не присоединится Шайка Холодных Вод...

Я постарался переменить положение в петле, на которой меня спускали,— у меня онемела левая нога — и посмотрел вниз. В сотне футов уже собрался комитет по встрече.

Вид у него был как у грядки спаржи. Штыки по фронту.

Я дал сигнал прекратить снижение. Высоко вверху Руфо закрепил веревку; я висел, раскачиваясь в воздухе, и пытался думать. Если бы они по моей команде опустили меня прямиком в эту толпу, я мог бы проткнуть одного-двух — прежде чем наколют меня. А может, и ни одного... Единственно несомненным было то, что я был бы мертв задолго до того, как друзья мои смогли бы ко мне присоединиться.

С другой стороны, кроме вышеупомянутого «родничка» между рогами, у всех этих тварей имеется мягкое брюхо, словно предназначенное для стрел. Если бы Руфо немного спустил меня...

Я подал ему сигнал. Опускаться я начал медленно, немножко неравномерно, и он чуть не пропустил мой сигнал снова остановиться. Мне пришлось подобрать ноги; некоторые из этих малышей фыркали, скакали и толкали друг друга, чтобы обеспечить себе лучшую возможность пропороть меня. Какой-то Нижинский среди них все же ухитрился царапнуть подошву моего левого котурна, от чего я до самого подбородка покрылся гусиной кожей.

Под воздействием такого мощного стимула я на руках подтянулся вверх на веревке достаточно высоко для того, чтобы устроить в петле ноги вместо седалища. Я стоял в петле, уцепившись за веревку и переступая попеременно с одной ноги на другую, чтобы прогнать онемение. Потом я снял с плеча лук и изготовил его. Такой трюк был бы достоин профессионального акробата — а вот пробовал ли кто натянуть лук и выпустить стрелу, стоя в лямке на конце веревки длиной в тысячу футов и держась за эту веревку одной рукой?

Таким способом теряются стрелы. Я потерял три и чуть не потерял себя самого.

Я попытался застегнуть вокруг веревки свой ремень, из-за чего повис вниз головой и потерял свою робингудовскую шапчонку и еще

несколько стрел. Этот номер понравился моей публике; они зааплодировали, как мне показалось, так что на «бис» я попробовал передвинуть ремень на грудь, дабы повиснуть более-менее вертикально — а может, и выпустить стрелу-другую.

Пока что все, чего я смог добиться, это привлечь зрителей («Мама, посмотри, как смешно!») и самому раскачаться взад-вперед, как маятнику.

Как бы ни было плохо последнее, именно оно подало мне мысль. Я стал увеличивать размах колебаний, раскачивая веревку, как качели на ярмарке. Это оказалось долгим делом, и понадобилось время, чтобы приноровиться к нему, так как период колебаний маятника, грузом которого был я, превосходил минуту — а пытаться поторопить маятник не имеет смысла. Работать надо вместе с ним, а не против. В душе я надеялся, что мои друзья видят происходящее достаточно ясно, чтобы догадаться, что я делаю, и не напортачить.

После непомерно долгого времени я раскачивался вперед и назад по плоской длине футов в сто, очень быстро пролетая над головами своей публики в нижней точке колебаний, а в крайних их точках замедляясь до остановки. Сначала мои бодливые головы пытались бегать за мной, но устали от этого и расположились примерно посередине и стали наблюдать, поворачивая головы вслед за моими движениями, как болельщики на теннисном турнире, в замедленном темпе.

Однако всегда отыщется какой-нибудь проклятый новатор. Моим замыслом было спрыгнуть на землю в конце этой дуги, там, где она вплотную подходила к утесу, и встать там в оборону к стене. Почва там была повыше, мне бы не пришлось далеко лететь. Но один из этих рогатых уродов понял мой план и рысцой отправился к тому концу махов. За ним последовало еще двое или трое.

Это решило дело: мне приходилось прыгать на другом конце. Однако молодой Архимед разгадал и это. Он оставил своих дружков у выступа утеса и потрусил за мной. Я вырвался вперед в нижней точки колебаний — но замедлил движение, и он догнал меня задолго до того, как я достиг мертвой точки в конце. Ему надо было преодолеть всего сотню футов секунд за тридцать — прогулочный шаг. Он был подо мной, когда я туда добрался.

Положение улучшиться не могло; я резко высвободил ноги, повис на одной руке, вытащил саблю во время своего слишком медленного перемещения и спрыгнул, невзирая ни на что. Моей мыслью было пронзить то уязвимое место в его башке, прежде чем ноги мои коснутся земли.

Вместо этого я промахнулся, промахнулся и он, я сшиб его с ног и растянулся вслед за ним, затем перекатился на ноги и перебежал к ближайшему выступу утеса, ткнув этого гения саблей в желудок прямо на бегу.

Этот паршивый удар спас меня. Его дрязья и родичи остановились поспорить о том, кому достанутся лучшие ребра, прежде чем группа их двинулась в моем направлении. Это дало мне время утвердиться на куче осыпи у подножья утеса, где я мог поиграть в «Царя горы», вернуть в ножны саблю и наложить стрелу.

Я не стал ждать, пока они на меня кинутся. Я просто выждал, пока они окажутся достаточно близко для того, чтобы не промахнуться, прицелиться меж ключиц старому быку, который вел их (если только у них бывают ключицы), и выпустил стрелу со всей мощью этого тяжелого лука.

Она прошла насквозь и вонзилась в бежавшего позади вожака.

Это привело еще к одной ссоре относительно стоимости мяса. Их съели с зубами и костями. Если бы они объединили усилия, я бы достался им за один натиск, когда еще только прицеливался. А вместо этого они остановились подкрепиться.

Я глянул вверх. Высоко надо мной крошечным паучком на паутине виднелась Стар; она быстро увеличивалась в размерах. Я боком, по-крабьи, двинулся вдоль скалы, пока не оказался напротив точки, в сорока футах от утеса, где она должна была достичь земли.

Когда она спустилась до высоты футов в 50, она дала знак Руфо прекратить спуск, вытащила свою шпагу и отдала мне салют.

— Великолепно, мой Герой!

У нас у всех было холодное оружие. Стар выбрала дуэльную шпагу с 34-дюймовым лезвием — оружие великовато для женщины, но Стар женщина нестандартная. Еще она набила кармашки своего пояса медицинским снаряжением — зловещий признак, если бы я это тогда заметил, но я не заметил.

Я обнаружил саблю и отсалютовал ей. Меня еще не беспокоили, хотя некоторые, уже подзакусив или не найдя себе места, слонялись поблизости и приглядывались ко мне. Потом я снова спрятал саблю в ножны и наложил стрелу.

— Начинайте раскачиваться, Стар, прямо ко мне. Пусть Руфо опустит вас немного пониже.

Она вернула шпагу в ножны и дала знак Руфо. Он стал медленно опускать ее, пока она не очутилась примерно в девяти футах от земли; тут она дала знак остановиться.

— А теперь качайтесь! — выкрикнул я.

Кровожадные туземцы уже забыли меня; они наблюдали за Стар, кроме тех, что все еще были заняты, доедая братца Эбби или дядюшку Джона.

— Хорошо,— откликнулась она.— Но у меня есть моток бечевки. Вы сможете ее поймать?

— О!

Прекрасная умница посмотрела на мои маневры и догадалась, что будет нужно.

— Погодите минутку! Я отвлеку их внимание.

Я протянул руку через плечо, ощупью пересчитал стрелы — семь. А отправлялся я с двадцатью да использовал одну; остальные были разбросаны и потеряны.

Я одним духом послал три штуки — вправо, влево и вперед, выбрав цели так далеко, как только отважился, целясь в середину и рассчитывая, что мой чудесный лук сам пошлет свои стрелы прямо и метко. Конечно, толпа рванулась за свежей дичью, как за подачкой правительства.

— Давай!

Десять секунд спустя я поймал ее в объятия и снял дань в виде мгновенного поцелуя.

Десять минут спустя тем же манером очутился внизу и Руфо, ценою моих трех стрел и двух стрел Стар, размером поменьше. Ему пришлось опускать себя самому, сидя в петле и сжимая свободный конец веревки под мышками; без нашей помощи он был бы как сидящая утка. Как только он выпутался из веревки, он стал сдергивать ее с утеса и свертывать в бухту.

— Брось,— резко сказала Стар,— времени нет, и чтоб тащить, она слишком тяжела.

— Я ее упакую.

— Нет.

— Хорошая же веревка,— настаивал Руфо,— пригодится.

— Тебе пригодится только саван, если мы не успеем пройти сквозь болото до сумерек.— Стар повернулась ко мне:— Как пойдем, милорд?

Я огляделся. Несколько чудаков еще болталось поблизости, впереди нас и чуть левее, очевидно, не решаясь подойти ближе. Справа от нас и выше туча водяной пыли у подножья водопадов ткала в воздухе радужное кружево. Ярдах в трехстах перед нами было место, где нам надлежало войти в лес, а сразу за ним начиналось болото.

Мы спустились с подножья плотным клином, я на острие, Руфо и Стар следуя по бокам, все с изготовленными луками. Я велел им обнажить шпаги, если хоть один Рогатый Призрак приблизится на 50 футов.

Этого не случилось. Один идиот пошел прямо на нас в одиночку, и Руфо сковырнул его стрелой футах в ста. Когда мы поравнялись с трупом, Руфо вытащил кинжал.

— Оставь это!— сказала Стар.

Она казалась чем-то раздраженной.

— Я просто хотел достать самородки и отдать их Оскару.

— И сделать так, чтобы нас всех перебили. Если Оскару нужны самородки, он их получит.

— Что за самородки?— спросил я, не останавливаясь.

— Золото, босс. У этих жмуриков глотки, как у цыплят. И единственное, что они глотают для пищеварения,— это золото. Старики дают, наверное, фунтов двадцать-тридцать.

Я присвистнул.

— Золото здесь широко распространено,— объяснила Стар.— У подножья водопадов его полно намыто за века. Из-за него возникают стычки между Призраками и Шайкой Холодных Вод, потому что у Призраков развит этот их странный аппетит, и по временам они отваживаются проникнуть в воду для его удовлетворения.

— Я еще не видал никого из Шайки Холодных Вод,— заметил я.

— Молите Бога, чтоб и не увидеть,— ответил Руфо.

— Вот вам и еще одна причина забраться поглубже в болото,— добавила Стар,— Шайка в него не суется, и даже Призраки далеко не заходят. Хоть у них и плоские ступни, но и их может засосать.

— В самом болоте есть что-нибудь опасное?

— Сколько угодно,— заверил меня Руфо.— Так что смотрите, ступайте только по желтым цветам.

— За своими ногами лучше присматривай. Если та карта не ошибается, мы не заблудимся. Как выглядят члены Шайки Холодных Вод?

Руфо задумчиво сказал:

— Видали утопленника недельной давности?

Я решил не продолжать расспросы.

Перед тем как войти в лес, я заставил своих закинуть луки за плечи и вытащить шпаги. Как только мы вступили под сень деревьев, на нас набросились. Я имею в виду Рогатых Призраков, а не Шайку Холодных Вод. Засада со всех сторон, не знаю, сколько уж их было. Руфо убил четырех или пятерых. Стар, по крайней мере, двоих, а я скакал вокруг, принимая воинственный вид и стараясь уцелеть. Нам пришлось перелезать через тела, чтобы двигаться дальше, считать их было бы слишком долго.

Мы двинулись дальше в болото, следуя за маленькими золотыми цветочками-следопытами да за изгибами и поворотами карты у меня в голове. Примерно через полчаса мы вышли на полянку размером с гараж на две машины. Стар слабо сказала:

— Хватит, отошли порядочно.

Пока мы шли, она все время прижимала руку к боку, но до сих пор не соглашалась останавливаться, хотя кровь проступила на ее тунике и запачкала всю левую штанину ее трико.

Она разрешила Руфо обработать себя первой, пока я охранял вход на полянку. Я чувствовал облегчение от того, что помочь меня не попросили, ибо когда мы осторожно сняли ее жакетик, я почувствовал себя дурно, увидев, как сильно ее зацепило,— а она ни разу не пикнула. Это золотое тело — и ранено!

Я чувствовал себя позорно провалившимся в роли странствующего рыцаря.

Но она снова приободрилась, как только Руфо выполнил ее указания. Она начала лечить Руфо, затем меня — у каждого набралось с полдюжины ран, но в сравнении с такой тяжелой, которую получила она, наши казались царапинами.

Как только она подлатала меня, она спросила:

— Милорд Оскар, сколько нам еще предстоит выбираться из болота?

Я проследил в уме весь путь.— Дорога не становится хуже?

— Даже немного лучше.

— Не больше часа.

— Хорошо. Не одевайте больше грязной одежды. Руфо, распакуйся немножко, чтобы нам достать чистую одежду и стрел про запас. Нам, Оскар, они понадобятся против кровавых коршунов, как только мы выйдем из-под защиты деревьев.

Маленький черный ящик занял собой чуть не всю полянку, прежде чем раскрылся достаточно для того, чтобы Руфо достал одежду и добрался до арсенала. Однако в чистой одежде и при полном колчане я почувствовал себя другим человеком, особенно после того, как Руфо выкопал пол-литра коньяка и мы раздавили его на троих, по булькам. Стар пополнила свое медицинское снаряжение, потом я помог Руфо сложить багаж.

Может, у Руфо закружилась голова от коньяка, выпитого натощак. А возможно, от потери крови. Могло это быть простым невезением в виде незамеченного участка скользкой грязи. Он держал ящик в руках, собираясь, закрыв его в последний раз, сложить его до размеров ранца, как вдруг поскользнулся, резко выпрямился, и ящик полетел из его рук прямиком в шоколадно-коричневое озерцо.

Он был далеко за пределами досягаемости. Я заорал:

— Руфо, скидывай пояс!

Я схватился за пряжку своего.

— Нет, нет!— заорал Руфо.— Назад! Спасайтесь!

Один угол ящика было еще видно. Я знал, что мог бы достать его, если б надел спасательную веревку, даже если бы озеро оказалось бездонным. Так я и сказал, весьма сердито.

— Нет, Оскар!— торопливо сказала Стар.— Он прав. Мы уходим. И быстро.

Ну мы и пошли — я впереди, Стар по моим следам, Руфо — чуть не наступая ей на пятки.

Мы прошли ярдов сто, когда вдруг сзади нас извергся вулкан грязи. Шума немного, просто басовый гул и легкое землетрясение, потом пролился очень грязный дождь. Стар перестала торопиться и спокойно сказала:

— Ну вот и все.

Руфо сказал:

— Все напитки в нем оставались!

— Это-то меня не волнует,— откликнулась Стар.— Спиртного хватает везде. Но там были мои новые платья, Оскар, и красивые. Я хотела, чтобы вы их увидели; я их покупала с расчетом на ваш вкус.

Я не отозвался. Я думал об огнемете, и М-1, и паре ящиков боеприпасов. И, само собой, о спиртном.

— Вы слышите меня, милорд?— повторила она.— Я хотела надеть их для вас.

— Принцесса,— ответил я,— лучшая ваша одежда всегда с вами.

Я услышал счастливый смешок, который у нее появляется вместе с ямочками.

— Уверена, вы часто говорили это и раньше. И без сомнения, с большим успехом.

Мы выбрались из болота задолго до темноты и вскоре наткнулись на дорогу из кирпича. Кровавые коршуны не составили для нас проблемы. Это такие смертоносные существа, что если послать стрелу в направлении одного из их пике, коршун сворачивает в сторону и хватает ее в полете, загоняя ее самому себе прямо в глотку. Нам обычно удавалось получить стрелы назад.

Вскоре после того, как мы вышли на дорогу, мы оказались среди вспаханных полей, а скоро и стая кровавых коршунов сильно поредела. Как раз на закате солнца мы разглядели надворные строения и огни поместья, где, как сказала Стар, нам предстояло провести ночь.

ГЛАВА VIII

МИЛОРДУ Дорал'т Джьак Дорали следовало бы быть техасцем. Я не хочу сказать, что доральца можно спутать с техасцем, но в нем была та же широта души типа: «Ты платил за обед, я плачу за кадиллаки *». Особняк его был размером с цирк «шапито» и роскошным, как обед в день Благодарения, богатый, пышный, сплошь в чудесной резьбе и выложенный драгоценными камнями. Однако вид у него был неприлизанный, обжитой, и если не смотреть, куда ставишь ноги, то мигом наступишь на детскую игрушку на широкой длинной лестнице и кончишь сломанной ключицей. Везде под ногами путались дети и собаки, самые молодые из которых еще не были воспитаны и приучены к житью в доме. Доральца это не волновало. Ничто не волновало доральца, он наслаждался жизнью.

* Марка дорогих американских автомобилей.



Мы шли сквозь его поля, миля за милей, богатые, как лучшая пахотная земля Айовы. Зим здесь не бывало. Стар сказала мне, что на них получают 4 урожая в год. Время было уже позднее, и все, что мы видели время от времени — это одинокого работника, не считая повозки, встреченной нами на дороге. Мне показалось, что ее тянут две пары лошадей. Я ошибся — упряжка состояла всего из одной пары, у них было по восемь ног. Вся Невианская долина такая: обыденное смешано с дико необычным. Люди были людьми, собаки собаками — а лошади не были похожи на лошадей. Как Алиса, борющаяся с Фламинго: каждый раз, когда мне казалось, что я одержал победу, понимание выскальзывало у меня из рук.

Человек, правивший этими конными сороконожками, уставился на нас во все глаза, но не потому, что мы были одеты не по-ихнему; он был одет, как я. Он уставился на Стар, как сделал бы всякий. Люди, работавшие в полях, были по преимуществу одеты в некое подобие лавы-лавы. Этот костюм, простой кусок ткани, обернутый вокруг тела и перевязанный у талии, служит на Невии эквивалентом комбинезонов или джинсов как для женщин, так и для мужчин; то, во что были одеты мы, приравнивалось к Серому Фланелевому Костюму или стандартной повседневной одежде женщин. Праздничный или официальный костюм — это совсем другое дело.

Вступив в пределы поместья, мы собрали за собой изрядный шлейф детей и собак. Один пацан побежал вперед, и, когда мы подошли к широкой террасе перед главным зданием, милорд Дорал собственной персоной вышел встречать нас из громадных парадных дверей. Я не распознал в нем хозяина поместья; он был одет в один из коротких саронгов, бос и с непокрытой головой. Волосы у него были густые, с сединой, внушительная борода, и по виду он смахивал на американского генерала Гранта.

Стар помахала рукой и закричала:

— Джок! Эй, Джоко! (По-настоящему-то его звали «Джьак», но мне послышалось «Джок», Джоком он и остался.)

Дорал воззрился на нас, потом рванулся вперед, как танк:

— Эттибу! Хвала твоим прекрасным голубым глазам! Хвала твоему маленькому упругому заду! Почему ты не дала мне знать? (Мне тут приходится немного приглаживать, потому что невианские выражения не параллельны нашим. Попытайтесь дословно перевести некоторые французские выражения и поймете, что я хочу сказать. Доралец вовсе не был вульгарен; он вежливо, галантно и церемонно поприветствовал старого и глубокоуважаемого друга.)

Он сжал Стар в объятиях, приподнял от земли, поцеловал в обе щеки и в губы, укусил за ухо, потом поставил на землю, обхватив одной рукой поясницу.

— Игры и празднества! Три месяца отдыха! Скачки и схватки каждый день, оргии каждую ночь! Награды сильнейшим, красивейшим, острейшим на язык...

Стар остановила его:

— Милорд Дорал...

— А? И приз всех призов за первого родившегося ребенка...

— Джоко, милый! Я люблю тебя от всего сердца, но завтра нам придется уехать. Все, чего мы просим,— это пожевать какую-нибудь кость и переночевать в углу.

— Чепуха! Вы не сможете так обойтись со мной!

— Ты прекрасно знаешь, что мне придется это сделать.

— К черту политику! Я умру у твоих ножек, Сладкий Пирожок. Сердце старого бедного Джоко не выдержит. Я чувствую, как уже начинается приступ.

Он ощупал грудную клетку.

— Где-то здесь было...

Она ткнула его в живот.

— Жулик старый. Ты помрешь, как жил, и вовсе не от разрыва сердца. Милорд Дорал...

— Слушаю вас, миледи?

— Я привела к вам Героя.

Он захлопал глазами.

— Уж не о Руфо ли вы говорите? Привет, Руфо, старый хорек! Свежие анекдоты найдутся? Давай на кухню и выбери себе, какая побойчее.

— Благодарю вас, милорд Дорал.

Руфо «сделал ножкой», глубоко поклонившись, и оставил нас.

Стар твердо продолжала:

— Если Доральцу будет угодно.

— Я слушаю.

Стар отцепилась от его руки, выпрямилась во весь рост и начала хвалебную песнь:

— От смеющихся Вод Певчих
К нам пришел герой отважный.
Воина зовут Оскаром.
Благороден и красив он,
Мудр, силен, неустрашим он.
Игли на вопрос поймал он,
Парадоксами запутал,
Игли рот заткнул он Игли,
Самому себе скормил он
Злого духа без остатка!
Некогда Поющим Водам...

Так продолжалось без остановки, без всякой лжи и все же не совсем правдиво — подкрашено, как сообщение чиновника по делам печати. Например, Стар рассказала ему, что я убил 27 Рога-

тых Призраков, одного из них голыми руками. Я лично столько не припомню, а что касается «голых рук», это произошло случайно. Я только что проткнул одного из этих паразитов, как к моим ногам свалился другой, которого пихнули сзади. У меня не было времени вытащить саблю, поэтому я наступил ногой на один рог, а левой рукой что было сил дернул за другой, и его голова развалилась, как куриная дужка. Однако я сделал это от отчаяния, а не по собственному выбору.

Стар даже сымпровизировала длинный экскурс в сторону насчет героизма моего отца и заявила, что мой дед возглавлял атаку на Сан-Хуане *, а затем принялась за прадедушек. Когда она рассказывала ему, где я достал свой шрам, идущий от левого глаза до правой челюсти, она точно потеряла всякое чувство меры.

Тут дело вот в чем: Стар порасспросила меня в нашу первую встречу и подстрекала рассказывать ей еще во время нашего долгого вчерашнего похода. Но я не болтал ей той чепухи, которой она пичкала теперь Дораль ца. Она, должно быть, держала на мне целыми месяцами агентов «Сюрте», ФРГ и Арчи Гудвина. Она даже назвала команду, против которой мы играли, когда я сломал себе нос, а уж этого я ей точно не говорил.

Я торчал там, краснея, пока Доралец оглядывал меня сверху донизу, временами присвистывая и уважительно пофыркивая. Стар кончила свою речь, сказав просто:

— Вот как было.

Он протяжно вздохнул и сказал:

— Можно нам послушать еще разок ту часть насчет Игли?

Стар подчинилась, рассказав все другими словами и более подробно. Доралец слушал, хмуря брови, и одобрительно кивал.

— Решение, достойное Героя,— сказал он.— Значит, он к тому же и математик. Где он обучался?

— Природный гений, Джок.

— Следовало ожидать.— *Он приблизился ко мне, посмотрел* прямо в глаза и положил руки мне на плечи.— Герой, поразивший Игли, может выбирать любой дом. Но он почтит мой приют, приняв предложение крыши... и стола... и постели?

Он говорил с величайшей серьезностью, не спуская с меня глаз; у меня не было ни малейшей возможности обратиться за подсказкой к Стар. А подсказка была мне нужна. Тот, кто самоуверенно заявляет, что хорошие манеры везде одинаковы, а люди везде люди, никогда не вылезал из своей деревни дальше, чем соседняя остановка свистка. Я не любитель усложнять, но поболтался по свету достаточно, чтобы понять это. Он произнес речь, напичканную протоколом, и ожидал официального ответа.

---

* Эпизод гражданской войны в США.

Я сделал все, что мог. Я положил руки ему на плечи и торжественно ответил:

— Мне оказаны почести намного больше любых заслуг моих, сэр.

— Но вы согласны?— взволнованно спросил он.

— Я соглашаюсь от всего сердца. («Сердце» звучало вполне подходяще. У меня что-то не ладилось с языком.)

Он, казалось, вздохнул с облегчением.

— Великолепно.— Он сжал меня в медвежьих объятиях, поцеловал в обе щеки, и только серия быстрых уклонов спасла меня от поцелуя в губы.

Потом он выпрямился и заорал:

— Вина! Пива! Шнапса! Кто, черт его побери, со всеми потрохами, должен сегодня бегать? Я сдеру с кого-нибудь живьем кожу ржавым напильником! Кресла — обслужить Героя! Да где же все?

Последняя реплика была безосновательной; пока Стар расписывала, какой я отличный парень, на террасе собралось человек 18 или 50, которые толкались и пихались, стараясь получше все разглядеть. Среди них наверняка был и личный состав, дневаливший в тот день, ибо прежде чем хозяин перестал вопить, кто-то сунул мне в одну руку кружку эля, а в другую — стакан 110-градусной огненной воды, емкостью унции в четыре. Джоко хватил свою, как водопроводчик; поэтому я последовал его примеру, потом с радостью опустился на стул, который уже был мне подставлен; челюсть у меня отвалилась, волосы встали дыбом, а пиво еще только начало тушить огонь.

Кто-то еще набивал меня кусочками сыра, холодными закусками, маринованным тем да сем; в меня влили нераспознаваемое, но сплошь вкусное питье, не ожидая, пока я его приму, а опрокидывая прямо мне в рот, как только я открывал его, хотя бы чтобы сказать:

— Гезундхайт!

Я ел, что предлагали, и скоро действие гидрофлюоресцидной кислоты заглохло.

Тем временем Доралец представлял мне обитателей своего поместья. Было бы лучше, если бы они носили нашивки, потому что в их званиях я так и не разобрался. Одежда не помогала, ибо, во-первых, сам владелец был одет как фермер, во-вторых, даже помощница посудомойки могла (иногда так и бывало) шмыгнуть к себе и обвешаться золотыми украшениями, надев свое лучшее вечернее платье. Да и представлены они были не в порядке чинов.

Я едва усек, кто был хозяйкой поместья, женой Джоко — его старшей женой. Она оказалась очень симпатичной зрелой женщиной, брюнеткой; весила она немножко больше, чем нужно, но этот добавочный вес был распределен самым завлекательным образом. Одета она была так же небрежно, как Джоко, но, к счастью, я ее от-

метил, потому что она тут же подошла приветствовать Стар, и они тепло обнялись, две давние подруги. Так что я держал ушки на макушке, когда ее мгновение спустя представили мне как (и я это заметил) Доралку (точно так же, как Джоко был Доралец, только с женским отчаянием). Я вскочил на ноги, ухватил ее руку, склонился над ней и прижал ее к губам. Это даже отдаленно не похоже на обычаи Невии, однако вызвало восторг; миссис Дорал покраснела от удовольствия, а Джоко гордо заулыбался.

Она была единственной, кого я приветствовал стоя. Мужчины и мальчики поголовно делали мне ножкой, с поклоном; все девушки от шести до шестидесяти делали реверансы — не так, как у нас, а по-невиански. Больше было похоже на па в твисте. Балансируя на одной ноге, отклониться как можно дальше, потом, вертясь на другой, наклониться вперед, при этом все время медленно изгибаясь в стороны. Словами невозможно передать всей грациозности, какова была на самом деле, и к тому же подтвердилось, что нигде во владениях Доральца не было ни единого заболевания артритом или смещенной чашечки.

Джоко практически вообще не затруднял себя именами. Женщины для него были Любимая, Кошечка да Овечка, а всех мужчин, даже тех, кто, казалось, был старше его, он звал Сын.

Возможно, большинство из них и были его сыновьями. Систему в Невии я полностью не понял. С виду было похоже на феодальные времена нашей собственной истории. Может, так и было. А вот была ли вся эта толпа рабами Доральца, его крепостными, наемными работниками или сплошь членами одной большой семьи, я так и не разобрался. Думается, смесь. Звания ничего не значили. Единственное звание, которое принадлежало Джоко, это то, что его выделяли в произношении, как Доральца с большой буквы, в отличие от любого из пары сотен доральцев. Я в этих воспоминаниях здесь и там понапихал «милордов», потому что этим титулом пользовались Стар и Руфо, но вообще-то это была просто вежливая форма обращения, выражающая такую же невианскую форму. «Freiherr» не означает «свободный человек», а «monsieur» не означает «мой господин» — такие вещи не очень гладко переводятся. Стар усеивала свою речь «милордами», потому что она была слишком вежлива, чтобы говорить «Эй, ты!» даже своим близким.

Наивежливейшие обращения на невианском языке принесли бы вам удар по зубам в США.

Как только весь состав был представлен перед лицом Гордона, Героя Первого Класса, мы удалились на перерыв, чтобы подготовиться к банкету, которым Джоко, лишенный трех месяцев пиршества, заменил свои первоначальные намерения. Я, таким образом, откололся как от Стар, так и от Руфо; проводили меня в мои хоромы две мои прислужницы.

Именно это я и сказал. Женщины. Во множественном числе. Хорошо еще, что я привык к женской обслуге в туалетных комнатах европейского типа да еще пообкатался в Юго-Восточной Азии и на Л'иль дю Леван; в американских школах не учат обращению с прислужницами. Особенно когда они молоденькие, симпатичные и страстно хотят услужить... а я пережил долгий, полный опасностей день. В первом же боевом патруле я понял — ничто так не подстегивает наши древние биологические потребности, как перестрелка, в которой удалось уцелеть.

Если бы на мою долю пришлась только одна, я, возможно, опоздал бы к завтраку. А так они как бы надзирали друг над другом, хотя, думается мне, и не намеренно. Я похлопал рыженькую пониже спины, когда вторая отвернулась, и достиг, как мне показалось, взаимопонимания насчет встречи попозже.

Что ж, когда тебе массируют спину, это тоже неплохо. Постриженный, пошампуненный, почищенный, побритый, помытый, с запахом, как у воинственной розы, облаченный в наряды, изысканнее которых не было с тех времен, как Сесил Б. де Милль* переписал Библию, я был доставлен ими в банкетный зал вовремя.

Однако парадное платье проконсула, надетое на мне, оказалось б/у в сравнении с обмундированием Стар. Она в этот день потеряла все свои дивные одежды, но наша хозяйка сумела кое-что откопать.

Во-первых, платье, которое укрывало Стар от подбородка до щиколоток, было как листовое стекло. Оно казалось голубой дымкой, оно окутывало ее и волнами опадало позади. Под ним было «нижнее белье». Она представлялась взгляду укутанной в сплетенный плющ, плющ этот был золотистым, оттененным сапфирами. Он огибал ее красивый живот, делился на ветви и заключал в чаши ее груди; закрыто было столько же, сколько в минимальных размеров бикини, но впечатление было ошеломляющее и намного более эффектное.

На ногах у нее были сандалии из чего-то прозрачного и пружинистого, изогнутые в виде буквы S. Ничто, казалось, не держало их на ногах, ни ремешков, ни застежек; ее чудесные ноги босиком покоились на подставках. От этого казалось, будто она стоит на цыпочках дюймах в 4 от пола.

Ее пышная грива светлых волос была собрана в сооружение, столь же сложное, как полностью оснащенный корабль, и убрана сапфирами. Там и сям по ее телу было рассеяно еще одно или два состояния в сапфирах; не буду вдаваться в подробности.

Она засекла меня как раз, когда я сумел ее увидеть. Лицо ее осветилось изнутри, и она обратилась ко мне по-английски:

* Известный американский кинорежиссер, ставивший фильмы на библейские сюжеты.

— Мой Герой, вы ПРЕКРАСНЫ!

Я сказал: — Э...— Потом добавил: — Вы тоже не теряли зря времени. Я сижу с вами? Мне потребуется помощь.

— Нет-нет! Вы сидите с джентльменами, я сижу с леди. У вас не будет хлопот.

Это неплохой способ устраивать банкеты. У каждого из нас были отдельные низкие столики, мужчины сидели в ряд лицом к женщинам на расстоянии футов 15-ти. Не нужно было занимать пустой болтовней дам, а посмотреть стоило на них на всех. Леди Дорал находилась напротив меня и соперничала со Стар в борьбе за Золотое Яблоко. Костюм ее в некоторых местах был непрозрачен, но в местах, не совсем обычных. Основную его часть составляли бриллианты. Я считаю, что это были бриллианты; не думаю, что подделки бывают такими большими.

Сидело около двадцати человек; раза в два или три больше прислуживало, развлекалось или толкалось вокруг. Три девушки не занимались ничем иным, кроме наблюдения за тем, чтобы я не голодал и не умирал от жажды — мне не пришлось учиться пользоваться их столовыми приборами; я их не коснулся. Девушки сидели на камнях подле меня; я сидел на большой подушке. Ближе к вечеру Джоко растянулся на спине, положив голову кому-то на колени, чтобы его прислуга могла класть ему пищу в рот или подносить чашку к губам.

У Джоко, как и у меня, было три служанки; у Стар и м-с Джоко по две; остальные перебивались, как могли, с одной. Эти вот прислуживающие девы и объясняют, почему я не мог четко различить игроков без списка команд. Хозяйка моя и моя Принцесса одеты были просто глаз не оторвать, это точно. Но вот одна из моей прислуги, достойный претендент на роль Мисс Невии, лет около 16, была одета только в драгоценности, зато их было столько, что она казалась одетой «скромнее», чем Стар или Дорал Летва, Госпожа Дорал.

И действовали они не совсем как слуги, исключая их вдохновенную решимость добиться того, чтобы я окосел и объелся. Они щебетали между собой на подростковом жаргоне и отпускали шуточки насчет моих мускулов и всего прочего, как будто меня и не было рядом. Очевидно от Героев не ждут разговоров, ибо каждый раз, как я открывал рот, в него тут же что-нибудь влетало.

В промежутке между столами без остановок что-нибудь да происходило — танцоры, фокусники, декламаторы. Вокруг шныряли детишки, хватая кусочки с блюд, прежде чем те доходили до столов. Прямо передо мной уселась на пол некая куколка лет трех, вся из больших глаз и открытого рта, и уставилась на меня, предоставив танцорам право обходить ее, как сумеют. Я попытался заманить ее к себе, но она только глазела на меня и играла пальцами ног.

Среди столов прошлась, напевая и подыгрывая себе, дева с цимбалами. То есть, может быть, это были цимбалы, и она вполне бы могла быть девой.

Где-то часа через два после начала пира Джоко встал, рыкнул на всех, чтобы замолчали, громко отрыгнул, стряхнул с себя служанок, старавшихся не дать ему упасть, и начал читать стихи.

Те же слова, другая мелодия — он рассказывал о моих подвигах. Я бы подумал, что он слишком пьян, чтобы прочитать хотя бы лимерик, а он говорил и говорил безостановочно, в полном согласии со сложными внутренними рифмами и журчащими аллитерациями — изумительный пример риторической виртуозности.

Он держался схемы рассказа Стар, но приукрашивал его. Я слушал с растущим восхищением, восторгаясь одновременно им как поэтом и старым добрым «Шрамом» Гордоном, армией из одного человека. Я решил, что я, должно быть, чертовски отважный герой, так что когда он сел, я встал.

Девушкам моим удалось больше напоить меня, чем накормить. Большая часть пищи была мне незнакома, и обычно она была вкусной. Но тут как-то принесли холодную закуску, небольших лягушкоподобных животных во льду, приготовленных целиком. Их надо было макать в соус и есть, раскусывая пополам.

Девчонка в драгоценностях схватила одного, окунула и поднесла мне ко рту, чтобы я кусал. И тут он очнулся.

Этот малыш — назовем его Элмер — Элмер повел глазами и ПОСМОТРЕЛ на меня как раз, когда я собирался раскусить его.

У меня резко пропало желание есть и отдернулась назад голова.

Мисс Ювелирный магазин от души рассмеялась, снова макнула его в соус и показала мне, как это делается. Был Элмер — и нет...

Я довольно долго ничего не ел, а выпил больше чем лишку. Каждый раз, как мне предлагали съесть что-нибудь, мне представлялись исчезающие ноги Элмера, я проглатывал комок в горле и выпивал еще.

Вот почему я и встал.

Стоило мне встать, как воцарилась гробовая тишина. Музыка смолкла, так как музыканты выжидали начала моего рассказа, чтобы подстроиться под него в качестве фона.

До меня внезапно дошло, что мне нечего сказать.

Абсолютно нечего. Ни единой молитвы, которую я мог бы экспромтом выдать как благодарственное стихотворение, изящный комплимент своему хозяину — на невианском. Черт возьми, я бы этого и на английском не смог.

Глаза Стар смотрели на меня. Она выражала собой спокойную уверенность.

Это все и решило. Я не рискнул говорить на невианском; я не смог вспомнить даже, как узнать дорогу в мужской туалет. Так

что я выдал им из обоих стволов по-английски «Конго» Вэчея Линдсея.

Столько, сколько смог вспомнить, страницы примерно четыре. Но что до них я донес, так это его заразительный ритм и рифмический рисунок; я повторялся, изворачивался, как мог, в провалах изо всех сил налегал на «барабаня по столу и ошалев от дум! Бум! Бум! Бум-лэй бум!» Оркестр быстро уловил дух, и от нас задребезжали тарелки.

Аплодисменты были невероятные, а мисс Тиффани * схватила меня за щиколотку и поцеловала ее.

Поэтому я выдал им на десерт «Колокола» м-ра Э. А. По. Джоко поцеловал меня в левый глаз и разрыдался на моем плече.

А потом встала Стар и объяснила, с ритмом и рифмой, что в моей стране, на моем языке, среди моего народа — поголовно воинов и художников — я столь же знаменит в качестве поэта, как и героя (что, в общем-то, было верно, ноль равен нулю), и что я оказал им честь, сочинив величайшее свое произведение в перлах родного своего языка, поблагодарив, как подобает, Дорольца и дом Дорольца за гостеприимное предоставление крыши, стола и постели, и что она, со временем, постарается из своих слабых сил переложить мою музыку на их язык.

Объединенными усилиями мы получили Оскара **.

Потом в зал внесли piece de resistance, целиком зажаренную тушу; ее несло четверо человек. Судя по размеру и форме, это мог быть «крестьянин, жаренный под стеклом». Но что бы это ни было, оно было мертво и издавало замечательный запах, я съел порядочно и протрезвел. После жаркого нам подали всего 8 или 9 других блюд, бульоны, щербеты да прочие мелочи. Общество порядком расслабилось и уже не задерживалось за столиками. Одна из моих девушек уснула и пролила чашу с вином; примерно в это время до меня и дошло, что большая часть толпы рассосалась.

Дорал Летва, усиленная с флангов двумя девушками, сопроводила меня в мои палаты и уложила меня в постель. Они притушили свет и удалились, пока я пытался составить в уме галантное пожелание доброй ночи на их языке.

Они вернулись, сбросив все драгоценности и прочие помехи, и замерли у края моей постели, как три Грации. Я еще раньше решил, что две молодки — дочки этой мамаши. Той, что постарше, было лет, наверное, восемнадцать, в самом соку и наверняка вылитая мамаша в ее возрасте; младшая казалась моложе лет на пять, едва достигшая зрелости, ничуть не менее красивая для своего возраста и вполне сознающая свои силы. Она покраснела и опустила

* Тиффани — роскошный ювелирный магазин в Нью-Йорке.

** Премия в области искусств.

глаза, когда я на нее посмотрел. А вот восемнадцатилетняя сестра ее ответила мне знойным, откровенно вызывающим взглядом.

Их мать, обняв обеих за талии, объяснила просто, но в рифму, что я почтил их крышу и стол — а теперь настал черед постели. Что было бы угодно Герою? Одну? Двух? Или всех троих?

Я слабак. Мы это уже знаем. Если бы младшая сестра не была ростом с тех коричневых сестричек, что напугали меня когда-то, я бы и проявил апломб.

Но ведь, черт возьми, нельзя было даже закрыть двери. Кругом одни арки. А Джоко-три-ока мог проснуться в любое время; я не знал, где он. Не стану утверждать, что никогда не спал с замужней женщиной или с чьей-нибудь дочерью в доме ее отца, но в таких делах я всегда следовал принятым в Америке мерам предосторожности. Это недвусмысленное предложение испугало меня сильнее, чем Рогатые Придурки. То есть я хотел сказать «Призраки».

Я стал пыхтеть над переводом своего решения на языке поэзии. Это мне не удалось, зато удалось донести до них идею отказа.

Малышка заревела и убежала. Ее сестрица пронзила меня взглядом, фыркнула: «Герой!» и ушла следом. Их мамочка только посмотрела на меня и вышла.

Она вернулась минуты через две. Говорила она очень официально, явно сдерживая себя из последних сил, и молила дать ей знать, не встретила ли какая-либо женщина в этом доме благосклонности Героя? Пожалуйста, ну кто она? Не мог бы я ее описать? Может быть, их провести передо мною, чтобы я смог указать ее?

Я как мог попытался объяснить, что, если бы я вообще стал выбирать, то выбрал бы именно ее, но я устал и желал только одного — уснуть в одиночестве.

Летва сморгнула слезы, пожелала мне отдыха, достойного Героя, и вышла во второй раз еще стремительнее. На какой-то миг мне показалось, что она вот-вот мне врежет.

Спустя пять секунд я вскочил и попытался догнать ее. Но ее уже не было, галерея была темна.

Я уснул, и мне приснилась Шайка Холодных Вод. Они были еще уродливее, чем намекал Руфо, и пытались заставить меня есть большие золотые самородки, все до единого с глазами Элмера.

ГЛАВА IX

РУФО тряс меня, заставляя проснуться.

— Босс! Вставайте, скорее же!

Я залез с головой под одеяло.

— 'ди о'сюда!

Во рту стоял вкус гнилой капусты, в голове гудело, и уши свернулись бантиком.

— Да скорее же! Она велит.

Я встал. Руфо был в нашей одежде Скоморохов и со шпагой, поэтому я оделся так же и нацепил свою. Прислужниц моих что-то не было видно, так же как и одолженных мне нарядов. Я, спотыкаясь, побрел вслед за Руфо в громадный обеденный зал. Там уже была Стар, одетая по-дорожному, с мрачным выражением на лице. Изысканного убранства прошлой ночи как не бывало; все было голо, как в заброшенном амбаре. Стоял лишь один непокрытый стол, а на нем лежал кусок холодного мяса с застывшим жиром; рядом лежал нож.

Я посмотрел на него без аппетита.

— Что это?

— Ваш завтрак, если вы его пожелаете. А я не стану оставаться под этой крышей и есть холодное плечо.

Такого тона, такой манеры я никогда от нее не слыхивал.

Руфо коснулся моего рукава.

— Босс. Давайте исчезнем отсюда. Поскорее.

Так мы и сделали. Не было видно ни души ни в самом доме, ни снаружи, не было даже детей или собак. Однако нас ждали три лихих жеребца. Я имею в виду этих восьминогих пони-тандемов, лошадиный вариант таксы; они были оседланы и готовы в путь. Седельные устройства их были сложны; на каждую пару ног был одет кожаный хомут, и груз распределен с помощью горизонтально изогнутых жердей, по одной с каждой стороны, а на всем этом устанавливалось кресло со спинкой, обшитым сиденьем и ручками. К каждой ручке подводилась рулевая веревка.

Тормозом и по совместительству акселератором служил рычаг, расположенный слева, и неудобно даже говорить, каким образом зверей заставляли выполнять приказания. Однако «лошади», казалось, не возражали.

Это были не лошади. Головы их были слегка похожи на конские, но копыта заменялись лапами, и они были всеядны, не на одном сене работали. Однако со временем эти зверушки начинают нравиться. Моя была черной в белых пятнах — прелесть. Я назвал ее Арс Лонга *. У нее были одухотворенные глаза.

Руфо пристегнул мой лук и колчан к багажной полке позади сиденья и показал мне, как садиться в седло, обращаться с привязными ремнями и с удовольствием отдыхать, положив ноги на специальные подставки вместо стремян и опираясь на спину,— не менее

---

* «Искусство вечно» *(лат.)*. Все клички «лошадей» вместе составляют известное латинское изречение.

удобно, чем место I класса в самолете. Мы быстренько снялись с места и пошли ровным ходом в десять миль в час; мы шли рысью (единственный аллюр, которым обладают длинноногие лошади), но она смягчалась их восьмимоторной подвеской, так что езда напоминала движение автомобиля по гравийной дороге.

Стар скакала впереди, она не произнесла больше ни слова. Я попытался заговорить с ней, но Руфо тронул меня за руку.

— Босс, не надо,— тихо сказал он.— Когда Она такая, то все, что остается делать, это ждать.

Как только мы вошли в колею — Руфо и я колено к колену, а Стар впереди, вне пределов слышимости,— я сказал:

— Руфо, да что же такое случилось?

Он нахмурился.

— Нам этого не узнать. У НЕЕ была ссора с Доральцем, это ясно. Но нам лучше делать вид, что этого вовсе не случилось.

Он замолчал, я тоже. Может, Джоко вел нахально себя со Стар? Пьян-то он был, это точно, а мог и начать приставать к ней. Но я не мог себе представить, что Стар окажется неспособной обойтись с мужчиной так, чтобы избежать насилия, не оскорбив его чувств.

Это привело меня к другим мрачным мыслям. Если бы старшая сестра пришла ко мне одна... Если бы мисс Тиффани не отключилась под столом... Если бы моя огневолосая служанка явилась раздеть меня, как она, насколько я понял, собиралась... Эх, черт!

Вскоре Руфо ослабил свой привязной ремень, опустил спинку сиденья, поднял подставки для ног в положение отдыха, закрыл лицо платком и захрапел. Спустя некоторое время то же сделал и я; спал я мало, завтрака не было, зато было королевских размеров похмелье. Моей «лошади» никакая помощь была не нужна; обе держались следом за животным Стар.

Проснувшись, я почувствовал себя лучше, не считая голода и жажды. Руфо все еще спал; жеребец Стар был все еще в 50 шагах впереди. Растительность кругом была по-прежнему роскошная, а впереди, примерно в полумиле, стоял дом — не богатое поместье, а просто ферма. Я мог видеть колодезный журавль, и тут же подумал о покрытых мхом бадьях, прохладных, мокрых и шибающих тифом — что ж, меня напичкали вакцинами еще в Гейдельберге; я хотел напиться. Воды, конечно. А еще лучше пива — тут поблизости делали чудное пиво.

Руфо зевнул, убрал платок и поднял сиденье.

— Кажется, вздремнул,— сказал он с глупой ухмылкой.

— Руфо, видишь вот тот дом?

— Да. Ну и что в нем такого?

— Завтрак, вот что. Хватит уже, достаточно я проехал на пус-

той желудок. И пить так охота, что я мог бы сжать камень и выпить из него сыворотку.

— Тогда вам лучше так и сделать.

— Чего?

— Милорд, прошу прощения — мне тоже хочется пить,— но мы здесь не остановимся. Это не понравилось бы Ей.

— Ей не понравилось бы, да? Руфо, дай-ка я тебе все объясню. Только то, что миледи Стар в плохом настроении, еще не повод для того, чтобы я весь день ехал без пищи и воды. Делайте, как считаете нужным; я остаюсь позавтракать. Э-э, у тебя есть с собой деньги? Местные деньги?

Он покачал головой.— Здесь так не делают, босс. Потерпите еще часик. Пожалуйста.

— Почему?

— Потому что мы все еще находимся на земле Доральца, вот почему. Не знаю, послал ли он вперед приказ убить нас на месте при встрече у Джоко, старого аферист, доброе сердце. Но я был бы не прочь надеть сплошной панцирь; меня не удивила бы внезапная туча стрел. Или сеть, наброшенная на нас, как только мы въедем вон под те деревья.

— Ты и правда так считаешь?

— Все зависит от того, насколько он сердит. Я помню, однажды, когда кто-то серьезно оскорбил его, Доралец велел, чтобы этого бедного олуха раздели донага, связали его фамильными драгоценностями и поместили... нет, не могу я этого рассказывать.

Руфо проглотил комок; ему чуть не стало дурно.

— Здорово погуляли вчера вечером, я что-то не в себе. Лучше нам поговорить о приятном. Вы упомянули о выжимании воды из камня. Вы, без сомнения, подумали о Мальдуне Сильном?

— Черт возьми, не меняй темы!— Кровь толчками билась в моей голове.— Не поеду я под эти деревья, да и тот, кто выпустит в меня стрелу, пусть лучше проверит, не появилось ли дырок в его собственной коже. Я хочу пить.

— Босс,— взмолился Руфо,— Она не будет ни есть, ни пить на земле Доральца — даже если Ее будут упрашивать. И Она права. Вы не знаете обычаев. Здесь принимают все, что дается добровольно... но даже ребенок слишком горд, чтобы коснуться того, чего жалеют. Еще пять миль. Еще пять миль. Разве не сможет Герой, убивший Игли до завтрака, продержаться еще пять миль?

— Н-ну... хорошо! Но это какая-то чокнутая страна, согласись. Совершенно безумная.

— Мммм...— ответил он.— Вам не случалось бывать в Вашингтоне, О.К.?

— Что ж...— я криво ухмыльнулся.— Туше! К тому же я забыл, что это твоя родина. Я не хотел тебя обидеть.

— Э, да это вовсе не так. С чего вы так подумали?

— Ну как же,— я пытался вспомнить. Ни Руфо, ни Стар этого не говорили, но:— Ты знаешь их обычаи, говоришь на их языке, как местный житель.

— Милорд Оскар, я уже забыл, на скольких языках я разговариваю. Когда я слышу один из них, я начинаю говорить на нем.

— Ну, уж ты точно не американец. И, я думаю, не француз.

Он весело осклабился.

— Я бы мог вам показать свидетельства о рождении из обеих стран — точнее, мог бы, пока мы не потеряли свой багаж. Но нет, я родом не с Земли.

— Так откуда же ты?

Руфо заколебался.

— Лучше будет, если все факты вам сообщит Она.

— Вот ерунда! Стреножили мне ноги и на голову мешок надели. Это же нелепо.

— Босс,— искренне сказал он,— Она ответит на любые ваши вопросы. Но вы должны их задать.

— Уж, конечно, задам!

— Тогда давайте поговорим о другом. Вы упомянули Мальдуна Сильного...

— Это ТЫ заговорил о нем.

— Ну, может, и я. Сам я Мальдуна не встречал, хоть и бывал в той части Ирландии. Хорошая страна и единственный по-настоящему логичный народ на Земле. Факты не поколеблют их перед лицом высшей правды. Изумительный народ. Я слыхал о Мальдуне от одного из своих дядьев, правдивого человека, который многие годы писал для других политические речи. Но в то время из-за неприятной случайности при составлении речей для кандидатов-соперников он наслаждался отдыхом в качестве внештатного корреспондента американского синдиката, специализировавшегося на воскресных жанровых очерках. Он прослышал о Мальдуне Сильном и выследил его, отправившись из Дублина на поезде, потом перейдя на автобус местного сообщения и под конец на своих двоих. Он повстречался с человеком, вспахивавшим поле однолошадным плугом... только этот человек толкал плуг перед собой без помощи лошади, оставляя ровную борозду глубиной в 8 дюймов.

— Ага,— сказал мой дядюшка и окликнул его: — Мистер Мальдун!

Фермер остановился и отозвался:

— Благослови тебя Бог за эту ошибку, друг!— поднял плуг одной рукой и, указав им, сказал:— Мальдуна ты найдешь в той стороне. Вот уж он-то СИЛЕН.

Так что мой дядя поблагодарил его и пошел дальше, пока не нашел еще одного человека, который ставил столбы для забора,

втыкая их в землю голыми руками... причем в каменистую почву, честное слово. Поэтому мой дядя вновь обратился к нему как к Мальдуну.

Человек этот так изумился, что выронил десяток либо дюжину шестидюймовых стволов, которые запихнул под другую руку.

— Давай-ка проваливай со своей лестью!— откликнулся он.— Ты, должно быть, знаешь, что Мальдун живет дальше вот по этой самой дороге. Он же СИЛЕН.

— Следующий абориген, которого увидал дядя, складывал каменную ограду. Кладка у него шла без раствора, насухую и очень чисто. Этот мужик обтесывал камень без молотка или зубила, обкалывая их ребром ладони, а мелкую обработку производил, отщипывая кусочки пальцами. Поэтому снова дядюшка назвал его этим славным именем.

Человек начал было говорить, но горло его пересохло от тучи каменной пыли; голос изменил ему. Тут он схватил большой камень, сдавил его, как вы сдавливали Игли, выжал из него воду, как если бы это был бурдюк, напился. Затем он сказал:

— Это не я, друг мой. Он же СИЛЕН, это знает каждый. Да что говорить, не раз видывал я, как он вставлял свой мизинец...

Внимание мое было отвлечено от этой вереницы выдумок смазливой девчонкой, стоговавшей сено рядом с придорожной канавой. У нее были сильно развитые грудные железы и лава-лава была ей в самую пору. Она увидала, что я ее разглядываю, и немедленно в свою очередь оглядела меня, присовокупив к взгляду неплохую позу.

— Значит, ты говорил?..— спросил я.

— А? Только на один первый сустав..! и держался на вытянутой руке ЧАСАМИ!

— Руфо,— сказал я,— мне что-то не верится, что он мог это делать дольше нескольких минут. Нагрузка на мышцы и тому подобное.

— Босс,— ответил он обиженно,— я мог бы показать вам то самое место, где Дуган Могучий часто показывал этот номер.

— Ты говорил, что его звали Мальдун.

— Он был Дуган по материнской линии, очень он гордился своей матерью. Вам будет приятно узнать, милорд, что уже видна граница земель Дорaльца. Завтрак через считанные минуты.

— Он придется весьма кстати. Плюс галлон чего угодно, хоть воды.

— Принято единогласно. Воистину, милорд, я сегодня не в лучшей форме. До начала борьбы мне необходимы еда и питье и долгая сиеста, иначе я зевну, когда нужно будет парировать. Слишком длинный вечер.

— Я что-то не видел тебя на банкете.

— Я был там душой. На кухне и пища погорячее, и выбор побогаче, да и компания не так официальна. Но я вовсе не собирался устраивать пир. Рано ложиться — мой девиз. Умеренность во всем. Эпиктет. Но вот кондитерша... Кстати, она напоминает мне одну девицу, которую я знавал однажды, мою партнершу в узаконенном бизнесе, контрабанде, Так вот, ее девизом было, что все, что вообще стоит делать, стоит делать с избытком — так она и поступала. Она устроила контрабанду на контрабанде, собственную побочную линию, не упоминала мне о ней и не вводила ее в отчеты — ибо я все полностью регистрировал у служащих таможни, представляя им копию вместе со взяткой, чтобы они знали, что веду дела честно.

Но ведь не может же девушка пройти через барьер толстой, как фаршированный гусь, и вернуться сквозь него двадцать минут спустя худой, как единица,— не то чтобы она была худая, это просто оборот речи — не вызвав задумчивых взглядов. Если бы не странная штука, которую собака сделала ночью, нас застукали бы.

— Что за странная штука, которую собака сделала ночью?

— Как раз то, чем занимался прошлой ночью я. Нас разбудил шум, мы выскочили через крышу и смылись, но от шести месяцев тяжелой работы не осталось ничего, кроме ободранных коленок. Но та кондитерша — вы видели ее, милорд. Каштановые волосы, голубые глаза, прическа на особый лад.

— Что-то мне смутно припоминается кто-то похожий.

— Значит, вы ее не видели, в Налии нет ничего смутного. Как бы то ни было, я намеревался вчера вечером вести невинный образ жизни, зная, что сегодня предстоит пролиться крови. Вы же знаете:

Ложась в кровать, старайтесь спать;
Встав поутру, несите новый день.

— Как советовал Мудрец. Но я не принял в расчет Налию. Вот так я здесь и оказался, не выспавшись, не позавтракав, и если я окажусь мертвым до прихода ночи в луже собственной крови, это будет частично и виной Налии.

— Я побрею твой труп, Руфо, обещаю тебе.

Мы проехали мимо столба, отмечающего границу чужих владений, но Стар не замедлила темпа.

— Между прочим, где ты научился ремеслу гробовщика?

— Чему? О! Вот это было действительно далеко. Наверху этого подъема, вон за теми деревьями, стоит дом; вот там-то мы и позавтракаем. Люди хорошие.

— Здорово.

Мысль о завтраке была светлым пятном, потому что мне снова стало досадно, что я так по-бойскаутски вел себя прошлой ночью.

— Руфо, ты все перепутал насчет странной штуки, которую собака сделала ночью.

— Милорд?

— Собака ничего не делала ночью, вот в чем странная штука.

— Во всяком случае, на СЛУХ так не казалось,— с сомнением сказал Руфо.

— Другая собака и совершенно в другом месте. Прости. Начал я говорить вот о чем: со мной прошлой ночью по пути в постель приключилась интересная история. Вот я и повел невинный образ жизни.

— На самом деле, милорд?

— На деле, хоть и не в мыслях.

Мне нужно было поделиться с кем-то, а Руфо был тем типом негодяя, которому я мог довериться. Я рассказал ему Сказку о Трех Обнаженных.

— Надо было мне рискнуть с этим,— закончил я.— И чтоб меня расплющило, я так бы и сделал, если бы ту девчонку уложили в постель одну в положенное ей время. Сдается мне, я так бы и сделал, невзирая на Белый Дробовик или необходимость прыгать из окна. Руфо, почему это у самых красивых девушек всегда есть отцы или мужья? Но я тебе всю правду говорю, вот так они стояли, как Три Медведя: Большая Обнаженная, Средняя Нагая и Маленькая Голышка, так близко, что их можно было коснуться, и все с радостью согласные согреть мою постель — а я ни черта ни сделал! Валяй, смейся. Я это заслужил.

Он не засмеялся. Я повернулся посмотреть на него; лицо его выражало жалость.

— Милорд Оскар, товарищ мой! СКАЖИТЕ МНЕ, ЧТО ЭТО НЕПРАВДА!

— Это правда,— надувшись, сказал я.— И я сразу же пожалел об этом. Слишком поздно. А ТЫ еще жаловался на СВОЮ ночь!

— О ГОСПОДИ!— Он перевел свое животное на скорость выше и рванул вперед.

Арс Лонга вопросительно оглянулась через плечо и пошла все тем же аллюром.

Руфо поравнялся со Стар; они остановились недалеко от дома, где, как я ожидал, мы позавтракаем. Они подождали, пока я не присоединюсь к ним. Лицо Стар не выражало ничего; Руфо выглядел невыносимо озабоченным.

Стар сказала:

— Руфо, сходи попроси дать нам позавтракать. Принеси завтрак сюда. Я желала бы поговорить с милордом наедине.

— Да, миледи!

Ускакал он быстро.

Стар сказала мне, по-прежнему без выражения:

— Милорд Герой, верно ли это? То, что ваш слуга сообщил мне.

— Я не знаю, что он вам сообщил.

— Сообщение касалось вашего провала — предполагаемого вашего провала — прошлой ночью.

— Не понимаю, что вы подразумеваете под словом «провал». Если вам угодно знать, что я делал после банкета... Я спал один. Точка.

Она вздохнула, но выражение ее лица не изменилось.

— Я хотела это услышать из ваших уст. Чтобы быть справедливой.

Вот тут выражение ее лица изменилось, и такого гнева я никогда не видывал. Тихим, почти невыразительным голосом она начала прорабатывать меня.

— Ты, Герой. Чурбан, чучело безмозглое. Неуклюжий, неучтивый, ленивый, прыщавый, недоделанный, перегруженный мускулами, полный идиотизма...

— КОНЧАЙ!

— Тихо, я еще тебя не отделала. Оскорбить трех невинных женщин, обидеть достойного...

— МОЛЧАТЬ!!!

Воздушной волной ей отбросило волосы назад. Я перехватил инициативу прежде, чем она сумела снова завестись.

— Больше ни разу не смей заговаривать со мной в таком тоне, Стар. Никогда.

— Но...

— Придержи язык, скверная девчонка! Ты еще не заслужила права так разговаривать со мной. И ни одна девушка в жизни его не заслужит. Отныне ты будешь всегда — ВСЕГДА!— обращаться ко мне вежливо и с уважением. Еще одно словечко твоей мерзкой грубости, и я отхлещу тебя так, что слезы у тебя ручьем покатятся.

— Ты не ПОСМЕЕШЬ!

— Убери руку со своей шпаги, иначе я отниму ее у тебя, спущу с тебя трико здесь, на дороге, и выпорю тебя ею. Пока у тебя задница не покраснеет и ты не запросишь пощады. Стар, я не воюю с женщинами, а непослушных детей я наказываю. С леди я веду себя как с леди. С испорченными детьми я обращаюсь соответственно. Стар, будь ты хоть королевой Англии и Властелином Галактики в одном лице, но ЕЩЕ ОДНО СЛОВО от тебя не по делу, и твои колготки спускаются, а ты сама долго не сможешь присесть. Поняла меня?

В конце концов она сказала смущенным тоном:

— Я понимаю, милорд.

— Кроме этого, я бросаю ремесло Героя. Такого тона я не желаю слышать дважды и не стану служить тому, кто обошелся так со мной хотя бы однажды.

Я вздохнул, сознавая, что только что снова потерял свои кап-

ральские нашивки. Ну да без них я всегда чувствовал себя легче и свободнее.

— Да, милорд.

Ее едва можно было расслышать. Мне пришло в голову, что отсюда до Ниццы далековато. Но меня это не волновало.

— Ладно, давай забудем это.

— Да, милорд.— Она тихо добавила:— А нельзя мне объяснить, почему я так говорила?

— Нет.

— Да, милорд.

Мы молчали до тех пор, пока вернулся Руфо. Он остановился вне пределов слышимости, я дал ему знак присоединиться к нам.

Мы ели в молчании, и съел я немного, а вот пиво было хорошее. Руфо однажды попытался завязать треп какой-то небылицей насчет другого своего дяди. Меньшего успеха он не добился бы и в Бостоне.

После завтрака Стар развернула свою животину — у этих лошадей для их колесной базы круг разворота мал, но в тесноте легче повернуть их кругом, ведя их «под уздцы».

Руфо сказал: — Миледи!

Она бесстрастно сказала:

— Я возвращаюсь к Дорольцу.

— МИЛЕДИ! Пожалуйста, не надо!

— Дорогой Руфо,— тепло, но печально, сказала она,— ты можешь подождать в том доме наверху. Если я не вернусь через три дня, ты свободен.

Она посмотрела на меня и отвела взгляд.

— Я надеюсь, что милорд Оскар сочтет возможным сопровождать меня. Но я не прошу этого. У меня нет права.

Она тронулась в путь.

Мне долго не удавалось развернуть Арс Лонга: не было привычки. Стар была уже на много кирпичей ниже по дороге; я двинулся за ней.

Руфо подождал, пока я не развернусь, кусая ногти, потом внезапно забрался на борт и догнал меня. Мы шли колено в колено, предусмотрительно держась шагах в пятидесяти позади Стар.

Наконец он сказал:

— Это самоубийство. Вы знаете это, не так ли?

— Нет, я этого не знал.

— Ну так теперь знаете.

Я сказал:

— Это поэтому ты не даешь себе труда говорить мне «сэр»?

— Милорд?— Он коротко рассмеялся и сказал:— Наверное, поэтому. Нет смысла в этой глупости, когда собираешься вскоре умереть.

— Ты ошибаешься.

— А?

— «А, милорд», если ты не против. С этой минуты и дальше, если даже нам предстоит жить всего полчаса. Потому что теперь я управляю игрой и не просто, как марионетка. Я не хочу, чтобы в твоем мозгу оставались сомнения насчет того, кто хозяин, когда начнется бой. В противном случае поворачивай, и я шлепну твоей твари по крупу, чтобы веселее бежала. Ты меня слышал?

— Да, милорд Оскар.— Он задумчиво прибавил:— Я понял, что вы поставили на своем, как только вернулся. Но я не понимаю, как вы это сделали. Милорд, ЕЕ я никогда раньше покорной не видел. Можно у вас спросить?

— Нельзя, но я разрешаю тебе спросить ЕЕ. Если ты считаешь, что это безопасно. А теперь расскажи мне, что это еще за «самоубийство»,— и не заикайся, что Она не хочет, чтобы ты советовал мне. С этих пор ты будешь давать мне советы, как только я их попрошу, и держать рот на замке, если не спрашиваю.

— Да, милорд. Значит так, вероятность самоубийства. Нет способа вычислить шансы. Все зависит от того, насколько сердит Доралец. Но боя не будет и быть не может. Или нас шлепнут, как только мы покажем свои носы... или мы будем в безопасности, пока вновь не покинем его земли, даже если он нам прикажет развернуться и убираться.— Руфо сильно задумался.— Милорд, если вам нужна моя догадка, в общем, я считаю, что вы оскорбили Доральца наихудшим образом, который когда-либо причинял ему боль за всю его долгую и горькую жизнь. Так что 90 к 10, что в двух шагах после поворота с дороги из каждого из нас вырастет больше стрел, чем их было в святом Себастьяне.

— И Стар тоже? Она же ничего не сделала. И ты тоже. (Да и я тоже, добавил я про себя. Что за страна!)

Руфо вздохнул.

— Милорд, в каждом мире есть свои пути. Джоко не ЗАХОЧЕТ причинить ЕЙ боль. Она ему нравится. Он ужас как увлечен ею. Можно даже сказать, что он любит Ее. Но если он убьет вас, он ОБЯЗАН убить ЕЕ. Что-либо иное было бы негуманно в соответствии с его понятиями, а он очень благонравный мужик; он этим знаменит. И меня убьет тоже, конечно, но я не в счет. Он ДОЛЖЕН убить Ее, даже если это и положит начало цепи событий, которые точно так же уничтожат и его, как только эта новость станет известна. Вопрос вот в чем: обязан ли он убить ВАС? Мне думается, зная этих людей, что обязан. Простите... милорд.

Я обмозговал все это.

— Тогда почему же ты здесь, Руфо?

— Милорд?

— Можешь снизить частоту своих «сэр» до раза в минуту.

Почему ты здесь? Если твоя оценка правильна, одна твоя шпага и твой лук не смогут изменить результата. Она предоставила тебе хороший шанс вовремя смыться. Так что же это? Гордость? Или ТЫ Ее любишь?

— О Господи, да нет!

И вновь Руфо предстал передо мной полностью шокированным.

— Извините меня,— продолжал он.— Вы застали меня врасплох.— Он поразмыслил немного.— Причин, я понимаю, две. Первая в том, что если Джоко позволит нам пойти на переговоры, так она умеет заговаривать зубы. А во-вторых,— он искоса глянул на меня,— я суеверен, я это признаю. Вы удачливый человек. Я видел это. Поэтому я хочу быть к вам поближе, даже когда рассудок подталкивает меня бежать. Вы могли бы упасть в выгребную яму и...

— Глупости. Послушал бы ты историю моих неудач.

— В прошлом — возможно. Но я ставлю на кости, пока они катятся.

Он замолчал.

Немного погодя я сказал:

— Оставайся здесь.

Я прибавил скорости и поравнялся со Стар.

— План такой,— сказал я,— когда мы туда прибудем, ты останешься на дороге вместе с Руфо. Я въезжаю к нему один.

У нее перехватило дыхание.

— О милорд! Нет!

— Да.

— Но...

— Стар, ты хочешь, чтобы я вернулся? Как твой защитник и рыцарь?

— Всем сердцем!

— Вот и хорошо. Тогда поступи по-моему.

Она помедлила перед ответом.

— Оскар...

— Да, Стар.

— Я сделаю все, как вы скажете. Но, может, вы позволите мне объяснить, прежде чем решать, что приказать?

— Говори.

— В этом мире место, где должна ехать леди, находится рядом с ее рыцарем. Именно тут я и хотела бы находиться, мой Герой, когда грозит опасность. Особенно, когда грозит опасность. Но я умоляю не из сентиментальности, не ради пустой формы. Зная то, что я теперь знаю, я могу с уверенностью предсказать, что если вы въедете первым туда, вы тут же погибнете, как погибну и я, и Руфо — лишь только нас догонят. А это будет быстро, животные наши устали. С другой стороны, если я отправлюсь туда одна...

— Нет.

— Пожалуйста, милорд. Я ведь этого не предлагаю. Если бы я отправилась одна, я бы могла погибнуть на месте так же почти наверняка, как и вы. Не исключено, что вместо того, чтобы скормить меня свиньям, он просто поставил бы меня кормить свиней и быть игрушкой свинопасов — судьба, скорее милостивая, чем холодная расправа ввиду моей полной деградации, проявляющейся в возвращении без вас. Но Доралец ко мне небезразличен и, я думаю, мог бы оставить меня в живых... в качестве свинарки и с жизнью, не лучше свиной. Я бы рискнула пойти на это, если б так случилось, и ждала бы возможности освободиться, потому что не могу позволить себе гордости; у меня нет гордости, есть только сознание необходимости.

Голос ее стал хрипнуть от сдерживаемых слез.

— Стар, Стар!

— Мой милый!

— Что? Ты сказала...

— Можно мне повторить это? У нас, может быть, осталось немного времени. Герой мой... мой милый.

Она словно потянулась ко мне, и я взял ее за руку; она прижалась ко мне и поднесла свою руку к груди.

Потом она выпрямилась, но руку мою не отпустила.

— У меня уже все прошло. Я становлюсь женщиной, когда менее всего того ожидаю. Нет, мой милый Герой, для нас остается только один способ прибыть туда, и способ этот — рука об руку, торжественно. Это не только безопаснее всего, это единственное, чего я могла бы желать,— если бы я могла позволить себе гордость. Я могу себе позволить все что угодно другое. Я могла бы купить вам Эйфелеву башню для забавы и заменить ее, если бы вы ее сломали. Но не гордость.

— Почему так безопаснее всего?

— Потому что он мог бы — я повторяю, мог бы — позволить нам вступить в переговоры. Если я успею произнести десять слов, он разрешит нам сотню. А потом и тысячу. Я бы сумела залечить его рану.

— Ну, хорошо. Однако, Стар, да ЧТО же я сделал, чтобы обидеть его? Я НИЧЕГО не делал! Мне пришлось изрядно повертеться, чтобы НЕ обидеть его.

Некоторое время она молчала, затем сказала:

— Вы американец.

— А какое это имеет отношение к делу? Джоко-то этого не знает.

— Возможно, к делу это имеет самое прямое отношение. Нет, Америка для Доральца, самое большее, просто название, ибо хотя он и изучал Вселенные, он никогда не путешествовал. Но — вы на меня опять не рассердитесь?

— Э-э... Давай-ка лучше поступим так. Говори все, что нужно, но объясняй причины. Только не пили меня. Тьфу, черт, да пили меня, если хочется,— на этот раз. Только чтобы это не вошло в привычку... милая моя.

Она сжала мне руку.

— Никогда больше не буду! Ошибка крылась в моем непонимании того, что вы американец. Я знаю Америку не так хорошо, как Руфо. Если бы там оказался Руфо... Но его не было; он миловался на кухне. Скорее всего я предположила, когда вам предложили стол, крышу и постель, что вы поведете себя, как вел бы себя француз. Мне и в голову не приходило, что вы от чего-то откажетесь. Если бы я знала, я сплела бы для вас тысячу отговорок. Взятая на себя клятва. Святой день в вашей религии. Джоко был бы разочарован, но не обижен, он ЧЕЛОВЕК ЧЕСТИ.

— Но, черт побери, я все еще не понимаю, почему он хочет прикончить меня за то, чего я НЕ сделал, тогда как дома у нас, как можно ожидать, он мог бы пристрелить меня за то, что я СДЕЛАЛ. Разве в этой стране мужчина вынужден принимать любое бабье предложение? И почему она побежала жаловаться? Почему она не сохранила это в тайне? Черт, да она даже не пыталась. Она приволокла своих дочерей.

— Но, милый, это же не было секретом. Он просил вас во всеуслышанье, и вы приняли приглашение. Как бы вы чувствовали себя, если бы ваша невеста в брачную ночь выкинула бы вас из спальни? «Стол, крыша и постель». Вы согласились.

— «Постель». Стар, в Америке постель — это мебель с многоцелевым назначением. Иногда мы в них спим. Просто спим. Я его не понял.

— Теперь я знаю. Вы не знали этого выражения. Моя вина. Но теперь-то вы видите, почему он был совершенно — и принародно — унижен?

— В общем, да, но он был сам тому виной. Он просил меня при людях. Было бы хуже, если бы я тогда сказал нет.

— Вовсе нет. Вы не были обязаны соглашаться. Вы могли бы отказаться с достоинством. Вероятно, самый достойный способ, хоть это и было бы белой ложью, это когда Герой заявляет о своей трагической неспособности — временной или постоянной — из-за ран, полученных в той самой битве, которая выявила его героизм.

— Я это запомню. Но все же я не понимаю, почему он с самого-то начала был так удивительно щедр.

Она повернулась и посмотрела на меня.

— Мой милый, ничего, если я скажу, что ВЫ удивляли МЕНЯ при каждом нашем разговоре? А я думала, что я-то много лет назад потеряла способность изумляться.

— Это взаимно. Меня ты удивляешь всегда. Однако мне это нравится — за исключением одного раза.

— Милорд Герой, как вы думаете, как часто простому деревенскому помещику предоставляется заиметь в своей семье сына Героя и воспитать его, как собственного? Разве не можете вы почувствовать его горького, как желчь, разочарования от того, что вы вырвали у него, после того, как он уверился, что вы пообещали ему этот подарок? Его стыд? Его гнев?

Я рассмотрел это повнимательнее.

— Надо же, чтоб мне пусто было. В Америке это тоже случается. Но об этом не хвастаются.

— Иные страны, иные обычаи. В самом крайнем случае, он думал, что ему выпала честь, когда Герой обращается с ним, как с братом. А при удаче он ожидал потомства Героя для Доральского дома.

— Постой-ка минутку! Это поэтому он послал мне троих? Чтобы увеличить шансы?

— Оскар, он с готовностью послал бы вам тридцать... если бы вы намекнули, что чувствуете в себе достаточно героизма, чтобы предпринять это. А так как он послал вам свою главную жену и двух любимых дочерей...— Она заколебалась.— Чего я все-таки не понимаю, так это...— Она оборвала себя и задала мне прямой вопрос.

— Дьявол, да нет!— запротестовал я, краснея.— По крайней мере, с 15 лет. Но что меня оттолкнуло, так это то, что та совсем еще ребенок. Именно она, я думаю.

Стар пожала плечами.

— Может быть, и она. Но она НЕ ребенок; на Невии она считается женщиной. Даже если она пока не распечатана, я готова побиться об заклад, что в следующие 12 месяцев она станет матерью. Но если вам было неприятно брать ее, почему вы не шугнули ее прочь и не взяли ее старшую сестру? Эта красавица, как я знаю, потеряла свою девственность с тех пор, как у нее появились груди — и еще я слышала, что Мьюри «та еще штучка», если я правильно помню американское выражение.

Я что-то пробормотал. Думал-то я точно так же. Но мне не хотелось обсуждать это со Стар.

Она сказала:

— Pardonne-mei, mon cher? Tu as dit? *

Я сказал, что не стал заниматься сексуальными преступлениями по причине Великого Поста.

Лицо ее выразило озадаченность.

— Но Великий Пост ведь прошел даже на Земле. А здесь этого нет вовсе.

---

* Извини, дорогой? Что ты сказал? *(фр.)*.

— Прости.

— Все же мне приятно, что ты не выбрал Мьюри поверх головы Летвы. Мьюри бы стала невероятно заноситься перед своей матерью после такого. Но я так понимаю, что ты согласен все исправить, если я улажу дело.— Она прибавила: — От этого в очень большой степени зависит то, как я буду его убеждать.

(Стар, Стар, единственная, кого я хочу, это ТЫ!)

— Значит, ты этого хочешь... моя милая?

— О, как бы это нам помогло!

— Решено. Тебе видней. Одна, три или тридцать — буду стараться хоть до смерти. Но не с девчонкой!

— В этом проблемы нет. Дай-ка я подумаю. Если Доралец позволит мне вставить хотя бы ПЯТЬ слов...

Она умолкла. От руки ее шло приятное тепло.

Я тоже ударился в размышления:

— Стар, а где спала вчера ночью ты?

Она резко обернулась.

— Милорд... разрешается ли мне попросить вас, пожалуйста, НЕ СОВАТЬСЯ НЕ В СВОИ ДЕЛА!

— Видимо, да. Но мне кажется, что в мои дела сует нос каждый.

— Простите меня. Но я очень сильно обеспокоена, и моих самых тяжелых волнений вы даже еще не знаете. Это был справедливый вопрос, и он заслуживает честного ответа. Гостеприимство всегда уравновешивается, и честь оказывается обеим сторонам. Я спала в постели Дорaльца. Однако, если это имеет значение — а для вас оно может иметь; я все еще не понимаю американцев — вчера я была ранена и рана еще меня беспокоила. У Джоко мягкая и нежная душа. Мы спали. Просто спали.

Я постарался сделать вид, что не придаю этому значения.

— Сожалею, что тебя ранило. Тебе до сих пор больно?

— Совершенно нет. Повязка отпадает. Однако прошлой ночью я не в первый раз пользовалась столом, крышей и постелью в Дoральском доме. Мы с Джоко старые и прекрасные друзья, почему я и думаю, что могу положиться на то, что он даст мне несколько секунд перед тем, как убить меня.

— Что ж, кое-что из этого я и сам понял.

— Оскар, по вашим понятиям, в соответствии с методами вашего воспитания, я шлюха.

— О, ни за что! Принцесса.

— Шлюха. Но я не из вашей страны, и меня воспитывали по другим законам. По моим представлениям, а мне они кажутся хорошими, я женщина достойная. Ну а теперь... я все еще остаюсь вашей милой?

— Милая моя!

— Мой милый Герой. Рыцарь мой. Наклонитесь поближе и по-

целуйте меня. Если нам суждено умереть, я хотела бы, чтобы рот мой помнил тепло ваших губ. Вход лежит как раз вон за этим поворотом.

— Я знаю.

Несколько секунд спустя мы гордо въехали в зону обстрела со вложенным в ножны оружием и ненатянутыми луками.

ГЛАВА X

ТРИ ДНЯ спустя мы вновь выехали оттуда.

На этот раз завтрак был шикарным. На этот раз по обеим сторонам нашего проезда были выстроены музыканты. На этот раз нас провожал сам Доралец.

На этот раз Руфо, шатаясь, подошел к своей животине, обнимая каждой рукой по красотке и держа в каждой руке по бутылке, затем, после крепких поцелуев еще примерно с дюжиной, был поднят в седло и закреплен в положении отдыха. Он тут же уснул, захрапев еще до того, как мы тронулись.

На прощание меня поцеловали несчетное количество раз, причем у некоторых не было никаких оснований делать это так страстно, ибо я был всего учеником на Героя, все еще начинающим это ремесло. В общем-то это неплохое ремесло, невзирая на ненормированный рабочий день, профессиональные опасности и совершенно никаких гарантий жизни; у него есть побочные доходы, открывается много вакансий и возможность быстрого продвижения по службе для человека напористого и не отказывающегося повышать квалификацию. Доралец казался мной вполне доволен.

За завтраком он воспел мою недавнюю доблесть в тысяче сложнейших строчек. Но я был трезв и не допустил, чтобы его хвалы наполнили меня мыслями о собственном величии; я уже понимал, что к чему. Очевидно ему все время что-то чирикала в ухо пташка — только чирикала она неправду. Даже Джон Генри, Стáльной Человек, не смог бы сделать того, что, как гласила она Джоко, сделал я.

Но я принял ее, придав своим чертам каменно-благородное выражение, потом встал и выдал «Кейси у биты», вкладывая все сердце и душу в: «Мощный Кейси тут как ахнул!»

Стар дала этому свою интерпретацию. Я восхвалил (как пела она) женщин Дорала, причем мысли в это вкладывались такие, которые обычно связываются с Мадам Помпадур, Нелл Гвин, Теодорой, Нинон де Ленкло и Рэйнджи Лил. Она не стала поминать этих знаменитых леди; вместо этого она дала точные описания, в невианских панегириках, которые покоробили бы и Франсуа Вийона.

Так что мне пришлось выходить на «бис». Я преподнес им «Дочь Рейли», потом «Бармагист», да еще с жестами.

Стар истолковала мое исполнение по духу; она сказала то, что сказал бы я, если бы я был способен импровизировать поэзию. Ближе к концу второго дня я наткнулся случайно на Стар в парилке помещичьих бань. На протяжении часа мы, завернувшись в простыни, лежали на стоящих рядом каменных плитах, пропариваясь и восстанавливая мышцы. Наконец я выпалил ей, какое изумление — и восторг — я чувствовал. Я сделал это, как баран, но Стар была тем, перед кем я отважился обнажать свою душу.

Она серьезно меня выслушала. Когда я выдохся, она тихо сказала:

— Мой Герой, как вы поняли, я не знаю Америки. Но судя по тому, что говорит мне Руфо, ваша культура единственная в своем роде среди всех Вселенных.

— Ну, конечно, понимаю, что в США плохо разбираются в таких вещах, не так, как во Франции.

— Франция!— Она величественно пожала плечами.— «Латиняне вшивые любовники». Я где-то это слышала, и свидетельствую, что это верно. Оскар, насколько мне известно, из всех полуцивилизованных культур ваша — единственная, в которой любовь не считается величайшим искусством и не изучается со всей серьезностью, которой она заслуживает.

— Ты имеешь в виду то, как ею занимаются здесь. Фью! «Слишком хорошо для простых людей!»

— Нет, я НЕ имею в виду то, как здесь ею заниматься.

Она заговорила по-английски:

— Как я ни люблю наших здешних друзей, но культура эта — варварская и искусства их — варварские. Нет, в своем роде здесь хорошее искусство, очень хорошее; у них честный подход. Но если нам удастся выжить, после того как нашим заботам придет конец, я хочу, чтобы вы попутешествовали по Вселенной. Вы увидите, что я имела в виду.

Она встала, собрав простыню в подобие тоги.

— Я рада, что вы довольны, мой Герой. Я горжусь вами.

Я полежал еще немножко, обдумывая все, что она сказала. «Высочайшее искусство» — а там, дома, мы его даже не изучали, не говоря уже о том, чтобы сделать какую-нибудь попытку его преподавания. На балет уходят многие годы. Да и, например, петь в Мет * не нанимают только из-за одного громкого голоса.

Почему «любовь» должна классифицироваться как «инстинкт»? Конечно, аппетит к сексу — это инстинкт — но разве обычный аппетит сделал какого-нибудь обжору гурманом, любую кухарку

* Театр «Метрополитен», ведущий оперный театр.

Кордон Блё *? Черт возьми, да чтобы стать даже кухаркой, надо же УЧИТЬСЯ.

Я вышел из парной, насвистывая «Все лучшее в жизни дается бесплатно». Потом вдруг оборвал песню, ощутив внезапную жалость ко всем своим бедным, несчастным соотечественникам, лишенным своего кровного права самым громадным надувательством в истории.

В миле от дома Доралец пожелал нам доброго пути, обняв меня, поцеловав Стар и взъерошив ей волосы; потом он и весь его эскорт обнажили оружие и отдавали нам честь, пока мы не скрылись за следующим подъемом. Мы со Стар правили колено в колено, а Руфо храпел позади нас.

Я посмотрел на нее; уголок ее рта дергался. Она поймала мой взгляд и благовоспитанно сказала:

— Доброе утро, милорд.

— Доброе утро, миледи. Хорошо ли вы почивали?

— Очень хорошо. Благодарю вас, милорд. А вы?

— Тоже хорошо. Спасибо.

— Вот как? «Что за странная штука, которую собака сделала ночью?»

— «Собака ничего не сделала ночью, вот в чем странная штука»,— ответил я с невозмутимым видом.

— В самом деле? Такая-то веселая собака? А кто тогда был тот рыцарь, которого я в прошлый раз видела с леди?

Внезапно она ухмыльнулась, шлепнула меня по бедру и завопила партию хора из «Дочери Рейли». Вита Бревис ** зафыркала; Арс Лонга навострила уши и укоризненно оглянулась.

— Кончай,— сказал я,— ты шокируешь лошадей.

— Они не лошади, и шокировать их нельзя. Вы видели, как они это делают, милорд? Невзирая на все свои ноги? Сначала...

— Придержи язык! Раз уж сама не леди, так хоть Арс Лонга пожалей.

— Я же предупреждала, что я шлюха. Сначала она залезает на...

— Видел я это. Мьюри показалось, что меня это позабавит. Вместо этого у меня возник комплекс неполноценности, который не исчезал весь день.

— Осмелюсь не поверить, что это продолжалось ВЕСЬ день, милорд Герой. Давайте тогда споем о Рейли. Вы начинаете, я подхватываю.

— Ну — не слишком громко, мы разбудим Руфо.

— Только не его, он забальзамирован.

— Значит, ты разбудишь меня, что еще хуже. Стар, дорогая, ког-

---

* Победитель конкурса знаменитых французских поваров.

** «Жизнь коротка» *(лат.)*.

да и где был Руфо гробовщиком? И как он перебрался из того в это дело? Его с позором выкинули из города?

Она была озадачена.

— Гробовщиком? Руфо? Только не Руфо.

— Он очень подробно рассказывал.

— Вот как? Милорд, у Руфо много недостатков. Но говорить правду не входит в их число. Более того, у нашего народа нет гробовщиков.

— Нет? Так что же вы делаете с остающимися трупами? Нельзя же оставлять их загромождать гостиную. Неаккуратно.

— Я тоже так считаю. Но наш народ именно так и поступает: хранит их в гостиных. Во всяком случае, несколько лет. Сверхсентиментальная традиция, но мы — сентиментальный народ. Мы иногда переходим через край. Одна из моих двоюродных бабушек держала в своей спальне всех своих бывших мужей — теснотища ужасная, и к тому же скука, потому что она все время говорила о них, повторяясь и преувеличивая. Я перестала ходить к ней.

— Ну и ну. Она вытирала с них пыль?

— О, да. Она была усердной домохозяйкой.

— Э-э... сколько их там было?

— Семь или восемь, я их не считала.

— Понятно. Стар, в вашей семье есть кровь черных вдов?

— Что? О! Но, дорогой, кровь черных вдов есть в каждой женщине.— Она показала ямочки и потрепала меня по колену.— Однако бабушка их не убивала. Поверьте мне. Герой мой, женщины в моей семье слишком любят своих мужчин, чтобы попусту их тратить. Нет, ей просто нипочем не хотелось расставаться с ними. Я считаю это ребячеством. Надо смотреть вперед, а не назад.

— «И пусть мертвое прошлое само хоронит своих мертвецов». Слушай, если у твоего народа принято держать мертвецов дома, у вас должны быть гробовщики. Или хотя бы бальзамировщики. Иначе разве воздух не портится?

— Бальзамировать? О, нет! Можно просто поместить их в стазис, как только удостоверишься, что смерть пришла. Или приходит. Это может делать любой школьник.— Она добавила:— Наверное, я возвела напраслину на Руфо. Он провел много времени на вашей Земле — он любит это место, оно его зачаровывает, и может, он пробовал заниматься похоронными делами. Но мне кажется, что это слишком прямое и честное занятие, чтобы привлечь его.

— Ты мне так и не сказала, как же все-таки ваш народ в конце концов поступает с трупом.

— Во всяком случае, не хоронят. Это бы шокировало их до безумия.— Стар поежилась.— Даже меня, а уж я-то попутешествовала по Вселенным и научилась спокойно относиться почти к любому обычаю.

— Так что же?

— Примерно, как вы сделали с Игли. Применяют геометрическую вероятность и сплавляют его.

— А... Стар, куда делся Игли?

— Мне не догадаться, милорд. У меня не было возможности это высчитать. Может быть, те, кто делал его, и знают. Но я думаю, что они были еще больше застигнуты врасплох, чем я.

— Наверное, я туп, Стар. Ты толкуешь о геометрии; Джоко назвал меня «математиком». Но я делал то, что было навязано мне обстоятельствами; я этого не понимал.

— Навязано Игли, вам следовало бы сказать, милорд Герой. Что получается, если подвергнуть какую-нибудь массу невыносимому давлению, такому, что она не может оставаться там, где находится? Причем, не оставив ей ни одного пути отхода? Это задача для школьников по метафизической геометрии и древнейший прото-парадокс, касающийся непреодолимой силы и несдвигаемого тела. Масса эта схлопывается. Она выдавливается из своего мира в какой-то другой. Это часто именно тот способ, которым люди какой-либо Вселенной открывают Вселенные — но чаще всего таким же катастрофическим образом, какой вы навязали Игли; могут понадобиться тысячелетия, прежде чем они могут взять его под контроль. Долгое время это явление может кружить на периферии в качестве «магии», иногда срабатывая, иногда нет, иногда отражаясь на самом маге.

— И вы это называете математикой?

— А как же еще?

— Я бы назвал это колдовством.

— Да, безусловно. Как я сказала Джоко, у вас природный гений. Вы могли бы стать великим чародеем.

Я с неловкостью пожал плечами.

— Я не верю в волшебство.

— Я тоже,— ответила она,— в вашем смысле. Я верю в то, что есть.

— Вот это я и хотел сказать, Стар. Не верю я во всякие фокусы-покусы. То, что случилось с Игли,— я имею в виду, «что, по-видимому, случилось с Игли» — не могло случиться, потому что это явилось бы нарушением закона сохранения массы-энергии. Должно быть какое-то другое объяснение.

Она вежливо промолчала.

Поэтому я выдвинул на прямую наводку надежный здравый смысл невежества и предрассудков.

— Знаешь, Стар, я не собираюсь верить в невозможное только потому, что я при этом присутствовал. Закон природы — это закон природы. Ты должна это признать.

Мы порядочно проехали, прежде чем она ответила:

— Если угодно милорду Герою, мир не таков, каким мы бы хотели его видеть. Нет, я заявила слишком категорически. Вероятно, он действительно таков, каким мы хотим его видеть. В любом случае, он таков, каков он ЕСТЬ. Le voila!* Внимайте ему, представляющему себя. Das Ding an sich **. Попробуйте его на зуб. Он ЕСТЬ. Ai-je raison***. Верно я говорю?

— Так я то же самое говорю! Вселенная есть как есть, и не может быть изменена всяким мухлеванием. Она действует по точным правилам, как машина.

Я заколебался, вспомнив наш старый автомобиль, который был ипохондриком. Он постоянно «заболевал», потом «выздоравливал», как только механик пытался его коснуться.

Я твердо продолжил:

— Законы природы не берут отгулов. Негуманность законов природы — это краеугольный камень науки.

— Это так.

— Ну так?— наседал я.

— Тем хуже для науки.

— Да...— Я заткнулся и поехал дальше молча, надувшись.

Через некоторое время нежная ладонь опустилась на мое предплечье и погладила его.

— Какая сильная десница,— мягко сказала она.— Милорд Герой, можно я объясню?

— Давай, говори,— сказал я.— Если ты сможешь меня убедить, значит, ты можешь обратить папу римского в мормоны. Я упрям.

— Разве бы я выбрала вас в качестве своего рыцаря из сотен миллиардов, если бы вы не были упрямы?

— «Из сотен миллиардов?» Ты хочешь сказать миллионов, не так ли?

— Выслушайте меня, милорд. Потерпите. Давайте поступим, как Сократ. Я сформулирую вопросы на засыпку, а вы давайте на них простые ответы — и мы поймем, что к чему. Потом наступит ваш черед, а я буду глупой гусыней. Ладно?

— Пойдет, жми на кнопку.

— Очень хорошо. Итак, похожи ли обычаи в Доральском доме на обычаи вашей страны?

— Что? Ты же знаешь, что нет. Я еще не бывал ни разу так ошарашен с тех самых пор, как дочка проповедника провела меня на колокольню, чтобы показать мне Святого Духа.— Я смущенно хихикнул.— Я бы до сих пор краснел, но у меня зажигание перегорело.

— И все же главная разница между невианскими обычаями

---

* Вот так-то *(фр.)*.

** Вещь в себе *(нем.)*.

*** Правильно? *(фр.)*.

и вашими кроется всего лишь в одном постулате. Милорд, а ведь есть такие миры, в которых самцы убивают самок, как только та отложит яйца,— и другие, в которых самки съедают самцов, когда еще идет оплодотворение,— подобно той черной вдове, которую вы записали мне в сестры.

— Я не это имел в виду, Стар.

— Меня это не оскорбило, любовь моя. Оскорбление похоже на спиртной напиток: оно влияет на человека, только если применяется. А гордость слишком тяжелый багаж для моего путешествия; у меня ее нет. Оскар, показались ли бы вам такие миры более странными, чем этот?

— Ты толкуешь о пауках или о чем-то вроде. Не о людях.

— Я говорю о людях, каждые — доминирующая раса в своем мире. Высоко цивилизованных...

— Тьфу!

— Вы не станете говорить «тьфу», когда их увидите. Они так от нас отличаются, что их личная жизнь не может иметь для нас никакого значения. И наоборот, эта планета очень похожа на вашу Землю — однако ваши обычаи отбили бы у Джоко даже способность петь. Милый, в вашем мире есть обычай, уникальный для всех Вселенных. То есть для двадцати известных мне Вселенных, из тысяч или миллионов или тьмы невообразимых Вселенных. В известных двадцати Вселенных только на Земле существует этот изумительный обычай.

— Ты имеешь в виду войну?

— О, нет! В большинстве миров происходит война. Эта планета, на которой находится Невия, одна из многих, где убивают поодиночке чаще, чем оптом. Здесь существуют Герои, и убивают тут от избытка страстей. Это мир любви и убийств, и как та, так и другие совершаются с веселым самозабвением. Нет, я имею в виду нечто гораздо более шокирующее. Не могли бы вы догадаться?

— Мм... коммерческое телевидение?

— Близко по духу, но далеко от цели. У вас выражение «древнейшая профессия». Здесь и во всех известных нам мирах она даже не самая молодая. Никто о ней и не слышал, и не поверил бы, если бы и услышал. Те немногие из нас, кто посещают Землю, не распространяются об этом. Да это ничего не значило бы; большинство не верят в сказки путешественников.

— Стар, ты что, хочешь сказать мне, что нигде больше во Вселенной проституции НЕТ?

— Во Вселенных, мой милый. Абсолютно.

— Знаешь,— задумчиво сказал я,— это, наверное, будет шоком для моего старшего сержанта. Совсем нет?

— Я хочу сказать,— прямо ответила она,— что, судя по всему, проституция была изобретена народами Земли и больше ни-

кем — и сама мысль об этом довела бы старого Джоко до импотенции. Он закоренелый моралист.

— Черт меня побери! Должно быть, мы все просто гады.

— Я не хотела оскорблять вас, Оскар; я назвала только факты. Но эта странность Земли не такая уж странная в ее собственном контексте. Любой товар предназначен для манипуляций: купли, продажи, найма, аренды, уценки, искусственного поддержания или повышения цен, провоза контрабандой и узаконенения,— и женский товар, как его называли на Земле в более откровенные времена, не исключение. Единственное, чему стоит удивляться,— это дикая идея думать об этом как о товаре. Да что там, меня это так поразило, что однажды я даже... Неважно. Товаром может стать что угодно. Когда-нибудь я покажу вам цивилизации, живущие в открытом космосе, а не на планетах, даже без какой-либо тверди: не во всех Вселенных есть планеты-цивилизации, где само дыхание жизни продается, как кило масла в Провансе. В других местах такая теснота, что привилегия остаться в живых облагается налогом — и задолжники тут же умерщвляются Министерством Сборов на Вечность, а соседи не только не вмешиваются, а довольны.

— Господи боже! Почему?

— Они разрешили загадку смерти, милорд, и большинство из них не желает эмигрировать, несмотря на бесчисленное множество планет попросторнее. Но мы говорили о Земле. Дело не только в том, что нигде больше не известна проституция, но не известны и ее вариации — приданое, выкуп за невесту, алименты, раздельное воспитание, все эти производные, которые окрашивают все земные установления,— любой обычай, хотя бы отдаленно относящийся к невероятному представлению о том, что то, неисчерпаемый запас чего есть у всех женщин, является предметом торговли, подвергаемым оценке.

Арс Лонга фыркнула с отвращением. Нет, не думаю, чтобы она поняла. Она понимает немного по-невиански, но Стар говорила на английском; в невианском не хватило бы нужных слов.

— Даже вторичные ваши обычаи,— продолжала она,— сформированы под влиянием этого единственного в своем роде явления. Возьмем одежду — вы уже заметили, что здесь нет резкой границы между тем, как одеваются оба пола. Я сегодня утром в трико, а вы в шортах, но если было бы наоборот, никто бы этого не заметил.

— Черта с два не заметил! Твои трико на меня бы не налезли!

— Они растягиваются. И стыд за свое тело, который является аспектом разделенной по принципу пола одежды. Здесь обнаженность так же не заслуживает внимания, как и на том симпатичном островке, где я нашла вас. Все безволосые народы иногда носят

одежду, и все народы, как бы волосаты они ни были, носят украшения. Однако табу на обнаженность можно найти ТОЛЬКО там, где плоть является товаром, который либо прячут, либо выставляют напоказ... то есть на Земле. Это все равно, что вкладывать фальшивое дно в ящики с ягодами или вешать объявления типа: «Фруктов не рвать!» Если из-за чего-нибудь не возникает спора, нет нужды делать из этого тайны.

— Так что, если мы избавимся от одежды, то избавимся и от проституции?

— Господи, да нет! Вы все поняли навыворот. Не знаю, сумеет ли Земля каким угодно способом вообще избавиться от проституции; она играет у вас слишком большую роль во всем.

— Стар, ты запуталась в сведениях. В Америке почти не осталось проституции.

Ее лицо выразило изумление.

— В самом деле? Но... Разве «алименты» не американское слово? И «золотоискательница»? И «выезд на природу»?

— Да, но проституция уже практически вымерла. Черт, да я не знаю, как найти публичный дом даже в гарнизонном городке. Я не говорю, конечно, что в конце концов не окажешься под кустиком. Но это не на коммерческой основе. Стар, даже имея дело с американской девушкой, о которой широко известно, что она легкого поведения, если предложить ей пять монет или двадцать, то десять против одного, что она ответит пощечиной.

— Так как же это делается?

— К ней нужно подкатиться. Приглашаешь ее пообедать, может, посмотреть спектакль. Покупаешь ей цветы, девушки падки на цветы. Потом вежливо подходишь к главной теме.

— Оскар, а разве этот обед и спектакль, и, вероятно, цветы, не стоят больше, чем пять долларов? Или даже двадцать? Я так поняла, что в Америке цены так же высоки, как и во Франции.

— Ну, в общем да, но нельзя же просто приподнять шляпу и ожидать, что девушка тут же бросится на шею. Скажем, скряга...

— Не будем об этом. Я пыталась продемонстрировать, что обычаи могут резко отличаться в разных мирах. И все.

— Это верно. Даже на Земле. Но...

— Потерпите, милорд. Я не собираюсь оспаривать достоинства американских женщин и заниматься критикой. Если бы я воспитывалась в Америке, думаю, я бы хотела получить по меньшей мере изумрудный браслет, а не обед и спектакль. Но я подводила разговор к теме «законов природы». Разве неизменность законов природы не бездоказательное утверждение? Даже на Земле?

— Как тебе сказать — ты не совсем верно поставила вопрос. Вероятно, это бездоказательная теория. Но еще не было ни одного случая, в котором бы она не оправдала себя.

— Никаких черных лебедей? А не могло бы быть так, что наблюдатель, увидевший исключение, предпочел не поверить собственным глазам? Точно так же, как вы не хотите поверить, что Игли съел самого себя, хотя вы сами, мой Герой, его заставили? Ну да ладно, оставим Сократа его Ксантиппе. Закон природы может быть неизменен в целой Вселенной. По-видимому, так и бывает в жестко замкнутых Вселенных. Но несомненно, что от Вселенной к Вселенной законы природы меняются, и поверить в это вы ДОЛЖНЫ, милорд, иначе ни один из нас долго не протянет!

— Я об этом думал. Черт возьми, так КУДА же иначе делся Игли?

— Очень необычно.

— Не более необычно, чем приспосабливаться к языкам и обычаям при перемене стран. Надо только к этому привыкнуть. Сколько на Земле химических элементов?

— М-м, девяносто два и еще куча последышей. Сто шесть или сто семь.

— Здесь практически то же самое. Однако химик с Земли испытал бы здесь немало потрясений. Элементы не совсем похожи на ваши, и ведут они себя не совсем так. Водородные бомбы, например, тут же сработают, и динамит не взорвется.

Я резко сказал:

— Ну-ка, погоди! Ты что, говоришь мне, что здесь не такие же электроны и патроны, если уж брать самые основы?

Она пожала плечами.

— Может, так, может, и нет. Что такое электрон, как не математическое понятие? Вы что, попробовали его на зуб? Или соли насыпали на хвост волно-частицы? Какое это имеет значение?

— Чертовски важное. Человек может точно так же умереть из-за недостатка микроэлементов, как и из-за недостатка хлеба.

— Верно. Когда мы посещаем некоторые Вселенные, мы, люди, должны иметь с собой пищу, хотя бы только для того, чтобы пересесть на другой поезд. Но здесь, в любой Вселенной и на любой из бесчисленных планет, где мы, люди, живем, можно не волноваться: местная пища будет вполне приемлемой. Конечно, если бы вы прожили здесь много лет, потом вернулись на Землю и вскоре умерли, и посмертное вскрытие было бы сделано с самым тщательным микроанализом, анатом мог бы не поверить в свои результаты. Но желудку вашему было бы все равно.

Я поразмыслил об этом; желудок мой набит отличной пищей, воздух вокруг меня свеж и приятен — уж точно моему телу было до лампочки, существует ли разница, о которой говорила Стар.

Потом мне на ум пришла та сторона жизни, в которой маленькие несоответствия в конце концов приводят к большим трагедиям. Я спросил Стар об этом.

Она напустила на себя невинно-вкрадчивый вид.

— Вы об этом беспокоитесь, милорд? Вы давно перестанете существовать, прежде чем это будет иметь какое-нибудь значение для Доральца. Я думала, что вашей целью в течение трех дней было просто помочь мне в выполнении моей задачи. Как я понимаю, вы не без удовольствия от своей работы четко уловили дух момента.

— Дьявольщина, кончай водить меня за нос! Я делал это, чтобы помочь тебе. Но не может же человек не задаваться вопросом.

Она хлопнула меня по коленке и рассмеялась.

— Милый мой! Перестаньте терзать себя; человеческие расы всех Вселенных могут давать совместное потомство. Некоторые союзы редко дают плоды, некоторые остаются стерильны. Но ваш случай не таков. Ваши корни будут здесь, даже если вы никогда сюда не вернетесь. Вы не стерильны; это было едва ли не основное из того, что я проверила, когда обследовала ваше прекрасное тело в Ницце. Никогда нельзя быть уверенным, как выпадут кости, но я считаю, что Доралец не будет разочарован.

Она наклонилась ко мне.

— Не дадите ли вы своему доктору более точные сведения, чем то, о чем пел Джоко? Я могла бы предложить статистическую вероятность. Или даже Видение.

— Нет, не дам! Во все-то ты нос сунешь.

— Длинный у меня нос, правда? Как вам угодно, милорд. В менее личностном ключе факт рождения потомства у людей разных Вселенных — и у некоторых животных, таких, как собаки и кошки,— представляет интереснейший вопрос. Не подлежит сомнению одно: род человеческий процветает только во Вселенных с химическим составом, где элементы, составляющие дезоксирибонуклеиновые кислоты, различаются совершенно незначительно. Что до всего остального, то у каждого ученого есть своя теория. Некоторые придерживаются теологического объяснения, утверждая, что Человек по всем основным направлениям развивается одинаково в любой Вселенной, где он может выжить, в соответствии с Божественной Идеей или вследствие слепой необходимости, в зависимости от того, верит ученый в свою религию открыто или разбавляет ее газировкой. Другие считают, что мы развивались лишь однажды — или, все может быть, были созданы — и просочились в другие Вселенные. Потом спорят о том, какая Вселенная была домом расы.

— Какой же может быть спор? — возразил я.— На Земле есть ископаемые свидетельства о ходе эволюции человека. На других планетах она или есть, или нет, и этим все должно решаться.

— Вы уверены, милорд? Я думала, что на Земле в генеалогическом древе человека так же много пунктирных линий, как незаконных детей в династиях европейских королей.

Я промолчал. Ведь я прочитал всего лишь несколько популярных книжек. Может, она и была права: народ, который не мог решить вопросы устройства мира после войны всего лишь двадцатилетней давности, по всей вероятности, не мог знать, что Элли Уп сделал с горничной второго этажа миллион лет назад. Ведь все свидетельства состоят лишь из разрозненных костей. Разве не бывало мистификаций? Пилтдаунский Человек или что-то в этом роде?

Стар продолжала:

— Какой бы ни была правда, между мирами действительно существует связь. На вашей собственной планете число исчезнувших достигает сотен тысяч. Не все же они скрываются от воинской повинности или от жен; посмотри дела любого полицейского участка. Одно из обычных мест исчезновения людей — это поле боя. Давление становится чрезмерным, и человек проскальзывает в дыру, о существовании которой он не предполагал. Он оказывается «пропавшим без вести». Иногда — не часто — видят, как человек исчезает. Один из ваших американских писателей, Бирс или Пирс, заинтересовался и стал собирать сведения о таких случаях. Он собрал столько, что исчез сам *. Ваша Земля испытывает и обратную утечку: это «Каспары Хаузеры», люди ниоткуда, не говорящие ни на одном известном языке и не способные никак объяснить свое появление.

— Подожди-ка? Почему только люди?

— Я не сказала «только люди». Разве вы никогда не слышали о дождях из лягушек? Камней? Крови? Кто интересуется происхождением бродячей кошки? Разве все летающие тарелки оптическая иллюзия? Клянусь вам, что нет; некоторые из них — это бедные заблудившиеся астронавты, пытающиеся отыскать дорогу домой. Мой народ очень мало пользуется космическими перелетами, потому что сверхсветовые скорости — это самый верный способ потеряться во Вселенных. Мы предпочитаем более безопасный метод метафизической геометрии — или, как говорится в народе, «магию».

Стар, казалось, задумалась.

— Милорд, ваша Земля, может быть, родина человечества. Так считают некоторые ученые.

— Почему?

— Она соприкасается с другими мирами. Она возглавляет список пересадочных станций. Если ее население сделает ее непригодной для жизни — маловероятно, но возможно — это подорвет перевозки дюжины Вселенных. На Земле с незапамятных времен

* Американский писатель Амброз Бирс исчез при загадочных обстоятельствах во время революции в Мексике на рубеже 1913—1914 гг.

существуют магические Поляны и Переходы и Бифростские Мосты. Тот, которым мы воспользовались в Ницце, стоял там еще до прихода римлян.

— Стар, как ты можешь говорить, что Земля местами соприкасается с другими планетами на протяжении веков? Земля движется вокруг Солнца со скоростью двадцати миль в секунду или около того, и вращается вокруг своей оси, уж не говоря об остальных видах движения, которые складываются в движение по сложной кривой на немыслимой скорости. Так как же она может «касаться» других миров?

Снова мы ехали в молчании. Наконец Стар сказала:

— Мой Герой, сколько вам понадобилось времени, чтобы изучить высшую математику?

— Я ее не доучил. Я ее проходил пару лет.

— Вы можете рассказать мне, как частица может быть волной?

— Что? Стар, это квантовая механика, а не высшая математика. Я мог бы дать объяснение, но оно ничего бы не решило, мне не хватает математики. Инженер в этом не нуждается.

— Было бы проще всего,— застенчиво сказала она,— ответить на ваш вопрос, сказав «магия» точно так же, как вы ответили мне словами «квантовая механика». Но вам это слово не нравится. Так вот что я вам могу сказать: после того, как вы изучите высшие геометрии, метафизическую и, предположительно, равно как и топологическую и сужденческую — если вам захочется предпринять такое изучение,— я с радостью отвечу. Но вам не потребуется спрашивать.

Вам когда-нибудь говорили: «Подожди, пока подрастешь, дорогой, тогда поймешь?» Ребенком еще мне не нравилось слышать такое от взрослых; мне еще меньше нравилось услышать это от женщины, которую люблю. К тому же я уже вырос.

Она не дала мне кукситься, сменив тему разговора.

— Некоторые потомства происходят как от случайных переходов, так и от незапланированного путешествия. Вы слышали об инкубах и суккубах?

— Да, конечно. Но я никогда не забиваю себе голову сказками.

— Это не сказки, милый. Неважно, что часто этой легендой пользовались для объяснения нежелательных ситуаций. Не все ведьмы и чародеи добрые, у некоторых развивается вкус к насилию. Тот, кто научился открывать Врата, может удовлетворять этот порок; он — или она — может подкрасться к спящему — девушке, непорочной жене, невинному юноше,— сделать все, что нужно, и убраться задолго до крика петуха.— Ее передернуло.— Самый мерзкий грех. Если их ловят, то убивают на месте. Я поймала нескольких и убила. Это наихудший грех, даже если жертва к нему привыкает.— Ее еще раз передернуло.

— Стар, что такое, по-твоему, грех?

— Грех — только одно. Грех — это жестокость и несправедливость, все остальное мелкие грешки. Да, чувство согрешения приходит от нарушения законов своего племени. Но нарушение обычаев — это не грех, даже когда сам так чувствуешь. Грех — это причинение вреда другому.

— Как насчет «прегрешения против Господа»? — настаивал я.

Она пытливо на меня взглянула.

— Значит, мы снова выясняем, что к чему? Сначала скажите мне, милорд, что вы подразумеваете под Богом?

— Я просто хотел проверить, не попадешься ли ты.

— Я не попадаюсь на такое уже превеликое множество лет. Я бы скорее сделала выпад с согнутым запястьем, или прошла по пентаграмме в одежде. Кстати, о пентаграммах, мой Герой, наше назначение лежит не там, где оно было три дня назад. Теперь мы направляемся к Вратам, которыми я не предполагала пользоваться. Это опаснее, но помочь ничем нельзя.

— МОЯ вина! Прости, Стар.

— МОЯ вина, милорд. Но не все потеряно. Когда мы потеряли наш багаж, я была более озабочена, чем осмеливалась показать, хотя я и опасалась носить с собой огнестрельное оружие в мире, где им нельзя пользоваться. Но наш складничок содержал гораздо больше, чем огнестрельное оружие, в нем были такие вещи, без которых мы легко уязвимы. Время, которое вы потратили на заглаживание нанесенной женщинам Доральца обиды, я потратила — частично — на выпрашивание у него нового снаряжения, почти всего, чего душа желает, кроме оружия. Не все потеряно.

— Мы прямо сейчас переходим в другой мир?

— Не позже чем завтра на рассвете, если уцелеем.

— Черт возьми, Стар, и ты, и Руфо говорите так, как будто каждый наш вдох может быть последним.

— Так вполне может случиться.

— Ну уж сейчас-то нечего ожидать засады; мы все еще на земле Доральца. Но Руфо полон мрачных предчувствий, как в дешевой мелодраме. Да и ты не лучше.

— Прошу прощения. Руфо действительно нервничает, но его неплохо иметь рядышком, когда начинается заваруха. Что касается меня, я старалась быть объективной, милорд, дать вам знать, чего ожидать.

— Вместо этого ты запугиваешь. Тебе не кажется, что настало время открыть карты?

Она заволновалась.

— А если первой открытой картой окажется Палач?

— Мне это до фени! Я умею встречать неприятности, не падая в обморок...

— Я знаю, что умеете, мой рыцарь.

— Спасибо. А вот незнание делает меня психопатом. Так что рассказывай.

— Я отвечу на любой вопрос, милорд Оскар.

— Но ты же знаешь, что я не представляю, какие вопросы задавать. Может, почтовому голубю и не обязательно знать, из-за чего идет война, но я чувствую себя, как волан в бадминтоне. Так что начинай сначала.

— Как скажете, милорд. Примерно семь тысяч лет назад...— Стар остановилась.— Оскар, вы хотите знать все хитросплетения политики мириада миров и двадцати Вселенных на протяжении тысячелетий, приведшие к нынешнему кризису? Я постараюсь, если вы прикажете, но только наметать главное займет времени больше, чем остается у нас до того, как мы должны пройти сквозь те Врата. Вы мой подлинный защитник; моя жизнь зависит от вашей доблести и искусства. Зачем вам политика? Мое нынешнее положение так беспомощно, почти безнадежно. Может, мне лучше сосредоточиться на тактической ситуации?

Дьявол его забери! Я хотел-таки услышать все целиком.

— Давай остановимся на тактической ситуации. Пока.

— Обещаю,— торжественно сказала она,— что если нам удастся уцелеть, вы узнаете все подробности. Положение таково: раньше я полагала, что мы пересечем Невию на барже, потом через горы пройдем к Проходу за Вечными Пиками. Этот путь не так рискован, но долог. Но теперь мы должны спешить. Мы сегодня попозже к вечеру свернем с дороги и пройдем по необжитым местам, а после наступления темноты по еще более опасной местности. Тамошних Врат мы должны достичь до рассвета; если повезет, мы успеем поспать. Надеюсь на это, ибо те Врата выведут нас в другой мир на гораздо более опасном выходе. Оказавшись там, в том мире — его называют Хокеш или Карт,— мы будем близко, слишком близко к высокой башне в милю высотой, и если мы пробьемся к ней, то наши трудности начнутся. В ней находится Рожденный Никогда, Пожиратель Душ...

— Стар, ты стараешься меня запугать?

— Я бы хотела, чтобы вы были испуганы сейчас, если такое возможно, чем застигнуты врасплох потом. Я считала, милорд, что лучше было оповещать вас о каждой опасности поочередно, как только мы ее достигаем, чтобы вы могли сосредотачиваться каждый раз на одной. Но вы не послушались меня.

— Может, ты и была права. Давай так: ты информируешь меня о каждой по мере подхода к ней, а сейчас только общий план. Значит, я должен сразиться с Пожирателем Душ, не так ли? Это имя меня не пугает, если он попытается сожрать мою душу, его стошнит. Чем мне с ним воевать? Плевками?

— Есть и такой способ,— серьезно сказала она,— но, если повезет, он — оно— вовсе не будет с нами сражаться. Нам нужно то, что оно сторожит.

— И что же это такое?

— Яйцо Феникса.

— Феникс не откладывает яиц.

— Я знаю, милорд. Именно поэтому оно обладает уникальной ценностью.

— Но...

Она заторопилась.

— Так его называют. Это небольшой предмет, немного больше страусиного яйца, и черный. Если я не овладею им, произойдет масса неприятностей. Среди всего прочего и одна мелочь: умру я. Я упоминаю об этом потому, что вам это может показаться мелочью, мой милый, а рассказать вам только эту правду легче, чем объяснить все по пунктам.

— О'кэй. Выкрадем мы Яйцо. А что потом?

— Потом мы отправимся домой. Ко мне домой. После чего вы можете вернуться к себе. Или остаться у меня. Или отправиться, куда пожелаете, по всем Двадцати Вселенным и мириадам миров. В любом случае, какого бы сокровища вы ни пожелали, оно ваше; вы забираете его и с избытком... так же, как мою сердечную благодарность, милорд Герой, и все, чего вы от меня ни попросите. Крупнейший когда-либо выписанный карт-бланш — если бы я смог представить его к оплате.

— Стар, ты, кажется не думаешь, что нам удастся выжить.

Она глубоко вздохнула.

— Маловероятно, милорд. Я говорю вам правду. Моя оплошность вынудила нас сделать самый отчаянный шаг.

— Понятно, Стар, ты согласна выйти за меня замуж? Сегодня же?

Потом я сказал:

— Осторожнее! Не падай!

Падение ей не угрожало: ее удерживал привязной ремень. Она только повисла на нем. Я наклонился и обнял ее рукой за плечи.

— Плакать не о чем. Просто скажи мне, да или нет. Я сражаюсь за тебя в любом случае. Да, я забыл. Я люблю тебя. Во всяком случае я думаю, что это любовь. Забавное, трепещущее чувство, когда я на тебя ни посмотрю или ни подумаю о тебе, а это происходит постоянно.

— Я люблю вас, милорд,— осевшим голосом сказала она.— Я полюбила вас с того момента, как впервые вас увидела. Да, «забавное трепещущее чувство», как будто все внутри меня вот-вот растает.

— Не совсем так,— сознался я.— Ну да это, наверное, другая

крайность того же самого. Как бы то ни было, трепещущее. Мороз и молнии. Как бы нам здесь пожениться?

— Но, милорд любовь моя, вы меня всегда изумляете. Я знала, что вы меня любите. Я надеялась, что вы успеете мне это сказать прежде, вовремя. Дадите мне услышать хоть раз. Я ожидала, что вы предложите ЖЕНИТЬСЯ!

— Почему же нет? Я мужчина, ты женщина. Таков обычай.

— Но, любовь моя, я же говорила вам! На мне не обязательно жениться. В соответствии с вашими нормами... я шлюха.

— Шлюха, плюха, зазвучало глухо! Какого черта, родная? Это же твое слово, не мое. Ты уже почти убедила меня, что нормы, которым меня обучили, варварские, а ваши — подлинная ценность. Высморкай-ка лучше нос, на, возьми мой платок.

Стар вытерла глаза и высморкалась, но вместо «дорогой», которое я хотел услышать, она, сидя, выпрямилась и не улыбнулась. Она подчеркнуто официально сказала:

— Милорд Герой, не лучше ли вам попробовать вино, прежде чем закупать бочку?

Я сделал вид, что не понял.

— Прошу вас, милорд любовь моя,— настаивала она.— Я говорю от души. Вон как раз впереди с вашей стороны дороги лужок, покрытый травой. Вы можете хоть сейчас отвести меня туда, и я пойду охотно.

Я приподнялся в седле и сделал вид, что вглядываюсь.

— Похоже на осоку. Колючая трава.

— Тогда в-в-выберите такую, которая больше подойдет! Милорд... Я согласна, и готова, и не очень некрасива, но вы поймете, что я просто мазилка по сравнению с художницами, которые встретятся вам однажды. Я женщина-работница. У меня еще не было времени, чтобы посвятить этим материям такое исследование, которого они заслуживают. Поверьте мне. Нет, ИСПЫТАЙТЕ меня. Вы не можете быть уверены в том, что хотите на мне жениться.

— Выходит, ты холодная и неуклюжая бабенка, а?

— Нну... Этого я не говорила. Я просто полная неумеха... а энтузиазм у меня есть.

— Как у твоей тетушки с загроможденной спальней. Это в вашей семье наследственное, сама сказала. Будем считать, что я хочу жениться на тебе, невзирая на явные твои недостатки.

— Но...

— Стар, ты слишком много говоришь.

— Да, милорд,— смиренно сказала она.

— Мы поженимся. Как нам это сделать? Местный властитель, видимо, одновременно и мировой судья? Коли так, то droit du seigneur ему не будет; у нас нет времени на всякие вольности.

— Каждый помещик выполняет роль местного судьи,— задумчиво согласилась Стар,— и действительно заключает браки, хоть большинство невианцев и не утруждают себя этим. Но... В общем-то да, он стал бы ожидать droit du seigneur, а как вы правильно заметили, нам нельзя терять времени.

— Да к тому же я вовсе не так представляю себе медовый месяц. Стар, смотри мне в глаза. Я не собираюсь держать тебя в клетке; я знаю, что тебя не так воспитывали. Но мы не будем искать помещика. Какой сорт проповедников водится в этих местах? Если можно, лучше с обетом безбрачия.

— Но помещик заодно и священник тоже. Ведь религия не всепоглощающее дело в Невии; обряды плодородия — вот и все, до чего они доходят. Милорд любовь моя, самый простой способ — это прыгнуть через вашу саблю.

— Это брачный ритуал там, откуда ты родом, Стар?

— Нет, это из вашего мира:

Прыгай, шлюха, скачи, негодяй,
И вечен ваш брак, пока есть ад и рай...

Он очень древний.

— М-м. Не очень мне что-то по душе эти венчальные строки. Может, я и негодяй, но я знаю, какого ты мнения о шлюхах. Какие еще есть варианты?

— Надо подумать. В деревне, которую мы проезжали вскоре после второго завтрака, живет распространитель слухов. Они иногда сочетают горожан, которым хочется, чтобы об их браке было известно везде и повсюду; служба включает и оповещение об этой новости. Не знаю. Да мне это и все равно, милорд любовь моя. Женаты мы будем!

— А это главное! Останавливаться на ленч не будем.

— Нет, милорд,— твердо сказала она, - если предстоит мне стать женой, я буду хорошей женой и не позволю вам питаться нерегулярно.

— Уже ограничения свободы. Буду я тебя, наверное, поколачивать.

— Как вам будет угодно, милорд. Но вы должны есть, вам потребуются все ваши силы...

— Это уж точно!

— ...для битвы. Ибо теперь я вдесятеро больше озабочена тем, чтобы нам обоим выжить. Вот подходящее местечко для ленча.

Она повернула Виту Бревис с дороги; Арс Лонга пошла следом. Стар оглянулась через плечо, и я увидел улыбку.

— Говорила ли я вам сегодня, что вы прекрасны... любовь моя!

ГЛАВА XI

ДЛИННОЛОШАДЬ Руфо подошла следом за нами к покрытой травой обочине дороги, которую Стар выбрала для привала. Он лежал, скомканный, как мокрый носок, и все еще храпел. Я бы дал ему поспать еще, но Стар стала его трясти.

Проснулся он резко, шаря руками в поисках оружия и с криком:

— À moi! M'aidez! Les vaches! *

К счастью, какой-то неизвестный друг упаковал его саблю с портупеей вне пределов досягаемости во вьючное седло на корме, вместе с луком, колчаном и нашим новым складничком.

Потом он потряс головой и спросил:

— Сколько их тут было?

— Не тут, а там, дружище,— приподнято сказала Стар.— Мы остановились поесть.

— Есть! — Руфо проглотил комок в горле и передернулся.— Прошу вас, миледи. Без непристойностей.— Он покопался с привязным ремнем и вынул из седла; я помог ему удержаться на ногах.

Стар искала что-то в сумке; она вынула пузырек и протянула его Руфо. Он отпрянул.

— Миледи!

— Подержать тебя за нос? — ласково спросила она.

— Я буду в норме. Только дайте минуточку времени... и что-нибудь опохмелиться.

— Несомненно, ты будешь в норме. Попросить милорда Оскара, чтобы он заломил тебе руки?

Руфо бросил на меня умоляющий взгляд; Стар открыла бутылочку. Внутри зашипело, и из нее, опускаясь книзу, пошел пар.

— ДАВАЙ!

Руфо вздохнул, зажал нос и опрокинул ее в горло.

Не скажу, что из его ушей повалил дым. Но он затрепетал, как порванная парусина в шторм, и до ушей наших донеслись ужасные звуки.

Потом он внезапно, как телевизионное изображение, вошел в фокус. Он вроде бы стал тяжелее, выше на несколько дюймов и как бы окреп. Кожа его светилась розовым вместо смертной бледности.

— Благодарю вас, миледи,— бодро, звучным и сильным голосом сказал он.— Надеюсь когда-нибудь отблагодарить вас за услугу.

— Когда греки начнут считать время с календ,— согласилась она.

Руфо отвел длинношадей в сторону и покормил, открыв

---

* Ко мне! На помощь! Коровы! *(фр.)*.

складничок и вылавливая оттуда куски сырого с кровью мяса. Арс Лонга съела кило с пятьдесят, а Вита Бревис и Марс Профунда даже больше; в пути этому зверью нужна высокопротеиновая пища. Сделав это, он стал, насвистывая, устанавливать стол и стулья для Стар и меня.

— Лапушка,— сказал я Стар,— что входит в этот тоник?

— Старинный семейный рецепт:

Песья мокрая ноздря
С мордою нетопыря,
Лягушиное бедро
И совиное перо...*

— Шекспир,— сказал я.— «Макбет».

— «Чтобы отвар остыл скорей, обезьяньей крови влей..» Нет, Биллу он достался от меня, милорд любовь. Уж такие они, писатели; свистнут что угодно, сточат серийные номера напильником и кричат, что это их собственность. А мне он достался от тети — другой тети,— которая была профессором внутренней медицины. Эта рифмовка просто способ запомнить подлинные компоненты, которые гораздо сложнее,— ведь заранее не скажешь, когда может понадобиться средство от похмелья. Я составила его прошлой ночью, зная, что Руфо, во имя сохранности наших жизней, сегодня потребуется быть как нельзя более начеку — честно говоря, две дозы, на случай, если одна понадобится вам. Но вы меня поразили, любовь моя: благородство у вас прорывается в самое неожиданное время.

— Семейная слабость. Ничего не могу с собой поделать.

— Завтрак подан, миледи.

Я предложил Стар руку. Горячие блюда были горячими, холодные закуски охлаждены; в этом новом складничке, таком ярко-зеленом с чеканной эмблемой Дораль̀ца, было снаряжение, которого потерянному ящичку не хватало. Все было восхитительно вкусно, и вина были превосходны.

Руфо с аппетитом ел с подноса, не спуская тем временем взгляда с наших тарелок. Он подошел к столику разлить вино к салату, когда я выдал новость.

— Руфо, старый товарищ, мы с миледи Стар сегодня женимся. Я хочу, чтоб ты был моим шафером и помог мне не ударить в грязь лицом на церемонии.

Он уронил бутылку.

Тут ему пришлось заняться промоканием стола и обтиранием меня. Когда же он наконец заговорил, то обратился к Стар.

— Миледи,— сдерживаясь, сказал он,— я примирился со мно-

---

* В. Шекспир. Макбет. Акт IV-сц. 1.
Пер. Б. Пастернака.

гим, не жалуясь по причинам, которые не нужно объяснять. Но дело заходит слишком далеко. Я не позволю...

— Придержи язык!

— Ага,— согласился я,— придержи, пока я буду его вырезать. Поджарить тебе его? Или сварить?

Руфо посмотрел на меня и тяжело вздохнул. Затем резко отошел, скрывшись за поставцом. Стар мягко сказала:

— Милорд любовь, мне очень жаль.

— А кто ЕМУ на хвост наступил? — с удивлением сказал я. Потом в голову мне пришло очевидное.

— Стар! Руфо ревнует?

Она была изумлена, стала было смеяться, но оборвала смех.

— Нет, нет, милый! Дело вовсе не в этом. Руфо... В общем, у Руфо есть свои недочеты, но на него можно целиком положиться в любом важном деле. Нам нужен он. Не обращайте, пожалуйста, на него внимания, милорд.

— Как скажешь. Чтобы сделать меня сегодня несчастным, нужно было бы кое-что похлеще.

Руфо вернулся с бесстрастным выражением лица и подал все остальное. Вновь упаковался он без разговоров, и мы пустились в путь.

Дорога проходила мимо деревенской лужайки; мы оставили на ней Руфо и отыскали распространителя слухов. Его заведение, в конце извилистой аллейки, было нетрудно засечь; перед ним стоял ученик, колотя в барабан, и выкрикивал толпе местных жителей дразнящие отрывки сплетен. Мы протолкались через толпу и вошли внутрь.

Главный распространитель слухов читал, держа что-то в каждой руке, да еще третий свиток был приткнут к его ногам, лежавшим на столе. Он глянул, уронил ноги на пол, вскочил и сделал ножкой, рукой приглашая нас усаживаться.

— Входите, входите, мои господа! — запел он.— Вы оказываете мне великую честь, день мой не пропал зря! И однако, если мне будет позволено так выразиться вы пришли на верное место любые проблемы любые нужды стоит вам только сказать хорошие новости плохие новости какой угодно сорт только не печальные новости репутации восстанавливаются события приукрашиваются история переписывается великие дела воспеваются и все сделанное гарантируется старейшим агентством новостей во всей Невии новости со всех миров всех вселенных пропаганда насаждается или вырывается с корнем прекращается или направляется в другое русло удовлетворение гарантируется честность вот лучшая политика но клиент всегда прав не говорите мне я знаю я знаю есть шпионы в каждой кухне уши в любой спальне Герой Гордон вне всякого сомнения и славе вашей не нужны глашатаи милорд однако польщен

я что вам потребовалось меня отыскать вероятно биография подобающая вашим бесподобным деяниям с приложением старой няни которая вспоминает своим слабым старческим и таким убедительным голосом знаки и знамения при вашем рождении...

Стар обрезала поток его слов.— Мы хотим вступить в брак.

Закрыв рот, он кинул быстрый взгляд на талию Стар и чуть было не забарабанил кулаком по носу.

— Одно удовольствие иметь дело с клиентами, которые знают, чего хотят. Должен добавить, что целиком и полностью одобряю такие намерения для поднятия духа общества. Все эти современные целования-обнимания и прочие нежности без каких бы то ни было торжеств или формальностей поднимают налоги и сбивают цены. Это логично. Хотелось бы мне только вступить в брак и самому, если бы было время, как я уже не раз говорил своей жене. Ну, а, что касается планов, если позволите мне сделать маленькое предложение...

— Мы хотим вступить в брак по законам Земли.

— Да, конечно.— Он повернулся к шкафчику около своего стола и закрутил диски. Немного погодя он сказал:

— Прошу извинения, господа, но голова моя забита миллиардом фактов, больших и маленьких, и — это название? Оно начинается с одного «З» или двух?

Стар обошла стол, осмотрела диски, набрала комбинацию.

Распространитель слухов моргнул.

— ЭТА Вселенная? Нечасто же к нам за ней обращаются. Как мне хотелось выкроить время для путешествий, но дела-дела-дела! БИБЛИОТЕКА!

— Да, Хозяин? — ответил чей-то голос.

— Планета Земля, Брачные Церемонии — пишется с мягкой «Зе», на конце «а — штрих».

Он добавил серийный номер из пяти цифр.

— Шевелитесь!

Прошло совсем немного времени, и с тощенькой катушкой пленки в руках прибежал подмастерье.

— Библиотекарь говорит, с ней надо осторожно обращаться, Хозяин. Очень хрупкая, говорит. Он говорит...

— Заткнись. Прошу прощения, госпожа.— Он вставил катушку в считывающий аппарат и стал ее просматривать.

Внезапно он выпучил глаза и ткнулся вперед.

— Невероя...— Потом он забормотал:

— Удивительно! Как им такое в голову пришло!

На несколько минут он, по-видимому, забыл о нашем присутствии, испуская только:

— Ошеломительно! Фантастика! — и прочие восклицания в таком же роде.

Я тронул его за локоть.

— Мы торопимся.

— А? Да, да, милорд Герой Гордон, миледи.

Он с неохотой отодвинулся от сканера, сложил ладони и сказал:

— Вы попали, куда надо. Ни один распространитель слухов во всей Невии не смог бы осилить проект такого размаха. Теперь о том, что я думаю,— это просто грубые наметки, так, прямо из головы,— для шествия нам придется созвать людей со всей округи, хотя в шаривари * мы могли бы обойтись просто населением деревни. Если вам угодно, чтобы все было скромно, в соответствии с вашей репутацией благородной простоты — скажем, один день на шествие и две положенных ночи для шаривари с гарантируемым уровнем шума в...

— Стойте...

— Милорд? Я не получу от этого никакой выгоды; это будет произведение искусства, труд из любви к вам — одни издержки плюс самую малость на мои накладные расходы. Да еще моя профессия подсказывает мне, что самоанский предварительный обряд был бы искренне, душевнее что ли, чем необязательный зулусский ритуал. Для придания оттенка комедийности — без дополнительной оплаты — одна из моих конторских служащих как раз к случаю находится на седьмом месяце, она бы с радостью согласилась пробежать по проходу и прервать церемонию — и еще, конечно же, возникает вопрос о свидетелях осуществления брачного соглашения. Сколько их для каждого из вас? Но это не обязательно решать на этой неделе; сначала мы должны подумать об украшении улиц и...

Я взял ее за руку.

— Мы уходим.

— Да, милорд,— согласилась Стар.

Он погнался за нами, крича о нарушенных контрактах. Я положил руку на саблю и вынул на обозрение дюймов шесть лезвия; его кряканье прекратилось.

Руфо, судя по виду, совсем справился с припадком безумия; он приветствовал нас учтиво, даже сердечно. Мы взобрались в седла, и тронулись, и уже отъехали на юг с милю, когда я сказал:

— Стар, дорогая...

— Милорд любовь?

— Этот «прыжок через саблю»— это в самом деле брачный ритуал?

— Очень древний к тому же, дорогой мой. Думаю, что он относится ко времени крестовых походов.

— Я придумал осовремененный вариант: «Прыгайте, жулик

* Свадебный обычай.

с принцессой, во всю прыть. Моей женой должна ты вечно быть!»... тебе такое бы понравилось?

— Да, да.

— А ты вместо второй строчки скажи: «Твоей женой хочу я вечно быть». Все ясно?

Стар порывисто вздохнула.

— Да, любовь моя!

Мы оставили Руфо у длиннолошадей, ничего не объясняя, и взобрались на покрытый лесом пригорок. Невия сплошь прекрасна, ни единая жестянка пива или грязная салфетка не замарала ее равную Эдему прелесть, но здесь мы нашли прямо-таки храм природы, гладкую травянистую лужайку, окруженную изогнувшимися деревьями, заколдованное святилище.

Я вытащил саблю и посмотрел вдоль лезвия, наслаждаясь ее великолепной балансировкой, снова отметив в то же время чуть волнистую поверхность, обработанную легкими как перышко ударами молотка какого-то мастера-оружейника. Я подкинул ее в воздух и перехватил за forte.

— Прочти-ка девиз, Стар.

Она прошла по нему взглядом.

— «Дум вивимус, вивамус!» — «Пока живы, будем ЖИТЬ!» Да, любовь моя, да!

Она поцеловала ее и передала обратно; я уложил ее на землю.

— Помнишь свои строки? — спросил я.

— Навеки в моем сердце.

Я взял ее руку в свою.

— Прыгай выше. Раз... два... три!

ГЛАВА XII

КОГДА я свел мою невесту вниз с этого благословенного холма, обняв ее рукой за талию, Руфо помог нам усесться в седла без комментариев. Однако вряд ли он мог пропустить мимо ушей, что Стар теперь обращалась ко мне: «Милорд муж». Он взобрался в седло и пристроился за нами, на почтительном расстоянии, вне слышимости.

Мы ехали рука в руке по меньшей мере с час. Когда бы я на нее ни поглядел, она улыбалась; когда она перехватывала мой взгляд, из улыбки вырастали ямочки. Раз я спросил:

— Когда нам придется начинать наблюдение?

— Как только свернем с дороги, милорд муж.

На этом мы продержались еще с милю. Наконец она робко сказала:

— Милорд муж?

— Да, жена?

— Вы все еще считаете, что я «холодная и неуклюжая бабенка»?

— Ммм...— задумчиво ответил я.— «холодная» — нет, по чести я бы не сказал, что ты холодна. А вот «неуклюжая»... Ну, по сравнению с такой искусницей, как, скажем, Мьюри...

— Милорд муж!

— Да? Я говорил, что...

— Хотите нарваться на пинок в живот? — Она прибавила: — По-американски!

— Жена... и ты бы ПНУЛА меня в живот?

Она помедлила с ответом, и голос ее был очень тих:

— Нет, милорд муж. Никогда.

— Рад это слышать. А если бы пнула, что бы случилось?

— Вы... вы отшлепали бы меня. Моей собственной шпагой. Но не вашей саблей. Пожалуйста, только не вашей саблей... муж мой.

— Да и не твоей шпагой тоже. Своей рукой. Здорово. Сначала я бы тебя отшлепал. А потом...

— А потом что?

Я ей сказал.

— Только не давай мне повода. В соответствии с планами мне предстоит сражаться позднее. И в будущем не перебивай меня.

— Хорошо, милорд муж.

— Очень хорошо. А теперь давай дадим Мьюри по воображаемой шкале сто очков. По этой шкале ты бы оценивалась... Дай-ка подумать.

— Три или, может, четыре? Или даже пять?

— Тихо. Я так прикидываю, что в тысячу. Да, с тысячу, плюс—минус очко. Нет с собой арифмометра.

— Ах, какой же вы злой, мой дорогой! Наклонитесь и поцелуйте меня. Вот погодите, все расскажу Мьюри.

— Мьюри ты, женушка, ничего не скажешь, или быть тебе отшлепанной. Кончай набиваться на комплименты. Ты знаешь, кто ты есть, девчонка, скачущая через сабли?

— Кто-кто?

— Моя Принцесса.

— О!

— И еще норка с подожженным хвостом, и это ты тоже знаешь.

— А это хорошо? Я очень тщательно изучала американские выражения, но иногда я не уверена.

— Считается, что это верх всему. Просто афоризм. А сейчас лучше переключи свой ум на другое, а то рискуешь оказаться в день венчания вдовой. Значит, ты говоришь, драконы?

— Только после наступления ночи, милорд муж, и вообще-то говоря, они не драконы.

— Судя по тому, как ты их описала, разница может иметь значение лишь в сравнении с другими драконами. Восьми футов в высоту на уровне плеч, вес каждого несколько тонн, и зубы длиной в мой локоть — не хватает им только дышать пламенем.

— О, так ведь они дышат! Разве я не говорила?

Я вздохнул.

— Нет, не говорила.

— Сказать, что они ДЫШАТ огнем, было бы неточно. Это убило бы их. Они задерживают дыхание, когда испускают пламя. Горит болотный газ — метан — из пищеварительного тракта. Что-то вроде контролируемой отрыжки с гиперголическим эффектом от гормона, вырабатываемого между первым и вторым рядами зубов. Газ воспламеняется при выходе наружу.

— Чихать мне на то, как они это делают; это же огнеметы. Ну и как же я, по-твоему, должен с ними справиться?

— Я надеялась, что вы что-нибудь придумаете. Дело в том,— извиняющимся тоном добавила она,— что это в мои планы не входило, я не предполагала, что мы отправимся этим путем.

— Да-а... Жена, давай-ка вернемся в ту деревеньку. Организуем соревнование с нашим другом, распространителем слухов, держу пари, что мы могли бы переговорить его.

— Милорд муж!

— А, ладно. Если тебе нужно, чтоб я убивал драконов по средам и субботам, я буду под рукой. Этот загорающийся метан — они выбрасывают его с обеих сторон?

— Ой, только спереди. Как это можно — с обеих?

— Запросто. Увидишь в модели будущего года. А сейчас тише; я обдумываю тактику. Мне будет нужен Руфо. Полагаю, ему случалось раньше убивать драконов?

— Мне неизвестно ни одного случая, когда люди убили хотя бы одного, милорд муж.

— Вот как? Принцесса моя, я польщен той уверенностью, которую ты ко мне питаешь. Или это отчаяние? Не отвечай, мне не хочется знать. Помолчи и дай мне подумать.

На подходах к следующей ферме Руфо был послан вперед, чтобы устроить возвращение длиннолошадей. Они были нашими — подарок Дораль ца, но приходилось отсылать их домой, ибо они не могли существовать там, куда мы направлялись — Мьюри пообещала мне, что будет присматривать за Арс Лонга и прогуливать ее. Руфо вернулся с каким-то мужланом верхом на здоровенной упряжной лошади без седла. Он легко ерзал по спине между второй и третьей парами ног, чтобы не натереть спину животному, а правил с помощью голоса.

Когда мы слезли с лошадей, достали луки и колчаны и уже собирались топать, подошел Руфо.

— Босс, тут Навозноногий жаждет встретиться с Героем и прикоснуться к его оружию. Отшить его?

Звание суть в долге его, равно как и в преимуществах.

— Веди сюда.

Парнишка-переросток с пушком на нижней челюсти, приблизился, сгорая от нетерпения и путаясь в собственных ногах, потом отвесил поклон столь замысловатый, что чуть не упал.

— Разогнись, сынок,— сказал я.— Тебя как зовут?

— Мопс, милорд Герой,— фальцетом ответил он. Сойдет и «Мопс». Смысл его по-невиански был так же коряв, как шутки Джоко.

— Достойное имя. Кем же ты хочешь быть, когда подрастешь?

— Героем, милорд! Как вы.

Хотелось мне порассказать ему о камушках на Дороге Славы. Ну, он их и сам найдет достаточно быстро, если когда-нибудь по ней отправится, и, может, не обратит внимания, может, повернет назад и выбросит это дурацкое занятие из головы. Я одобряюще покивал и заверил его, что в делах Героев для мужественного парня всегда найдется местечко наверху, что, мол, чем ниже начинаешь, тем больше Слава... так чтобы вкалывал крепко, учился изо всех сил и поджидал случая. Чтоб был настороже, но всегда отвечал незнакомым дамам; на его долю выпадут приключения. Потом я позволил ему коснуться своей сабли, но в руки взять не дал. Вива-мус — МОЯ; я бы скорее поделился зубной щеткой.

Однажды, когда я был юн, меня представили какому-то конгрессмену. Он навешал мне той же самой отеческой лапши, которой я подражал теперь. Это как молитва — худого не будет, а хорошего, может, что и сделает; я обнаружил, что говорю это вполне искренне, как, без сомнения, и тот конгрессмен. Нет, какой-то вред, может, и выйдет, ибо молодец вполне может оказаться убитым на первой миле Дороги. Но это лучше, чем сидеть в старости у огонька, беззубо причмокивая и перебирая неиспользованные шансы и упущенных девчонок. Что, не так?

Я решил, что случай этот представляется Мопсу столь важным, что он должен быть как-то отмечен, поэтому я порылся в кошеле у пояса и нашел четверть доллара.

— А дальше-то как тебя зовут, Мопс?

— Просто Мопс, милорд. Из дома Лердки, само собой.

— Теперь у тебя будет три имени, ибо я вручаю тебе одно из своих.

У меня было одно ненужное; Оскар Гордон было мне вполне по душе. Не «Блеск»: я этого прозвища никогда не признавал. И не армейское мое прозвище; его я не написал бы и на стенке в туалете. А пожертвовать я решил кличкой «Спок». Я всегда подписывался «С. П. Гордон» вместо полного «Сирил Поль Гордон», и в школе

мое имя из «Сирил Поль» превратилось в «Спок» из-за моей манеры преодолевать полосы препятствий — я никогда не бежал быстрее и не маневрировал больше того, чем требовали обстоятельства.

— Властью, которой облек меня Штаб Группы Войск Армии Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии, я, Герой Оскар, постановляю, что отныне да будешь ты известен как Лердки't Мопс Спок. Будь достоин этого имени.

Я отдал ему свой четвертак и показал на Джорджа Вашингтона на лицевой стороне.

— Вот это — прародитель моего дома, герой, высоты которого мне никогда не достичь. Он был горд и несгибаем, говорил правду и бился за правое дело, как мог, в самых безнадежных положениях. Постарайся быть похожим на него. А вот тут,— я перевернул монету,— тут герб моего дома, дома, который основал он. Птица эта символизирует мужество, свободу и стремящиеся ввысь идеалы.— Я не стал говорить ему, что Американский Орел питается падалью, никогда не нападает на равных себе по размеру и вообще скоро вымрет — он ДЕЙСТВИТЕЛЬНО обозначает эти идеалы. Символ значит то, что в него вкладывают.

Мопс Спок отчаянно закивал, и из глаз его потекли слезы. Я не представил его своей невесте; не знал, пожелает ли она с ним встретиться. А она шагнула вперед и мягко сказала:

— Мопс Спок, помни слова милорда Героя. Храни их как зеницу ока, и они осветят тебе жизнь.

Парень упал на колени. Стар прикоснулась к его волосам и сказала:

— Встань, Лердки't Мопс Спок. И не гни спины.

Я распрощался с Арс Лонга, наказал ей быть хорошей девочкой, и я, мол, скоро вернусь. Мопс Спок отправился обратно с караваном длиннолошадей, а мы двинулись к лесу со стрелами наготове и с Руфо в качестве глаз на затылке. Там, где мы сошли с желтой кирпичной дороги, стоял знак. В вольном переводе он означал: «ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ».

Дословный перевод наводит на воспомнания о Йеллоустонском Парке *: «Осторожно — дикие животные этих лесов не приручены. Путешественникам рекомендуется не покидать дороги; останки родственникам не возвращаются».

Через какое-то время Стар сказала:

— Милорд муж...

— Что, лапушка?

Я не оглянулся на нее; я наблюдал за своей и немножко за ее сторонами, да еще наверх поглядывал, поскольку здесь нас могло накрыть сверху — что-то типа кровавых коршунов, но поменьше и целятся в глаза.

* Заповедник США.

— Герой мой, вы воистину благородны и заставляете вашу жену очень гордиться вами.

— Что? Как это?

Я думал только о целях — наземных здесь было два типа: крыса, по величине способная съесть кошку и готовая нападать на людей, и дикий боров примерно такого же размера и без единого бутерброда с ветчиной под кожей, только недубленая кожа и дикий нрав. Боровы полегче как цели, сказали мне, потому что прут прямо в лоб. Только не промахнуться. И высвободить шпагу из ножен, второй стрелы не натянешь.

— Тот парень, Мопс Спок. Что вы для него сделали.

— Для него? Скормил ему старую баланду. Ни гроша не стоило.

— Это был королевский поступок, милорд муж.

— Э-э, глупости, родная. Ждал он красивых слов от Героя, вот я и выдал.

— Любимый мой Оскар, можно верной жене указывать своему мужу, когда он говорит о себе глупости? Я встречала много Героев; некоторые были такими олухами, что их кормить бы надо у черного хода, если бы подвиги их не заслуживали места за столом. Я встречала мало благородных людей, ибо благородство гораздо реже героизма. Но истинное благородство можно узнать всегда... даже в таких воинственно стесняющихся открыто проявить его, как вы. Парень этого ждал, вы это ему и выдали. Однако nobless oblige *— чувство, испытываемое только теми, кто благороден.

— Ну, может быть, Стар, ты опять слишком много разговариваешь. Тебе не кажется, что у этих шалунов есть уши?

— Прошу прощения, милорд. У них такой хороший слух, что они слышат шаги сквозь землю задолго до того, как заслышат голоса. Позвольте мне сказать последнее слово, поскольку сегодня мой свадебный день. Если вы, нет, КОГДА вы оказываете внимание какой-нибудь красавице, скажем, Летве или Мьюри — черт бы побрал ее красивые глаза! — я считаю это благородством; предполагается, что оно должно проистекать из чувства, гораздо более распространенного, чем nobless oblige. Но когда вы говорите с деревенщиной только что из хлева, с запахом чеснока изо рта, сплошь в вонючем поту и с прыщами на лице, говорите вежливо, и даете ему на время почувствовать себя таким же благородным, как и вы, и позволяете ему надеяться когда-нибудь стать равным вам — я знаю, что это не потому что вы надеетесь переспать с ним.

— Не знаю, не знаю. Юноши такого возраста в некоторых кругах считаются лакомым кусочком. Вымыть его в бане, надушить, завить ему волосы...

— Милорд муж, разрешается ли мне думать о том, чтобы пнуть вас в живот?

* Положение (благородство) обязывает *(фр.)*.

— За то, что думаешь, под трибунал не отдают, это единственное, чего ни у кого не отнимешь. Ладно, я предпочитаю девущек; консерватор и ничего с этим поделать не могу. Что это там насчет глаз Мьюри? Длинноножка, ты ревнуешь?

Я почувствовал ямочки, хотя и не мог посмотреть на них.

— Только в день моей свадьбы, милорд муж; остальные дни принадлежат вам. Если я застану вас за проказами, я или ничего не замечу, или поздравлю вас, как получится.

— Не думается мне, что ты меня застанешь.

— А мне думается, что вы не застанете врасплох меня, милорд жулик,— безмятежно ответила она.

Она-таки вставила последнее слово, потому что как раз в этот момент тетива Руфо пропела «фванг». Он воскликнул: «Есть», и тут же у нас появилась масса дел. Хряков, безобразных настолько, что по сравнению с ними дикие кабаны выглядели бы как фарфоровые статуэтки, я достал одного стрелой прямо в слюнявую его глотку, а спустя какую-то долю секунды накормил сталью его братишку. Стар не промахнулась мимо выбранного ею, но стрела срикошетила от кости и не остановила его, и я пнул его в лопатку, все еще пытаясь вытащить клинок из его родственничка. Сталь меж ребер угомонила его, а Стар спокойно наложила и выпустила еще стрелу, пока я его убивал. Еще одного она достала шпагой, направив острие внутрь точно, как матадор в минуту откровения, изящно отскочив в сторону, пока он продолжал еще двигаться, не желая признать того, что он уже мертвый.

Схватка закончилась. Старина Руфо без всякой помощи шлепнул троих, получив взамен скверный удар клыками; я отделался царапиной, а невеста моя осталась невредимой, в чем я удостоверился, как только все успокоилось. Потом я стоял на страже, пока наш хирург ухаживала за Руфо, после чего перебинтовала и мой порез поменьше.

— Как ты там, Руфо? — спросил я.— Идти можешь?

— Босс, я в этом лесу не останусь, если даже придется ползти. Давайте сматываться. Во всяком случае,— добавил он, кивнув на груды свинины вокруг нас,— крысы нас пока не будут беспокоить.

Я развернул построение кругом, поставив вперед Стар и Руфо так, чтобы здоровая нога была наружу, а сам встал в арьергарде, где я должен был бы быть с самого начала. Находиться в тылу в большинстве случаев немного безопаснее, чем впереди, но сейчас положение было не из этого большинства. Я позволил моему слепому желанию лично защищать свою невесту повлиять на ход моих мыслей.

Заняв эту горячую точку, я затем чуть не дошел до косоглазия, пытаясь наблюдать не только сзади, но и впереди, чтобы успеть сомкнуться, если Стар — да и Руфо тоже — придется худо.

К счастью, нам выпала передышка, в течение которой я опомнился и затвердил в уме первый закон на дороге: нельзя сделать дело за другого. Тут я переключил все свое внимание на тыл. Руфо, хоть и старый и раненый, не умер бы, не перебив насмерть почетный караул для сопровождения его в ад с подобающей помпой, да и Стар не была склонна к обморокам вроде героини романа. Я бы поставил на нее что угодно против любого из ее весовой категории, с любым оружием или голыми руками, и жаль мне того, кто когда-нибудь пытался ее изнасиловать; он, наверное, все еще ищет свои cojones.

Хряки нас больше не трогали, но с наступлением вечера мы начали замечать, а еще чаще слышали тех гигантских крыс. Они преследовали нас, обычно вне поля зрения; они ни разу не пошли в психическую атаку, как хряки; они ловили момент, как всегда делают крысы.

Крысы внушают мне ужас. Однажды, когда я был маленьким, отец уже умер, а мама еще не вышла замуж вторично, мы обнищали вчистую и жили на чердаке в здании, предназначенном на слом. Сквозь стены кругом можно было слышать крыс, а дважды крысы пробегали по мне, когда я спал. Я до сих пор просыпаюсь крича.

Крыса не становится лучше, если раздуть ее до размеров койота. Это были настоящие крысы, до кончиков усов, и сложением как крысы, только ноги и лапы их были слишком большие — наверное, закон куба-квадрата о пропорциях животных работает всюду.

Мы не тратили на них стрел, если не могли попасть наверняка, и шли зигзагом, чтобы воспользоваться всеми открытыми местами, которые мог предложить лес — что увеличивало опасность сверху. Однако лес был такой густой, что атаки с неба были не главной нашей заботой.

Я достал одну крысу, которая подошла слишком близко, и чуть не достал вторую. Нам приходилось тратить по стреле каждый раз, как они наглели; это заставляло других быть осторожнее. А раз, когда Руфо целился в одну из лука, а Стар готовила шпагу, чтобы подстраховать его, один из этих пакостных ястребов спикировал на Руфо.

Стар пронзила его прямо в воздухе в нижней точке его нырка. Руфо этого даже не видел; он был занят тем, что расправлялся с очередной крысой.

Насчет кустов нам волноваться не приходилось; этот лес был как парк: трава и деревья, без густых кустарников. Он был не так уж и плох, этот отрезок пути, только вот у нас стали подходить к концу стрелы. Заботясь об этом, я вдруг заметил кое-что другое.

— Эй, там, впереди! Вы сбились с курса. Срезайте вправо.

Стар показала мне курс, когда мы сошли с дороги, но держаться его было моей заданей; ее шишка направления действовала от случая к случаю, а Руфо был не лучше.

— Прошу прощения, милорд ведущий,— откликнулась Стар.— Уклон был чуточку крутоват.

Я подошел к ним.

— Как нога, Руфо? — У него на лбу выступил пот.

Вместо того чтобы ответить мне, он сказал:

— Миледи, скоро стемнеет.

— Знаю,— спокойно ответила она,— поэтому пора немного поужинать. Милорд муж, вон тот большой плоский камень впереди кажется мне подходящим местом.

Мне показалось, что она соскочила с зарубки, так же как и Руфо, только по другой причине.

— Но, миледи, мы намного отстаем от графика.

— И отстанем намного больше, если я снова не поухаживаю за твоей ногой.

— Лучше бы вам оставить меня,— пробормотал он.

— Лучше бы тебе помолчать, пока у тебя совета не спросят,— сказал ему я.— Я не оставил бы и Рогатого Призрака на съедение крысам. Так как нам это сделать, Стар?

Громадный плоский камень, торчащий, как череп, впереди среди деревьев, был верхней частью зарывшегося своим основанием в землю известнякового валуна. Я стоял на страже в его центре, а Руфо сидел рядом, пока Стар устанавливала защиту на главных и полуглавных румбах. Мне не удалось рассмотреть, что она делала, потому что приходилось смотреть в оба, что делается за ее спиной, держа стрелу внатяг и наготове вырубить или отпугнуть кого угодно, в то время как Руфо наблюдал за другой стороной. Однако Стар мне потом рассказала, что защита эта была вовсе не «магией», а вполне по плечу земной технологии, как только какой-нибудь светлый ум откроет основную идею — что-то вроде «электрифицированной ограды» без ограды. Так же, как радио — это телефон без проводов, но это сравнение, впрочем, не очень подходит.

Однако правильно же я поступил, что глазел вокруг изо всех сил, вместо того чтобы пытаться разгадать, как она устанавливает свой заколдованный круг; на нее бросилась единственная из всех встречавшихся нам крыс, которая не раздумывала о последствиях. Он (это был очень старый самец) ринулся прямо на нее, моя стрела, пролетевшая около ее уха, предупредила ее, и она прикончила его шпагой. Он был величиной с волка, с повыпавшими зубами и седыми усами, и, похоже, повредился умом, но даже с двумя смертельными ранами все еще был полон красноглазого, чесоточного бешенства.

Как только был установлен последний затвор, Стар сказала мне, что о небе можно больше не беспокоиться; защита ограждала круг и сбоку и сверху. Как говорит Руфо, если так сказала ОНА, то все. Руфо частично раскрыл складничок, пока наблюдал за лесом; я вы-

нул ее хирургические инструменты, стрелы для каждого из нас и еду. Мы поели вместе без всякой чепухи насчет слуг и господ, сидя или полулежа, а Руфо лежал пластом, чтобы дать ноге немного отдохнуть; Стар ухаживала за ним, иногда кладя ему пищу прямо в рот в стиле невианского гостеприимства. Перед этим она изрядно потрудилась над его ногой, а я в это время держал фонарь и подавал ей все необходимое. Она покрыла рану, перед тем как закрепить на ней повязку, каким-то бледным студнем. Если Руфо и было больно, он об этом умолчал.

Пока мы ели, стемнело, и невидимую ограду вокруг нас постепенно окружали глаза, мерцавшие в отблесках света, при котором мы ели; их было почти столько же, как в толпе в то утро, когда Игли съел самого себя. Большинство из них, как я рассудил, были крысы. Одна группа держалась особняком, отделившись с обеих сторон от других в круге; я решил, что это, должно быть, хряки; их глаза были выше от земли.

— Миледи любовь моя,— сказал я,— защита эта всю ночь продержится?

— Да, милорд муж.

— Хорошо, коли так. Тут слишком темно для стрел, и что-то трудно себе представить, как бы мы прорубили себе дорогу сквозь такую толпу. Боюсь, что вам придется снова пересмотреть свой график.

— Это невозможно, милорд Герой. Но забудьте об этих зверях. Отсюда мы полетим.

Руфо застонал.

— Этого я и боялся. Вы же знаете, что у меня от этого морская болезнь.

— Бедный Руфо,— мягко сказала Стар.— Не бойся, дружище, у меня есть для тебя сюрприз. Как раз для такого случая, как этот, я купила в Каннах драмалина, того средства, знаешь, которое спасло высадку в Нормандии там, на Земле. Или ты, может быть, не знаешь?

Руфо ответил:

— «Не знаешь»? Я УЧАСТВОВАЛ в той высадке, миледи, и у меня аллергия к драмалину; я кормил рыбок всю дорогу до плацдарма «Омаха». Худшая из всех моих ночей. Ха, да я лучше оказался бы ЗДЕСЬ!

— Руфо,— спросил я,— ты и вправду был на плацдарме «Омаха»?

— Черт возьми, конечно, босс. Я задумывал все операции Эйзенхауэра.

— А почему? Тебя же та схватка не касалась.

— Вы могли бы спросить себя, почему вы оказались в этой схватке, босс? В случае со мной это были французские девочки. Такие земные, раскованные, и всегда приветливые, и готовые

подучиться. Помню я одну маленькую мадемуазель из Армантьера,— он произнес название без ошибки,— которая была не...

Стар прервала его.

— Пока вы тут оба предаетесь холостяцким воспоминаниям, я схожу подготовлю снаряжение для полета.— Она встала и отошла к складнику.

— Давай дальше, Руфо,— сказал я; мне было интересно, как далеко он зайдет в этот раз.

— Не буду,— сердито сказал он.— Это не понравилось бы ей. Уж я-то знаю. Босс, вы самым распроклятым образом влияете на Нее. Изысканнее с каждой минутой, а на Неё это совсем не похоже. Не успеешь оглянуться, как Она подпишется на «Vogue»*, а там уж и сказать нельзя, до чего дойдет. Не понимаю, не из-за вашей же это внешности. Это я не в обиду.

— Не обидишь, не бойся. Ладно, расскажешь в другой раз. Если сумеешь вспомнить.

— Я ее никогда не забуду. Слушайте, босс, дело вовсе не в морской болезни. Вам кажется, что в этих лесах полно твари. Ну так вот, те, к которым мы направляемся,— с подгибающимися коленками, по крайней мере, у меня,— те леса полны драконов.

— Я знаю.

— Так Она вам сказала? Но это надо видеть, чтобы поверить. Лес просто кишит ими. Больше, чем Дойлей в Бостоне. Большие, маленькие и двухтонновые подросточки, вечно голодные. Может, вам и хочется, чтобы вас съел дракон; мне — нет. Это оскорбительно. И бесповоротно. Это место надо бы опрыскать ядом для драконов, вот что надо было бы сделать. Надо было бы издать закон.

Стар уже вернулась.

— Нет, закону никакому быть не следует,— твердо сказала она.— Руфо, не распространяйся о вещах, которых не понимаешь. Нарушать экологический баланс — это худшая из ошибок, которую может совершить какое-нибудь правительство.

Руфо умолк, бормоча что-то про себя. Я сказал:

— Любовь моя верная, какая же польза от дракона? Открой мне это.

— Мне не приходилось рассчитывать балансовых таблиц по Невии, это не входит в мои обязанности. Но я могу представить диспропорции, которые, вероятно, последовали бы за любой попыткой избавиться от драконов, а невианцы вполне могут это сделать: вы видели, что над их технологией не стоит смеяться. Эти крысы, хряки губят урожаи. Крысы, съедая поросят, мешают росту числа хряков. Однако крысы вредят продовольственным культурам еще больше, чем хряки. Драконы в дневное время пасутся в этих самых

* Журнал мод.

лесах — драконы дневные животные, а крысы — ночные: в дневную жару они прячутся по своим норам. Драконы и хряки постоянно объедают кустарники, а драконы еще и подстригают нижние ветви деревьев. Но драконы всегда рады полакомиться упитанной крысой, так что как только какой-нибудь из них замечает крысиную нору, он всаживает туда порцию пламени. Взрослых убивает не всегда, потому что они роют две норы для каждого гнезда, а вот крысята погибают наверняка. Потом дракон докапывается до своей любимой закуски. Давно уже существует соглашение, чуть ли не договор, что пока драконы остаются на своих землях и сдерживают рост крыс, люди не будут их беспокоить.

— А почему не перебить крыс и потом устроить облаву на драконов?

— Это чтобы хряки развернулись, как им хочется? Простите, милорд муж, всех ответов в этом случае я не знаю; я знаю только, что нарушение экологического равновесия — это такое дело, к которому надо подходить со страхом и дрожью и с очень «умным» компьютером. Невианцам, видимо, нет необходимости беспокоить драконов.

— Нам, очевидно, придется их побеспокоить. Это не нарушит договор?

— Собственно говоря, это не договор: со стороны невианцев — это народная мудрость, а у драконов условный рефлекс или, возможно, инстинкт. Нам не придется беспокоить драконов, если это будет зависеть только от нас. Вы уже обсудили план действий с Руфо? Когда мы туда прибудем, времени не останется.

Так что мы потолковали с Руфо о том, как убивать драконов, пока Стар, слушая нас, закончила свои приготовления.

— Ладно,— хмуро сказал Руфо,— это лучше, чем сидеть сиднем, как устрица на половинке раковины, и ждать, пока тебя съедят. Достойнее. Я лучше, чем вы, стреляю из лука — или во всяком случае так же хорошо,— поэтому я возьму на себя заднюю часть, поскольку я сегодня не так проворен, как надо бы.

— Будь готов быстрехонько переключиться, если он развернется.

— Это вы будьте готовы, босс. Я буду готов по самой лучшей из причин — из-за своей любимой шкуры.

Стар была уже готова, а Руфо упаковал и закинул за плечи складничок, пока мы совещались. Она прикрепила каждому из нас по круглой подвязке на оба колена, потом велела нам сесть на камень лицом по направлению нашего полета.

— Ту дубовую стрелу, Руфо.

— Стар, это не из той книжки Альберта Великого?

— Похоже,— сказала она.— Мой рецепт надежнее, а составные части, которые я использую на подвязках, не портятся. Прошу

прощения, милорд муж, я должна сосредоточиться на чарах. Положите стрелу так, чтобы она указывала на пещеру.

Я повиновался.

— Это точно? — спросила она.

— Если правильна карта, которую ты мне показывала, то да. Она показывает точно туда, куда все время шел я, с тех пор как мы сошли с дороги.

— Сколько отсюда до Леса Драконов?

— Хм, слушай, любовь моя, раз уж мы путешествуем по воздуху, почему бы нам не проскочить мимо драконов прямёхонько до пещеры?

Она терпеливо сказала:

— Хорошо бы, да никак. Лес в верхней части так густ, что прямо вниз у пещеры опуститься нельзя, там негде повернуться. А те, что живут в вершинах деревьев, хуже, чем драконы. У них вырастают...

— Не надо! — сказал Руфо.— Мне уже плохо, а мы еще не оторвались от земли.

— Позже, Оскар, если вам еще захочется узнать. В любом случае мы не смеем рисковать встречей с ними, и не будем; они остаются выше предела досягаемости драконов, волей-неволей. Сколько до леса?

— Э-э-э, восемь с половиной миль, судя по той карте и по тому, как далеко мы зашли, и не больше, чем две, оттуда до Пещеры Врат.

— Хорошо. Руки крепче на моей талии, вы оба, и как можно больше касание тел; на всех нас действовать должно одинаково.

Мы с Руфо обняли ее каждый одной рукой за шею, а вторые сцепили у нее на животе.

— Так хорошо. Держитесь крепче.— Стар начертила несколько знаков на скале около стрелы.

Она уплыла в ночь, и мы за нею следом.

Не знаю, как удержаться, чтоб не назвать это волшебством, как не вижу способа встроить пояс типа «Бак Роджерс» в эластичную подвязку. Ну, если вам угодно, Стар загипнотизировала нас, потом пустила в ход свои «пси»-способности и телепортировала нас на восемь с половиной миль. «Пси» подходит больше, чем «волшебство»; односложные слова сильнее многосложных — смотри речи Уинстона Черчилля. Я оба эти слова понимаю не больше, чем могу объяснить, почему я никогда не теряюсь. Мне просто кажется нелепым, что остальные теряются.

Когда я летаю во сне, я пользуюсь двумя способами: первый — это лебединый полет, и тут я парю и взмываю и вообще валяю дурака; второй — сижу по-турецки, как Маленький Хромой Принц, перемещаясь только силой собственной личности.

На этот раз мы летели именно вторым способом, как на планере без планера. Стояла отличная ночь для полета (на Невии все ночи хороши; дожди идут только перед рассветом в сезон дождей, как я слышал), и большая из лун заливала серебром землю под нами. Леса разошлись и превратились в купы деревьев; тот лес, к которому мы направлялись, издалека казался черным, намного выше и не в пример более впечатляющим, чем симпатичные лесочки позади нас. Слева вдалеке едва угадывались поля Лердки.

Мы пробыли в воздухе около двух минут, как вдруг Руфо сказал: «Извините!» и отвернулся. Желудок у него слабым не назовешь; на нас не попало ни капли. Все вылетело дугой, как из фонтана. Это было единственным происшествием за весь прекрасный полет.

За секунду перед тем как достичь высоких деревьев, Стар отрывисто сказала:

— Амех!

Мы зависли, как вертолет, и опустились точнехонько вниз на три зада. Стрела покоилась на земле перед нами, снова лишенная жизни. Руфо вернул ее в колчан.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.— И как там нога?

Он сглотнул.

— Нога в порядке. Земля ходуном ходит.

— Тихо! — прошептала Стар.— Он придет в норму. Но тише, если жизнь дорога!

Спустя несколько секунд мы тронулись: я впереди с обнаженной саблей, Стар за мной, а Руфо за ней по пятам со стрелой в руке.

Переход от лунного света к глубокой тени ослепил нас, и я еле полз, ища на ощупь стволы деревьев и молясь, чтобы на тропе, по которой вела меня шишка направления, не оказалось дракона. Я, само собой, знал, что ночью драконы спят, но нет у меня драконам веры. А может, холостяки стоят на часах, как принято у холостых бабуинов. Мне было охота передать это почетное место святому Георгию, и занять местечко подальше.

Однажды меня остановил мой нос; донесся легкий запах старого мускуса. Я пригляделся и понемногу различил силуэт размером с конуру по продаже недвижимости — дракон спал, положив голову на хвост. Я провел их вокруг него, стараясь не наделать шума и надеясь, что сердце мое бьется не так громко, как кажется.

Глаза мои пообвыкли уже, дотягиваясь до каждого случайного лучика света, который просачивался вниз — и тут открылось кое-что еще. Земля была покрыта мхом и едва заметно фосфоресцировала, как иногда бывает с гнилым бревном. Немного. Да что там, совсем чуть-чуть. Но можно сравнить вот что: когда входишь в темную комнату, то кажется, что вокруг совершенно темно, а потом света вполне хватает. Уже можно было различать деревья, и почву, и драконов.

Я раньше было подумал: «А, да что такое дюжина-другая драконов в большом лесу? Вполне возможно, что мы ни одного и не увидим, так же как по большей части не видно оленей в оленьем заповеднике».

Тому, кто получит разрешение на сбор денег за ночлег в том лесу, достанется целое состояние, если он сможет придумать способ заставить драконов расплачиваться. Мы видели их постоянно с тех пор, как обрели способность видеть.

Ну, конечно, это не драконы. Нет, они уродливей. Они из породы ящеров, больше всего похожи на тиранозавров рекс — утяжеленная задняя часть и толстые задние лапы, толстый хвост и небольшие передние лапы, которыми они пользуются или при ходьбе, или для того, чтобы хватать добычу. Голова состоит в основном из зубов. Они всеядны, в то время как, насколько я понимаю, тиранозавры рекс ели только мясо. Радости от этого мало: драконы едят мясо, когда удается, оно им больше по вкусу. Более того, эти несовсем-настоящие драконы развили в себе уже упомянутый очаровательный фокус сжигания собственного отхожего газа. Впрочем, никакой вывих эволюции не покажется странным, если в качестве сравнения взять способ, которым осьминоги занимаются любовью.

Однажды далеко слева вспыхнул громадный факел, с мычащим ревом, как у очень старого аллигатора. Свечение продолжалось несколько секунд, потом постепенно угасло. Откуда я знаю — может, два самца поругались из-за самки. Мы не остановились, но я замедлил ход после того, как свет погас, так как даже этого оказалось достаточно, чтобы нашим глазам нужно было восстанавливать ночное зрение.

У меня к драконам аллергия — в буквальном смысле, а не просто испуг до безумия. Так же, как у несчастного старины Руфо к драмалину, или скорее так, как кошачья шерсть действует на астматиков.

Как только мы очутились в лесу, у меня заслезились глаза, потом стало закладывать нос, и не успели мы пройти и полмили, как мне пришлось начать изо всех сил тереть верхнюю губу левым кулаком, стараясь болью подавить чихание. В конце концов я не смог больше сдерживаться; я воткнул пальцы в ноздри и прикусил губу, и не вырвавшийся на волю взрыв чуть не разорвал мне барабанные перепонки. Это случилось, когда мы обходили южную сторону создания размером с грузовик с прицепом. Я остановился как вкопанный, встали и они, и мы замерли в ожидании. Оно не проснулось.

Когда я двинулся дальше, моя любимая сомкнулась со мной, схватила меня за руку; я снова остановился. Она залезла в свою сумку, молча что-то нашла, растерла этим мой нос в ноздрях и снаружи, потом легким толчком дала понять, что можно идти дальше.

Сначала мой нос обожгло холодом, как будто она помазала ме-

ня «Виксом», потом он онемел и наконец начал прочищаться.

После часа с лишним такого призрачного скольжения длиною в вечность, сквозь высокие деревья мимо гигантских силуэтов, мне подумалось, что мы сумеем пробиться без потерь. Пещера Врат находилась не более чем в ста ярдах впереди, и уже был виден подъем местности, где должен был быть вход — а на нашем пути остался только один дракон, и то не на прямой.

Я заторопился.

И оказался же там этот малыш, размером не больше кенгуру и примерно таких же форм, за исключением молочных зубиков сантиметров десяти длиной. Может, он был еще так мал, что должен был по ночам ходить на горшок, не знаю. Знаю только, что я проходил рядом с деревом, за которым он был, и наступил ему на хвост. Он ЗАВЕРЕЩАЛ!

У него на это были основания. Тут-то все и началось. Взрослый дракон, лежавший между нами и пещерой, тут же проснулся. Он был невелик — футов, скажем, в сорок, включая хвост.

Старый верный Руфо включился в действие так, как будто у него была масса времени на отработку; он метнулся к южному краю зверюги — стрела наложена, лук затянут, на случай, если придется срочно выстрелить.

— Задирай ему хвост! — закричал он.

Я подбежал к переднему краю и стал кричать и размахивать саблей, пытаясь вывести скотину из себя и раздумывая, как далеко мечет пламя его огнемет. У невианского дракона есть только четыре места, куда может вонзиться стрела; все остальное покрыто броней, как у носорога, только толще. Эти четыре места: его рот (когда он открыт), глаза (трудная мишень; они маленькие, как поросячьи) и то место прямо под хвостом, которое уязвимо почти у всех животных. Я прикидывал, что попавшая в эту чувствительную точку стрела должна порядком увеличить то ощущение «чесотки и жжения», которое описывается в небольших объявлениях на последних страницах газет, где говорится: «Не применяй хирургического вмешательства!»

Замысел мой был таков: если дракона, не отличающегося сообразительностью, одновременно невыносимо раздражать с обеих сторон, то его координация должна напрочь разладиться, и мы сможем клевать его, пока он не отключится или пока ему это не осточертеет и он убежит. Но мне надо было заставить его поднять хвост, чтобы дать Руфо выстрелить. Создания эти, так же как тиранозавры, тяжелы на корму, атакуют с поднятыми головами и передними лапами, а равновесие поддерживают поднятым хвостом.

Дракон мотал взад-вперед своей головой, а я старался мотаться в противоположном направлении, чтобы не оказаться на мушке, если он откроет огонь — как вдруг меня окатила первая волна ме-

тана; я учуял его прежде, чем он зажегся, и ретировался так быстро, что налетел спиной на малютку, на которого раньше наступил, чистенько перелетел через него, приземлился на лопатки и покатился; это меня и спасло. Огонь вылетает футов на двадцать. Взрослый дракон уже встал на дыбы и все еще мог меня поджарить, но между нами находилось дитя. Он вырубил пламя, но Руфо уже вопил:

— В десятку!

Причиной, по которой я вовремя попятился, был дурной запах изо рта. Тут вот говорится, что «чистый метан — это газ без цвета и запаха». Тот боевой кишечный газ не был чистым; он был так напичкан кетонами и альдегидами домашнего приготовления, что по сравнению с ним не обработанный хлоркой сортир благоухал, как Шалимар.

Думается мне, что Стар, дав мазь для прочистки носа, спасла мне жизнь. Когда у меня заложен нос, я не различаю даже, чем пахнет у меня верхняя губа.

Действие — для того, чтобы я все это обдумал,— не приостановилось ни на миг; думал я или раньше, или позже, но не тогда. Вскоре после того, как Руфо попал в десятку, зверь выразил всем своим видом крайнее возмущение, снова открыл рот, но без пламени, и попытался обеими лапами схватиться за задницу. Он бы не смог, слишком коротки передние лапы, но пытался. Я, как только увидел длину его пламевыброса, тут же убрал саблю и схватился за лук. Я успел отправить одну стрелу прямо в рот, примерно в левую гланду (миндалевидную железу).

Это послание дошло быстрее. С гневным воплем, сотрясая землю под ногами, он, изрыгая пламя, рванулся ко мне. Руфо заорал:

— Семерка!

Я был слишком занят, чтобы его поздравить; эти штучки, для своего размера, двигаются быстро. Ну да я медлительностью не отличаюсь, а стимулов у меня было больше. Такая громадина не может быстро менять курс, однако поворачивать голову, а вместе с ней и пламя, может. Мне подпалило штаны и я заскакал еще быстрее, стараясь обогнать его.

Стар, пока я уворачивался, расчетливо воткнула стрелу в другую гланду, как раз туда, откуда выходило пламя. Потому бедняга так сильно постарался повернуться в обе стороны одновременно на нас обоих, что запутался в собственных ногах и упал, произведя небольшое землетрясение. Руфо вонзил еще одну стрелу в нежный зад, а Стар выпустила такую, которая прошла сквозь язык и застряла чуть дальше, не причинив вреда, но ужасно раздражая его.

Он собрался в клубок, встал на ноги, выпрямился и попытался снова поджечь меня. Мне стало ясно, что я ему не понравился.

И тут пламя кончилось.

Я надеялся на что-то подобное. У настоящего дракона, с замка-

ми и пленными принцессами, огня столько, сколько ему нужно, как у шестизарядных револьверов в телефильмах про ковбоев. А эти создания сами вырабатывали свой метан, и запасы его, как и давление внутри него, не могли быть уж очень большими, как я и думал. Если бы мы могли заставить его быстро израсходовать свой боезапас, то неминуемо должен был наступить перерыв, пока он перезарядится.

Тем временем Руфо и Стар не давали ему покоя, как будто перед ними была подушечка для иголок. Он изо всех сил предпринял попытку снова открыть огонь, пока я быстренько мчался мимо, стараясь, чтобы визжавший дракончик находился между мной и взрослым, и это было похоже на почти пустой «Ронсон»*; пламя вспыхнуло и загорелось, вылетело на каких-то жалких шесть футов и погасло. Но он так старался достать меня этой последней вспышкой, что снова упал.

Я решил рискнуть, подумав, что секунду-другую он будет неподвижен, как резко сбитый с ног человек, подскочил и воткнул ему саблю в правый глаз.

Он разок сильно передернулся и отдал концы.

Удачный выпад. Говорят, что у динозавров подобной величины мозг размером с каштановый орех. Присудим этому зверю мозг размером с мускусную дыню — все равно, если бьешь в глазницу и точно попадешь в мозг, это называется везением. Все, что мы сделали до тех пор, было не больше, чем комариными укусами. Погиб он от одного этого удара. Святой Михаил и Святой Гавриил направляли мой клинок.

И Руфо заорал:

— Босс! Бежим домой!

К нам приближалась свора драконов. Чувство было, как в школе молодого бойца, когда дано задание открыть стрелковую ячейку, а потом пропустить над собой танк.

— Сюда! — заорал я.— Руфо! Сюда, не туда! Стар!

Руфо притормозил, мы правильно сориентировались, и я разглядел вход в пещеру, черный, как грех, и зовущий, как руки матери. Стар замешкалась; я воткнул ее в пещеру, Руфо ввалился за ней, а я повернулся, чтобы встретить новых драконов лицом к лицу во имя своей возлюбленной.

Но тут она завопила:

— Милорд! Оскар! Внутрь, быстрее, идиот! МНЕ НАДО СТАВИТЬ ЗАЩИТУ!

Я быстренько забрался внутрь, она тоже, и я не стал распекать ее за то, что она назвала собственного мужа идиотом.

---

* Марка зажигалки.



ГЛАВА XIII

ТОТ маленький дракончик дошел до пещеры вместе с нами не из воинственных соображений (хотя я не доверяю тем, у кого такие зубы), а скорее, я считаю, по той же причине, по которой утята следуют за любым ведущим. Он попытался вслед за нами войти в пещеру, отпрянул внезапно, коснувшись мордой невидимой завесы, как котенок, которого ударила искорка статического электричества. Потом он стал околачиваться поблизости, издавая жалобные звуки.

Мне хотелось выяснить, может или нет защитная система Стар останавливать огонь. Я тут же это выяснил: у пещеры появился один из старых драконов, сунул в отверстие голову, с возмущением отдернул ее, точно так же, как и малыш, потом пристально посмотрел на нас и включил свой огнемет.

Нет, пламени защита не останавливает.

Мы достаточно далеко забрались внутрь, так что нас не опалило, однако дым, вонь и жара были ужасны и не менее смертельны при достаточной продолжительности.

Мимо моего уха просвистела стрела, и дракон потерял к нам всякий интерес. Его заменил другой, который не был еще убежден. Руфо, а возможно и Стар, убедили его, прежде чем он успел разжечь свою паяльную лампу. Воздух очистился; откуда-то изнутри наружу тянуло сквозняком.

Тем временем Стар обеспечила нас светом, а драконы устроили митинг протеста. Я оглянулся назад — узкий и низкий проход, ведущий вбок и вниз. Я закончил рассматривать Руфо, Стар и внутреннюю часть пещеры; приближалась следующая комиссия.

Моя стрела попала председателю в мягкое небо прежде, чем он успел отпрыгнуть. Сменившему его заместителю председателя удалось вставить коротенькое замечание длиной футов в пятнадцать, прежде чем он тоже передумал. Комиссия попятилась, и члены ее стали в повышенном тоне обмениваться нелестными впечатлениями о нас. Дракончик-малыш все это время слонялся неподалеку. Когда взрослые удалились, он опять подошел к порогу, капельку не доходя до того места, где обжег нос.

— Куу-верп? — жалостно сказал он.— Куу-верп? Киит! — Ему явно хотелось войти.

Стар коснулась моей руки.

— Если будет угодно милорду мужу, мы готовы.

— Киит!

— Иду,— откликнулся я и завопил: — Давай отсюда, пацан! Беги к мамочке.

Рядом с моей высунулась голова Руфо.

— Не может, наверное,— заметил он.— Видимо, мы уделали именно его мамочку.

Я не ответил, ибо это было похоже на правду: взрослый дракон, которого мы прикончили, проснулся мгновенно, как только я наступил детенышу на хвост. Это смахивает на материнский инстинкт, если он у драконов есть,— откуда мне знать.

Ну и чертовщина все-таки, нельзя даже после убийства дракона чувствовать себя легко.

Мы побрели вглубь холма, нагибаясь под сталактитами и перешагивая через сталагмиты; Руфо освещал путь факелом. Мы очутились в куполообразном зале с полом гладким, как стекло, от бессчетных лет известнякового осадка. Около стен висели сталактиты в мягких пастельных тонах, а из центра свисала изумительная, почти симметричная люстра, под которой почему-то не было сталагмита. Стар и Руфо понавтыкали в десятке мест по периметру куски светящейся мастики, которая широко используется на Невии для ночного освещения; она затопила зал ярким светом, на котором сталактиты стали рельефнее. Руфо показал мне висящую среди них паутину.

— Эти ткачи безвредны,— сказал он.— Просто здоровые и безобразные. Они даже кусаются не как пауки. Но — смотрите под ноги! — Он потянул меня назад.— У этих штучек даже прикосновение ядовито. Слепые черви. Вот на что нам столько времени понадобилось. Надо было убедиться, что кругом все чисто, прежде чем устанавливать защиту. Ну а теперь, пока она загораживает входы, я еще разок все проверю.

Так называемые слепые черви были полупрозрачными, переливчатого цвета существами, размером с больших гремучих змей и слизисто-мягкие, как дождевой червяк на крючке; я порадовался тому, что они мертвы. Руфо насадил их на свою шпагу, как кошмарный шиш-кебаб, и вынес их через тот проход, через который мы вошли.

Он быстро вернулся, и Стар закончила ограждение.

— Так-то лучше,— сказал он, отдуваясь и принимаясь чистить клинок.

— Не нужны мне тут их ароматы. Они довольно быстро гниют и напоминают по запаху свежеободранные шкуры. Или копру. Я вам не рассказывал о том, как я раз плавал коком на корабле из Сиднея? Так вот тамошний второй помощник никогда не мылся и держал у себя в каюте пингвина. Самку, конечно. Так вот эта птица была не чистоплотнее, чем он сам, и у нее была привычка...

— Руфо,— сказала Стар,— ты не поможешь мне с багажом?

— Иду, миледи.

Мы достали пищу, спальные мешки, запас стрел, то, что нужно Стар для ее колдовства или как его там, и фляги для воды, тоже из складничка. Стар еще раньше предупредила меня, что Карт-Хокеш — такое место, где химический состав несовместим с человеческой жизнью; всю еду и питье нам придется взять с собой.

Я посмотрел на эти литровые фляги с неодобрением.

— Малышка, тебе не кажется, что мы слишком сильно урезали пайки и воду?

Она покачала головой.

— Честное слово, нам больше не понадобится.

— Линдберг перелетел Атлантику всего лишь с одним бутербродом с арахисовым маслом,— вставил свое слово и Руфо.— Но я уговаривал его захватить побольше.

— Откуда ты знаешь, что нам больше не пригодится? — не отставал я.— Особенно воды.

— Я свою наполню коньяком,— сказал Руфо.— Вы поделитесь со мной, а я с вами.

— Милорд, любовь моя, вода тяжела. Если мы попытаемся нацепить на себя все против любой неожиданности, как Белый Рыцарь, мы будем слишком нагружены, чтобы сражаться. Мне придется приложить много усилий, чтобы перенести трех человек, оружие и минимум одежды. Живое легче всего; я могу брать энергию у вас обоих. Дальше идут живые в прошлом вещества; вы уже заметили, я думаю, что одежда наша из шерсти, луки из дерева, а веревки из кишок. Тяжелее всего никогда не жившие вещи, особенно сталь, и все же вооружение нам необходимо, и, если бы у нас еще было огнестрельное оружие, я бы изо всех сил постаралась перенести и его, потому что теперь оно нам понадобится. Однако, милорд Герой, я говорю вам это просто для сведения. Решать должны вы — а я уверена, что смогу осилить... о, да еще даже с полцентнера мертвой материи, если нужно. Если вы отберете то, что подскажет ваш гений.

— Мой гений ушел в отпуск. Но Стар, любовь моя, на это есть простой ответ. Бери все.

— Милорд?

— Джоко дал нам на дорогу, как кажется, полтонны еды, столько вина, что можно утопиться, и немножко воды. Плюс широкий выбор лучших в Невии приспособлений для убийства и нанесения ранений и увечий. Вплоть до панцирей. И еще кучу всего. В этом складничке достаточно всего, чтобы выстоять осаду и не есть и не пить ничего в Карт-Хокеше. Но самое прекрасное то, что он весит, в упакованном виде, всего фунтов пятнадцать, а не пятьдесят, которые, как ты сказала, ты сможешь, поднапрягшись, перебросить. Я закреплю его на спине и ничего даже не почувствую. Он меня не притормозит, а, может, даже защитит от удара в спину. Годится?

Выражение лица Стар подошло бы матери, чей ребенок только что раскусил обман насчет аистов и которая раздумывает, как подойти к этому щекотливому вопросу.

— Милорд муж, его масса слишком велика. Я не думаю, что кто-нибудь из ведьм или колдунов смог бы переместить его в одиночку.

— Ну, а сложенный-то?

— Это не меняет дела, милорд, масса все равно не исчезает, даже становится еще опаснее. Представьте себе сильную пружину, скрученную очень туго до небольших размеров и обладающую поэтому большой энергией. Требуется невероятная мощь, чтобы провести складничок через переход в компактном виде; в противном случае он взрывается.

Я вспомнил вымочивший нас грязевой вулкан и перестал спорить.

— Ладно, я не прав. Только один вопрос — если масса никуда не исчезает, почему же он так мало весит в сложенном виде?

На лице Стар вновь появилось обеспокоенное выражение.

— Прошу прощения, милорд, но нам не хватает общего языка — в математическом смысле, который позволил бы мне ответить вам. Это временно: обещаю, что вы сможете научиться, если захотите. Чтобы было удобнее, представьте это себе как приручение искривление пространства. Или думайте, что масса эта находится так неизмеримо далеко — в ином направлении — от сторон складничка, что местная сила притяжения играет незначительную роль.

Я вспомнил, как когда-то моя бабушка попросила меня объяснить ей, что такое телевизор — что у него внутри, если не смешные картинки. Есть такие вещи, которым нельзя научиться за десять несложных уроков или популярно объяснить массам; они требуют годами морщить лоб. Это звучит как измена в век, когда все отдают дань невежеству, и суждение одного не хуже суждения другого. Но это факт. Как говорит Стар, мир таков, каков он есть, и не прощает невежества.

Но меня все еще разбирало любопытство.

— Стар, а можно как-нибудь изловчиться рассказать мне, почему одно проходит легче, чем другое? Дерево легче, чем железо, например?

Она приняла горестный вид.

— Нет, потому что я сама не знаю. Волшебство — это не научно, это набор способов делать то или иное — способов, которые действуют, но мы часто не знаем почему.

— Здорово похоже на инженерное дело. Конструируешь по теории, а воплощаешь, как придется.

— Да, милорд муж. Волшебник похож на инженера-практика.

— А философ,— встрял Руфо,— это ученый без практического приложения. Вот я — философ. Лучшая из всех профессий.

Стар не обратила внимания на его слова, достала куб для зарисовок и показала мне все, что знала о той огромной башне, из которой мы должны выкрасть Яйцо Феникса. Этот куб казался просто большим кубиком плексигласа и на вид, и на ощупь, и по тому, как на нем оставались отпечатки пальцев.

Однако у нас оказалась длинная указка, которая погружалась

в него, как будто куб был сделан из воздуха. Она концом этой указки могла чертить в трех измерениях; он оставлял тонкую светящуюся линию в тех местах, где ей было надо, как на классной доске.

Это было не волшебством, а более развитой технологией. Когда мы этому научимся, то к черту полетят все наши способы инженерного планирования, особенно сложных конструкций, таких, как авиамоторы и УВЧ-устройства. Это даже лучше, чем развернутая изометрия с прозрачными накладками. Куб был стороной дюймов в тридцать, а чертеж внутри можно было рассматривать с любого угла, даже перевернуть и исследовать снизу.

Башня Высотой в Милю была не шпилем, а массивным блоком, чем-то похожим на пресловутые уступы зданий в Нью-Йорке, но неизмеримо больше.

Внутренность его представляла собой лабиринт.

— Милорд рыцарь,— извиняющимся тоном сказала Стар,— когда мы покидали Ниццу, в нашем багаже хранился полный чертеж этой башни. Сейчас я вынуждена работать по памяти. Однако я так долго изучала этот чертеж, что убеждена в том, что правильно передаю схему нашего движения, хотя пропорции могут быть чуть неверными. В направлениях я уверена, в тех, которые ведут к Яйцу. Может случиться, что побочные пути и тупики я опишу не так детально; я не настолько тщательно их изучала.

— Не вижу, чем это нам повредит,— заверил я ее.— Если я буду знать правильную дорогу, то любая другая, которую я не знаю, будет ложной. Ею мы не воспользуемся. Разве что для того, чтобы спрятаться в трудный момент.

Она изобразила верные направления светящимся красным цветом, мнимые зеленым. Зеленого оказалось намного больше, чем красного. У того типа, который соорудил эту башню, мозги были явно набекрень. То, что казалось центральным входом, вело внутрь и вверх, раздваивалось и соединялось снова, проходило рядом с Залом Яйца, потом по запутанному маршруту возвращало вниз и выплевывало наружу, как в «На выход — сюда» у П. Т. Барнума.

Другие пути уводили вглубь и оставляли вас плутать в лабиринтах, которые не подчинялись правилу «Держаться левой стены». Если бы вы так поступили, вы умерли бы с голоду. Даже пути, отмеченные красным, были очень запутаны. Если только вы не знали, где хранится под стражей Яйцо, вы могли даже войти правильно и все равно провести весь этот год и январь следующего в бесплодных поисках.

— Стар, ты бывала в Башне?

— Нет, милорд. Я побывала в Карт-Хокеше. Но далеко оттуда, в Гротовых Холмах. Я видела Башню только с большого расстояния.

— Кто-то же должен был в ней побывать. Ваши... противники... наверняка не посылали вам карты.

Она произнесла четко и ясно:

— Милорд, шестьдесят три храбреца погибло, добывая информацию, которую я предлагаю вашему вниманию.

Значит, сейчас мы идем за шестьдесят четвертого! Я спросил:

— Есть способ оставить для изучения только красные тропы?

— Безусловно, милорд.

Она дотронулась до прибора управления, зеленые линии погасли. Красные пути начинались по одному из каждого из трех отверстий, одной «двери» и двух «окон».

Я показал на самый нижний уровень.

— Это единственная из тридцати или сорока дверей, которая ведет к Яйцу?

— Верно.

— Стало быть, прямо за ней нас поджидает драка.

— Это было бы вполне естественно, милорд.

— Хммм...— Я повернулся к Руфо.— Руфо, у тебя в загашнике не найдется какой-нибудь длинной, прочной и легкой веревки?

— Есть у меня одна, которой Джоко пользуется для подъема грузов. Примерно как крепкая рыбацкая леска, с сопротивлением на разрыв около полутора тысяч фунтов.

— Молодец!

— Подумал, может, понадобится. Тысячи ярдов хватит?

— Да. Что-нибудь полегче есть?

— Шелковая леска для форели.

Через час мы закончили все мыслимые приготовления, и схема лабиринта отпечаталась в моем мозгу тверже алфавита.

— Стар, лапка, мы готовы отчаливать. Будешь творить заклинание?

— Нет, милорд.

— Почему нет? Лучше бы это провернуть побыстрее.

— Потому что это невозможно, мой дорогой. Эти Врата не настоящие; тут всегда мешает вопрос времени. Они будут готовы открыться на несколько минут примерно часов через семь, а потом вновь не могут быть открыты в течение нескольких недель.

Мне пришла на ум скверная мысль.

— Если те типы, которых нам надо достать, это знают, то они накроют нас прямо на выходе.

— Надеюсь, что нет, милорд рыцарь. Они вообще-то должны ожидать нашего появления со стороны Гротовых Холмов, поскольку знают, что где-то в тех холмах у нас есть Проход. Я действительно хотела использовать тот Проход. Эти Врата, даже если они о них знают, так неудобно для нас расположены, что, по-моему, они не ожидают, что мы рискнем воспользоваться ими.

— Ты меня чем дальше, тем больше радуешь. Ты не вспомнила ничего достойного упоминания о том, что следует ожидать?

Танки? Кавалерию? Больших земных великанов с волосатыми ушами?

Она явно была встревожена.

— Все, что я скажу, увело бы вас в сторону, милорд. Можно предполагать, что их войско будет состоять скорее из конструктов, чем из истинно живущих существ... Это означает, что они могут оказаться какими угодно. Кстати, все, что угодно, может оказаться иллюзией. Я говорила вам о гравитации?

— Не думаю.

— Простите меня, я устала, и ум мой теряет остроту. Сила тяжести там меняется, иногда непредсказуемо. Ровный отрезок покажется ведущим под гору, потом вдруг вверх. Другое всякое... что угодно может оказаться иллюзией.

Руфо сказал:

— Босс, если оно движется, стреляйте. Если говорит, режьте ему глотку. От этого портится большинство иллюзий. Программы действий вам не требуется; там будем только мы — и все остальные. Так что, когда возьмет сомнение, убивайте. Никаких хлопот.

Я улыбнулся ему.

— Никаких хлопот. О'кей, волноваться будем, когда попадем туда. Так что давайте кончать разговоры.

— Да, милорд муж,— поддержала меня Стар.— Нам лучше несколько часиков поспать.

Что-то изменилось в ее голосе. Я посмотрел на нее и заметил маленькую разницу и в ее внешности. Она казалась меньше ростом, мягче, женственней и податливее, чем та амазонка, которя меньше двух часов тому назад выпускала стрелы в зверей в сотни раз больше себя.

— Хорошая мысль,— медленно сказал я и огляделся. Пока Стар вычерчивала лабиринты Башни, Руфо упаковал все, что нельзя было забрать, и — как я заметил — положил одну подстилку у одной стены пещеры, а две других рядышком как можно дальше от первой.

Я послал ей немой вопрос, глянув на Руфо и пожав плечами, подразумевая: «А теперь что?»

Ответный ее взгляд не говорил ни да ни нет. Вместо этого она сказала:

— Руфо, ложись-ка спать и дай своей ноге отдохнуть. Не ложись на нее. Или животом вниз, или лицом к стене.

Впервые Руфо высказал свое недовольство тем, что мы сделали. Он ответил резким тоном, не на то, что сказала Стар, а на то, что она могла подразумевать:

— Меня и за деньги смотреть не заставишь!

Стар обратилась ко мне таким тихим голосом, что я едва его расслышал:

— Простите его, милорд муж. Он пожилой человек, и у него случаются капризы. Как только он ляжет спать, я сниму свет со стен.

Я прошептал:

— Стар, любимая моя, мне все-таки кажется, что медовый месяц мы проведем не так.

Она вгляделась в мои глаза.

— Такова ваша воля, милорд любовь?

— Да. В рецепте упоминаются кувшин вина и каравай хлеба. Ни слова о компаньонах. Уж извини.

Она положила мне на грудь свою изящную руку, подняла на меня взгляд.— Я рада, милорд.

— Вот как? — Я не понял, зачем ей надо было сказать об этом.

— Да. Нам обоим нужен сон. Для завтрашнего утра. Чтобы ваша могучая правая рука смогла подарить нам много утренних зорь.

У меня отлегло от сердца, и я улыбнулся ей.

— Ладно, моя принцесса. Только я что-то сомневаюсь, что засну.

— О, конечно, заснете!

— Поспорим?

— Выслушайте меня, милорд любимый. Завтра... когда вы победите... мы тотчас же отправимся ко мне домой. Без дальнейших хлопот и ожиданий. Мне хотелось бы, чтобы вы знали язык, на котором у нас говорят, чтобы не чувствовать себя чужим. Я хочу, чтобы он стал сразу же и вашим домом. Так как же? Согласен милорд муж приготовиться ко сну? Улечься и позволить мне дать ему урок языка? Вы уснете, вы знаете, что уснете.

— Ну... это недурная мысль. Но ведь тебе сон нужен даже больше, чем мне.

— Прошу прощения, милорд, но это не так. Четырех часов сна хватит, чтобы шаг мой стал легок, а на губах играла песня.

Пять минут спустя я уже лежал пластом, глядя в самые прекрасные из всех миров глаза, и слушал, как любимый ее голос что-то тихо говорит на непонятном мне языке...

ГЛАВА XIV

РУФО тряс меня за плечо.

— Завтрак, босс!

Он всучил мне в одну руку сэндвич, а в другую кружку пива.

— Этого на сражение хватит, а второй завтрак уже упакован. Я выложил чистую одежду и ваше оружие и, как только вы поедите, помогу вам одеться. Только поторопитесь. Через несколько минут нам пора.— Он был уже одет и подпоясан.

Я зевнул, откусил от сэндвича кусок (анчоусы, ветчина и майонез с чем-то, не совсем похожим на помидоры, и салат-латук) и огляделся. Соседнее со мной место пустовало, но Стар, казалось, только что встала; она была не одета. Она стояла на коленях в центре пещеры, рисуя на полу какой-то большой чертеж.

— Доброе утро, болтушка,— сказал я.— Пентаграмма?

— Ммм...— ответила она, не поднимая глаз.

Я подошел поближе и посмотрел на ее работу. Что бы это ни было, основано оно было не на пятилучевой звезде. Три основных центра, все очень запутано, там и сям какие-то надписи — я не узнал ни языка, ни шрифта — и единственно понятным, что я мог из всего этого извлечь, было нечто напоминающее гиперкуб, изображенный в анфас.

— Завтракала, голубка?

— У меня сегодня пост.

— Ты и так кожа да кости. Это что, гессеракт?

— ПОМОЛЧИТЕ!

Она отвела со лба волосы, подняла на меня глаза и грустно улыбнулась.

— Извините, дорогой. Все ведьмы стервы, это точно. Только, пожалуйста, не заглядывайте мне через плечо. Мне приходится работать по памяти – все книги я потеряла в том болоте,— а это трудно. И пожалуйста, не надо сейчас вопросов, очень прошу. Вы можете поколебать мою уверенность, а я не должна колебаться.

Я сделал ножкой.— Прошу вашего прощения, миледи.

— Не надо быть со мной официальным, дорогой. Во всяком случае, любите меня и подарите мне коротенький поцелуй — а потом оставьте меня.

Ну, тут я наклонился, одарил ее высококалорийным поцелуем с майонезом и оставил ее в покое. Доканчивая сэндвич и пиво, я оделся и разыскал созданную природой нишу перед самой линией защиты в проходе, ту, которая была отведена под мужской туалет. Когда я вернулся, Руфо ждал меня с портупеей в руках.

— Босс, вы бы даже на собственную казнь опоздали.

— Я на это надеюсь.

Несколько минут спустя мы уже стояли на диаграмме, Стар на точке подающего, а мы с Руфо в первом и третьем «домах». Мы с ним полностью увешаны: я двумя флягами и портупеей Стар (застегнутой на первую дырочку), да и своей собственной, Руфо с перекинутым через плечо луком Стар и двумя колчанами, плюс ее медицинская сумка и наша еда. Под левое плечо у каждого из нас был заткнут большой лук; каждый держал обнаженную саблю. Трико Стар свисало неаккуратным хвостом у меня из-за пояса, куртка ее комком торчала под поясом Руфо, а котурны ее и шапочка были распиханы по карманам — и т. д. Мы были похожи на барахолку.

Но со всем тем у нас с Руфо все-таки остались свободными левые руки. Мы встали лицом наружу с оружием на изготовку, протянули руки назад, и Стар крепко сжала обе наши ладони. Она стояла точно в центре, крепко упершись ногами в пол, и была одета в соответствии с профессиональными требованиями, предъявляемыми к ведьмам, занятым сложным делом, то есть даже без заколок в волосах. Она великолепно выглядела: волосы взлохмачены, глаза блестят, лицо пылает румянцем. Мне было жаль поворачиваться к ней спиной.

— Готовы, кавалеры? — осведомилась она с волнением в голосе.

— Готов, — отозвался я.

— Ave, imperatrix, nos morituri te...

— Прекращай это, Руфо! Тихо! — Она начала что-то декламировать на неизвестном мне языке. По затылку у меня пробежали мурашки.

Она умолкла, гораздо крепче сжала наши руки и выкрикнула:

— Вперед!

Внезапно, как стук захлопнувшейся двери, я обнаруживаю, что разыгрываю героя Бута Торкингтона в положении Мики Спиллейна *.

У меня нет времени на охи. Вот передо мной это нечто, готовое развалить меня пополам, поэтому я протыкаю ему кишки своим клинком и выдерживаю его, пока оно решает, в какую сторону падать; потом точно так же угощаю его приятеля. Еще один присел на корточки и пытается подсечь мне ноги, прячась за свое отделение. Я верчусь, как однорукий бобер, наклеивающий обои, и почти не замечаю, как Стар рывком выдергивает у меня из-за пояса свою шпагу.

Зато потом я замечаю, что она убивает противника, нацелившегося меня подстрелить. Стар появляется во всех местах одновременно, голая, как лягушка, и в два раза ее красивее. При переброске я почувствовал себя словно в оборвавшемся лифте, и внезапно уменьшившаяся сила притяжения могла бы доставить нам много неприятных минут, если бы мы могли себе такое позволить.

Этим пользуется Стар. Проткнув типчика, собирающегося пристрелить меня, она проплывает над моей головой и головой нового приставалы: один укол в шею, пока длится полет, и он больше не надоедает.

Мне кажется, что она помогает Руфо, но остановиться посмотреть некогда. Слышно, как он крякает позади меня, и это дает понять, что он все еще выдает больше, чем получает.

---

* Герои развлекательных комиксов.

Внезапно он орет:

— ЛОЖИСЬ!

Что-то бьет меня сзади под коленки, и я ложусь-падаю, расслабившись, как положено, и только собираюсь перекатиться на ноги, как до меня доходит, что причина всему этому Руфо. Он лежит на животе рядом со мной и палит из, судя по всему, ружья по движущейся цели на другом краю равнины, укрывшись за мертвым телом одного из наших партнеров.

Стар тоже лежит, но не сражается. Ей чем-то пробило дыру в правой руке между локтем и плечом.

Вокруг меня больше вроде бы ничего не подавало признаков жизни, однако футов за 400—500 цели были, и быстро открывались. Я увидел, как одна упала, услышал: «Зззст!», почуял рядом с собой запах паленого мяса. Одно из таких ружей лежало за трупом слева от меня; я сцапал его и стал в нем разбираться. Плечевой ремень и какая-то труба, которой положено, видимо, быть стволом; больше ничего ни на что не похоже.

— Не так, Герой мой,— Стар подползла ко мне, волоча раненую руку и оставляя за собой кровавый след.— Возьмите его как винтовку, а прицеливайтесь вот так. Под левым большим пальцем будет кнопка. Нажимайте ее. Это все — никаких поправок на ветер и дальность.

И никакой отдачи, как выяснилось, когда я нащупал прицелом одну из бегущих фигурок и нажал на кнопку. Облачко дыма из дула — и он свалился. «Луч смерти», или лазерный луч, или что там еще: навел, нажал на кнопку, и любой на том конце выходит из игры с выжженной в нем дыркой.

Я снял еще парочку, работая справа налево, и к этому времени Руфо лишил меня всех целей. Нигде, насколько мне было видно, ничего не двигалось.

Руфо осмотрелся.

— Лучше не подниматься, босс.

Он перекатился к Стар, открыл у своего пояса ее санитарную сумку и наложил ей на руку наскоро сделанную и неуклюжую давящую повязку.

Потом он повернулся ко мне.

— Сильно вас зацепило, босс?

— Меня? Ни царапины.

— А что это у вас на форме? Томатный соус? Кто-нибудь когда-нибудь предложит вам порошка на понюшку *. Давайте-ка посмотрим.

---

* Способ завлечения неопытных клиентов торговцами наркотиками.

Я дал ему расстегнуть мою куртку. Кто-то, пользуясь зубьями ножовки, выпилил во мне дырку на левом боку под ребрами. Я ее не замечал и не чувствовал, пока не увидел; тут она заболела, и я почувствовал слабость в желудке. Я категорически против насилия по отношению ко мне. Пока Руфо ее бинтовал, я глазел по сторонам, чтобы не смотреть на нее.

Мы перебили их, примерно с дюжину, прямо тут же вокруг нас, плюс, наверное, еще полстолько тех, кто побежал, и перестреляли, как мне кажется, всех, кто бежал. Как? Как может шестидесятифунтовая собака, вооруженная только зубами, схватить, сбить с ног и задержать вооруженного человека? Ответ: решимость в атаке.

Я думаю, мы появились в момент, когда в месте, известном как Врата, менялся караул. Если бы мы появились с невынутым из ножен оружием, нас бы перебили. А так получилось, что мы истребили целую толпу прежде, чем до большинства дошло, что идет бой. Они были разбиты, деморализованы, и мы прикончили остальных, включая тех, кто попытался дать деру. Каратэ и многие серьезные формы ведения боя (бокс несерьезен, так же как и все, что подчиняется правилам) — они все построены на одном и том же: атака напропалую, с напряжением всех сил и без боязни. Тут все зависит не столько от умений, сколько от настроя.

У меня хватило времени на осмотр бывших наших врагов: один, с распоротым животом, лежал лицом ко мне. Я бы назвал их Игли, только экономичной модели. Без особых приукрашиваний, без пупков и без больших мозгов — предположительно созданные с единственной целью: сражаться, стараясь остаться живыми. Что можно отнести и к нам тоже. Но мы были проворнее.

От их вида у меня заболел желудок, и я перевел взгляд на небо. Ничуть не лучше — порядочным небом это не назовешь: ничего нельзя разглядеть. Везде что-то копошилось, и цвет был какой-то не такой, раздражающий, как на некоторых абстрактных картинах. Я снова стал смотреть на наши жертвы, казавшиеся по сравнению с этим «небом» почти нормальными.

Пока Руфо врачевал меня, Стар натянула трико и обулась в свои котурны.

— Ничего, если я сяду? Куртку надо надеть,— спросила она.

— Не надо,— сказал я.— Может, они подумают, что мы убиты.

Мы с Руфо помогли ей одеться так, что ни один из нас не показался из-за баррикады трупов. Я точно знаю, что мы причиняли боль ее руке, однако она сказала только:

— Оружие повесьте с левой стороны. А теперь что, Оскар?

— Где подвязки?

— Здесь. Но я не знаю, сработают ли они. Это очень необычное место.

— Уверенней,— сказал я ей.— Ты же мне это сама говорила несколько минут тому назад. Заставь свой ум работать с верой в то, что сможешь.

Мы сложили в один ряд с собой свою поклажу, увеличившуюся теперь на три «ружья» да такого же вида пистолеты, потом выложили дубовую стрелу острием к верхушке Башни Высотою в Милю. Она целиком занимала одну из сторон места действия, похожая больше на гору, чем на здание, черная и громадная.

— Готовы? — спросила Стар.— Только вы оба тоже верьте! — Она быстро начертила что-то пальцем на песке.— Вперед!

Мы устремились вперед. Оказавшись в воздухе, я почувствовал, какой уязвимой мишенью мы стали. Однако мы и на земле были мишенью для кого угодно из той башни, и было бы хуже, если бы мы отправились пешком.

— Быстрее! — завопил я в ухо Стар.— Прибавь нам скорости!

Прибавили. Воздух свистел у нас в ушах, и нас бросало вверх, вниз и в стороны, когда мы проносились над изменениями силы тяжести, о которых предупреждала меня Стар. Вероятно, это нас и спасло; из нас получилась трудная для попадания мишень. Впрочем, если мы накрыли ту стражу целиком, то было вполне допустимо, что в Башне еще никто не знал о нашем появлении.

Почва внизу была черно-серой пустыней, окруженной кольцевой горной цепью наподобие лунного кратера, а Башня занимала место центрального пика. Я отважился еще раз глянуть на небо и попробовал его раскусить. Звезд нет. Неба ни черного, ни синего — свет со всех сторон. «Небо» состояло из лент, вскипающих масс и теневых провалов всех цветов радуги.

— Что за, господи помилуй, планета такая? — потребовал я разъяснить.

— Это не планета,— прокричала она в ответ.— Это место в непохожей на нашу Вселенной. Оно не годится для жизни.

— Кто-то же здесь живет,— я указал на Башню.

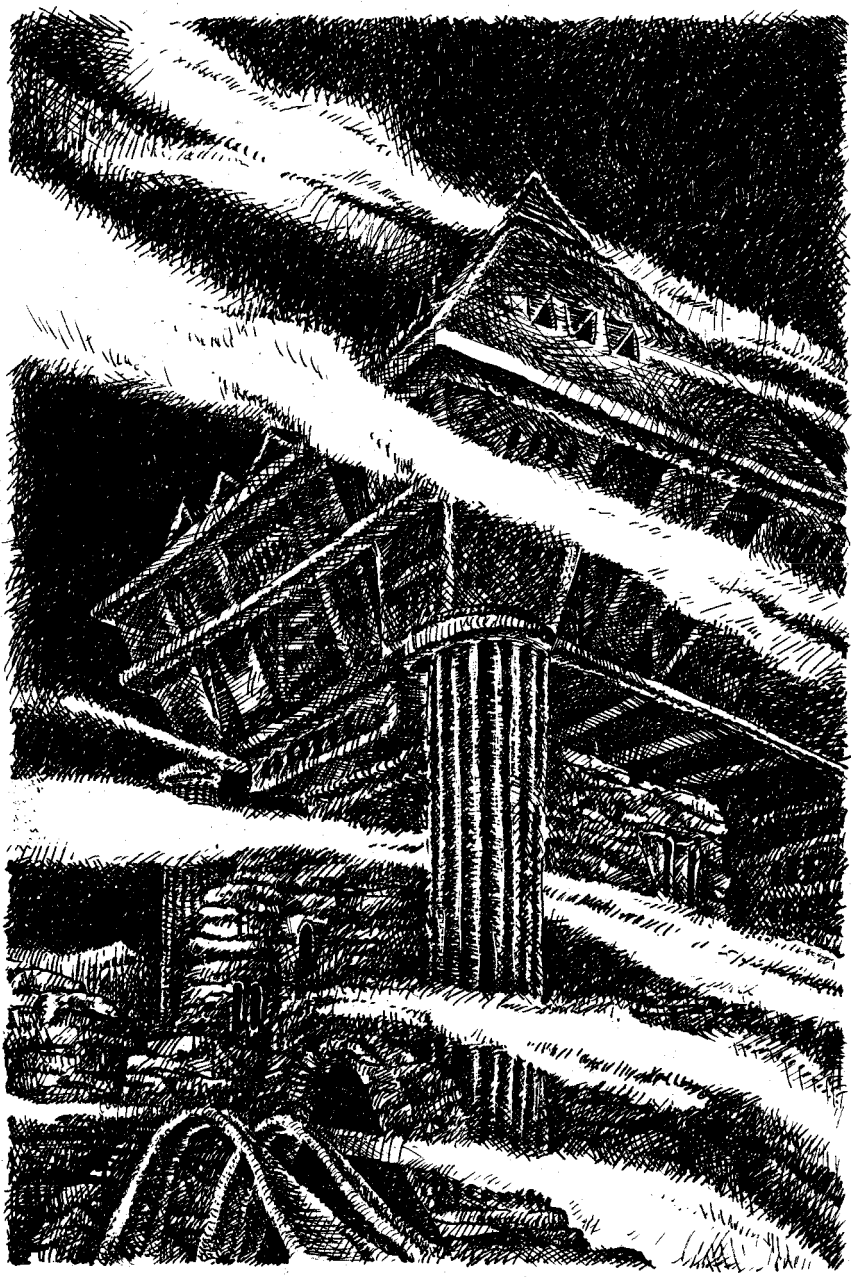
— Нет-нет, никто здесь не живет. Это было построено исключительно для охраны Яйца.

Вся чудовищность этой мысли до меня дошла не сразу. Я вдруг вспомнил, что нам нельзя отважиться ни поесть, ни попить здесь — и призадумался, как же мы можем дышать этим воздухом, если химический состав здесь так губителен. Грудь у меня сдавило и стало жечь. Так что я задал Стар вопрос, а Руфо застонал. Он заслужил стон-другой; его не стошнило. Как мне кажется.

— О, часов двенадцать как минимум,— сказала она.— Забудьте об этом. Неважно.

После чего грудь у меня заболела всерьез, и я тоже простонал.

Тут как раз нас и выбросило на верхушку Башни; Стар едва успела выпалить заклинание, чтобы нас не пронесло мимо.



Вершина была плоская, вроде бы из черного стекла, примерно ярдов двухсот по площади, и ни малейшего выступа, чтобы закрепить веревку. Я рассчитывал, по крайней мере, на вентиляционную систему.

Яйцо Феникса лежало ярдах в ста прямо под нами. Я держал в уме, если нам суждено было добраться до Башни, два плана. К верным направлениям до Яйца — до Рожденного Никогда, до Пожирателя Душ, до важной шишки, сторожащей его,— вело три отверстия (из сотен). Одно находилось на уровне почвы, и я его в расчет не принимал. Второе было в паре сотен футов над землей, и я над ним задумывался всерьез: выпустить стрелу с несущей бечевой так, чтобы она прошла над любым выступом, выше той дыры; с ее помощью забросить наверх крепкую веревку, потом взобраться по этой веревке — пустяк для любого первоклассного альпиниста, каким я не был, зато вот Руфо был.

Но у великой Башни не оказалось ни единого выступа, воистину современная строгость конструкции, слишком далеко зашедшая.

Третьим планом было, если бы мы сумели достичь вершины, спуститься по веревке до третьего не ложного входа, почти на одном уровне с Яйцом.

Ну вот мы, полностью готовые, здесь и очутились — а зацепиться не за что.

Когда есть время подумать, в голову приходят великолепные мысли. Почему я не велел Стар загнать нас прямехонько в ту дыру в стене!

Ну, для этого потребовалось бы очень точно нацелить ту дурацкую стрелу; мы могли бы попасть куда не надо. Но основной причиной было то, что я об этом не подумал.

Стар сидела, баюкая раненую руку. Я сказал:

— Лапушка, ты не смогла бы сделать так, чтобы мы потихоньку-полегоньку полетели на две ступени вниз и в ту дыру, что нам нужна?

Она подняла искаженное лицо кверху.

— Нет.

— Вот как. Жаль.

— Мне ужасно не хотелось говорить вам об этом — но я пережгла подвязки в нашем скоростном полете. От них не будет проку, пока я не смогу их перезарядить. Здесь того, что нужно, не найти. Зеленая плесень, заячья кровь — все такое вот.

— Босс,— сказал Руфо,— а что, если использовать для зацепки всю верхушку Башни?

— Это как это?

— У нас уйма веревки.

Это была вполне осуществимая идея — пропустить веревку вокруг вершины, пока еще кто-нибудь подержит концы, потом связать их и спуститься по тому, что останется. Мы так и сделали. В резуль-

тате из тысячи ярдов нам не хватило всего лишь сотни футов веревки *.

Стар наблюдала за нами. Когда мне пришлось признать, что нехватка сотни футов равнозначна отсутствию веревки вообще, она задумчиво сказала:

— Может, Скипетр Аарона поможет?

— Конечно, если его воткнуть посреди этого теннисного стола-переростка. Что это за Скипетр Аарона?

— Он превращает жесткое в мягкое, а мягкое в жесткое. Да нет, не то. Впрочем, и это тоже, но я вот о чем: надо положить эту веревку поперек крыши, чтобы с дальнего конца свисало футов десять. Потом сделать твердыми, как сталь, тот конец и веревку, проходящую по крыше,— ну, как крючок.

— А ты сможешь?

— Не знаю. Это заклинание из Соломонова Ключа. Все зависит от того, смогу ли я его вспомнить. И от того, действуют ли такие вещи в этой Вселенной.

— Увереннее, увереннее! Конечно, сможешь.

— Не могу даже представить, как оно начинается. Милый, вы можете гипнотизировать? Руфо не может, во всяком случае меня.

— Совершенно ничего в этом не смыслю.

— Делайте точно то же, что я на уроке языка. Смотрите мне в глаза, говорите мягко и приказывайте мне вспомнить слова. Вам, наверное, лучше сначала разложить веревку.

Мы так и сделали, а я отпустил на жало крючка сто футов вместо десяти по принципу «чем больше, тем лучше». Стар легла на спину, и я принялся говорить ей, мягко (и без убежденности), но неуклонно повторяя одно и то же.

Стар закрыла глаза и, казалось, уснула. Внезапно она забормотала что-то не по-нашему.

— Эй, босс! Чертова конструкция тверда, как камень, и жестка, как пожизненный приговор.

Я велел Стар просыпаться, и мы соскользнули на ступень пониже, действуя как можно быстрее и молясь, чтобы она не размягчилась некстати. Веревку выбирать не стали; я просто велел Стар заставить ее закрахмалиться еще дальше, потом пошел вниз, удостоверился, что нашел нужное отверстие, три ряда снизу и четырнадцать сверху. Потом вниз соскользнула Стар, и я поймал ее на руки. Руфо спустил багаж, по большей части оружие, и последовал за ним. Мы оказались внутри Башни, пробыв на планете — поправка: «в месте» — пробыв в месте, носящем название Карт-Хокеш, не более сорока минут.

Я остановился, сориентировал в уме здание по карте чертеж-

* 1 ярд = 91,44 см; 1 фут = 30,48 см.

ного куба, отметил направление, местонахождение Яйца и «красно-линейный» маршрут к нему, единственный верный путь.

Ну теперь что: пройти на несколько сот ярдов внутрь, хапнуть Яйцо Феникса и ХОДУ! У меня перестало болеть в груди.

ГЛАВА XV

— БОСС,— сказал Руфо,— гляньте-ка отсюда в долину.

— На что?

— Ни на что,— ответил он.— Тел-то этих нет. Черт побери, их отсюда наверняка должно было быть видно на фоне черного песка; отсюда до них нет ни кустика.

— К дьяволу, не наша это забота! Нам надо дело делать. Стар, ты можешь стрелять с левой руки? Из вот этих подобий пистолетов?

— Конечно, милорд.

— Тогда оставайся в десяти футах позади меня и стреляй во все, что движется. Руфо, ты следишь за Стар; держи стрелу наложенной и лук наготове. Бей во все, что увидишь. Перекинь одно из этих ружей через плечо, ремень сделаешь из куска веревки.— Я нахмурился.— Нам придется большинство всего этого бросить. Стар, лук ты согнуть не сможешь, так что, как он ни красив, его — да и колчан тоже — надо оставить. Руфо сможет надеть мой колчан вместе со своим; стрелы у нас одинаковые. Жутко не хочется бросать мой лук, он как раз по мне. Но надо. Проклятье.

— Я его возьму, Герой мой.

— Нет, любой хлам, который нам не пригодится, надо скинуть.— Я отстегнул свою фляжку, напился вволю, передал ее.— Доканчивайте ее вдвоем и выбросьте.

Пока Руфо пил, Стар закинула мой лук за плечо.

— Милорд муж? Так он совершенно невесом и руку с оружием не стесняет. А?

— Нну... Если он будет тебе мешать, перережь тетиву и выбрось его из головы. А сейчас напейся до отказа, и мы уходим.— Я вгляделся в коридор, в котором мы стояли,— пятнадцать футов в ширину и столько же в высоту, освещен непонятно как и изгибается вправо, в соответствии со схемой в моем мозгу.— Готовы? Не размыкаться. Тому, что не сможем зарезать, заколоть или застрелить, отдаем честь.— Я вынул саблю, и мы скорым шагом двинулись вперед.

Почему саблю, а не одно из этих «лучесмертных» ружей? Одно из них несла Стар, а она знала о них больше, чем я. Я даже не знал, как выяснить, заряжено ли оно, да и не имел представления, как долго жать на кнопку. А она стрелять могла, ее умение стрелять из лука

было тому порукой, и в сражении она была по меньшей мере так же спокойна, как Руфо или я.

Я, как умел, распределил личный состав и вооружение. Руфо позади, с запасом стрел, мог при нужде воспользоваться ими, а его положение давало ему время перейти или на холодное оружие, или на «винтовку» от фантастики, как подсказывал ему собственный ум. Мне советовать ему было не нужно; он сделал бы, как надо.

Итак, я действовал при поддержке древнего и ультрасовременного оружия большой дальности, находящегося в руках умеющих обращаться с ним людей — последнее было еще важнее. (Вы знаете, сколько солдат из любого взвода фактически СТРЕЛЯЕТ в бою? Примерно шестеро. Чаще трое. Остальные замирают на месте).

И все же, отчего я не вложил свою саблю в ножны и не прихватил что-нибудь из этого чудо-оружия?

Хорошо сбалансированная сабля — самое универсальное из всего когда-либо изобретенного оружия для ближнего боя. Пистолеты и длинноствольное оружие предназначены для нападения, но не для обороны; стоит быстро сблизиться с врагом, и человек с винтовкой выстрелить не сможет, он должен остановить вас раньше, чем вы до него доберетесь. А сомкнетесь с человеком, вооруженным клинком, и будете проткнуты, как жареный голубь, если у вас не окажется клинка, которым вы владеете лучше.

Саблю никогда не заест, перезаряжать ее не надо, она всегда наготове. Самый большой ее недостаток — это необходимость высокого мастерства и полной терпения и любви тренировки для овладения этим мастерством; этому нельзя научить свежих рекрутов за считанные недели или даже месяцы.

Но превыше всего (и это было подлинной причиной, почему я сжимал в руке свою Леди Вивамус и чувствовал ее готовность укусить) — это то, что у меня появлялось мужество даже в таком месте, где я был испуган до потери слюны.

Они (кто бы они ни были) могли застрелить нас из засады, отравить газом, переловить в ловушки, да что угодно. Но все это они могли сделать, даже если бы я тащил одно их этих чудных ружей. С саблей в руке я был раскован и смел — а это обеспечивало моему крохотному «отряду» относительно большую безопасность. Если командиру для успокоения нужна кроличья лапка, он должен ее носить — и средством, лучшим, чем кроличьи лапки всего Канзаса, была для меня рукоять милой моей сабли.

Коридор тянулся все дальше вперед без изменений, без звуков, без угрозы. Вскоре уже нельзя было разглядеть выход наружу. Чувство было такое, что великая Башня пуста, однако не мертва; она была жива, так же, как жив по ночам музей. Я крепче сжал саблю, потом намеренно расслабился и размял пальцы.

Мы подошли к крутому повороту налево. Я резко остановился.

— Стар, этого на твоей схеме не было.

Она не ответила. Я продолжил настойчиво:

— Ну не было ведь. Верно?

— Я точно не помню, милорд.

— Ну, а я помню. Мда...

— Босс,— сказал Руфо,— а вы как пить дать уверены, что мы нырнули в нужное гнездо?

— Я уверен. Я могу ошибиться, но я не неуверен. Если я ошибаюсь, то мы в любом случае обречены. Ммм... Руфо, возьми-ка свой лук, повесь на него шапчонку и высунь ее там, где бы обыкновенный человек выглянул из-за этого угла — и чтоб совпало по времени с тем, когда выгляну я: только пониже.— Я бухнулся на живот.

— Внимание.... ДАВАЙ! — Я украдкой осматривался в шести дюймах над полом, пока Руфо наверху старался вызвать огонь на себя.

— Ничего не видать, только пустой, теперь прямой коридор.

— Ладно, давайте за мной! — мы бросились за угол.

Несколько шагов спустя я остановился.

— Что за чертовщина?

— Что-то не так, босс?

— И даже очень.— Я повернулся и понюхал воздух.— Что-то определенно не так. Яйцо вот в этой стороне,— сказал я, показывая,— ярдах примерно в двухстах по карте чертежного блока.

— Разве это плохо?

— Не знаю. Потому что оно было под тем же углом в том же направлении, слегка влево, до того как мы свернули за угол. Значит, сейчас оно должно было бы быть справа.

Руфо сказал:

— Слушайте, босс, а почему бы нам просто не пойти по тому ходу, который вы запомнили? Вы могли и забыть какой-нибудь там малюсенький...

— Молчи. Наблюдай за коридором впереди. Стар, встань вот там в углу и следи за мной. Я сейчас кое-что выясню.

Они заняли свои места, Руфо впередсмотрящим, а Стар там, где она могла глядеть в обе стороны, на прямоугольном повороте. Я отошел назад в первое колено коридора, потом вернулся. У самого поворота я закрыл глаза и пошел не сворачивая.

Еще после дюжины шагов я остановился и открыл глаза.

— Вот и доказательство,— сказал я Руфо.

— Доказательство чему?

— Что в этом коридоре поворота нет.— Я показал рукой на поворот.

Руфо забеспокоился.

— Босс, как вы себя чувствуете? — Он хотел коснуться моей щеки.

Я отстранился.

— Меня не лихорадит. Идите оба со мной.

Я отвел их футов на пятьдесят назад за тот прямой угол и остановил.

— Руфо, выпусти стрелу вон в ту стену впереди нас на повороте. Подними ее так, чтобы она ударила в стену футах в десяти над полом.

Руфо вздохнул, но сделал, как велено. Стрела поднялась, как положено и исчезла в стене. Руфо пожал плечами.

— Видно, стена наверху здорово мягкая. Босс, из-за вас мы потеряли стрелу.

— Возможно. По местам и следовать за мной.

Мы снова повернули за угол и... напрасно потраченная стрела лежала на полу немного дальше, чем расстояние от места стрельбы до поворота. Подобрать ее я предоставил Руфо; он внимательно вгляделся в клеймо Дораль ца у оперения и вернул ее в колчан. Он не сказал ни слова. Мы пошли дальше.

Вот и место, где вниз пошли ступени, но где на схеме в голове у меня значились ступеньки, ведущие вверх.

— Внимательнее на первой ступени,— передал я назад.— Нащупайте ее ногой и не падайте.

Ступени казались нормальными для ведущей вниз лестницы — с тем исключением, что шишка направления подсказывала мне, что мы ПОДНИМАЛИСЬ, и соответственно изменялось направление и расстояние до цели. Решив наскоро проверить это, я закрыл глаза и обнаружил, что и на самом деле поднимаюсь, а глаза мои меня обманывают. Было похоже на одно из «кривых домиков» в парке отдыха, в которых «ровный» пол может быть каким угодно, но только не ровным. Похоже, только втрое сильней.

Я бросил сомневаться в точности схемы Стар и держал в уме ее маршрут, невзирая на то, что представало перед моими глазами. Когда коридор разделился на четыре прохода, в то время как память моя указывала на простую развилку с ведущим в тупик одним концом, я без колебаний закрыл глаза и пошел, доверившись чутью,— и Яйцо осталось на положенном ему месте у меня в уме.

Но Яйцо не всегда приближалось с каждым зигзагом и поворотом, разве только в том смысле, что прямая линия не самое короткое расстояние между двумя точками,— не так ли и всегда? Дорога была запутанной, как кишки в животе; у архитектора, видно, вместо угольника был крендель. Хуже того, когда мы в который раз карабкались по лестнице «вверх» — на ровном по карте месте,— мы внезапно попали в поле искажения гравитации с полным поворотом и неожиданно посыпались по стенам на потолок.

Вреда это не причинило, только когда мы долетели донизу, произошло обратное изменение и нас скинуло с потолка на пол. Глядя

в оба, я помог Руфо собрать стрелы, и мы снова отправились в путь. Мы уже близко подошли к логову Рожденного Никогда — и к Яйцу.

Проходы постепенно стали каменистыми и узкими, ложные изгибы сжатыми и трудно разгадываемыми. Начал пропадать свет.

Это было не самым худшим. Темноты и тесноты я не боюсь; клаустрофобия у меня появляется только в лифте универмага в день дешевой распродажи. Но я учуял крыс.

Крыс, уйму крыс, скачущих и верещащих за стенами вокруг нас, над нами и под нами. Я вспотел и пожалел, что выпил в тот раз столько воды. Тьма и теснота усилилась так, что нам уже приходилось пробираться на четвереньках по грубо вырубленному в скале туннелю, потом едва ползти на животе в полной тьме, как будто пробиваясь на волю из замка Иф... а крысы теперь уже, пища́ и повизгивая, пробегали рядом с нами.

Да нет, вопить я не стал. Позади меня была Стар, она не вопила и не жаловалась на свою раненую руку. Поэтому завопить я не мог. Каждый раз, пробиваясь вперед, она похлопывала меня по ноге, чтобы дать знать, что у нее все в порядке, и передать, что у Руфо тоже все нормально. Мы не теряли сил на разговоры.

Я увидел впереди что-то смутное, два слабеньких огонька, и остановился, вгляделся, сморгнул и всмотрелся снова. Потом прошептал Стар:

— Что-то вижу. Оставайтесь на месте, а я подберусь поближе и посмотрю, что это такое. Слышишь?

— Да, милорд Герой.

— Передай Руфо.

Вот тут я и совершил единственный по-настоящему храбрый поступок во всей своей жизни: я пополз вперед. Храбрость — это движение вперед, несмотря ни на что, когда испуган так, что не держат сфинктеры, и не можешь дышать, и грозит остановиться сердце. Это довольно точное описание тогдашнего состояния Сирила Поля Гордона, экс-рядового первого класса и Героя по профессии. Я был вполне уверен, что знаю, что означают эти два слабеньких огонька, и чем ближе я подбирался, тем увереннее становился,— можно было почуять чертову тварь и определить ее контуры.

Крыса. Не обычная крыса, что живет на городских свалках и иногда гложет детей, а крыса гигантская, достаточно большая, чтобы загородить эту крысиную нору, но как раз настолько меньше меня, чтобы иметь место для маневра при нападении на меня, место, которого у меня не было вовсе. Самое большее, что я мог,— это ползти, извиваясь, вперед, держа саблю перед собой, и стараться так все время держать острие, чтобы он (опять самец) на него напоролся, заставить его жрать сталь. Если бы он проскочил мимо острия, у меня не осталось бы ничего, кроме голых рук, которым не хватило бы места. Он очутился бы у моего лица.

Я сглотнул поднявшуюся из желудка кислоту и тронулся вперед. Его глаза, казалось, слегка опустились, как если бы он присел для прыжка.

Но броска не последовало. Огоньки стали яснее, расстояние между ними шире, а когда я протиснулся еще на фут-другой, то, вздрагивая от облегчения, понял, что это не крысиные глаза, а что-то другое. Что угодно, мне было все равно, что.

Я не прекратил ползти. Не только потому, что в том направлении лежало Яйцо. Я все еще не знал, что передо мной, и лучше было выяснить это прежде, чем звать к себе Стар.

«Глаза» оказались двумя дырками в гобелене, закрывавшем конец этой крысиной норы. Я смог разглядеть его расшитую ткань и обнаружить, когда подобрался вплотную, что через одну из прорех могу глядеть на другую сторону.

По ту сторону была большая комната с полом на пару футов ниже того места, где был я. В дальнем ее конце, футов за пятьдесят, у скамьи, читая какую-то книгу, стоял человек. Не успел я его разглядеть, как он поднял глаза и посмотрел в мою сторону. Казалось, он колеблется.

Я колебаться не стал. Нора в этом месте расширилась настолько, что я сумел подогнуть одну ногу под себя и ринулся вперед, откинув саблей шпалеру прочь. Я споткнулся и вскочил на ноги, заняв оборонительную стойку.

Он оказался по меньшей мере столь же быстр. Он швырнул книгу на скамейку, вытащил свою шпагу и приблизился ко мне, пока я выскакивал из той дыры. Он остановился — колени согнуты, запястье прямо, левая рука позади и лезвие нацелено в меня, безукоризненно, как учитель фехтования. Он внимательно осмотрел меня, еще не приступая к делу из-за трех-четырех футов разделяющего нашу сталь расстояния.

Я не кинулся на него. Есть такая тактика решительной атаки, и ей учат лучшие из мастеров клинка. Прием, который состоит из безудержного наступления с полностью вытянутыми рукой, кистью и клинком — одна атака и никаких попыток отражения. Но он срабатывает только в точно рассчитанный момент, когда видишь, что противник на мгновение расслабился. В противном случае, это самоубийство.

Самоубийством это было бы на сей раз. Он был готов не хуже кота с выгнутой спиной. Так что, пока он меня осматривал, и я к нему приценился. Невысокий изящный мужчина с длинными не по росту руками — то ли я мог достать его издалека, то ли нет, особенно поскольку рапира его была старого образца, длиннее, чем Леди Вивамус (но по этой же причине и медленнее, если только запястье у него не намного сильнее). Одет он был скорее в стиле Парижа эпохи Ришелье, чем Карт-Хокеша. Нет, не совсем справедливо;

в этой громадной черной Башне стилей не было, иначе я бы точно так же выглядел не к месту в своем наряде под Робин Гуда. На тех Игли, которых мы убили, одежды не было.

Это был дерзкий, некрасивый человек с веселой ухмылкой и самым большим носом к западу от Дуранте — мне вспомнился нос моего старшего сержанта, уж так он близко к сердцу принимал, когда называли его «Schnozzola». Но сходство на этом и заканчивалось; мой старший сержант никогда не улыбался, и у него были подленькие, свинячьи глазки; у этого человека глаза были веселые и гордые.

— Вы христианин? — осведомился он.

— Какое вам дело?

— Никакого. Кровь все равно кровь. Коли вы христианин, покайтесь. Коли язычник, призовите своих ложных богов. Я отведу вам не больше трех строф. Но я сентиментален, мне хочется знать, кого я убиваю.

— Я американец.

— Это страна? Или болезнь? Что вы делаете в Хоуксе?

— «Хоуксе»? Хокеше?

Он пожал плечами, это было видно только по взгляду, острие даже не шелохнулось.

— Хоукс или Хокеш — вопрос не в географии, а в произношении; некогда этот замок стоял в Карпатах, так пусть он будет Хокешем, если вам от этого будет веселее умирать. А теперь вперед, давайте споем.

Он приблизился так плавно и быстро, что, казалось, делал аппорт, и наши клинки зазвенели, когда я отразил его атаку в шестой позиции и нанес ответный удар, который был отбит,— ремиз, реприза, удар и атака. Фраза текла так плавно, так долго и с таким разнообразием, что зрителю могло бы показаться, что мы отдаем друг другу высшую честь.

Но я-то знал! Тот первый рывок был нацелен на то, чтобы убить меня, как и каждое его движение на протяжении всей схватки. В то же время он прощупывал меня, проверял крепость руки, искал слабинку; боюсь ли я низкого боя и всегда возвращаюсь к высокому или, может, у меня легко выбить оружие. Я не атаковал ни разу, не было ни единой возможности; каждая деталь схватки была мне навязана, я только отбивался, стараясь сохранить жизнь.

Трех секунд не прошло, как я понял, что столкнулся с фехтовальщиком лучше себя, с запястьем, равным по крепости стали и в то же время гибким, как жалящая змея. Он оказался единственным из всех встречавшихся мне фехтовальщиков, который применял приму и октаву — то есть пользовался ими так же мягко, как сикстэ и картэ. Изучает-то их всякий, и мой собственный учитель заставлял меня отрабатывать их так же тщательно, как и остальные

шесть — только большинство шпажистов ими не пользуется. Фехтовальщиков можно вынудить к их применению, они это делают с неловкостью и только из боязни потерять очко.

Я явно проигрывал, и не очко, а жизнь.

Я знал задолго до конца этой тягучей первой схватки, что именно моя жизнь и была тем, что мне, по всей вероятности, предстояло проиграть.

А этот идиот при первом же ударе начал петь!

Меня вам, друг мой, не сразить:
Зачем вы приняли мой вызов?
Так что ж от вас мне отхватить,
Прелестнейший из всех маркизов?
Бедро? Иль крылышка кусок?
Что подцепить на кончик вилки?
Так, решено: сюда вот, в бок
Я попаду в конце посылки.
Вы отступаете... Вот как!*

Пока он все это пел, ему хватило времени чуть не на тридцать почти успешных попыток лишить меня жизни, а при последнем слове он вышел из боя так же гладко и неожиданно, как начал.

— Давайте, давайте, юноша! — сказал он.— Подхватывайте! Хотите, чтобы я пел в одиночку? Хотите умереть, как шут, когда на вас смотрят дамы? Пойте! И прощайтесь достойно с жизнью, чтобы последний ваш стих глушил предсмертный хрип.— Он громко топнул правой ногой, как будто танцуя фламенко.— Попробуйте! Цена от этого все равно не изменится.

Я не опустил глаз от его топота; это старый прием, некоторые фехтовальщики топают при каждой атаке, каждом обманном движении, рассчитывая, что резкий звук собьет противника с ритма или заставит его отшатнуться и поможет выиграть очко. В последний раз я на такое попался еще до того, как начал бриться.

Однако его слова подали мне определенную мысль. Выпады его были коротки — вытягиваться до конца годится, когда выделываешься на рапирах. Для настоящего дела это слишком опасно. Все же я понемногу отступал, а позади меня была стена. Вскоре, когда он вступит в бой снова, я или буду, как бабочка, пришпилен к этой стене, или споткнусь о что-нибудь невидимое позади, полечу вверх тормашками и буду наколот, как обрывок газеты в парке. Я не мог позволить себе оставаться со стеной позади.

Хуже всего то, что сейчас в любую секунду из этой крысиной норы позади меня могла вылезти Стар и ее могло убить на самом выходе, даже если бы я сумел в это же время убить его. Если бы мне

---

* Э. Ростан «Сирано де Бержерак». Перевод с французского Т. Щепкиной-Куперник.

удалось развернуть его... Моя любимая была женщиной с практическим складом ума; никакое «рыцарство» не спасло бы его спину от ее стального жала. Однако счастливой контридеей было то, что если я стану поддерживать его сумасшествие, попытаюсь слагать стихи и петь, он, возможно, мне подыграет, из желания послушать, на что я способен, прежде чем убить меня.

Но я не мог позволить себе долго тянуть такое. Он нанес мне укол в предплечье, которого я даже не почувствовал. Просто царапина до крови, которую Стар залечила бы, но она быстро ослабит мою кисть, да и в низком бою я оказывался в проигрыше: от крови рукоять становится скользкой.

— Строфа первая,— объявил я, наступая на него и завязывая легкий бой на кончиках клинков. Он уважил меня, не атакуя, поигрывая с острием моего лезвия, слегка отбивая и, как перышко, парируя.

Этого я и хотел. Я начал круговое движение направо, как только стал читать стихи — и он не помешал мне:

— Твидлдам и Твидлди
Сговорились скот украсть.
Сказал Твидлдаму Твидлди:
«С седла мне как бы не упасть».

— Стойте, стойте, мой хороший! — сказал он с упреком.— Без воровства. Честь нам навеки превыше всего. Да и рифма со скандированием хромают. Кэрролл должен свободно слетать с языка.

— Попробую,— согласился я, продолжая двигаться вправо.— Строфа вторая.

Пою о двух девах из Дэлони,
Как попали, увы, да в скандал они...

...И я внезапно атаковал его.

Вышло не очень-то. Он, как я и надеялся, самую малость расслабился, очевидно ожидая, что, декламируя, я продолжу имитацию боя самыми кончиками клинков.

Это его слегка застало врасплох, но отступать он не стал, а только сильно спарировал, и мы вдруг оказались в невозможном для обороны положении, телом к телу, клинком к клинку, почти cops-a-cops *.

Он рассмеялся мне в лицо и отскочил назад, как и я, мы возвратились en gavde **. Но я кое-что добавил. До этого мы сражались только в расчете на острия. Острие сильнее лезвия, но у моего-то оружия было и то и другое, а человек, привыкший сражаться остри-

* Лицом к лицу *(фр.)*.
** В оборонительном положении *(фр.)*.

ем, иногда легко уступает в рубке. Когда мы разделились, я круговым движением направил клинок ему в голову.

Намеревался-то я раскроить ему череп. Времени не хватило, да и силы в ударе не было, однако лоб ему справа рассекло почти до брови.

— Touche! * — прокричал он.— Хороший удар, и спето неплохо. Давайте все до конца.

— Ладно,— согласился я, фехтуя осторожно и дожидаясь, пока кровь попадет ему в глаза. Из всех поверхностных ран ранение кожи черепа вызывает больше всего крови, и я на эту его рану сильно надеялся. К тому же фехтование весьма своеобразно: мозг в нем не сильно участвует, оно для этого слишком быстро. Думает кисть руки и, помимо мозга, отдает приказы ногам и телу — все, что вы думаете, это на потом, на запас сведений, как запрограммированный компьютер.

Я продолжил:

— Они уже в тюрьме
За кражу...

Я достал его в предплечье, так же, как и он меня, только хуже. Мне показалось, что он у меня в руках, и я пошел вперед. Но тут он сделал то, о чем я только слышал, но чего никогда не видел: он очень быстро отступил, взмахнул клинком и сменил руку.

Легче мне не стало... Фехтующие правой рукой терпеть не могут сражаться с левшой; от этого все полностью расстраивается, а левша к тому же знает все слабые места большинства владеющих правой рукой. К тому же левая рука у этого ведьмина сына была не менее сильна и искусна. Что еще хуже, теперь его ближайшему ко мне глазу не мешала кровь.

Он уколол меня еще раз, в коленную чашечку; боль вспыхнула огнем и замедлила мои действия. Несмотря на ЕГО раны, которые были намного хуже моих, я понял, что долго продержаться не сумею. Мы принялись за дело всерьез.

Есть во второй позиции одна ответная атака, жутко опасная, но — в случае удачи — блестящая. Она помогла мне выиграть несколько боев в ёрёе, когда на карту ставился только счет.

Начинается она из сикстэ; противник первым наносит встречный удар. Вместо парирования на картэ, надо нажимом сковать его, скользя штопором вдоль по его клинку до тех пор, пока острие не войдет в плоть. Или можно отбить, нанести встречный удар и сцепиться с ним на выходе из сикстэ, если надо начать самому.

Недостаток этой атаки в том, что если ее не выполнить безукоризненно, то не останется времени на ответ или парирование; собственной грудью налетаешь на его клинок.

* Задет *(фр.)*.

Я не пытался начать ее, с таким фехтовальщиком это невозможно; я о ней просто подумал.

Мы продолжали сражаться, каждый по-своему безупречно. Потом он слегка отступил назад при встречном ударе и едва заметно поскользнулся на собственной крови.

Моя рука приняла команду на себя; я ввинтился штопором с великолепной связкой до второй позиции — и клинок мой пронзил его тело.

На лице его выразилось удивление; чашка шпаги поднялась в салюте, и колени его подогнулись, а эфес выпал из руки. Мне пришлось, когда он падал, шагнуть вслед за своим клинком, и я хотел было выдернуть его.

Он схватил его.

— Нет, нет, друг мой, оставьте его, пожалуйста, на месте. Пусть он, как пробка в бутылке, немного придержит кровь. Ваша логика остра, она тронула мое сердце. Как вас зовут, сэр?

— Оскар Гордон.

— Доброе имя. Не годится, чтобы тебя убивал незнакомец. Скажите мне, Оскар Гордон, видели ли вы Каркассон?

— Нет.

— Посмотрите на него. Я изведал, что значит любить женщину, убить человека, написать книгу, слетать на Луну — все, все.— Он судорожно вздохнул, и изо рта показалась пена, окрашенная в розовый цвет.— Однажды на меня даже упал дом. Что за разящее остроумие! Что за цена чести, когда балка бахнет по башке? «Балка?» булка? белка, битва-бритва! — когда по башке как бритвой. Вы меня отбрили.

Он закашлялся, но продолжил:

— Темнеет. Обменяемся, если вам угодно, дарами и расстанемся друзьями. Сначала мой дар. Он в двух частях. Первая: вам везет, вы умрете не в постели.

— Надо надеяться.

— Постойте. Вторая: бритва Отца Гийома * никогда не брала цирюльника, слишком уж она тупа. Теперь ваша очередь, мой хороший. Поскорее, ваш дар мне нужен. Только прежде... как кончается тот лимерик **?

Я рассказал. Очень слабым голосом, почти в агонии он сказал:

— Как здорово. Продолжайте дальше. Пожалуйте мне ваш дар, я более чем готов.— Он попытался осенить себя.

Ну вот, я подарил ему милосердие, устало поднялся, подошел к скамье и рухнул на нее. Потом я обтер оба клинка, вычистив сна-

---

* Логический принцип, введенный средневековым философом, отцом У. Окхэмским (Оккамом). Предостерегает от неоправданного введения в логические построения новых сущностей.

** Шуточный стишок.

чала малышку из Золингена, затем самым тщательным образом выхолил Леди Вивамус. Мне удалось встать и отдать ему честь чистой шпагой. Познакомиться с ним было великой честью.

Я пожалел, что не спросил, как его зовут. Он, по-видимому, думал, что я это знаю.

Я тяжело опустился на скамью и поглядел на гобелен, закрывающий крысиную нору в дальнем конце комнаты, и задумался, почему же не появляются Стар и Руфо? Ведь столько звона стали и звуки голосов...

Мелькнула мысль, не подойти ли туда, покричать им. Да уж слишком я устал, чтобы немедленно начать двигаться. Я вздохнул и закрыл глаза.

Из чисто ребячьего озорства (и безалаберности, за которую меня не знаю сколько раз бранили) я разбил дюжину яиц. На кашу смотрела моя мать, и мне было ясно, что она вот-вот заплачет. Тут мой взор тоже затуманился. Она сглотнула слезы, мягко взяла за плечо и сказала:

— Успокойся, сынок. Яйца не стоят этого.

Мне, однако, было стыдно, поэтому я вырвался и убежал.

Я бежал вниз по склону, сам не зная куда, почти летел, и вдруг с ужасом понял, что сижу за рулем, а машина меня не слушается. Я поискал ногой педаль тормоза, не смог ее найти, и меня охватила паника... Потом все же нашел педаль, но почувствовал, что она тонет в полу с той мягкостью, которая означает потерю давления в тормозной жидкости. Там, впереди на дороге, что-то есть, а я не вижу. Не могу даже головы повернуть, и глаза залиты, сверху в них что-то течет. Кручу руль, и ничего не изменяется — у баранки нет вилки.

В ушах стоит вопль, удар! Я рывком проснулся в своей постели и понял, что вопил я сам. Я наверняка опаздывал в школу, позор, которого мне на забыть никогда. Муки стыда, ибо школьный двор пуст; остальные ребята, умытые и причесанные, сидят на местах, а я не могу разыскать свой класс. Не было времени даже в ванную сбегать, и вот я сижу за своей партой со спущенными штанами, собираясь сделать то, на что в спешке, до того как выскочить из дому, у меня не хватило времени. Все ребята тянут руки, но учительница вызывает меня. Я не могу подняться для ответа; мои штаны не просто спущены, на мне их просто нет. Если я встану, все это увидят. Ребята будут смеяться надо мной, девочки захихикают, отвернутся и задерут носы. Но самый невыносимый позор в том, что Я НЕ ЗНАЮ ОТВЕТА!

— Быстрей! Быстрей! — резко говорит учительница.— Не отнимай время у класса, Сирил. Ты Не Выучил Уроки.

Ну, в общем, да, не выучил. То есть я выучил, но она написала на

доске: «Задачи 1—6», и я это понял, как «1» и «6» — а эта была под номером 4. Она мне ни за что не поверит; отговорка слишком слаба. Мы платим за гол, а не за отговорки.

— Вот такие вот дела, Спок,— продолжает мой тренер; голос его скорее печален, чем сердит.— Движение вперед — это, конечно, очень здорово. Только пока не проскочишь через голевую линию с тем вот яичком под мышкой,— он показывает на мяч, лежащий на его столе,— ни черта не заработаешь. Вот он. Я в самом начале сезона распорядился, чтобы его покрыли позолотой и надписали. Ты так здорово играл, и я был так в тебе уверен. Он должен был стать твоим в конце сезона, на банкете в честь победы.— Он наморщил лоб и заговорил, стараясь вроде бы быть объективным.— Не скажу, что ты в одиночку смог бы все спасти. Но ты действительно ко всему относишься слишком спокойно, Спок. Может, тебе надо переменить имя. Когда путь становится труднее, надо, наверное, сильнее стараться.— Он вздохнул.— Я виноват, надо было мне прищелкнуть кнутом. А я вместо этого старался тебе вторым отцом стать. Я только хочу, чтобы ты знал, что ты не единственный, кто на этом проигрывает,— в моем возрасте не так-то легко найти другую работу.

Я натянул одеяло себе на голову; мне невыносимо смотреть на него. Но меня упорно не желают оставить в покое; кто-то начинает трясти меня за плечо.

— Гордон!

— У'ди отсюд'!

— Просыпайся, Гордон, и тащи свою задницу в штаб. Ты влип.

Влип, без сомнения. Я убеждаюсь в этом, как только захожу в канцелярию. Во рту стоит кислый вкус рвоты, и чувствую я себя ужасно — как будто надо мной прошло, наступая на меня то тут, то там, стадо буйволов. Грязных.

Старший сержант глянул на меня, когда я вошел; дал мне время постоять-попотеть. Когда он все-таки поднял глаза, то, прежде чем заговорить, осмотрел меня с головы до ног.

Наконец он начинает говорить, не спеша, давая мне время почувствовать каждое слово.

— Самовольная Отлучка Из Части, терроризирование и оскорбление туземных женщин, неправомерное использование правительственной собственности... непристойное поведение... неподчинение дисциплине и неприличные выражения... сопротивление при аресте... драка со служащим военной полиции — Гордон, почему вы не украли лошадь? Конокрадов здесь вешают. Все было бы намного проще.

Он улыбается собственному остроумию. Старый ублюдок всегда считал себя остряком. Наполовину он прав.

Мне, однако, наплевать на то, что он говорит. До меня с трудом доходит, что все это было сном, просто еще одним из тех снов, которые слишком часто снились мне в последнее время из-за желания

выбраться из этих исходящих болью джунглей. Даже ее на самом деле не было. Моей — как же ее звали? — даже имя ее я придумал. Стар. Моя Счастливая Звезда. О, Звездочка моя дорогая, тебя нет!

Он продолжает:

— Вижу, ты снял свои нашивки. Что ж, это сэкономит время, но на этом все хорошее и исчерпывается. Формы нет. Небрит. И вся одежда в грязи! Гордон, ты позоришь Армию Соединенных Штатов. Это тебе понятно, да? И на сей раз ты не отвертишься. Удостоверения личности при тебе нет, пропуска нет, именем пользуешься не своим. Что же, Сирил Поль, добрый мой молодец, на сей раз мы воспользуемся истинным твоим именем. В приказном порядке.

Он поворачивается на своем вертящемся стуле. Ни разу не стащил с него своей толстой задницы с тех пор, как его послали в Азию, патрули не для него.

— Меня только одно интересует. Где ты вот это достал? И с чего это тебе пришло в голову попытаться его украсть? — Он кивает на ящик с делами позади стола.

Я узнаю то, что на нем лежит, хоть оно и было покрыто позолотой в последний раз, когда я его видел, а теперь покрыто особой черной липкой грязью, которую выращивают в Юго-Восточной Азии. Я двинулся было к нему.

— Это мое!

— Нет, нет! — отрывисто говорит он.— Легче, легче, малыш.— Он отодвигает мяч подальше.— То, что ты его украл, еще не делает его твоим. Я взял его на хранение как вещественное доказательство. К твоему сведению, герой ты липовый, медики считают, что он не выживет.

— Кто?

— Какое тебе дело кто? Ставлю четвертак против бангкокского тикула, что ты не знал, кто он, когда колошматил его. Нельзя же походя избивать местных жителей только потому, что у тебя весело на душе — у них ведь и права есть. Ты, может, не слышал? Избивать их положено только там и тогда, где и когда прикажут.

Он неожиданно улыбнулся. Вид его от этого не становится лучше. Глядя на его длинный, острый нос и маленькие, налитые кровью глаза, я вдруг осознаю, насколько он похож на крысу.

Однако он, не пряча улыбки, говорит:

— Сирил, мальчик мой, не слишком ли рано ты снял свои шевроны?

— А?

— Ага. Может, тебе еще удастся выбраться из этого дерьма. Садись.— Он резко повторил: — Сядь, я сказал. Если бы было по-моему, тебя бы просто подвели под Восьмую Статью и забыли, лишь бы от тебя избавиться. Но у Командира Роты другое мнение — великолепнейшая мысль, которая помогла бы разом закрыть все дело.

На сегодняшнюю ночь намечен рейд. Так вот,— он наклоняется, достает из стола бутылку «Четырех Роз» и две кружки, наливает обе,— выпей-ка.

Об этой бутылке знали все-все, кроме, может быть, Ротного. Но никто еще не слыхивал, чтобы старший сержант предлагал кому-нибудь выпить — за исключением одного случая, когда вслед за предложением выпить он сообщил своей жертве, что того отправляют под трибунал.

— Нет, спасибо.

— Да ладно, пей давай. Опохмелись. Тебе это понадобится. Потом сходи помойся под душем и постарайся, хоть это никого и не обманет, выглядеть пристойно, когда пойдешь к Командиру Роты.

Я встаю. Выпить я хочу, мне нужно выпить. Я не отказался бы и от самой пакостной бурды — а «Четыре Розы» идут неплохо,— я не отказался бы и от той огненной воды, которой старик — как же его звали? — воспользовался, чтобы пробить мои барабанные перепонки.

Но с ним я пить не хочу. Мне здесь нельзя пить совсем ничего. Да и есть что...

Я плюю ему в лицо.

Оно выражает беспредельное возмущение, и он начинает таять. Я вытаскиваю свою саблю и бросаюсь на него.

Становится темно, а я все машу и машу кругом себя, иногда попадая во что-то, иногда нет.

ГЛАВА XVI

КТО-ТО тряс меня за плечо.

— Проснитесь!

— У'ди отсюд'!

— Вы должны проснуться, босс, очнитесь, пожалуйста.

— Да, Герой мой, ПОЖАЛУЙСТА!

Я открыл глаза, улыбнулся ей, затем попытался осмотреться. Ой-ей, вот это кавардак! На самой середине, рядом со мной, стояла толстая колонна из черного стекла, футов пять высотой. Наверху лежало Яйцо.

— Это оно?

— Да! — согласился Руфо.— Это оно! — Видуха у него была потрепанная, но он был весел.

— Да, Герой мой и защитник,— подтвердила Стар,— это подлинное Яйцо Феникса. Я проверила.

— Ммм...— я огляделся по сторонам.— А где же старый пожиратель Душ?

— Вы убили его. Еще до нашего прихода. Вы все еще держали

саблю в руке, а Яйцо было крепко зажато слева в подмышке. Нам с трудом удалось их высвободить, чтобы обработать вас.

Я оглядел себя, увидел, что она имела в виду, и отвел взгляд. Ну не нравится мне красный цвет. Чтобы не думать о хирургии, я обратился к Руфо: — Что вы так долго?

Ответила Стар:

— Я уж думала, что мы не сможем найти вас!

— Как вы меня нашли?

Руфо сказал:

— Босс, мы, собственно говоря, не смогли бы вас потерять. Мы просто шли по следу вашей крови — даже когда он уходил в глухую стенку. Она настойчивая.

— Э-э... мертвецы попадались?

— Трое или четверо. Чужие, нам до них дела не было. Вернее всего, конструкты. Мы не стали задерживаться.— Он добавил: — И выбираться также начнем не мешкая, как только вы подлечитесь настолько, что сможете идти. Время не ждет.

Я осторожно согнул и разогнул правое колено. Там, где у меня был укол в коленную чашечку, боль еще оставалась, постепенно уменьшаясь, однако, из-за того, что сделала Стар.

Ноги у меня в порядке. Идти я смогу, как только Стар закончит. Только — я нахмурился — не очень-то мне по душе снова идти через тот крысиный туннель. У меня от крыс нервная дрожь начинается.

— Каких крыс, босс? В котором туннеле?

Ну, я ему и сказал.

Стар никак на это не отреагировала, просто продолжая накладывать пластырь и пришлепывать повязки. Руфо сказал:

— Босс, вы и правда встали на колени и поползли точно в таком же проходе, как и все остальные. Мне это показалось абсолютно ни к чему, но вы уже доказывали раньше, что знаете, что делаете, поэтому мы не стали спорить, а просто сделали по-вашему. Когда вы велели нам подождать, пока вы все разведаете, мы и этому подчинились. Мы прождали так долго, что Она решила: лучше нам постараться отыскать вас.

Я не стал расспрашивать дальше.

Тут же почти мы и отправились, выбрав «парадный» выход, и шли без приключений: ни тебе обманов чувств, ни ловушек — ничего, только этот путь был долог и утомителен. Мы с Руфо оставались настороже в той же позиции. Стар шла в середине и несла Яйцо.

Ни Стар, ни Руфо не знали, ожидать ли еще нападений, да и отбить что-нибудь сильнее стайки бойскаутов мы бы не смогли. Натянуть лук сумел бы один Руфо, а я уже не мог держать саблю. Но нам, однако, нужно было только дать Стар время уничтожить Яйцо, чтобы его не захватили снова.

— Ну, об этом не стоит беспокоиться,— заверил меня Руфо,— Все равно что стоять в эпицентре действия атомного оружия. Не успеете и заметить.

Когда мы вышли наружу,пришлось довольно долго идти до другого Прохода в Гротовых Холмах. Мы подзакусили на ходу — я был жутко голоден — и поделили коньяк с Руфо и воду со Стар, не особенно налегая на воду. Я почти пришел в норму к тому времени, когда мы дошли до пещеры Прохода; меня даже не волновали ни небо, которое было не небом, а чем-то вроде крыши, ни неожиданные изменения силы тяжести.

Схема или «пентаграмма» в этой пещере была уже начертана. Стар пришлось лишь подновить ее, потом мы немного подождали — в том и была причина спешки, чтобы попасть сюда до того, как Врата смогут открыться. Потом ими нельзя было бы воспользоваться несколько недель или даже месяцев — намного дольше, чем смог бы прожить в Карт-Хокеше человек.

Мы заняли места за несколько минут до срока. Я был одет как Властелин Марса — портупея, сабля и лично я. Все мы сбросили балласт до последнего, ибо Стар устала, а ей и так предстояло изрядно поднапрячься при перенесении всего живого. Она хотела сохранить любимый мой лук, но я это запретил. Все-таки она настояла, чтобы Леди Вивамус осталась со мной, и я не стал долго спорить; мне не хотелось ни на миг больше расставаться со своей саблей. Она прикоснулась к ней и сказала мне, что сабля эта — уже НЕ мертвый металл, а неотрывная моя часть.

Руфо был одет только в собственную, не слишком красивую, розовую кожу с повязками поверху; он стоял на той точке зрения, что шпага — это шпага, а дома у него есть и получше. На Стар, из профессиональных соображений, было надето не больше.

— Сколько еще? — спросил Руфо, когда мы скрестили руки.

— По обратному счету минус две минуты,— ответила она. Часы у Стар в мозгу не менее точны, чем моя шишка направления. Она вообще часами не пользовалась.

— Вы ему сказали? — произнес Руфо.

— Нет.

Руфо сказал:

— Стыда у вас, что ли, нет? Вам не кажется, что хватит водить его вокруг пальца? — Тон его стал неожиданно резок, даже груб, и я хотел было сказать ему, чтобы он не смел так с Ней разговаривать. Но Стар прервала его.

— ТИХО!

Она завела что-то речитативом. Потом:

— Вперед!

Внезапно пещера изменилась.

— Где мы? — спросил я. Вес мой увеличился.

— На планете Невии,— ответил Руфо.— По другую сторону Вечных Гор. У меня возникает сильное желание сойти повидать Джоко.

— Давай,— сердито сказала Стар.— А то слишком много болтаешь.

— Только если мой приятель Оскар от меня не отстанет. Ну как, старый товарищ? За доставку отвечаю я, потребуется около недели. Без всяких драконов. Все будут рады, особенно Мьюри.

— Оставь Мьюри в покое! — В голосе Стар появились визгливые нотки!

— Что, не нравится? — хмуро сказал он.— Женщина помоложе, и всякое такое.

— Сам знаешь, что дело не в этом!

— Да в этом, в этом, и еще как! — возразил он.— И сколько еще, по-вашему, удастся это продолжать? Это нечестно, и с самого начала было нечестно. Это...

— Замолчи! Начинаю обратный отсчет!

Мы снова взялись за руки и — ба-бах! — очутились в другом месте. Еще одна пещера, частично открытая с одной стороны наружу; воздух очень разрежен и резко холоден, и на пол нанесло снега. Выбитая в камне схема покрыта самородным золотом.

— Это где? — поинтересовался я.

— На вашей планете,— ответила Стар.— Это место называется Тибет.

— И здесь можно было бы сделать пересадку,— добавил Руфо,— если бы Она не так упрямилась. Или можно пойти пешком — хотя идти долго и тяжело; я как-то попробовал.

Меня это не прельщало. По последним моим сведениям, Тибет находился в руках недружелюбных сторонников мира.

— Долго мы здесь пробудем? — спросил я.— Сюда бы центральное отопление надо.

Мне хотелось услышать, что угодно, кроме продолжения спора. Стар была моей возлюбленной, и я не мог оставаться в стороне и слушать, как с ней грубо разговаривают. Но с Руфо мы пролили вместе столько крови, что он стал мне кровным братом; я был у него в долгу за спасенную им несколько раз жизнь.

— Недолго,— ответила Стар. Она выглядела усталой.

— Но достаточно, чтобы кое в чем разобраться,— прибавил Руфо,— настолько, что вы сможете действовать по собственному усмотрению, а то вас таскают, как кота в мешке. Она должна была бы давно вам это сказать. Она...

— По местам! — перебила его Стар.— Обратный отсчет заканчивается. Руфо, если ты не замолчишь, я оставлю тебя здесь, и ты еще раз пойдешь пешком — по глубокому снегу ногами, голыми до подбородка.

— Пожалуйста,— ответил он.— От угроз я становлюсь упрям не менее вас. Что само по себе удивительно. Оскар. Она...

— МОЛЧИ!

— ...Императрица Двадцати Вселенных...

ГЛАВА XVII

МЫ ОЧУТИЛИСЬ в большой восьмиугольной комнатке, с роскошно убранными серебристыми стенами.

— ...и моя бабушка,— закончил Руфо.

— Да не «Императрица»,— запротестовала Стар.— Глупое какое-то выбрали слово.

— Достаточно точное.

— А что касается другого, так это моя беда, а не вина.— Стар уже не выглядела усталой, вскочила на ноги и, когда я встал, обняла меня одной рукой за талию, другой сжимая Яйцо Феникса.— Ох, как я счастлива, дорогой! Какая удача! Добро пожаловать домой, Герой мой!

— Куда? — Я что-то отупел — слишком много зон времени, слишком много мыслей, слишком быстро.

— Домой. Ко мне домой. Теперь это и твой дом, если придется по душе. Наш дом.

— Э-э, понятно... моя Императрица.

Она топнула ногой.— Не зови меня так!

— Подобающей формой обращения,— сказал Руфо,— является «Ваша Мудрость». Не правда ли, Ваша Мудрость?

— Ой, замолчи, Руфо. Поди принеси нам одежду.

Он покачал головой.

— Война окончена, и я только что со всем рассчитался. Принеси сама, бабуля.

— Руфо, ты невыносим.

— Сердимся, бабуля?

— Рассержусь, если не прекратишь называть меня бабулей.— Она вдруг передала мне Яйцо, обняла Руфо и расцеловала его.— Нет, бабуля на тебя не сердится,— мягко сказала она.— Ты всегда был проказником, и я никогда не забуду, как ты подложил мне в кровать устриц. А вообще-то, твоей вины тут нет — это у тебя от бабки.— Она поцеловала его еще раз и взъерошила челку седых волос.— Бабуля тебя любит. И всегда будет любить. Не считая Оскара, я считаю тебя почти совершенством — за исключением того, что ты невыносимое, лживое, избалованное, непослушное, непочтительное создание.

— Это уже лучше,— сказал он.— Собственно говоря, я такого же мнения о тебе. Что ты хочешь надеть?

— Ммм... достань всего понемножечку. У меня так долго не было приличного гардероба.— Она повернулась ко мне.— Что бы ты хотел надеть, мой Герой?

— Не знаю. Ничего не знаю. То, что вы сочтете подходящим... Ваша Мудрость.

— О, дорогой, пожалуйста, не называй меня так. Никогда.— Она вдруг чуть не расплакалась.

— Хорошо. Как мне тебя называть?

— Ты же дал мне имя — Стар. Если уж тебе нужно звать меня как-то по-другому, ты мог бы называть меня «своей Принцессой». Я не Принцесса и не Императрица; это неверное толкование. Но мне нравится быть «твоей Принцессой», так, как ты это произносишь. Или можно говорить «попрыгунья» или что угодно из множества названий, которые ты мне давал.— Она очень спокойно подняла на меня взгляд.— Совсем как раньше. Навсегда.

— Попробую... моя Принцесса.

— Герой мой.

— Но, кажется, есть много такого, чего я не знаю.

Она перешла с английского на невианский.

— Милорд муж, я желала рассказать все. Я мечтала открыться вам. И милорд узнает все. Но меня терзал смертельный страх, что если милорд узнает слишком рано, то откажется сопровождать меня. Не к Черной Башне, а сюда. В наш дом.

— Может, это был и мудрый поступок,— ответил я на том же языке.— Но я уже здесь, миледи жена, моя Принцесса. Пришла пора рассказать. Я этого хочу.

Она снова перешла на английский.

— Расскажу я, расскажу. Но на это потребуется время. Не сдержишь ли ты свое нетерпение самую малость, дорогой? После того, как долго — так долго, любовь моя! — терпел и верил мне?

— Ладно,— согласился я.— Потерплю еще. Только слушай, я в этом районе улиц не знаю, мне потребуется подсказка. Вспомни, как я ошибся у старины Джоко только из-за незнания местных обычаев.

— Да, дорогой, я этого не забуду. Да ты не волнуйся, здесь обычаи простые. Примитивные сообщества всегда сложнее цивилизованных — а это общество не примитивно.

Тут Руфо свалил к ее ногам огромную кучу одежды. Она отвернулась, все еще не выпуская моей руки, и с крайне сосредоточенным, почти обеспокоенным видом приложила к губам палец.

— Тут надо подумать. Что же мне делать?

«Сложность» — понятие относительное; я кратко опишу лишь основные черты.

Столицей Двадцати Вселенных является планета Центр. Только Стар была не «Императрицей», и это не империя.

Я в дальнейшем буду ее называть «Стар», так как у нее была сотня имен, и я буду говорить об «империи», потому что точнее слова не подобрать, и буду упоминать «императоров» и «императриц» — и в их числе Императрицу, мою жену.

Никто не знает, сколько существует Вселенных. Теоретически пределов нет; всякие-разные возможности неограниченного числа сочетаний «законов природы», каждый пакет соответствует своей собственной Вселенной. Но это всего лишь Теория, и бритва Оккама здесь слишком тупа. Все, что о Двадцати Вселенных известно, это то, что открыто их двадцать, что в каждой действуют свои законы и что у большинства из них есть планеты или иногда «места», где живут люди. Что живет в других местах, я даже и говорить не стану.

В Двадцати Вселенных существует много настоящих империй. Наша Галактика нашей Вселенной располагает своими звездными империями — и все же наша Галактика столь огромна, что наше человечество может так и не повстречаться с другими, если не использует Врата, связывающие Вселенные. У некоторых планет существование Врат не установлено. У Земли их много. Только в этом и заключается ее значение: в других отношениях она расценивается как окраинные трущобы.

Семь тысяч лет назад родилась идея о том, как справляться со сверхмасштабными политическими проблемами. Начало было скромным: как можно управлять планетой, не губя ее. Среди народа этой планеты было немало опытных кибернетиков, но в основном развиты они были не больше, чем мы сейчас; все еще стреляли из пушек по воробьям и попадали под колеса. Выбрали эти экспериментаторы выдающегося руководителя и постарались помочь ему.

Никто не знал, почему этот тип так удачлив, но удача была, и этого было достаточно; теория их мало волновала. Они предоставили ему в помощь кибернетику, записав для него все кризисные моменты своей истории, все известные подробности, что было сделано, и результаты каждого, причем все было построено таким образом, что он мог на это полагаться почти так же, как мы полагаемся на собственную память.

Это принесло плоды. Со временем под его наблюдение перешла вся планета — то был Центр, тогда еще под другим именем. Он не правил ею, а только распутывал сложные случаи.

Все, что этот первый «император» сделал хорошего или дурного, было также записано для опоры его преемнику.

Яйцо Феникса — это кибернетическая запись опыта двухсот трех «императоров» и «императриц», большинство которых «управ-

ляло» всеми известными Вселенными. Как и складничок, внутри оно больше, чем снаружи. В рабочем виде по размерам оно напоминает скорее Великую Пирамиду.

Легенд о Фениксе предостаточно во всех Вселенных: существо, которое, умирая, бессмертно, вечно молодым поднимается из собственного пепла. Это Яйцо и ВПРАВДУ такое чудо, ибо теперь это нечто намного большее, чем библиотека в записи; это слепок, прямо вплоть до неповторимых индивидуальностей, ПОЛНОГО опыта ВСЕЙ этой череды от Его Мудрости IX до Ее Мудрости CCIV, миссис Оскар Гордон включительно.

Должность эта не наследуется. Среди предков Стар есть Его Мудрость I и большинство остальных мудростей. Но столько же «королевской» крови у миллионов других. Внук ее Руфо не был выбран, хотя все предки у них общие. Или, может, он отказался. Я никогда и не спрашивал, это напоминало бы ему о том, как один из его дядьев совершил что-то неприличное до невероятности. Да и не тот это вопрос, который можно задать.

Обучение выбранного кандидата включает все, от способов приготовления рубца до высочайшей математики, включая все виды рукопашного боя, потому что еще тысячелетия назад стало понятно, что, как бы хорошо ее ни охраняли, жертве достанется меньше, если сама она сможет защищаться, как озверевшая циркулярная пила. Я узнал об этом случайно, задав любимой неловкий вопрос.

Я все еще пытался привыкнуть к тому, что женился на бабушке, чей внук казался старше меня, а был даже старше, чем казался. Люди на Центре и вообще-то живут дольше, чем мы, а Руфо и Стар еще прошли обработку «Долголетия». Тут есть к чему привыкать. Я спросил Стар: — Сколько же вы, «мудрости», живете?

— Не очень долго,— чуть ли не грубо ответила она.— Нас обычно убивают.

Язык мой — враг мой...

Подготовка кандидата включает путешествия во многие миры — не на все заселенные людьми места-планеты; столько никто не проживет. Но порядочно. После прохождения кандидатом всего этого и в случае избрания его наследником начинается аспирантура: собственно Яйцо. Наследник (наследница) запечатлевает в Своей памяти весь опыт и сами личности прошлых императоров. Он (она) становится их совместным воплощением. Супер-Звездой. Сверхновой. Ее Мудростью.

Ведущую роль играет живущая личность, но вся эта толпа тоже никуда не девается. Не пользуясь Яйцом, Стар была способна перебрать в памяти случаи, происшедшие с давно умершими людьми. ПОЛЬЗУЯСЬ Яйцом — лично подключаясь в киберсеть,— она располагала семью тысячелетиями свежих, как только вчера бывших, впечатлений.

Стар мне призналась, что перед тем как принять назначение, она лет десять колебалась. Быть всеми этими людьми ей не хотелось; ей хотелось быть и дальше самой собой и поступать, как ей вздумается. Однако способы отбора кандидатов (я их не знаю, они хранятся в Яйце), видимо, почти безошибочны; отказалось за все время только трое.

Когда Стар стала императрицей, она еще едва начала вторую часть своей подготовки, в нее было воплощено только семь из ее предшественников. Запечатление проходит недолго, но объекту между сеансами требуется отдых, ибо он усваивает все хорошее и все плохое, что когда-либо случалось с ними. Жестокое обращение в детстве с домашними животными и стыд при воспоминании об этом в зрелые годы, потеря девственности, невыносимый трагизм того времени, когда совершена воистину непоправимая оплошность — ВСЕ без исключения.

— Я ОБЯЗАНА испытать их ошибки на себе,— сказала мне Стар.— Только на ошибках учатся по-настоящему.

Вся эта изнурительная система основана на том, что одного подвергают переживанию всех, до последней, ошибок, совершенных за семь тысяч лет.

К счастью, часто пользоваться Яйцом необязательно. Большую часть времени Стар могла быть самой собой и внедренные в нее воспоминания волновали ее не больше, чем вас волнует замечание, сделанное во втором классе. Большинство проблем Стар была способна решить выстрелом навскидку, не прибегая к услугам Черной Комнаты и полного подключения.

Главным, что было отмечено при развитии этого эмпирического способа управления империей, было то, что ответ на большинство вопросов был таков: НЕ ДЕЛАЙ НИЧЕГО.

Вечная пассивность, никаких рывков. «Живи и жить давай другим». «От добра добра не ищут». «Время — лучший лекарь». «Не тронь лихо, пока спит тихо». «Плюнь на них; сами вернутся, виляя хвостиком между ног».

Даже утверждающие что-либо указы Империи по форме обычно были негативными: «Не взорви Планеты Соседа Своего». (Взрывай собственную, коли охота). «Руки прочь от хранителей Врат». «Не суди, да не судим будешь».

Самое главное, не выставляй серьезных проблем на всенародное обсуждение. Нет, против местной демократии запретов нет, это только в делах Империи. Старина Руфо — простите, доктор Руфо, очень известный специалист по проблемам сравнительной культурогологии (с дурным вкусом к посещению трущоб) — Руфо как-то сказал мне, что любая человеческая раса проходит через все формы и что во многих примитивных обществах пользуются демократией... Но он и слыхом не слыхал о цивилизованных планетах

с демократией, поскольку «Vox Populi, vox Dei» * переводится как: «Господи! Как же мы в такое-то вляпались?»

Однако Руфо уверял, что он-то демократии рад — каждый раз, когда у него становилось тяжело на душе, он принимал дозу Вашингтона, а проделки французского парламента уступали лишь проделкам французских женщин.

Я спросил его, как же высокоразвитые общества управляют ходом событий?

Он наморщил лоб.

— В основном они не управляют.

Это подходило и к стилю Императрицы Вселенных: Она, в основном, не управляла.

Но иногда она правила. Она могла сказать:

— Эта путаница кончится, если взять вон того смутьяна — вас как зовут? Вот вы, с эспаньолкой,— вывести и расстрелять его. Не откладывая.

Я при сем присутствовал. Откладывать они не стали. Он был главой той делегации, которая обратилась к ней с этим вопросом — какая-то стычка между трансгалактическими торговыми империями в Седьмой Вселенной. Первый его помощник заломил ему руки, а его собственные представители выволокли его наружу и прикончили. Стар вернулась к своему кофе. Этот кофе получше того, что можно достать дома, и я так разволновался, что налил чашечку и себе.

Власти у императора нет никакой. И все же, если бы Стар пришла к выводу, что некую планету необходимо убрать, этим делом тут же бы занялись, и в том небе появилась бы новая. Стар этого никогда не делала, но в прошлом такое происходило. Не часто. Прежде чем провозгласить столь окончательное решение, Его Мудрость долго прокопается в собственной душе (и в Яйце), даже когда его гипертрофированное здравомыслие подскажет ему, что другого выхода нет.

Император — это единственный источник законов Империи, единственный судья, единственный исполнитель. Делает он очень мало, и способа заставить выполнять его постановления у него нет. А вот что у него (нее) есть — это громаднейший престиж системы, которая действует семь тысяч лет. Эта система держится в единстве благодаря отсутствию единения, единообразия, потому что никогда не ищет совершенства, не гонится за утопиями. Она добивается лишь таких решений, которые помогут справиться, а простора и места для многих путей и позиций хватит.

Местные проблемы — дело местных институтов управления. Детоубийство? Это ваши дети и ваша планета. Взаимоотношения

---

* Глас народа, глас божий *(лат.)*.

семьи и школы, цензура кино, помощь при стихийных бедствиях и катастрофах? Империя тяжко беспомощна и бесполезна.

Кризис Яйца начался задолго до моего рождения. В одно и то же время был убит Его Мудрость ССШ и украдено Яйцо. Каким-то плохишам нужна была власть. Яйцо, с его уникальными возможностями, содержит в скрытом виде ключ к такой власти, какая не снилась и Чингисхану.

Почему люди жаждут власти? Мне это непонятно. Но некоторым хочется, и вот этим хотелось.

Стар заняла должность полуподготовленной и столкнулась лицом к лицу с величайшим кризисом, когда-либо претерпевавшимся Империей, в отрыве от своего кладезя Мудрости.

Но все же не без помощи. В нее был впечатан опыт семи суперблагоразумных людей, и ей оказывала помощь вся кибер-компьютерная система за исключением уникальной ее части, известной как Яйцо. Сначала ей надо было выяснить, что случилось с Яйцом. Переходить в наступление на планету плохишей было небезопасно; от этого могло пострадать Яйцо.

Существовали способы заставить человека рассказать все, если не жалко потерять его насовсем. Стар было не жалко. Я имею в виду не такие грубые штуки, как дыба и щипцы. Больше это похоже на очистку лука, и нескольких они очистили.

Карт-Хокеш смертоносен настолько, что был назван в честь единственных посетивших его исследователей, которые вернулись живыми. (Мы побывали в «парковой зоне», все остальное намного хуже). Плохиши и не пытались там остаться; они только схоронили Яйцо и расставили вокруг и на подходах к нему стражу и ловушки.

Я спросил Руфо:

— Какую пользу приносило Яйцо ТАМ?

— Никакой,— согласился он.— Да они скоро поняли, что пользы от него не будет нигде — без НЕЕ. Им была нужна или его обслуга из кибернетиков... или Ее Мудрость. Они не могли открыть Яйцо. Только ОНА может сделать это без всякой помощи. Вот они и устроили для НЕЕ ловушку. Чтобы схватить Ее Мудрость или убить ЕЕ — лучше схватить и, если потребуется, убить — и попытаться достать основных сотрудников здесь, на Центре. Но на второй вариант, пока жива была ОНА, они не отваживались.

Стар организовала поиск с целью определения наилучшего способа вернуть Яйцо. Вторгнуться на Карт-Хокеш? Машины сказали: «Ну нет, черт возьми!» Я бы тоже сказал нет. Как можно вторгнуться в такое место, где человеку не только нельзя ни есть, ни пить ничего местного, а и воздухом-то нельзя дышать дольше

нескольких часов? Когда массированная атака приведет к уничтожению того, ради чего она начата? Когда плацдармами служат два узеньких Прохода?

Компьютеры постоянно, вне зависимости от постановки вопроса, выдавали один и тот же дурацкий ответ:

— Я.

То есть «Герой» — человек с сильными мышцами, слабым умишком и бережным отношением к собственной шкуре. Плюс кое-что еще. Рейд такого-то человека, при условии помощи со стороны самой Стар, мог привести к успеху. Руфо был включен из-за появившегося у Стар предчувствия (предчувствия Их Мудростей эквивалентны гениальным прозрениям), и машины с этим согласились.

— Я был призван,— как сказал Руфо.— Поэтому я отказался. Только у меня, черт возьми, все время отшибало разум там, где дело касалось Ее, Она избаловала меня еще ребенком.

Последовали годы поисков строго определенного человека. То есть меня, нипочем не понять, почему. А тем временем храбрецы выясняли положение и постепенно создавали карту Башни. Стар сама ходила в разведку и заодно завязала знакомства в Невии.

Является ли Невия частью Империи? И да и нет. На планете Невии находятся единственные Врата на Карт-Хокеш, не считая тех, что стоят на планете плохишей; в этом и состоит ее важность для Империи — а Невии Империя не важна вовсе.

Данный «Герой» мог скорее всего быть найден на планете варварской, типа Земли. Стар проверила и отвергла бессчетное множество кандидатов, отобранных из многих диких народов, прежде чем чутье подсказало ей, что могу подойти я.

Я спросил у Руфо, сколько шансов давали нам машины.

— Почему ты об этом спрашиваешь?— потребовал узнать он.

— Ну, я маленько разбираюсь в кибернетике.

— Это тебе только кажется. Но все же... предсказание было. Тринадцать процентов за успех, семнадцать, что ничего не выйдет,— и семьдесят процентов за то, что все мы погибнем.

Я присвистнул.

— Ты-то что свистишь!— сказал он с возмущением.— Ты-то знал не больше, чем лошадь кавалериста. Тебе нечего было бояться.

— Я боялся.

— У тебя на это времени не было. Так было рассчитано. Наш единственный шанс был в отчаянной быстроте и полной неожиданности. А вот я знал. Мальчик, когда там в Башне ты велел нам подождать, а сам скрылся и не возвращался, господи, я перепугался так, что успел покаяться за все прожитое.

После подготовки рейд развивался так, как я о нем рассказывал. Или очень близко к этому, хотя не исключено, что я видел не точно

то, что случалось, а скорее то, что способен был принимать мой ум. Я подразумеваю «волшебство», «магию». Сколько уже раз дикари приходили к выводу: «волшебство», когда «цивилизованный» человек демонстрировал то, что дикарю непонятно. Как часто окультуренные дикари (которые умеют только ручки крутить) приклеивают ярлыки типа «телевидение», когда по-честному надо бы сказать «волшебство».

Стар, однако, на этом слове вовсе не настаивала. Она приняла его, когда на этом настоял я.

Но все-таки я бы расстроился, если бы все, что я видел, оказалось чем-то таким, что сможет построить «Уэстерн Электрик» *, как только лаборатории Белла * преодолеют технические дефекты. Где-нибудь должно же оставаться хоть чуть-чуть магии, просто для вкуса.

Ах да, то, что я уснул при первом переходе, было сделано затем, чтобы у дикаря не отшибло от страха ум. Да и «черные ложа» вместе с нами не перенеслись — это было постгипнотическое внушение, произведенное специалистом: моей женой.

Говорил ли я о том, что случилось с плохишами? Ничего. Врата их были разрушены; они изолированы до тех пор, пока не разработают принципов межзвездного путешествия. По небрежным нормам Империи — и так сойдет. Их Мудрости никогда не носят камня за пазухой.

ГЛАВА XVIII

ПРЕКРАСНА планета Центр; почти как Земля, но без ее недостатков. В минувшие тысячелетия ее перекроили так, что стала она Страной Утопией. Пустынь, снегов и джунглей оставили столько, чтобы хватало для развлечений; потопам и прочим бедствиям при перестройке в существовании было отказано.

Она не перенаселена, но по своим размерам — величиной она с Марс, только с океанами — народу на ней порядочно. Сила тяжести на поверхности почти та же, что и на Земле. (Как я понял, постоянная повыше.) Почти половина населения временная, поскольку непозторимая красота ее и уникальное культурное достояние — средоточие Двадцати Вселенных — превращают ее в рай для туристов. Для удобства посетителей делается все с наивозможной тщательностью, как у швейцарцев, только с технологией, которой Земля не знает.

Наши со Стар резиденции располагались в дюжине мест по всей планете (и без счету в иных Вселенных); диапазон их простирал-

* Названия электротехнических и научно-исследовательских компаний США.

ся от дворцов до крохотной рыбацкой избушки, где Стар приходилось самой готовить. В основном, жили мы внутри искусственной горы, где размещались Яйцо и обслуживающий его персонал; туда входили залы, комнаты для собраний, секретариат и так далее. Стар, когда она бывала в рабочем настроении, хотелось иметь все это под рукой. Однако посол какой-нибудь системы или путешествующий император сотни систем имел не больше шансов быть приглашенным в наши комнаты, чем бродяга у задней двери поместья в Беверли Хиллз — в гостиную.

Но если он приходился Стар по душе, она могла и в полночь притащить его домой перекусить. Она как-то раз так и сделала — привела какого-то махонького забавного эльфа с четырьмя руками и привычкой подстукивать своим жестам. Только публичных спектаклей она не устраивала и не томилась обязанностью присутствовать на них. Она не проводила пресс-конференций, не произносила речей, не принимала детских делегаций, на закладывала краеугольных камней, не провозглашала особых «Дней», не совершала церемониальных выходов, не подписывала документов, не опровергала слухов — ничего из того, что уносит время у монархов и вообще начальства на Земле.

Она советовалась с отдельными людьми, нередко вызывая их из других Вселенных, и в распоряжении ее находилось полное собрание новостей отовсюду, организованное в выработанной веками системе. Именно с помощью этой системы она решала, какие проблемы подлежат рассмотрению. Одной из постоянных жалоб была та, что Империя игнорирует «жизненно важные вопросы» — и это было справедливо. Ее Мудрость выносила решения только по отобранным ею проблемам; убежденность в саморазрешимости большинства вопросов лежала в основе системы.

Мы часто бывали на всяких мероприятиях; ходить в гости нам нравилось обоим, а выбор для Ее Мудрости и Консорта был неограничен. Существовал один анти-церемониал: Стар не откликалась на приглашения ни отказом, ни согласием, появляясь, когда ей вздумается и отказывалась от особых знаков внимания. Для столичного общества это было коренной переменой, поскольку предшественник ее установил протокол более строгий, чем в Ватикане.

Одна хозяйка салона пожаловалась мне, как СКУЧНО стало в обществе при новых правилах — не смогу ли я что-нибудь предпринять?

Я предпринял. Разыскал Стар и рассказал ей услышанное, вслед за чем мы ушли на бал пьяных художников — настоящее луау!

Центр — это такое рагу из культур, рас, обычаев и стилей, что правил в нем немного. Единственным неизменным законом было: не л[illegible]о своими законами ко мне. Каждый носил то же, что и дома, или экспериментировал с другими стилями; любой званый вечер

был похож на маскарад со свободой выбора костюмов. Приглашенный мог бы, не вызывая нареканий, абсолютно голым появиться на званом вечере — иные, слабое меньшинство, так и делали. Я говорю не о нелюдях и волосатых людях; одежда не для них. Я имею в виду людей, которых в американской одежде было бы не отличить в Нью-Йорке, и других, которые даже на Л'иль дю Леван привлекли бы к себе внимание, ибо волос у них нет вовсе, вплоть до бровей. Это для них является источником гордости; показывает их «превосходство» над нами, волосатыми обезьянами, они горды этим так же, как голытьба Джорджии гордится нехваткой меланина. Поэтому обнаженными они ходят чаще, чем другие человеческие расы. Мне их внешность показалась пугающей, но к этому привыкаешь.

Стар, выходя из дому, надевала одежду, поэтому я одевался тоже. Она не пропускала ни единой возможности приодеться — умилительная слабость, которая время от времени позволяла забывать ее положение в империи. Ни разу не повторяла она своих нарядов, вечно пробовала что-нибудь новенькое — и огорчалась, если я этого не замечал. Кое-что из выбранного ею вызвало бы разрыв сердца даже на пляжах Ривьеры. Она считала, что наряд женщины неудачен, если у мужчины не возникает желания сорвать его.

Одним из наиболее эффективных костюмов Стар был самый простой. У нас неожиданно оказался Руфо, и ей вдруг пришло в голову одеться так, как мы были одеты в походе за Яйцом, и — бумтрах — костюмы оказались в наличии или, вполне возможно, изготовлены по заказу. Невианская одежда — крайняя редкость на Центре.

С той же быстротой появились луки, стрелы и колчаны, и мы превратились в Веселых Молодцев. У меня поднялось настроение, когда я пристегивал Леди Бивамус к поясу; со времени огромной Черной Башни она так и висела нетронутой на стене моего кабинета.

Стар — ноги поставлены твердо, кулаки сжаты на бедрах, голова откинута, глаза сияют и щеки горят — стояла передо мной.

— Ах, как это здорово! Как хорошо, как МОЛОДО я себя чувствую! Дорогой, пообещай мне, по-честному, что мы когда-нибудь снова отправимся за приключениями! Мне так дьявольски надоедает быть благоразумной.

Она разговаривала по-английски, так как язык Центра плохо приспособлен для передачи таких мыслей. Он обработан за тысячелетия заимствований и изменений; это упрощенный, обрубленный, формализованный и урегулированный язык.

— Подходяще,— согласился я.— Ты как считаешь фо? Охота тебе пройти по Дороге Славы?

— Когда ее заасфальтируют.

— Тьфу. Пойдешь, я тебя знаю. Когда и куда, Стар? Впрочем, неважно куда. Только когда. Плюнем на вечеринку, давай прямо сейчас.

Внезапно веселость ее исчезла.

— Милый, ты же знаешь — мне нельзя. Я еще и на треть не прошла всей своей подготовки.

— Надо было расколотить мне это Яйцо, когда я его нашел.

— Не сердись, дорогой, давай пойдем на этот вечер и как следует повеселимся.

Так мы и сделали. Передвижение по Центру осуществлялось с помощью аппортов, искусственных «Врат», которые обходятся без «волшебства» (или, наоборот, еще больше его требуют). Маршрут выбирается нажатием кнопок, как в лифте, так что дорожных проблем в городах нет — как и тысячи других неприятных вещей; в своих городах они не позволяют вылезать наружу. В этот вечер Стар решила сойти незадолго до конца пути, прошествовать через парк и пройти до входа. Она знает, как удачно трико подчеркивает ее длинные ноги и крепкие ягодицы; бедрами она покачивала, как индианка.

Ребята, мы произвели фурор! Сабель в Центре не носит никто, кроме разве что гостей. Луки со стрелами тут тоже все равно что зубы у курицы. Мы выделялись из массы, как рыцарь в доспехах на Пятой авеню.

Стар была довольна, как ребенок любимой игрушкой. Я тоже. Чувство было такое, точно на плечах находятся рукояти боевых топоров; хотелось отправиться на охоту на драконов.

Мы попали на бал, весьма похожий на земной. (Если верить Руфо, главное развлечение у всех наших рас повсюду одно и то же; собираться толпами, чтобы поесть-попить и посплетничать. Он уверяет, что холостяцкие пирушки и девичники — это признаки нездоровой культуры. Не стану спорить.) Мы прошествовали вниз по величественной лестнице, музыка оборвалась, народ ахал, уставившись на нас,— а Стар наслаждалась оказываемым вниманием. Музыканты вновь кое-как принялись за дело, а гости вернулись к официальной вежливости, которой обычно требовала императрица. Но внимание к нам не исчезло. Раньше я думал, что эпизод похода за Яйцом составляет государственную тайну, так как ни разу не слышал упоминаний о нем. Но даже в случае рассекречивания, как мне казалось, детали его будут известны лишь нам троим.

Как бы ни так. Всем было известно и то, что эти костюмы означают, и многое другое. Я стоял у буфета, накачиваясь коньяком с «Дэгвудом» собственной конструкции, когда меня поймала на удочку сестра Шехерезады, та, что покрасивее. Она принадлежала к одной из не совсем похожей на нас человеческих рас. Одета она

была в рубины с большой палец величиной и довольно-таки не просвечивающую ткань. Росту в ней, босиком, было не больше пяти футов пяти дюймов, весу фунтов сто двадцать, а талия в обхвате, наверное, была не больше пятнадцати дюймов. Это подчеркивало величину других ее частей, которая в подчеркивании не нуждалась. Она была брюнеткой с самыми раскосыми глазами, которые мне доводилось видеть. Похожа она была на красивенькую кошечку, а смотрела на меня так, как кошка смотрит на птичку.

— Себя,— объявила она.

— Говори.

— Сверлани. Мир...— Название и код — никогда о таком не слышал.— Изучаю конструирование пищи, математико-сибаристский уклон.

— Оскар Гордон. Земля. Воин.

Я пропустил координаты Земли; кто я такой, она знала.

— Вопросы?

— Спрашивай!

— Да, сабля?

— Да.

Она посмотрела на нее, и зрачки ее глаз расширились:

— Да — была сабля уничтожить конструкта сторожить Яйцо? («Является ли находящаяся здесь сабля прямым потомком в последовательной пространственно-временной перемене, не считая теоретически возникающих при переходах меж Вселенными искажений, Сабли, использованной для убийства Рожденного Никогда?» Сложная конструкция глагола, удовлетворительно-прошедшее время, обуславливает и тут же отбрасывает понятие о том, что идентичность — это понятие абстрактное: «Та ли это сабля, которой ты, в повседневном смысле, пользовался на самом деле, и не дурачь меня, воин, я не ребенок».)

— Был — да,— соглашался я. («Я там был и даю гарантию, что не расстался с ней по дороге сюда, стало быть, это все еще она, да».)

Она чуть слышно ойкнула; соски ее грудей набухли. Вокруг каждого был нарисован, а может, вытатуирован, символ множественности Вселенных, который мы называем «Троянской стеной» — и такой сильной была ее реакция, что бастионы Илиона рухнули вновь.— Трону? — моляще сказала она.

— Тронь.

— Трону ДВАЖДЫ? («Пожалуйста, можно мне немного подержать ее, попробовать, что это такое? Ну, пожалуйста, очень вас прошу! Я требую слишком много, и вы вправе отказать, но я обещаю, что ничего плохого не сделаю»,— слова им служат для передачи того, что нужно, но весь сок в том, как это говорится.)

Неохота мне было это позволять, да еще с Леди Вивамус. Да вот не могу я устоять перед красивой девушкой.

— Тронь... дважды,— нехотя уступил я. Я вынул ее и эфесом вперед передал ей, готовясь перехватить ее прежде, чем она выколет кому-нибудь глаз или проткнет себе ногу.

Она осторожно приняла ее, широко раскрыв глаза и рот и взяв ее вместо рукояти за чашку. Пришлось ей показать. Рука у нее для сабли была уж слишком мала; руки и ноги ее, такие, как и талия, были супер-стройны.

Она засекла гравировку.

— Значение?

«Давайте жить, пока живем» в переводе не очень-то звучит, но не потому, что такая мысль им непонятна, а потому, что она для них — как вода для рыбы. Как же еще можно жить? Но я попытался.

— Тронь — дважды жизнь. Ешь. Пей. Радуйся.

Она задумчиво кивнула, потом сделала, согнув кисть и отставив локоть, выпад в воздух. Я не смог этого стерпеть и отобрал оружие у нее, плавно заняв защитную позицию для рапир, сделал выпад в верхней зоне и вышел из него — движение настолько грациозное, что даже здоровенные волосатые мужики в нем смотрятся. Вот почему балерины занимаются фехтованием.

Я отдал честь и вернул оружие ей, затем поправил ей положение правого локтя, кисти и левой руки — вот поэтому балерины и обучаются за полцены, потому что учителю учить их приятно. Она сделала выпад, чуть-чуть не проткнув одному из гостей ляжку по правому борту.

Я снова забрал оружие, отер клинок, вложил его в ножны. Мы собрали тьму народа. Я взял с буфета свой «Дэгвуд», но она не собиралась прощаться.— Сама прыгать сабля?

Я поперхнулся. Если она понимала весь смысл — или если его понимал я — значит, ко мне обратились самым вежливым образом, какой я только слыхивал на Центре, с предложением. Обычно оно бывает прямее. Но ведь наверняка же Стар не афишировала подробностей нашей брачной церемонии? Руфо? Я ему не говорил, но Стар могла и сказать.

Когда я не ответил, она, не понижая голоса, объяснила все до конца.

— Сама недевственница, немать, небеременна, небесплодна.

Я объяснил, со всей возможной на этом языке вежливостью — что не очень-то сложно — что у меня свидания расписаны. Она оставила эту тему, посмотрела на «Дэгвуд».

— Капелка трону вкус?

Это было другое дело; я передал его. Она отведала солидную капельку, задумчиво пожевала, вроде бы обрадовалась.

— Ксенко. Примитивно. Крепко. Резкий диссонанс. Высокое искусство.

И она уплыла в сторону, оставив меня в раздумьях.

Менее десяти минут спустя этот же вопрос был задан мне опять. Я получил предложений больше, чем на любом другом вечере на Центре, и причина повышенного спроса, уверен, заключалась в сабле. Нет, ну конечно немало предложений выпадало на мою долю на каждом вечере, ведь я был супругом Ее Мудрости. Да будь я хоть орангутангом, предложения все равно бы последовали. Некоторые из принятых в обществе волосатиков и так были не лучше орангутангов, но мне простили бы даже обезьянью вонь. Разгадка коренилась в том, что многим дамам любопытно было узнать, с кем ложится спать императрица, а то обстоятельство, что я — дикарь, или в лучшем случае варвар, подогревало их любопытство. Запретов никаких на открытые предложения не существовало; многие так и делали.

Но у меня все еще длился медовый месяц. Да и уж во всяком случае, если бы стал принимать все предложения, я бы давно качался от ветра. Но слушать их, как только я перестал съеживаться от прямоты типа «Газировки или пива?», мне нравилось. Когда упрашивают, у любого поднимается настроение.

В тот вечер, раздеваясь, я спросил:

— Ну как, повеселилась, красавица?

Стар зевнула и расплылась в улыбке:

— Да уж конечно. Так же как и ты, Игл-Скаут великовозрастный. Чего это ты ту кошечку домой не привел?

— Какую кошечку?

— Сам знаешь, какую. Ту, которую ты учил фехтовать.

— Мии-яу!

— Нет, нет, милый. Тебе бы надо послать за ней. Я слышала, как она назвала свою профессию, и должна сказать, что существует тесная связь между хорошей готовкой и хорошей...

— Ты слишком много разговариваешь, женщина!

Она переключилась с английского на невианский.

— Слушаюсь, милорд муж. Ни звука не пророню я, коего не сорвется непрошенно с истосковавшихся по любви губ.

— Миледи жена моя любимая... дух изначальный Вод Поющих...

От невианского больше толку, чем от той тарабарщины, на которой говорят в Центре.

Приятное местечко — Центр; и жизнь у супруга Мудрости безбедная. После первого нашего посещения рыбацкой хижины Стар я как-то заикнулся, как приятно было бы однажды вернуться и пощипать форель на том самом симпатичном месте, у Врат, которыми мы попали в Невию.

— Эх, было бы оно на Центре.

— Будет.

— Стар, ты хочешь перевести его? Я знаю, что некоторые коммерческие Врата могут транспортировать солидный вес, но даже в этом случае...

— Нет, нет. Но ничуть не хуже. Дай-ка подумать. Понадобится примерно с день, чтобы его измерить, снять на стерео, взять пробы воздуха и так далее. Тип течения и всякое такое. А пока... За этой стеной нет ничего особенного, только электростанция и прочее. Скажем, дверь вот сюда, а место, где мы готовили рыбу, ярдах в ста отсюда. Будет закончено за неделю, или у нас появится новый архитектор. Подходит?

— Стар, ты такого не сделаешь.

— Почему же нет, милый?

— Перекраивать весь дом, чтобы у меня был ручей с форелью? Фантастика!

— Мне так не кажется.

— Тем не менее это так. Да и вообще, родная, вся соль не в том, чтобы перетащить тот ручей сюда, а отправиться ТУДА, в отпуск.

Она вздохнула.

— Как бы мне хотелось уйти в отпуск.

— Ты сегодня прошла отпечатывание. У тебя голос изменился.

— Это пройдет, Оскар.

— Стар, ты слишком быстро их принимаешь. Ты изматываешь себя.

— Возможно. Но как ты знаешь, судить об этом должна я сама.

— Как я знаю! Ты можешь судить все сущее, черт бы его побрал, как ты и делаешь, и это я знаю, а Я, твой муж, должен рассудить, когда ты работаешь сверх меры, и прекратить это.

— Милый, милый!

Такие случаи происходили слишком часто.

Я не ревновал ее. Этот призрак моего дикарского прошлого успокоился на Невии, меня он больше не преследовал.

Да и Центр не такое место, где этот призрак может запросто разгуливать. На Центре столько же брачных обычаев, сколько и культур — тысячи. Они аннулируют друг друга. Некоторые тамошние гуманоиды моногамны по природе, вроде, как говорят, лебедей. Так что в список «добродетелей» верность не входит. Подобно тому, как мужество — это храбрость перед лицом страха, так и добродетель — это порядочное поведение перед лицом искушения. Если нет искушения, не может быть и добродетели. Однако опасности эти несгибаемые однолюбы не представляли. Если кто-либо по незнанию обращался к одной из таких целомудренных дам с предложением, то он не рисковал нарваться на пощечину или нож; она бы отвергла его, не прерывая разговора. Если бы его услышал ее муж, тоже ничего не было бы; ревности не постичь автоматически

единобрачной расе. Не то чтобы я когда-либо попробовал это проверить; они мне по виду — и по запаху — напоминали перебродившее тесто. Там, где нет соблазна, нет и добродетели.

Но возможности похвалиться «добродетелями» у меня были. Меня так и тянуло к той кошечке с осиной талией — а я еще узнал, что она принадлежит к такой культуре, в которой женщина не может выйти замуж, пока не докажет, что способна забеременеть, как в районах Южных Морей и в некоторых местах в Европе; никаких запретов своего племени она не нарушала. Еще больше меня соблазняла другая девочка, милашка с прелестной фигуркой, восхитительным чувством юмора и одна из лучших танцовщиц любой Вселенной. Она не кричала об этом на перекрестках; просто дала мне понять, что не слишком занята и вовсе не равнодушна, искусно используя окольные пути тамошнего жаргона.

Это произвело освежающее впечатление. В точности «как в Америке». Я-таки поинтересовался в других местах обычаями ее племени и выяснил, что, строго относясь к браку, они смотрят снисходительно на все остальное. В качестве зятя я был бы абсолютно непригоден, но, хоть дверь и была заперта, окно было открыто.

Короче, я трусил. Я устроил раскопки в собственной душе и установил наличие не менее нездорового любопытства, чем у любой особи женского пола, которая обращалась ко мне с предложением просто потому, что я был супругом Стар. Милая малютка Жай-и-ван была одной из тех, кто не носил одежды. Она выращивала ее прямо на месте; от кончика носа до крошечных пальчиков на ногах она была покрыта мягким, гладким серым мехом, удивительно похожим на мех шиншиллы. Блеск!

У меня не хватало духу. Слишком уж симпатичной была она девочкой.

Однако в существовании этого соблазна я признался Стар. Она тонко намекнула, что у меня, должно быть, меж ушами мускулы. Жай-и-ван являлась выдающейся артисткой даже среди собственного народа, который почитался как наиболее талантливый поклонник Эроса.

Грустить я не перестал. Баловаться с такой симпатичной девочкой стоило только по любви, хотя бы отчасти, а любви-то и не было, лишь прекрасный этот мех. Да еще я опасался, что баловство с Жай-и-ван может превратиться в любовь, а она не сможет выйти за меня замуж, даже если Стар меня отпустит.

Или не отпустит — на Центре запрещена полигамия. В некоторых тамошних религиях есть постановления за или против того и другого, но религий в этой мешанине культур бессчетное множество, так что они взаимно уничтожаются по типу противодействующих обычаев. Культорологи провозглашают «закон» религиозной

свободы, который, по их мнению, неуместен. Свобода вероисповедания в любой культуре обратно пропорциональна силе главенствующей религии. Это считается одним из образов общей инвариантности, а именно, что любые свободы произрастают из столкновений в культуре, ибо не уравновешиваемый своей противоположностью обычай становится принудительным и всегда рассматривается как «закон природы».

Руфо не соглашался; он считал, что его коллеги составляют уравнения из величин несоразмерных и неопределимых — пустоголовые!— и что свобода никогда не являлась чем-то большим, чем счастливый случай. Средний человек, в любой человеческой расе, ненавидит любую свободу и боится ее, не только для соседей, но и для себя самого, и растаптывает ее когда только можно.

Возвращаясь к первоначальной теме — центристы пользуются любой формой брачных контактов. А то и никакой. Практикуется домашнее сотрудничество, сожитие, размножение, дружба и любовь — но не обязательно все вместе или с одним и тем же лицом. Контакты могли по сложности равняться договору слияния корпораций, определяя срок, цели, обязанности, ответственность, число и пол детей, методы генетического отбора, необходимость нанятия приемных матерей, условия прекращения и право выбора расширения — все, что угодно, кроме «верности в браке». Там вне сомнения то, что это невозможно внедрить силой и, следовательно, нельзя это включать в контракт.

Однако верность в браке встречается там чаще, чем на Земле; она просто не устанавливается законом. Есть у них древняя поговорка, дословно: «Женщины и Кошки». Она означает: «Женщины и кошки поступают, как вздумается, мужчинам и собакам лучше к этому относиться спокойно». У нее есть и противоположность: «Мужчины и Погода». Она немного груба и, по крайней мере, столь же стара, поскольку взята под контроль уже давно.

Обычным договором является отсутствие договора; он переносит свою одежду к ней в дом и остается там, пока она не выкинет его одежду за дверь. Эта форма высоко ценится из-за своей стабильности: женщине, которая «высвистнет ботинки», приходится нелегко в поисках другого мужчины, который отважится на то, чтобы противостоять ее вспыльчивости.

Мой «контракт» со Стар — если контракты, законы и обычаи были применимы к императрице, а они не были и не могли быть применены — был не сложнее обычного. Но это было источником моего все возрастающего беспокойства.

Поверьте мне, я НЕ ревновал.

Но меня все больше тревожили эти заполняющие ее мозг мертвецы.

Однажды вечером, когда мы одевались на какую-то чепуху,

она резко ответила мне. Я взахлеб рассказывал о том, как я в тот день обучался математике, и, ясное дело, интересно это было не больше, чем когда ребенок рассказывает о дне, проведенном в детсаде. Но я был полон воодушевления, передо мной открывался новый мир, а Стар всегда была терпелива.

Только оборвала она меня голосом баритонного регистра.

Я остановился как вкопанный.

— Ты сегодня проходила отпечатку!

Можно было буквально почувствовать, как она переключает скорости.

— Ох, простите меня, дорогой! Да, я сегодня сама не своя. Я — Его Мудрость CL XXXII.

Я проделал быстрый подсчет.

— Значит, со времени Похода ты приняла уже четырнадцать — а за все годы до этого ты приняла всего семь. Какого черта ты хочешь добиться? Пережечь себя? Стать идиоткой?

Она начала было испепелять меня, потом мягко ответила:

— Нет, ничем подобным я не рискую.

— Я слышал нечто иное.

— То, что ты мог услышать, Оскар, не имеет никакого значения, ибо никто другой не может судить как о моих возможностях, так и о том, что значит принятие отпечатки. Разве что только ты поговорил с моим наследником?

— Нет.

Я знал о том, что она его выбрала, и полагал, что он раз-другой прошел отпечатку — рутинная предосторожность на случай убийства. Но я его не встречал и встречать не хотел и, кто он такой, не знал.

— Тогда забудь, что тебе говорили. Это бессмысленно.— Она вздохнула.— Но если ты не против, дорогой, я сегодня никуда не пойду; мне лучше лечь поспать. Старый Вонючка CLXXXII хуже всех, кем я когда-либо была. Он достиг блестящего успеха в критический период, тебе бы надо о нем почитать. А вот в душе он был злобным зверем, ненавидевшим тех самых людей, которым помогал. Он еще не остыл во мне, надо держать его на цепи.

— Ну ладно, давай ляжем.

Стар покачала головой.

— Я сказала «поспать». Прибегну к самовнушению и к утру ты даже не вспомнишь о его существовании. Отправляйся-ка на вечер. Отыщи себе приключение и забудь, что у тебя трудная жена.

Я и пошел, только был слишком раздражен, чтобы даже думать о «приключениях».

Старый Вонючка оказался не хуже всех. Я могу настоять на своем в любой ссоре, а Стар, какой бы амазонкой она ни была, не так могущественна, чтобы со мной справиться. Если бы она

забыла о вежливости, она все-таки получила бы обещанную порку. Вмешательства охраны мне нечего было бояться. С самого начала было установлено: когда мы оставались наедине, мы решали личные дела. Появление любого третьего нарушало порядок. У Стар вообще-то и уединения не было, даже в ванной. Я не интересовался, состояла ее охрана из женщин или из мужчин. Ей это тоже было безразлично. Охрана никогда не попадалась на глаза. Так что размолвки наши не были известны никому и, скорее всего, не приносили нам зла, слуха в качестве временной разрядки.

Вот со «Святым» примириться было труднее, чем со Старым Вонючкой. Его Мудрость CXLI до того был полон чертова благородства, духовности и непревзойденной святости, что я на три дня отправился на рыбалку. Как личность, Стар была полна здоровья, энергии и радости жизни; а этот тип не пил, не курил, не жевал резинки и даже грубого слова никому не сказал. Пока Стар находилась под его влиянием, у нее чуть ли нимб не появился.

Хуже того, он, когда посвятил себя служению Вселенным, отказался от секса, и это произвело потрясающее воздействие на Стар; милая покорность была не в ее стиле. Потому я и отправился на рыбалку.

Хорошего про «Святого» сказать можно было только одно. Стар считает, что он был самым неудачливым императором во всей этой длинной цепи, обладая талантом делать не то, что нужно, из благочестивых побуждений, так что она научилась от него большему, чем от кого-либо другого; он совершил все мыслимые ошибки. Он был убит разочарованными клиентами спустя всего лишь пятнадцать лет, а этого времени не может хватить на то, чтобы исковеркать такую громадину, как Империя Двадцати Вселенных.

Его Мудрость CXXXVIIE оказался Ею — и Стар на два дня пропала. А когда вернулась, объяснила:

— Так надо было, милый. Я всегда считала себя отъявленной шлюхой, но она потрясла даже меня.

— Кто это?

— Я не скажу ни слова, сударь. Я подвергла себя интенсивной обработке, чтобы похоронить ее там, где она тебе никогда не встретится.

— Меня разбирает любопытство.

— Я знаю, и именно поэтому я вонзила кол в ее сердце — задача не из легких, я прямой ее потомок. Но мне было страшно, что она понравится тебе больше, чем я. Ох и проститутка, слов нет!

Меня до сих пор разбирает любопытство.

Большинство из них были людьми неплохими. Но брак наш протекал бы глаже, если бы я не знал об их существовании. Лучше иметь жену маленько с придурью, чем состоящую из нескольких взводов, в которых большинство мужчин. Моему либидо не приносило поль-

зы то, что их призрачное присутствие давало знать о себе даже тогда, когда во главе стояла собственная личность Стар. Однако должен признаться, что Стар знала мужчин лучше, чем кто бы то ни было из женщин в любой истории. Ей не нужно было гадать, что доставит удовольствие мужчине; ей по «опыту», было известно об этом больше, чем мне,— и делилась она своими уникальными знаниями открыто и без стыдливости.

Мне бы не стоило жаловаться.

А я жаловался, я винил ее за то, что она была другими людьми. Она переносила мои несправедливые жалобы лучше, чем я переносил то, что считал несправедливым в своем положении vis-á-vis со всей этой ордой призраков.

Однако призраки эти были не самым худшим злом.

У меня не было дела. Я имею в виду не сиденье с девяти до пяти, а по субботам стрижка травы и вечерняя попойка в загородном клубе. Я хочу сказать, что у меня не было цели. Видали когда-нибудь льва в зоопарке? Свежее мясо строго по графику, самок приводят, охотников бояться не надо. У него есть все, что нужно,— верно?

ТАК ПОЧЕМУ ОН СКУЧАЕТ?

Сначала я даже не осознавал, что стою перед проблемой. У меня была красивая и любящая жена; богат я был до того, что нельзя и сосчитать; жил в роскошнейшем доме в городе красивее любого земного; все, кого я встречал, хорошо ко мне относились. Лучшим сразу после чудесной моей женушки было то, что я обладал неограниченными возможностями «пойти учиться» в дивном не по-земному смысле, без обязательного условия скакать за кожаным мячом. Да и за некожаным тоже. Мне не надо было останавливаться; я располагал любой мыслимой помощью. Я вот что хочу сказать: представьте, что Альберт Эйнштейн бросает все, чтобы помочь тебе по алгебре, или «Рэнд Корпорейшн» и «Дженерал Электрик» объединяются для создания технических средств обучения, чтобы тебе что-нибудь стало ясно.

Такая роскошь почище любого богатства.

Вскоре я понял, что не могу выпить океан, даже поднесенный к самым губам. Знание на одной только Земле разрослось так наглядно, что его не охватить никому. Представьте, каков его объем в Двадцати Вселенных, где у каждой свои законы, своя история и одна Стар знает сколько цивилизаций.

Поступающим на работу на кондитерские фабрики всячески помогают съесть, сколько влезет. Вскоре они пресыщаются.

Я так и не пресытился окончательно; в знании разнообразия больше. Но учебе моей не хватало цели. Тайное Имя Бога в Двадцати Вселенных обнаружить не проще, чем в одной,— а все прочие предметы по размеру одинаковы, если нет природной склонности.

Склонностей у меня не было, я был дилетантом. Я понял это, когда увидел, что моим наставникам скучно со мной. Поэтому я отпустил большую их часть, остановился на математике и мультивселенской истории, бросил попытки узнать все.

Подумывал я о том, чтобы открыть свое дело. Но чтобы получать от бизнеса удовольствие, надо быть бизнесменом в душе. Деньги у меня были; я мог добиться только их потери. В случае выигрыша я нипочем бы не узнал, не результат ли это такого приказа (от любого правительства, откуда угодно): с супругом императрицы нельзя конкурировать, а убытки ваши будут возмещены.

То же самое с покером. Я ввел эту игру, и она довольно быстро прижилась. Вскоре я обнаружил, что не могу больше играть серьезно, а иначе нет смысла. Когда владеешь морем денег, потерять или добавить несколько капель не значит НИЧЕГО.

Тут мне стоит кое-что объяснить: «цивильный лист» Ее Мудрости был, может, и не столь велик, как траты многих крупных транжир на Центре; живут здесь богато. Но он был величины такой, какой хотелось Стар, неисчерпаемым источником богатства. Не знаю, сколько миров оплачивали все счета, но, допустим, тысяч двадцать по три миллиарда людей в каждом... Вообще-то их было больше.

По пенни с каждого из 60.000.000.000.000 людей даст шестьсот миллиардов долларов. Цифры эти не означают ничего, просто показывают, что если распределить все так, что никто ничего и не почувствует, в результате все равно получается денег больше, чем я мог потратить. Неуправление Стар своей не-Империей стоило, полагаю, недешево. Но личные ее и мои траты, сколь угодно большие, не имели значения.

Царь Мидас потерял к своей копилке всякий интерес. Я тоже.

Нет, я тратил деньги. (Хотя не прикасался к ним ни разу — необязательно). Наш «шалаш» — не стану называть его дворцом — был соединен со спортзалом, оборудованным почище зала любого университета; по моей просьбе добавили еще salle d'armes *, и я много занимался фехтованием, баловался чуть не каждый день с любым видом оружия. По моему заказу были изготовлены рапиры, достойные Леди Вивамус, и мне по очереди помогали лучшие мастера клинка нескольких миров. Я велел построить еще и стрельбище, лук мой подобрали в пещере Перехода на Карт-Хокеше, и я тренировался в стрельбе из лука и другого наводящегося оружия. Да, деньги я тратил, как хотел.

Но радости от этого было мало.

Как-то днем сидел я в своем кабинете, ни черта не делая, а только поигрывая вазой, полной драгоценных камней.

---

* Оружейный зал *(фр.)*.

Я когда-то недолго баловался ремеслом ювелира. Оно заинтересовало меня в средней школе; целое лето я проработал у ювелира. Я умею рисовать и был очарован красивыми камушками. Он одалживал мне книги, я доставал в библиотеках другие — а однажды он выполнил один из моих рисунков в камнях.

У меня было Призвание.

Но ювелиры не подлежат отсрочке по призыву, так что я это забросил, вплоть до Центра.

Понимаете, у меня не было другого способа сделать Стар подарок, кроме как изготовить его самому. Так я и сделал. Из настоящих камней я создал ансамбль драгоценностей к одежде, сперва подучившись (как обычно, с помощью специалистов), послав за роскошной подборкой камней, вычертив схемы, отослав камни и рисунки для воплощения.

Я знал, что Стар любит украшенные драгоценностями костюмы; я знал, что ей нравится, когда покрой их рискован, но не в смысле нарушения табу, их там не было. Нужно, чтоб он был соблазнительный, золотящий лилию, подчеркивающий то, что едва ли в этом нуждается. То, что я изобрел, пришлось бы как раз к месту в любом французском ревю — только из настоящих камней. Сапфиры с золотом очень шли к белокурой красоте Стар, и я использовал их. Но ей к лицу любой цвет, и я воспользовался и другими камнями.

Стар была восхищена первой моей пробой и надела ее в тот же вечер. Я гордился ею; образец я свистнул по памяти с костюма, который увидел в первый же вечер после демобилизации на статистке в одном из франкфуртских ночных клубов: полоска ткани на бедрах, длинная прозрачная юбка, с одного бока открытая до бедра и усыпанная блестками (я поставил сапфиры), нечто вроде лифа, только открытого, сплошь в драгоценных камнях, и головной убор под стать. Высокие золотые босоножки с сапфировыми каблуками.

Стар с теплой благодарностью принимала и все последующие.

Но я кое-что понял. Я не создатель драгоценных уборов. У меня не было ни малейшей надежды на то, чтобы сравняться с обслуживавшими богачей Центра профессионалами. До меня быстро дошло, что Стар носит мои ансамбли потому, что это мой подарок, точно так же, как мама прикалывает на стенку детсадовские рисунки, которые сыночек приносит домой. В общем, я все бросил.

Эта ваза с драгоценными камнями торчала в моем кабинете уже несколько недель — опалы-огневки, сардониксы, карнелии, алмазы, бирюза и рубины, лунные камни и сапфиры, гранаты, перидоты, изумруды, хризолиты. У многих названия по-английски не было. Я пропускал их сквозь пальцы, разглядывал многоцветные огнепады, и мне было жаль самого себя. В голову лезли мысли о том, сколько бы такие красивые камушки стоили на Земле. Угадать это я не мог бы с точностью и до миллиона долларов.

Я не брал на себя хлопоты запирать их на ночь. Подумать только, и МНЕ пришлось бросить колледж из-за нехватки сосисок и платы за обучение.

Я оттолкнул их в сторону и подошел к окну, появившемуся потому, что я сказал Стар, что мне не нравится, когда в моем кабинете нет окна. Случилось это по прибытии, и я несколько месяцев не знал, как много было разрушено, чтобы сделать мне приятное. Я-то думал, что просто пробили стену.

Вид был превосходный, похожий больше не на город, а на парк, усеянный, но не загроможденный красивыми зданиями. Трудно было себе представить, что перед тобой город больше, чем Токио; «скелет» его не торчал наружу, а население работало даже на другой половине планеты.

В воздухе стояло похожее на пчелиный улей бормотание, как тот приглушенный рев, от которого нигде не скрыться в Нью-Йорке,— только помягче, как раз настолько, чтобы я осознавал, что окружен людьми, у каждого из которых есть своя работа, своя цель, своя функция.

Моя функция? Консорт *.

Гиголо! **

Стар, не сознавая того, ввела проституцию в мир, никогда ее не знавший. В невинный мир, где мужчина и женщина ложились спать вместе только по той причине, что оба этого хотели.

Принц-консорт — не проститутка. У него своя работа, и она часто утомительна: представлять свою правящую супругу, закладывать первый камень, произносить речи. Кроме того, он, как королевский племенной жеребец, имеет своим долгом обеспечение того, чтобы династия не вымерла.

У меня ничего этого не было. Ни даже обязанности развлекать Стар. Черт, не дальше десяти миль от меня были миллионы мужиков, которые только и ждали такого шанса.

Прошлая ночь прошла неважно. Началась она плохо и перешла в одно из тех утомительных совещаний, которые иной раз случаются у женатых людей и пользы от которых еще меньше, чем от ссор со скандалом. Была и у нас такая, не хуже, чем у любого работяги, которого давят долги и начальство.

Стар сделала то, чего раньше никогда не делала: принесла работу на дом. Пятерых мужиков, озабоченных какой-то межгалактической путаницей,— я так и не понял, какой. Обсуждение ее продолжалось уже часов несколько, и иногда они говорили на неизвестном мне языке.

Меня они не замечали, я был как мебель. Представляются

---

* Супруг царствующей королевы.

** Или жиголо — наемный танцор в дансинге; платный любовник.

на Центре редко: если охота с кем-нибудь поговорить, говоришь; «Сам», потом ждешь. Если он не отвечает, отходишь. Если отвечает, обмениваетесь именами.

Ни один из них ничего не сказал, и черт бы меня побрал, если бы я начал первым. Начать, как гостям в моем доме, положено было им. Но они, судя по их поведению, вовсе не считали это МОИМ делом.

Я сидел, как Человек-Невидимка, постепенно зверея.

Они продолжали свой спор, а Стар сидела и слушала. Потом она позвала служанок, и те начали раздевать ее и расчесывать ей волосы. Центр — не Америка, причины чувствовать себя шокированным у меня не было. То, что делала она, было грубостью по отношению к ним, обращением с НИМИ, как с мебелью (от нее не укрылось, как они обошлись со мной).

Один раздраженно сказал:

— Ваша Мудрость, мне бы все-таки хотелось, чтобы вы нас выслушали, как мы условились. (Я передаю жаргон своими словами.)

Стар холодно сказала:

— О своем поведении сужу я. Больше никто на это не имеет права.

Верно. Она могла разобраться в своем поведении. Они — нет. Да и я, понял я с горечью, тоже не мог. Я чувствовал, что сержусь на нее (хотя и знал, что это не имеет значения), за то что в присутствии этих болванов она позвала своих служанок и стала готовиться ко сну. Я намеревался внушить ей потом, чтобы этого больше не было. Теперь я решил не затрагивать этот вопрос.

Вскоре Стар оборвала их.

— Он прав. Вы — нет. Решить это так. Уходите.

Но я все же вознамерился тишком поставить на своем, выступив против того, чтобы она приводила «торгашей» домой.

Стар оказалась проворнее меня. Как только мы остались наедине, она сказала:

— Прости меня, любовь моя. Я согласилась выслушать эту дурацкую белиберду, а она все тянулась и тянулась, потом я подумала, что смогу закончить быстрее, если вытащу их из кресел, поставлю их здесь и ясно дам понять, что мне надоело. Мне и в голову не приходило, что они проругаются целый час, прежде чем мне удастся выдавить из них суть вопроса. К тому же я знала, что если отложу все до завтра, они затянут дело на несколько часов. А проблема стояла важная, я не могла отбросить ее.— Она вздохнула.— Нелепый этот человечек... И такие люди взбираются на высокие посты... Я было подумала, не случиться ли с ним несчастному случаю. А вместо этого я должна позволить ему исправить свою ошибку, иначе эта ситуация повторится.

Я не смог даже намекнуть, что к своему решению она пришла под влиянием раздражения; человек, которого она раскритиковала, был тем, в чью пользу она решила дело. Ну я и сказал:

— Давай-ка спать, ты устала,— и тут у меня не хватило ума удержаться от того, чтобы самому судить о ней.

ГЛАВА XIX

МЫ ЛЕГЛИ спать.

Немного погодя она сказала:

— Оскар, ты недоволен.

— Я этого не говорил.

— Я это чувствую. И не только из-за сегодняшнего вечера и этих надоедливых клоунов. Ты все время уходишь в себя, и вид у тебя несчастный.

— Пустяки.

— Оскар, все, что тебя тревожит, никогда не будет для меня «пустяком». Хотя я и могу не осознавать этого, пока не пойму, в чем дело.

— Хм, знаешь... я чувствую себя так дьявольски бесполезно!

Она положила свою мягкую, сильную руку мне на грудь.

— Ты не бесполезен для меня. Почему ты сам считаешь себя бесполезным?

— Ну... посмотри на эту кровать!

Кровать эта была такая, о которой американцу и мечтать нечего; она делала все, только не целовала при отходе ко сну — и, так же, как город, она была красива, все было скрыто внутри.

— Этот спальник, если бы его смогли построить дома, стоил бы больше, чем самый лучший дом, в котором живала моя мать.

Она над этим подумала.

— Ты хотел бы послать матери денег?

Она знаком подозвала прикроватный коммуникатор.

— Адреса «База ВВС США в Элмендорфе» хватит?

(Не помню, чтобы говорил ей, где живет мама).

— Нет, нет!— Я махнул на говоруна, отключая его.— Я НЕ хочу посылать ей деньги. О ней заботится ее муж. От меня он денег не возьмет. Дело не в этом.

— Тогда я не понимаю, в чем же дело. Кровати значения не имеют, а вот кто находится в кровати — это важно. Любимый мой, если тебе не нравится эта кровать, мы можем сменить ее. Или спать на полу. Кровати значения не имеют.

— Да нормальная эта кровать. Плохо только то, что заплатил за нее не я. А ты. И за этот дом. И за мою одежду. За пищу, которую я ем. За мои... мои ИГРУШКИ! Черт возьми, все, что у меня

есть, дала мне ты. Знаешь, Стар, кто я такой? Гиголо! Ты знаешь, кто такой Гиголо? Что-то вроде мужика-проститутки.

Одной из самых невыносимых привычек моей жены было то, что иногда она отказывалась огрызаться на меня, когда знала, что мне не терпится поругаться. Она задумчиво посмотрела на меня.

— Америка — страна деловая, верно? Люди, особенно мужчины, все время работают.

— Ммм... да.

— Это даже на Земле не везде в обычае. Француз, если у него есть свободное время, не чувствует себя несчастным; он заказывает еще одно cafe au lait * и копит себе блюдечки. Да и я не влюблена в работу. Оскар, вечер наш пропал из-за моей лени, стремления избежать завтра переделки тяжелого дела. Этой ошибки я не повторю.

— Стар, это неважно. С этим покончено.

— Я знаю. Первый раз редко бывает самым важным. Да и второй тоже. А иногда и двадцать второй. Оскар, ты не гиголо.

— А как же ты это назовешь? Когда что-то похоже на утку, крякает, как утка, и действует, как утка, я называю его уткой. Назови его букетом роз, все равно оно крякает.

— Нет. Вот это все кругом...— она повела рукой.— Кровать. Эта прекрасная комната, пища, что мы едим. Одежда моя и твоя. Прелестные наши бассейны. Дворецкий, дежурящий ночью на тот случай, если ты или я вдруг потребуем певчую птичку или спелую дыню. Наши пленительные сады. Все, что мы видим, чего касаемся, чем пользуемся, чего желаем, и в тысячу раз больше этого в дальних местах — все это ты заработал своими сильными руками; оно твое по праву.

Я фыркнул.

— Серьезно,— настаивала она.— Таково было наше соглашение. Я обещала тебе много приключений, еще больше наград и даже еще больше опасностей. Ты согласился. Ты сказал: «Принцесса, вы наняли себе слугу».— Она улыбнулась.— Такого замечательного слугу. Милый, я думаю, опасности были больше, чем тебе казалось... Так что мне, до последнего времени, доставляло удовольствие то, что и награды больше, чем ты мог бы догадываться. Пожалуйста, не стесняйся принимать их. Ты заслужил это и даже больше. Все, что только ты сможешь и захочешь принять.

— Ээ... Даже если ты права, это слишком. Я тону, как в трясине!

— Но, Оскар, ты не обязан принимать ничего, чего не хочешь. Мы можем жить скромно. В одной комнате со складывающейся в стену кроватью, если тебе этого хочется.

— Это не выход.

---

* Кофе со сливками.

— Может, тебе подошла бы холостяцкая берлога где-нибудь в городе?

— «Выкидываем мои башмаки», да?

Ровным голосом она сказала:

— Муж мой, если ваши башмаки будут когда-нибудь выкинуты, то выкинуть их должны будете вы. Я перепрыгнула через вашу саблю. Обратно я не прыгну.

— Полегче!— сказал я.— Предложение-то было твое. Если я его неправильно понял, извини. Я знал, ты держишь собственное слово. Но может, ты о нем сожалеешь.

— Я не сожалею о нем. А ты?

— Нет, Стар, нет! Но...

— Что-то больно долгая пауза для такого короткого слова,— невесело сказала она.— Ты мне объяснишь?

— Хм... вот в этом-то и дело. Почему ты не объяснила мне?

— Что объяснила, Оскар? Объяснить можно так много всего.

— Ну, основное. Куда я попал. И в частности, что ты императрица всего этого... прежде чем позволять мне прыгать с тобой через саблю.

Выражение ее лица не изменилось, но по щекам покатились слезы.— Я могла бы ответить, но ты меня и не спрашивал...

— Я не знал, о чем спрашивать!

— Это верно. Я могла бы, не греша против истины, заявить, что, если бы ты спросил, я ответила бы. Я могла бы возразить, что не «позволяла» тебе прыгать через саблю, что ты отверг мои возражения насчет того, что необязательно оказывать мне честь вступления в брак по законам твоего народа... что я просто баба, которую можно опрокинуть, когда придет охота. Я могла бы заметить, что я не императрица, не королевских кровей, а работница, дело которой не позволяет ей даже роскоши побыть благородной. Это все справедливо. Но я не стану за этим прятаться; я прямо отвечу на твой вопрос.— Она перескочила на невианский.— Милорд Герой, я панически боялась, что если не покорюсь вашей воле, вы оставите меня!

— Миледи жена, неужели вы полагали всерьез, что ваш рыцарь бросит вас в минуту опасности?— Я продолжил по-английски.— Значит, вот где собака зарыта. Ты вышла за меня замуж потому, что Яйцо должно было быть снесено любым способом, а Ваша Мудрость подсказывала тебе, что для этой работы необходим я — и что если ты за меня не выйдешь, я сломаюсь. Да, Ваша Мудрость тут дала маху; я не смываюсь. Глупо это с моей стороны, но я упрям.— Я стал вылезать из постели.

— Милорд любовь!— Она ревела в открытую.

— Извини. Надо найти пару ботинок. Посмотрим, далеко ли я смогу их зашвырнуть.

Я вел себя гнусно, как мог вести себя только мужик с раненой гордостью.

— Пожалуйста, Оскар, ну, пожалуйста! Выслушай меня сначала!

Я тяжело вздохнул.

— Говори.

Она схватила меня за руку, да так крепко, что если бы я попытался высвободиться, то потерял бы пальцы.

— Выслушай меня. Любимый мой, все было не так, Я знала, что ты не откажешься от нашего похода, пока он не кончится или пока мы не умрем. Я ЗНАЛА! У меня не только были сообщения за несколько лет до того, как я тебя вообще увидела, но мы ведь еще делили и радость, и опасность, и трудности; я знала тебе цену. Но если бы такое понадобилось, я опутала бы тебя сетью из слов, убедила бы согласиться лишь наполовину — пока не кончится поход. Ты романтик, ты согласился бы. Но милый, милый! Я ХОТЕЛА выйти за тебя замуж... связать тебя с собой по ТВОИМ правилам, так, чтобы...— она остановилась сглотнуть слезы,— так, чтобы когда ты увидел все это — и это, и то, и все, что ты зовешь «своими игрушками»,— ты ВСЕ РАВНО остался бы со мной. Это была не политика, это была любовь, любовь нерассуждающая и романтическая, любовь к самому тебе, милый.

Она уронила голову в сложенные ладони, и мне было едва ее слышно.

— Но я так мало знаю о любви. Любовь, как бабочка, что светит там, где сядет, и улетает, когда вздумается; цепями ее никогда не удержишь. Я согрешила. я попыталась удержать тебя. Знала я, что это нечестно, теперь я вижу, что это было грубо по отношению к тебе.

Стар с вымученной улыбкой на лице подняла взгляд.

— Даже у Ее Мудрости нет мудрости, когда в ней затронута женщина. Но, хоть я и глупая баба, я не настолько упряма, чтобы не понимать, что причинила вред любимому человеку, когда меня тычут в это носом. Пойди, пойди, принеси свою саблю; я перепрыгну через нее обратно, и рыцарь мой освободится из своей шелковой клети. Идите, милорд Герой, пока дух мой тверд.

— Сходи достань собственную шпагу, болтушка. Давно уже пора задать тебе трепку.

Внезапно она рассмеялась, как девчонка-сорванец.

— Но ведь моя шпага осталась в Карт-Хокеше, милый, Ты разве не помнишь?

— На этот раз ты не уйдешь!

Я сцапал ее. Стар увертлива, хоть и не малютка, и мускулы у нее на удивление. Но у меня преимущество в весе, да и боролась она не так упорно, как могла бы. Но все-таки я и кожу попортил, и синяков нахватался, прежде чем зажал ее ноги и завернул одну руку

за спину. Я от души выдал ей пару шлепков, по силе как раз, чтобы каждый палец розово отпечатался, а потом интерес у меня пропал.

Вот и скажите мне, эти слова вышли прямо из ее сердца или это была игра самой умной женщины Двадцати Вселенных?

Стар сказала:

— Я рада, мой прекрасный, что грудь у тебя не то что у некоторых, не собирает царапины, как полировка.

— Я еще ребенком был красив. Сколько грудей ты уже проверила?

— Так, вразброс, для примера. Милый, ты решил оставить меня?

— Пока да. Сама понимаешь, при условии хорошего поведения.

— Я бы предпочла, чтобы меня оставили при условии плохого поведения. Однако, пока ты в хорошем настроении — если я не ошибаюсь,— мне лучше рассказать тебе еще кое-что и принять порку, если она неизбежна.

— Ты слишком торопишься. Один раз в день — это максимум, ясно?

— Как вам угодно, сударь. Да, сэр, господин начальник. Я прикажу утром, чтобы привезли мою шпагу, и ты можешь лупить меня ею в любое свободное время, если уверен, что сможешь меня поймать. Но это я должна высказать и сбросить бремя со своей груди.

— Ничего на твоей груди нет. Если только не считать...

— Ну подожди! Ты ходишь к нашим врачам?

— Раз в неделю.

Самым первым, о чем распорядилась Стар, было исследование моей особы, настолько тщательное, что осмотр призывников в сравнении с ним стал казаться поверхностным.

— Главный мясник твердит, что у меня не залечены раны, но я ему не верю; никогда не чувствовал себя лучше.

— Он тянет время, Оскар, по моему приказу. Ты здоров, я работаю достаточно умело и лечила тебя со всей тщательностью. Однако, милый, я поступила так из эгоизма, и ты сейчас должен сказать мне, не обошлась ли я опять с тобой грубо и несправедливо. Я признаю, что действовала исподтишка. Но намерения у меня были добрые. Тем не менее, как первый урок моего ремесла, я знаю, что добрые намерения являются источником больших бед, чем все остальные причины, вместе взятые.

— Стар, о чем ты толкуешь? Источником всех бед являются женщины.

— Да, любимый. Потому что они постоянно полны добрых намерений и могут это доказать. Мужчины иногда поступают, исходя из рассудочно-эгоистических побуждений, а это безопаснее. Но не часто.

— Это потому, что половина их предков женского пола. Поче-

му же я получал назначения на прием к врачам, если они мне не нужны?

— Я не говорила, что они тебе не нужны. Но ты можешь так не считать. Оскар, ты уже давно проходишь курс долгожизни.

Она смотрела на меня, будто готовясь к защите или отступлению.

— Черт возьми, вот это да!

— Ты против? На этой стадии все еще можно поправить.

— Я об этом не думал.

Я знал, что на Центре можно пройти курс долгожизни, но знал и то, что он строго ограничен. Его мог получить любой — прямо перед эмиграцией на малонаселенную планету. Коренные жители должны стариться и умирать. Это было одним из немногих дел, в которых один из предшественников Стар вмешался в местное управление. Центр с практически побежденными болезнями и огромным достатком, как магнит, влекущий миллионы людей, становился уже перенаселенным, особенно, когда среднестатистический возраст умирания подскочил от долгожизни до небес.

Строгое это постановление проредило толпы. Некоторые проходили курс долгожизни рано, переступали сквозь Врата и пытали счастья в диких местах. Большинство дожидалось того самого первого звонка, который доносит до сознания мысль о смерти, а потом решали, что они не слишком стары для перемен. А были и такие, что не сдавались и умирали, когда приходило их время.

Первый звонок был мне знаком; мне его прозвонил тот боло, в джунглях.

— Знаешь, у меня, кажется, возражений нет.

Она с облегчением вздохнула.

— Я не была в этом уверена, но не надо было подмешивать его тебе в кофе. Я заслуживаю шлепка?

— Мы включим это в список того, что ты уже заработала, и выдадим тебе все сразу. Может, тебя и не покалечит. Стар, а какова продолжительность долгожизни?

— На это нелегко ответить. Очень немногие из тех, кто прошел ее, умерли в постели. Если ты будешь жить такой деятельной жизнью, в какой я — судя по твоему темпераменту — уверена, то очень маловероятно, что ты умрешь от старости. Или от болезни.

— И я никогда не состарюсь?

К этому надо привыкнуть.

— Да нет, можно и состариться. Хуже того, старость пропорционально удлиняется. Если не сопротивляться. Если это позволят окружающие. Тем не менее... Милый, сколько ты мне дашь по виду? Отвечай не сердцем твоим, а только глазами. По земным нормам. Не скрывай правды, я знаю ответ.

Смотреть на Стар всегда было одно удовольствие, но я поста-

рался посмотреть на нее свежим взглядом, поискать признаки осени — в наружных уголках глаз, ладонях, крохотных изменениях на коже. Черт, даже складочки нет. Однако я знал, что у нее и внук есть.

— Стар, когда я увидел тебя впервые, то дал тебе восемнадцать. Ты повернулась другой стороной, и я немного накинул. Сейчас, глядя в упор и без всяких скидок — не больше двадцати пяти. И это только потому, что у тебя зрелые черты лица. Когда ты смеешься, больше двадцати тебе не дать; когда подлизываешься, или чем-то поражена, или восторгаешься вдруг щенком, или котенком, или еще чем, тебе где-то около двенадцати. Я имею в виду выше подбородка; ниже подбородка младше восемнадцати тебе не прикинуться.

— Да, и для восемнадцати изрядно полногрудой,— добавила она.— Двадцать пять земных лет — по земным стандартам роста — это именно та цель, в которую я метила. Возраст, когда женщина перестает расти и начинает стареть. Оскар, при долгожизни видимый возраст — дело вкуса. Возьми моего дядю Джозефа — того, который иногда зовет себя «Граф Калиостро». Он остановился на тридцати пяти, потому что, как он говорит, все, кто помоложе, мальчишки. Руфо предпочитает выглядеть старше. Он говорит, что это приносит ему почтительное обращение, удерживает его от ссор с молодыми людьми — и одновременно позволяет ему подсунуть сюрприз мужику помоложе, если один из них все же нарвется на стычку, ибо, как ты знаешь, почтенный возраст Руфо проявляется в основном выше подбородка.

— Или сюрприз, который он может преподнести женщинам помоложе,— предположил я.

— С Руфо ни в чем нельзя быть уверенным. Любимый мой, я еще не кончила свой рассказ. Частично это умение научить тело излечивать самое себя. Вот здешние твои уроки языка — не было ни одного из них, чтобы гипнотерапевт не ловил случая дать твоему телу урок через спящий твой мозг, после собственно урока языка. Часть видимого возраста — это косметическая терапия (Руфо не обязательно быть лысым), но большая часть контролируется мозгом. Когда ты решишь, какой возраст тебе подходит, его можно начать отпечатывать.

— Я об этом подумаю. Не хочется мне выглядеть намного старше тебя.

Стар была восхищена.

— Спасибо, дорогой! Ты видишь, какой я была эгоисткой.

— Как это? Я что-то не заметил.

Она положила свою руку на мою.

— Мне не хотелось, чтобы ты состарился и умер! Пока я остаюсь молодой.

Я захлопал на нее глазами.

— Слушайте, миледи, ну и эгоистично же это с вашей стороны, верно? Но ведь ты могла покрыть меня лаком и хранить в спальне, как твоя тетушка.

Она сделала гримаску.

— Противный. Она их не лакировала.

— Стар, я что-то не видал здесь ни одного их этих трупов-сувениров.

Она удивилась.

— Да ведь это на той планете, где я родилась. В этой же Вселенной, но у другой звезды. Разве я тебе не говорила?

— Стар, милая моя, ты, как правило, ничего не говоришь.

— Прости меня. Оскар, мне не хочется ошарашивать тебя сюрпризами. Спрашивай меня. Нынче ночью. Все что хочешь.

Я прикинул в уме. Интересно мне было насчет одной вещи, точнее отсутствия кое-чего. Но может, у женщин ее расового типа другой ритм? Но меня останавливал тот факт, что я женат на бабушке. Да и сколько ей лет?

— Стар, ты не беременна?

— Да что ты, нет, дорогой. Ой! Ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы у нас были дети?

Я заспотыкался, пытаясь объяснить, что не уверен в том, что это возможно. Вдруг она и была беременна. Стар забеспокоилась.

— Я, наверное, снова тебя огорчу. Лучше мне рассказать все сразу. Оскар, я была воспитана для жизни в роскоши не больше, чем ты. Приятное детство, семья моя жила на ранчо. Я рано вышла замуж и была простым учителем математики, увлекаясь на досуге предположительной и вариантной геометриями. Я хочу сказать, магией. Трое детей. Мы неплохо ладили с мужем... пока меня не выбрали. Я была не отобрана, а просто названа для обследования и возможной подготовки. Он знал, когда женился на мне, что я кандидат по наследству — но ведь таких многие миллионы. Это казалось неважным. Он хотел, чтобы я отказалась. Я чуть так и не сделала. Но когда я дала согласие, он... в общем, он «выкинул мои башмаки». Там у нас это делается официально. Он поместил объявление в газете, что я больше ему не жена.

— Ах, вот как? Ты не против, если я разыщу его и переломаю ему руки?

— Лапушка ты моя! Это было много лет назад и очень далеко отсюда; он давно уже мертв. Это не имеет никакого значения.

— Ну, как бы то ни было, он мертв. А твои трое детей — один из них отец Руфо? Или мать?

— О, нет! Это было потом.

— Ну так?

Стар сделала глубокий вдох.

— Оскар, у меня около пятидесяти детей.

Это стало последней каплей. Слишком много потрясений, и это, видно, отразилось на моем лице, ибо лицо Стар выразило глубокую озабоченность. Она заторопилась с объяснением.

Когда ее выбрали в наследники, то произвели в ней кое-какие изменения, хирургические, биохимические и эндокринные. Ничего серьезного вроде удаления яичников не делали, и цели другие, да и методы потоньше, чем наши. Однако в результате около двухсот крошечных частиц Стар — яйцеклеток в живущем и латентном состоянии — были помещены на хранение при почти абсолютном нуле.

Около пятидесяти было приведено в действие, в основном императорами давно уже мертвыми, но «живущими» в хранимом своем семени — генетические рисковые ставки на получение одного или больше будущих императоров. Стар их не вынашивала; время наследника слишком драгоценно. Большинство из них она никогда не видела; отец Руфо был исключением. Она не говорила, но мне кажется, Стар нравилось, когда рядом ребенок, чтобы ласкать и играть с ним, пока трудные первые годы ее правления и Поход за Яйцом не отобрали у нее все свободное время.

У изменений этих была двойная цель: получить от одной матери несколько сот детей звездной магии и высвободить мать. С помощью каких-то ухищрений эндокринного контроля Стар оставалась нетронутой ритмом Евы, но во всех отношениях молодой — ни таблеток, ни гормонных инъекций; это было навсегда. Она была просто здоровой женщиной, у которой не бывало «плохих дней». Сделано это было не для ее удобства, а для гарантии, что ее суждения в качестве Великого Судьи не окажутся подорванными ее гландами.

— Это только разумно,— серьезно сказала она.— Я помню, что бывали дни, когда я без всякой причины могла голову оторвать самому близкому человеку, а потом удариться в рев. Во время такой бури невозможно рассуждать хладнокровно.

— Э-э-э, а это повлияло на твои склонности? Я имею в виду твое желание к...

Она от души рассмеялась.

— А как ТЫ считаешь?

Она серьезно добавила:

— ЕДИНСТВЕННЫМ, что серьезно влияет на мое либидо — *я имею в виду, ухудшает его,— является...* (*является?* Крайне странная структура у английского) является-являются эти разнесчастные отпечатки. Иной раз выше, иной ниже — да ты помнишь некую даму, чьего имени мы поминать не будем, которая так людоедски повлияла на меня, что я не осмеливалась близко подойти к тебе, пока не изгнала из себя черную ее душу! Светская

отпечатка влияет также и на мои суждения, поэтому я никогда не слушаю дел до тех пор, пока не переварю самую последнюю. Ох, и рада же я буду, когда они кончатся!

— Я тоже.

— Не так, как Я. Но, не считая этого, милый, я не слишком сильно меняюсь как женщина, и ты это знаешь. Простая моя, обычная неприличная натура, которая кушает маленьких мальчиков за завтраком и сманивает их перепрыгивать через сабли.

— Сколько сабель?

Она пристально на меня посмотрела.

— С тех пор, как первый муж выкинул меня из дому, я не вступала в брак, пока не вышла замуж за ВАС, мистер Гордон. Если вы имели в виду нечто иное, то мне думается, что вы не вправе точить на меня зуб из-за того, что происходило еще до вашего рождения. Если вам нужны подробности происходившего за отчетный период, я готова удовлетворить ваше любопытство. Ваше, я бы сказала, нездоровое любопытство.

— Тебе охота похвастаться. Я не стану потакать этому, девчонка.

— Мне НЕохота хвастаться. Мало о чем я могу похвастать. Кризис Яйца практически не оставил мне времени побыть женщиной, черт его побери! Пока не явился Оскар-Петух. Благодарю вас, сэр.

— И не забывайте разговаривать вежливо.

— Да, сэр Петушок! Но ты завел нас далеко от наших баранов, дорогой. Если тебе нужны дети — ДА, милый. Осталось еще около двухсот тридцати яйцеклеток, и принадлежат они МНЕ. Не будущему. Не дражайшим людям, да будут благословенны жадные их сердчишки. Не тем играющим в богов манипуляторам наследственности. МНЕ! Это все, чем я владею. Все остальное — это ex officio *. Но эти — МОИ... и если они нужны тебе, то они и твои, мой единственный.

Мне бы надо сказать: «ДА!» — и поцеловать ее. А что я сказал?

— Ээ, давай не будем торопиться.

Лицо ее вытянулось.

— Как будет милорду Герою-мужу угодно.

— Слушай, кончай со своей невианской формалистикой. Я хотел сказать, в общем, к этому надо привыкнуть. Шприцы и прочее, короче, возня со специалистами. И я хоть понимаю, что у тебя нет времени самой выносить ребенка...

Я пытался пролепетать, что с тех самых пор, как меня просветили насчет Аиста, я принимал за данное обычную организацию, а искусственное осеменение даже корове устраивать не очень-то

---

* По должности *(лат.)*.

красиво, и что это дело с субподрядчиками с обеих сторон приводило мне на память прорези в продукции «Хорн и Хардарт» или выписанный по почте костюм. Но пройдет какое-то время, и я приспособлюсь. Точно так же, как она приспособилась к чертовым своим отпечаткам...

Она сжала мне руки.

— Милый, да тебе же не нужно!

— Чего не нужно?

— Возиться со специалистами. И выносить твоего ребенка я НАЙДУ время. Если тебе не противно смотреть, как будет распухать и раздаваться мое тело — да, да, это так, я помню — тогда я с радостью пойду на это. Все, в том что касается тебя, будет, как у прочих людй. Никаких шприцов. Никаких специалистов. Ничего, что бы могло задеть твою гордость. Нет, надо мной придется поработать. Но я привыкла к обращению с собой. как с коровой-рекордисткой; для меня это все равно, что промыть шампунем волосы.

— Стар, ты готова пережить девять месяцев сплошных неудобств — и возможно умереть при родах,— чтобы избавить меня от минутного недовольства?

— Я не умру. Трое детей, ты помнишь? Они появились нормально, без хлопот.

— Но ведь, как ты сама сказала, это было «много лет назад».

— Неважно.

— Э-э, сколько лет? («Сколько лет тебе, жена моя?» — вопрос, который я все еще не осмеливался задать.)

У нее, вроде, упало настроение.

— Разве это имеет значение, Оскар?

— Ммм, да, пожалуй, нет. Ты соображаешь в медицине куда больше моего...

Она медленно сказала:

— Ты ведь спросил, сколько мне лет, так?

Я ничего не сказал. Она немного подождала, затем продолжила:

— Одна из старых пословиц твоего мира гласит, что женщине столько лет, насколько она себя чувствует. А я чувствую себя молодо, и я действительно молода, и жизнь мне нравится, и я могу выносить ребенка — и даже не одного — в своем собственном животе. Но я знаю — ох, как знаю!— что беспокоишься ты не только из-за того, что я слишком богата и занимаю не слишком легкое для мужа положение. Да, эту сторону я знаю прекрасно; из-за этого меня отверг мой первый муж. Но он-то был моих лет. Самым грубым и несправедливым из всего, что я сказала, было то, что я знала, что мой возраст может иметь для тебя большое значение. И все же я молчала. Вот почему так разгневан был Руфо. После того, как ты уснул той ночью в пещере Леса Драконов, он мне так

и сказал разящими словами. Он сказал, что знает, что я не упускаю случая увлечь молоденького парнишку, но никогда не думал, что я опущусь до того, что склоню одного из них на брак, сначала не сказав ему всего. Он никогда не был особо высокого мнения о своей бабке, как он сказал, но на этот раз...

— Замолчи, Стар!

— Да, милорд.

— Это не значит ровным счетом ни черта!— Я так твердо это сказал, что сам в это поверил, и верю сейчас.

— Руфо неизвестно, о чем думаю я. Ты моложе, чем завтрашний рассвет,— и такой ты будешь всегда. Больше я ничего слушать не желаю!

— Хорошо, милорд.

— Это ты тоже брось. Говори просто: «О'кей, Оскар».

— Да, Оскар. О'кей.

— Так-то лучше, если не хочешь нарваться на еще одну порку. А то я слишком устал.— Я сменил тему.— Насчет этого второго вопроса... Если под рукой есть другие способы, то не вижу причины растягивать твой милый животик. Я неотесанная деревенщина, вот и все; не привычен я ко столичному обхождению. Когда ты предлагала сделать все самой, ты хотела сказать, что тебя снова могут сделать такой, какой ты была?

— Нет, я просто стала бы как матерью по наследству, так и матерью-кормилицей.— Она улыбнулась, и я понял, что делаю успехи.— Но экономя при этом кругленькую сумму тех денег, которые ты не хочешь тратить. Те крепкие, здоровые женщины, которые вынашивают чужих детей, берут недешево. Четверо детей — и они могут уйти на покой, десяток делает их состоятельными.

— Да уж я думаю, они должны брать прилично! Стар, я не против траты денег. Я готов согласиться, если ты так считаешь, что заработал больше, чем трачу, своим трудом в качестве героя-профессионала. Эта работа тоже не из сладких.

— Ты свое заслужил.

— А при этом столичном способе рожать детей... Выбирать можно? Мальчика или девочку?

— Конечно. Мужские сперматозоиды движутся быстрее, их можно отсортировать. Вот почему Мудрейшества обычно бывают мужчинами — я была внеплановой избранницей. У тебя будет сын, Оскар.

— Могу и девочку выбрать. Слабость у меня к маленьким девочкам.

— Хоть мальчика, хоть девочку — или обоих сразу. Или столько, сколько нужно.

— Дай мне подготовиться, Стар. Вопросов тьма — а я думаю не так здорово, как ты.

— Ну да!

— Если ты думаешь не лучше меня, значит, клиентов безбожно обжуливают. Ммм, а мужское семя тоже можно отправить на хранение так же легко, как и яйцеклетки?

— Намного легче.

— Вот и весь ответ, который нам сейчас нужен. Я не слишком щепетилен насчет шприцов; в свое время я выстоял достаточно армейских очередей. Я схожу в клинику или там куда нужно, потом мы сможем не спеша все решить. А когда решим,— я пожал плечами,— отправим открытку и — ЩЁЛК! — мы уже родители. Или нечто вроде. Отсюда — делом пусть занимаются специалисты и те крепкие бабенки.

— Слушаюсь, мило... О'кей, милый!

Куда лучше. Выражение лица почти как у девчонки. В точности, как у шестнадцатилетки: новое вечернее платье и восхитительное, бросающее в дрожь смущение от мужских взглядов.

— Стар, ты вот сказала, что самым важным часто бывает не второй, а даже двадцать второй раз.

— Да.

— Я знаю, что со мной не так. Могу тебе рассказать, и, может, Её Мудрейшество подскажет ответ.

Она на секунду закрыла глаза.

— Если ты сможешь открыться мне, мой ласковый, Её Мудрейшество найдет решение, даже если мне придется вдребезги разнести все вокруг и собрать снова, но уже по-другому. Отсюда и до следующей галактики, или я уйду с работы Мудрейшества!

— Вот это уже больше похоже на мою Счастливую Звезду. Ну так вот, дело не в том, что я гиголо. Во всяком случае, на кофе с пирожным я себе заработал; Пожиратель Душ и в самом деле чуть не сожрал мою душу, форму ее он определил в точности — он... оно — оно знало такое, что я давно забыл. Мне туго пришлось, и плата должна быть высока. Дело не в твоем возрасте, милая. Кого волнует, сколько лет Елене Троянской? Возраст, нужный тебе, навеки с тобой — разве может мужчина быть счастливее меня? Я не испытываю зависти к твоему положению — мне его и с шоколадным кремом не надо. Не ревную я и к бывшим в твоей жизни мужчинам — счастливчики! Или даже к теперешним, покуда я не начну спотыкаться об них, пробираясь в ванную.

— В моей жизни нет теперь других мужчин, милорд муж.

— У меня не было оснований так думать. Однако всегда наступает следующая неделя, и даже у тебя, любимая, об ЭТОМ не может появиться Видения. Ты научила меня, что брак не является разновидностью смерти. Да и ты, вертушка, явно не покойница.

— Ну, может, не Видение,— созналась она.— Но чувство есть.

— Я бы на него не полагался. Я читал «Доклад Кинси».

— Что за доклад?

— Он опроверг русалочью гипотезу. О замужних женщинах. Забудем это. Гипотетический вопрос: если бы на Центре появился Джоко, сохранилось бы у тебя это чувство? Нам следовало бы пригласить его остановиться у нас.

— Доралец никогда не покинет Невии.

— Нечего винить его, Невия прекрасна. Я сказал: «Если, если появится», ты предложишь ему «крышу, стол и постель»?

— Это,— твердо сказала она,— решать ВАМ, милорд.

— Скажем по-другому: «Хочешь ли ты, чтобя я унизил Джоко, не отплатив ему за гостеприимство? Старого, благородного Джоко, который оставил нас в живых, хотя мог вполне убить? Чей дар — стрелы и все прочее, включая новую санитарную сумку — поддерживал нашу жизнь и позволил нам отвоевать Яйцо?

— По невианским обычаям вопрос крыши, стола и постели,— не отступала она,— решает МУЖ, милорд муж.

— Мы же не в Невии, и здесь у жены есть свое мнение.

Она озорно ухмыльнулась.

— А в это твое «если» входит Мьюри? Или Летва? Они его любимицы, без них он ни за что не станет путешествовать. И как насчет этой маленькой — как ее там? — нимфочки?

— Сдаюсь. Я просто пытался доказать, что прыжок через саблю не превращает бойкую девчонку в монашку.

— Я сознаю это, Герой мой,— ровным голосом сказала она.— Все, что я могу сказать,— это то, что я намерена, чтобы эта девчонка никогда не доставляла своему Герою беспокойства ни на минуту, а мои намерения обычно осуществляются. Я ведь выбрана «Ее Мудростью» не за красивые глаза.

— Вполне справедливо. Я никогда и не думал, что ты явишься причиной беспокойства такого сорта. Я хотел только показать, что загадка эта может оказаться не такой уж трудной. Черт возьми, мы отошли от темы. Главная моя забота вот в чем. Я ни на что не пригоден. Я никчемен.

— Что ты, миленький! Для меня ты вполне хорош.

— Но не для себя. Стар, я хоть и не гиголо, но не могу я быть комнатной собачкой. Даже твоей. Вот смотри, у тебя работа есть. Она дает тебе занятие, она важна. А я? Мне нечего делать, абсолютно нечего! — нечего, кроме разве изобретения плохих украшений. Ты знаешь, что я такое? Герой по профессии, так ты мне сказала; ты завербовала меня. А сейчас я в отставке! Тебе известно во всех Двадцати Вселенных что-нибудь бесполезнее Героя в отставке?

Она назвала парочку. Я сказал:

— Ты тянешь время. Они, во всяком случае, нарушают однообразие мужской груди. Я серьезно, Стар. Именно эта причина делает

жизнь со мной невыносимой. Я прошу тебя, милая, обрати на нее весь ум, привлеки всех своих призрачных помощников. Подойди к ней, как к любой проблеме Империи. Забудь, что я твой муж. Продумай полностью мое положение, взвесь все, что ты знаешь обо мне, и скажи, что стоящего я могу сделать со своими руками, головой и жизнью. При том, каков я есть.

Несколько долгих минут она не шевелилась; на лице — профессиональная отрешенность, которую я наблюдал в те часы, когда следил за ее работой.

— Ты прав,— наконец сказала она.— На этой планете тебе не с чем померяться силами.

— Так что же мне делать?

Безжизненным голосом она сказала:

— Ты должен уйти.

— Что?

— Муж мой, неужели ты думаешь, что мне легко это выговорить? Ты думаешь, что мне нравится большинство решений, которые я обязана принимать? Но ты просил меня подумать над этим по-деловому. Я подчинилась. Ответ таков: тебе нужно покинуть эту планету... и меня.

— Стало быть, мои башмаки все равно вылетают отсюда?

— Не терзай себя, милорд. Другого ответа нет. Я могу уклониться и прибегать к женским уловкам только в личной своей жизни; я не могу не думать, если соглашаюсь на это в качестве «Ее Мудрости». Ты должен покинуть меня. Но твои башмаки не вылетят отсюда. Нет, нет, нет! Да, ты уедешь, потому что иначе нельзя. Не потому, что этого хочу я.— Ее лицо не изменило выражения, но слезы полились вновь.— Нельзя проехать верхом на кошке... поторопить улитку... или научить змею летать. Или сделать пуделя из Героя. Я знала об этом, но отказывалась это признавать. Ты будешь делать то, что должен... А башмаки твои всегда будут стоять у моей постели. Я тебя никуда не отсылаю! — Она сморгнула слезы.— Не хочу солгать тебе, даже молчанием. Не стану утверждать, что здесь не появится никаких других башмаков... если тебя не будет очень долго. Я была одинока. Слов нет, чтобы выразить, до какого одиночества доводит эта работа. Когда ты уйдешь... мне будет еще более одиноко, чем всегда. Но когда ты вернешься, башмаки свои ты найдешь здесь.

— Когда я вернусь? Это у тебя Видение?

— Нет, милорд Герой. У меня только чувство... что если вы будете живы... то вернетесь. Возможно, не однажды. Но герои не умирают в постели. Даже такие, как вы.

Она зажмурилась. Слезы высохли, и голос ее стал ровным.

— А теперь, милорд муж, если вам угодно, то не пора ли нам притушить свет и отдохнуть?

Мы так и сделали, и она положила мне голову на плечо и не стала плакать. Но мы не спали. После полной боли паузы я сказал:

— Стар, ты слышишь то, что слышу я?

Она подняла голову.

— Я ничего не слышу.

— Город. Тебе не слышно его? Люди. Машины. Даже мыслей так густо, что это чувствуется костями. Только ухом не слышно.

— Да, эти звуки я знаю.

— Стар, тебе здесь НРАВИТСЯ?

— Нет. От меня никогда не требовалось, чтобы мне здесь нравилось.

— Слушай, черт побери! Ты сказала, что я обязан уехать. ДАВАЙ СО МНОЙ!

— О, Оскар!

— Что тебя с ними связывает? Разве мало того, что Яйцо возвращено? Пусть они выберут новую жертву. Давай опять вместе пойдем по Дороге Славы! Где-нибуь да должна же быть работа по моей специальности.

— Дело для героев всегда найдется.

— Значит, так, мы организуем с тобой компанию. Геройство — неплохая работенка. Питаешься нерегулярно и оплата непостоянная — зато скучать не приходится. Напишем объявления: «Гордон и Гордон, Героизм за Умеренную Цену. Выполняются любые заказы. Истребление драконов согласно контракту, точность гарантирована; в противном случае оплата не взимается. По иным видам работы договорные соглашения. Странствия, спасение дев, отыскивание золотых рун круглосуточно!»

Я пытался пошутить над ней, но со Стар не пошутишь. Она ответила серьезно, честь по чести:

— Оскар, если уходить в отставку, то сначала мне необходимо подготовить наследника. Это верно, никто мне не может приказывать, но на мне лежит долг подготовить себе замену.

— И сколько на это потребуется?

— Немного. Лет тридцать примерно.

— ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!

— Я, наверное, смогла бы сбавить срок до двадцати пяти.

Я вздохнул.

— Стар, ты знаешь, сколько мне лет?

— Да. Нет еще и двадцати пяти. Но старше ты не станешь!

— Да ведь сейчас-то мне все еще двадцать пять. Больше-то я никогда еще и не жил. Прожить двадцать пять лет в качестве домашнего пуделя, и я уже не буду героем, да и ничем другим. У меня последний умишко пропадет.

Она подумала над этим.

— Да. Верно.

Она повернулась на другой бок, мы легли ложечкой и стали делать вид, что спим.

Спустя какое-то время я почувствовал, как вздрагивают ее плечи, и понял, что она рыдает.

— Стар?

Она не повернула головы. Я услышал лишь прерывистый голос:

— О, мой любимый, мой самый любимый! Если бы мне было хоть на СОТНЮ лет меньше!

ГЛАВА XX

ДРАГОЦЕННЫЕ бесполезные камни просеялись сквозь мои пальцы; я равнодушно отпихнул их в сторону. Если бы мне было хоть на сотню лет больше...

Но Стар была права. Она не могла оставить позиции до прибытия смены. Смены, подлинной в ее смысле, не в моем и ни в чьем ином. А мне было больше невмоготу оставаться в этой раззолоченной тюрьме; я скоро начал бы биться головой об решетку.

Тем не менее мы оба хотели быть вместе.

Самой по-настоящему паршивой пакостью было то, что я знал — точно так же, как и она,— что каждый из нас забудет. По крайней мере, кое-что. Достаточное для того, чтобы появились другие башмаки, другие мужики и она снова бы стала смеяться.

И я тоже... Она предвидела это и спокойно, мягко, с тонким пониманием чувств другой стороны, косвенным образом дала мне понять, что мне незачем чувствовать себя виноватым, когда в следующий раз я начну ухаживать за другой девушкой, в другой стране, где-то далеко.

Так почему же я так гнусно чувствовал себя?

Как же я попал в такую ловушку, где никуда не повернуться, чтобы волей-неволей не выбирать между жестокостью к своей возлюбленной или полной деградацией?

— Читал я где-то о человеке, который жил на высокой горе, потому что у него была астма удушающего, убивающего вида, жена его жила прямо под ним, на побережье, из-за болезни сердца. Ей высота была противопоказана. По временам они смотрели друг на друга в телескопы.

Утром разговора об уходе Стар в отставку не заходило. Негласным quid pro quo было то, что если она намерена выйти в отставку, я проторчу до этих пор (ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!) где-нибудь поблизости. Ее Мудрейшество пришла к выводу, что это не по силам, и не стала об этом говорить. Мы роскошно позавтракали, держа себя в приподнятом настроении и храня сокровенные мысли при себе.

О детях тоже не вспоминали. Да нет, я решил найти ту клинику и сделать то, что надо. Ведь ей захочется смешать свою звездную породу с моей обычной кровью, пожалуйста, хоть завтра или через сто лет. Или нежно улыбнуться и приказать выкинуть ее вместе с прочим мусором. Из моей семьи никто даже мэром городишка-то не был, а тягловую скотину не выставишь на скачки Ирландского Тотализатора. Если бы Стар скомпоновала из наших генов ребенка, он был бы сентиментальным «залогом любви», просто пуделем помоложе, с которым она могла бы забавляться, прежде чем позволить ему идти другим путем. Не больше чем сентиментальность, столь же слащавая, если не столь же патологическая, как у ее тетушки с мертвыми мужьями, ибо Империуму подозрительная моя кровь была не нужна.

Я поднял глаза на висящую напротив меня саблю. Я не притрагивался к ней с того вечера, когда Стар решила нарядиться в одеяние Дороги Славы. Я снял ее, нацепил и вынул из ножен — почувствовал знакомый прилив энергии и внезапно представил себе долгую дорогу и замок на холме.

Какие у рыцаря могут быть обязанности перед дамой сердца, когда поход окончен?

Кончай валять дурака, Гордон! Каковы обязанности МУЖА перед ЖЕНОЙ? Вот эта самая сабля: «Прыгайте, Жулик с Принцессой, во всю прыть, Моей женой должна ты ВЕЧНО быть...» «...в богатстве и в бедности, в доброте и во зле... люби и лелей до конца своих дней». Вот что я хотел сказать своей рифмовкой, и это понимала Стар, и я это понимал,— и тогда, и сейчас.

Когда мы давали клятву, похоже было на то, что смерть разделит нас в тот же день. Но это не принижало значения клятвы, ни той глубины чувства, с которой я давал ее. Я прыгал через саблю не для того, чтобы позабавиться перед смертью на травке; это мне могло и без того достаться. Нет, я ведь хотел «...хранить и заботиться, любить и лелеять до самого смертного часа»!

Стар сдержала свою клятву до последней буквы. Почему же у МЕНЯ чешутся пятки?

Колупни Героя поглубже, и обнаружится дерьмо.

Герой в ОТСТАВКЕ — глупость не меньшая, чем те безработные короли, которыми забита вся Европа.

Я выскочил из нашей «квартиры», не сняв сабли и не обращая внимания на изумленные взгляды, аппортировался к нашим врачам, выяснил, куда мне двигать, отправился туда, сделал то, что надо, сказал главному биотехнику, что он должен сообщить Ее Мудрости, и заткнул ему глотку, когда он полез с расспросами.

Потом вернулся к ближайшей будке аппортировки и заколебался — мне нужен был товарищ так же, как члену «Алкохоликс-Анонимус» нужно, чтобы его держали за руку. Но близких друзей

у меня не было, только сотни знакомых. Супругу императрицы нелегко обзавестись друзьями.

Оставался один только Руфо. Но за все те месяцы, что я жил в Центре, я ни разу не бывал у Руфо дома. Варварский обычай зайти повидать знакомых на Центре не практиковался, и с Руфо я встречался только в резиденции или на вечерах; он никогда не приглашал к себе домой. Нет, никакой охлажденности тут не было; мы часто виделись с ним, но всегда он приходил к нам.

Я поискал его в справочниках аппортировки — нет. Потом с тем же результатом прочел списки видеосвязи. Я вызвал Резиденцию, вышел на заведующего связью. Он сказал, что «Руфо»— это не фамилия, и попытался отделаться от меня. Я сказал:

— Ну-ка погоди, канцелярская крыса! Тебе, видно, слишком много платят. Если ты меня отключишь, то через час будешь заведовать дымовыми сигналами в Тимбукту. А теперь слушай. Этот тип пожилого возраста, лысый, одно из его имен, как я считаю, «Руфо», и он видный специалист по сравнительной культурологии. И к тому же он внук Ее Мудрейшества. Я думаю, ты знаешь, кто он такой, и тянешь волокиту только из бюрократического высокомерия. Даю тебе пять минут. Потом вызываю Ее Мудрейшество и спрашиваю ее, а ты начинаешь укладывать вещи.

(«Стоп! Опасность! Еще один старый Руфо (?), ведущий срав. культурист. Яйцеклетка Мудрости — сперматозоид-зародыш. Пятиминутка. Лжец и/или дурак. Мудрости? Катастрофа!»)

Меньше чем через пять минут образ Руфо заполнил экран.

— Ого! — сказал он.— А я-то ломал голову, у кого хватило веса, чтобы пробить мой приказ о несоединении.

— Руфо, можно мне прийти к тебе?

Скальп его собрался морщинками.

— Мыши в кладовке, сынок? Твое лицо напоминает мне тот раз, когда мой дядя...

— Не надо, Руфо!

— Хорошо, сынок,— мягко сказал он.— Я отошлю танцовщиц домой. Или оставить их?

— Мне все равно. Как тебя найти?

Он сообщил мне, я выстукал его код, добавил номер своего счета и оказался там, в тысяче миль за горизонтом. Поместье Руфо было местом не менее роскошным, чем у Джоко, и на тысячу лет более совершенным. У меня создалось впечатление, что у Руфо самый большой штат прислуги на всем Центре и сплошь женский. Однако все служанки, гости, двоюродные сестры и дочки составили целый комитет по встрече — чтобы посмотреть на того, с кем спит Ее Мудрость. Руфо расшугал их и провел меня в свой кабинет. Какая-то танцовщица (очевидно, секретарь) суетилась над бумагами и пленками. Руфо шлепком по заду отослал ее, усадил меня в удоб-

ное кресло, сунул мне стакан, придвинул сигареты, сел сам и стал молчать.

Курение не пользуется популярностью на Центре по причине того, что они пользуются кое-чем вместо табака. Я взял одну сигарету.

— «Честерфилд»! Боже правый!

— Контрабанда,— сказал он.— Только и они не делают ничего похожего на «Свит Кэпс». Один уличный мусор и рубленое сено.

Я не курил уже несколько месяцев. Но Стар сказала мне, что я теперь могу забыть про рак и все прочее. Так что я закурил — и раскашлялся, как невианский дракон. Порок требует постоянной тренировки.

— Что нового на Риальто? — осведомился Руфо. Он мельком глянул на мою саблю.

— А, да ничего.

Прервав работу Руфо, я теперь стеснялся обнажить свои домашние проблемы.

Руфо сидел, курил и ждал. Мне надо было что-нибудь сказать, и американская сигарета напоминала мне об одном случае, том, который еще больше выбил меня из колеи. На одном из вечеров на предыдущей неделе я познакомился с человеком лет тридцати пяти на вид, холеным, вежливым, с тем видом собственного превосходства, который так и говорит: «У тебя расстегнута ширинка, старик, но я слишком воспитан, чтобы говорить об этом».

Однако я пришел в восторг от встречи с ним, он говорил по-английски!

Я раньше думал, что мы со Стар и Руфо были единственными на Центре, кто говорил по-английски. Мы часто им пользовались. Стар из-за меня, Руфо — потому что ему нравилось практиковаться. Он говорил на кокни *, как уличный торговец, на бостонском, как житель Боксон-Хилла **, на австралийском, как кенгуру; Руфо знал все английские языки.

Тот мужик говорил на хорошем среднеамериканском.

— Небби меня зовут,— сказал он, пожимая мне руку там, где рук не жмет никто,— а вы, я знаю, Гордон. Рад нашей встрече.

— Я тоже,— согласился я.— Неожиданно и приятно услышать свой родной язык.

— Профессия требует, мой дорогой. Сравнительный культуролог, лингво-историко-политическое направление. Вы американец, я убежден. Попробуем-ка поточнее — крайний Юг, но не уроженец. Возможно, из Новой Англии. Накладывается смещенный среднезападный, вероятно, Калифорния. Основной слой речи, класс ниже среднего, смешанный.

---

* Диалект коренных жителей Лондона.

** Университетский район Бостона.

Холеный слух хорошо знал свое дело. Пока мой папочка отсутствовал в 1942—45, мы с мамой жили в Бостоне. Нипочем не забуду те зимы; с ноября до апреля я ходил в валенках. Жил я и на крайнем Юге, в Джорджии и Флориде, и в Калифорнии в Ла-Жолле во время корейской невойны и потом, в колледже. «Класс ниже среднего!» Мать так не считала.

— Довольно точно,— согласился я.— Я знаком с одним из ваших коллег.

— Знаю, кого вы имеете в виду, «ученого психа». Изумительно заумные теории. Но лучше скажите-ка мне: как обстояли дела до вашего отъезда? И особенно, как продвигается в Соединенных Штатах их Благородный Эксперимент?

— Благородный Эксперимент? — Мне пришлось задуматься: сухого закона не стало еще до моего рождения.

— Ах, так его отменили.

— Вот как? Надо мне съездить в экспедицию. Что у вас теперь? Король? Мне было заметно, что ваша страна направляется по этому пути, но я не ожидал, что это случится так скоро.

— О нет,— сказал я.— Я говорил про Сухой Закон.

— Ах, вон оно что. Симпатично, но главное не в этом. Я имел в виду эту забавную идею об управлении болтовней. «Демократию». Любопытное заблуждение — как будто от сложения нулей получится какая-нибудь сумма. Но опробовано оно было на землях вашего племени в гигантских масштабах. Еще до вашего рождения, несомненно. Я подумал, что вы хотите сказать, что даже с останками уже покончено.— Он улыбнулся.— Значит, все еще проводятся выборы и все прочее?

— В последний раз, когда я этим интересовался,— да.

— Изумительно! Фантастика, просто фантастика. Что ж, надо будет нам как-нибудь встретиться, мне хочется порасспросить вас. Я уже довольно долго изучаю вашу планету — самая невероятная патология во всем исследованном комплексе. Пока. Не давайте обвести себя вокруг пальца, как говорят ваши соплеменники.

Я рассказал об этом Руфо.

— Руфо, я знаю, что родился на варварской планете. Но разве это извинение его грубости? Или это была не грубость? Я здесь как-то не могу понять, что вежливо, что — нет.

Руфо нахмурился.— Насмехаться над местом рождения, племенем или обычаями невежливо везде. Поступающий так идет на риск. Если ты его убьешь, ничего с тобой не будет. Может, это немного озадачит Ее Мудрейшество. Ее можно озадачить.

— Не буду я его убивать, не настолько это важно.

— Тогда забудь.— Небби — сноб. Он не много знает, ничего не понимает и считает, что Вселенные были бы лучше, если бы их создал он. Плюнь на него.

— Плюну. Все просто... Слушай, Руфо, моя страна несовершенна. Но мне не нравится выслушивать это из уст чужого.

— А кому нравится? Мне твоя страна нравится, в ней есть сок. Только... Я не чужой, и это не насмешка. Небби был прав.

— Что?

— За исключением того, что он видит только поверхностное. Демократия недееспособна. Математики, крестьяне и животные, вот и все, что есть. Демократия — теория, основанная на допущении, что математики и крестьяне равны, она ни на что не годна. Мудрость не увеличивается от сложения; ее максимум — это величина самого мудрого человека данной группы.

Демократическая форма правления вполне годится до тех пор, пока она не начинает действовать. Вполне пригодна любая организация общества, если она не жесткая. Структура не имеет значения, покуда в ней хватает гибкости, чтобы этот единственный из множества человек мог проявить свой талант. Большинство так называемых социологов считают, кажется, что организация — это все. Это почти что ничего, за исключением тех случаев, когда она служит смирительной рубашкой. В счет идут лишь случаи правления героев, а не система нулей.

Он добавил:

— Система твоей страны достаточно свободна для того, чтобы ее герои занимались своим делом. Она должна продержаться — если ее гибкость не уничтожает изнутри.

— Надеюсь, что ты прав.

— Я прав. Эта тема мне знакома, и я не дурак, как считает Небби. Он прав насчет бесполезности «сложения нулей», но не понимает, что и сам он нуль.

Я усмехнулся.

— Не стоит позволять нулю выводить меня из себя.

— Совершенно не стоит. Особенно поскольку ты-то не нуль. Где бы ты ни оказался, твое присутствие будет ощутимо, ты не будешь частью стада. Я тебя уважаю, а я уважаю не многих. И никогда людей в целом. Я ни за что бы не смог стать демократом в душе. Чтобы кричать о том, что «уважаешь» и даже «любишь» огромную массу с хайлом на одном конце и вонючими ногами на другом, требуется дурацкое, некритическое, сахариновое, слепое, сентиментальное слюнтяйство, которое можно найти в некоторых воспитательницах детсадах, большинстве спаниелей и во всех миссионерах. Это не политическая система, а болезнь. Но не падай духом; твои американские политики невосприимчивы к этой заразе... а ваши дают ненулям свободу действий.

Руфо снова взглянул на мою саблю.

— Дружище, ты пришел сюда не затем, чтобы поплакаться на Небби.

— Да.— Я опустил глаза на знакомое острое лезвие.— Я принес ее, чтобы побрить тебя, Руфо.

— Как?

— Пообещал же я, что побрею твой труп. Я тебе задолжал за ту чистоту, с которой ты обработал меня. Ну вот я и пришел, чтобы побрить брадобрея.

Он медленно сказал:

— Но я еще не труп.— Он не двинулся с места. А вот глаза его шевельнулись, прикидывая расстояние между нами. Руфо не полагался только на то, что я буду вести себя «по-рыцарски»; слишком много он прожил.

— Ну, это можно уладить,— весело сказал я,— если только я не получу от тебя прямых ответов.

Он чуточку расслабился.

— Постараюсь, Оскар.

— Пожалуйста, больше чем постарайся. Ты моя последняя надежда. Руфо, это должно остаться между нами. В тайне даже от Стар.

— Под Розой *. Даю слово.

— Без сомнения, со скрещенными пальцами. Но рисковать не пробуй, я серьезно. И отвечай прямо, мне это необходимо. Мне нужен совет насчет моего брака.

Он помрачнел.

— А я еще хотел пойти сегодня прогуляться. Сел зачем-то вместо этого за работу. Оскар, я бы скорее взялся критиковать у женщины ее первенца или даже ее выбор шляпок. Намного безопаснее учить акулу кусаться. Что, если я откажусь?

— Тогда я тебя побрею.

— С тебя станется, лапастый ты главарь! — Он нахмурился.— «Отвечай прямо»... Не это тебе нужно, а плечико, на котором можно поплакаться.

— Может, и это тоже. Но мне и правда нужны прямые ответы, а не те басни, которые ты и во сне можешь рассказывать.

— Значит, я в обоих случаях проигрываю. Говорить человеку правду о его браке — это самоубийство. Думаю, я лучше посижу и посмотрю, хватит ли у тебя духа хладнокровно меня зарезать.

— Ай да Руфо, если хочешь, я положу свою саблю под любые твои запоры. Ты знаешь, я никогда бы не обнажил ее против тебя.

— Ничего я такого не знаю,— брюзгливо сказал он.— Все всегда случается впервые. Поведение подлеца предсказать можно, но ты человек чести, и это меня пугает. Не могли бы мы это организовать по системе связи?

— Кончай, Руфо. Мне больше не к кому обратиться. Я хочу, чтобы ты говорил откровенно. Я знаю, что советующий в вопросах

* От лат. выражения — совершенно секретно.

брака должен говорить начистоту, без недомолвок. Во имя той крови, что мы пролили вместе, я прошу тебя дать мне совет. И, само собой, откровенно!

— «Само собой», да? В последний раз, когда я на это пошел, ты был за то, чтобы вырезать мне язык.— Он угрюмо посмотрел на меня.— Но я всегда вел себя по-дружески, когда дело касалось дружбы. Слушай, я поступлю благородно. Говори, а я буду слушать... Если случится, что ты будешь говорить так долго, что мои натруженные старые почки застонут и я буду вынужден оставить ненадолго приятное твое общество... что ж, тогда ты неправильно поймешь меня, уйдешь надутый, и больше мы об этом никогда разговаривать не будем. Как?

— Годится.

— Слово предоставляется тебе. Начинай.

Я начал говорить. Я подробно изложил свою дилемму и упадок духа, не щадя ни себя, ни Стар (это было и для ее блага, а говорить о наших самых интимных моментах необходимости не было; по крайней мере, здесь все было в ажуре). Но я рассказал и о наших ссорах, и о многом другом, что лучше не выносить из семьи, я ДОЛЖЕН был это сделать.

Руфо слушал. Спустя какое-то время он встал и начал ходить взад-вперед с озабоченным видом. Однажды он пощелкал языком из-за тех, которых Стар привела домой.

— Не стоило ей звать своих служанок. Но постарайся забыть об этом, парень. ОНА все время забывает, что у мужчин есть чувство стыда, в то время как у женщин — лишь обычаи. Прости Ей это.

Немного позже он сказал:

— Не нужно ревновать к Джоко, сынок. Он даже кнопку забивает кувалдой.

— Я не ревную.

— То же самое говорил Менелай. Но не забывай оставлять место для маневра. Это нужно в каждом браке.

Наконец я умолк, рассказав ему о предсказании Стар насчет моего отъезда.

— Я ни в чем Ее не виню, и разговор этот выправил мне мозги. Теперь я могу протерпеть сколько надо, вести себя прилично и быть достойным мужем. Ведь она жутко собою жертвует, чтобы делать свое дело, и самое меньшее, на что способен я, это облегчить ее душу. Она так мила, мягка и добра.

Руфо остановился немного в стороне от меня, спиной к столу.

— Ты так считаешь?

— Я в этом убежден.

— ОНА СТАРАЯ МЫМРА!

Я пулей вылетел из кресла и кинулся на него. Сабли я не об-

нажал. Не подумал об этом, да и вообще не стал бы. Мне хотелось своими руками добраться до него и наказать его за то, что он так говорит о моей возлюбленной.

Он, как мячик, перескочил через стол и к тому времени, когда я покрыл длину комнаты, уже стоял за ним, держа одну руку в ящике.

— Нехорошо, нехорошо,— сказал он.— Оскар, мне не хотелось бы выбривать тебя.

— Выходи и дерись, как мужчина.

— Ни за что, старый дружище. Еще один шаг, и тебя отвезут на консервы собакам. Вот все твои торжественные обещания, твои мольбы. Ты кричал: «Без недомолвок». Ты кричал: «Говорить начистоту». Ты кричал: «Скажи прямо». Сядь вон в то кресло.

— «Говорить начистоту» не означает оскорблять!

— А кто тут судья? Что мне, представлять свои замечания на одобрение до высказывания? Не добавляй к своим нарушенным обещаниям еще и детскую алогичность. Ты хочешь заставить меня купить новый ковер? Я не оставляю себе ни единого, на котором убивал друга; от пятен я впадаю в тоску. Сядь в то кресло.

— А теперь,— сказал Руфо, не трогаясь с места,— послушай ты, пока я буду говорить. Или, если хочешь, можешь встать и уйти. В этом случае я могу оказаться настолько доволен от того, что видел твою рожу в последний раз, что дело на этом и кончится. А могу и оказаться настолько раздражителен от того, что меня прерывают, что ты мертвым упадешь на пороге, потому что у меня давно все кипит и готово перелиться через край. Выбирай, что тебе по душе.

— Я сказал,— продолжил он,— что моя бабка — старая мымра. Я сказал об этом грубо, чтобы снять с тебя напряжение, и теперь ты вряд ли слишком уж окрысишься на меня за все то обидное, что мне еще нужно высказать. Она стара, ты это знаешь, хотя, несомненно, по большей части, легко забываешь об этом. Я чаще всего забываю об этом и сам, хотя Она была стара и тогда, когда я малюткой пускал лужи на пол и гулькал от радости при виде Ее Мымрости. Она это и есть, ты знаешь. Я мог бы сказать «много повидавшая женщина», но мне нужно было этим треснуть тебя по зубам; ты отворачиваешься от этого, даже когда говоришь мне, как хорошо ты это знаешь — и как тебе все равно. Бабуля — старая мымра, танцевать мы начинаем отсюда.

А почему Она должна быть чем-то иным? Подыщи для себя ответ. Ты не дурак; ты просто молод. В обычных случаях для Нее открыты только два вида удовольствия, причем вторым Она насладиться не может.

— Какой это второй?

— Выдавать неверные решения из садистских побуждений, вот

то, чем Она не смеет наслаждаться. Так будем же благодарны за то, что в Ее теле стоит этот безвредный предохранительный клапан, иначе все мы жестоко страдали бы до тех пор, пока кому-нибудь не удалось бы убить Ее. Милый ты мой парниша, можешь ли ты вообразить, какую смертельную усталость Она должна чувствовать от большинства всего, что Ее окружает? Твой собственный пыл угас всего лишь за несколько месяцев. Представь себе, каково должно быть год за годом выслушивать все те же старые унылые ошибки, не надеяться ни на что, кроме умного убийцы. Представь и будь благодарен за то, что она все еще находит удовольствие в одном невинном развлечении. Итак, Она — старая мымра. Без всякого неуважения я отдаю честь благотворному балансу между тем, чем Она должна быть, чтобы хорошо делать свое дело.

Быть тем, чем Она была, Она не перестала, рассказав в один прекрасный день на вершине холма некий глупый стишок. Ты думаешь, что с тех пор Она как в отпуске от своих обязанностей, приклеиваясь только к тебе. Может, так оно и есть, если ты точно Ее процитировал, а я верно понимаю слова; Она всегда говорит правду.

Но никогда правду целиком — кто на это способен? — а Она самый искусный лжец, говорящий правду, из тех, кого ты можешь встретить. У меня нет сомнения в том, что твоя память пропустила какое-нибудь внешне невинное слово, дающее Ей выход и не ранящее твоих чувств.

А если и так, то почему Она должна делать больше, чем щадить свои чувства? Она увлечена тобой, это ясно — но не сходить же Ей с ума из-за этого? Все Ее обучение, Ее специальная подготовка направлены на то, чтобы всячески избегать фанатизма, находить практичные ответы. Хоть пока Она, может, и не смешивала башмаков, но если ты задержишься на неделю, год или двадцать лет и настанет время, когда Ей захочется, Она может найти способ, но не солгать тебе на словах — и совершенно не причинить неудобства своей совести, потому что у Нее ее нет. Только Мудрость, целиком и полностью прагматичная.

Руфо прокашлялся.

— А теперь опровержения, контрапункт и обратное. Мне нравится моя бабуля, и я люблю Ее, насколько позволяют мне мои скудные душевные силы, и уважаю Ее до самой Ее темной души — и готов убить тебя или любого, который встанет на Ее пути или причинит Ей страдания — и это только отчасти из-за того, что Она передала мне тень своей собственной личности, так, что я Ее понимаю. Если Она достаточно долго сумеет избегать ножа убийцы, выстрела или яда, то войдет в историю под именем «Великой». Но ты завел речь о ее «жутких жертвах». Ерунда! Ей нравится быть «Ее Мудрейшеством», тем Пупом, вокруг которого вертятся все

миры. Да и в то, что Она могла бы бросить все из-за тебя или хоть пятидесятерых еще лучше, я не верю. И опять же, судя по тому, как ты рассказываешь, Она не солгала — Она сказала «если...», зная, что многое может случиться за тридцать лет или за двадцать пять, и среди прочего почти полная уверенность в том, что ты так долго не протерпишь. Надувательство.

Но это надувательство еще не самое большое из всех, которыми Она тебя оплела. Она водила тебя за нос с первой минуты нашей встречи и даже намного раньше. Она постоянно передергивала, давала тебе затравку, гоняла тебя как любого простака, ждущего чуда, охлаждала тебя, когда ты начинал подозревать, загоняла тебя опять на место к предназначенной тебе судьбе — и делала так, что тебе это нравилось. Она никогда не переживает из-за способов и могла бы одним духом надуть Деву Марию и заключить соглашение с Дьяволом, если бы это вело к Ее цели. Ну да, тебе заплатили, да и полной мерой в придачу; Она по маленькой не играет. Однако пора тебе знать, что тебя дурачили. Имей в виду, я Ее не критикую, я аплодирую — я тоже помогал... не считая одного мгновения слабости, когда я почувствовал жалость к жертве. Но ты был до того задурачен, что не стал слушать, благодарение всем слышавшим это святым. Я на какое-то время потерял самообладание, думая, что ты идешь на нехорошую смерть, широко раскрыв свои наивные глаза. Но Она оказалась умнее меня, как всегда.

Так вот! Она нравится мне. Я уважаю Ее. Я восхищаюсь Ею. Я даже немного люблю Ее не только за хорошие Ее качества, но и за все те прелести, от которых сталь Ее становится такой крепкой, как надо. А как насчет вас, сэр? Как вы себя теперь чувствуете по отношению к Ней... зная, что Она дурачила вас, зная, что Она такое?

Я все еще сидел. Стакан с выпивкой стоял рядом нетронутый за все время этой длинной речи.

Я взял его и встал.

— Выпьем за самую замечательную старую мымру Двадцати Вселенных!

Руфо снова перелетел через стол, схватил свой стакан.

— Говори это почаще и погромче! И Ей тоже, Ей это понравится! Да будет на Ней благословение Божье, кем бы он ни был, и да сохранит Он Ее. Никогда не встретить нам такой же, как Она, а так жаль! Они нужны нам оптом!

Мы залпом выпили и разбили свои стаканы. Руфо принес новые, налил, уселся в свое кресло и сказал:

— А теперь пьем по-серьезному. Рассказывал я тебе когда-нибудь о случае с моим...

— Рассказывал. Руфо, я хотел бы разобраться в этом обмане.

— А именно?

— Ну, мне уже многое ясно. Взять хотя бы тот первый наш полет...

Он передернулся.

— Лучше не надо.

— Тогда я ни над чем не задумывался. Но раз Стар способна на такое, мы могли бы проскочить мимо Игли, Рогатых Призраков, болота, не тратить попусту время, и Джоко...

— Попусту?

— Для Ее цели. И крыс, и хряков, а может, и драконов. Перелетели прямо бы от тех первых Врат до вторых. Верно?

Он покачал головой.

— Неверно.

— Не понимаю.

— Допуская, что Она могла бы перенести нас так далеко, надеюсь, мне никогда не придется проверять этот вопрос, Она могла бы доставить нас к избранным Ею Вратам. Что бы ты тогда сделал? Почти прямиком перелетев из Ниццы в Карт-Хокеш? Выскочил бы и стал драться как росомаха, как это и было? Или сказал бы: «Мисс, вы ошиблись. Покажите мне, где выход из этой комнаты Смеха — мне не смешно».

— Ну уж — я бы не смылся.

— Но победил ли бы ты? Был бы ты на том самом нужном острие готовности?

— Ясно. Те первые схватки были упражнениями, боевой подготовкой для моей закалки. А были ли они боевыми? Или вся та первая часть была обманом? Может, еще и гипноз, чтобы чувствовать все всерьез? Она в этом дока, Бог тому свидетель. Никакой опасности, пока мы не добрались до Черной Башни?

Его передернуло снова.

— Да нет же, нет! Оскар, нас могло убить в ЛЮБОЙ момент. Я в жизни своей не сражался отчаяннее, напуганнее никогда не был. НИЧЕГО нельзя было проскочить. Всех Ее поводов для этого я не понимаю, я не Ее Мудрейшество. Но собой она никогда не стала бы рисковать без необходимости. Она бы, если нужно, отдала как более дешевую цену десять миллионов храбрецов. Она знает, чего Она стоит. И однако Она держалась рядом с нами изо всех сил — ты же видел! Потому что так было необходимо.

— Все же я до сих пор всего не понимаю.

— И не поймешь. И я не пойму. Она послала бы тебя внутрь одного, если бы это было возможно. А в тот самый опасный последний момент, с тем существом по имени «Пожиратель Душ», ибо так именно оно и поступило со многими смельчаками до тебя... если бы ты уступил ему, мы с Ней попытались бы пробиться наружу — я был готов к этому в любую секунду. Тебе говорить об этом было нельзя. Если бы нам удалось уйти, что маловероятно, Она

не стала бы проливать по тебе слез. Ну, может, немного. А потом бы взялась за работу лет на двадцать, тридцать или еще сотню, чтобы найти, задурить и натренировать еще одного рыцаря — и точно так же стойко сражалась бы рядом с НИМ. В мужестве этой ягодке не откажешь. Она знала, насколько ничтожны наши шансы; ты — нет. Так вот, ОНА колебалась?

— Нет.

— Однако ключом ко всему был ты; надо было первым делом найти тебя, а потом подточить до нужных размеров. Ты ДЕЙСТВУЕШЬ сам, никогда не выступая в роли марионетки; иначе ты ни за что бы не победил. Она единственная была в состоянии подольститься к такому человеку, подтолкнуть его и поставить в такое положение, в котором он НАЧНЕТ действовать; человек, рангом ниже Ее, не подошел бы к масштабам нужного Ей героя. Вот почему Она и искала, покуда не нашла его... и не довела до кондиции. Скажи-ка, почему ты стал увлекаться фехтованием? В Америке это не так уж распространено.

— Что?

Мне пришлось задуматься. Из-за чтения «Короля Артура» и «Трех мушкетеров» и дивных марсианских рассказов Берроуза... Так ведь это же было у любого мальчишки.

— Когда мы переехали во Флориду, я был бойскаутом. Шеф скаутов был французом, преподавал в средней школе. Он начал занятия с некоторыми из наших ребят. Мне это понравилось, потому что получалось у меня неплохо. А потом в колледже...

— Ты никогда не задумывался, почему именно этот иммигрант получил именно эту работу, именно в этом городе? И вызвался работать с утятами? Или почему у вас в колледже сборная по фехтованию, в то время как у многих ее нет? Разницы нет, если бы поступил в любое другое место, там бы тоже было фехтование, в АМХ * или еще где. А не выпало ли на твою долю боев больше, чем большинству твоих сверстников?

— Это уж точно, черт возьми!

— При этом тебя могло убить в любое время, а Она обратилась бы к уже отлаживаемому другому кандидату. Сынок, я не знаю, ни как ты выбран, ни как тебя переделали из молоденького обормота в потенциально заложенного в тебе героя. Это не мое дело. Мое было проще — только поопаснее — быть твоим слугой и «глазами на затылке». Оглянись кругом. Не так уж и плохо для слуги, а?

— Ах да, я чуть не забыл, что ты был вроде бы у меня в слугах.

— Черта с два «вроде бы»! Я им и был. Я трижды ездил на Невию в качестве Ее слуги, для подготовки. Джоко и по сей день ничего не знает. Если бы я вернулся, меня, думаю, встретили бы с радостью. Но только на кухне.

---

* Ассоциация молодых христиан.

— Но почему? Тут что-то, кажется, не так.

— Вот как? Когда мы тебя заловили, твое эго было в неважной форме; надо было его поднять — частично тем, что я звал тебя «босс» и стоя накрывал на стол, в то время как вы с Ней сидели.

Он укусил зубами костяшку пальца; на лице его отобразилась досада.

— Мне все-таки кажется, что она заворожила твои первые две стрелы. Хотелось бы мне когда-нибудь провести матч-реванш, чтобы Ее поблизости не было.

— Можешь остаться в дураках. Я понемногу тренируюсь.

— Ну да черт с вами. Яйцо наше, вот что важнее. И тут у нас бутылочка стоит, а это тоже важно.— Он разлил еще раз.— У вас все, «босс»?

— Черт тебя побери, Руфо! Да, старый ты славный подлец. Ты вправил мне мозги. Или еще раз надул, не пойму точно.

— Все честно, Оскар, клянусь пролитой нами кровью. Я сказал всю правду настолько, насколько она мне известна, хоть это было и больно. Не очень-то мне и хотелось, ты же мне друг. Этот наш поход по каменистой дороге я буду хранить, как сокровище, до конца моей жизни.

— Мм... да. Я тоже. Каждую мелочь.

— Тогда почему же ты хмуришься?

— Руфо, теперь я Ее понимаю — насколько это доступно обычному человеку — и целиком и полностью уважаю Ее... и люблю Ее еще больше, чем когда бы то ни было. Только не могу я состоять у кого-либо в любовниках. Даже у Нее.

— Рад, что мне не пришлось заводить разговор об этом. Да. Она права. Она всегда права, черт бы Ее взял! Тебе нельзя здесь оставаться. Из-за вас обоих. Да нет, Ей было бы не слишком приятно, но если бы ты остался, со временем ты бы пропал. Если упрям, погиб бы.

— Пора мне возвращаться, выкидывать свои башмаки.

У меня полегчало на душе, как если бы я сказал хирургу: «НУ ВСЕ, АМПУТИРУЙТЕ».

— Не смей!

— Что?

— Зачем тебе это? Не надо крайностей. Если браку суждено длиться долго — а ваш, вполне вероятно, даже очень долго продлится,— тогда и отпуска тоже должны быть долгими. И не на привязи, сынок, без даты обратной явки и обещаний. Она знает, что странствующие рыцари ночи проводят тоже в известных приключениях. Она к этому готова. Это же всегда было именно так, un droit de lavokation *. И необходимо. Просто там, откуда ты,

* Право, привилегия профессий *(фр.)*.

об этом не пишут в детских книжках. Поэтому просто съезди посмотри, что наклевывается по твоей линии в других местах, и не беспокойся. Вернешься ли ты через четыре года, или через сорок лет, или когда угодно, тебе всегда будут рады. Герои всегда сидят за первым столом, это их право. А приходят и уходят они, когда им заблагорассудится, и это тоже их право. В уменьшенном масштабе, ты немного похож на Нее.

— Вот это комплимент!

— Я сказал в «уменьшенном масштабе». Знаешь, Оскар, частично тебе не по себе от тоски по дому. По твоей родной Земле. Тебе нужно восстановить чувство перспективы и уточнить, кто же ты такой. Это знакомо всем предшественникам, временами я и сам так себя чувствую. И когда это чувство приходит, я уступаю ему.

— Мне и в голову не приходило, что меня тянет домой. Может, так оно и есть.

— Может, это поняла Она. Может, Она тебя подталкивала. Я лично взял себе за правило давать своей жене время отдохнуть от меня, как только лицо ее становится слишком примелькавшимся — ибо мое лицо должно еще больше надоесть ей, при моей-то внешности. А почему бы нет, парень? Вернуться на Землю не означает умереть. Скоро и я отправлюсь туда, потому-то я взялся за эту канцелярщину. Получается так, что мы можем оказаться там в одно и то же время... и встретиться за бутылочкой или десятком, поговорить-посмеяться. Ущипнем официантку и поглядим, что она скажет. Почему бы и нет?

ГЛАВА XXI

ЧТО Ж, вот я и здесь.

Уехал я не на той неделе, но вскорости. Со Стар мы провели чудесную, полную слез ночь перед моим отбытием, и, целуя меня на «Au'voir»* (не на прощанье), она плакала. Однако я понимал, что слезы ее высохнут, как только я скроюсь из виду; она предполагала, что я это знаю, а я догадывался, что этого она и хочет, да и я и сам хотел того же. Хотя тоже всплакнул.

Коммерческие Врата работают почище «Пан Американ»; меня перекинули быстро, за три приема и без фокусов-покусов. Девичий голос: «Займите места, пожалуйста», а потом — бау!

Я вышел на Земле, одетый в лондонский костюм, паспорт и бумаги в кармане, Леди Вивамус в упаковке, на вид не содержавшей оружия, а в других карманах чеки, которые можно было обменять на порядочное количество золота, так как я обнаружил, что

* До свидания *(фр.)*.

совсем не против принять причитающуюся герою плату. Место прибытия оказалось недалеко от Цюриха, адреса я не знаю; служба Врат такого не допускает. Вместо этого у меня были способы отправлять сообщения.

Вскоре все чеки превратились в номерные счета в трех швейцарских банках, под управлением юриста, посетить которого мне рекомендовали. Я купил в нескольких местах аккредитивы и послал некоторые вперед по почте, а остальные повез с собой; я вовсе не намеревался уплачивать 91 процент Милому Дядюшке.

При разнице в календарях теряется чувство времени; оказалось, что еще остается неделя-другая времени для того бесплатного проезда домой, который санкционировали мои приказы. Я подумал, что будет умнее его использовать — не так бросалось в глаза. Так я и сделал — на старом четырехмоторном транспортнике Прествик—Гандер—Нью-Йорк.

Улицы оказались грязнее, здания не такими высокими, а заголовки хуже, чем обычно. Я бросил читать газеты, надолго задерживаться не стал; домом своим я считал Калифорнию. Позвонил маме; она упрекнула меня за то, что я не пишу, и я пообещал приехать на Аляску, как только смогу. Как там они все? (Я имел в виду, что моим сводным братьям и сестрам может как-нибудь понадобиться помощь для учебы в колледже).

У них все нормально. Мой отчим на полетном листе и получил постоянный класс. Я попросил ее переадресовать всю почту на тетю.

Калифорния смотрелась получше, чем Нью-Йорк. Но это была не Нивия. Даже не Центр. Как мне помнилось, тут было не так тесно. Все, что можно сказать в пользу городов Калифорнии, это то, что в них не так неудобно, как в других местах. Я навестил своих дядю с тетей, потому что они когда-то были добры ко мне, и я подумывал об использовании части своего золота в Швейцарии для того, чтобы он откупился от своей первой жены. Однако она умерла, и они поговаривали о плавательном бассейне.

В общем, я не стал выступать на свет. Слишком много денег меня чуть не погубило, и от этого я маленько повзрослел. Я последовал примеру Их Мудрейшеств: от добра добра не ищут.

Университетский городок стал как будто меньше, а студенты казались такими молоденькими. Очевидно, взаимное чувство. Я выходил из солодовой лавки напротив административного корпуса, когда туда свернули, отпихнув меня в сторону, два хмыря с литературного. Шедший вторым сказал:

— Осторожней, папаша!

Я оставил его в живых.

На футбол опять сделали упор, новый тренер, новые раздевалки, трибуны покрашены, слухи насчет стадиона. Тренеру я оказался

известен; он следил за хроникой и намеревался заработать себе имя.

— Ты ведь вернешься, да?

Я сказал ему, что не собираюсь.

— Глупости! — сказал он.— Надо же тебе диплом свой получать! Было бы глупо допустить, чтоб тебе помешала твоя служба в армии. Слушай сюда...— Он понизил голос.— Никаких глупостей типа «уборки зала», такая дребедень не нравится конференции. Но можно же парню жить в семье — а семью можно найти. Если он будет расплачиваться наличными, кому какое дело? Все тихо, как в похоронном бюро... Таким образом, твои армейские льготы тебе на карманные расходы.

— У меня нет льгот.

— Парень, ты что, газет не читаешь?

Он сохранил в подшивках вырезку: покуда меня не было, ту войну признали подпадающей под армейские льготы.

Я пообещал ему подумать.

Но намерений таких у меня не было. Я и в самом деле решил закончить свое инженерное образование, мне нравится доводить все до конца. Но не в этом месте.

В тот же день к вечеру я получил весточку от Джоан, той девочки, которая так замечательно проводила меня, а потом послала мне письмо «с приветом». Я и сам собирался разыскать ее и навестить их с мужем; просто я еще не выяснил ее фамилии в замужестве. А она случайно встретилась с моей тетей где-то в магазине и позвонила мне.

— Спок! — сказала она с восторгом в голосе.

— Кто?.. Минуточку. ДЖОАН!

Сегодня же вечером я обязательно должен прийти к ней поужинать. Я сказал ей:

— Непременно,— и что с нетерпением жду встречи с тем счастливчиком, за которого она вышла.

Джоан, как всегда, выглядела очень мило и приветствовала меня сердечными объятиями с поцелуем типа «ну вот ты и дома», по-сестрински, но недурно. Потом я познакомился с ребятишками, один колыбельного возраста, а другой начинающий ходить.

Муж ее уехал в Лос-Анджелес.

Мне надо было бы взяться за шляпу. Но тут пошло: все в порядке пусть тебя это не волнует Джим позвонил после того как она поговорила со мной и сказал что должен задержаться еще на сутки и мне КОНЕЧНО можно свозить ее куда-нибудь поужинать он смотрел за моей игрой в футбол и может я не прочь поиграть в шары завтра вечером ей не удалось найти на этот вечер няню но ее сестра с зятем обещали заехать выпить чего-нибудь на ужин остаться не смогли были уже заняты в конце-то концов милый ведь мы не то чтобы долго не знали друг друга ах как ты тоже помнишь мою

сестру а вот и они подъезжают к дому а у меня еще дети не уложены.

Ее сестра и зять остановились на разок выпить; Джоан с сестрой уложили детишек спать, а зять сидел со мной и расспрашивал, как идут дела в Европе и что в них нужно делать.

— Знаете, мистер Джордан,— говорил он, похлопывая меня по колену,— человек, занимающийся недвижимым имуществом, типа меня, становится довольно тонким знатоком человеческих нравов. Это неизбежно, и хотя я в общем-то не бывал в Европе — не то чтобы времени не было, кому-то же надо оставаться дома, платить налоги и вести дела, пока вы там, юные счастливчики, ездите повидать свет,— но ведь природа человеческая везде одинакова, и вот если бы мы сбросили хотя бы одну бомбочку на Минск или Пинск, в общем, туда куда-нибудь, они бы мигом прозрели и мы могли бы прекратить попусту тратить время на все это, а то всем деловым людям приходится туго. Вы не согласны?

Я сказал, что в этом что-то есть. Они собрались уезжать, и он сказал, что позвонит мне завтра и покажет несколько лучших участков, которые можно устроить практически за гроши наличными, а они наверняка поднимутся в цене: подумать только, ведь здесь скоро будет новый ракетный комплекс.

— Интересно было послушать о ваших впечатлениях, мистер Гордон, поистине приятно. Надо будет мне как-нибудь рассказать вам кое о чем, что со мной приключилось в Тихуане, только когда жены рядом не будет, ха-ха!

Джоан сказала мне:

— Не могу понять, зачем она за него вышла. Налей мне еще выпить, лапка, двойную, а то не могу. Я убавлю немного газ в духовке, ужин не остынет.

Мы оба приняли по двойной, потом еще раз, а поужинали около одиннадцати. Джоан ударилась в слезы, когда где-то около трех я стал настаивать на том, чтобы уехать домой. Она сказала мне, что я слабак, и я согласился; она сказала мне, что все могло бы случиться по-иному, если бы я не настоял на уходе в армию, и я опять согласился; она велела мне выйти с заднего крыльца и не включать света, и что она ни за что не захочет увидеться со мной еще раз, и Джим семнадцатого уезжает в Саусалито.

Я еще успел на самолет до Лос-Анджелеса на следующий день.

Только знаете — я НЕ виню во всем Джоан. Джоан мне нравится. Я уважаю ее и всегда буду ей благодарен. Она неплохой человек. Если бы у нее было больше возможностей на старте — скажем, на Невии — она стала бы высший класс! Даже так, она та еще девочка. Дома у нее было прибрано, дети чистые, здоровые и хорошо ухоженные. Сама она щедра, предусмотрительна и добродушна.

Да и я не чувствую за собой вины. Если мужчине есть хоть

какое-то дело до чувств женщины, он не может отказать ей в одном: повторить еще раз, если ей того хочется. Да и не стану прикидываться, что мне самому этого не хотелось.

Однако всю дорогу до Лос-Анджелеса я чувствовал себя скверно. Не из-за ее мужа, тому я плохого не сделал. И не из-за Джоан, ее не сметало с ног порывом страсти, и угрызения совести она чувствовать стала бы вряд ли. Джоан — славная девочка и добилась хорошей приспособленности своего характера к такому невозможному обществу. И все-таки мне было скверно.

Мужчине не приличествует критиковать самые женственные качества женщины. Хочу, чтобы было ясно; малютка Джоан была не менее мила и душевна, чем та Джоан помоложе, от которой я ушел в армию в наилучшем настроении. Дело было во мне; я изменился.

Недовольство мое направлено против всей той культуры, в которой ни один индивидуум не несет ответственности более чем за каплю вины. Позвольте мне процитировать нашего широкообразованного культуролога и повесу доктора Руфо:

— Оскар, когда ты вернешься домой, не жди слишком многого от своих соотечественниц. Ты будешь наверняка разочарован, и милых бедняжек нельзя в этом винить. Женщин Америки отучили от половых инстинктов, и они стараются возместить это неуклонным интересом к ритуалам над мертвой оболочкой секса... причем каждая уверена, что «интуитивно» знает ритуал, необходимый для воскрешения трупа. Она ЗНАЕТ, и никто другого ей доказать не сможет... особенно мужчина, которому не повезло настолько, что он оказался с ней в одной постели. Так что и не пытайся. Ты или разозлишь ее, или подорвешь ее веру в себя. Ты пойдешь в наступление на самую святую из коров: на ту выдумку, что женщины знают о сексе все, просто потому что они женщины.

Руфо нахмурился.

— Типичная американка уверена, что гениальная, как coutupiere, как оформитель интерьера, как изготовительница лакомых блюд и, во всех случаях, как куртизанка. Чаще всего она ошибается в четырех отношениях. Но не пытайся ей это сказать.

Он добавил еще:

— Если только не сумеешь найти такую, которой еще нет двенадцати, и увести ее в сторону, особенно от матери. И даже это может быть слишком поздно. Однако не пойми меня превратно; так на так и приходится. Мужчина-американец тоже убежден, что он великий воин, великий политик и великий любовник. Выборочные проверки показывают, что он заблуждается так же, как и она. Или еще хуже. Говоря с историко-культурной точки зрения, есть веские доказательства тому, что секс в вашей стране был скорее уничтожен мужчинами, а не женщинами Америки.

— Ну и что же МНЕ в таком случае делать?

— Сматывайся время от времени во Францию. Француженки почти так же невежественны, но отнюдь не настолько самодовольны и часто поддаются обучению.

Когда мой самолет приземлился, я выкинул эту тему из головы, так как планировал некоторое время прожить анахоретом. Еще в армии я понял, что жить вовсе без секса лучше, чем на голодном пайке. У меня были серьезные планы.

Я решил вести жизнь работяги, который заложен во мне от природы: вкалывать и иметь в жизни цель. На свои счета в швейцарских банках мне можно было бы вести жизнь богатого бездельника. Только бездельником я уже побывал, это оказалось не в моем вкусе.

Я участвовал в величайшем разгуле в истории, да так, что я сам бы тому не поверил, если бы мне от этого столько не привалило. Теперь пришла пора остепениться и вступить в «Герои-Анонимы». БЫТЬ героем — неплохо. А вот герой В ОТСТАВКЕ — сначала он становится занудой, а потом — лодырем.

Первой моей целью был Калтех *. Я уже мог позволить себе все самое лучшее, а у Калтеха только один соперник — там, где попытались объявить секс совсем вне закона. Вдоволь я уже насмотрелся на это унылое кладбище в 1942—45-м.

Декан приемной комиссии не очень меня приободрил.

— Мистер Гордон, знаете ли вы, что мы принимаем меньше, чем отвергаем? Да и полного зачета по этому переводному листу мы не могли бы вам предоставить. Это не недостаток вашего прежнего учебного заведения — и ведь к тому же мы рады помочь демобилизованным из армии,— однако у этого института более высокие стандарты. И еще одно, в Пасадине вам вряд ли удастся недорого устроиться.

Я сказал, что буду счастлив занять любое место, которое заслуживаю, и показал ему свой банковский счет (один из них), и предложил чек на оплату обучения за год. Он не стал его брать, но немного оттаял. Я ушел от него с впечатлением, что место для С. П. «Оскара» Гордона найтись может.

Я проехал к центру города и подал заявление, чтобы из «Сирила Поля» меня официально переделали на «Оскара». А потом начал поиски работы.

Нашел я ее за городом в Долине в качестве младшего чертежника в филиале дочерней компании одной из корпораций, изготовлявших покрышки, оборудование для пищевой промышленности и кое-что другое — а именно ракеты. Это явилось частью Плана Выздоровления Гордона. Через несколько месяцев за кульманом

---

* Калифорнийский технологический институт.

я бы снова вошел в колею, а учиться я намеревался вечерами и вести себя примерно. Я нашел меблированную квартиру в Сотелле и приобрел для поездок подержанный «форд».

Тут я расслабился; «Милорд Герой» был похоронен. Все, что от него осталось, это висящая над телевизором Леди Вивамус. Только я сначала взвесил ее на руке и испытал знакомый прилив сил. Я решил найти оружейный зал и вступить в его клуб. К тому же в Долине я приметил поле для стрельбы из лука, и где-нибудь наверняка было место, где по воскресеньям члены Американской Ассоциации Стрелков палят из ружей. Не стоило терять форму...

На время я собирался забыть про швейцарские запасы. Оплачивались они золотом, а не дурацкими деньгами, и если бы я оставил их в покое, они могли бы принести больше — возможно, намного больше — от инфляции, чем от помещения их в какое-нибудь дело. Когда бы я открыл собственную фирму, они стали бы капиталом.

Вот на что был направлен мой прицел: стать боссом. Раб заработка, даже в тех скобках, где Милый Дядюшка забирает больше половины, все равно остается рабом. А я узнал от Ее Мудрости, что боссу надо учиться; золотом «босса» мне не купить.

Итак, я осел на место. Прошла перемена имени; Калтех подтвердил, что я могу готовиться к переезду в Пасадену — и до меня дошла адресованная мне почта.

Мать переслала ее моей тетке, та отправляла ее на адрес гостиницы, где я вначале остановился, и в конце концов она добралась до моей квартиры. Некоторые письма были отправлены из Штатов больше года назад, посланы в Юго-Восточную Азию, оттуда в Германию, затем на Аляску, а потом еще и еще, прежде чем я прочел их в Сотелле.

Одно из них опять предлагало ту сделку по обслуживанию вкладов; на этот раз мне могло достаться на 10% больше. Другое было от тренера моего колледжа — на простой бумаге и вместо подписи — закорючка. Он писал, что определенные лица заинтересованы в том, чтобы сезон начался с большого успеха. Не изменит ли моего решения 250 долларов в месяц? Позвонить ему на дом, и деньги мои. Я порвал его.

Следующее было из управления по делам ветеранов войны, написанное чуть позже моего ухода, в котором мне сообщалось, что в результате слушания дела «Бартон против Соединенных Штатов» и др. было выяснено, что я официально являюсь «жертвой войны» и мне полагается 110 долларов в месяц для получения образования до истечения 23 лет.

Я досмеялся до того, что у меня стало колоть в животе.

После кучи хлама мне попалось письмо от конгрессмена. Он имел честь сообщить мне, что совместно с «Ветеранами Заокеанских войн» он послал на рассмотрение несколько особых проектов

для исправления несправедливостей, возникших по причине ошибок в правильной классификации лиц, являющихся «жертвой войны», что проекты эти получили одобрение и что он был счастлив, что касающийся меня проект позволял мне завершать свое образование до двадцать седьмого дня рождения, поскольку двадцать третий мой день рождения прошел прежде, чем ошибка была исправлена. Остаюсь, сэр, искренне и т. д.

Смеяться я не мог. Я подумал, сколько я съел бы грязи, или — сами догадывайтесь — в то лето, когда меня призвали, если бы мог положиться на 110 долларов в месяц. Я написал этому конгрессмену благодарственное письмо, какое только сумел.

Следующий экземпляр был похож на помойку. Исходил он от Больничного треста, ЛТД *, следовательно, просьба о пожертвовании или реклама больничной страховки. Только я не мог понять, с какой стати кому-нибудь в Дублине заносить меня в свой список.

Больничный трест интересовался, нет ли у меня билета Тотализатора Ирландских больниц за номером таким-то, и положенной к нему квитанции? Этот был продан некоему Дж. Л. Уэзерби, эсквайру. Его номер был вытянут во втором розыгрыше и оказался билетом выигравшей лошади. Об этом сообщили Дж. Л. Уэзерби, и он уведомил Больничный трест, что от него билет перешел к С. П. Гордону, а по получении квитанции он выслал ее данному лицу по почте.

Не тот ли я «С. П. Гордон», есть ли у меня билет и есть ли у меня квитанция? Больничный Трест ЛТД был бы рад получить ответ поскорее.

У последнего в кипе письма был обратный адрес американской почты. В нем лежала квитанция Ирландского Тотализатора и записка: «Это должно отучить меня играть в покер. Надеюсь, вы что-нибудь по нему выиграете. Дж. Л. Уэзерби». Штамп на конверте указывал дату больше года тому назад.

Я поглазел на все это, а потом достал бумаги, которые таскал с собой по всем Вселенным. Нашел соответствующий билет. Он был вымазан в крови, но номер было видно ясно.

Я посмотрел на письмо. Второй розыгрыш...

Я начал рассматривать билеты под ярким светом. Все остальные оказались поддельными. А вот на этом билете и этой квитанции гравировка была не хуже, чем на бумажных деньгах. Не знаю, где Уэзерби купил такой билет, но явно не у того мошенника, который продал мне мой.

Второй розыгрыш... Я и не знал, что их бывает больше одного. А розыгрыши зависят от количества проданных билетов, в сериях на 120.000 штук. Я же смотрел только результаты первого.

---

* Акционерная компания с ограниченной ответственностью.

Уэзерби отправил квитанцию почтой на адрес матери, в Висбаден, и когда я торчал в Ницце, она, судя по всему, была в Элмендорфе, потому что Руфо оставил в «Американ Экспресс» адрес для пересылки; Руфо, естественно, знал обо мне все и предпринял несколько шагов для моего исчезновения.

В то утро, больше года назад, когда я сидел в одном из кафе Ниццы, в моей почте лежал выигрышный билет с квитанцией. Если бы я прочитал тот номер «Геральд-Трибюн» подальше, чем объявления раздела «Личное», то нашел бы результат розыгрыша второй серии и так бы и не откликнулся на то объявление.

Я получил бы 140.000 долларов и никогда больше не встретился бы со Стар...

Но разве стерпела бы Ее Мудрость такое вмешательство в свои планы?

Разве отказался бы я последовать за своей «Еленой Троянской» просто потому, что вместо подкладки у меня в карманах были бы деньги?

Я, как в суде, истолковал сомнение в свою пользу. Все равно бы я прошел по Дороге Славы!

По крайней мере, я на это надеялся.

На следующее утро я позвонил на работу, потом отправился в один из банков и прошел процедуру, которую дважды уже проходил в Ницце.

Да, билет был настоящий. Не требуются ли услуги банка по оформлению поручения? Я их поблагодарил и ушел.

У моего порога стоял какой-то человечек из Внутренних Сборов...

Почти у порога... Он позвонил снизу, когда я писал письмо в Больничный трест, ЛТД.

Немного погодя я объяснил ему, что черта с два я на это пойду. Я оставлю эти деньги в Европе, а они пусть облизываются! Он мягко посоветовал мне не занимать такой позиции, поскольку сейчас я просто спускаю пары, ибо СВС * не очень-то по душе платить доносчикам, но они пойдут на это, если мои действия покажут, что я стараюсь уклониться от уплаты налогов.

Я был загнан в угол. Получил я 140.000 долларов и уплатил 103.000 Милому Дядюшке. Мягкий человек подчеркнул, что так-то оно лучше, слишком часто люди, откладывая платежи, нарывались на неприятности.

Жил бы я в Европе, у меня было бы 140.000 долларов золотом — а теперь я имел 37.000 долларов бумажками — ибо свободным и независимым американцам золотом владеть нельзя. Вдруг они начнут войну, или перекинутся к коммунистам, или еще что. Нет, мне

* Служба Внутренних Сборов.

нельзя оставить эти 37.000 долларов в Европе в виде золота; это тоже незаконно. Они вели себя крайне вежливо.

Я отослал десять процентов, 3.700 долларов, сержанту Уэзерби и поведал ему всю историю. 33.000 долларов я взял и учредил фонд на обучение в колледже для своих отпрысков, управляемый таким образом, чтобы мои родственнички ни о чем не догадывались, покуда он не понадобится. Я сложил пальцы крестиком и вознадеялся, что известия об этом билете не дойдут до Аляски. В лос-анджелесских газетах об этом ничего не было, но слух все равно как-то пошел; я обнаружил, что включен в бесчисленные списки на пожертвования, и стал получать письма, предлагающие блистательные возможности, молящие о займах или требующие подношений.

Прошел месяц, прежде чем до меня дошло, что я забыл о Подоходном Налоге Штата Калифорния. Так мне до конца и не удалось отделаться от всех платежей.

ГЛАВА XXII

Я ВЕРНУЛСЯ к старому своему кульману, по вечерам корпел над книжками, иногда смотрел телевизор, по выходным много фехтовал. Но все время снился мне этот сон...

Впервые он мне приснился, как только я получил работу, и теперь снился он мне каждую ночь...

Я иду по знакомой длинной-длинной дороге, я вижу поворот и вижу впереди и выше себя замок. Он прекрасен, вымпелы вьются на башнях, а к подъемному мосту изгибами подбирается дорога. Но я знаю, что в темнице его томится пленная принцесса.

Эта часть всегда одна и та же. Меняются детали. В последнее время на дорогу выходит мягкий человечек из Службы Внутренних Сборов и говорит мне, что здесь взимается пошлина — на десять процентов больше всего, что у меня есть.

Иной раз это бывает полицейский, он прислоняется к моей лошади (иногда у нее четыре ноги, иногда восемь) и выписывает квитанцию на штраф за помехи уличному движению, езду с просроченными правами, пропуск знака обязательной остановки и открытое неповиновение. Он осведомляется, есть ли у меня разрешение на ношение этого копья, и предупреждает, что по охотничьим законам требуется, чтобы я к любым убитым драконам...

В другой раз сворачиваю я за этот поворот, и на меня сплошной стеной шириной в пять полос двигается волна шоссейного автотранспорта. Этот вариант хуже всего.

Эти записки я начал после того, как появились мои сны. Трудно было представить, как это я пойду к психиатру и скажу:

— Знаете, доктор, я по профессии герой, а моя жена — императрица в другой Вселенной...

Еще меньше желания было у меня лежать на его кушетке и повествовать, как мои родители плохо обращались со мной в детстве (такого не было) и как я выяснил разницу между мальчиками и девочками (это мое дело).

Я решил выговориться перед пишущей машинкой.

Лучше мне от этого стало, но сны не прекратились. Зато я узнал новое слово: «аккультурация». Это то, что происходит с представителем одной культуры, когда он попадает в другую в тот начальный период, когда он не приспособлен. Взять хоть индейцев, которых можно увидеть в городах Аризоны: ничего не делают, глазеют на витрины или просто стоят. Аккультурация. Они не приспособлены.

Ехал я как-то на автобусе к своему врачу по ухо-горло-носу — Стар пообещала мне, что лечение у нее и на Центре избавит меня от обычных простуд, так и вышло; я ничем не заражаюсь. Но даже терапевтам, которые проводят курс долгожизни, не под силу защитить ткани человека от отравляющих веществ; лос-анджелесский смог на меня действовал. Глаза жжет, нос заложен — дважды в неделю я ездил в центр, чтобы над моим носом проводили всякие жуткие процедуры. Обычно я оставлял машину на стоянке и спускался по Уилширу на автобусе, так как ближе припарковаться было невозможно.

В автобусе я услышал разговор двух дам: «...как я их ни презираю, не пригласив Сильвестров, вечера с коктейлями дать НЕЛЬЗЯ».

Впечатление было такое, что говорят на иностранном. Тогда я прокрутил запись еще раз и понял все слова.

Но ПОЧЕМУ ей приходится приглашать Сильвестров?

Если она их презирает, то почему она не плюнет на них или не уронит кирпич им на головы?

Да зачем, во имя Господа, устраивать «вечер с коктейлями»? Стоят кругом (стульев никогда не хватает) люди, которые не особенно-то и нравятся друг другу, говорят о том, что никому не интересно, пьют то, чего не хотят (и зачем устанавливать время для того, чтобы выпить?), и напиваются для того, чтобы не замечать, что им вовсе не весело. ЗАЧЕМ?

Я понял, что началась аккультурация. Я и не приспосабливался.

С этих пор я избегал автобусов и получил пять квитанций штрафа и разбитый бампер. Учиться я тоже бросил. В книгах, казалось, не было смысла. Там, на добром старом Центре, я учился не тому и не так. Но своей работы чертежника я не бросал. У меня всегда были способности к черчению, и вскоре меня выдвинули на основную работу.

Однажды меня вызвал Главный Чертежник.

— Слушайте, Гордон, вот этот выполненный вами сборочный...

Этой работой я гордился. Я вспомнил кое-что, виденное на Центре, и вставил его в разработку, уменьшив количество движущихся частей и улучшив неуклюжую компоновку до такой степени, что самому понравилось. Получилось непросто, и я добавил еще одну проекцию.

— Да?

Он вернул ее мне.— Переделайте. Сделайте, как надо.

Я объяснил улучшения и что я переделал чертеж, чтобы лучше было...

Он прервал меня.

— Мы не хотим, чтобы делали лучше; надо, чтобы делали по-нашему.

— Ваше право,— согласился я и уволился путем выхода на улицу.

Было время рабочего дня, и квартира выглядела как-то непривычно. Я уселся за изучение «Сопротивления материалов». Потом встал и поглядел на Леди Вивамус.

«ПОКА ЖИВЕМ, ДАВАЙТЕ ЖИТЬ!» Что-то насвистывая, я нацепил ее, вынул из ножен, почувствовал, как вверх по руке пробежала знакомая волна.

Я вложил саблю в ножны, собрал кое-какие вещички, в основном аккредитивы и наличные, и вышел из дому. Не собирался я никуда, просто подальше отсюда!

Провышагивал я этак минут двадцать, как вдруг к обочине подкатила патрульная машина и забрала меня в участок.

Почему на мне была эта штука? Я объяснил, что джентльмены носят оружие.

Если бы я потрудился сообщить им, в какой кинокомпании работаю, то все можно было бы выяснить телефонным звонком. Или я на телевидении? Департамент не препятствует, но любят, когда ставят в известность.

Есть ли у меня разрешение на скрытое оружие? Я сказал, что оно не скрытое. Они ответили, что скрытое — вот этими ножнами. Я заикнулся о Конституции; мне сказали, что, черт возьми, в Конституции наверняка не имелось в виду разгуливание по улицам города с таким вот лягушачьим прутиком. Какой-то полицейский нашептывал сержанту:

— Вот из-за чего мы его взяли, сержант. Клинок длиннее...

Кажется, кой-чего дюйма три длиной. Когда они попытались отнять у меня Леди Вивамус, вышел шум. В конце концов меня заперли в камеру, вместе с саблей и прочим.

Спустя два часа мой адвокат добился перемены обвинения на «нарушение порядка», и меня выпустили, с намеками об исследовании на невменяемость.

Я заплатил ему, сказав спасибо, и сел в такси до аэропорта и на самолет до Сан-Франциско. В порту я купил большой чемодан, такой, чтобы Леди Вивамус сгладила в нем свои углы.

В Сан-Франциско в ту ночь я сходил на вечеринку. Встретил я, значит, этого парня в баре и купил ему чего-то выпить, потом он купил выпивку мне, а я заплатил за его ужин. Потом мы взяли галлон * вина и отправились на эту вечеринку. Я ему все время объяснял, что нет никакого смысла ходить в школу, чтобы хоть как-то чему-нибудь научиться, когда уже есть другие, лучшие способы. Это ж не менее глупо, чем индейцу изучать рев бизонов! Все бизоны в зоопарках! Аккультурация это, и все тут!

Чарли сказал, что он совершенно с этим согласен и что его друзьям понадобилось бы об этом послушать. Вот мы и отправились туда, и я заплатил водителю, чтобы он нас подождал, но чемодан свой захватил с собой.

Друзьям Чарли не хотелось слушать мои рассуждения, а вот вино пришлось кстати, и я уселся на пол и стал слушать народные песни. Мужики были все с бородами и нечесаными волосами. Бороды были совсем не помехой, с их помощью становилось легко отличить мужчин от женщин. Одна из бород встала и продекламировала какой-то стих. Старику Джоко удался бы стих получше, даже если б он был пьян в стельку, но я не стал говорить об этом.

Это не было похоже на вечеринку на Невии и уж, конечно, на Центре, за одним исключением: мне было сделано предложение. Я бы, может, его и рассмотрел, если бы девочка та не была обута в сандалии. Пальцы ее ног были грязны. Я вспомнил Жай-и-ван, ее изящный, чистый мех, и сказал ей: «Спасибо, но на мне лежит обет».

Борода, которая декламировала стих, подошла и встала передо мной.

— Слушай, мужик, где это ты подцепил такой шрам?

Я сказал, что это случилось в Юго-Восточной Азии. Он презрительно посмотрел на меня.

— Наемник!

— Ну не всегда,— заявил я ему.— Иногда я дерусь бесплатно. Вот как сейчас.

Я кинул его на стенку, вынес свой чемодан на улицу и отправился в аэропорт. А там Сиэттл и Энкоридж, Аляска, и очутился в конце концов на базе ВВС в Элмендорфе, чистенький, трезвый, с Леди Вивамус, замаскированной под рыбацкую снасть.

Мама была рада, увидев меня, и детишки казались довольными — я накупил подарков во время пересадки в Сиэттле, а с отчимом мы перебросились анекдотами.

---

* 3,785 литра.

На Аляске мне удалось сделать кое-что важное; я слетал в Пойнт-Бэрроу. Там я нашел частицу того, что искал; ни спешки, ни давки, людей немного. Смотришь себе вдаль, на лед, и знаешь, что где-то в той стороне один только Северный полюс, а здесь, поближе, только немного эскимосов и еще меньше белых людей. Эскимосы во всех отношениях симпатичны, как их и изображают. Их дети никогда не плачут, взрослые, кажется, никогда не сердятся — только собаки, рассыпающиеся между хижинами, бывают в скверном настроении.

Но эскимосы сейчас «цивилизируются»; старый образ жизни уходит. В Бэрроу можно купить шоколадный коктейль, а по небу, в котором завтра могут повиснуть ракеты, ежедневно пролетают самолеты.

Однако они все-таки охотятся на тюленей среди ледяных полей; деревня богатеет, если удается добыть кита, или влачит полуголодное существование, если не удается. Они не ведут счет времени и, кажется, ни о чем не беспокоятся — спросишь человека, сколько ему лет, он отвечает: «О, мне уже порядочно исполнилось». Это в точности возраст Руфо. Вместо прощания они говорят: «Когда-нибудь снова!» В некий неопределенный день и час мы снова увидимся с вами.

Они разрешили мне станцевать с ними. Непременно надеваешь рукавицы (они не менее строго следят за соблюдением обычаев) и начинаешь притопывать ногами и петь под звуки барабанов. И вдруг я заплакал. Не знаю, отчего. Танец рассказывал о маленьком старичке, у которого не было жены, и вот он встречает тюленя...

Я сказал:

— Когда-нибудь снова,— и вернулся в Энкоридж, оттуда в Копенгаген. С высоты в 30.000 футов Северный полюс похож на прерию, покрытую снегом, только с черными полосками воды. Высматривать Северный полюс я не собирался.

Из Копенгагена я отправился в Стокгольм, Маджатта жила не с родителями, но переехала от них всего лишь через площадь. Она накормила меня обещанным обедом по-шведски, а ее муж — хороший парень. Из Стокгольма по телефону я заказал объявление в колонке «Личное» парижского издания «Геральд-Трибюн», а потом выехал в Париж.

Я помещал это объявление изо дня в день, сидел напротив «Двух Личинок», складывал блюдечки стопками и старался не мучиться. Разглядывал мамзелей и раздумывал над тем, что я мог бы сделать.

Если бы, скажем, человеку захотелось осесть на одном месте лет этак на сорок, то отчего бы ему не выбрать Невию? Ну хорошо, там водятся драконы. Зато там нет ни мух, ни комаров, ни смога. Ни проблем, где оставить автомобиль, ни дорожных развязок,

которые похожи на схемы операций на брюшной полости. Нигде ни одного светофора.

Мьюри была бы рада увидеть меня. Я бы мог жениться на ней. А может быть, и на маленькой — как же ее зовут? — ее младшей сестре. Почему бы и нет? Система бракосочетания не везде такая же, какой пользуются в Падьюке. Стар была бы довольна; ей было бы приятно породниться с Джоко через посредство брака своего бывшего мужа. Но сначала, или во всяком случае не откладывая надолго, я бы отправился повидаться со Стар и выкинуть вон всю ту кучу чужих башмаков. Но я не остался бы там; все было бы по принципу «когда-нибудь снова»; это подошло бы Стар. Ведь это такое словосочетание, которое в точности переводится на центристский жаргон и обозначает в точности то же самое.

«Когда-нибудь снова», потому что еще где-то томятся иные девы, или приятные их аналоги, в тоске по спасению. Где-нибудь да есть. А мужчине необходимо оттачивать свое мастерство, о чем хорошо известно женам поумнее.

«Я не могу отдыхать поумнее; я выпью чашу жизни до дна».

Долгая дорога — ходьба по следу «Королевский Путь», где нет никакой уверенности в том, что и где удастся поесть и удастся ли вообще, в том, где уснешь или с кем. Но где-то же есть Елена Троянская и все ее многочисленные сестры, и не перевелись еще благородные дела, которые надо делать.

За месяц можно составить стопками уйму блюдечек, и вместо мечтаний я начал закипать. Какого черта не появляется Руфо? Из чистой нервозности я довел это повествование до самых последних дней. Может, Руфо вернулся назад? Или он погиб?

Или он был «рожденным никогда»? Может, меня только что выпустили из психбольницы; а что в этом чемодане, который я таскаю с собой, куда бы ни пошел? Сабля? Я боюсь посмотреть, правду говорю, боюсь. А теперь боюсь и спрашивать. Я как-то встретил старого сержанта, отбывшего тридцать лет, который был убежден, что владеет всеми алмазными копями Африки; по вечерам он вел на них документацию. Может, я точно так же счастливо заблуждаюсь? А эти франки — это все, что осталось от моего ежемесячного пенсионного пособия?

Удается ли кому-нибудь когда-нибудь получить второй шанс? Или Дверь в Стене всегда исчезает, когда отведешь от нее глаза? Где можно успеть на судно, идущее до Бридгадуна? Братцы, да ведь это как почта в Бруклине: отсюда туда не попасть!

Ну что ж, дам я Руфо еще пару недель...

Я получил весточку от Руфо! Вырезка с моим объявлением была ему отправлена, но у него возникли небольшие сложности. Он

не хотел вдаваться в подробности по телефону, но насколько я понял, он связался с какой-то плотоядной фройляйн и перебрался через границу почти sans culottes *. Однако он будет здесь сегодня вечером. Он нисколько не против перемены планет и Вселенных и говорит, что у него есть в запасе кое-что интересное. Немного, может быть, рискованно, но не скучно. Уверен, что он в обоих случаях прав. Руфо может увести у вас сигареты и уж во всяком случае вашу девочку, но скуки рядом с ним не найдешь — и он готов умереть, прикрывая вас сзади.

Так что завтра мы отправляемся вдоль по той самой Дороге Славы, и да здравствуют пороги на ней и все остальное!

А у вас нет драконов, которых нужно перебить?

---

* Без штанов *(фр.)*.


РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН
КРАСНАЯ
ПЛАНЕТА



I. ВИЛЛИС

Воздух Марса, бедный кислородом, был прохладным, но не слишком холодным. Зима пока не пришла в южные широты, и в дневное время температура еще поднималась выше нуля.

Странное создание, подошедшее к двери здания, имеющего форму купола, по внешнему виду в общем смысле было похоже на человека, но ни один человек никогда не имел подобной головы. Над черепом возвышалось что-то напоминающее шутовской колпак, глаза-линзы смотрели широко и не мигая, а лицо было вытянуто, словно свиное рыло. Сверхъестественный внешний вид завершали желтые и черные тигриные полосы, покрывающие всю голову.

Легкое оружие, напоминающее пистолет, было пристегнуто к поясу создания, а в согнутой правой руке оно несло мяч, побольше баскетбольного. Перехватив мяч в левую руку, оно открыло наружную дверь здания и шагнуло внутрь.

Внутри была очень маленькая прихожая и еще одна дверь. Как только наружная дверь была закрыта, давление воздуха в прихожей начало возрастать. Это сопровождалось звуками, подобными вздо[illegible] Громкоговоритель, закрепленный над внутренней дверью, крик[illegible] гулким басом:

— Ну? Кто там? Отвечайте! Отвечайте!

Пришедший аккуратно опустил мяч на пол, затем двумя руками взялся за свое безобразное лицо и рывком поднял его над головой. Под маской оказалось лицо земного человека — мальчика.

— Это Джим Мэрлоу, Док,— ответил он.

— Ну входи. Входи! Нечего стоять там и грызть ногти.

— Иду.— Когда давление воздуха в прихожей уравновесилось с давлением в доме, внутренняя дверь открылась автоматически.— Идем, Виллис,— сказал Джим и вошел.

Мяч трижды невысоко подпрыгнул и последовал за ним походкой, сочетающей в себе три способа передвижения. Он одновременно вертелся, вихлялся и катился. Точнее, он передвигался словно наклоненная и перекатываемая по доку бочка. Они вошли и оказались в большой комнате, которая занимала половину площади круглой планировки дома. Доктор Мак-Рэй взглянул на них, но не поднялся.

— Привет, Джим. Сдирай свою шкуру. Кофе на столе. Привет, Виллис,— добавил он и вернулся к своей работе. Он бинтовал руку мальчику, который был примерно одного возраста с Джимом.

— Спасибо, Док. О... привет, Френсис. Что ты здесь делаешь?

— Привет, Джим. Я пристрелил водоискателя и порезал большой палец об один из его шипов.

— Прекрати вертеться! — скомандовал доктор.

— Мне же больно,— возразил Френсис.

— Я знаю.

— Какой же дурак делает так, как ты? — настоятельно сказал Джим.— Ты должен бы знать это лучше, прежде чем дотрагиваться до него. Надо было просто опалить его сверху и снизу.— Он расстегнул молнию на своем костюме, сделанном по принципу комбинезона, снял его и повесил на вешалку возле двери. На вешалке уже были костюм Френсиса, маска которого была окрашена в яркие цвета и напоминала боевую раскраску индейцев, и костюм доктора, маска которого была чистой. Джим остался теперь в шикарной и общепринятой для внутренних помещений Марса одежде — в ярко-красных шортах.

— Я опалил его,— объяснил Френсис,— но он дернулся, когда я дотронулся до него. Я хотел забрать хвост, чтобы сделать ожерелье.

— Значит, ты опалил его неправильно. Наверное, там осталось полно живых яиц. Кто тебе будет делать ожерелье?

— Не твое дело. Я не так опалил защитную оболочку яиц. Что ты привязался ко мне?

— Иногда ты меня удивляешь. Ты же знаешь, что яйца не умрут до захода солнца. А, турист?

— Ты говоришь чепуху, Джим,— рассудил доктор.— лерь,

Френсис, я вспрысну тебе антитоксин. Это не улучшит твоего состояния, но зато улучшит настроение. Завтра утром твой палец распухнет, словно отравившийся щенок; придешь сюда, и я проткну его.

— Я лишусь пальца? — спросил мальчик.

— Нет. Но несколько дней тебе придется чесаться левой рукой. Теперь, Джим, что принесло тебя сюда? Болит животик?

— Нет, Док. Это из-за Виллиса.

— Из-за Виллиса? По-моему, он выглядит достаточно бодро.— Доктор наклонился к созданию. Виллис подпрыгивал на своих ножках, чтобы разглядеть перевязанный палец Френсиса. Для этого, из верхней части своего сферического тела, он выставил три стебелька с глазами на конце. Стебельки, основания которых образовывали равнобедренный треугольник, шевелились, словно пальцы. Маленький дружок медленно поворачивал треногу из пальцев, или псевдопальцев, и дал возможность каждому из его глаз рассмотреть доктора.

— Дай мне чашечку кофе, Джим,— скомандовал доктор, затем наклонился и помахал руками.— Сюда, Виллис, оп! — Виллис подпрыгнул и опустился в руки доктора, одновременно втянув все свои выпуклости. Доктор поднял его и поставил на стол; Виллис быстро выпустил свои ноги и стебельки глаз. Они внимательно осмотрели друг друга.

Доктор увидел шар, покрытый густым, коротким, как у стриженой овцы, мехом, и совершенно ровный в данный момент, если бы не ножки и стебельки глаз. Марсианское существо увидело пожилого представителя Земли, самца, почти полностью покрытого жесткими бело-серыми волосами. Средняя часть этого чужого, не марсианского существа, скрывалась под снежно-белыми рубашкой и шортами. Рассмотрев его, Виллис испытал удовлетворение.

— Как ты себя чувствуешь, Виллис? — спросил доктор.— Хорошо? Или плохо?

На самой верхушке шара, между стебельками, появилась ямочка и расширилась — Виллис славный! — сказал он. Его голос был удивительно похож на голос Джима.— Славный? — Не оглядываясь, доктор добавил: — Джим! Помой чашки и простерилизуй их. Все будут пить кофе из зерен?

— Хорошо, Док,— откликнулся Джим и кивнул Френсису: — Ты будешь немного кофе?

— Конечно, слабый, и побольше сливок.

— Будь спокоен.— Джим запустил руки в лабораторную раковину и ухитрился подцепить там пару чашек. Раковина была полна грязных тарелок. Рядом, на бунденовской горелке, закипал большой кофейник. Джим аккуратно вымыл три чашки, пропустил их через стерилизатор и после этого наполнил.

Доктор Мак-Рэй взял чашку и сказал:

— Джим, этот гражданин говорит, что у него все в порядке. В чем дело?

— Я знаю, что он говорит, будто у него все в порядке, но это не так, Док. Не могли бы вы обследовать его и сказать, что с ним происходит?

— Обследовать его? Как, мальчик? Я даже не могу измерить его температуру, потому что я не знаю, какой эта температура должна быть. Я так же разбираюсь в химии его тела, как свинья в апельсинах. Хочешь, я вскрою его и посмотрю, какой механизм приводит его в действие?

Виллис быстро втянул все свои выпуклости.

— Вы напугали его,— обиженно сказал Джим.

— Извини.— Доктор наклонился и стал почесывать и щекотать мохнатый шар.— Хороший Виллис, славный Виллис. Никто не обидит Виллиса. Ну-ка, мальчик, вылезай из своей норки.

Виллис чуть-чуть приоткрыл звуковую диафрагму.

— Не обидят Виллиса? — озабоченно спросил он голосом Джима.

— Не обидят Виллиса. Обещаю.

— Не разрежешь Виллиса?

— Нет. Не отрежу ни кусочка.

Виллис медленно выставил стебельки глаз. Хотя у него не было ничего похожего на лицо, он каким-то образом изобразил бдительную осторожность.

— Вот так-то лучше,— сказал доктор.— Джим, перейдем к делу. Что тебя заставляет думать, что с ним что-то не в порядке, хотя ни он, ни я не видим этого?

— Ну, Док, его поведение. В доме все идет как обычно, но снаружи... Раньше он повсюду следовал за мной, прыгал вокруг и во все совал свой нос.

— У него нет носа,— прокомментировал Френсис.

— Иди к черту, умник. Но теперь, когда я вытаскиваю его на улицу, он сворачивается в шар, и я ничем не могу расшевелить его. Если он не больной, то почему так себя ведет?

— Кажется, появился проблеск,— ответил доктор Мак-Рэй.— Ты давно идешь в одной упряжке с этим аэростатом?

Джим мысленно перебрал несколько месяцев из двадцати четырех, составляющих марсианский год.

— С конца Зевса — начала ноября.

— А сейчас здесь конец марта, почти Церера, и лето проходит. Это не наводит тебя ни на какую мысль?

— Нет.

— Ты хочешь, чтобы он прыгал здесь по снегу? Когда становится холодно, мы мигрируем; он всегда живет здесь.

Рот Джима открылся.

— Вы хотите сказать, что он пытается залечь в спячку?

— Что же еще? Предки Виллиса имели много миллионов лет, чтобы выработать такую привычку; ты не можешь надеяться заставить его проигнорировать это.

Джим встревожился.

— Я хотел забрать его с собой в Малые Зыбучие Пески.

— В Малые Зыбучие Пески? О, да вы же в этом году идете в школу. Ты тоже, Френсис?

— Конечно.

— Никак не могу привыкнуть, ребята, что вы так быстро растете. Когда я появился на Марсе, то не видел никакой разницы в том, что годы здесь в два раза длиннее, чем на Земле.

— Скажите, Док, сколько вам лет? — спросил Френсис.

— Не имеет значения. Кто из вас хочет изучать медицину, чтобы потом помогать мне в моей практике? — Ни тот, ни другой не ответили.— Говорите, говорите же! — подгонял их доктор.— Что вы хотите изучать?

— Ну, я не знаю,— сказал Джим.— Я интересуюсь ареографией *, и биологию люблю тоже. А может быть, я, как и мой дедушка, стану планетарным экономистом.

— Это большое дело. Тебе придется заниматься очень много. Ты, Френсис? — Френсис был слегка смущен.

— Ну, так — чепуха, я все еще хочу пилотировать ракеты.

— Я думаю, с возрастом это пройдет.

— Почему? — спросил Френсис.— Может, я сделаю это.

— Это зависит только от тебя. Скажите, юноши, вы отправитесь в школу до начала миграции или после?

Так как люди Земли не впадают в зимнюю спячку, каждый марсианский год колония была вынуждена мигрировать дважды. В Чараксе, расположенном в тридцати градусах от южного полюса, лето почти прошло; скоро колония двинется к Копям в Утонии, расположенным около северного полюса, и будет оставаться там половину марсианского года, или почти целый земной год.

Здесь было несколько постоянных поселений вблизи экватора — Новый Шанхай, Марсопорт, Малые Зыбучие Пески и другие — но они не были колониями в буквальном понимании этого слова; они населялись главным образом служащими Марсианской Компании. По контрактам и по уставу Компания должна была иметь запасы земного оборудования на Марсе для колонистов; все эти запасы Компания хранила в Малых Зыбучих Песках.

— Мы уезжаем в следующую среду,— сказал Джим,— на почтовом скутере.

* Ареография — от греческого «Арес», бог войны, эквивалентно географии для Земли.

— Так скоро?

— Да, и поэтому Виллис так тревожит меня. Что мне делать, Дэк?

Виллис услышал свое имя и вопросительно посмотрел на Джима.

— Что мне делать, Док? — повторил он, в точности подражая Джиму.

— Замолчи, Виллис...

— Замолчи, Виллис,— так же безупречно передразнил он доктора.

— Вероятно, природа все равно возьмет свое, поэтому найди ему норку и засунь его туда. Когда он очнется от спячки, вы сможете возобновить ваше знакомство.

— Но, Док, значит, мне придется оставить его! Пройдет так много времени, прежде чем я вернусь из школы. И, вероятно, он проснется раньше, чем колония снова вернется сюда.

— Вероятно.— Май-Рэй задумался.— Думаю, хуже не будет, если он поживет в естественной среде. Ему не свойственно жить так, как он живет с тобой, Джим. Ты знаешь, он личность, а не собственность.

— Конечно, нет! Он мой друг.

— Не понимаю,— вставил Френсис,— почему Джим так говорит о нем. Конечно, он много разговаривает, но в основном повторяет все, как попугай. Если вы спросите меня, я скажу, что он идиот.

— Тебя никто не спрашивает. Виллис любит меня. Да или нет, Виллис? Иди сюда, подойди к папочке.— Джим протянул руки; маленькое марсианское существо подпрыгнуло и устроилось у него на коленях теплой, пушистой, слабо пульсирующей массой. Джим погладил его.

— Почему ты не спросишь у какого-нибудь марсианина?— предложил Мак-Рэй.

— Я пытался, но не нашел ни одного, кто был бы в настроении уделить мне внимание.

— Ты хочешь сказать, что не желаешь ждать слишком долго. Марсианин обратит на тебя внимание, если ты будешь настойчивым. А почему бы тебе не спросить его самого? Он может сказать сам.

— Что я должен спросить у него?

— Я попробую. Виллис! — Виллис перевел глаза на доктора; Мак-Рэй продолжал: —Хочешь уйти, чтобы найти место где спать?

— Виллис не спит.

— Попробуешь уснуть. Там хорошо и прохладно, найдешь в земле норку. Свернешься в клубок и надолго уснешь. Ну как?

— Нет! — Доктор резко обернулся, чтобы убедиться, что ответил не Джим; когда Виллис говорил за себя, он всегда пользовался голосом Джима. Звуковая диафрагма Виллиса имела не больше собственных характерных особенностей, чем обыкновенный гром-

коговоритель. Она могла бы быть диффузором громкоговорителя, если бы не являлась частью живого существа.

— Что ж, это, кажется, выяснили, теперь попробуем подобраться с другой стороны. Виллис, ты хочешь остаться с Джимом?

— Виллис останется с Джимом,— незамедлительно согласился Виллис.— Тепло!

— Так вот чем ты очаровал его, Джим,— сухо сказал доктор.— Ему нравится температура твоей крови. Но, ipse dixit *,— держи его при себе. Я думаю, это не повредит ему. Возможно, он проживет только пятьдесят лет, вместо ста, но зато у него будет в два раза больше развлечений.

— А они действительно живут до ста лет? — спросил Джим.

— Бог его знает. Мы основались на этой планете совсем недавно, чтобы точно знать такие вещи. Ну, теперь идите, идите. Я займусь работой.— Доктор задумчиво посмотрел на свою кровать. Она не убиралась уже неделю; он решил подождать банный день.

— Док, что значит ipse dixit? — спросил Френсис.

— Это значит «он, конечно, сказал что-то невразумительное».

— Док,— предложил Джим,— почему бы вам не пообедать сегодня с нами? Я скажу маме. И ты тоже, Френсис.

— Я — нет,— сказал Френсис.— Лучше нет. Моя мама говорит, что у вас я ем слишком много мучного.

— Если бы моя мама была здесь,— предположил доктор,— она, несомненно, тоже могла бы что-нибудь сказать. Позвони своей маме, Джим.

Джим подошел к телефону, дважды попал в какие-то квартиры, в конце концов на очередной частоте попал к себе домой. Когда на экране появилось лицо его матери, он объяснил ей свое намерение.

— Буду рада, если доктор придет к нам,— сказала она.— Поторопитесь, Джим.

— Сейчас идем, мама! — Джим отключился и потянулся за своим костюмом.

— Не надевай его,— посоветовал Мак-Рэй.— Там слишком холодно. Мы пройдем тоннелем.

— Но это же в два раза дальше,— возразил Джим.

— Предоставим право выбора Виллису. Виллис, за что ты голосуешь?

— Тепло,— самодовольно сказал Виллис.

2. ЮЖНАЯ КОЛОНИЯ, МАРС

Южная Колония располагалась в виде колеса. Административное здание являлось ступицей; спицы-тоннели, образовывавшие

* Ipse dixit *(лат.)* — буквальное значение «как сам он сказал».

между собой угол в сорок пять градусов, отходили во всех направлениях, а вдоль них размещались жилые дома. Края спиц соединял еще один тоннель — обод; таким образом, картина Колонии была закончена. Кроме трех бараков, построенных при закладке Колонии и с тех пор пустующих, все здания были похожи друг на друга, как близнецы. Полусферы домов выдувались на месте из силиконового пластика, который вырабатывался из пород Марса. На самом деле это были двойные полусферы; сначала надувался большой пузырь, в тридцать-сорок футов шириной; когда он затвердевал, над ним выдувался еще один купол, немного меньший, чем первый. Полимеризация, или, проще сказать, затвердевание, внешнего купола проходило под воздействием солнечных лучей, консервацию внутреннего обеспечивали ультрафиолетовые лампы. Между внешним и внутренним куполами оставалось около фута мертвого воздушного пространства, что обеспечивало теплоизоляцию от низких температур Марса.

Когда новое здание затвердевало, в нем прорезалась наружная дверь и устанавливалась переходная камера. Внутреннее давление, постоянно поддерживаемое колонистами, составляло примерно две третьих от нормального давления Земли, тогда как на поверхности Марса не было даже половины этого. Гости с Земли, не приспособленные к планете, умерли бы без респираторов. Только несколько уроженцев Тибета и боливийских индейцев, живших в колонии, рисковали выходить на поверхность без респираторов, но даже они, чтобы избежать кровоизлияния в мозг, носили удобные, эластичные костюмы, изготовленные специально для Марса.

Как и новейшие небоскребы Нью-Йорка, дома не имели обзорных окон. Окрестная пустыня, хоть и прекрасна, но однообразна. Южная Колония располагалась в зоне, выделенной марсианами, к северу от древнего города Чаракса — там не оставляли настоящие марсианские названия городов, потому что земляне не могли их выговорить,— и между двумя основаниями Страймон-канала. С другой стороны, мы, следуя привычке колонистов, будем использовать названия, которые дал бессмертный Доктор Персивал Лоуэлл.

Френсис проводил Джима и доктора Мак-Рэя до зала, где пересекались все тоннели, и повернул к своему дому. Через несколько минут доктор и Джим — и Виллис — вошли в дом Мэрлоу. Их встретила мать Джима; доктор Мак-Рэй поклонился.

— Мадам, зная вашу безотказность, я снова навязался к вам на обед.

— Глупости, доктор, мы всегда рады видеть вас за нашим столом.

— Я бы все равно пришел, даже если бы вы не так чудесно готовили, а вы знаете, что это чистая правда; вы сами, моя дорогая,— вот что приводит меня сюда.

Мать Джима покраснела и переменила тему.

— Джим, убери свой пистолет. Не надо оставлять его на диване, там его может достать Оливер.

Младший брат Джима, услышав свое имя, немедленно рванулся к пистолету.

— Олли! — одновременно крикнули Джим и его сестра Филлис, когда увидели это, а Виллис тут же передразнил их, выполнив труднейший трюк, возможный только для его атональной диафрагмы. Он воспроизвел сразу оба голоса.

Филлис была ближе; она схватила оружие и шлепнула ребенка по руке. Оливер начал кричать, его крик подхватил Виллис.

— Дети! — сказала миссис Мэрлоу, и в этот момент в дверях появился мистер Мэрлоу.

— Что здесь за шум? — мягко спросил он.

Доктор Мак-Рэй поднял Оливера и посадил к себе на плечи. Оливер сразу же забыл про свой крик. Миссис Мэрлоу повернулась к мужу.

— Ничего, дорогой. Я рада, что ты дома. Дети, быстро идите мыть руки перед обедом, это касается всех.

Младшее поколение толпой вышло из комнаты.

— Что здесь произошло? — повторил вопрос мистер Мэрлоу.

Спустя некоторое время мистер Мэрлоу вошел в комнату сына.

— Джим?

— Да, папа.

— Как ты мог оставить оружие там, где малыш мог достать его?

Джим покраснел.

— Папа, это вышло случайно.

— Если бы всех людей, убитых из случайно забытого оружия, положить друг за другом, они составили бы весьма внушительный ряд. Ты гордишься тем, что получил лицензию на ношение оружия, или нет?

— О да, сэр.

— И я горжусь. Это значит, что ты достаточно взрослый и тебе можно доверять. Но когда я ручался за тебя перед Советом и стоял рядом с тобой, когда ты давал клятву, я был уверен, что ты искренне будешь повиноваться уставу и кодексу всегда, а не время от времени. Ты понял меня?

— Да, сэр. Думаю, это не повторится.

— Хорошо. Идем обедать.

Как и всегда, в разговоре за обеденным столом доминировал доктор Мак-Рэй, громко высказывающий остроумные замечания. В данный момент он повернулся к мистеру Мэрлоу.

— Вы сказали, что не пройдет и двадцати лет, как мы сможем выбросить свои респираторы; скажите, в Проекте появилось что-нибудь новенькое?

Колония имела, по крайней мере, дюжину проектов, предусматривающих сделать Марс более приспособленным для человечества, но когда говорили «Проект», всегда имели в виду проект восстановления атмосферы. Пионеры Говард-Кэрнеджской экспедиции доложили, что Марс полностью подходит для колонизации, если бы не один из важнейших факторов — воздух Марса так беден кислородом, что нормальный человек может задохнуться. Однако они сообщили, что много-много миллиардов тонн кислорода содержится в песках марсианских пустынь. В песке было много окиси железа, которая и придает Марсу красноватый оттенок. Проект предполагал высвободить этот кислород и сделать его пригодным для человеческого дыхания.

— Разве вы не слушали сегодня последние известия с Деймоса? — спросил мистер Мэрлоу.

— Никогда не слушаю последние известия. Берегу свою нервную систему.

— Не сомневаюсь. Но это были хорошие новости. Завод в Лайбе запущен в работу, и успешно. За первый день работы восстановлено около четырех миллионов тонн кислорода — и он до сих пор не развалился.

Миссис Мэрлоу была поражена.

— Четыре миллиона тонн? Это ужасно много.

Ее муж усмехнулся.

— Дорогая, ты не задумывалась, сколько времени потребуется этой установке, чтобы привести в порядок планету, то есть увеличить давление кислорода до пяти фунтов на квадратный дюйм?

— Конечно, нет. Но думаю, не очень долго.

— Давайте прикинем...— Его губы беззвучно зашевелились.— Ого, около двухсот тысяч лет — марсианских лет, конечно.

— Джеймс, не дразни меня!

— Нет, нет, моя дорогая. Просто большие цифры ввели вас в заблуждение. Конечно же, у нас будет не одна установка; они будут разбросаны по пустыне примерно через каждые пятьдесят миль, и мощностью в тысячи лошадиных сил каждая. Слава богу, у нас нет лимита на энергию; если даже мы не сумеем закончить эту работу, то, по крайней мере, наши дети увидят результаты.

Миссис Мэрлоу задумалась.

— Это должно быть приятно — выйти на поверхность и подставить лицо легкому ветерку. Я помню, когда я была еще маленькой девочкой, у нас был фруктовый сад, и через него бежал маленький ручеек...— Она замолчала.

— Ты жалеешь, что мы прилетели на Марс, Джейн? — мягко спросил ее муж.

— О нет! Здесь мой дом.

— Хорошо. Доктор, что это вы такой кислый?

— Что? О, ничего, ничего. Просто я задумался о конечном результате. Посмотрите, это прекрасная работа — тяжелая и приносящая удовлетворение, человек может обломать на ней все свои зубы. Но вот мы закончим ее, и что же дальше? Другие два или три миллиарда баранов придут сюда и смогут по пустякам тратить время, им ничего не останется, кроме как чесаться и блеять. Мы должны оставить Марс марсианам. Скажите, сэр, вы знаете, как использовалось телевидение, когда его только открыли?

— Нет. Откуда?

— Ну, конечно, я не видел это сам, но мне рассказывал об этом мой отец. Кажется...

— Ваш отец? Сколько ему было лет? Когда он родился?

— Значит, мой дедушка. Или, может, прадедушка. Что-то вроде этого. Так вот, они поставили первый телевизор в коктейль-баре — месте для развлечений — и смотрели по нему состязания борцов.

— Что такое «состязания борцов»? — спросила Филлис.

— Устарелая форма народных танцев,— объяснил ей отец.— Ерунда. Продолжайте, доктор. Я не вижу большого вреда...

— А что такое «народные танцы»? — упорствовала Филлис.

— Расскажи ей, Джейн. Она ставит меня в тупик.

Джим самодовольно посмотрел на сестру.

— Глупая, это когда танцует народ.

— Довольно приблизительно,— ответила ее мать.

Доктор Мак-Рэй вытаращил глаза.

— По-моему, дети что-то упустили. Думаю, здесь надо организовать танцевальный клуб. Я стану в нем диск-жокеем, а вы спляшете кадриль.

Филлис повернулась к брату.

— Я уверена, теперь ты скажешь, что кадриль — это танец, который танцуют кадры.

Мистер Мэрлоу поднял брови.

— Я думаю, дети уже закончили, моя дорогая. Мы можем отпустить их?

— Да, конечно. Вы свободны, мои хорошие. Олли, скажи: «Извините меня, пожалуйста».— Малыш повторил это вместе с Виллисом.

Джим поспешно вытер рот, подхватил Виллиса и отправился в свою комнату. Он любил слушать рассказы доктора, но признавал, что неприлично крутиться вокруг, когда разговаривают взрослые. К тому же Джима совершенно не интересовала дискуссия о Проекте; он не видел ничего странного и неудобного в ношении маски. Выйдя наружу без нее, он бы почувствовал себя голым.

С точки зрения Джима, Марс был таким, как надо, и совсем не требовалось делать его более похожим на Землю. Во всяком случае, Земля не была идеалом. Его смутные воспоминания о Земле

основывались на услышанных в детстве от эмигрантов сравнениях Марса с высокогорным Боливийским плато — холод, затрудненное дыхание и величайшая скука.

Его сестра плелась за ним. Он остановился около двери и спросил:

— Ну, чего тебе, коротышка?

— Джимми... так как после твоего отъезда в школу мне придется заботиться о Виллисе, было бы неплохо, если бы ты объяснил ему, чтобы он меня слушался.

Джим удивленно посмотрел на нее.

— Ты что же, думаешь, я оставлю его?

Она тоже удивилась.

— Конечно! Ты оставишь его. Ты не сможешь забрать его в школу. Спроси у мамы.

— Мама здесь ни при чем. Ее не волнует, что я возьму в школу.

— Ладно, даже если она не будет возражать, ты все равно не сможешь взять его. По-моему, ты нездоров.

— Ты всегда думаешь, что я нездоров, если я не исполняю твои желания.

— Не мои, а Виллиса. Это его дом, ему здесь уютно. В школе Виллис будет тосковать.

— С ним буду я!

— Нет, в основном он будет один. Ты будешь в классе. Виллису ничего не останется делать, кроме как сидеть и хандрить. Ты должен оставить его здесь, со мной... с нами... и он будет счастлив.

Джим выпрямился.

— Я сейчас пойду и спрошу об этом.

Он вернулся в гостиную и стал агрессивно ждать, когда его заметят. Вскоре отец повернулся к нему.

— Да? Что такое, Джим? Что-нибудь съешь?

— Это, ну... Посмотри, папа, ты не будешь возражать, если я заберу Виллиса с собой, когда я поеду в школу?

Отец удивился.

— Мне даже никогда не приходило в голову, что ты можешь рассчитывать на это.

— Почему?

— Ну, в школе ему будет тяжело.

— Но почему?

— У тебя не будет возможности как следует заботиться о нем. Ты будешь ужасно занят.

— Виллис не требует много внимания. Только накормить его раз в месяц и напоить раз в неделю, больше ему ничего не требуется. Папочка, ну почему я не могу взять его с собой?

Мистер Марлоу был загнан в тупик; он повернулся к жене.

— Дорогой Джимми, сейчас мы не хотим...

Джим прервал ее.

— Мамочка, всякий раз, когда ты хочешь в чем-то отказать мне, ты говоришь: «Дорогой Джимми».

Ее рот дернулся, но она сдержала улыбку.

— Извини, Джим. Я не замечала этого. Мы хотим, чтобы с самого начала в школе у тебя было все хорошо, вот что я пыталась сейчас сказать. Я не думаю, что Виллис сможет помочь тебе в этом.

На мгновение Джим был озадачен, но уже не мог отказаться от своих намерений.

— Мама и папа, подождите. Вы оба видели брошюру, которую мне прислали из школы. Там говорится, что мне надо делать, что взять с собой, когда приехать и так далее. Если кто-нибудь из вас сможет найти в этой инструкции место, где бы говорилось, что я не должен брать с собой Виллиса, я замолчу, как марсианин. Это справедливо?

Миссис Мэрлоу вопросительно посмотрела на мужа. Он посмотрел на нее, и в выражении его лица промелькнула мольба о помощи. Доктор Мак-Рэй ожидал, что́ они ответят; он не говорил ни слова, но на его лице застыло выражение сардонического удовольствия. Мистер Мэрлоу пожал плечами.

— Забирай Виллиса с собой, Джим. Это твои проблемы.

По лицу Джима расплылась улыбка.

— Спасибо, папочка! — крикнул он и быстро выбежал из комнаты, чтобы родители не успели передумать.

Мистер Мэрлоу выколотил трубку о край пепельницы и сердито посмотрел на доктора Мак-Рэя.

— Ну что вы усмехаетесь, старая обезьяна? Вы думаете, что я слишком снисходителен к Джиму?

— О нет, нет! Я думаю, вы совершенно правы.

— Думаете, любимец Джима в школе не станет доставлять ему неприятности?

— Наоборот. Я знаю некоторые привычки Виллиса.

— Тогда почему вы считаете, что я прав?

— А почему вы думаете, что у мальчика не должно быть неприятностей? Иметь неприятности — нормальное явление для человеческой расы. Мы были воспитаны на этом. И преуспели во многом.

— Доктор, иногда мне кажется, что вы, как выражается Джим, сумасшедший, как раздавленный клоп.

— Вероятно. Но поскольку я единственный медик в округе, я бы на этом не настаивал. Миссис Мэрлоу, вы не сделаете одолжение старому человеку, налив еще одну чашечку вашего восхитительного кофе?

— Конечно, доктор.— Она налила кофе и продолжила: — Джеймс, я не уверена, что ты прав, позволяя Джиму взять Виллиса. Ты просто пошел по пути наименьшего сопротивления.

— Почему, дорогая? Джим был точен, когда сказал, что маленький нищий не является большой неприятностью.

— Ну, тут он не прав. Но... я бы не хотела, чтобы он был слишком откровенным, когда рядом Виллис.

— Почему? Я думаю, он был бы безупречным свидетелем в разрешении пустячных ссор детей.

— Это так. Но он, словно попугай, будет повторять все, что услышит. Вот в чем беда.— Она расстроенно посмотрела вокруг, а затем выпалила: — Ты знаешь миссис Поутл?

— Конечно.

Доктор добавил: — Кто не знает ее? Я, несчастный человек, отвечаю за ее «нервы».

— Она действительно больна, доктор? — спросила миссис Мэрлоу.

— Слишком много ест и мало работает. Сказать больше мне запрещает профессиональная этика.

— Я не знала, что она — ваша пациентка.

— Юная леди, уважайте мои седины. Так что вы хотели сказать про миссис Поутл?

— Ну, на прошлой неделе Люба Конски приходила ко мне на ленч, и мы говорили о миссис Поутл. Честное слово, Джеймс, я мало говорила и совершенно не знала, что Виллис сидит под столом.

— А он был там? — мистер Мэрлоу прикрыл глаза.— Продолжай.

— Ну, вы оба помните, что Конски приютили Поутл в Северной Колонии, пока для них не был построен дом. С тех пор Люба просто возненавидела Сару Поутл, а во вторник она со смачными подробностями рассказала о некоторых привычках Сары. Пару дней спустя Сара Поутл осчастливила меня своим посещением, чтобы дать несколько советов о воспитании детей. Виллис был в комнате; я знала это, но не придала значения. Он включился на воспроизведение записи разговора с Любой, и я никак не могла заставить его замолчать. Наконец я унесла его из комнаты. Миссис Поутл ушла, даже не попрощавшись, и с тех пор я ее не видела.

— Ну, это небольшая потеря,— прокомментировал ситуацию ее муж.

— Верно, но это поставило Любу в неловкое положение. Мало кто может повторить произношение Любы, а Виллис сделал это даже лучше, чем она сама. Я не думаю, что Люба была бы против... Но если бы вы слышали, как Виллис воспроизвел рассказ Любы о том, что Сара Поутл делает по утрам и как выглядит...

— Вы, должно быть, слышали,— сказал Мак-Рэй,— мнение миссис Поутл относительно проблемы прислуги.

— Да, конечно. Она считает позором, что Компания не ввозит для нас прислугу.

Доктор кивнул.

— С воротничками на шеях.

— Вот женщина! Не могу понять, почему она стала колонисткой.

— Ты не знаешь? — спросил ее муж.— Они пришли сюда, надеясь быстро разбогатеть.

— Хм!

Доктор Мак-Рэй сидел с отсутствующим взглядом.

— Миссис Мэрлоу, говорю вам как врач, если бы я услышал то, что говорил Виллис о миссис Поутл, это могло бы помочь мне. Как вы полагаете, он сможет повторить это для нас?

— Доктор, вы старый обманщик и болтун.

— Допускаю. И еще я люблю подслушивать.

— Бесстыдник.

— И это допускаю. В мои годы, с такими ослабленными нервами, я не чувствую стыда.

— Виллис может выдать вам сентиментальные разговоры детей за последние две недели.

— Может, вы уговорите его?

Миссис Мэрлоу улыбнулась.

— Во всяком случае, не помешает попробовать.— Она вышла из комнаты, чтобы принести круглого друга Джима.

3. ГЕККО

Как обычно на Марсе, утро в среду было ясным и холодным. Готовые проводить мальчиков, семьи Саттон и Мэрлоу, исключая Оливера, собрались в грузовом доке Колонии на западной стороне Страймон-канала.

Температура поднималась, но все еще было, по крайней мере, ниже тридцати. Страймон-канал был серо-голубой лентой твердого льда, который не мог растаять на этих широтах в данное время года. Возле дока стоял почтовый скутер из Малых Зыбучих Песков. Его корпус был установлен на остро отточенные полозья, напоминающие лезвия коньков. Водитель загружал его грузами из склада, расположенного в доке.

Благодаря тигровым полосам на маске Джима, боевой раскраске Френка и радужным переливам Филлис, молодых людей легко можно было отличить друг от друга. Взрослых, разговаривающих немного поодаль, можно было различить только по росту, телосложению и манере поведения. Кроме членов семей, там находились еще доктор Мак-Рэй и отец Клири. Священник низким, серьезным голосом что-то говорил Френку.

Потом он повернулся к Джиму.

— Сын мой, ваш пастор просил меня проводить вас. Бедняга,

он случайно забыл про воду, и теперь у него марсианское горло. Он бы, конечно, пришел, если бы я не спрятал его маску.— Протестантский капеллан, так же как и католик, был холост; оба делили один дом.

— Он очень болен? — спросил Джим.

— Нет. Но примите его благословение, и мое тоже.— Он протянул руку.

Джим опустил дорожный мешок, перехватил в левую руку Виллиса и коньки и пожал руку священника. Затем последовала неловкая пауза. В конце концов Джим сказал:

— Почему бы вам не уйти в помещение, пока вы не замерзли до смерти?

— Да,— согласился Френсис.— Это неплохая мысль.

— Я думаю, водитель уже заканчивает погрузку,— возразил мистер Мэрлоу.— Ну, сынок, береги себя. Мы увидимся во время миграции.— Он торжественно пожал руку сына.

— До скорого, папочка.

Миссис Мэрлоу обняла Джима и, прижав его маску к своей, сказала:

— Ох, мой мальчик, ты еще совсем маленький, а мне приходится отпустить тебя из дома!

— Ну, мамочка, пожалуйста! — он обнял ее, а затем обнял Филлис.

— Садитесь! — крикнул водитель.

— Всем до свидания!

Джим почувствовал, что кто-то взялся за его локоть, и повернулся. Это был доктор.

— Береги себя, Джим. И не груби никому.

— Спасибо, Док.— Джим повернулся и, пока доктор прощался с Френком, предъявил водителю свое школьное удостоверение.

Водитель посмотрел его.

— Что, оба бесплатно? Так как сегодня нет ни одного платного пассажира, вы можете ехать в обзорном куполе.— Он оторвал корешок, и Джим взобрался в скутер. Он подошел к высоко ценившимся местам в обзорном куполе, расположенным позади отсека водителя. Френк присоединился к нему.

Водитель поднял со льда тормозные колодки, взревели турбины, и судно мягко тронулось. Насыпь, проплывавшая мимо них, по мере нарастания скорости превращалась в гладкую стену. Лед был зеркально ровным, и вскоре они достигли крейсерской скорости — более двухсот пятидесяти миль в час. Водитель снял свою маску, и, как ему показалось, Френк и Джим сделали то же самое. Теперь скутер был герметически закрыт, и воздух в нем стал пригоден для дыхания; к тому же от сжатия воздуха стало значительно теплее.

— Здорово! — сказал Френсис.

— Да. Посмотри на Землю.

Выше солнца, в северо-восточной части неба, проплывала их материнская планета. Она горела зеленым огоньком на темно-красном фоне. Возле нее была маленькая, легкоразличимая невооруженным глазом белая звездочка — Луна, спутник Земли. К северу от них, в том направлении, куда они ехали, над горизонтом висел Деймос, один из спутников Марса. Это был крошечный тусклый диск, почти потерявшийся в лучах восходящего солнца.

Еще один спутник Марса, Фобос, был скрыт за горизонтом. В широтах, где был расположен Чаракс, он дважды в сутки поднимался над северным горзонтом и менее чем через час скрывался снова. Днем его невозможно было увидеть, и ни один безрассудный храбрец не рисковал наблюдать за ним жестокой холодной ночью. Джим не припомнил ни одного, кто мог бы видеть его, кроме как из скутера, передвигающегося между колониями.

Френсис перевел взгляд с Земли на Деймос.

— Попросим водителя включить радио,— предложил он.— Деймос уже поднялся.

— Кому нужно твое радио? — ответил Джим.— Я хочу смотреть.— Берега канала были теперь не такими высокими; из купола наблюдения он мог видеть за ними обширную пустыню. Несмотря на то, что был уже поздний сезон, вдоль канала тянулся зеленый пояс, который становился еще зеленее, по мере того как растения выползали из земли, чтобы увидеть утренний солнечный свет.

Вдали тянулись красноватые песчаные дюны открытой пустыни. Он не мог видеть зеленый пояс восточного канала; тот был за горизонтом.

Водитель включил радио; музыка наполнила скутер и приглушила монотонный рев турбореактивного двигателя. Это была музыка Сибелиуса, классического композитора, жившего на Земле в прошлом веке. В колонии Марса не было времени, чтобы развивать собственное искусство, и колонисты заимствовали его с Земли. Ни Джим, ни Френк не знали, кто написал музыку, да это их и не интересовало. Берега канала вновь поднялись; из купола наблюдения ничего не было видно, кроме прямой ленты льда; они откинулись на спинки сидений и задремали.

В первый раз с тех пор как свернулся от наружного холода, Виллис зашевелился. Он выставил стебельки глаз и вопросительно посмотрел вокруг.

Музыка кончилась, и диктор сказал:

— Говорит станция Колонии Марса ДИ-ЭМ-ЭС, Деймос, орбита Марса. Сейчас, в общественных интересах, мы проведем трансляцию из Малых Зыбучих Песков. Доктор Грейвс Армбрустер прочитает лекцию «Экологические Концепции, вовлеченные в Экспериментальные Искусственные Симбиотики, как предпосылки к...».

Водитель быстро выключил радио.

— Мне хочется послушать,— возразил Джим.— Это звучит интересно.

— Хватит пускать пыль в глаза,— ответил Френк.— Ты даже не знаешь значения этих слов.

— Черт возьми, я не знаю. Это значит...

— Лучше помолчи и вздремни немного.— Вняв собственному совету, Френк откинулся на спину и закрыл глаза. Однако у него не было возможности уснуть. Виллис, по-видимому, обдумал, или как там назвать то, что он использовал для мышления, программу, которую только что услышал. Он раскрылся и начал снова воспроизводить ее, подражая оркестру.

Водитель оглянулся и встал, испуганно глядя на них. Он что-то сказал, но Виллис заглушил его. Виллис прокрутил все до конца, даже прерванное сообщение диктора. Наконец водитель смог услышать себя.

— Эй, ребята! Что у вас там? Портативный магнитофон?

— Нет, прыгун.

— Что?

Джим поднял Виллиса, чтобы водитель смог увидеть его.

— Прыгун. Его зовут Виллис.

Водитель вытаращил глаза.

— Вы хотите сказать, что эта штука — магнитофон?

— Нет, это прыгун. Я же говорю, что его зовут Виллис.

— Дайте рассмотреть получше,— сказал водитель. Он включил что-то на панели управления, повернулся и просунул голову и плечи в купол наблюдения.

— Эй! Вы же угробите нас,— крикнул Френк.

— Не суетись,— посоветовал водитель.— Сейчас машину ведет эхолокатор. Следующие пара сотен миль берега канала останутся достаточно высокими. Ну-ка, что это за зверь? Когда вы принесли его, я подумал, что это волейбольный мяч.

— Нет, это Виллис. Виллис, поздоровайся с человеком.

— Привет, человек,— вежливо ответил Виллис.

Водитель почесал затылок.

— Даже в Кеонуке я не видел ничего лучше этого. Разновидность попугая, да?

— Это прыгун. Его точное научное название «Круглоголовик Марса». Вы что же, не видели их раньше?

— Нет. Знаете, ребята, это самая ненормальная планета во всей системе.

— Если вам здесь не нравится,— спросил Джим,— почему вы не вернетесь туда, откуда пришли?

— Не поддевай меня, юнец. Сколько вы хотите за зверя? У меня появилась идея, как его можно использовать.

— Продать Виллиса? Вы сошли с ума!

— Иногда я сам так думаю. О, конечно, это просто предположение.— Водитель вернулся на свое место, оглянулся и пристально посмотрел на Виллиса.

В своих дорожных сумках мальчики раскопали сэндвичи и сжевали их. После этого предложение Френка вздремнуть показалось заслуживающим внимания. Они спали до тех пор, пока скутер не снизил скорость. Джим сел и, моргая, посмотрел по сторонам.

— Что случилось?

— Подходим к Станции Циния,— ответил водитель.— Пробудем здесь до заката.

— Боитесь, что лед подтает?

— Может, да, может, нет. Температура поднимается, а я не хочу, чтобы это произошло.— Скутер мягко остановился, затем медленно вполз на низкий уклон и снова остановился.— Выходите все! — крикнул водитель.— Возвращайтесь после захода солнца, или останетесь здесь.— *Он вышел; мальчики последовали за ним.*

Станция Циния располагалась в трех милях от древнего города Циния, в месте, где соединялись западная протока канала Страймон и канал Эре. Она включала в себя небольшую столовую, комнату отдыха с несколькими кроватями и склады. На востоке, слишком прекрасные, чтобы казаться реальными, над поверхностью поднимались башни Синии.

Водитель прошел в помещение станции. Джим отошел к стене и рассматривал город; Френк остановил свое благосклонное внимание на входе в столовую. Затем они вошли внутрь и вложили часть своего скудного капитала в кофе и посредственный суп.

Водитель оторвался от своего обеда и сказал:

— Эй, Георг! Ты видел что-нибудь подобное? — он указал на Виллиса.

Георг был официантом. Кроме этого, он был кассиром, станционным служащим, смотрителем гостиницы и представителем Компании в одном лице. Он посмотрел на Виллиса:

— Да.

— Видел? Где? Как ты думаешь, я смогу поймать себе одного?

— Сомневаюсь. Их можно увидеть болтающимися около марсиан. К тому же их немного.— Он вернулся к своему чтиву — «Нью-Йорк Таймс» двухгодичной давности.

Мальчики поели, оплатили счет и приготовились выйти.

— Подождите, ребята. Куда вы направляетесь? — спросил повар-официант-станционный смотритель.

— В Малые Зыбучие Пески.

— Не то. Куда вы направляетесь сейчас? Почему бы вам не пройти в комнату отдыха? Если захотите, можете вздремнуть.

— Мы лучше побродим вокруг станции,— объяснил Джим.

— Ладно. Только держитесь подальше от города.

— Почему?

— Потому что Компания запретила это, вот почему. Без разрешения нельзя. Так что держитесь подальше.

— А как мы можем получить разрешение? — настаивал Джим.

— Вы не сможете. Циния еще не открыта для экскурсий.— Он снова уткнулся в газету.

Джим хотел еще что-то спросить, но Френк дернул его за рукав. Они вышли наружу.

— Я не думаю,— сказал Джим,— что это входит в его обязанности — предупредить нас о невозможности посещения Цинии.

— Какая разница? Он считает, что входит.

— Что же мы теперь будем делать?

— Пойдем в Цинию, конечно. Как будто этот пройдоха не предупреждал нас.

— А он нас не поймает?

— Да как он сможет? Он не сдвинется со своего тепленького местечка. Идем.

— Ладно.

Они пошли на восток. Идти было неудобно; здесь не было дороги, а под ногами растения, что росли вдоль каналов, разостлали свои гигантские листья, чтобы уловить лучи полуденного солнца. Но низкая гравитация Марса облегчала движение. Вскоре они подошли к каналу Эре и двинулись вдоль него по направлению к городу.

Берег канала был выложен ровными камнями, и идти по ним было легко. Воздух был теплым и даже ароматным, хотя поверхность канала оставалась покрытой льдом. Солнце стояло высоко; сейчас они были, по крайней мере, на тысячу миль ближе к экватору, чем на рассвете.

— Тепло,— сказал Виллис.— Пусти Виллиса.

— Ладно,— согласился Джим.— Только не провались.

— Виллис не провалится.

Джим опустил его, и маленькое существо, подпрыгивая и перекатываясь, пошло вдоль берега. Словно щенок, исследующий новое место выгула, он то и дело скрывался в густой растительности.

Башни города приблизились и стали выше. Оставалось пройти не больше мили, когда они увидели марсианина. Это был небольшой — его рост не превышал двенадцати футов — представитель своего рода. Опираясь на все три ноги, он стоял совершенно неподвижно и ничего не замечая вокруг, хотя его глаза не мигая смотрели на них.

Джим и Френк, конечно, знали немного о марсианах и решили, что этот ушел в свой «другой мир», они стояли и разглядывали его; существо не шевелилось. Виллис стрелой промчался между ног марсианина, потерся о них, затем отошел и дважды печально квакнул.

Марсианин пошевелился, осмотрелся вокруг и, внезапно наклонившись, подхватил Виллиса.

— Эй! — завопил Джим.— Отпусти его!

Ответа не последовало.

Джим поспешно повернулся к Френку.

— Скажи ему, Френк. Я никогда не мог добиться того, чтобы они меня поняли. Пожалуйста! — Доминирующий марсианский язык Джим немного понимал, но никогда не мог говорить. У Френка с этим было немного лучше, правда, только по сравнению с Джимом. Те, кто говорил на марсианском, жаловались, что от него болит горло.

— Что сказать?

— Скажи, чтобы он отпустил Виллиса!

— Отстань. Марсиане никому и никогда не причиняли вреда.

— Ну скажи, чтобы он отпустил Виллиса.

— Ладно, я попробую.— Френк задрал голову вверх. Благодаря нервозности и респиратору, его и так плохое произношение сделалось еще хуже. Тем не менее он прокудахтал и проквакал фразу от начала и до конца; она, как казалось ему, включала в себя все, что хотел Джим. Ничего не случилось.

Он попытался снова, используя другие выражения. Опять ничего не произошло.

— Тут что-то не так, Джим,— предположил он.— Либо он не понимает меня, либо не хочет слушать.

— Виллис! Эй, Виллис! — крикнул Джим.— У тебя все нормально?

— Виллису хорошо!

— Прыгай вниз! Я поймаю тебя.

— Виллису хорошо!

Марсианин повернул голову и, казалось, впервые заметил Джима. Он держал Виллиса в одной руке; другие две руки медленно опустились вниз и окружили Джима; одна рука поместилась под то место, на котором он сидел, другая легла на живот.

Джим почувствовал, что его поднимают, и вдруг оказался перед большими водянистыми глазами марсианина, заглядывающими в его глаза. Марсианский абориген повернул голову взад и вперед, позволив каждому глазу разглядеть его.

Джим никогда раньше не был так близко к марсианам; ему это не понравилось. Джим попытался отпрянуть назад, но хрупкий марсианин был сильнее, чем казалось.

Внезапно из верхней части головы марсианина донесся голос. Джим, хотя и разобрал в начале фразы знакомые сочетания звуков, но не смог понять, о чем тот говорит. Но голос марсианина возымел на него странное действие. Непонятно квакающий, он был наполнен таким теплом, симпатией и дружелюбием, что абори-

ген больше не пугал его. Вместо этого он стал казаться старым доверенным другом.

Марсианин повторил фразу.

— Что он говорит, Френк?

— Я не понял. Я понял только то, что настроен он дружески.

Марсианин заговорил снова; Френк прислушался.

— Я думаю, он приглашает тебя к себе.

— Скажи ему, что я согласен,— поколебавшись секунду, сказал Джим.

— Джим, ты сошел с ума?

— Все нормально. Он не сделает ничего плохого. Я уверен в этом.

— Ну ладно.— Френк проквакал формулу согласия.

Абориген поднял одну ногу и быстро зашагал по направлению к городу. Френк побежал следом. Он старался не отставать, но через некоторое время понял тщетность своих усилий. Задыхаясь, он остановился.

— Подождите меня,— донесся его голос, приглушенный маской.

Джим попытался попросить марсианина остановиться, но отказался от своей затеи. Вдруг его осенило.

— Говори, Виллис. Виллис, мальчик, скажи ему, чтобы он подождал Френка.

— Подождать Френка? — с сомнением спросил Виллис.

— Да. Подождать Френка.

— Ладно.— Виллис что-то просвистел своему новому другу; марсианин остановился и опустил свою третью ногу. Подошел запыхавшийся Френк. Марсианин убрал одну руку от Джима и подхватил Френка.

— Эй! — запротестовал Френк.— Отпусти.

— Не дергайся,— посоветовал Джим.

— Но я не хочу, чтобы он меня нес.

Слова Френка не достигли цели. Марсианин снова двинулся с места. Его трехногая походка, в которой две ноги постоянно опирались на землю, хотя не была плавной, но оказалась неожиданно быстрой.

— Как ты думаешь, куда он нас тащит? — спросил Джим.

— Я думаю, в город,— сказал Френк.— Как бы нам не проворонить скутер.

— Не беспокойся. У нас еще час в запасе.

Марсианин больше ничего не говорил и упорно продолжал двигаться по направлению к Цинии. Виллис был так же счастлив, как пчела в цветочном магазине. Джим наслаждался ездой. Теперь, когда его голова поднялась на добрых десять футов над землей, обзор намного улучшился; через верхушки растений, растущих вдоль канала, он мог видеть величественные башни Цинии. Башни были

совершенно не похожи на башни в Чараксе, так же как два города не были похожи друг на друга. В каждом была уникальная архитектура, каждый выражал мысли разных художников.

Джим хотел знать, зачем были построены башни, для чего они предназначены и как давно они были сделаны.

Темно-зеленое море растений, расстилавшихся вокруг них, доходили марсианину до пояса. Широкие листья, разостланные перпендикулярно солнечным лучам, жадно тянулись за жизненно необходимой лучистой энергией. Когда тело марсианина затеняло их, они отворачивались в сторону, и снова расстилались, как только он проходил мимо.

Башни приблизились; вдруг марсианин остановился и опустил мальчиков вниз. Опустив их, он понес Виллиса дальше. Впереди, почти скрытый свешивающейся зеленью, был арочный вход в тоннель, который наклонно уходил под почву. Джим заглянул в него и сказал:

— Френк, что ты об этом думаешь?

— Вот так штука. Я не знаю.

Мальчики раньше ходили в Чаракс и в Копи, но они бывали только в покинутых районах городов и только на уровне поверхности. Сейчас у них не было времени, чтобы принять решение; их проводник уже ушел вниз по уклону на приличное расстояние.

Крича, Джим побежал за ним.

— Эй, Виллис!

Марсианин остановился и обменялся несколькими репликами с Виллисом.

— Подожди, Джим,— выкрикнул прыгун.

— Скажи ему, пусть он отпустит тебя.

— Виллису хорошо. Джим подождет.

Не давая возможности Джиму подойти ближе, марсианин пошел дальше. Джим безутешно вернулся к входу и сел на выступающий камень.

— Что будешь делать? — спросил Френк.

— Ждать, я полагаю. Что же еще? А ты?

— Я, кажется, застрял. Но я не хочу упустить скутер.

— Ну, я тоже не хочу. В любом случае, мы не сможем оставаться здесь после захода солнца.

На Марсе резкое снижение температуры после захода солнца было обычным делом. Для человека Земли это означало верную смерть, если он не имеет специальной одежды и не будет постоянно двигаться.

Они сидели и ждали, наблюдая за насекомыми, легко и быстро носившимися мимо них. Один маленький треножник, менее чем в дюйм высотой, уселся на колено Джима; существо, казалось, изучало его. Джим дотронулся до него, и насекомое, взбрыкнув всеми

своими членами, умчалось прочь. Так как водоискатели не подходили близко к поселениям марсиан, мальчики не соблюдали никакой осторожности; они просто сидели и ждали.

Прошло около получаса, и марсианин вернулся. А может, это был другой марсианин, но, по крайней мере, таких же размеров. Виллиса с ним не было. Джим нахмурился.

— Идем со мной,— сказал марсианин на своем языке, сопроводив предложение вопросительным жестом.

— Мы идем или нет? — спросил Френк.

— Скажи ему — идем.— Френк исполнил просьбу. Они втроем пошли вниз. Марсианин положил большие руки-заслонки на плечи мальчиков и повел их вперед. Вскоре он остановился и поднял их. На этот раз они не возражали.

Хотя они уже прошли по тоннелю несколько сотен ярдов, здесь оставалось так же светло, как при дневном свете. Свет лился отовсюду, но особенно с потолка. По человеческим стандартам тоннель был большим, но для марсиан не более, чем просто удобный. Время от времени им встречались другие аборигены; если они двигались, их проводник всегда гудел приветствие, но если встречный был характерно неподвижен, словно находился в трансе, проходил, не издавая ни звука.

Один раз их проводник перешагнул через шар около трех футов в диаметре. Сначала Джим не понял, что это такое, затем бросил еще один взгляд и пришел в замешательство. Он повернул голову и внимательно посмотрел на него. ТАКОГО НЕ МОГЛО БЫТЬ — но это было!

Он пристально вглядывался в то, что не многие люди могли видеть когда-либо и ни один человек не захотел бы увидеть снова: марсианин сложился и скатал себя в шар, руки-зслонки закрывали все части тела, кроме изогнутой спины. Марсиане — современные, цивилизованные марсиане — не впадали в зимнюю спячку, но много веков назад их далеким предкам приходилось делать это, и теперь, если они хотели, они могли принимать такую сохраняющую тепло и влагу сферическую форму.

Но вряд ли они хотели этого.

Для марсиан свертывание являлось неким моральным эквивалентом смертельной дуэли на Земле. Они прибегали к этому в том случае, когда марсианин был обижен до такой степени, что уже ничто не могло удовлетворить его. Это имело такое значение: я бросаю вас, я оставляю ваш мир, я отрицаю ваше существование.

Первые пионеры Марса не понимали этого и по невежеству, из-за неверной оценки марсианских ценностей, не раз обижали их.

Это на много лет задержало колонизацию Марса и заставило Землю послать сюда много опытных дипломатов и специалистов по семантике, чтобы исправить неразумно причиненный вред. Джим

недоверчиво посмотрел на удаляющегося марсианина и задался вопросом: что́ бы могло заставить сделать это весь город? Он вспомнил жуткий рассказ о второй экспедиции на Марс, который поведал ему доктор Мак-Рэй.

— Так этот набитый дурак,— говорил доктор,— он был лейтенантом медицинской службы, чего я никак не могу представить, этот идиот схватил шар и попытался раскатать его. Вот тогда это и случилось.

— Что случилось? — спросил Джим.

— Он исчез.

— Марсианин?

— Нет, офицер-медик.

— Что? Как так исчез?

— Не спрашивай меня; я не видел этого. Свидетели, их было четверо, клятвенно утверждали, что сначала он там был, а потом его не стало. Как если бы он встретил буджама.

— Что такое «буджам»? — спросил Джим.

— Ты современный ребенок и не получил никакого образования? О буджамах написано в книге; я поищу ее для тебя.

— Но КАК он исчез?

— Не спрашивай меня. Если тебе от этого станет легче, можешь назвать это массовым гипнозом. Мне от этого легче, но не намного. Семь восьмых айсберга всегда скрыты под водой, вот и все, что я могу сказать.— Джим никогда не видел айсберга, и поэтому эта аллегория ни о чем не сказала ему, но когда он увидел свернувшегося марсианина, ему точно не стало легче.

— Ты видел это? — спосил Френк.

— Лучше бы не видел,— сказал Джим.— Интересно, что с ним случилось?

— Вероятно, он хотел найти мэра и заблудился.

— Это не повод для шуток. Может, он... Тише! — внезапно оборвал себя Джим. Он увидел другого марсианина, но не свернутого; вежливость требовала тишины.

Марсианин, который нес их, повернул налево и вошел в зал; там он опустил их на пол. Ребятам это помещение показалось очень большим; у марсиан оно, вероятно, предназначалось для общих собраний. Там было много составленных в круг конструкций, которые они использовали так, как земляне используют стулья. Это была круглая комната с куполообразным потолком; потолок создавал впечатление, будто находишься под открытым марсианским небом, бледно-голубым у горизонта, постепенно темнеющим, переходящим к пурпурному и наверху пурпурно-черным, со звездами, разбросанными тут и там.

Миниатюрное, вполне убедительное солнце висело над западным меридианом. Благодаря какой-то хитрости нарисованные горизонты

казались отдаленными. На северной стене был изображен канал Эре, проносивший мимо свои воды.

— Вот это мастер! — прокомментировал Френк; Джим не сумел высказать свое мнение.

Марсианин поставил их на две свободные конструкции. Мальчики даже не пытались воспользоваться ими; для того чтобы сидеть, обычная стремянка была бы более удобна и комфортабельна. Марсианин, с величайшей печалью в глазах, посмотрел сначала на них, потом на конструкции и вышел из комнаты.

Он быстро вернулся, за ним следовали двое других; все трое несли охапки цветной материи. Они свалили ее в кучу посередине комнаты. Первый марсианин поднял Джима и Френка и осторожно опустил их на кучу.

— Я думаю, он предлагает использовать это вместо стульев,— прокомментировал Джим.

Ткань была не сотканной, а сплошным полотном, похожим на паутину и почти таким же мягким, но гораздо крепче. Полотнища были раскрашены во все цвета всевозможных оттенков, от пастельно-голубого до ярко-красного. Мальчики развалились на них и стали ждать.

Их хозяин расслабился на одной из свободных конструкций; два других сделали то же самое. Ни один ничего не говорил. Мальчики были не туристы, поэтому они знали, что лучше не пытаться торопить марсиан. Прошло немного времени, и Джиму пришла в голову идея попробовать осторожно приподнять маску.

— Послушай! Ты что делаешь? Хочешь задохнуться? — заметив это, набросился на него Френк.

Джим совсем снял маску.

— Все нормально. Давление выше нормы.

— Этого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ.Мы же не проходили через переходную камеру.

— Попробуй сам,— сказал Джим.

Увидев, что он не задыхается и не становится вялым, Френк рискнул тоже сделать это. Он мог дышать спокойно и безо всяких неприятных последствий. Давление было такое же, каким они пользовались дома, и соответствовало стратосферному давлению Земли, что было достаточно для нормального отдыха человека.

Вошли еще несколько марсиан и неторопливо утвердили себя на конструкциях.

— Ты знаешь, что здесь происходит, Джим? — спустя некоторое время спросил Френк.

— Ну... может быть.

— Это не «может быть». Это называется «взрослеть вместе».

«Взрослеть вместе» — это неполный перевод марсианской идиомы, которая обозначает обычное для марсиан совместное действие—

сесть в круг и ничего не говорить. Но говорить так — все равно что изображать скрипичную музыку как протягивание лошадиного хвоста через высушенную кошачью кишку.

— Думаю, ты прав,— согласился Джим.— Лучше нам помолчать.

— Конечно.

Долгое время никто ничего не говорил. Медленно текли мысли Джима. Он думал о школе и о том, что он будет там делать, о своей семье и о прошедшей жизни. Его мысли вернулись к настоящему моменту. Он вновь начал осознавать происходящее и понял, что никогда не был так счастлив, как сейчас. Это было спокойное счастье; он был совершенно расслаблен и удовлетворен, но не чувствовал желания ни смеяться, ни даже улыбаться.

Он знал всех присутствующих марсиан, каждого отдельного марсианина, и с каждой протекающей минутой узнавал о них все больше. Он даже не представлял себе раньше, как они прекрасны. «Безобразен, как абориген» — это было обычное сравнение колонистов; Джим с удивлением вспомнил, что он сам иногда использовал его, но никак не мог понять, почему он это делал.

К тому же он много узнал о Френке, сидевшем рядом с ним, и понял, как сильно он его любит. Верный — это слово больше всего подходило Френку. Хорошо, если за твоей спиной стоит такой человек. Он не мог понять, почему никогда не говорил Френку, что любит его.

Он нежно, но без беспокойства, вспомнил о Виллисе. Такая компания не подходила Виллису; Виллису больше нравились шум и бурное веселье, а не изысканность. Джим оставил мысли о Виллисе, откинулся на спину и окунулся в радости жизни. Он с восторгом заметил, что миниатюрное солнце движется по потолку так же, как настоящее Солнце движется по небу, а не висит там, где его подвесил художник, проектировавший эту комнату. Он увидел, как оно продвинулось к западу и теперь клонилось к нарисованному горизонту.

Позади него послышался шум — два марсианина обменялись фразами, и один из них, покинув свое место, легкой походкой вышел из комнаты.

— Как я хорошо выспался,— сказал Френк и сел.

— Ты спал? — спросил Джим.— А я нет.

— Какого черта — нет. Ты храпел, как доктор Мак-Рэй.

— Да я совсем не спал.

— Это ты так говоришь!

Ушедший марсианин снова вернулся в комнату. Джим был уверен, что это тот же самый; они теперь не казались ему совершенно одинаковыми. Он нес питьевую воду. Френк вытаращил глаза.

— Ты думаешь, они хотят дать нам ВОДУ?

— Похоже на это,— с благоговением в голосе ответил Джим. Френк покачал головой.

— Никому не рассказывай об этом; все равно никто не поверит.

— Ты прав.

Церемония началась. Марсианин с чашей назвал свое собственное имя, пригубил чашу и передал ее по кругу. Второй марсианин назвал свое имя и пригубил чашу. Чаша перешла к следующему. Джим услышал, как марсианин, доставивший их сюда, назвался: «Гекко». Джиму показалось, что это хорошее имя и вполне подходит хозяину. Наконец чаша с водой пришла к Джиму. Марсианин передал ее с пожеланием «никогда не страдать от жажды». Джим ясно понял смысл слов.

— Чтобы у тебя всегда, когда захочешь, была вода! — хором сказали сидевшие вокруг него.

Джим взял чашу и решил, что доктор был не прав, когда говорил, будто у марсиан нет ничего, чем бы могли воспользоваться люди.

— Джим Мэрлоу! — возвестил он и сделал маленький глоток.

Он вернул чашу, порылся в своих несовершенных познаниях доминирующего языка и, сконцентрировав внимание на акценте, ухитрился сказать: — Пусть вода у вас будет чистой и в достатке.

Раздался шепот одобрения. Марсианин передал чашу Френку.

Когда церемония завершилась, в комнате поднялся шум. Марсиане болтали, словно люди на вечеринке. Джим тщетно пытался понять, что говорил ему марсианин, рост которого почти в три раза превышал роста Джима, когда его отвлек Френк.

— Джим! — сказал он.— Ты видишь это солнце? Мы можем проворонить скутер!

— Как? Это не настоящее солнце; это игрушка.

— Да, но оно соответствует настоящему. Мне сказал это марсианин.

— Ох, ради бога! Где Виллис? Гекко — где Гекко?

Гекко услышал свое имя и подошел; он что-то вопросительно прокудахтал Джиму. Джим, спотыкаясь на синтаксисе, используя неправильные символы и со своим акцентом, оставляющим желать лучшего, попытался объяснить свою беду. Френк оттеснил его в сторону и заговорил сам.

— Они доставят нас на место до захода солнца,— сказал он Джиму,— но Виллис останется здесь.

— Почему? Они не могут этого сделать!

— Я говорю только то, что сказал он.

Джим задумался.

— Скажи, пусть он принесет Виллиса сюда, и скажет ЕМУ ОБ ЭТОМ.

Гекко согласился. Виллиса принесли и положили на пол. Он, переваливаясь, подошел к Джиму и сказал:

— Привет, Джим-мальчик! Привет, Френк-мальчик!

— Виллис,— серьезно сказал Джим.— Джим уходит. Виллис пойдет с Джимом?

Виллис был озадачен.

— Оставайся здесь. Джим останется здесь, и Виллис останется здесь. Хорошо.

— Виллис,— с жаром сказал Джим.— Джим ДОЛЖЕН уйти. Виллис пойдет с Джимом?

— Джим уйдет?

— Джим уйдет.

Казалось, будто Виллис пожал плечами.

— Виллис пойдет с Джимом,— печально сказал он.

— Скажи об этом Гекко.

Виллис сказал. Марсианин, казалось, был удивлен, но спорить не стал. Он поднял обоих мальчиков и прыгуна и вышел за дверь. Другой марсианин — Джим вспомнил, что он назвался Г'куро — освободил Гекко от Френка и пошел сзади. Проходя по тоннелю, Джим вдруг почувствовал, что ему нужна маска; Френк тоже надел свою.

Свернувшийся марсианин все еще находился в коридоре; те, что несли их, безо всяких замечаний перешагнули через него.

Когда они вышли на поверхность, солнце было очень низко. Хотя марсиане не торопились, их нормальные шаги составляли хорошую скорость; трехногая парочка быстро прошла три мили до Станции Циния. Солнце достигло горизонта, когда мальчиков и Виллиса марсиане доставили на док. Сразу же марсиане повернулись и пошли назад, торопясь к теплу их города.

— До свидания, Гекко! — крикнул Джим.— До свидания, Г'кӯро!

Водитель и станционный смотритель вышли на док; было очевидно, что водитель был готов стартовать и оставить своих пассажиров.

— Ну что? — сказал станционный смотритель.

— Мы готовы,— ответил Джим.

— Я вижу,— сказал водитель и пристально посмотрел вслед удаляющимся фигурам. Он подмигнул и повернулся к станционному смотрителю.— Мы можем оставить этот вопрос, Георг.— Он кивнул мальчикам.— Ну, давайте на борт.

Они влезли в скутер и поднялись в купол наблюдения. Скутер по уклону сполз на поверхность льда, повернул налево, в канал Эре, и набрал скорость. Солнце опустилось за горизонт; пейзаж скудно освещался коротким марсианским закатом. По обоим берегам мальчики могли видеть сворачивающиеся на ночь растения. За несколько минут поверхность, покрытая густой растительностью еще полчаса назад, стала голой, как настоящая пустыня.

Вышли редкие и ослепительные звезды. Над видимым горизонтом повисли мягкие занавески сияния. На западе поднимался тусклый устойчивый свет, двигающийся против движения звезд.

— Смотри! — сказал Френк.— Там Фобос.

— Я вижу,— ответил Джим.— Холодно. Давай спать.

— Ладно. Только я хочу есть.

— У меня осталось несколько сэндвичей.— Они сжевали по одному, спустились в нижний отсек и забрались на койки. Тем временем скутер миновал город Гесперидум и свернул на северо-запад, в канал Эрементус, но Джим не знал этого; он спал, и ему снилось, что они с Виллисом поют дуэтом перед изумленными марсианами.

Водитель растолкал их.

— Выходите! Конец маршрута!

— Что?

— Приехали, друзья по плаванию. Это — Малые Зыбучие Пески.

4. АКАДЕМИЯ ЛОУЭЛЛА

Дорогие мама и папа.

Я не смог позвонить вам в среду ночью, потому что мы приехали только в четверг утром. Когда я попытался позвонить в четверг, оператор сказал, что Деймос сейчас находится над северной Колонией и поэтому связаться с вами через Деймос я смогу не раньше чем через три дня. Письмо должно дойти до вас быстрее, к тому же это сэкономит вам четыре с половиной кредита, которые вам пришлось бы заплатить за телефонный вызов. Но теперь я понял, что не смогу сразу отправить это письмо и, возможно, вы получите его после того, как появится возможность сделать телефонный вызов, если, конечно, я его сделаю. Вы даже не представляете себе, сколько здесь всяких дел и как много времени они отнимают у меня. Во всяком случае, мать Френка, вероятно, сообщит вам, что мы добрались нормально, так что, не делая телефонного вызова, я все-таки сэкономлю вам четыре с половиной кредита.

Я так и слышу, как Филлис говорит, будто я намекаю на то, чтобы вы переслали мне эти сэкономленные мной четыре с половиной кредита, но это не так. У меня еще осталось немного денег из тех, что вы дали мне перед отъездом, и кроме этого, я сохранил часть денег со дня рождения. Поэтому если я не буду слишком тратиться, мне хватит их до того, как вы прибудете сюда после начала Миграции, хотя цены здесь больше, чем дома. Френк говорит, что цены здесь выше из-за туристов, но сейчас здесь никаких туристов нет

и не будет до следующей недели, пока не прибудет «Альберт Эйнштейн». В любом случае, если вы разделите со мной те деньги, у вас останется чистых два с четвертью кредита.

Мы прибыли сюда в четверг утром, потому что водитель побоялся, что лед может испортиться, и мы пережидали на Станции Циния, где Френк и я попусту болтались вокруг, убивая время до захода солнца.

Мы с Френком решили поселиться вместе и получили превосходную комнату. Она, правда, рассчитана только на одного мальчика и в ней единственный письменный стол, но мы главным образом готовимся одновременно по разным предметам, а компьютером пользуемся вместе. Я записываю это письмо на нашем учебном магнитофоне, потому что Френк ушел дежурить по кухне, а я уже все выучил, кроме истории, но ее мы будем делать с Френком, когда он вернется. Профессор Стибен говорит, что совершенно не представляет себе, что он будет делать, если сюда прибудут еще студенты, так как все комнаты уже заняты, разве что развешивать их на крючки, но это он, конечно, пошутил. Он много шутит, и будет очень жаль, когда он уедет на «Альберте Эйнштейне» и его сменит новый директор.

Ну вот и все пока. Френк вернулся, и сейчас мы займемся работой, потому что завтра у нас будет викторина по истории.

Ваш любящий сын
Джеймс Мэдисон Мэрлоу-младший.

P. S. *Френк сказал, что не станет посылать письмо своим родителям и не будет возражать, если вы позвоните его матери и скажете, что у него все в порядке. И пусть она вышлет его фотоаппарат, он забыл его.*

PPS. *Виллис посылает вам большой привет. Я спрашивал его.*

PPPS. *Передайте Филлис, что девочки здесь красят волосы в полоску. По-моему, это выглядит глупо.*

Джим.

Если бы профессор Отто Стибен, магистр Гуманитарных Наук, не улетел, жизнь Джима в Академии Лоуэла могла бы сложиться по-другому. Но он улетел. Он вернулся в долину Сан-Фернандо на заслуженный отдых. Проводить его в Марсопорте пришла вся школа. Он махал руками, немного всплакнул и попросил их позаботиться о Маркусе Хове, недавно прибывшем с Земли и теперь сменившем его.

Когда Френк и Джим вернулись из космического порта, они увидели, что те, кто вернулся раньше них, собрались около доски объявлений. Они подошли к столпившимся и прочитали вывешенную заметку.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Все студенты должны сохранять свои комнаты, в которых они живут, в чистоте и в опрятности все время. Проверки, проводимые студентами-старостами, оказались неудовлетворительными. Поэтому еженедельные осмотры спальных комнат будут проводиться директором Школы. Первый такой осмотр состоится в субботу, 7-го Церера, в десять ноль-ноль.

/подписано/
М. Хове, директор Школы.

— Ну, прыгай от радости! — воскликнул Френк.— Джим, что ты думаешь об этом?

Джим мрачно посмотрел на объявление.

— Я думаю, что сегодня шестое Церера.

— Эх, но какая идея? Может, он думает, что это исправительная колония? — Френк повернулся к старшему студенту, который до настоящего времени был старостой их коридора.— Андерсон, что ты думаешь об этом?

— Не знаю. Я думал, что мы все делаем правильно.

— Ну, и что ты будешь делать теперь?

— Я? — Молодой человек задумался прежде чем ответить.— Мне остался только один семестр, а потом я уйду отсюда. Я думаю, что я закрою свой рот, буду сидеть тихо, не высовываться и обойдусь без неприятностей.

— Да? Тебе, конечно, легко говорить, но мне в лицо смотрят двенадцать семестров. Я что? Преступник?

— Это твои проблемы, парень.

Старший студент ушел.

Одного мальчика, казалось, совсем не волновало объявление. Это был Герберт Бичер, сын постоянного генерального представителя Компании, недавно прибывшего на Марс. Заметив его, один из мальчиков усмехнулся.

— Ты что какой самодовольный, турист? — спросил он.— Ты знал об этом раньше?

— Конечно.

— Держу пари, это ты придумал.

— Нет, это мой старик. Он говорит, что такие чучела, как вы, очень долго увертывались от этого. Мой старик говорит, что Стибен был слишком мягким, чтобы поддерживать хоть какую-то дисциплину в школе. А еще мой старик говорит, что...

— Нам наплевать, что говорит твой старик. Пошел вон!

— Лучше не говори так о моем старике. Я...

— Я сказал, убирайся!

Молодой Бичер смотрел на своего противника — рыжеголового мальчика, Келли,— решая, что ему предпринять. Он отвел взгляд.

— Он может позволить себе скалить зубы,— жестко сказал Келли,— потому что он живет в квартире своего старика. Это касается только тех, кто живет в школе. Это дискриминация — вот что это такое!

Около трети студентов, в основном сыновья служащих Компании, базирующихся в Малых Зыбучих Песках, находились в школе только днем. Другие две трети были детьми жителей мигрировавшей колонии и рабочих далеких станций, реализующих атмосферный Проект. Большинство из последних составляли боливийцы, тибетцы, плюс несколько эскимосов. Келли повернулся к одному из них.

— Ну как, Чин? Мы смиримся с этим?

На широком лице азиата не было никакого выражения.

— Все равно не будет никакого толка.— Он повернулся, чтобы уйти.

— Как? Ты хочешь сказать, что не встанешь за наши права?

— В этом я пас.

Джим и Френк вернулись в свою комнату и продолжили спор.

— Френк,— спросил Джим,— ну что теперь? Как ты думаешь, они провернули подобный фокус и в женской школе?

— Я могу вызвать Долорес Моунтз и спросить ее.

— Ммм... не суетись. Я думаю, это не главное. Вопрос в том, что делать нам?

— А что мы можем сделать?

— Не знаю. Я бы хотел посоветоваться со своим отцом. Он всегда говорил, чтобы я стоял за свои права,— но может, он посоветует что-то более конкретное. Я не знаю.

— А может, нам и правда посоветоваться с отцами? — сказал Френк.

— Ты хочешь вызвать колонию сегодня вечером? А связь установилась?

— Нет, я не хочу вызывать; это слишком большие издержки. Мы дождемся начала Миграции, и тогда наши семьи придут сюда; осталось не так уж долго ждать. Когда родители будут здесь, мы изменим свое положение, а пока будем сидеть тихо и делать то, что нам говорят. Это лучшее, что мы можем придумать.

— Кажется, ты говоришь разумно.— Джим поднялся.— Я уверен, мы сможем разобраться в этой свалке и привести все в порядок.

— Ладно. Скажи, Джим, председателя Компании зовут не Хове?

— Джон Ь. Хове,— согласился Джим.— Что дальше?

— Директор Школы тоже Хове.

— О.— Джим покачал головой.— Это ничего не значит. Хове — очень распространенная фамилия.

— Держу пари, это имеет значение. Док Мак-Рэй говорил: если хочешь получить приличную должность в Компании, ты должен иметь родственников в руководстве. Док говорил, что Компания — словно одна большая счастливая семья, и эта некоммерческая корпорация является величайшей шуткой со времен, как бог создал первую женщину.

— Ну... я не знаю. Куда девать этот хлам?

Следующим утром за завтраком отпрыски в основном были готовы к тому, что изображалось как «Официальное Обустройство Комнат для Проверки»; мальчики занимались этим ночью до тех пор, пока не закончили. Так как инструкция директора Школы Хове не предусматривала возможность, что два мальчика могут жить в одноместной комнате, ребятам пришлось потрудиться, чтобы привести ее в относительный порядок; но все же к десяти часам они еще не были готовы. Однако прошло почти два часа от назначенного времени, когда директор Школы появился в их одноместной спальне.

Он просунул голову в дверь, как бы решая, стоит ли входить, и затем вошел. Он показал на их наружные костюмы, висевшие на дверке одежного шкафчика.

— Почему вы не удалили эти варварские украшения с масок? — Мальчики были поражены; Хове продолжал: — Вы не видели доску объявлений сегодня утром?

— Нет, сэр.

— Сделайте это. Вас касается все, что вывешивается на доске объявлений.— Он крикнул в сторону двери: — Дневальный!

В дверном проеме появился один из старших студентов.

— Да, сэр.

— Эти двое не удовлетворили требования осмотра, поэтому мы не удовлетворим их надежды на выходной день. У каждого несколько замечаний.— Хове осмотрелся вокруг.— Комната содержится в невероятном беспорядке. Почему вы не выполнили предписание?

Джим не мог сказать ни слова; его язык был связан явной несправедливостью вопроса. Наконец он выдавил из себя:

— Но эта комната предназначена для одного человека. Мы сделали все, что могли.

— Не оправдывайтесь. Комната будет опрятной, если вы аккуратно сложите вещи и избавитесь от всего лишнего.— Его глаза остановились на Виллисе, который при появлении незнакомцев отступил в угол и свернулся там в шар. Хове показал на него: — Спортивное снаряжение должно храниться в верхнем шкафчике или в гимнастическом зале, а не валяться в углу.

Джим попытался что-то сказать, но Френк наступил ему на ногу. Хове двинулся к двери, продолжая на ходу читать нотацию.

— Я понимаю, молодые люди, что вы были оторваны от цивилизации и не имели навыков поведения в обществе, но я сделаю все, что смогу, чтобы излечить вас от этого. Я хочу, чтобы эта Школа, кроме всего прочего, сделала из вас молодых джентльменов.— Он остановился в дверях и добавил: — Когда вы отчистите свои маски, доложите мне. Я буду в своем кабинете.

Когда Хове уже не мог их слышать, Джим сказал:

— Ты зачем наступил мне на ногу?

— Идиот, он подумал, что Виллис мяч.

— Я знаю; поэтому я хотел сказать правду.

Френк фыркнул.

— Тебе надоела спокойная жизнь? Ты хочешь сохранить Виллиса или нет? Он разработает такие правила, по которым это будет невозможным.

— Он не сделает этого!

— Какого черта, не сделает? Я подозреваю, что наш товарищ Хове проявит здесь все свои таланты. Скажи, что он имел в виду, когда говорил о «замечаниях»?

— Не знаю, но надо думать, ничего хорошего.— Джим снял свою маску и посмотрел на яркие тигровые полосы.— Знаешь, Френк, кажется, я не хочу становиться «молодым джентльменом».

— Мы оба!

Чтобы избежать очередных неприятностей и чтобы привести маски в порядок за один раз, они решили сначала взглянуть на доску объявлений. Они пошли в фойе: На доске была приколота бумага.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

1. *Практика раскрашивания* респираторных масок должна быть прекращена. Маски должны быть отчищены. Каждый студент должен четко написать свое имя на груди и на спине своего наружнего костюма. Высота букв один дюйм.

2. Везде, кроме их собственных комнат, студенты должны быть в рубашках и туфлях.

3. Держать домашних животных запрещается. В некоторых случаях, когда животные представляют интерес как научные образцы, кормление и содержание их должно проводиться в биологической лаборатории.

4. В спальных комнатах запрещается хранить продукты питания. Получив в посылке пищевые продукты, студенты обязаны сдать их сестре-хозяйке и могут брать их в небольших количествах сразу после еды, исключая завтрак в субботу. По специальному разрешению может быть выдано большое количество сладостей в таких случаях, как день рождения и т. п.

5. За нарушения дисциплины студенты будут наказываться в выходные дни. Они могут читать, заниматься, писать письма, играть на музыкальных инструментах или слушать музыку. Им не разрешается играть в карты, заходить в комнаты других студентов и по каким-либо причинам покидать Школу.

6. Студенты, желающие сделать телефонный вызов, должны подать заявку и, в случае одобрения, взять ключ от пункта связи в кабинете директора Школы.

7. Совет студентов распускается. Студенческое самоуправление может быть возобновлено, если поведение большинства студентов оправдает это.

/подписано/
М. Хове, директор Школы.

Джим свистнул.

— Ты видел это, Джим? — сказал Френк.— Распустить Студенческий Совет — только представь себе это! Ты уверен, что мы сможем снова организовать его? Что он с нами делает?

— Хоть обыщи меня, Френк, но у меня НЕТ рубашки.

— Я могу одолжить тебе рабочую рубашку, до того как ты купишь новую. Но взгляни на параграф три — тебе лучше позаботиться о нем.

— Ну? И что такого?— Джим перечитал еще раз.

— Тебе лучше наладить отношения с учителем биологии; так ты сможешь пристроить Виллиса.

— Что? — Джим просто не связывал предписание о домашних животных с Виллисом; он никогда не думал о Виллисе как о домашнем животном.— О, я не могу этого сделать. Он будет ужасно несчастлив.

— Тогда тебе лучше отправить его домой, и пусть твоя семья позаботится о нем.

Джим с норовом посмотрел на Френка.

— Я не сделаю этого. Я не могу!

— Что же ты будешь делать?

— Не знаю.— Он задумался.— Я ничего не буду делать. Я буду хранить его тайно. Хове даже не узнает, что я держу его.

— Ну... твоя затея может провалиться, если кто-нибудь донесет на тебя.

— Я не думаю, чтобы кто-то из ребят был бы на это способен.

Они вернулись в свою комнату и попытались удалить краску со своих масок. Это не принесло успеха; краска въелась в пластик, и они только размазали ее по респиратору. В это время в дверь просунулась голова студента. Его звали Смит.

— Вы уже очистили свои маски?

— Как? Это невозможно сделать; краска впиталась.

— Не вы первые обнаружили это. Но, по доброте моего сердца и с готовностью быть полезным обществу, я могу покрасить ваши маски в естественный цвет — по четверти кредита за маску.

— Кажется, в этом есть смысл,— согласился Джим.

— Вы согласны или нет? Скорее, меня ждет народ.

— Смит, ты мог бы продавать билеты на похороны своей бабушки.— Джим отдал ему четверть кредита.

— Это неплохая мысль. Как ты думаешь, какую мне запросить цену? — Он достал кисть и краску и быстро закрасил великолепную расцветку, используя краситель, который был немного светлее, чем темно-коричневый оригинальный оттенок.— Вот! Это высохнет за пару минут. Как ты, Саттон?

— Ладно, пиявка,— согласился Френк.

— Не слишком ли много ты говоришь о своем благодетеле? Вместо того чтобы идти на свидание к девочкам, я растрачиваю мою драгоценную субботу, помогая вам.— Смит быстро разделался с маской Френка.

— Ты хочешь сказать, расходуешь свое время, чтобы собрать деньги для своего свидания,— поправил Джим.— Смит, что ты думаешь о новых правилах, которые выдумал директор? Должны мы подчиняться или поднять крик?

— Крик? Зачем? — Смит собрал свои инструменты.— На каждом пункте можно сделать прекрасный бизнес, если у тебя хватит ума это понять. Когда возникнут затруднения, ищите Смита — специальная служба работает в любое время.— Он остановился в дверях.— Только не упоминайте о билетах на похороны моей бабушки; она захочет провернуть это сама, прежде чем перекинется. Бабуля очень проницательная девочка, если дело касается кредитов.

— Френк,— заметил Джим, когда Смит ушел,— в этом парне есть нечто такое, что мне не нравится.

Френк пожал плечами.

— Он выручил нас. Сдержи свои чувства и пойдем исправлять список наказанных.

— Хорошо. Он напомнил мне, как Док говорил: «Каждый когда-либо написанный закон раскрывает новые пути к взяточничеству».

— Я бы не сказал, что это неизбежно. Идем.

Перед кабинетом директора Школы они увидели длинную очередь ожидающих. В конце концов, в очередной группе из десяти человек, они вошли в кабинет. Хове быстро осмотрел каждую маску и начал читать нотацию.

— Молодые джентльмены, я надеюсь, что это послужит вам уроком не только в аккуратности, а и в расторопности. Увидев на доске объявлений новое распоряжение, вы, каждый из вас, должны были сразу идти готовиться к проверке. Я хочу, чтобы вы поняли:

раскрашивая свои лица, вы далеко перешли границы ребячества и неуемной дикости. Я расцениваю это как оскорбление.

Он остановился и удостоверился, что его внимательно слушают.

— Я не вижу причин, вызывающих такую грубость и вульгарность в манерах колонистов, но, как глава этого учреждения, я хочу видеть, что любые недостатки будут исправлены. Вы не в колонии, и поэтому все предметы в ваших комнатах должны лежать на своих местах. Первая, а возможно и единственная, цель воспитания — это становление характера, но характер может быть выработан только через жесткую дисциплину. Я льщу себя надеждой, что хорошо справлюсь с поставленной задачей, так как прежде чем попасть сюда, я имел двадцатилетний стаж преподавательской работы в Военной Академии Скалистых Гор. Превосходная школа, школа, которая выпускала МУЖЧИН.

Он снова сделал паузу, давая слушателям проникнуться его словами. Придя сюда, Джим был готов выслушать все без пререканий, но высокомерные слова школьного учителя и особенно его намеки на то, что хуже колонистов никого не может быть, постепенно завели его.

— Мистер Хове! — громко сказал он.

— Да? Что?

— Это не Скалистые горы; это Марс. И здесь не Военная Академия.

За короткое время на лице мистера Хове промелькнули удивление и гнев, переросшие в ярость, что, казалось, могло привести его к параличу. Немного сдержав себя, он спросил сквозь зубы:

— Как тебя зовут?

— Мэрлоу, сэр. Джеймс Мэрлоу.

— Было бы гораздо, гораздо лучше для тебя, Мэрлоу, если бы здесь была Военная Академия.— Он повернулся к остальным.— Все могут идти. Наказание в выходной день отменяется. Мэрлоу, останься.

Когда все ушли, Хове сказал:

— Мэрлоу, в твоих словах самое оскорбительное — что самоуверенный и наглый мальчишка, неблагодарный выскочка, не знает своего места. По милости Компании вы получаете прекрасное воспитание. Это просто неприлично — пускать дешевые остроты в адрес человека, которого Компания поставила следить за вашим обучением и благополучием. Ты понял это?

Джим промолчал.

— Ну ладно! Будь откровенным, парень — признай свою вину и извинись. Будь мужчиной!

Джим продолжал молчать. Хове барабанил пальцами по столу.

— Ну хорошо,— наконец сказал он.— Иди в свою комнату и подумай над этим. В твоем распоряжении все выходные.

Когда Джим вернулся в свою комнату, Френк восхищенно посмотрел на него и покачал головой.

— Парень, ох, парень,— сказал он,— ты был безрассуден.

— Но ему надо было сказать.

— Конечно, надо. Но какие у тебя теперь планы? Перережешь себе горло или уйдешь в монастырь? Старик Хове теперь не будет спускать с тебя глаз. В сущности, жить рядом с тобой становится небезопасно.

— Черт возьми, Френк, если тебя это не устраивает, можешь поискать другого соседа.

— Полегче, полегче! Я не убегаю от тебя. Я буду с тобой до конца. «Улыбаясь, мальчик упал мертвым». Я рад, что ты все высказал ему. Сам я не смог бы этого сделать.

Джим бросился на свою кровать.

— Не скажу, что мне очень нравится это место. Я не люблю, когда мне выкручивают руки и насмехаются надо мной, словно я бесчувственный чурбан. А теперь еще добавилось это. Что мне делать?

— Будь я проклят, если знаю.

— Это было прекрасное место, когда здесь был старик Стибен. Мне даже нравилось здесь.

— Стибен был хороший. Все, что ты МОЖЕШЬ сделать, Джим, это заткнуться и надеяться, что он все забудет.

— Послушай, мало кому нравятся эти нововведения. Возможно, если мы поднимемся все вместе, мы сможем что-нибудь изменить.

— Ничего подобного. Ты был единственный, у кого не дрогнула кишка, чтобы высказаться. Ерунда. Даже я не поддержал тебя — а я согласен с тобой на все сто процентов.

— Ладно, будем отправлять письма родителям?

Френк покачал головой.

— В письме не расскажешь всего — разве что самую малость. Затем ты окажешься в пиковом положении, вроде подстрекательства к бунту или другой подобной чепухи. Во всяком случае,— продолжал он,— что ты сможешь сказать в письме? Что ты готов отрезать себе палец и этим доказать, что мистер Хове сделал что-то такое, на что он не имел права? Я знаю, что может ответить на это мой старик.

— Что он может ответить?

— Он много раз рассказывал мне о школе, в которую он ходил на Земле, и о том, какое это было суровое место. Я думаю, он даже немного гордится этим. Если я скажу ему, что Хове не разрешает нам хранить печенье в своей комнате, он просто рассмеется надо мной. Он скажет: «Френк, поверь мне, это неприлично—держать продукты в комнате». Вот и все.

— Да, конечно. Я знаю это. Попробуй сказать такое моему

старику. Все, что мы можем открыть им,— незначительные факты наподобие этого. Прежде чем мы сможем убедить родителей сделать что-то, у нас должно произойти нечто более ужасное.

К концу дня рассуждения Френка подтвердились. Едва новость распространилась, как к ним один за другим стали заходить студенты. Некоторые просто пожать руку Джима за смелое выступление против директора Школы, некоторые из любопытства, посмотреть на странную личность, безрассудно выступившую наперекор авторитету Хове. Но Джиму стало ясно: никто не любил нового главу Школы, все были недовольны если не всеми, то хотя бы некоторыми из его «дисциплинарных» нововведений, и ни один не собирался присоединиться к нему или последовать его примеру.

В воскресенье Френк ушел в Малые Зыбучие Пески — поселение землян, расположенное недалеко от Марсианского города. Джим остался в их комнате под домашним арестом, где он готовил уроки и разговаривал с Виллисом. К ужину Френк вернулся назад.

— Это тебе сюрприз,— объявил он и бросил Джиму маленький сверток.

— Ты настоящий друг! Что это?

— Открой и увидишь.

Это была запись нового танго, сделанная в Рио и присланная с Земли на «Альберте Эйнштейне». На кассете была надпись «Quien Es la Señorita?» Джиму очень нравилась латиноамериканская музыка; Френк помнил об этом.

— Ох, парень! — Джим подошел к учебному магнитофону, вставил кассету и уже готов был включить воспроизведение, но Френк остановил его.

— Лучше подожди. Уже был звонок на ужин.

Джим неохотно уступил, но когда вернулся после ужина, проиграл запись несколько раз в течение вечера, в то время как Френк готовился к урокам. Он даже проиграл это еще раз перед тем, как выключить свет.

Около пятнадцати минут в комнате было темно и тихо, как вдруг « Quien Es la Señorita?» зазвучала снова. Френк сел.

— Какого черта? Джим — не включай это сейчас!

— Я не включал,— возразил Джим.— Это, наверное, Виллис. Ну, конечно, Виллис.

— Ну, заставь его замолчать. Накрой его подушкой.

Джим включил свет.

— Виллис, мальчик... эй, Виллис! Прекрати этот шум!

Вероятно, Виллис даже не слышал его. Он стоял в середине комнаты и отбивал такты стебельками глаз. Его исполнение было превосходным, со всеми маримбами * и полным хором.

---

* Маримба — южноафриканский музыкальный инструмент.

Джим поднял его.

— Виллис! Замолчи, приятель.

Виллис продолжал отбивать такты.

Дверь резко распахнулась, и на пороге возник директор Школы.

— Я так и думал,— с триумфом возвестил он,— кроме всего прочего, еще и неуважение к окружающим. Выключи магнитофон. И прими во внимание, тебе придется провести в этой комнате весь месяц.

Виллис продолжал петь; Джим попытался прикрыть его своим телом.

— Ты не слышал мой приказ? — спросил Хове.— Я сказал, выключи эту музыку.— Он шагнул к столу и повернул выключатель магнитофона. Поскольку он уже был выключен, Хове только сломал на пальце ноготь. Он сдержал неподобающие директору Школы выражения и сунул палец в рот. Виллис продолжал свое самозабвенное выступление. Хове повернулся.

— Как вы посмели проводить здесь проводку? — набросился он на ребят. Не получив ответа, он шагнул к Джиму и сказал: — Тебя давно не пороли? — Он оттолкнул Джима и с явным недоверием и отвращением посмотрел на Виллиса.— Что ЭТО?

— Эх, *это Виллис*,— стараясь, чтобы голос был твердым, ответил несчастный Джим.

Хове был не так глуп; он понял, что музыка, которую он слышит, исходит от странной пушистой сферы, находящейся перед ним.

— А могу я спросить, что такое «Виллис»?

— Ну, он... прыгун. Вид марсиан.— В этот момент Виллис решил закончить произведение; он выдал глубоким контральто buenas noches и замолчал.

— Прыгун? Я никогда не слышал о них.

— Даже среди колонистов не многие видели их. Они редко встречаются.

— Не слишком редко. Я полагаю, это вид марсианского попугая.

— О нет!

— Что значит «О нет»?

— Он совсем не попугай. Он говорит, он думает — он мой друг!

Подавив свое удивление, Хове вспомнил о цели своего визита.

— Это не имеет значения. Ты видел мой приказ о домашних животных?

— Да, но Виллис не животное.

— Что же это тогда?

— Ну, его НЕЛЬЗЯ назвать домашним животным. Животные — это звери; они собственность. Виллис не собственность; он... ну, он просто Виллис.

Виллис выбрал момент и продолжил то, что он услышал после последнего проигрывания танго.

— Когда я слушаю эту музыку,— заметил он голосом Джима,— я даже забываю о старом мерзавце Хове.

— А я не могу его забыть,— Виллис перешел на голос Френка.— Я бы хотел, чтобы у меня хватило силы воли высказать ему — что я о нем думаю, как это сделал ты, Джим. Знаешь что? Мне кажется, Хове чокнутый, в прямом смысле этого слова. Держу пари, когда он был ребенком, он был трусом, и это скрутилось у него внутри.

Хове побелел. Психоанализ Френка ударил в самую точку. Он поднял руку, как бы готовясь к удару, и опустил ее. Виллис втянул в себя все свои отростки и превратился в круглый шар.

— Я сказал, что это животное,— грубо заявил он, когда к нему вернулся голос. Он подхватил Виллиса и понес его к двери.

Джим бросился за ним.

— Послушайте! Мистер Хове... Вы не можете забрать Виллиса!

Директор Школы повернулся.

— О, я не могу... я не могу? Возвращайся в постель. Завтра зайдешь ко мне в кабинет.

— Если вы что-нибудь сделаете Виллису, я... я...

— Что ты? — он сделал паузу.— С твоим драгоценным животным ничего не случится. А теперь, пока я не избил тебя, возвращайся в постель.— Он повернулся и, не удостоверившись, что его приказ выполнен, ушел.

Джим стоял и смотрел на закрытую дверь. Слезы ручьями стекали по его щекам, гневные рыдания сотрясали все его тело. Френк подошел и положил руку на его плечо.

— Джим, Джим, успокойся. Ты же слышал, он обещал не обижать Виллиса. Ложись спать, а решение примешь утром. В худшем случае, тебе придется отправить Виллиса домой.— Джим сбросил его руку. Френк продолжал.— Парень, не давай ему сделать из тебя козла отпущения; если ты разозлишься, ты можешь выкинуть какую-нибудь глупость, и тогда он доберется до тебя.

— Я уже разозлился.

— Я знаю, и не виню тебя за это. Но ты должен взять себя в руки. Ты же сам видишь — он загоняет тебя в ловушку. Что бы он ни сделал, что бы ни сказал тебе, ты должен сохранить хладнокровие и перехитрить его — или он перехитрит тебя.

— Кажется, ты прав.

— Я знаю, что я прав. Это же самое мог сказать тебе Док. А теперь пошли спать.

Ни тот, ни другой не смогли спокойно выспаться в эту ночь. Под утро Джиму приснился кошмар, будто Хове пытается развернуть марсианина, свернувшегося в шар по своему собственному приговору.

На следующее утро, когда ребята пошли на завтрак, они увидели на доске объявлений новое распоряжение.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В дальнейшем все личное оружие должно храниться в арсенале. Студенческая оружейная мастерская закрывается; оружие будет выдаваться лично директором Школы и только тем студентам, которые покидают Школу и направляются в колонию. На территории Школы, где нет реальной угрозы от марсианской фауны, ношение оружия должно быть прекращено.

(подписано)
М. Хове, директор Школы

Джим и Френк прочитали это вместе.

— Я не понимаю,— сказал Джим,— зачем он хочет наступить нам на любимую мозоль? Тем более что большинство из нас имеет разрешение на ношение оружия? — Студенты обычно хранили оружие в арсенале, но оружейные мастера обращали особое внимание только на тех, кто еще не успел получить разрешение.

Френк перечитал объявление.

— Знаешь, что я думаю?

— Нет. А что?

— Я думаю, он боится лично тебя.

— Меня? Почему?

— Из-за того, что случилось прошлой ночью. В твоих глазах было написано, что ты можешь убить его, и он заметил это. Я думаю, он хочет «вырвать у тебя зубы». Вряд ли он будет поднимать крик, если остальные останутся верными своему оружию.

— Ты действительно так думаешь? Гм... может, это к лучшему, что наши бластеры сейчас не в арсенале.

— Есть вопрос: что ты собираешься делать?

Джим задумался.

— Я не сдам свое оружие. Я уверен, отец не одобрил бы этого. Во всяком случае, у меня есть разрешение или нет? Меня считают метким стрелком, я прошел психотесты и дал присягу; я так же имею право носить оружие, как и он.

— Ладно, в этом я с тобой. Но прежде чем ты пойдешь к нему, мы должны подумать, куда все спрятать.

Идея пришла к ним за завтраком — их выручит Смит. Понизив голос, Френк сказал об этом Джиму. После завтрака они подошли к нему и отвели в свою комнату.

— Слушай, Смит,— начал Джим.— На тебя можно положиться или нет?

— Ммм... возможно. Что дальше?

— Ты видел сегодня утром новое объявление?

— Конечно. Кто же его не видел? Все только об этом и говорят.

— Ты будешь сдавать свой бластер?

— Мой бластер в арсенале. Зачем он мне здесь? Здесь мне нужна только голова.

— В таком случае у тебя не будут требовать сдавать оружие. Ты не мог бы спрятать два свертка? Ты не открывал их и не знаешь, что в них находится. Как ты думаешь, ты сможешь найти надежное, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО надежное место, чтобы сохранить их и отдать по первому требованию.

— Я полагаю, вы не хотите, чтобы я кому-нибудь рассказывал об этих свертках?

— Нет. Никому.

— Гмм... услуги такого рода ценятся высоко.

— Сколько?

— Ну, я бы перестал себя уважать, если бы согласился сделать это меньше чем за два кредита в неделю.

— Это слишком дорого,— резко вставил Френк.

— Но вы мои друзья. Поэтому я определю вам единую ставку — восемь кредитов до конца года.

— Тоже много.

— Ладно, шесть кредитов и больше никаких уступок. Вы должны заплатить за риск.

— Сделка принята,— сказал Джим, прежде чем Френк смог продолжить торг.

Смит забрал свертки и ушел, а Джим отправился в кабинет директора Школы.

5. И СТЕНЫ ИМЕЮТ УШИ

Прежде чем принять Джима, директор Школы Хове продержал его в ожидании минут тридцать. Когда, в конце концов, Джим был впущен в кабинет, Хове выглядел вполне довольным собой. Он поднял глаза.

— Да? Вы хотели меня видеть?

— Вы сказали, чтобы я пришел к вам, сэр.

— Я? Напомните мне ваше имя.

«Проклятье, ему хорошо известно мое имя,— подумал Джим.— Он хочет разозлить меня». Он вспомнил, что Френк просил его не выходить из себя.

— Джеймс Мэрлоу, сэр,— спокойно ответил он.

— О да. Теперь, Мэрлоу, скажите, зачем вы хотели меня видеть?

— Вы сказали, чтобы я пришел к вам. Относительно Виллиса.

— Виллиса? Ох да, круглоголовик Марса.— Хове улыбнулся краешком губ.— Интересный научный образец.

Хове больше ничего не добавил. Тишина затянулась, и Джим начал понимать, что директор Школы вынуждает его сделать первый ход. Джим уже смирился с мыслью, что с Виллисом придется расстаться, так как держать его дальше в школе будет невозможно.

— Я пришел забрать его. Я пойду в город и договорюсь, чтобы его отвезли домой.

Хове широко улыбнулся.

— Так вы пойдете? Умоляю, расскажите мне, как вы сделаете это, если вам запрещено покидать школу в течение тридцати дней?

Джим все еще помнил о предупреждении Френка.

— Все правильно, сэр. Я попрошу кого-нибудь сделать это для меня... сегодня. Скажите, пожалуйста, теперь я могу забрать Виллиса?

Хове откинулся на спинку стула и сложил руки на животе.

— Вы задаете интересные вопросы, Мэрлоу. Прошлой ночью вы говорили, что это существо не является животным.

Джим был озадачен.

— Да?

— Вы очень выразительно говорили об этом. Вы сказали, что он ваш друг, а не собственность. Так или нет?

Джим был в замешательстве. Он чувствовал, что его загоняют в ловушку, только не понимал в какую.

— Если и говорил, то что?

— Так говорил или нет? Отвечай!

— Ну... да.

Хове наклонился вперед.

— В таком случае почему вы требуете, чтобы я вернул вам это существо? Вы не можете претендовать на него.

— Но... но.., — Джим не находил слов. Слова были обманные, двойственные и скользкие; он не знал, как на это ответить.— Вы не должны так поступать! — сказал он, не придумав ничего лучше.— Он не ваш, тоже! Вы не имеете права держать его взаперти.

Хове аккуратно сложил кончики пальцев.

— Несмотря на то что вы отказались от всех претензий на него, это существо все-таки является собственностью — во всяком случае, он был обнаружен на территории школы, и поэтому я от имени школы могу заявить, что это научный образец.

— Но... вы не сделаете этого; это несправедливо! Если он и принадлежит кому-нибудь, то принадлежит мне! Вы не имеете права...

— Тихо! — Джим замолчал; Хове продолжил более спокойно:— Не учи меня, что я должен делать, а что нет. Ты забываешь, что для тебя я loco parentis *. Все, на что ты имеешь право, это подчиняться мне, точно так же, как если бы я был твоим отцом. А как распоря-

* Вместо родителей *(лат.)*.

жаться своими правами, я решу сам. Сегодня после обеда я собираюсь встретиться с Генеральным представителем. О результатах вы будете проинформированы.

Фраза по латыни привела Джима в замешательство, как это и было задумано, но он уловил одно слово в рассуждениях Хове и ухватился за него.

— Я обо всем расскажу своему отцу. Вам не удастся так просто обмануть меня.

— Угрозы, да? — Хове кисло улыбнулся.— Даже не беспокойтесь спрашивать ключ от переговорного пункта; я не хочу, чтобы всякий раз, когда я заставляю студентов вытереть нос, они бежали звонить своим родителям. Вы можете послать своему отцу письмо, но прежде чем вы отправите его, позвольте мне ознакомиться с содержанием.— Он встал.— Это все. Вы можете идти.

Френк ждал его.

— Я не вижу крови,— возвестил он, увидев Джима.— Как дела?

— Ни к черту!

— Так плохо?

— Френк, он не хочет, чтобы я держал Виллиса.

— Он требует отослать его домой? Но мы предполагали это.

— Нет, не то. Он вообще не отдает его мне. Все, что он говорил, имело двойной смысл, и единственное, что я понял,— он хочет оставить Виллиса себе.— Казалось, Джим сейчас разрыдается.— Бедный маленький Виллис — ты знаешь, какой он робкий. Френк, что мне делать?

— Я не понимаю,— тихо ответил Френк.— Он не может насовсем оставить себе Виллиса. Виллис принадлежит тебе.

— Я же тебе говорю, каждое его слово содержало двойной смысл. Но все это сводилось к одному. Как же мне вернуть его? Френк, я должен вернуть Виллиса.

Френк не ответил; Джим безутешно осмотрелся вокруг, словно впервые увидел эту комнату.

— Что здесь случилось? — спросил он.— Кавардак, как после погрома.

— Ах это. Я сразу хотел тебе сказать. Пока тебя не было, двое подчиненных Хове устроили обыск.

— Зачем?

— Они искали наше оружие. Я молчал.

— Они обыскивали, они обыскивали? — Казалось, Джим что-то решил для себя.— Надо найти Смита.

Он направился к двери.

— Эй, подожди. Зачем тебе Смит?

Джим оглянулся. Его лицо осунулось.

— Я заберу бластер, вернусь назад и заберу Виллиса.

— Джим! Ты болван!

Джим не ответил и снова двинулся к двери.

Френк подставил ему подножку и, как только тот грохнулся на пол, прыгнул на него. Он схватил правую руку Джима и заломил ее за спину.

— Теперь ты точно останешься здесь,— сказал он Джиму,— пока не утихнешь.

— Дай мне встать.

— Разум вернулся в твою голову? — Ответа не последовало.— Я могу сидеть здесь сколько хочешь. Когда ты утихомиришься, дай мне знать.

Джим попытался вырваться, но Френк повернул его руку, и он, взвизгнув, расслабился.

— Так-то лучше,— сказал Френк.— А теперь послушай меня. Ты хороший малый, Джим, но сейчас ты подчиняешься чувствам, а не разуму. Я уверен, ты получишь свое оружие, напугаешь Хове и он выплюнет тебе Виллиса. И сколько он пробудет у тебя? Знаешь сколько? До тех пор, пока он не вызовет полицию Компании. Затем они упекут тебя, а Виллиса снова отнимут. И ты больше никогда не увидишь Виллиса, не говоря уж о том, какое горе принесешь своей семье.

Последовала продолжительная тишина.

— Ладно, отпусти меня,— наконец сказал Джим.

— Ты отказался от идеи бегать по школе, размахивая своим бластером?

— Да.

— Честное слово? Поклянись своим разрешением на ношение оружия.

— Да, я обещаю.

Френк помог ему подняться и отряхнул его. Джим потер руку и сказал:

— Ты чуть не сломал мне руку.

— И он еще жалуется; ты должен благодарить меня. Ладно, забирай свои тетради; мы опаздываем в химическую лабораторию.

— Я не пойду.

— Не будь идиотом, Джим. Не стоит пропускать занятия только потому, что ты злишься на директора.

— Нет. Я хочу все бросить. Я не могу оставаться в школе.

— Что? Не спеши, Джим. Я понимаю тебя, но учиться ты можешь либо здесь, либо нигде. Твои родители не могут позволить себе отправить тебя на Землю.

— Значит, нигде. Я не хочу оставаться здесь. Я пробуду в школе ровно столько, пока не найду способа забрать Виллиса, и потом уеду домой.

— Ну... — Френк почесал затылок.— Это твои проблемы. Но послушай, с таким же успехом ты можешь сейчас идти в химичес-

кую лабораторию. Это не повредит тебе, во всяком случае, ты не собираешься оставить школу прямо сейчас?

— Нет.

Френк обеспокоенно посмотрел на друга.

— Ты обещаешь мне оставаться здесь и не делать никаких глупостей, пока я не вернусь?

— Что ты беспокоишься?

— Обещай мне, Джим, или я тоже никуда не пойду.

— Ладно, все нормально! Иди спокойно.

— Хорошо! — крикнул Френк и убежал.

Когда Френк вернулся, Джим валялся на кровати.

— Спишь?

— Нет.

— Решаешь, что тебе делать?

— Нет.

— Хочешь чего-нибудь?

— Нет.

— Очень содержательный разговор,— прокомментировал Френк и сел за письменный стол.

— Извини.

До конца дня не было никаких известий от Хове. На следующий день Френк ухитрился уговорить Джима пойти на занятия, объяснив, что не стоит привлекать к себе внимания, пока он ждет удобный случай получить Виллиса.

Прошел вторник, но Хове молчал. В ночь на среду, примерно через два часа после того как выключили свет, Френк внезапно проснулся. В комнате было что-то не так.

— Джим,— тихо позвал он.

Мертвая тишина. Успокаивая себя, Френк потянулся и включил свет. Джим стоял около двери.

— Джим,— сказал Френк,— ты почему не ответил мне? Хотел напугать меня до смерти?

— Извини.

— Что заставило тебя встать? Почему ты не в кровати?

— Не обращай внимания. Ложись спать.

Френк сел на кровати.

— О нет! У тебя дикий взгляд, и ты хочешь, чтобы я ложился. Рассказывай, старик.

— Я не хочу тебя ни во что впутывать. Лучше ложись спать.

— Ты считаешь себя слишком большим, чтобы указывать — что мне делать? Кончай с глупостями и рассказывай. Что ты задумал?

Джим нехотя объяснил. Он решил, что самым подходящим местом, где Хове мог спрятать Виллиса, был его кабинет. Джим хотел пробраться в кабинет и спасти Виллиса.

— А теперь ложись спать,— закончил он.— Если тебя будут спрашивать, ты ничего не знал; ты спал всю ночь.

— Ты хочешь провернуть это в одиночку? Не выйдет! Если что-то случится, тебе должен кто-то подать сигнал.— Френк полез в одежный шкаф.

— Мне не надо никакой помощи. Что ты ищешь?

— Перчатки,— ответил Френк.— Идиот, хочешь ты этого или нет, но ты все равно получишь мою помощь. Я не хочу, чтобы тебя поймали.

— Зачем тебе перчатки?

— Ты когда-нибудь слышал про отпечатки пальцев?

— Извини, но он все равно догадается, кто это сделал,— а мне наплевать на это; я исчезну.

— Извини, он догадается, но ничего не сможет доказать. Надень их.— Джим взял лабораторные резиновые перчатки и вместе с этим молча принял помощь Френка в своей авантюре.

Кража на Марсе — дело необычное, и замки, как правило, не ставились. Также не было ночных сторожей: Компания не нуждалась в том, чтобы доставлять их за тысячи миль космического пространства, дабы использовать для охраны безмолвных школьных коридоров. Риск, главным образом, состоял в том, что Джим и Френк, пробираясь к офису школы, могли случайно столкнуться лицом к лицу с каким-нибудь неугомонным студентом, не вовремя выбежавшим в туалет.

Они старались двигаться как можно тише и, прежде чем войти в очередной коридор, долго прислушивались. Через несколько минут, как они и надеялись, никем не замеченные, ребята подошли к дверям офиса. Джим попытался открыть дверь; она была заперта.

— Почему они заперли ее? — прошептал он.

— Чтобы туда не вошли парни, такие, как мы,— ответил Френк.— Вернись на угол и смотри в оба.— Он достал нож, чтобы попробовать открыть замок.

— Ладно.— Джим подошел к пересечению коридоров и осторожно выглянул за угол. Несколько минут спустя Френк позвал его. Джим вернулся назад.

— В чем дело?

— Никаких дел. Все нормально.

Френк открыл дверь офиса. Мимо магнитофонов и высоких стопок кассет с учебными программами они на цыпочках пересекли приемную и остановились перед дверью с табличкой: Маркус Ховe — ДИРЕКТОР ШКОЛЫ — личный кабинет.

Эта дверь также была заперта. Ножом открыть такой замок было невозможно. Он был сделан из титанового сплава с кнопками набора комбинаций и более подходил для домашнего сейфа, чем для кабинета директора школы.

— Как ты думаешь, ты сможешь его открыть? — озабоченно спросил Джим.

— Не будь дураком. Это сверх наших сил, Джим. Лучше подумать о том, как нам незаметно вернуться назад.

— Может, попробуем снять дверь с петель?

— Это не тот случай. Я быстрее пробью дыру в стене.— Он отошел в сторону и, встав на колени, попробовал кончиком ножа расковырять перегородку.

Джим задумчиво осмотрелся вокруг. Из коридора через приемную, в которой они находились, проходил вентиляционный канал. Второй его конец упирался в стену директорского кабинета. Пожалуй, его плечи пролезут в канал; если отвернуть болты на фланце воздуховода и отвести конец в сторону, освободив проход...

Нет, он не сможет влезть в него; в приемной не было ничего, что можно было бы использовать как лестницу.

В нижней части двери была вставлена маленькая решетка для выпуска из кабинета отработанного воздуха. Даже если ее удалить, он все равно не смог бы пролезть через это отверстие. Джим опустился вниз и попытался заглянуть в кабинет. Он ничего не смог разглядеть; в комнате за дверью было темно.

Он приложил к губам сложенные рупором руки и, наклонившись к решетке, позвал.

— Виллис! Эй, Виллис! Виллис, мальчик...

Френк подошел к нему и прошептал:

— Брось ты это дело. Хочешь, чтобы нас поймали?

— Тсс! — Джим приложил ухо к решетке.

Они оба услышали приглушенный ответ.

— Джим-мальчик! Джим!

— Виллис! Иди сюда, Виллис! — ответил Джим и прислушался.— Он там,— сказал он Френку,— в чем-то закрыт.

— Вероятно,— согласился Френк.— Ну теперь ты утихнешь, пока кто-нибудь не пришел?

— Мы освободим его. Как дела со стеной?

— Плохо. В пластик залита арматурная проволока.

— Ладно, нам все равно надо вытаскивать его. Что будем делать?

— Мы ничего не можем сделать,— констатировал Френк.— Мы в тупике. Пора возвращаться назад.

— Если хочешь, можешь возвращаться в свою кроватку, я останусь здесь и попробую вытащить его.

— Беда с тобой, Джим. Ты сам не знаешь, какой ты упрямый. Продолжай.

— Нет. Тсс! Ничего не слышишь?

Френк прислушался.

— Что-то слышу. Что это?

Из кабинета доносилось какое-то шарканье.

— Это Виллис пытается выбраться,— заявил Джим.

— Но он же не сможет. Пошли.

— Нет.— Джим продолжал слушать через решетку.

Френк беспокойно ждал. Его жажда приключений была более чем удовлетворена. В нем шла борьба: он не хотел оставлять Джима одного и в то же время хотел поскорее вернуться в свою комнату, пока их не схватили. Шарканье и скрежет продолжались.

Спустя некоторое время, шум прекратился. Послышался мягкий шлепок, как будто что-то мягкое, но довольно тяжелое упало с небольшой высоты. Затем возник легкий, почти неслышный шум шагов.

— Джим? Джим-мальчик?

— Виллис! — взвизгнул Джим. Голос Виллиса теперь доносился прямо из-за решетки.

— Джим, мальчик, возьми Виллиса домой.

— Да, да! Оставайся там, Виллис; Джим найдет способ вытащить тебя.

— Виллис выберется,— уверенно заявил прыгун.

— Френк,— сказал Джим,— если мы найдем чего-нибудь, что можно использовать как фомку, мы сможем выломать решетку. Я думаю, Виллис сумеет протиснуться через дыру.

— Мы не взяли ничего подобного. У нас нет ничего, кроме ножей.

— Думай, парень, думай! Может, в нашей комнате есть что-нибудь такое или где-нибудь еще?

— Насколько я знаю, нет.— Шарканье возобновилось, и Френк добавил: — Что делает Виллис?

— Я думаю, он пытается выбраться. Мы должны найти какой-то способ вытащить его оттуда. Слушай, попробуй встать на мои плечи и отвернуть хомут с вентиляционного канала.

Френк посмотрел наверх.

— Не получится. Даже если мы пролезем здесь, с той стороны мы упремся в решетку.

— Откуда ты знаешь?

— Они всегда ставятся на воздуховоды.

Джим замолчал. Он знал: если Френк говорит это, значит, так оно и есть. Шарканье продолжалось, продолжалось до бесконечности долго. Френк опустился на одно колено и наклонил голову к решетке. Он прислушался.

— Не падай в обморок,— через мгновение посоветовал он Джиму.— Мне кажется, Виллис и сам может благополучно выбраться.

— Что ты имеешь в виду?

— Этот звук, словно от пилы, я уже слышал.

— Что? Виллис не может пропилить дверь. Я его много раз запирал дома.

— Возможно. А может, нет. Наверное, ему просто не надо было выходить.— Шарканье стало более отчетливым.

Несколько минут спустя тонкая линия по кругу очертила решетку, затем очерченная часть двери выпала на их сторону. В отверстии показался Виллис, выставивший перед собой какую-то псевдоконечность, которой он процарапал дверь, около восьми дюймов длиной и в дюйм толщиной.

— Что это? — спросил Френк.

— Будь я проклят, если знаю. Раньше он никогда не делал ничего подобного.

Странная конечность убралась, скрывшись внутри тела; мех прикрыл это место, не оставив никаких признаков ее существования. Приняв немного вытянутую форму, больше напоминающую арбуз, чем сферу, он просочился через отверстие.

— Виллис выбрался,— гордо возвестил он.

Джим схватил его и покачал на руках.

— Виллис! Виллис, старый дружище!

Прыгун свернулся у него на руках.— Джим-мальчик исчез,— обвиняюще сказал он.— Джим ушел.

— Да, но больше этого не будет. Виллис останется с Джимом.

— Виллис останется с Джимом. Хорошо.

Джим потерся щекой о мех своего маленького друга. Френк прочистил горло.

— Мне кажется, было бы неплохо вернуться в нашу берлогу.

— Конечно.

Быстро и, насколько они могли судить, не привлекая к себе внимания, ребята вернулись в свою комнату. Джим опустил Виллиса на свою кровать и осмотрелся.

— Теперь надо составить план, что мне делать дальше. Я пойду к Смиту и заберу свое оружие.

— Подожди,— сказал Френк.— Подумай хорошенько. Ты же знаешь, что не сможешь уйти.

— Что?

— Я не стану ломать наружную дверь; мы никогда не сможем воспользоваться личным выходом Хове. Отверстие, которое осталось в двери кабинета Хове и, вероятно, еще одно в его столе, мы сделать не могли. Он не докажет нашу причастность к этому. Ты договоришься и отправишь Виллиса домой, а мы будем спокойно сидеть здесь.

Джим покачал головой.

— Я уеду. Виллис только малая часть всего. Я не могу оставаться в школе, пока в ней работает Хове. Ты удовлетворен этим?

— Зачем спешить, Джим?

— Я не спешу. Я не виню тебя за то, что ты остаешься; на следующий год ты сдашь экзамен в кандидаты космических пилотов

и уйдешь отсюда. Но если случайно завалишь экзамены, держу пари, ты не дотянешь здесь до окончания.

— Да, ты, вероятно, прав. Ты придумал, как ты выберешься отсюда, чтобы Хове не поймал тебя? До рассвета тебе нельзя уходить: на поверхности слишком холодно.

— Я дождусь рассвета и улизну.

— У меня есть идея, как выбраться,— бесстрастно сказал Френк.— Надо спрятать тебя до поры до времени. Случай может представиться после полудня. Будем надеяться, что для нас это будет добрый день.

Джим уже собрался спросить Френка, почему он думает, что хороший случай может представиться после полудня, как Виллис повторил два последние слова. Сначала он повторил их голосом Френка, а затем снова произнес их звучным слащавым голосом пожилого человека.

— Добрый день! — промодулировал он.

— Виллис, замолчи.

Виллис заговорил снова.

— Добрый день, Марк. Садись, мой мальчик. Всегда рад тебя видеть.

— Я слышал этот голос,— с недоумением сказал Френк.

— Благодарю вас, Генерал. Как поживаете, сэр? — продолжал Виллис, теперь уже педантичным и слегка торопливым голосом директора школы Хове.

— Я узнал,— сказал Френк.— Я слышал его по радио; это Бичер, постоянный генеральный представитель.

— Тсс...— сказал Джим.— Я хочу послушать.

Виллис снова заговорил слащавым голосом.

— Неплохо, не так уж и плохо для старика.

— Нонсенс, Генерал, вы совсем не старик,— снова голос Хове.

— Благодарю вас за комплимент, мой мальчик,— продолжал Виллис.— Что у вас в мешке, контрабанда?

Виллис изобразил подхалимский смешок Хове.

— Едва ли. Научный образец, очень редкостный экземплярчик, который я конфисковал у одного из студентов.

Последовала небольшая пауза, а затем вновь вступил слащавый голос.

— Благослови меня господи! Марк, где вы взяли это существо?

— Я же сказал вам, сэр,— послышался голос Хове.— Я был вынужден забрать его у одного из студентов.

— Да, да... вы сами-то понимаете, ЧТО вы приобрели?

— Конечно, сэр. Я интересовался этим. Areocphalopsittacus Bron...

— Избавьте меня от ваших ученых слов, Марк. Это круглоголовик, марсианский круглоголовик. Дело не в этом. Вы сказали, что

взяли его у студента; как вы думаете, он продает его? — неторопливо рассуждал слащавый голос.

— Я думаю, едва ли, сэр,— тихо ответил Хове.— Я уверен, он не захочет продавать.— Он немного замялся, а затем спросил: — Это очень важно?

— Важно? Все зависит от того, что вы подразумеваете под словом «важно»,— ответил голос постоянного генерального представителя.— Шестьдесят тысяч кредитов — это важно или нет? Или семьдесят тысяч? Я уверен, эту сумму выложит за него Лондонский зоопарк.

— В самом деле?

— В самом деле. Я получил заказ на пятьдесят тысяч кредитов от лондонского маклера, но так и не поймал ни одного. Я уверен, цену можно будет поднять.

— Действительно,— осторожно согласился Хове.— Возможно, это будет великолепная сделка для Компании, или нет?

Последовала непродолжительная пауза, и затем раздался искренний смех:— Марк, мой мальчик, вы убьете меня. Послушайте — вас наняли работать в школе или нет?

— Да.

— А меня наняли соблюдать интересы Компании, правильно? Мы исполняем свою работу и получаем за это плату; но у нас остается восемнадцать часов в сутки, которые принадлежат каждому из нас лично. Вас нанимали для того, чтобы ловить круглоголовиков?

— Нет.

— И меня тоже. Вы понимаете меня?

— Думаю, да.

— Я уверен, что понимаете. В конце концов, я хорошо знаю вашего дядю; я уверен, он не послал бы сюда своего племянника, не изучив его жизни. Могу заверить вас, он все прекрасно понимает. Дело в том, мой мальчик, что в таком месте, как это, есть неограниченные возможности для умного человека, если, конечно, он держит свои глаза и уши открытыми. Не по работе, вы понимаете.— Виллис сделал паузу.

Джим хотел что-то сказать, но Френк прервал его.

— Замолчи! Мы не должны пропустить ни одного слова.

Голос генерального представителя продолжал:

— Вообще не связанное с работой. Я имею в виду законный бизнес, который естественным образом сопутствует нашей службе. Теперь об этом студенте; как его убедить, чтобы он продал круглоголовика? Я бы не стал предлагать ему слишком много, так как у него могут зародиться подозрения. Нам этого не надо.

Хове помедлил с ответом.

— Генерал, я почти уверен, что он не продаст, но, возможно, мы найдем другой способ.

— Да? Я не понимаю вас.

Мальчики услышали, как Хове подробно объяснил свою теорию о праве собственности на Виллиса. Они не могли видеть, как Бичер тычет пальцем в ребра Хове, но могли слышать его безудержный смех.

— Ох, это забавно! Марк, вы убьете меня, вы положительно убьете меня. Заставлять человека с вашими талантами работать школьным учителем — это расточительство; вы могли бы стать представителем Компании.

— Ну,— ответил голос Хове,— я не собираюсь оставаться школьным учителем всю свою жизнь.

— Нет, вы не останетесь. Мы найдем представительство для вас. Во всяком случае, это станет возможным после того, как антимиграционная политика вступит в действие.

— О чем он говорит? — прошептал Френк.

— Тихо! — ответил Джим.

— *Появились какие-нибудь новости? — спросил Хове.*

— Я каждую минуту жду их от вашего дяди. Зайдите вечером, мой мальчик, возможно, они появятся.

Дальнейший разговор был не особенно интересен, но тем не менее Виллис довел его до конца. Мальчики услышали, как Хове попрощался, после чего Виллис замолчал.

— Поместить Виллиса в зоопарк! — кипятился Джим.— Прекрасная идея! Я надеюсь, что Хове не поймает меня, а то мне придется его пристрелить!

— Полегче, парень! — сказал Френк.— Хотел бы я знать, что он имел в виду, говоря об антимиграционной политике?

— Мне показалось, он сказал «миграционная».

— Нет, он сказал «антимиграционная», я уверен. Сколько сейчас времени?

— Около трех.

— У нас еще есть три часа, Джим, попробуем узнать еще что-нибудь у Виллиса. Я чувствую, это очень важно.

— Ладно,— сказал Джим и поднял меховой шар: — Виллис, дружище, ты еще знаешь что-нибудь? Расскажи Джиму все, что ты слышал, все.

Виллис был счастлив оказать такую услугу. Он прокрутил несколько диалогов, произошедших после встречи и касающихся школьной рутины. Мальчиков это не интересовало. Наконец они были вознаграждены. Вновь послышался елейный голос Бичера.

— Марк, мой мальчик...

— О, входите, Генерал. Садитесь. Рад вас видеть.

— Я зашел сказать, что получил официальное послание от вашего дорогого дяди. В постскриптуме он просил передать вам привет.

— Это приятно. Благодарю вас, сэр.

— Это не все. Нас никто не услышит? — Виллис изобразил звук закрываемой двери.— Теперь мы можем поговорить спокойно. Конечно же, депеша касается антимиграционной политики.

— Да?

— Я счастлив сообщить, что правление согласилось с точкой зрения вашего дяди. Южная Колония останется там, где она находится сейчас. Груз с последнего корабля будет отправлен в Северную Колонию, где новые колонисты за двенадцать летних месяцев подготовятся к полярной зиме. Над чем вы смеетесь?

— Ничего особенного, сэр. Один из студентов, деревенщина Келли, говорил сегодня, что́ его отец сделает со мной, когда прибудет сюда во время миграции. Хотелось бы мне увидеть его лицо, когда он услышит, что его отец не приедет.

— Надеюсь, вы не говорили ему ничего подобного? — язвительно прозвучал голос генерального представителя.

— А что?

— Я хочу свести на нет возможность возникновения конфликта. Никто не должен знать об этом до последнего момента. Среди колонистов есть горячие головы, которые будут сопротивляться данной политике, хотя уже доказано, что при благоразумных предосторожностях опасности марсианской зимы совсем незначительны. Мой план такой: надо под каким-нибудь благовидным предлогом перенести начало миграции на две недели, затем перенести снова. Через некоторое время, когда проводить миграцию будет слишком поздно, я сообщу им об этом, и им ничего не останется, кроме как подчиниться.

— Гениально!

— Благодарю вас. Это единственно правильный способ обращения с колонистами, мой мальчик. Вы не можете знать этого, потому что вы недавно здесь и не имеете достаточного опыта обращения с колонистами, как я. Многие из них — неврастеники, а на Земле большинство из них были неудачниками, и, если вы не будете твердо стоять на своем, они доведут вас до неистовства своими запросами. Они совершенно не понимают, что за все, чем они обладают здесь, они должны благодарить только Компанию. Запомните это: если вы позволите действовать колонистам по их собственному усмотрению, они будут заботиться только о своих благах — но за счет Компании.

— Я вполне согласен. Если их детям сделать небольшое послабление, от них ничего не дождешься, кроме бунтарства и непокорности.

— И лени,— согласился генеральный представитель.— Вы должны быть непреклонны с ними. Ну, мне пора идти. Ох да, об этом научном образце, он в надежном месте?

— Да, конечно, сэр. Я запираю его в этом кабинете.

— Гмм... может быть, лучше переправить его ко мне?

— Едва ли в этом есть необходимость,— отказался Хове.— Вы не заметили, какой замок стоит на этой двери? Это надежно.

Виллис повторил их прощальные слова и замолчал.

Френк тихо-тихо выругался.

6. ПОБЕГ

Джим передернул плечами.

— Встряхнись и помоги мне. Я могу опоздать.

— Хотел бы я знать,— мягко сказал Френк,— как он собирается зимовать в Чараксе? Может, он хочет, чтобы мы сидели там одиннадцать или двенадцать месяцев и не высовывали нос наружу, или он хочет, чтобы мы выходили, когда там будет сто градусов ниже нуля?

— Конечно, конечно,— согласился Джим,— только помоги мне.

Френк внезапно повернулся, снял с двери костюм Джима и бросил его хозяину. Затем он снял собственный костюм и начал быстро надевать его

— Эй... Что ты делаешь? — спросил Джим.

— Я иду с тобой.

— Что?

— Думаешь, я буду сидеть здесь и учить уроки, пока кто-то пытается обманом заставить мою мать перезимовать на полюсе? Мою родную мать? У нее плохое сердце; это может убить ее.— Он повернулся и начал перекладывать вещи из шкафчика в дорожную сумку.— Пошевеливайся.

Джим поколебался и затем сказал:

— Конечно, Френк, но как же быть с твоими планами? Если ты сейчас бросишь школу, то уже никогда не станешь пилотом ракеты.

— Ну и что? Это важнее.

— Я и один могу предупредить всех так же хорошо, как мы сделаем это вдвоем.

— Я сказал тебе, вопрос решен.

— Ладно. Я просто хотел убедиться, что ты отдаешь себе отчет в том, что ты делаешь. Пошли.— Джим надел свой костюм, застегнул молнию, затянул ремни и начал собирать свои вещи. Он был вынужден оставить большую часть вещей, так как хотел посадить Виллиса в свою дорожную сумку.

Он поднял Виллиса.

— Слушай, парень,— сказал он,— мы сейчас пойдем домой. Я хочу, чтобы ты сидел в сумке, там приятно и тепло.

— Виллис поедет?

— Виллис поедет. Но я хочу, чтобы те оставался внутри и не говорил ни единого слова, пока я не выну тебя оттуда. Понял?

— Виллису не говорить?

— Виллис должен молчать, пока Джим не вытащит его.

— Ладно, Джим-мальчик.— Виллис немножко подумал и добавил: — Виллис может играть музыку?

— Нет! Ни звука, ни слова. Никакой музыки. Виллис спрячется и будет сидеть тихо, как мышка.

— Ладно, Джим-мальчик,— обиженным тоном сказал Виллис и превратился в ровный шар. Джим опустил его в сумку и застегнул молнию.

— Пошли,— сказал Френк.— Надо найти Смита, забрать оружие и уходить.

— Солнце поднимется примерно через час.

— Нам придется рискнуть. Скажи, сколько у тебя денег?

— Немного. А что?

— Дурак, нам придется оплатить свой проезд.

— Ох...— Джим был так занят другими делами, что не подумал о билетах. Обычно проезд в школу и из школы домой был бесплатным, но сейчас у них не было разрешения на эту поездку; могли понадобиться наличные деньги.

Они сложили свои капиталы — не хватало и на один билет, не то что на два.

— Что будем делать? — спросил Джим.

— Мы возьмем их у Смита.

— Как?

— Возьмем. Пошли.

— Не забудь свои коньки.

Благодаря своим деловым качествам, Смит жил один. Когда ребята торкнулись к нему, он проснулся и пробормотал:

— Очень хорошо, я умолкаю.

— Смит,— сказал Джим,— мы хотим забрать наши... наши свертки.

— Я сплю. Возвращайтесь утром.

— Они нам нужны СЕЙЧАС.

Он выбрался из кровати и открыл дверь.

— За ночное обслуживание, конечно, цены будут выше.— Он встал на свою койку, отодвинул решетку на воздуховоде, просунул в отверстие руку и вытащил завернутое оружие.

Джим и Френк сорвали обертку и повесили бластеры на пояс. Смит наблюдал за ними с удивленно поднятыми бровями. Френк удовлетворенно кивнул.

— Мы бы хотели получить немного денег.— Он назвал сумму.

— Почему вы пришли ко мне?

— Потому что знаем, что они у тебя есть.

— Так? И что мне придется сделать, чтобы вернуть их? Мило улыбаться?

— Нет.— Френк достал счетную логарифмическую линейку, прекрасный инструмент с двадцатью одной шкалой.— Сколько за нее?

— Ммм... шесть кредитов.

— Не будь идиотом! Мой отец отдал за нее двадцать пять.

— Тогда восемь. Я не смогу выручить за нее больше десяти.

— Возьми ее в залог за пятнадцать.

— Десять наличными. Я не беру вещи в залог.

Линейка Джима пошла за меньшую сумму, чем они хотели, так как Смит играл на понижение.

Вскоре у них ничего не осталось для продажи, кроме коньков, но мальчики отказались продавать их, хотя им надо было еще двенадцать кредитов.

— Смит, поверь нам, мы вернем тебе все сполна,— сказал ему Френк.

Смит поднял глаза к потолку.

— Ну, ввиду того что вы были хорошими клиентами, я могу сообщить вам, что я еще коллекционирую автографы.

— Что?

— За шесть процентов в месяц я, пожалуй, приму их вместе с часами Джима.

— Согласны,— сказал Джим.

Когда они собрались уходить, Смит сказал:

— Мой хрустальный шар сказал мне, что вы, джентльмены, решили исчезнуть. Каким образом?

— Очень просто, ножками,— ответил Джим.

— Гмм... вы, вероятно, не обратили внимания на то обстоятельство, что фронтальная дверь теперь запирается на ночь. Наш друг и наставник мистер Хове собственноручно открывает ее, когда приходит утром.

— Болтун!

— На себя посмотри.

Френк дернул Джима за руку.

— Идем. Попробуем сломать замок.

— Зачем искать себе трудности? — спросил Смит.— Выйдите через кухню.

— Ты хочешь сказать, что задняя дверь не заперта? — поинтересовался Френк.

— О, она заперта надежно.

— Значит, твое предложение просто глупо.

— Я мог бы обидеться,— ответил Смит,— но я понимаю ваше состояние. Правда, задняя дверь заперта, только братишке Хове не пришло на ум поставить замок на мусорный сброс.

— МУСОРНЫЙ сброс!..— взорвался Джим.

— Воспользуетесь вы этим или нет — это ваше дело, но это единственный путь, которым вы можете выйти.

— Мы используем его,— решил Френк.— Идем, Джим.

— Подождите,— остановил их Смит.— Один из вас выпустит другого, но кто сделает это для второго? Он застрянет здесь.

— О, я знаю кто.— Френк посмотрел на него.— Ты.

— И что я буду иметь?

— Поражаюсь тобой, Смит, как тебе нравится получать шишки? Ты и так уже ничего не оставил нам, кроме глаз и зубов.

Смит пожал плечами.

— А разве я отказываюсь? После всего, что я сделал для вас? Хорошо, я буду вести этот счет в голове — а потом объявлю полной мерой. Кроме всего прочего, я не люблю смотреть, как мои клиенты впадают в состояние конфликта с законом.

Они быстро прошли в большую школьную кухню. Осторожное продвижение Смита по коридорам показывало, что он не впервые пренебрегает правилами внутреннего распорядка. Придя на место, Смит сказал:

— Все нормально, кто первый?

Джим с отвращением посмотрел на мусорный сброс. Это был металлический цилиндр, размером с большую бочку, встроенный в стену. Приводимый в действие рычагом, он мог поворачиваться на своей оси. В нем было большое отверстие, которое позволяло, не заботясь о герметизации здания, засыпать в него мусор внутри и освобождаться от него, когда цилиндр поворачивался отверстием наружу — простейший вид переходной камеры. Внутренняя сторона его была обильно покрыта признаками того, для чего он предназначался.

— Первым пойду я,— добровольно вызвался Джим и надел маску.

— Подожди секунду,— сказал Френк. Он осматривал ряды консервных банок, выставленных в комнате. Затем он выбросил из сумки оставшуюся одежду и заменил ее консервами.

— Поторопитесь,— подгонял их Смит.— Я хочу вернуться в кровать до сигнала подъема.

— Зачем тебе это надо? — сказал Джим.— Через несколько часов мы будем дома.

— На всякий случай. Ладно, я готов.

Джим забрался в сброс, подтянул колени и прижал к груди сумку. Цилиндр повернулся; он почувствовал резкое понижение давления и ужасный холод. Он поднялся и вышел на тротуар в переулке позади школы.

Цилиндр заскрипел и вернулся в положение загрузки; через мгновение Френк вывалился наружу. Джим помог ему подняться.

— Ой, парень, какой ты грязный! — сказал он, счищая ляпушки картофельного пюре, прилепившиеся к костюму товарища.

— Сам такой, но сейчас нет времени заниматься этим. Джим, очень холодно!

— Скоро будет теплее. Идем.

Хотя еще был полуночный холод, но розовое зарево восходящего солнца уже освещало восточную часть неба. Они торопливо вышли из переулка и свернули направо. Эта часть города, построенная землянами, вполне могла находиться где-нибудь на Аляске или в Норвегии, но вырисовывающиеся на фоне светлеющего неба башни Малых Зыбучих Песков ясно говорили, что эта улица находится не на Земле.

Как и планировали, они вышли к городскому каналу и сели, чтобы надеть коньки. Коньки были скоростными с двадцатидвухдюймовыми остро отточенными лезвиями, позволяющими развивать исключительную скорость. Джим справился с этим первый и спустился на лед.

— Давай быстрее,— сказал он.— Я уже закоченел.

— Это ты мне говоришь!

— Лед твердый — это хорошо.

Френк присоединился к нему; они подхватили сумки и отправились в путь. Много сотен лет назад воды этого маленького бокового канала впадали в Большой Городской Канал; ребята свернули в него и, набрав скорость, помчались к станции скутеров. Приблизившись к станции, они еще не испытывали холода, хотя интенсивное движение немного разогрело их.

Они прошли через переходную камеру и вошли в станцию. Там находился один дежурный служащий. Он посмотрел на ребят, и Френк подошел к нему.

— Сегодня будет скутер в Южную Колонию?

— Через двадцать минут,— сказал клерк.— Вы хотите отправить сумки?

— Нет, нам нужны билеты,— Френк отдал их общие капиталы.

Не говоря ни слова, клерк занялся делом. Джим облегченно вздохнул; скутер не ходил в колонию каждый день. Возможность того, что им придется в ожидании скутера день или два сидеть на станции, где их может найти Хове, пугала их.

Они ушли в заднюю часть станции и стали ждать.

— Френк, Деймос поднялся?

— Не обратил внимания. Почему ты спрашиваешь?

— Может, я смогу дозвониться домой.

— Денег нет.

— Я попробую в кредит.— Он подошел к будке связи, установленной возле стола клерка; клерк посмотрел на него, но ничего не сказал. Зайдя в будку, он вызвал оператора. Даже после того, как

Виллис раскрыл секрет антимиграционный политики, Джим подсознательно боялся разговора с отцом.

Экран осветился, и на нем появилась приятная молодая женщина с модно окрашенными в полоску волосами.

— Я хочу связаться с Южной Колонией,— сказал он.

— Связи с Южной Колонией пока нет,— проинформировала она.— Может, вы хотите записать отложенное сообщение?

Отложенное сообщение не оплачивалось в кредит.

— Нет, благодарю вас, я перезвоню позднее,— соврал он и отключился.

Клерк постучал в стекло кабины.

— Водитель готов отправляться,— сказал он Джиму.

Джим торопливо надел маску и поспешил за Френком в переходную камеру. Водитель закрыл багажное отделение. Мальчики предъявили билеты и забрались в скутер. Они снова были единственными пассажирами и снова заняли места в куполе наблюдения.

Через десять минут, утомленный видом восходящего солнца, Джим сказал:

— Я засыпаю. Пойдем вниз.

— Я попрошу водителя включить радио,— сказал Френк.

— Ох, черт с ним, с радио. У нас была тяжелая ночь. Идем спать.

— Ну ладно.

Они спустились в нижний отсек и забрались на койки. Через несколько минут они оба безмятежно спали.

Скутер, оставив на восходе солнца Малые Зыбучие Пески, продвигался вперед, придерживаясь восточной стороны канала, так как солнечные лучи размягчили лед на западной стороне. Он на хорошей скорости продвигался к югу, чтобы до полудня успеть добраться до Цинии. Зима в этом районе уже вступала в свои права и можно было не беспокоиться, что лед на трассе от Станции Циния до Чаракса может испортиться; Страймон-канал теперь не оттает до следующей весны.

Водитель придерживался своего расписания. Когда поднялся Деймос, он расслабился и включил радио. То, что он услышал, заставило его быстро оглянуться на своих пассажиров. Они все еще спали. Он решил ничего не предпринимать, пока они не доберутся до Станции Циния.

Когда они прибыли на место, он остановил скутер и прошел в пассажирский салон. После того как скутер остановился, Джим и Френк проснулись, но вставать не стали. Водитель подошел к ним и сказал: — Все выходим. Перерыв на обед.

— Мы не голодны,— ответил Френк.

Водитель смущенно посмотрел на них.

— В любом случае, вам лучше выйти,— настаивал он.— Когда скутер стоит, в нем становится довольно холодно.

— Мы не против.— Френк решил дождаться, пока уйдет водитель, и достать из сумки что-нибудь поесть; со вчерашнего ужина до настоящего момента прошло достаточно времени, чтобы проголодаться.

— У вас какие-то неприятности? — предположил водитель.— Нет денег? — Он видел выражения их лиц и продолжил: — Я ставлю каждому из вас по сэндвичу.

Френк начал отказываться, но Джим оборвал его.

— Не будь дураком, Френк. Спасибо, сэр. Мы согласны.

Георг, станционный смотритель, задумчиво посмотрел на них и, ничего не говоря, подал сэндвичи. Водитель жадно проглотил свою порцию и поднялся, чтобы выйти. Мальчики тоже вскочили со своих мест.

— Сидите спокойно,— посоветовал он им.— Пройдет минут двадцать-тридцать, пока я загружу и проверю скутер.

— Вам помочь? — спросил Джим.

— Нет. Скоро отправимся. Я позову вас, когда все будет готово.

— Ну... спасибо за сэндвичи.

— Не стоит благодарности.— Он вышел.

Не прошло и десяти минут, как до них донесся звук стартовавшего скутера. Френк испуганно оглянулся и подбежал к окну. Скутер, направляющийся на юг, почти исчез из виду. Френк повернулся к смотрителю.— Эй, он не подождал нас!

— Нет.

— Но он сказал, что позовет нас.

— Да,— резюмировал смотритель, не отрываясь от чтения.

— Но... но ПОЧЕМУ? — спросил Френк.— Он сказал, чтобы мы ждали.

Смотритель отложил газету.

— А вот почему,— сказал он.— Клем мирный человек и, как он говорил мне, никогда не был полицейским. Он сказал, что не станет задерживать двух крепких парней, которые вооружены.

— Что?

— То, что слышали. Только не хватайтесь попусту за свои пушки. Предупреждаю вас, я не ношу мое оружие; вы можете спокойно захватить станцию, я не буду сопротивляться.

Джим присоединился к Френку и облокотился на стойку.

— Это все? — спросил он.

— Это вы меня спрашиваете? Я знаю только, что было сообщение с требованием задержать вас. Вас обвиняют в воровстве, краже со взломом, прогулах и уничтожении собственности Компании — дурной наборчик. Вы пара отчаянных парней, хотя, глядя на вас, я бы этого не сказал.

— Я бы сказал,— медленно произнес Френк.— Что вы собираетесь делать?

— Ничего. Вообще ничего. Самое позднее завтра утром сюда прибудет специальный скутер, и в нем, как я думаю, будет достаточно людей, чтобы арестовать пару парней, объявленных вне закона. А пока делайте все, что захотите. Выходите наружу. Бродите вокруг. Когда замерзнете, возвращайтесь сюда.— Он снова вернулся к своему чтению.

— Понятно. Идем, Джим.— Они отошли в дальний угол комнаты и начали военный совет. Поза смотрителя выражала спокойствие и понимание. Станция Циния находилась в тысячах миль от ближайших населенных пунктов; сама станция была построена, чтобы спасти путников от убийственного ночного холода.

Джим чуть не плакал.

— Очень жаль, Френк. Если бы я не позарился на эти сэндвичи, этого бы не случилось.

— Не стоит убиваться,— посоветовал Френк.— Ты можешь представить себе, как мы стреляем в двух ни в чем не повинных свидетелей и захватываем скутер? Я — нет.

— Конечно, нет. Я думаю, ты прав.

— Естественно, я прав. Что будем делать дальше?

— Я знаю только одно — я не дам им затащить меня в школу.

— Я тоже. Но самое главное, мы должны рассказать нашим родителям о заговоре, состряпанном против них.

— Послушай, может мы сейчас сможем дозвониться до них?

— Ты думаешь он,— Френк кивнул в сторону смотрителя,— позволит нам?

— Может, да. А может, нет. Наше оружие еще в наших руках — я могу далеко зайти.— Джим поднялся и подошел к смотрителю.— Не будет никаких возражений, если мы воспользуемся телефоном?

Смотритель даже не поднял голову.

— Никаких. Можете не церемониться.

Джим вошел в будку. Здесь не было видеоэкрана; здесь был обыкновенный радиопередатчик, связанный с передающей станцией на внешней луне. Убедившись, что Деймос висит над горизонтом, Джим нажал кнопку вызова и попросил соединить его с Южной Колонией.

Последовала необычайно долгая пауза, затем приятно-безличный голос сообщил:

— По не зависящим от нас обстоятельствам вызовы от станции Циния в Южную Колонию не принимаются.

Джим начал выяснять, почему нет связи, хотя Деймос находится в поле зрения и Южной Колонии, и станции Циния, а это, как он был уверен, являлось основным условием для радиопередач на Марсе, но передающая станция отключилась и, когда он снова стал нажимать кнопку вызова, больше не отвечала. Он вышел из будки и рассказал об этом Френку.

— Похоже, Хове опередил нас,— прокомментировал Френк.— Я не верю, что у них что-то сломалось. Если только...

— Что если?

— Если только кто-то другой не заинтересован в этом. Возможно, Бичер прервал все сообщения до тех пор, пока его подлые планы не увенчаются успехом.

— Френк, мы сможем предупредить наших родителей. Слушай, держу пари, мы можем пожить немного у марсиан в Цинии. После того, как они разделили с нами воду и...

— Предположим, что сможем. Но как мы передадим сообщение?

— Дай мне закончить. Мы можем отправить отсюда письмо, в котором мы расскажем все детали антиммиграционной политики и сообщим, где мы скрываемся. Затем мы подождем, пока они не приедут и не заберут нас.

Френк покачал головой.

— Если мы отправим отсюда письмо, об этом будет знать смотритель. Затем, когда мы уйдем и здесь появятся полицейские, он расскажет им это, и вместо наших родителей его получат Хове и Бичер.

— Ты на самом деле так думаешь? Никто не имеет права трогать частную корреспонденцию.

— Не будь наивным. Хове не имел никакого права приказывать нам сдать оружие — но он сделал это. Нет, Джим, мы должны сами доставить это сообщение.

Напротив них, на стене, висела карта зоны, обслуживаемой станцией Циния. Пока они разговаривали, Френк лениво рассматривал ее. Вдруг он спросил:

— Джим, что это за новая станция южнее Цинии?

— Где? Что ты имеешь в виду?

— Там.— Френк показал. На отпечатанной карте чернилами была нанесена новая станция на западном рукаве Страймон-канала, немного южнее их.

— Что? — сказал Джим.— Это, должно быть, одно из убежищ, построенных для выполнения Проекта.— Великий план восстановления кислородной атмосферы Марса предусматривал следующей весной рассадить в пустыне между Цинией и Чараксом множество неприхотливых растений. Для успешного выполнения этого плана и предназначались эти убежища, а некоторые из них уже были завершены.

— Оно находится не более чем в ста милях отсюда.

— Плюс-минус десять миль,— заметил Джим, взглянув на масштаб.

Ф[illegible]к задумался.— Я думаю, до темноты я успею пробежать на коньках это расстояние. Ты готов?

— Ты что? Сумасшедший? От убежища до дома останется еще более семисот миль.

— На коньках мы сможем пробегать около двухсот миль в день,— ответил Френк.— Там нет больше убежищ?

— На карте больше не обозначено.— Джим немного подумал и добавил.— Я ЗНАЮ, они закончили не одно это убежище; я слышал, как отец говорил об этом.

— В крайнем случае, мы можем спать днем, а бежать ночью. Тогда мы не замерзнем.

— Гмм... думаю, ты просто обманываешь себя. Однажды я видел человека, которого нашли утром на поверхности. Он был твердый как доска. Ну ладно, когда мы отправляемся?

— Прямо сейчас.

Они забрали свои сумки и направились к двери. Смотритель поднял глаза.

— Хотите куда-нибудь сходить?

— Прогуляемся.

— Вы можете оставить свои сумки. Когда вернетесь?

Они не ответили и вышли за дверь. Пять минут спустя они надели коньки и бежали на юг по западному рукаву Страймон-канала.

— Эй, Джим!

— Что?

— Остановись на минутку. Я хочу пристегнуть ремни на сумке.

— Я тоже подумал об этом.— Их дорожные сумки ограничивали действие рук, и это мешало им развить приличную скорость. Коньки были обычным средством передвижения на Марсе, поэтому сумки снабжались ремнями, которые позволяли нести их как рюкзак. Джим открыл свою сумку, прежде чем надеть ее; Виллис выставил стебельки глаз и с упреком посмотрел на него.

— Джим-мальчик идет долго.

— Извини, старый дружище.

— Виллис не говорит.

— Теперь Виллис может говорить все, что захочет. Слушай, если я оставлю немного приоткрытой, чтобы ты мог смотреть вокруг, ты не выпадешь?

— Виллис хочет выпасть.

— Ты не должен этого делать. Я сделаю так, чтобы тебе было приятно ехать в сумке. Ты не выпадешь?

— Ладно.

Он надел сумку на плечи, и ребята снова двинулись вперед. Скорость возросла. Благодаря твердому льду, малому сопротивлению воздуха и низкой гравитации, скорость передвижения на ньках на Марсе зависела только от личных способностей бегуна. оих

мальчиков эти способности были. Под выкрики Виллиса — «Ииизх!» — они оставили за спиной не одну милю.

Пустынное плоскогорье между Цинией и Чараксом находилось выше уровня мертвого моря, расположенного между Цинией и экватором, поэтому вода с южной полярной шапки могла через пустыню стекать к великому зеленому поясу, раскинувшемуся вдоль экватора. К середине зимы подножие ледяной шапки южного пояса достигает Чаракса, а весной, когда этот лед начинает таять, два рукава Страймон-канала, восточный и западный, становятся главными артериями для спуска воды.

Мальчики стартовали на нижнем конце канала; высота его берегов была чуть выше роста ребят. Была поздняя осень, и поэтому уровень воды — или уровень льда — был таким низким; во время весеннего половодья он поднимался гораздо выше. Им ничего не было видно, кроме высоких берегов канала, сходившихся впереди в одну точку, и неба, голубого у горизонта и темно-фиолетового над головой. Солнце находилось позади них, около западного меридиана; скоро оно вообще перестанет заглядывать на это полушарие, и начнется северное солнцестояние. На Марсе сезоны практически не запаздывают, как это случается на Земле; здесь нет океанов, аккумулирующих тепло, а единственным «маховиком» климата являются замерзающие и оттаивающие полярные шапки. Так как все равно ничего не было видно, мальчики опустили головы и сосредоточенно работали ногами. Много миль монотонного движения притупили внимание Джима; носок его правого конька зацепился за вмерзший в лед песок, и он упал. Джим умел падать так, чтобы не причинить себе вреда, а костюм защитил его от обжигающего льда, но Виллис, словно пробка из бутылки, вылетел из сумки.

Прыгун, следуя инстинкту, сразу выставил все свои отростки и, опустившись на лед, покатился словно шар; скользя по льду, он отлетел на несколько сотен ярдов. Заметив, что Джим падает, Френк приемом хоккеистов резко остановился в брызгах льда и вернулся назад, чтобы помочь ему подняться.

— Все нормально?

— Конечно. Где Виллис?

Они поднялись и подъехали к прыгуну, стоявшему на своих тоненьких ножках и поджидавшему их.

— Ого-го-го! — выкрикнул Виллис, едва они подошли.— Сделаем так еще раз!

— Нет, в этом я тебе не помощник,— заверил его Джим и снова засунул в сумку.— Скажи, Френк, сколько времени мы бежали?

— Не более трех часов,— решил Френк, бросив короткий взгляд на солнце.

— Жаль, что у меня нет моих часов,— посетовал Джим.— Мы не хотим пробежать мимо убежища.

— О, нам это не грозит еще пару часов.

— Но что нам сделать, чтобы не пробежать мимо? Мы не можем видеть через стенки канала.

— Хочешь развернуться и идти назад?

— Нет.

— Тогда оставь свое беспокойство.

Джим замолчал, но беспокойство не покинуло его. Возможно, именно поэтому он и не пробежал мимо единственного признака убежища, в то время как Френк проскочил дальше. Это был небольшой скат на стенке канала. Эти скаты, такие же древние, как и сам канал, встречались через каждые несколько миль, но над этим свешивалась балка, которая могла быть использована для подъема грузов.

Он остановился. Френк, пробежавший вперед, заметил, что Джим не следует за ним, и вернулся назад.

— Что случилось? — крикнул он.

— Думаю, это то, что нам нужно.

— Гмм... возможно.

Они сняли коньки и поднялись по скату. Наверху, недалеко от берега, стояло приземистое куполообразное здание, говорившее о том, что на Марсе присутствуют люди с Земли. В пустыню уходили ряды вновь посаженных растений. Джим глубоко вздохнул.

— Именно здесь мы и ожидали найти его,— сказал Френк.

— Но совсем не так быстро,— добавил Джим. Солнце уже склонилось над западным горизонтом и скоро должно было скрыться.

Как они и ожидали, в убежище никого не было; работы были приостановлены до следующей весны. Давление в убежище было спущено, ребята, не задерживаясь, прошли через переходную камеру и вошли в помещение. Френк нащупал выключатель и включил свет — линия освещения питалась от атомной энергетической батареи, что не требовало присутствия человека.

Это было обыкновенное убежище, все пространство которого было заставлено кроватями, исключая место, занимаемое кухонным оборудованием. Френк радостно осмотрелся вокруг.

— Мы нашли прекрасный дом, Джим.

— Да.— Джим осмотрелся вокруг, нашел термостат и подсоединил его. Скоро в комнате стало теплее; регулятор давления, подключенный к термостату, включил компрессор, и они услышали звуки, напоминающие вздохи. Через несколько минут мальчики сняли свои маски, а еще через некоторое время и наружные костюмы.

Джим осмотрел кухонное оборудование, открыл шкаф и заглянул на полки.

— Нашел что-нибудь? — спросил Френк.

— Ничего. Они могли бы оставить хотя бы банку бобов.

— Теперь, надеюсь, ты доволен, что я сделал налет на кухню, прежде чем мы оставили школу.

— Ладно, у тебя настоящий талант преступника,— признал Джим.— Я салютую тебе.— Он попробовал открыть водяной кран.— О, в баках полно воды,— возвестил он.

— Прекрасно,— ответил Френк.— Мне не придется выходить и колоть лед. Мне надо залить воду в маску. Последние несколько миль она была совсем сухой.— Верхом пижонства на Марсе считалось иметь в маске, кроме маленького компрессора с энергетической батареей, необходимого для поддержания внутреннего давления, и небольшой резервуар с водой. Соска с внутренней стороны маски позволяла пить, не заходя в помещение, но эта была вторая его функция. Главное назначение было в том, чтобы смачивать фильтр, через который воздух нагнетался в маску.

— У тебя? Ты разве не знал, что у тебя пустой резервуар?

— Я забыл наполнить его перед тем, как мы ушли.

— Турист!

— Мы же очень спешили, ты знаешь.

— Долго он был сухой?

— Я точно не знаю,— уклонился Френк.

— Как твое горло?

— Нормально. Может, немного пересохло.

— Дай я посмотрю,— настаивал на своем Джим и подошел к Френку. Френк оттолкнул его.

— Я сказал тебе, все нормально. Давай поедим.

— Ладно.

Они поужинали консервированной кукурузой с рубленой говядиной и быстро забрались в кровати. Виллис прижался к животу Джима и стал имитировать его храп.

Завтрак был точно такой же, поскольку в банке еще оставалась кукуруза с рубленым мясом, а Френк настаивал, чтобы они ничего не выбрасывали и экономили продукты. Виллис с ними не завтракал, хотя в последний раз он ел две недели назад, но он поглотил почти кварту * воды. После завтрака Джим обнаружил карманный фонарик.

— Посмотри, что я нашел.

— Ну, положи его на место и уходим.

— Я хочу оставить его себе,— ответил Джим, запихивая фонарик в сумку.— Он может нам пригодиться.

— Не может, это не наш фонарик.

— Мы же преступники. И вообще, я не краду его, а только заимствую. Я вынужден сделать это.

Френк пожал плечами.

---

* Кварта — 1,14 литра.

— Ладно, пора двигаться.

Несколько минут спустя они были на льду и снова направлялись на юг. Это был прекрасный день, как почти все марсианские дни: когда солнце поднялось и заполнило своими лучами узкую щель канала, мальчики, несмотря на то, что уже была поздняя осень, почувствовали аромат пустынных растений. Около полудня Френк заметил балку подъемника, указывающую, что рядом находится убежище. Это позволило им съесть их ленч в приспособленном помещении, а не пытаться набивать рот через клапан респираторной маски. Это убежище было точной копией первого, только вокруг еще не были посажены растения.

Когда они собирались покинуть убежище, Джим сказал:

— У тебя все лицо горит. Поднялась температура?

— Это просто здоровый румянец,— заверил его Френк.— Я прекрасно себя чувствую.

Однако, надевая маску, он закашлялся.

«Марсианское горло»,— подумал Джим, но ничего не сказал, потому что все равно ничего не мог сделать для Френка.

Марсианское горло — это не болезнь, а крайне сухое состояние носоглотки, которое возникает после непосредственного контакта с марсианским воздухом. Влажность на Марсе обычно равна нулю; обезвоженное таким образом горло становится широко открытым для любых болезнетворных организмов, которые всегда присутствуют в человеческой носоглотке. Как результат, в горле возникают сильные боли.

Время после обеда прошло без происшествий. Когда солнце начало клониться к горизонту, до дома оставалось около пятисот миль. Всю дорогу Джим наблюдал за Френком. Казалось, его закадычный друг так же хорошо стоит на коньках, как и всегда; он решил, что, возможно, Френк просто поперхнулся. Он догнал Френка и поехал рядом с ним.

— Я полагаю, нам пора начинать искать убежище.

— Согласен.

Вскоре они миновали несколько скатов, созданных давно умершими марсианами, на них не было ни подъемных балок, ни любых других признаков деятельности человека. Стены канала, хотя и понизились, но все еще были достаточно высокими и не позволяли заглянуть через них. Джим увеличил скорость бега; они торопились.

Ребята подбежали к очередному скату, но и здесь не было никаких намеков на то, что рядом расположено убежище. Джим остановился.

— Я предлагаю взобраться на берег и осмотреться,— сказал он.— Мы ЗНАЕМ, что они строили убежища около скатов, но они могли по какой-либо причине спустить подъемную балку вниз.

— Бесполезная трата времени,— возразил Френк.— Если мы

поторопимся, то до темноты сможем успеть добежать до следующего ската.

— Ну ладно, раз ты так говоришь...— Джим оттолкнулся и набрал скорость.

У следующего ската Джим снова остановился.

— Давай посмотрим,— сказал он.— До захода солнца мы не добежим до другого.

— Ладно.— Френк наклонился и стал снимать коньки.

Они торопливо вскарабкались на стену. Косые лучи солнца не освещали ничего, кроме растений, окаймляющих канал.

От усталости и досады Джим был готов закричать.

— Ну, что теперь будем делать? — спросил он.

— Спускаемся вниз и будем бежать до тех пор, пока не найдем убежище,— ответил Френк.

— Не думаю, что мы заметим балку в темноте.

— Значит, мы будем идти,— мрачно сказал Френк,— пока не упадем.

— Вернее, пока не замерзнем.

— Ну, если тебя интересует мое мнение,— ответил Френк,— мы потерпели неудачу. Даже если мы не замерзнем, я не смогу идти всю ночь.

— Ты чувствуешь себя не очень хорошо?

— Мягко сказано. Пошли.

— Хорошо.

Виллис выбрался из сумки и, чтобы лучше видеть, взобрался на плечи Джима. Затем он спрыгнул на землю и откатился в сторону. Джим рванулся за ним, но не поймал.

— Эй! Виллис! Вернись сюда!

Виллис не отвечал. Джим побежал за ним. Идти было трудно. Было уже поздно, и растения, растущие вдоль канала, приготовились втянуться в почву и расстилали свои листья на уровне колен Джима. Некоторые менее морозостойкие образцы совсем были не видны, оставив голые клочки земли.

Казалось, растения не мешали Виллису, и Джима беспокоило это; он мог не догнать маленького бездельника.

— Остерегайся водоискателя! — крикнул Френк.— Смотри, куда ставишь ногу! — Предупрежденный таким образом, Джим пошел более осторожно — и еще более медленно. Он остановился.

— Виллис! Эй, Виллис! Вернись! Вернись, проклятый, или мы уйдем и оставим тебя.— Это была пустая угроза.

Френк с трудом поднялся и присоединился к нему.

— Джим, мы не должны задерживаться здесь.

— Я знаю. Кто бы мог подумать, что он выкинет подобный фокус в самое неподходящее время.

— Он просто язва, вот и все. Пошли.

Голос Виллиса — или, вернее, голос Джима, используемый Виллисом,— донесся до них с некоторого расстояния.

— Джим, мальчик! Джим! Иди сюда!

Джим стал пробираться через ёжившиеся растения, Френк последовал за ним. Они обнаружили прыгуна отдыхающим на листе пустынной капусты, огромного растения, достигающего пятидесяти ярдов в поперечнике. Пустынная капуста редко росла вдоль берегов канала, эта сорная трава не приживалась на низких широтах, хотя ее можно было встретить в пустыне, в нескольких милях от источников воды.

Западная половина этого образца, развернутая в полукруглый веер, расстилалась по земле, а восточная почти вертикально торчала вверх. Разостланные листья жадно тянулись к последним солнечным лучам, своеобразному топливу фотосинтеза, благодаря которому растение жило. Пока хоть один солнечный луч касался его листьев, морозостойкое растение не скручивалось в клубок. В почву оно не втягивалось вообще. Оно сворачивалось в плотный шар и таким образом защищало себя от холода. Гигантское подобие земного растения, по аналогии с которым и было названо.

Виллис сидел на той половине, которая была разостлана по земле. Джим потянулся за ним.

Виллис подпрыгнул и покатился к сердцевине растения. Джим выпрямился.

— Эй, Виллис, открой свои глаза и возвращайся назад. Пожалуйста, иди сюда.

— Не ходи за ним,— предостерег Френк,— Она может закрыться в любую минуту. Солнце почти скрылось.

— Я не пойду, Виллис! Вернись назад!

Виллис тоже звал их.

— Джим-мальчик, иди сюда.

— Нет, ты иди СЮДА.

— Джим-мальчик пойдет сюда. Френк пойдет сюда. Там холодно. Здесь тепло.

— Френк, что мне делать?

Виллис позвал снова.

— Иди, Джим-мальчик. Тепло! Будет тепло всю ночь.

Джим вытаращил глаза.

— Знаешь что, Френк? Я думаю, он хочет, чтобы растение закрыло его внутри. И он хочет, чтобы мы присоединились к нему.

— Кажется, так и есть.

— Иди, Джим! Иди, Френк! — настаивал Виллис.— Быстрее!

— Вероятно, он знает, что делает,— сказал Френк.— Док говорил, что у него выработан инстинкт к жизни на Марсе, а у нас нет.

— Но мы не можем влезть в капусту. Она раздавит нас.

— Если бы я знал.

— В любом случае, мы задохнемся там.

— Возможно,— сказал Френк и внезапно добавил: — Джим, поступай как знаешь. Я больше не смогу бежать на коньках.— Он поставил ногу на широкий лист, вздрогнувший от прикосновения, и твердо пошел к прыгуну. Джим мгновение помедлил, а затем побежал за ним.

Виллис восторженно приветствовал их:

— Хороший мальчик Френк! Хороший мальчик Джим! Им будет хорошо и тепло всю ночь.

Солнце соскользнуло за отдаленную дюну, и сразу после этого по ним хлестнул холодный ветер. Дальние края растения поднялись и начали сворачиваться, окружая их.

— Френк, если прыгнуть, еще можно будет выбраться отсюда,— нервно сказал Джим.

— Я остаюсь.— Тем не менее Френк со страхом смотрел на приближающиеся листья.

— Мы задохнемся.

— Возможно. Но это лучше, чем замерзнуть.

Внутренние листья сворачивались быстрее наружних. Один такой лист, четырех футов в ширину и, по крайней мере, десяти футов в длину, поднялся перед Джимом и начал изгибаться, пока не коснулся его плеч. Джим нервно ударил по нему. Лист отдернулся, а затем медленно возобновил степенное движение.

— Френк,— резко сказал Джим,— они задушат нас!

Френк боязливо посмотрел на широкие листья, скручивающиеся вокруг них.

— Джим,— сказал он,— присядь. Раздвинь пошире ноги и возьмись за мои руки. Сделаем арку.

— Зачем?

— Чтобы у нас осталось как можно больше свободного пространства. Быстрее!

Джим торопливо протянул руки. Выставив локти и колени, они обозначили границы сферического пространства около пяти футов в диаметре. Закрывающиеся листья плотно облегали их, но давление было недостаточным, чтобы раздавить ребят. Вскоре все пространство вокруг них было покрыто листьями, и мальчики оказались в кромешной темноте.

— Френк,— спросил Джим,— мы можем теперь двигаться?

— Нет! Пусть наружные листья встанут на свое место.

Джим довольно долго сохранял неподвижность. Чтобы хоть както определить время, он начал считать до тысячи. Он уже перешел на вторую тысячу, когда Виллис зашевелился между его ног.

— Джим-мальчик, Френк-мальчик — приятно и тепло, да?

— Да, Виллис,— согласился он.— Что ты скажешь, Френк?

— Я думаю, что нам уже можно расслабиться.— Френк опус-

тил руки; лист, принявший форму потолка, сразу загнулся, свесился вниз и коснулся его в темноте. Френк инстинктивно шлепнул по нему: тот отступил.

— Уже становится душно,— сказал Джим.

— Не волнуйся. Относись ко всему спокойно. Не дыши глубоко. Не говори и не двигайся, так мы будем расходовать меньше кислорода.

— Какая разница, когда мы задохнемся,— через десять минут или через час? Френк, мы просто сошли с ума, когда залезли сюда; нет никакой надежды, что мы продержимся до утра.

— Почему не продержимся? Я читал в книге, что давным-давно в Индии человека живьем закапывали в землю на целый день и даже на неделю, а когда откапывали, он был еще живой. Их называли факирами.

— Правильнее будет «фальсификатор»*. Я не верю этому.

— Я же говорю тебе, что сам читал об этом в книге.

— Ты считаешь, все что написано в книгах — правда?

Френк задумался, прежде чем ответить.

— Лучше бы это было правдой, потому что это единственная наша надежда. Теперь ты замолчишь? Если ты будешь продолжать болтать, мы быстро используем весь воздух и умрем. Это будет твоя вина.

Джим замолчал. Единственное, что он мог слышать, это дыхание Френка. Он протянул руку и потрогал Виллиса; прыгун втянул все свои отростки. Он свернулся в ровный шар и, по-видимому, спал. Дыхание Френка изменилось; из его горла вырывался раздражающий хрип.

Джим попытался заснуть, но не смог. Абсолютная темнота и тяжелый воздух, словно огромный вес, давили на него. Он снова пожалел о своих часах, проигранных деловым талантам Смита; он чувствовал: если бы он мог знать, сколько времени и сколько осталось до рассвета, он бы выстоял.

Он убедил себя, что ночь уже прошла или почти прошла, и начал ждать, когда гигантское растение развернет свои листья. Он подождал немного, потом еще и еще, уговаривая себя: «вот еще несколько минут», и наконец, решив, что прошло два часа, запаниковал. Он знал, какой был поздний сезон, знал, что пустынная капуста зимует простейшим способом — не разворачивается всю зиму. По-видимому, они с Френком нашли приют в капусте в ту самую ночь, когда она впала в зимнюю спячку.

Двенадцать долгих месяцев, более трехсот дней пройдет до того момента, когда растение раскроется под весенними лучами солнца и освободит их — мертвых. Он был уверен в этом.

---

* Игра слов: факир — fakir, фальсификатор — faker.

Он вспомнил о карманном фонарике, который он подобрал в первом убежище. Эта мысль немного успокоила его, заслонив на мгновение все страхи. Он наклонился вперед, закинул за спину руку и попытался достать сумку, все еще висевшую у него на плечах. Листья свесились над ним; он ударил по ним, и они снова отступили. Он дотянулся до фонарика, вытащил его и включил. Луч фонарика ярко осветил стесненное пространство.

Френк перестал храпеть, моргнул и сказал:

— В чем дело?

— Я вспомнил о нем. Хорошо, что я взял его, да?

— Лучше выключи его и спи.

— Он совсем не расходует кислород, а с ним я чувствую себя лучше.

— Может, тебе и лучше, но чем дольше ты будешь бодрствовать, тем больше израсходуешь кислорода.

Джим вдруг вспомнил о страхе, охватившем его перед тем, как он включил свет.— Я считаю так. Все равно нет никакой разницы...— и он рассказал Френку о своем убеждении, что они пойманы в ловушку и теперь навсегда останутся в растении.

— Нонсенс! — сказал Френк.

— Сам ты нонсенс! Почему оно не раскрывается?

— Потому,— сказал Френк,— что мы сидим здесь не более часа.

— Что?

— Не более часа. А теперь замолчи и дай мне спать. И свет выключи.— Френк снова опустил голову на колени.

Джим замолчал, но свет не выключил. Он утешал его. Кроме того, внутренние листья, имеющие досадную тенденцию свешиваться над их головами, теперь отступили и прочно прилипли к плотной стене, сформированной наружними слоями листьев. Бессмысленный рефлекс, управляющий движениями растения, старался подставить максимум поверхности под луч карманного фонарика.

Джим не стал анализировать это, его познания в фотосинтезе и фототропизме были поверхностны. Он просто принял к сведению, что после включения света здесь стало чуть-чуть просторней и листья больше не свешиваются над головой. Он поставил фонарик около неподвижного Виллиса и попытался расслабиться.

Со светом здесь казалось не так душно. У него даже возникло ощущение, что давление немного поднялось. Он даже хотел снять маску, но воздержался от этого. Теперь, немного успокоившись, он стал засыпать.

Он спал и ему снилось, что он спит. Спасение в пустынной капусте было просто невозможным фантастическим сном; школа и директор Хове — кошмарным сном; он был дома и спал в своей кровати, а Виллис свернулся около него. Завтра они с Френком отправятся в Малые Зыбучие Пески поступать в школу.

Это был просто ночной кошмар, вызванный мыслью, что Виллиса могут забрать у него. Они хотят забрать у него Виллиса! Они не сделают этого; он не позволит им!

Его сон снова изменился; он опять не подчиняется директору Школы Хове; он опять освобождает Виллиса и спасается бегством — и опять они замурованы в сердцевине пустынного растения.

У него возникает горькая уверенность, что это всегда будет кончаться одинаково. Это действительность: они пойманы в ловушку и сидят в сердцевине гигантской сорной травы, впавшей в зимнюю спячку — и они умрут там.

Он задыхался и что-то бормотал в попытке вырваться из кошмара, а затем заснул более спокойным сном.

7. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Крошечный Фобос, внутренняя луна Марса, вышел из эклиптики и с головокружительной быстротой пронесся с запада на восток, навстречу восходящему солнцу. Медлительное светило не спеша выпустило свои лучи и осветило сначала восточный рукав Страймон-канала, затем пустыню, лежавшую между каналами-близнецами и, наконец, западный. Лучи ударили по гигантскому шару, укрепившемуся на берегу западного рукава Страймон-канала; это была пустынная капуста, плотно свернувшаяся в защите от холода.

Растение зашевелилось и начало разворачиваться. Листья на обращенной к солнцу стороне расстилались по земле; другая половина, словно павлиний хвост, развернулась веером, чтобы успеть поймать почти горизонтальные лучи солнца. Развернувшись, растение выбросило что-то из своей сердцевины на разостланные листья; это были два скрюченных и неподвижных человеческих тела в эластичных костюмах и гротескных шлемах.

Следом за ними вывалился небольшой шар. Он прокатился несколько ярдов по толстым зеленым листьям и остановился. Он выставил стебельки глаз, покрутил ими, затем выпустил маленькие ноги, переваливаясь подошел к растянувшимся телам и прижался к одному из них.

Он отодвинулся, прижался снова, затем опять отодвинулся и издал тонкий вой, в котором смешивалось безутешное горе и чувство невосполнимой потери.

Джим открыл налитые кровью глаза.

— Прекрати этот адский шум,— раздраженно сказал он.

— Джим-мальчик! — пронзительно выкрикнул Виллис и вспрыгнул ему на живот, где в порыве радости продолжал подпрыгивать.

Джим стряхнул его с живота и взял в руки.

— Успокойся. Веди себя хорошо. Ой!

— В чем дело, Джим-мальчик?

— У меня затекли руки. Ооо... ой! — дальнейшие попытки двигаться показали Джиму, что его ноги затекли тоже. И спина. И шея.

— Что с тобой? — спросил Френк.

— Я закостенел, как доска. Будет больше пользы, если я сегодня надену коньки на руки. Слушай...

— Слушаю.

— Возможно, сегодня нам не придется бежать на коньках. Я не удивлюсь, если весеннее половодье уже началось.

— Что? О чем ты бормочешь? — Френк осторожно сел.

— Ну, о весеннем половодье, конечно. Каким-то образом мы сумели перезимовать, хотя я и не знаю как. Теперь мы...

— Не будь глупее, чем ты есть на самом деле. Посмотри, где восходит солнце.

Джим посмотрел. Колонисты Марса больше знали о движении солнца, чем любой другой человек Земли, ну, может быть, за исключением эскимосов.

— Ох...— только и сказал он, а затем добавил: — Вероятно, это был сон.

— Либо сон, либо ты стал более сумасшедшим, чем раньше. Пошли,— Френк со стоном поднялся на ноги.

— Как ты себя чувствуешь?

— Так же, как и мой дедушка.

— Я хочу сказать, как твое горло? — сказал Джим.

— О, тут все нормально,— приступ кашля сразу же опроверг заявление Френка. С большим усилием он сдержал его; кашлять с надетым респиратором — плохая затея. Чихание — еще хуже.

— Завтракать будешь?

— Я пока не голоден,— ответил Френк.— Найдем убежище и там поедим со всеми удобствами.

— Ладно,— Джим снова посадил Виллиса в сумку; подвигав руками и ногами, он решил, что может встать и идти. Он заметил фонарик, сунул его в сумку к Виллису и вслед за Френком пошел к берегу.

Появилась растительность; но по мере того, как они приближались к берегу, растения вылезали из почвы и все больше путались под ногами. Еще твердые от ночного холода, они не успевали отдергивать стебли и листья из-под ног бредущих к каналу ребят.

Они подошли к берегу.

— Скат должен быть справа и совсем недалеко,— решил Френк.— Да... я вижу его. Идем.

Джим схватил Френка за руку и оттащил назад.

— Что за шутки? — спросил Френк.

— Взгляни на север, в канале.

— Что? О! — к ним приближался скутер.

Обычно такие суда развивают скорость до двухсот пятидесяти миль в час и даже больше, но этот двигался с минимальной скоростью. Два человека сидели на крыше скутера, свесив ноги в открытый люк.

Френк поспешно отошел назад.

— Хороший мальчик, Джим,— похвалил он.— Я чуть не попал к ним в руки. Думаю, что нам лучше пропустить их вперед.

— Виллис тоже хороший мальчик,— самодовольно вставил Виллис.

— Он хочет пропустить их вперед! — ответил Джим.— Разве не видишь, что они делают?

— Что?

— ОНИ ИДУТ ПО НАШИМ СЛЕДАМ!

Френк испуганно посмотрел на Джима и ничего не ответил. Он осторожно выглянул из укрытия.

— Смотри,— воскликнул Джим,— он достал бинокль! — Френк нырнул назад, но все же успел многое увидеть: скутер остановился примерно на том месте, где они остановились вчера вечером, и один из людей на крыше через купол наблюдения жестами показывал водителю, чтобы тот приблизился к скату.

Конечно, на поверхности льда остались следы от коньков; время от времени, до наступления зимних морозов, они сглаживались в дневную оттепель. Тем не менее маловероятно, чтобы кто-то, кроме двух мальчиков, мог забраться так далеко от поселений. На льду сохранились следы скутера, но Джим и Френк, как и все конькобежцы, отдавали предпочтение чистому льду. Этот след мог любому показать весь их путь от станции Циния до последнего ската.

— Надо забираться в гущу растений,— прошептал Джим.— Мы спрячемся там и дождемся, когда они уйдут. Как ты смотришь на то, чтобы очередную ночь провести в капусте?

— В конце концов они должны уйти.

— Конечно, но не очень скоро. Они знают, что мы поднялись на скат, поэтому останутся здесь и начнут нас искать. Искать будут долго, гораздо дольше, чем мы сможем выдержать. У них есть база, поэтому они могут себе это позволить.

— Ладно, что же нам делать?

— До следующего ската мы пройдем вдоль берега.

— Тогда пошли. Они скоро поднимутся сюда.

На четвереньках, собачьей рысью ребята двинулись на юг. Френк полз впереди, Джим следовал за ним. Растения, растущие вдоль канала, были уже достаточно высокими, чтобы закрыть их. Сумрак, царивший под развернутыми листьями и стеблями растений, защищал их от посторонних взглядов.

Была возможность напороться на змеистых червяков или водоискателя, поэтому Джим держал глаза широко открытыми и преду-

предил Виллиса, чтобы тот делал так же. Они двигались довольно долго. Спустя некоторое время Френк остановился, жестом попросил тишины, и ребята прислушались. Единственное, что мог расслышать Джим, было резавшее ухо дыхание Френка; если их кто-то преследовал, то преследователи были не близко.

Они проползли, по крайней мерей, две мили на юг, когда Френк внезапно остановился. Джим ткнулся в него, и оба мальчика чуть не свалились в другой канал, что заставило Френка остановиться. Он был проложен с востока на запад и был более узким ответвлением главного канала. Между Цинией и Чараксом было несколько таких каналов, некоторые из них соединяли восточный и западный рукава Страймон-канала, а некоторые просто отводили воду в небольшие лощины пустыни.

Джим заглянул в узкий и глубокий разрез.

— Боже мой! Мы чуть не свалились туда.

Френк не ответил. Он сел на колени и обхватил руками голову. Взрыв кашля сотрясал все его тело. Когда приступ прошел, он обессиленно опустил руки; его плечи все еще тряслись, словно от рыданий. Джим положил руку ему на плечо.

— Парень, ты, кажется, совсем расклеился?

Френк не ответил.

— Бедный мальчик Френк,— сказал Виллис и заохал.

Джим снова заглянул в канал и наморщил лоб. Френк поднял голову и сказал:

— Все в порядке. Просто у меня запершило в горле. Сейчас спустимся в канал и уже ничто не сможет нас остановить. Я немного устал, ползая на четвереньках.

— Послушай, Френк,— сказал Джим.— У меня появился новый план. Я пойду на восток вдоль этого канала и найду место, где можно спуститься вниз, ты же вернешься назад и сдашься...

— Нет!

— Я еще не закончил! Это только эмоции. Ты слишком болен, чтобы продолжать идти дальше. Если ты останешься со мной, то можешь умереть. Ты хорошо это понимаешь. Кто-то из нас должен принести сообщение нашим родителям — это сделаю я. Ты вернешься назад, сдашься им и расскажешь байку, в какую сторону я пошел — можешь показать в любую сторону, кроме той, куда я пошел на самом деле. Если ты хорошо выполнишь эту миссию, мы обманем их и я смогу оторваться от преследования. Тем временем ты будешь сидеть в скутере, в тепле и безопасности, а вечером окажешься в кровати, в лазарете школы. Ну... сделаешь это для меня?

— Нет!

— Почему нет? Ты становишься упрямым.

— Нет,— повторил Френк,— так не пойдет. Во-первых, я не вернусь к ним. Лучше умереть здесь, чем...

— Болван!

— Сам болван. Во-вторых, твоя затея плохо кончится. Они удостоверятся, что тебя нет в той стороне, куда я указал, и вернутся назад, на скутере прочешут весь канал и не далее чем завтра, поймают тебя.

— Но... ладно, что же нам делать?

— Не знаю, но твое предложение не подходит,— он снова закашлялся.

Несколько минут они оба молчали. Наконец Джим сказал:

— Какой у них скутер?

— Обычный, грузовой. Я думаю, «Гудзон Шестьсот»; а почему ты спросил?

— Он сможет двигаться по этому каналу?

Френк заглянул в узкий канал. Стенки канала были наклонными, а у самого дна сужались еще больше; уровень воды был очень низким, и внизу ширина льда едва достигала двадцати футов.

— Не пройдет,— ответил он.

— Значит, они не будут искать нас в этом ответвлении — во всяком случае, на этом скутере.

— Я понял тебя,— вставил Френк.— Ты хочешь пройти по нему до восточного рукава Страймон-канала и идти к дому там. Но почему ты уверен, что это ответвление тянется до конца? Ты хорошо помнишь карту местности?

— Нет, не очень, но это единственный шанс оторваться от погони. Если мы этого не сделаем, преследователи всю дорогу до дома будут дышать нам в спину и наступать на пятки.

— После того как мы добежим до восточного рукава канала, нам еще останется пройти около пятисот миль до Чаракса. С этой стороны построены убежища, хотя мы и не нашли последний прошлой ночью.

— С таким же успехом мы можем найти убежища и на восточном отрезке, как и на западном,— ответил Джим.— Следующей весной Проект начнет осуществляться с обеих сторон. Я знаю, отец много говорил об этом. Во всяком случае, мы не можем больше использовать этот рукав: они обыщут его вдоль и поперек — так зачем нам ломать здесь свои зубы? Остается только один вопрос: сможешь ли ты бежать на коньках? Если не можешь, ты должен остаться здесь и сдаться.

Френк поднялся.

— Я смогу бежать,— мрачно сказал он.— Пошли.

Уверенные в том, что их преследователи все еще обыскивают окрестности ската, по которому они поднялись наверх, мальчики смело пошли по каменной кладке канала. Они прошли три или четыре мили на восток, прежде чем нашли место, где можно было спуститься на лед.

— Спустимся здесь? — спросил Джим.

— Конечно. Даже если они пошлют в канал кого-нибудь на коньках, я сомневаюсь, чтобы он пошел так далеко, не видя перед собой наших следов. Идти пешком так утомительно.

Они спустились на лед, надели коньки и побежали. После проведенной в некомфортабельных условиях ночи пешая прогулка еще больше вымотала ребят, и они были рады снова оказаться на льду. Джим немного отстал от Френка и предоставил ему возможность бежать с удобной для него скоростью; несмотря на болезнь, он развил приличную скорость.

Когда они прошли около пятидесяти миль, берега канала стали значительно ниже. Джим заметил это, и его посетило предчувствие, что этот канал не связан с восточным рукавом, а просто заканчивается в какой-то низине пустыни. Свои подозрения он оставил при себе, а к концу следующего часа в этом уже не было необходимости: правда стала очевидна для обоих. Берега теперь стали такими низкими, что ребята могли заглянуть через верх, а лед впереди больше не исчезал в голубом небе, а заканчивался на некотором расстоянии.

В месте, где заканчивался канал, разлилось замерзшее болото. Берега исчезли; шероховатый лед расстилался во всех направлениях; в некотором отдалении зеленые растения показывали границу свободного льда. Здесь и там изо льда торчали вмерзшие пучки мертвой растительности.

Выбирая дорогу, где можно проехать на коньках, они продолжали двигаться на восток. Наконец Френк сказал:

— Все! Дальше не пройти! — и сел снимать коньки.

— Я согласен с тобой, Френк.

— Ну что, пойдем дальше? Я думаю, до восточного рукава осталось идти не очень далеко.

Они вошли в окружающую болото зелень и стали быстро пробираться через нее, чтобы растения успели затянуть их следы. Растения здесь были гораздо ниже, чем растущие вдоль канала; самые высокие образцы едва доставали им до плеч. Листья тоже были меньше. Пройдя пару миль, мальчики вышли на песчаные дюны.

Красный зыбучий песок, словно покрытый ржавчиной, замедлил их продвижение, но подниматься на дюны или идти по их краю было еще тяжелее. Джим, даже если Френк шел вокруг, предпочитал идти напрямик через дюны; он следил за темно-зеленой линией у горизонта, которая могла обозначать восточный рукав Страймон-канала. Это поддерживало его.

Виллис настоял, чтобы его выпустили. Первое, что он сделал,— принял пылевую ванну в чистом песке, и с этого момента держался чуть впереди Джима, разведывая дорогу и спугивая мелких насекомых. Джим как раз взобрался на вершину дюны и выискивал

место, где лучше спуститься, когда услышал жалобный писк Виллиса. Он осмотрелся вокруг.

Френк обходил вокруг дюны, и Виллис был рядом с ним, вернее сказать, Виллис легко и быстро несся впереди него. В данный момент прыгун замер в неподвижности. Френк, по-видимому, ничего не замечал; он опустил голову вниз и вяло тащился по песку.

Прямо перед ним в атакующей позе стоял водоискатель. Он бросился вперед.

Даже для меткого стрелка было слишком далеко. Зрелище показалось Джиму странно нереальным. Он видел все, как в замедленной съемке: Френк словно примерз к своему месту, а водоискатель будто медленным прогулочным шагом направляется к своей жертве. Время словно остановилось для Джима. Он выхватил оружие, направил его в сторону водоискателя и сделал выстрел... К сожалению, луч только обжег страшное существо, но не остановил его.

Джим сделал упор на ногу и снова прицелился. Луч, попавший точно в середину панциря, разрезал существо на две части, будто оно набежало на жужжащий диск пилы. Проскочив по инерции вперед, оно развалилось на две дергающиеся половины. Громадный коготь-ятаган дернулся и замер в нескольких дюймах от Виллиса.

Джим начал спускаться с дюны. Френк действительно стоял, словно статуя. Он стоял и, не мигая, смотрел на то, что прежде воплощало в себе внезапную и кровавую смерть. Он отвернулся и посмотрел на приближающегося Джима.

— Спасибо,— сказал он.

Джим ничего не ответил и пнул по дрожащей ноге зверя.

— Мерзкая тварь,— напряженно сказал он.— Черт побери, как я ненавижу их. Как бы я хотел уничтожить их всех, всех за один раз,— он пошел вдоль тела, отыскал яичники и аккуратно выжег их бластером.

Виллис стоял, не двигаясь, и тихо всхлипывал. Джим подошел к нему, поднял и засунул в дорожную сумку.

— Пора отсюда сматываться,— сказал он.— Если ты так плохо себя чувствуешь, что не можешь подниматься на дюны, я пойду с тобой в обход.

— Ладно.

— Френк!

— Да? Что тебе, Джим? — вяло ответил Френк.

— Что там виднеется впереди?

— Впереди? — сквозь застилающую глаза пелену Френк мужественно попытался разглядеть то, на что показывал Джим.— О, вероятно, это зеленая зона канала. Я думаю, мы все-таки дошли.

— А что еще? Ты не видишь башню?



— Какую? Где? О, там... да, кажется, вижу. Все правильно, это башня.

— Ты что же, не понимаешь, что это означает? Марсиане!

— Я тоже так думаю.

— Ну, прояви немного энтузиазма!

— Почему я должен проявлять энтузиазм?

— Они примут нас, парень! Марсиане отличные ребята; пока мы с Виллисом продолжим наш путь, ты останешься у них, в тепле.

Френк посмотрел на башню более заинтересованно, но ничего не ответил.

— Возможно, они даже знают Гекко,— продолжал Джим.— Это хороший шанс.

— Может быть.

Прежде чем подойти к маленькому марсианскому городу, им пришлось около часа упорно работать ногами. Он был так мал, что включал в себя одну-единственную башню, но Джиму он показался прекраснее, чем Малые Зыбучие Пески. Они прошли вдоль стены и подошли к воротам. Мальчики не пробыли в городе и пяти минут, когда надежды Джима, сначала такие большие, рассеялись. Это произошло скорее, чем он увидел задушенный сорняками центральный сад, а пустые тропинки и безмолвные площади сказали ему горькую правду: маленький город был покинут.

Очевидно Марс когда-то был населен более густо, чем сейчас, об этом говорили руины неизвестных городов. Даже величайшие населенные центры, такие, как Чаракс, Малые и Большие Зыбучие Пески и Гесперидум, включали в себя брошенные районы, которые с большим удовольствием посещали туристы с Земли. По-видимому, этот маленький город не имел важного значения для марсиан и мог быть покинут еще до того, как Ной построил свой корабль.

Джим, не склонный к разговорам, остановился на пустой широкой площади. Франк устало опустился на металлическую отполированную плиту, испещренную знаками. Какой-нибудь ученый Земли отдал бы руку, лишь бы прочитать, что здесь написано.

— Ну ладно,— сказал Джим,— немного отдохнем, а потом поищем дорогу к каналу.

— Это не для меня,— устало ответил Френк.— Я не смогу больше идти.

— Не говори чепухи.

— Джим, я сказал тебе то, что есть на самом деле.

Ответ озадачил Джима.

— Тогда подожди... я поброжу вокруг. Обычно под городами много всяких тоннелей. Я найду место, где мы сможем провести ночь.

— Делай, что хочешь.

— Оставайся здесь,— он хотел уйти, но вдруг заметил, что

Виллиса нет рядом с ними, и сразу вспомнил, что прыгун, когда они шли по городу, выбрался из сумки.— Виллис... Где Виллис?

— Откуда я знаю?

— Я должен найти его. Виллис! Эй, Виллис! Иди сюда, мальчик! — его голос эхом разнесся по мертвому городу.

— Привет, Джим!

Голос донесся до Джима с некоторого расстояния. Это был Виллис, но не один. Его нес марсианин.

Марсианин приблизился к ним, опустил свою третью ногу и оперся на нее. Мягко прогудел его голос.

— Френк, что он говорит?

— Что? Я не знаю. Скажи ему, пусть уходит.

Марсианин заговорил снова. Джим бросил попытки использовать Френка в роли переводчика и сосредоточился, чтобы понять смысл сказанного. Он заметил жест, напоминающий перевернутый знак вопроса; это было приглашение или какое-то предложение. Следующий жест, напоминающий знак радикала, ничего Джиму не сказал.

В надежде, что абориген повторит сказанное, Джим сделал вопросительный жест, но вместо марсианина ответил Виллис:

— Идем с нами, мальчик Джим,— прекрасное место!

— Почему бы и нет? — пробормотал Джим и ответил: — Хорошо, Виллис.

Напрягая горло, чтобы произвести требующийся неземной тройной гортанный звук, Джим выдавил общую фразу согласия. Марсианин повторил ее, затем поднял ногу и, не поворачиваясь вокруг, быстро пошел прочь.

Он прошел около двадцати пяти ярдов, когда заметил, что за ним никто не идет. Он так же быстро вернулся назад и воспользовался общим вопросительным символом, как бы спрашивая: — Что-нибудь не так?

— Виллис,— настоятельно сказал Джим,— я хочу, чтобы он нес Френка.

— Нес мальчика Френка?

— Да, как его нес Гекко.

— Гекко здесь нет. Это К'бумкх.

— Его зовут К'бумк?

— Точно... К'бумкх,— согласился Виллис, поправив произношение Джима.

— Ладно, я хочу, чтобы К'бумкх нес Френка так, как это делал Гекко.

Виллис и марсианин что-то помычали и поквакали друг другу, а затем Виллис сказал:

— К'бумкх хочет знать, откуда мальчик Джим знает Гекко.
— Скажи ему, что мы друзья, друзья по воде.
— Виллис уже сказал это.
— Как насчет Френка?

Но оказалось, что Виллис и об этом успел сказать своему новому знакомому. К'бумкх обхватил Френка двумя руками-заслонками и поднял. Френк открыл глаза и снова закрыл их. Казалось, ему было все равно, что с ним происходит.

Задержавшись на мгновение, чтобы подобрать коньки, которые Френк оставил на металлической плите, Джим рысью побежал за марсианином. Они вошли в огромное здание, внутри казавшееся даже больше, чем снаружи; так ярко светились стены, освещая помещение. Не замедляя шаг, марсианин прошел к дальней стене и вошел в арочный проход; это был вход в наклонный, ведущий вниз туннель.

Марсиане так и не изобрели лестницы, точнее сказать, лестницы им были не нужны. Низкая гравитация на поверхности Марса, составляющая примерно 38% от земной, позволяла использовать такие крутые спуски, которые на Земле могли бы привести к большим неприятностям. Марсианин долго вел Джима вниз по этим чередовавшимся крутым спускам.

Как и тогда, когда он был под городом Циния, Джим вдруг понял, что давление увеличилось. Он снял маску и почувствовал великое облегчение, так как более двадцати четырех часов не имел возможности сделать это. Давление поднялось внезапно; он был уверен, что перепад давления произошел не в результате того, что они спускаются вниз; они находились не так глубоко, чтобы разница в давлении стала такой заметной.

Джима заинтересовал этот трюк. Он решил, что здесь было что-то типа переходной камеры, которую он не заметил.

Спуск кончился, и они вошли в большую комнату, ярко освещенную куполообразным потолком. В стенах ее были проделаны ряды арочных проходов. К'бумкх остановился и задал Джиму какой-то вопрос, из чего Джим разобрал только имя Гекко.

Джим покопался в памяти и с трудом произнес простое выражение:

— Я и Гекко разделили воду. Мы друзья.

Казалось, марсианина это объяснение удовлетворило; через один из арочных проходов он провел их в небольшую комнату и мягко опустил Френка на пол. Дверь позади них тихо скользнула и закрылась. В комнате, очень маленькой по стандартам марсиан, стояло несколько конструкций, заменяющих марсианам стулья. К'бумкх утвердил свое неуклюжее тело на одной из них.

Внезапно Джим почувствовал, что на его плечи опустилась тяжесть, и неожиданно для себя он очутился на полу. Тяжесть сопро-

вождалась легким головокружением, поэтому он остался сидеть.

— Френк, у тебя все нормально? — спросил он.

Френк пробормотал что-то невнятное. Его дыхание было тяжелым и затрудненным. Джим поднял маску Френка и потрогал его лоб; он был горячий. В этот момент он ничего не мог сделать для Френка. Тяжесть продолжала давить на плечи.

Марсианин, казалось, не был склонен к разговорам, но и Джим не пытался заговорить с ним, во всяком случае на доминирующем языке. Виллис свернулся в шар. Джим лег около Френка, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать.

На мгновение, с ощущением, будто он падает вниз, появилась небывалая легкость, а затем на него снова навалилась тяжесть. Он лежал еще около пяти минут, когда вдруг увидел, что абориген наклонился над ним и что-то говорит. Джим сел и понял, что снова чувствует себя хорошо. К'бумкх подхватил Френка и они покинули комнату.

Большая комната с куполообразным потолком выглядела точно так же, если не считать то, что теперь в ней собралась группа из тридцати или более марсиан. Когда К'бумкх со своей ношей и следующий за ним Джим вышли из арочного прохода, один из них отделился от группы и шагнул вперед. Он был немного ниже остальных марсиан.

— Джим Мэрлоу,— заявил он.

— Гекко! — крикнул Джим, подражая Виллису.

Гекко наклонился к нему.

— Мой друг,— мягко пробумкал он на своем собственном языке.— Мой маленький, слабый друг,— он подхватил Джима и понес его прочь, а другие марсиане расступились, давая дорогу.

Гекко быстро двигался по тоннелям. Джим оглянулся и увидел, что К'бумкх с его компаньоном следует сзади. Гекко свернул в комнату средних размеров и поставил Джима на пол. Френка положили возле него. Он открыл глаза и спросил:

— Где мы?

Джим осмотрелся. В центре комнаты стояли несколько опорных конструкций. Куполообразный потолок имитировал небо. На одной стене протекал канал, во всем похожий на настоящий, на другой стене виднелся силуэт марсианского города, оперенного парившими в воздухе башнями. Джим узнал эти башни, узнал город, в котором они находились; Джим узнал эту комнату.

Это была та самая комната, в которой он «взрослел» вместе с Гекко и его друзьями.

— О, черт побери, Френк, мы вернулись в Цинию.

— Что? — Френк сел, осмотрелся вокруг, затем снова лег и закрыл глаза.

Джим не знал, смеяться ему или плакать. Недурно! Старание

убежать и добраться до дома, храбрость Френка, борющегося с болезнью и усталостью, ночь, проведенная в пустынной капусте,— все оказалось напрасно. Они находились в трех милях от станции Циния.

8. ДРУГОЙ МИР

Джим развернул домашнее хозяйство — или больничное хозяйство — в наименьшей комнате, которую Гекко смог подобрать для него. Сразу после прибытия был проведен сеанс «взросления вместе». По окончании сеанса Джим, как и прежде, обнаружил, что его познания в доминирующем языке улучшились. Он дал понять Гекко, что Френк болен и нуждается в покое.

Гекко предложил взять заботы о Френке на себя, но Джим отказался. Марсианская терапия могла вылечить Френка — или убить его. Вместо этого он попросил принести запас питьевой воды — он был вправе сделать это, потому что был «друг по воде», почти родной брат,— и красочный марсианский шелк, который мальчики в прошлый раз использовали вместо опорных конструкций. Из этого шелка Джим сделал мягкую постель для Френка и возле нее небольшое гнездышко для себя и Виллиса. Разбудив Френка, он вволю напоил его водой, уложил на приготовленную постель и сел рядом ждать, когда состояние его друга улучшится.

Комната была уютной и теплой. Джим снял наружный костюм, растянул его и вычистил. Подумав, он снял эластичный костюм с Френка и вытер его яркой красочной тканью. Затем он взял дорожную сумку Френка и осмотрел запасы пищи. До сих пор он был слишком занят и утомлен, чтобы беспокоиться о своем желудке, но теперь от вида этикеток у него потекли слюни. Джим вытащил банку синтетического витаминизированного апельсинового сока и банку с филе цыпленка, который начал и закончил свою праведную жизнь в дрожжевом баке Северной Колонии. Он и раньше употреблял дрожжевые протеины, поэтому знал, что на вкус каждый кусочек был так же соблазнителен, как белая грудка настоящего цыпленка. Присвистнув, он достал нож и приступил к работе.

Виллис куда-то сбежал, но он по нему не скучал. Подсознательно, пока они находились в городе аборигенов, Джим не был склонен к беспокойству о Виллисе; это место было заполнено атмосферой мира и безопасности. В самом деле, Джим даже не вспомнил о своем пациенте, пока не поел и не вытер рот.

Френк еще спал, но его дыхание было хриплым, а лицо красным. Воздух в комнате, хотя и теплый, с нормальным давлением, был все же сухим воздухом Марса. Джим достал из сумки носовой платок, намочил его и положил на лицо Френка. Время от времени

он снова смачивал его. Позднее он достал еще один платок, опустил его в воду и завязал на своем лице.

Сопровождаемый Виллисом, вошел Гекко.

— Джим Мэрлоу,— сказал он и уселся на опорную конструкцию.

— Гекко,— ответил Джим и в очередной раз смочил платок на лице Френка.

Прошло некоторое время. Марсианин сидел тихо и неподвижно, и Джим решил, что он ушел в «другой мир», но, взглянув на него, увидел, что глаза Гекко с живым и тревожным интересом следят за происходящим.

Наконец он спросил Джима, что тот делает и зачем. Джим попытался объяснить, что для нормального функционирования их организмов в воздухе должно содержаться некоторое количество воды, но вопреки тому, что они совсем недавно «взрослели вместе», скудный запас марсианских слов не позволил сделать это. Он отказался от своей попытки, и вновь наступила тишина. В конце концов марсианин встал и ушел. Виллис последовал за ним.

Вскоре Джим заметил, что ткань на их лицах перестала сохнуть и оставалась влажной. Он снял свой платок, так как держать на лице влажный платок было не очень приятно, и, подумав, что для больного Френка это может быть неприятнее вдвойне, снял платок и с его лица. Влажность воздуха пришла в норму, и платки можно было больше не использовать.

Вернулся Гекко. Посидев в тишине всего десять минут, что показывало почти фантастическую спешку для марсиан, он спросил, достаточно ли воды содержится в воздухе. Джим поспешил заверить его, что лучше и быть не может, и поблагодарил. Минут через двадцать после этого Гекко снова ушел. Джим решил отдохнуть. У него был долгий и тяжелый день, а предыдущую ночь едва ли можно было назвать ночью отдыха. Он осмотрелся вокруг в поисках выключателя освещения, но не нашел ничего подобного. Он лег, натянул к самому подбородку многокрасочную простыню и заснул.

— Эй, Джим... Проснись.

Джим открыл глаза и снова закрыл.

— Отстань.

— Встряхнись немного. Я уже два часа не сплю, а ты все храпишь. Я хочу кое-что узнать.

— Что ты хочешь узнать? Лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

— Я? — переспросил Френк.— Я — хорошо. Почему я должен чувствовать себя плохо? Где мы?

Джим посмотрел на него. Цвет лица Френка был почти в норме, да и голос звучал без хрипоты.

— Вчера вечером ты был очень болен,— проинформировал его Джим.— Думаю, ты был без сознания.

Френк наморщил лоб.

— Возможно. В самом деле мне снились какие-то кошмары. Мы прятались в пустынной капусте...

— Это был не сон.

— Что?

— Я сказал, что это был не сон: ни пустынная капуста, ни все остальное. Ты знаешь, где мы?

— Именно это я и хотел у тебя узнать.

— Мы в Цинии, вот где. Мы...

— В ЦИНИИ?

Джим попытался последовательно рассказать Френку о двух предшествующих днях. Объясняя свое внезапное перемещение из далекого городка в Цинию, Джим попал в затруднение, потому что сам не совсем понимал это.

— Я представляю себе, это что-то наподобие подземки. Ты знаешь — мы читали о подземке.

— Марсиане не применяют технику.

— Марсиане построили каналы.

— Да, но это было давно, много времени назад.

— Может, они и подземку построили много времени назад. Что ты скажешь на это?

— Ничего не скажу. Ладно, я голоден. У нас осталось что-нибудь поесть?

— Конечно,— Джим поднялся и осмотрелся вокруг. Виллиса не было.— Я хочу найти Гекко и спросить, где Виллис,— с беспокойством сказал он.

— Болван,— сказал Френк.— Давай позавтракаем.

— Ладно... Все нормально.

После завтрака Френк вернулся к вопросу, волнующему их обоих.

— Ну хорошо, мы находимся в Цинии, но нам как можно быстрее надо добраться до дому. Вопрос: как нам это сделать? Я думаю так: если марсиане смогли быстро доставить нас сюда, то так же быстро смогут вернуть нас туда, где взяли, после чего мы по восточному рукаву Страймон-канала отправимся домой. Как ты на это смотришь?

— Думаю, звучит неплохо,— ответил Джим,— но...

— Значит, первое, что надо сделать, это найти Гекко и, не тратя время попусту, попробовать с ним договориться.

— Первое, что надо сделать,— возразил Джим,— это найти Виллиса.

— Зачем? Мало он тебе причинил неприятностей? Оставь его, он здесь будет счастлив.

— Френк, ты занял неправильную позицию по отношению к Виллису. Разве он не помог нам в трудном положении? Если бы не Виллис, ты бы выплюнул свои легкие в пустыне.

— Во-первых, если бы не Виллис, мы бы не оказались в таком трудном положении.

— Это нечестно. Правда в том...

— Хватит! Брось! Идем искать Виллиса.

Джим оставил Френка убирать остатки завтрака и вышел. Хотя впоследствии он никогда не был способен связно и точно рассказать, что с ним случилось во время этих блужданий, кое-что из его рассказов можно было понять. Чтобы найти Гекко, он решил первому встреченному в коридоре марсианину назвать имя Гекко и жестом показать общий символ вопроса.

Джим никогда не был и, вероятно, никогда не будет хорошим лингвистом, но его попытка сработала. Первый марсианин, которого он встретил, отвел его к другому, как земной человек мог бы отвести иностранца к полицейскому. Этот марсианин отвел его к Гекко.

Джим приложил максимум усилий, чтобы объяснить Гекко, что он хочет вернуть Виллиса. Гекко внимательно его выслушал, а затем осторожно объяснил, что Джим хочет невозможного.

Джим, уверенный, что недоразумение вызвано его плохим владением языком, начал новую попытку. Гекко дал ему закончить, а потом ясно дал понять, что совершенно правильно понял, чего хочет Джим, но Джим не может забрать это — не может забрать Виллиса. Нет, Гекко очень опечален тем, что отказывает своему другу, с которым разделил чистую воду жизни, но это невозможно.

Под влиянием сильной личности Гекко Джим понял бóльшую часть из того, что говорилось, а об остальном догадался. Отказ Гекко не вызывал никаких сомнений. Неважно, что у Джима не было под рукой его оружия; Гекко не внушал ему такой ненависти, как Хове. Теплая симпатия изливалась из Гекко, как вода в канале переливается через край в весеннее половодье. Все же негодующий Джим был как громом поражен и совсем не способен понять приговор. Некоторое время он бессмысленно смотрел на марсианина, затем внезапно развернулся и, не выбирая направления, пошел прочь, громко зовя Виллиса, как он обычно делал.

— Виллис! Эй, Виллис! Сюда, Виллис-мальчик... Иди к Джиму!

Марсианин двигался следом, делая один большой шаг на три шага Джима. Продолжая кричать, Джим побежал. Он свернул за угол и лицом к лицу столкнулся с тремя аборигенами. Он пригнулся и стрелой промчался между их ног. Гекко налетел на них, и, прежде чем следовать вперед, ему потребовалось некоторое

время, чтобы выполнить ритуал марсианской вежливости. Джим оказался впереди на значительном расстоянии.

Он просовывал голову в каждый арочный проход, к которому подходил, и звал Виллиса. Один из них вел в комнату, занятую марсианами, замороженными в состоянии транса, которое они называли «уйти в другой мир». В обычном состоянии Джим не стал бы тревожить марсиан, находящихся в трансе, как любой ребенок с западных границ Америки не стал бы дразнить гризли,— но он был не в себе и действовал по инерции; заглянув в эту комнату, он тоже крикнул, чем вызвал беспримерное и невообразимое волнение. Некоторые из марсиан просто вздрогнули, а одно бедное существо было так расстроено, что внезапно подняло все свои ноги и грохнулось на пол. Но Джим не заметил этого, так как уже ушел вперед, заглядывая в следующие комнаты и крича.

Гекко догнал его и преградил дорогу двумя огромными руками-заслонками.

— Джим Мэрлоу! — сказал он.— Джим Мэрлоу, мой друг...

Джим рыдал и обоими кулаками колотил по твердой грудной клетке марсианина. Гекко мгновение терпел это, затем третьей рукой-заслонкой обхватил руки Джима и ограничил его движения. Джим дико посмотрел на него.

— Виллис,— сказал он на своем собственном языке.— Я хочу Виллиса. Ты не можешь забрать его!

Гекко поднял Джима, покачал на руках и мягко сказал:

— Это не в моей власти. Это выше меня. Мы должны идти в другой мир.— Он двинулся прочь. Джим, утомленный собственной вспышкой, ничего не ответил. Гекко прошел по одному спуску, еще по одному, и еще. Он шел все вниз и вниз, глубже и глубже под землю. Джим, а возможно и ни один землянин, не забирался так глубоко. На верхних уровнях им встречались другие марсиане; здесь, внизу, не было ни одного.

Наконец глубоко под землей Гекко остановился в маленькой комнатке. В ней вообще ничего не было, и это было необычно; казалось, эти ровные жемчужно-серые стены не имеют никакого отношения к Марсу. Гекко опустил Джима на пол и сказал:

— Это ворота в другой мир.

Джим осмотрелся.

— Что? — спросил он.— Что ты имеешь в виду? — а затем, спохватившись, осторожно перевел вопрос на доминирующий язык. Он мог не беспокоиться: Гекко его не слышал.

Джим задрал голову и посмотрел вверх, на Гекко. Тот стоял неподвижно, твердо опираясь на все три ноги. Его глаза были открыты, но безжизненны. Гекко перешел в «другой мир».

— Боже мой,— простонал Джим,— он выбрал прекрасное время, чтобы выкинуть подобный фокус.

Джим не знал, что ему делать: то ли попытаться выбраться на верхние уровни, то ли ждать Гекко. Считалось, что аборигены могут находиться в трансе неделями, но Док Мак-Рэй всегда высмеивал такие высказывания. Он решил дождаться конца транса, сел на пол и обхватил колени руками. Он успокоился и больше никуда не спешил, как если бы безграничное спокойствие Гекко перелилось в него, когда абориген нес его на себе.

Спустя некоторое время, довольно долгое время, в комнате стало темно, но Джима это не волновало. Он чувствовал огромное удовлетворение от спокойного счастья, которое до этого испытывал два раза в жизни, когда с марсианами «взрослел вместе».

На большом расстоянии в темноте появилось крошечное пятно света и стало увеличиваться. Но оно не освещало маленькую жемчужно-серую комнату, а как бы раздвинуло стены и развернуло перед ними новое место действия, словно использовался стереопроектор для показа лучшей работы Нового Голливуда. Крайняя реалистичность изображения говорила Джиму, что это не могло быть импортировано с Земли.

Он видел растения вдоль канала из точки, расположенной примерно в футе над поверхностью почвы. Эта точка постоянно и неравномерно двигалась, словно съемочная камера была установлена на очень низкой тележке, катившейся по стеблям растений. Вид постоянно изменялся, словно камера быстро подпрыгивала на несколько футов, останавливалась, резко меняла направление и двигалась снова, но никогда не поднималась высоко над почвой. Некоторое время описывались полные круги в триста шестьдесят градусов, показывая панораму местности. На одном из таких поворотов в поле зрения попал водоискатель.

Не было бы странным, если бы он не узнал это существо, так как изображение было сильно увеличено. Атакующий водоискатель заполнил весь экран. Было невозможно не узнать эти изогнутые ногти-ятаганы, широко открытое и вызывающее ужас сосательное отверстие и бомбардирующие ноги — все существо внушало отвращение, выворачивающее внутренности. Джим почти ощущал его запах.

Точка, с которой он видел происходящее, не изменялась; она замерла на одном месте, пока отвратительный ужас в смертельной атаке летел прямо на нее. В последний момент, когда омерзительное чудовище заполнило весь экран, что-то произошло. Морда, или то, что должно было быть мордой, исчезла, развалившись на куски, и все вселяющее ужас создание взорвалось в разрушительной гибели.

В этот момент изображение полностью стерлось, заменившись на вращающийся калейдоскоп всевозможных цветов, затем послышался легкомысленный голос:

— Ну, ты еще совсем глупый маленький парнишка!

Изображение снова восстановилось, словно подняли занавес, и Джим увидел лицо, такое же нелепое, как морда, заполнявшая экран несколько мгновений назад.

Хотя лицо на экране было сильно искажено, Джим без труда определил, что это респираторная маска, какими пользовались колонисты. Но что поразило его больше всего в показываемом призраке — он узнал маску. Она была украшена теми самыми тигриными полосами, которые Смит за четверть кредита закрасил несколько дней назад; это была его собственная маска. Он услышал свой собственный голос:

— К тому же ты слишком мал, чтобы гулять здесь одному; если появится еще один хищник, он может действительно получить тебя. Пожалуй, я заберу тебя домой.

Изображение закачалось, и точка, с которой велась съемка, поднялась вверх и стала монотонно раскачиваться в такт шагам мальчика. Теперь обзор увеличился и на экране появилась открытая местность, где в некотором отдалении виднелось звездообразное сооружение с куполами домов Южной Колонии.

Джим свыкся с мыслью, что может видеть себя, слышать себя. Он решил, что видит все так, как видит это Виллис. Запись не редактировалась; она воспроизводила полную линию воспоминаний всего, что Виллис видел и слышал, начиная с того момента, когда Джим впервые взял его под свою защиту. Зрительное восприятие Виллиса было не совсем правильным; казалось, что он видит все под влиянием собственного понимания.

Джим — зримый призрак Джима — сначала имел три ноги, но прошло некоторое время, прежде чем мнимый нарост исчез. Другие актеры — мать Джима, старый Док Мак-Рэй, Френк — сначала появились в виде бесформенных теней, и только потом сформировались в полное, хотя отчасти искаженное изображение.

С другой стороны, звуки слышались ясно и произносились с большой точностью. Наблюдая и слушая, Джим вдруг заметил, что все звуки, а особенно голоса, доставляют ему большое удовольствие.

Еще большее наслаждение он получил, видя себя так, как видел Виллис. Виллис показывал его с теплым юмором и уважением; в этом было даже больше любви, чем уважения. Джим видел себя бездельничающим слугой, полезным, но уделяющим прискорбно мало внимания, словно плохо дрессированная собака. Другие человеческие существа тоже были любопытными созданиями: пока безвредные, но непредсказуемые в порывах азарта. Эти люди, видимые глазами прыгуна, очень забавляли Джима.

День за днем, неделя за неделей развертывались события. Показывались даже периоды темноты и тишины, когда Виллис

предпочитал спать или свернуться в шар. Действие перенеслось в Малые Зыбучие Пески, в плохое время, когда Джим потерялся. В изображении Виллиса Хове выглядел как две ноги с презрительным голосом; Бичер вообще изображался как безликое ничтожество. Действие продолжалось шаг за шагом, но это не утомляло Джима и не наскучило ему. Просто он был в сценарии, раскручиваемом Виллисом, и как бы ни старался, не смог бы избежать этого. Наконец действие перенеслось в марсианский город Циния и закончилось периодом темноты и тишины.

Джим вытянул сведенные судорогой ноги; медленно загорелся свет. Он осмотрелся вокруг. Гекко еще находился в глубоком трансе. В стене, раньше казавшейся совершенно пустой, открылась дверь. Он заглянул через нее и увидел комнату с обычной для марсиан обстановкой: стены и потолок воссоздавали имитацию марсианского пейзажа — буйная растительность больше напоминала морское дно к югу от Цинии, чем пустыню.

В комнате находился марсианин. Впоследствии Джим никогда не мог представить себе его, так как все внимание было приковано к глазам. Земляне обычно затруднялись определять возраст марсиан; Джим только понял, что он очень старый — старше, чем его отец, и даже старше доктора Мак-Рэя.

— Джим Мэрлоу,— очень ясно произнес абориген.— Добро пожаловать, Джим Мэрлоу, друг моих людей и мой друг. Я поделюсь с тобой водой,— он говорил на чистом английском языке, его произношение было безупречным.

Джим никогда прежде не слышал, чтобы марсиане говорили на языке землян, но он знал, что некоторые из них могут говорить на английском. Возможность отвечать на своем родном языке принесла ему облегчение.

— Я разделю с вами воду. Пусть у вас всегда вода будет чистой и в достатке.

— И у тебя тоже, Джим Мэрлоу.— Они не использовали настоящую воду, да и в этом не было нужды. Затем последовал период вежливой тишины, в течение которого Джим думал о произношении марсианина. Оно было необычайно хорошим; то, как говорил абориген, напоминало Джиму голос отца и одновременно манеру говорить доктора Мак-Рэя.

— Ты чем-то обеспокоен, Джим Мэрлоу. Твое несчастье — мое несчастье. Чем я могу помочь тебе?

— Я хочу только одного,— ответил Джим,— идти домой и забрать с собой Виллиса. Они отняли у меня Виллиса. Они не должны были так делать.

Молчание затянулось даже больше, чем предыдущее. Наконец марсианин ответил.

— Если кто-то стоит на земле, он не может заглянуть за

горизонт — однако Фобос видит все горизонты,— перед тем как произнести слово «Фобос», он немного замешкался, словно ждал подсказки.— Джим Мэрлоу, я совсем недавно выучил ваш язык. Прости меня, если я говорю что-нибудь не так.

— О, вы говорите прекрасно! — искренне сказал Джим.

— Слова я знаю, но не всегда понимаю их смысл. Скажи мне, Джим Мэрлоу, что такое Лондонский зоопарк?

Джим попросил повторить вопрос, прежде чем удостоверился, что марсианин действительно ведет речь о Лондонском зоопарке. Он попытался объяснить, но бросил это прежде, чем успел закончить. Марсианин излучал такой холод и непримиримый гнев, что Джим испугался.

Спустя некоторое время настроение марсианина снова изменилось. Джим опять, словно в солнечных лучах, купался в дружественном тепле, исходящем от его хозяина, и это тепло было так же реально для Джима, как настоящий солнечный свет.

— Джим Мэрлоу, ты дважды спас маленькое существо, которое называешь «Виллис» от ...— он впервые использовал марсианский термин, незнакомый Джиму, но сразу же поправился.—...От водоискателя. Ты много из них убил?

— О, думаю, совсем немного,— ответил Джим, а затем добавил,— хотя убивал их всякий раз, как они встречались на моем пути. Их много вокруг колонии.

Казалось, марсианин обдумывает ответ, но он снова переменил тему.

— Джим Мэрлоу, дважды или трижды ты спас маленькое существо; один раз, а может, и два, маленькое существо спасло тебя. С каждым разом вы становились ближе друг другу. День за днем вы взрослели вместе и теперь не можете обойтись друг без друга. Не уходи отсюда, Джим Мэрлоу. Останься. Добро пожаловать в мой дом, сын и друг.

Джим покачал головой.

— Мне надо идти домой. Мне надо вернуться домой как можно быстрее. Я хочу поблагодарить вас за ваше предложение, но...— он постарался как можно яснее объяснить, какая угроза нависла над колонией и как важно передать это сообщение.— Если вы позволите, сэр, мы — я и мой друг — хотели бы попасть туда, где К'бумкх нашел нас. Только прежде чем мы уйдем, я хочу, чтобы Виллис присоединился к нам.

— Вы хотите вернуться в тот город, где вас нашли? Разве вы не хотите вернуться домой?

Джим объяснил, что они с Френком хотят идти домой из того города.

— А теперь, сэр, почему бы вам не спросить у Виллиса, что он хочет, остаться здесь или вернуться домой вместе со мной?

Старый марсианин вздохнул точно так же, как это делал отец Джима, когда дискуссия заходила в тупик.

— Существует закон жизни и закон смерти, но оба эти закона переменны. Даже самую твердую скалу может разрушить ветер. Ты понимаешь, мой сын и друг, что даже если сейчас Виллис уйдет с тобой, придет время, когда маленькое существо ДОЛЖНО БУДЕТ оставить тебя?

— О, думаю, что да. Вы хотите сказать, что Виллис может идти домой вместе со мной?

— Мы договорились только, что ты позовешь Виллиса.

Старый марсианин что-то сказал Гекко, который пошевелился и вышел из транса.

Затем они все трое покинули комнату и стали подниматься по спускам; Гекко нес Джима, а старый абориген, немного отстав, следовал за ними.

На половине пути к поверхности они зашли в какую-то комнату. Она была темной, но как только они вошли — включилось освещение. Джим увидел, что все стены, от пола до потолка заполнены маленькими нишами. Во всех нишах находились прыгуны, похожие друг на друга, как близнецы.

Когда включился свет, маленькие парнишки выставили свои стебельки глаз и заинтересованно осматривались вокруг. Вдруг в комнате послышался крик:

— Привет, мальчик Джим!

Джим повернулся и попытался найти того, кто это крикнул, но прежде чем он смог это сделать, фраза многократно повторилась другими прыгунами.

— Привет, мальчик Джим! Привет, мальчик Джим! Привет, мальчик Джим! — со всех сторон послышался голос Джима, которым обычно пользовался Виллис.

Джим с изумлением повернулся к Гекко.

— Который из них Виллис? — спросил он на английском, так как доминирующий язык совершенно вылетел из его головы.

Хор повторил и эту фразу.

— Который из них Виллис? Который из них Виллис? Который... Который... Который из них Виллис?

Джим вышел на середину комнаты.

— Виллис,— скомандовал он,— иди к Джиму.

Справа от него из своей ниши вылетел прыгун, опустился на пол и, переваливаясь, подошел к нему.

— Подними Виллиса,— потребовал он, и Джим с благодарностью выполнил это требование.— Где был Джим-мальчик? — спросил Виллис.

Джим погладил прыгуна.

— Если я расскажу тебе, ты все равно ничего не поймешь.

Слушай, Виллис,— Джим уходит домой. Виллис пойдет домой вместе с Джимом?

— Джим уходит? — с сомнением в голосе сказал Виллис, и хор моментально подхватил вопрос, выказывая полное непонимание, зачем он хочет сделать это.

— Джим уходит домой. Прямо сейчас. Виллис уйдет с Джимом или останется здесь?

— Джим уходит; Виллис уходит,— констатировал прыгун, словно это был закон природы.

— Хорошо, только скажи об этом Гекко.

— Зачем? — подозрительно спросил Виллис.

— Скажи Гекко или тебя оставят здесь. Ну, скажи ему.

— Ладно.

Виллис выпустил в адрес Гекко серию кваканья и кудахтанья. Ни старый марсианин, ни Гекко ничего не ответили; Гекко поднял два маленьких живых существа, и процессия продолжила свой путь к поверхности. Гекко остановился перед комнатой, отведенной Джиму и Френку, и опустил их на пол. Джим, с Виллисом на руках, вошел в нее.

Френк, развалившийся на шелковой постели, внимательно посмотрел на вошедших. На полу возле него была расставлена еще не тронутая еда.

— Я вижу, ты все-таки нашел его,— заметил он.— Однако ты ходил довольно долго.

Внезапно Джима охватило раскаяние. Он ушел и бог знает сколько отсутствовал. Дни? Недели? Повествование Виллиса охватывало месяцы.

— Ну извини меня, Френк,— сказал Джим.— Ты беспокоился обо мне?

— Беспокоился? Почему? Просто я не знал, ждать тебя к ленчу или нет. Тебя не было, по крайней мере, три часа.

Три часа? Джим хотел было возразить и сказать, что, вернее всего, прошло три недели, но промолчал. Он вспомнил, что ничего не ел с тех пор, как ушел, но не чувствовал себя голодным больше обычного.

— Ух... Да, конечно. Конечно. Слушай, ты не можешь немного подождать с ленчем?

— Почему я должен ждать, если хочу есть?

— Потому что мы уходим, вот почему. Гекко и еще один абориген ждут нас, чтобы отправить к той башне, где К'бумкх нашел нас.

— Ну... прекрасно! — Френк набил полный рот и стал надевать наружный костюм.

Джим сделал то же самое; они оба жевали и одновременно одевались.

— Болван, мы можем поесть в подземке,— пробормотал Джим с полным ртом.— Не забудь наполнить водой свою маску.

— Не беспокойся. Я не такой дурак, чтобы повторить этот фокус.— Френк залил воду в свой резервуар и в резервуар Джима, немного попил и предложил остатки воды другу. Через мгновение они перекинули коньки через плечо и были готовы отправиться в путь. Группа гуськом, по спускам и коридорам, прошла к «станции подземки» и остановилась около одного арочного прохода.

Старый марсианин прошел в него, а Гекко, что очень удивило Джима, предложил им попрощаться. Они вежливо попрощались, ритуально предложив друг другу воды. Затем Френк и Джим с Виллисом на руках прошли в проход.

Как только дверь за ними закрылась, вагон тронулся с места.

— Черт! Что это? — спросил Френк, внезапно опустившись на пол. Старый марсианин, утвердивший свое тело на опорной конструкции, ничего не сказал. Джим засмеялся.

— Ты не помнишь, как мы добирались сюда?

— Смутно. Слушай, я чувствую тяжесть.

— Я тоже. В прошлый раз было так же. Теперь как ты смотришь на то, чтобы перекусить? Может пройти много времени, прежде чем мы сможем поесть в приличных условиях.

Френк достал то, что осталось от ленча. Когда они покончили с ним, Френк подумал и открыл новую банку. Прежде чем они смогли попробовать содержимое этой банки — холодные бобы с заменителем свинины — их желудки подкатились к самому горлу.

— Эй! — взвизгнул Френк.— Что случилось?

— Ничего особенного. То же самое было в прошлый раз.

— Я думал, мы наехали на что-то.

— Нет, я же говорю тебе, все нормально. Подвинь ко мне бобы.— Они съели бобы и стали ждать; через некоторое время тяжесть свалилась с их плеч, и Джим понял, что они прибыли.

Дверь открылась, и они вышли в крупный зал, ничем не отличавшийся от того, который они только что покинули. Френк разочарованно осмотреля вокруг.— Слушай, Джим... мы никуда не уехали. Здесь какая-то ошибка.

— Здесь нет никакой ошибки,— он повернулся, намереваясь попрощаться со старым марсианином, но дверь позади них уже закрылась.— Ох, это нехорошо,— сказал он.

— Что нехорошо? Они просто заговаривали нам зубы.

— Они не заговаривали нам зубы; просто эта комната как две капли похожа на ту, в Цинии. Ты поймешь это, когда мы поднимемся на поверхность. Плохо то, что я не успел попрощаться с...— Джим замялся, поняв, что теперь уже никогда не узнает имя старого марсианина,—...не попрощался со старым аборигеном, не Гекко, а тем, вторым.

— Которым?

— Вторым. Ты знаешь, он ехал с нами.

— Не понимаю, какой второй? Я не видел никого, кроме Гекко. И никто не ехал с нами; мы были втроем.

— Что? Ты, наверное, слепой.

— А ты, наверное, болван.

— Френк Саттон, ты стоишь здесь и говоришь мне, что не видел марсианина, который ехал с нами?

— Ты и в первый раз хорошо меня слышал.

Джим глубоко вздохнул.

— Ну вот что я хочу тебе сказать: если ты всю дорогу прятал лицо в коленках и время от времени не смотрел по сторонам, то, конечно, видел больше. Как в...

— Хватит, забудем это,— прервал его Френк,— во всем виновата моя болезнь. Если хочешь, пусть там было шесть марсиан. Давай поднимемся на поверхность и посмотрим, где мы находимся. Не будем терять время.

— Ладно, все нормально.

Они начали подниматься по спуску. Джим затих; инцидент обеспокоил его больше, чем Френка.

На половине пути им пришлось надеть маски. Десять минут спустя они вошли в комнату, наводненную лучами света, торопливо пересекли ее и вышли на поверхность.

Через мгновение Френк остановился и с сомнением осмотрелся вокруг.

— Джим, я знаю, что был не в себе, но... но, по-моему, ты говорил, что здесь в городе должна быть только одна башня?

— Да.

— Но здесь не одна?

— Нет, не одна.

— Мы погибли.

— Ты прав.

9. ПОЛИТИКИ

Они находились в большом огороженном дворе, характерном для большинства марсианских построек. Они могли видеть верхушки башен города, вернее некоторые из них, так как обзор был ограничен.

— Как ты думаешь, что мы должны делать? — спросил Френк.

— Ммм ... попробуем найти какого-нибудь аборигена и определить, где мы находимся. Жаль, что старый марсианин не остался с нами,— добавил Джим.— Он мог говорить на английском.

— Ты все об этом? — спросил Френк.— Во всяком случае,

я не думаю, что нам здорово повезло; здесь слишком пустынно. Знаешь, что я думаю? Я думаю, что они просто избавились от нас.

— Я думаю, они просто избавились от нас,— согласился Виллис.

— Замолчи! Они не могли этого сделать,— с беспокойством сказал Джим Френку и прошел по дворику, пристально вглядываясь через крышу здания.— Слушай, Френк...

— Да?

— Ты видишь эти три совсем одинаковые маленькие башни? Ты видишь их вершины?

— Ну? И что дальше?

— Думаю, что я их уже видел.

— Слушай, я, кажется, тоже.

Они побежали. Пять минут спустя они стояли на городской стене и все их сомнения рассеялись: они были в Чараксе. Внизу, в трех милях от них, раскинулись купола Южной Колонии.

Через сорок минут быстрой ходьбы, то и дело переходящей на собачью рысь, они добрались до дома.

Они разделились, и каждый пошел к своему дому.

— Увидимся позднее! — крикнул Джим Френку и побежал к дому своего отца. Казалось, что уравнивание в переходной камере длится вечность. До того, как давление уравнялось, он услышал голоса матери и сестры, спрашивающие, кто находится в переходной камере. Он решил не отвечать и удивить их.

Дверь открылась, он шагнул внутрь и увидел изумленное лицо Филлис. Она бросилась к нему на шею и закричала:

— Мама! Мама! Мамочка! Это Джим! Это Джим!

Виллис прыгал вокруг них и повторял за ней:

— Это Джим! Это Джим!

Мать оттеснила Филл в сторону и обняла его, намочив лицо Джима своими слезами. Джим и сам готов был заплакать.

Он ухитрился отодвинуться от них. Мать отступила на шаг и сказала:

— Дорогой, дай я посмотрю на тебя. Ох, мой бедный малыш! У тебя все нормально? — она чуть снова не расплакалась.

— Конечно, все нормально,— заявил Джим.— Почему у меня должно быть что-то ненормально? Скажи, отец дома?

Миссис Мэрлоу боязливо осмотрелась вокруг.

— Нет, Джим, он на работе.

— Мне надо увидеть его как можно быстрее. Мама, что ты так странно на меня смотришь?

— Потому что... Ах, ничего. Я сейчас позвоню твоему отцу,— она подошла к телефону и вызвала экологическую лабораторию. Он услышал ее сдержанный голос: — Мистер Мэрлоу? Дорогой, это Джейн. Ты не мог бы сейчас прийти домой?

И ответ отца:

— Это невозможно. Что случилось? Твой голос звучит очень странно.

Мать через плечо посмотрела на Джима.

— Ты один? Нас никто не слышит?

— В чем дело? Говори! — ответил отец.

Мать сказала почти шепотом:

— Он дома.

Последовала тишина, наконец отец ответил:

— Я сейчас приду.

Между тем Филлис строго допрашивала Джима.

— Расскажи, Джим, что ты там натворил?

Прежде чем ответить, Джим немного подумал, как это лучше сделать.

— Ты еще ребенок. Если я расскажу тебе, ты все равно не поверишь.

— Я и не сомневаюсь в этом. Но что вы СДЕЛАЛИ? Родители совсем скисли.

— Ничего мы не делали. Скажи, какой сегодня день?

— Суббота.

— Какое число?

— Четырнадцатое. Церера, конечно.

Джим был поражен. Четыре дня? Прошло всего четыре дня, как они оставили Зыбучие Пески? Но, восстановив все в памяти, он решил, что так оно и есть. Значит, Френк был прав, он был внизу, в лабиринтах Цинии, только три часа.

— Вот здорово! Значит, мы добрались вовремя!

— Вовремя? Что ты имеешь в виду?

— Что? Тебе этого не понять. Подрасти немного.

— Остряк-самоучка!

Миссис Мэрлоу отошла от телефона.

— Джим, отец скоро придет домой.

— Хорошо. Я слышал.

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты голоден? Поешь чего-нибудь?

— Конечно, жирного тельца с шампанским. Я не голоден, но могу составить компанию. У нас есть какао? Все эти дни я питался только холодными консервами.

— Какао сейчас будет.

— Тебе надо есть побольше,— вставила Филлис.— Возможно, скоро ты не сможешь есть, сколько захочешь, когда...

— Филлис!

— Но, мамочка, я только хочу сказать, что...

— Филлис, замолчи и иди в свою комнату.

Сестра Джима что-то пробормотала и затихла. Вскоре какао

было готово и, пока Джим пил его, пришел отец. Они спокойно, словно Джим был уже взрослым, пожали друг другу руки.

— Рад видеть тебя дома, сын.

— Я тоже рад оказаться дома, папа,— Джим большим глотком допил какао.— Послушай, папа, мне надо тебе кое-что рассказать и не стоит зря терять время. Где Виллис? — он посмотрел вокруг.— Кто-нибудь видел, куда он подевался?

— Зачем тебе Виллис? Скажи мне...

— Но Виллис — это самое главное, папа. Эй, Виллис! Иди сюда!

Виллис, переваливаясь, вошел в комнату; Джим поднял его.

— Ну хорошо, ты нашел Виллиса,— сказал мистер Мэрлоу,— теперь смотри сюда. Какие у тебя неприятности, сын?

Джим нахмурил брови.

— Я просто не знаю, с чего начать.

— Здесь выписан ордер на твой и Френка арест! — сболтнула Филлис.

— Джейн, будь любезна, заставь замолчать свою дочь,— сказал мистер Мэрлоу.

— Филлис, ты слышала, что я сказала тебе?

— Мамочка, но это все знают!

— Возможно, что Джим не знает этого.

— Думаю, что знаю,— ответил Джим.— Полицейские Компании гнались за нами всю дорогу.

— Френк пришел с тобой? — спросил отец.

— Конечно! Мы ускользнули от них. Эти полицейские такие глупые.

Мистер Мэрлоу нахмурился.

— Послушай, Джим, я вызову Представителя Компании и скажу ему, что ты здесь. Но я не хочу, чтобы тебя забрали до того, как ты мне все расскажешь честно, и я посмотрю, на чью мне сторону встать. Потом вы сдадитесь, и если я встану на вашу сторону, то последую за вами и буду поддерживать вас.

Джим вскочил, как ужаленный.

— Сдаться? О чем ты говоришь, папа?

Отец вдруг постарел и утомленно посмотрел на Джима.

— Сынок, Мэрлоу не бегают от закона. Ты знаешь, что сделал нечто нехорошее, и должен отвечать за свои поступки.

— Папочка, если ты думаешь, что мы с Френком прошли две тысячи миль по поверхности Марса для того, чтобы здесь сдаться, то ты глубоко ошибаешься. Если кто-нибудь попробует меня арестовать, ему придется сильно потрудиться.

Филлис слушала, широко открыв глаза; лицо матери все было мокро от слез.

— Ты не можешь так поступить, сын,— сказал отец.

— Я не могу? — спросил Джим.— Ладно, я сдамся. Только

почему ты не хочешь сначала услышать, что я расскажу? — его голос стал резким.

Отец закусил губу.

— Пожалуйста, Джеймс,— сказала мать,— почему бы тебе не выслушать его?

— Конечно, я хочу послушать, что он скажет,— ответил раздраженно мистер Мэрлоу.— Разве я не говорил этого? Но я не могу позволить, чтобы мой сын, объявленный вне закона, сидел здесь.

— Пожалуйста, Джеймс!

— Рассказывай свою историю, сын.

Джим осмотрелся вокруг.

— Теперь я даже не знаю, что больше волнует меня,— горько сказал он.— Хорошо же вы меня встретили. Ты думаешь, что я действительно совершил какое-то преступление?

— Пока я уверен в этом, Джим,— тихо ответил отец.— Давай начнем сначала. Расскажи, что случилось.

— Ладно... все нормально. Но подождите минутку, Филлис сказала, что выписан ордер на мой арест. За что?

— Ну... прогулы — это неважно. Нарушение распорядка и нанесение ущерба школьной дисциплине, но я и сам не пойму, что они хотели этим сказать. Не это беспокоит меня. Главное обвинение — воровство и кража со взломом, а на следующий день они добавили еще сокрытие от ареста.

— Сокрытие от ареста? Это глупо! Они никогда нас не поймают.

— Да? А как относительно других обвинений?

— Воровство — такая же глупость. Я ничего не крал у НЕГО — я имею в виду директора Школы Хове. Это он украл у меня Виллиса, а когда я пытался забрать его назад, он смеялся надо мной! Я «украл» Виллиса!

— Продолжай.

— Для обвинения в краже со взломом был некоторый повод. Я взломал его офис, вернее пытался. Но он ничего не сможет доказать. Хотел бы я посмотреть на него, когда он будет объяснять, как я пролез в круглую дыру десяти дюймов в диаметре. Кроме того, мы не оставили там отпечатков пальцев,— добавил Джим.— Во всяком случае, правда на моей стороне. Он запер Виллиса в кабинете. Скажи, папа, могли мы арестовать Хове за кражу Виллиса? Почему он может сделать это?

— Теперь подожди минутку. Я ничего не понимаю. Если у вас была причина действовать против директора Школы, я, конечно, поддержу вас, но я хочу, чтобы ты рассказал все до конца. О какой дыре ты говорил? Вы прорезали дыру в двери директора Школы?

— Нет, ее прорезал Виллис.

— Виллис! Да как он смог это сделать?

— Будь я проклят, если знаю. Он выставил какую-то руку

с когтем на конце и прорезал себе путь на свободу. Я позвал его, а он вышел.

Мистер Мэрлоу потер свой лоб.

— Ребята, вот что смущает меня больше всего: как вы смогли добраться сюда?

— В подземке. Видишь ли...

— В подземке!

Джим растерялся. В разговор включилась мать.

— Дорогой Джеймс, я думаю, Джим, возможно, сможет рассказать свою историю лучше, если мы не будем его перебивать.

— Думаю, ты права,— согласился мистер Мэрлоу.— Свои вопросы я приберегу под конец. Филлис, дай мне блокнот и карандаш.

Таким образом Джим получил возможность рассказать свою историю довольно последовательно и полно, начиная с объявления в школе «военного» осмотра и кончая переездом в марсианской подземке из Цинии в Чаракс. Когда Джим закончил, мистер Мэрлоу почесал свой подбородок.

— Джим, если бы ты за свою жизнь не приобрел репутацию искренне честного человека, я бы решил, что ты сильно преувеличиваешь. Я верю тебе, но это самая фантастическая история, которую я когда-либо слышал.

— Ты все еще хочешь, чтобы я сдался?

— Что? Нет, нет — они все это обрисуют в другом свете. Предоставь все мне. Я позвоню Представителю и...

— Папа, еще секундочку.

— Да?

— Я рассказал не все.

— Что? Сын, я сказал тебе, что ты должен...

— Просто я не хотел путать это с историей о себе. Сейчас я все расскажу, но сначала хочу кое-что узнать. В колонии сейчас ничего не происходит необычного?

— Да,— согласился отец.— По обычному расписанию миграция должна была начаться еще вчера, но по каким-то причинам ее задержали на две недели.

— Это не отсрочка, папа, это подтасовка фактов. Компания не хочет проводить миграцию колонии в этом году. Они хотят оставить вас здесь на всю зиму.

— Что? Ну, это нонсенс, сынок; зимой на полюсе землянам делать нечего. Ты ошибаешься, это просто отсрочка. Компания переоборудует энергетическую систему в Северной Колонии, и поэтому нас попросили немного подождать здесь.

— Я говорю тебе, папа, вас вводят в заблуждение. Они планируют задержать колонию до тех пор, пока не будет слишком поздно, и заставить вас перезимовать здесь. Я могу это доказать.

— Как?

— Где Виллис? — Прыгун снова ушел в обход своих владений.

— Опять Виллис. Ты выдвинул невероятное обвинение и в то же время думаешь о каких-то мелочах. Говори, сынок.

— Но мои доказательства у Виллиса. Сюда, мальчик! Иди к Джиму.— Джим быстро изложил то, что услышал в фонографической записи Виллиса, и попытался заставить Виллиса снова повторить диалог.

Виллис был рад поговорить. Он повторил почти все разговоры мальчиков за последние несколько дней, огромное количество марсианских слов, совершенно непостижимых вне контекста и пропел «Quien Es La Senorita?» Но он не мог или не хотел пересказать разговор Бичера и Хове.

Джим все еще пытался задобрить его, когда зазвонил телефон.

— Филлис, подойди к телефону,— сказал мистер Мэрлоу.

Через мгновение она вернулась назад.

— Папочка, это тебя.

Джим утихомирил Виллиса, и они смогли услышать весь разговор.

— Мэрлоу? Это Постоянный Представитель. Я слышал, что ваш мальчик вернулся.

Отец Джима посмотрел через плечо и немного замялся.

— Да. Он здесь.

— Хорошо. Подержите его у себя, а я пришлю человека за ним.

Мистер Мэрлоу снова замялся.

— В этом нет необходимости, мистер Крюгер. Я еще не закончил говорить с ним, поэтому он никуда не пойдет.

— Пойдет, пойдет, Мэрлоу. Вы не можете препятствовать законному юридическому процессу. Я оформил ордер.

— Вы оформили? Вам это только кажется,— сказал мистер Мэрлоу и сделал лучшее из того, что мог сделать,— отключился. Почти сразу телефон зазвонил снова.— Если это Представитель,— сказал он,— я не буду говорить с ним. Сейчас я могу сказать ему что-нибудь такое, о чем потом пожалею.

Но это был не он. Звонил отец Френка.

— Мэрлоу? Джеймс, это Пэт Саттон,— дальнейший разговор показал, что отцам стали известны некоторые подробности о своих сыновьях.

— Мы пытаемся разговорить прыгуна,— добавил мистер Мэрлоу.— Кажется, он подслушал один милый разговорчик.

— Да, я знаю,— согласился мистер Саттон.— Я бы тоже хотел послушать. Подожди, пока мы придем к вам.

— Прекрасно. Кстати, дружище Крюгер выслал людей, чтобы арестовать ребят. Будь осторожен.

— Мне это известно: он звонил. Я пустил ему в ухо блоху. До встречи!

Мистер Мэрлоу отключился, затем подошел к входной двери и запер ее. То же самое он проделал с дверью, ведущей в тоннель. Он проделал это вовремя: вскоре сигнал показал, что кто-то вошел в переходную камеру.

— Кто там? — крикнул отец Джима.

— По делам Компании!

— Кто это и какое у вас дело?

— Проктор Представителя. Я пришел за Джеймсом Мэрлоу-младшим.

— Можете уходить. Вы его не получите.— За дверью послышался шепот, а потом раздались удары в дверь.

— Откройте,— сказал другой голос.— Мы имеем ордер.

— Уходите. Я отключаю переговорное устройство.

Мистер Мэрлоу так и сделал. Индикатор переходной камеры показал, что гости вышли, но вскоре загорелся снова, показывая, что кто-то вошел. Мистер Мэрлоу включил переговорное устройство.

— Если это опять вы, то можете уходить,— сказал он.

— Так-то ты приглашаешь в гости, Джеймс, мой мальчик? — послышался голос мистера Саттона.

— О, Пэт! Ты один?

— Со мной только Френк.

Их впустили.

— Вы не видели проктора? — спросил мистер Мэрлоу.

— Да, я встретил их.

— Папа сказал, что если они дотронутся до меня, то им придется здорово огорчиться,— гордо сказал Френк.— И он выполнил бы свое обещание.

Джим заглянул в глаза своего отца. Мистер Мэрлоу смотрел в сторону.

— Ну, какие доказательства предоставит нам любимец Джима? — спросил мистер Саттон.— Давайте заведем его и послушаем.

— Мы пытаемся сделать это,— ответил Джим.— Я попробую еще раз. Сюда, Виллис...— Джим поднял его и положил на колени.— Теперь слушай, Виллис. Ты помнишь директора Школы Хове?

Виллис быстро свернулся в ровный шар.

— Надо не так,— возразил Френк.— Вспомни, что подтолкнуло его к этому. Эй, Виллис.— Виллис выставил свои стебельки глаз.— Слушай меня, дружок. «Добрый день. Добрый день, Марк»,— Френк в балаганной манере подражал голосу Генерального Представителя.— «Садись, мой мальчик».

— «Всегда счастлив вас видеть»,— продолжал Виллис, точно имитируя голос Бичера. С этого места он безупречно продекламировал два подслушанных разговора, которые вели директор Школы и Генеральный Постоянный Представитель, включая и бессмысленный антракт между ними.

Закончив, он, казалось, был готов продолжать говорить все, что предшествовало настоящему моменту, но Джим попросил его замолчать.

— Ну,— сказал отец Джима,— что вы об этом думаете, Пэт?

— Я думаю, это ужасно,— вставила мать Джима.

Мистер Саттон кивнул головой.

— Завтра я отправлюсь в Малые Зыбучие Пески и там возьмусь за это дело обеими руками.

— Превосходная идея,— согласился мистер Мэрлоу,— но это дело всей колонии. Я думаю, надо сначала собрать городское собрание и объяснить людям, почему мы поднялись против Компании.

— Гм! Без сомнения, вы правы, но там будет не до шуток.

— Я представляю, какое там будет волнение,— улыбнулся мистер Мэрлоу.— Крюгеру это не понравится, да и почтенному мистеру Гейнсу Бичеру тоже.

Мистер Саттон хотел, чтобы доктор Мак-Рэй осмотрел горло Френка, и отец Джима, несмотря на его протесты, решил, что хуже не будет, если доктор осмотрит и Джима. Они вдвоем проводили мальчиков к дому доктора, где мистер Мэрлоу отдал последние инструкции.

— Оставайтесь здесь, пока мы за вами не придем, ребята. Я не хочу, чтобы проктор Крюгер арестовал вас.

— Хотел бы я увидеть, как они попытаются это сделать!

— Я тоже.

— Я не хочу, чтобы они пытались; хочу сам решить все дело. Мы пойдем в офис Представителя и предложим заплатить за продукты, присвоенные ребятами, и за повреждения, которые Виллис нанес драгоценной двери директора Школы Хове. Затем...

— Но, папа, мы не должны платить за дверь. Хове не имел права запирать Виллиса.

— Я согласен с мальчиком,— сказал мистер Саттон.— Продукты — это другое дело. Мальчики взяли их, и мы за них заплатим.

— Вы оба правы,— согласился мистер Мэрлоу,— но сначала надо выбить подпорки из-под их нелепых обвинений. Затем я выдвину обвинение против Хове за попытку украсть Виллиса — или за порабощение. Что лучше, Пэт? Воровство или порабощение?

— Назовите «воровство»; с этим будет меньше хлопот.

— Ладно. После этого я буду настаивать, чтобы он, прежде чем начнет действовать, поставил в известность планетарную службу. Это на некоторое время остановит часы Хове, я думаю.

— Папа,— включился в разговор Джим,— ты будешь говорить Представителю, что мы знаем об отмене миграции, или нет? Едва вы уйдете от него, он может связаться с Бичером.

— Пока нет. Он и так все узнает на городском собрании. Но потом он не сможет связаться с Бичером, потому что через два часа Деймос скроется,— мистер Мэрлоу задумчиво посмотрел на ребят.— Увидимся позднее, мальчики. Мы займемся делами.

Доктор Мак-Рэй посмотрел на вошедших.

— Мэгги, запри двери! — крикнул он.— Мы поймали двух опасных преступников.

— Здравствуйте, док.

— Входите и располагайтесь. Сейчас вы мне все расскажете.

Прошел примерно час, когда Мак-Рэй сказал:

— Ну ладно, Френк, я думаю, пора тебя осмотреть, а потом, Джим, я займусь тобой.

— Док, со мной там ничего не случилось.

— Я пока позабочусь о Френке, а ты свари побольше кофе.— В комнате находилось лучшее диагностическое оборудование, но Мак-Рэй не стал возиться с ним. Он запрокинул голову Френка, заставил его сказать «а-а-а-а!», постучал по грудной клетке и прослушал сердце.— Будешь жить,— решил он.— Любой ребенок, который смог бесплатно проскочить из Зыбучих Песков в Чаракс, будет жить долго.

— Бесплатно проскочить? — переспросил Френк.

— Так, как это сделали вы. Это выражение использовалось много лет назад. Джим, твоя очередь.— Чтобы разделаться с Джимом, ему почти не потребовалось времени. Затем три друга расположились в гостиной.

— Я хочу побольше узнать о той ночи, которую вы провели в пустынной капусте,— сказал док.— Виллис, вероятно, вспомнил, что какое-то марсианское создание, способное потреблять минимальное количество воздуха, скрывалось в ней. Но, право, вы могли оба задохнуться. Растение закрылось полностью?

— О да,— заверил его Джим и в деталях рассказал все, что произошло. Когда он упомянул о фонарике, Мак-Рэй остановил его.

— Так вот в чем дело! Раньше вы не говорили об этом. Сынок, ваши жизни спас фонарик.

— Как? Почему?

— Фотосинтез. Вы осветили зеленые листья, а для того, чтобы поглощать выдыхаемую вами двуокись углерода и выделять кислород, больше ничего не требуется,— доктор посмотрел в потолок, и его губы беззвучно зашевелились, словно он что-то вычислял.— Поверхности зеленых листьев было недостаточно; там, должно быть, было очень душно, в любом случае. Какой у вас был фонарик?

— «Джи. И. «Полуночное солнце». Там действительно было ужасно душно.

— «Полуночное солнце» имеет хорошую мощность луча. В бу-

дущем, если мне придется отойти от своего крыльца дальше чем на двадцать футов, я буду брать с собой такой фонарик. Вы здорово придумали.

— Вот что мне непонятно,— сказал Джим,— как я за три-четыре часа смог увидеть кино, которое минуту за минутой, ничего не упуская, охватило все время, что Виллис находился со мной?

— Ну,— тихо сказал док,— это совсем не загадка. Вопрос в другом, ПОЧЕМУ тебе это показали?

— Почему?

— Я тоже хочу знать это,— вставил Френк.— Виллис, в общем-то, незначительное существо — только не кипятись, Джим! Зачем Джиму повторили его биографию? Как вы думаете, док?

— Единственная гипотеза, которая по этому поводу пришла мне в голову, настолько фантастична, что я лучше оставлю ее при себе, а что касается времени... Джим, ты знаешь какой-нибудь способ, чтобы сфотографировать свою память?

— Конечно, нет.

— Я иду дальше и категорически заявляю, что это возможно. Тебе показывали то, что запомнил Виллис. Это не наводит тебя на какую-нибудь мысль?

— Нет. Это ставит меня в тупик, но я ВИДЕЛ это.

— Конечно, видел — но видел не глазами, а мозгом. Я могу закрыть глаза и «видеть» Большую Пирамиду, мерцающую в знойной пустыне. Я могу «видеть» ослов и «слышать» крики погонщиков. Я вижу это? Вздор. Я могу чувствовать запахи — но это все в памяти. Теперь вернемся к тому, о чем говорил Джим. Только одна гипотеза перекрывает все факты, и тебе придется согласиться со мной. Ты видел то, что хотел показать тебе старый марсианин. Это называется гипнозом.

— Но... Но...— Джим негодовал; он сравнивал это с атакой на свое внутреннее существование.— Но я действительно все видел, говорю же вам. Я был там.

— Я согласен с доктором,— сказал Френк.— Когда мы ехали домой, у тебя еще продолжались галлюцинации.

— Старый марсианин ехал с нами; если бы ты открыл свои глаза, ты бы тоже увидел его.

— Ну-ну, полегче,— предостерег док.— Если хотите подраться, то выйдите отсюда. Вам не приходила такая мысль, что вы оба можете быть правы?

— Что? Как это может быть? — возразил Френк.

— Я не хочу спорить об этом, но могу кое-что сказать. Я прожил довольно долго и знаю, что человек не может долго прожить без хлеба, а труп — я проводил вскрытия и имею об этом представление — уже не является человеком. Материализм — наиболее дикая философия невозможного. Остановимся на этом.

Френк снова хотел возразить, но сигнализация переходной камеры показала, что пришли гости; это вернулись родители мальчиков.

— Входите, входите, джентльмены,— заревел доктор.— Вы появились вовремя. Мы добрались до солипсизма. Проходите сюда и устраивайтесь поудобнее. Кофе?

— Солипсизм, что это? — спросил мистер Саттон.— Френк, освежи память старого язычника. Вы наслушались проповедей отца Клири?

— Он не освежит вам память,— ответил Мак-Рэй.— Мы немного поспорили с ребятами. А как ваши дела, договорились с Лордом Верховного Палача?

— Крюгер свяжется с Бичером,— усмехнулся мистер Мэрлоу.

Собрания колонистов обычно проходили в большом зале центрального здания, имеющего форму звезды. Мистер Мэрлоу и мистер Саттон — устроители собрания — пришли пораньше. Они увидели, что двери зала закрыты, и перед ними стоят два проктора Крюгера. Проигнорировав тот факт, что всего несколько часов назад они пытались арестовать Френка и Джима, мистер Мэрлоу подошел к ним и, вежливо пожелав доброго вечера, сказал:

— Откройте, пожалуйста, двери. Через несколько минут начнут собираться люди.

Прокторы не двигались.

— Сегодня вечером здесь не будет собрания,— объявил старший из них, по имени Дюмонт.

— Что? Почему не будет?

— Приказ мистера Крюгера.

— Он не объяснил, почему?

— Нет.

— Это собрание созвано по всем правилам,— сказал мистер Мэрлоу,— и оно будет проведено. Отойдите в сторону.

— Мистер Мэролу, не делайте того, о чем вы впоследствии пожалеете. Я получил приказ и...

Мистер Саттон продвинулся вперед.

— Джеймс, дайте я поговорю с ним.

Он положил руку на пояс. Френк, стоявший сзади, с усмешкой взглянул на Джима и тоже положил руку на пояс. Все четверо были вооружены. Прокторы тоже. Родители мальчиков решили не зависеть от приказов Крюгера, ждущего инструкции из Малых Зыбучих Песков.

Дюмонт нервно посмотрел на Саттона. В колонии не было полицейских; эти двое были служащими Компании, а когда приказывал Крюгер, выполняли обязанности прокторов.

— Вам нет необходимости бегать по колонии вооруженными до зубов,— выразил он недовольство.

— Ну и что из этого? — сладко спросил мистер Саттон.— Я могу обойтись без оружия. Френк, иди сюда, подержи мой бластер,— с пустой кобурой он двинулся на них.— Хотите, чтобы вас выкинули отсюда, или предпочитаете отойти?

Вероятно, в прежние годы, до того, как попасть на Марс, мистер Саттон в ранге строительного инженера научился обращению с подобными людьми. Он был не намного выше Дюмонта, но неизмеримо сильнее. Дюмонт отступил назад и наступил на ногу своего напарника.

— Послушайте, Саттон, вы не... Эй, мистер Крюгер!

Все оглянулись. К ним приближался Представитель Компании. Он приблизился к месту действия и быстро проговорил:

— Что такое? Саттон, вы толкаете моего человека?

— Вы не правы,— возразил мистер Саттон.— Это они толкают меня. Скажите им, пусть отойдут.

Крюгер покачал головой.

— Собрание отменяется.

Мистер Мэрлоу шагнул вперед.

— Кем?

— Я отменил его.

— По какому праву? Собрание одобрили все члены Совета. Если вам необходимо, я назову имена двадцати колонистов, требующих созыва собрания,— по правилам колонии двадцать колонистов могли созвать собрание без разрешения Совета.

— Дело не в этом. Правила гласят, что собрание собирается по вопросам «общественных интересов»; агитация за людей, обвиненных в преступных действиях, не может толковаться как «общественные интересы», и я не позволю вам использовать правила в своих интересах. У меня все. Я не хочу подчиняться науськанной распропагандированной толпе.

В коридоре уже толпилась небольшая группа людей; колонисты шли на собрание.

— Вы закончили? — спросил Мэрлоу.

— Да, осталось только сказать, чтобы вы и все остальные расходились по домам.

— Так же, как и я, они будут делать то, что захотят. Мистер Крюгер, я слушал вас и удивлялся. Вы хотите сказать, что дело о гражданских правах не касается общественных интересов? Многие колонисты имеют детей, которые находятся под опекой — если, конечно, это можно так назвать — директора школы Хове, и им интересно узнать, как развлекаются их сыновья. Но тем не менее не это является причиной собрания. Я даю вам слово, что ни я, ни мистер Саттон, не намерены говорить с колонистами

относительно обвинений, выдвинутых против наших сыновей. Мы не будем призывать ни к каким действиям. Если вас удовлетворяет это, уберите своих прокторов.

— Какие тогда у вас намерения?

— Этот вопрос крайне интересен каждому члену колонии. Я буду обсуждать его в зале.

— Ну-у-у!

К этому времени подошли несколько членов Совета. Один из них, мистер Джуан Моунтз, шагнул вперед.

— Одну минуту. Мистер Мэрлоу, когда вы позвонили мне и сказали о собрании, я не знал, что Представитель возражает.

— В этом деле Постоянный Представитель не имеет решающего голоса.

— Ну, такого раньше никогда не было. Он наложил вето на деятельность собрания. И почему бы вам не сказать нам, зачем вы нас собрали?

— Не делайте этого, Джеймс! — это был доктор Мак-Рэй, протиснувшийся вперед.— Неужели вы такой простофиля, Моунтз? Я начинаю жалеть, что голосовал за вас. Мы собираем собрание, когда это нужно нам, а не когда разрешит Крюгер. Что скажете, люди?

Послышался ропот одобрения.

— Я ничего не скажу ему, док,— заверил мистер Мэрлоу.— Я начну говорить только тогда, когда все соберутся в зале и двери будут закрыты.

Моунтз смешался с толпой колонистов. Вперед вышел Хендрике, Председатель Совета.

— Мистер Мэрлоу, давайте действовать по порядку; вы скажете Совету, зачем хотите собрать собрание?

Отец Джима отрицательно покачал головой.

— Вы согласились на проведение собрания, в противном случае, я соберу двадцать подписей и все равно проведу собрание. Не можете вы отойти к Крюгеру?

— Они не нужны нам, Джеймс,— заверил его Мак-Рэй и повернулся к быстро растущей толпе.— Кто за собрание? Кто хочет услышать, что скажет нам мистер Мэрлоу?

— Я хочу! — раздался крик.

— Кто это? О, Келли. Все нормально. Я и Келли — стало двое. Найдется здесь еще восемнадцать человек, которые чихали на разрешение Крюгера? Говорите.

Послышались еще выкрики, и еще.

— Это три... и четыре...— через несколько секунд он выкрикнул «двадцать» и повернулся к Представителю.— Уберите ваших людей от дверей, Крюгер.

Крюгер шипел. Хендрике пошептался с ним, и они убрали

прокторов с поста. Прокторы были рады выполнить новый приказ Крюгера, и толпа влилась в зал.

Крюгер, обычно сидевший около Председателя, сейчас уселся в задних рядах зала.

Отец Джима увидел, что никто из членов Совета не желает председательствовать, и сам поднялся на сцену.

— Нам надо избрать председателя собрания,— объявил он.

— Займись этим сам, Джеймс,— сказал Мак-Рэй.

— Пожалуйста, соблюдайте порядок. Есть кандидаты?

— Мистер Председатель...

— Да, мистер Конски?

— Я выдвигаю вас.

— Очень хорошо. Другие кандидатуры будут? — больше никого не было, и, с единого согласия, он оставил председательский молоток у себя.

Мистер Мэрлоу сказал, что до него дошли новости, которые затрагивают жизненные интересы колонии. Затем он кратко изложил, как в руки Хове попал Виллис. Крюгер вскочил с места.

— Мэрлоу!

— Пожалуйста, обращайтесь как положено.

— Мистер Председатель,— кисло поправился Крюгер,— вы говорили, что не будете на собрании возбуждать симпатии к своему сыну. Вы просто пытаетесь защитить его. Вы...

Мистер Мэрлоу ударил молотком.

— Вы лишаетесь слова. Садитесь.

— Я не сяду. Вы даже не пытаетесь прикрыть свои...

— Мистер Келли, я назначаю вас вооруженным сержантом. Следите за порядком. Подберите себе помощников.

Крюгер сел, а мистер Мэрлоу продолжил:

— Это собрание не имеет ничего общего с обвинениями, выдвинутыми против моего сына и против сына Пэта Саттона, но все новости я узнал от них. Вы все видели марсианских круглоголовиков — ребята называют их прыгунами — и знаете об их изумительной способности повторять звуки. Большинство из вас, вероятно, слышали представления, которые давал любимец моего сына. Так случилось, что этот круглоголовик услышал один разговор, содержание которого должны узнать все колонисты. Джим, принеси сюда своего любимца.

Джим, чувствуя к себе всеобщее внимание, поднялся на сцену и посадил Виллиса на трибуну. Виллис осмотрелся вокруг и быстро задраил все люки.

— Джим,— настойчиво прошептал его отец,— сделай что-нибудь.

— Я попробую,— согласился Джим.— Сюда, мальчик. Никто не обидит Виллиса. Развернись; Джим хочет с тобой поговорить.

Тем временем его отец обратился к аудитории.

— Эти существа очень робки. Пожалуйста, соблюдайте тишину,— он повернулся к Джиму.— Ну, что с ним?

— Я делаю все возможное.

— Черт возьми, нам надо было все записать на магнитофон.

В эту минуту Виллис выставил свои глазки.

— Слушай, мальчик Виллис,— продолжил попытку Джим.— Я хочу, чтобы ты говорил. Все хотят, чтобы Виллис говорил. Повторяй за мной — «Добрый день. Добрый день, Марк».

Виллис подхватил.

— Садитесь, мой мальчик. Всегда рад вас видеть,— и он продолжал раскручивать весь разговор между Хове и Бичером.

Кто-то узнал голос Бичера, и по залу пронеслось громкое восклицание. Мистер Мэрлоу стукнул молотком, призывая к тишине.

Когда Виллис дошел до места, где Бичер излагал свою теорию о «законной взятке», Крюгер поднялся. Келли положил руку ему на плечо и рывком усадил его на место. Крюгер начал протестовать, но Келли прикрыл его рот своей рукой. Крюгер затих; это был первый случай, когда он хотел что-то сказать и ему не дали, с тех пор как его назначили Представителем Компании в колонии.

В перерыве между разговорами аудитория зашумела, но мистер Мэрлоу жестом дал понять, что лучшее еще впереди. Но он мог не беспокоиться: разговорившегося Виллиса было так же трудно остановить, как тяжело груженный паровоз.

Когда он закончил, в зале некоторое время стояла изумительная тишина, затем послышался шепот, переросший в рычание. Поднялся невообразимый шум; все пытались говорить одновременно. Мэрлоу бешено колотил своим молотком, призывая к порядку. Виллис свернулся. Слово взял молодой техник Андревс.

— Мистер Председатель... это действительно очень важно, если, конечно, все это правда. Мы можем положиться на эту бестию?

— Что? Я не думаю, чтобы кто-нибудь из присутствующих мог сделать подобную СТЕНОГРАММУ. Есть здесь эксперты-психологи, которые могли бы объяснить ситуацию? Доктор Айбениз, вы можете что-нибудь сказать?

— Да, мистер Мэрлоу. На своем уровне умственного развития круглоголовик может говорить, но говорить только то, что услышал. Точно так же, как попугай повторяет услышанное. Я сомневаюсь в возможности видоизменения записи, если это можно так назвать, отпечатанной в нервной системе животного; это непроизвольный рефлекс — сложный и прекрасный, но все же рефлекс.

— Энди, вас удовлетворил ответ?

— О нет. Все знают, что прыгун — это обыкновенный супер-

попугай и у него не хватит ума солгать. Но действительно ли этот голос принадлежит Генеральному Представителю? Звучит похоже, но я слышал его только по радио.

— Это Бичер,— выкрикнул кто-то.— Когда я жил в Малых Зыбучих Песках, мне часто доводилось слушать его пустую болтовню.

Андревс покачал головой.

— Конечно, звучит похоже, но мы должны быть УВЕРЕНЫ. Возможно, что это просто талантливый актер.

Крюгер сидел тихо, словно в шоке. Он считал, что если бы предполагалось нечто подобное, Бичер непременно поставил бы его в известность. И все же Крюгер был неспокоен. Документация, проходившая через его руки, подтверждала, что отчет Виллиса был точен. Ежегодно перед началом миграции в планетарную службу поступает ряд однотипных приказов. Он знал, что в этот раз никаких подобных приказов не поступало и вряд ли миграция была отложена только на две недели. Но замечание Андревса позволило ему ухватиться за соломинку. Он встал и сказал:

— Я рад, что у кого-то хватило ума не поддаться мошенничеству. Мэрлоу, сколько времени вам потребовалось, чтобы научить его этому?

— Шеф, вставить ему кляп? — спросил Келли.

— Нет. Это заявление можно опровергнуть. Весь вопрос в том, верите вы мальчикам или нет. У кого-нибудь есть к ним вопросы?

Худой, долговязый индивидуум поднялся с задних рядов.

— Я могу помочь в этом.

— Да? Очень хорошо, мистер Тоуленд, вы разрешите все наши вопросы.

— Мне нужна аппаратура. Это займет несколько минут.— Тоуленд работал инженером-электроником и звукотехником.

— О, кажется, я понимаю, что вы имеете в виду. Вы хотите сравнить голос Бичера с воспроизведением Виллиса? Или нет?

— Совершенно верно, но сначала мне надо получить необходимую аппаратуру. Всякий раз, как Бичер закатывал речь, Крюгер требовал, чтобы я ее записал.

Несколько добровольцев вызвались помочь Тоуленду. Тем временем Мэрлоу предложил остальным немного отдохнуть. Сразу же поднялась миссис Поутл.

— Мистер Мэрлоу!

— Да, миссис Поутл. Тихо все.

— Я хочу только сказать, что не намерена больше ни одной минуты оставаться здесь и выслушивать весь этот вздор! Выдвинуть такое обвинение против дорогого мистера Бичера! И не говорите мне ничего! Как вы позволяете этому ужасному Келли так обращаться с мистером Крюгером! А что касается этого зверя...— она

указала на Виллиса,— я прекрасно знаю, что он всегда врет.— Она фыркнула и сказала мистеру Поутлу: — Идем, дорогой,— и стала выбираться из зала.

— Келли, остановите ее! — спокойно сказал мистер Мэрлоу.— Я надеюсь, что ни один человек не покинет колонию до того, как мы примем какое-нибудь решение. Если колонисты решат действовать, то нам будет выгодно, если это окажется для всех неожиданностью. Уполномочит ли меня собрание предпринять некоторые шаги, чтобы ни один скутер не покинул пределы колонии до тех пор, пока вы не придумаете выхода из создавшегося положения?

Поступило только одно «нет» — от миссис Поутл.

— Мистер Келли, мобилизуйте себе помощников,— приказал мистер Мэрлоу,— и выполните волю собрания.

— Хорошо, шеф.

— Теперь вы можете уйти, миссис Поутл. Мистер Крюгер, вы останьтесь.

Мистер Поутл поколебался некоторое время и рысью побежал за своей женой.

Тоуленд вернулся и установил аппаратуру на сцене. С помощью Джима Виллиса убедили еще раз продемонстрировать свои способности, но на этот раз стали записывать на магнитофон. Через некоторое время Тоуленд поднял руку.

— Достаточно. Сейчас я подберу подходящие слова.

Из выступления Виллиса он отобрал слова: «добрый день», «колония», «компания» и «марсианский», потому что их легко было обнаружить в любой радиоречи Генерального Представителя. Каждое слово он внимательно сверил с оригиналом; на ярком экране осциллоскопа бились разнообразные волны, определяющие индивидуальные особенности тембра голоса, как отпечатки пальцев отождествляют принадлежность к телу.

Наконец он поднялся.

— Это голос Бичера,— категорически заявил он.

Отец Джима снова ударил молотком, призывая к порядку. Когда порядок восстановился, он сказал:

— Очень хорошо... какие будут предложения?

— Давайте линчуем Бичера! — выкрикнул кто-то.

Председатель попросил, чтобы они придерживались реальных предложений.

— Что на это скажет Крюгер? — крикнул кто-то другой.

Мэрлоу повернулся к Крюгеру.

— Мистер Постоянный Представитель, вы говорите от имени Компании. Что вы можете сказать?

Крюгер облизал губы.

— Ну, если вы допускаете, что зверь действительно передал разговоры Генерального Представителя...

— Хватит увиливать!

— Тоуленд доказал это!

Глаза Крюгера быстро осмотрели зал; он оказался перед лицом неразрешимой для него задачи.

— Ладно, это не мое дело,— сердито сказал он.— Я предлагаю перенести собрание на завтра.

Поднялся Мак-Рэй.

— Мистер Крюгер, вы отвечаете за наше благополучие. Вы хотите сказать, что не собираетесь отстаивать наши права?

— Ну, доктор, сейчас я работаю на Компанию. Если Компания за такую политику — а я не допускаю этого — вы не можете надеяться, что я пойду против.

— Я тоже работаю на Компанию,— проворчал доктор,— но не продал ей тело и душу,— его глаза обратились к собравшимся: — Люди, что вы скажете на это? Нужен нам такой Представитель?

Мэрлоу призвал к порядку.

— Садитесь, доктор. У нас нет времени, чтобы тратить его зря.

— Мистер Председатель...

— Да, миссис Пэлмер?

— А по-вашему, что мы должны делать?

— Я бы предпочел, чтобы предложения исходили от собравшихся.

— Это нонсенс. Вы больше нас знаете об этом, и если можете что-то предложить,— говорите.

Мэрлоу увидел, что ее желание поддерживают многие.

— Ну хорошо, я буду говорить за себя и за мистера Саттона. По контракту мы имеем право на миграцию и Компания обязана провести ее. Я предлагаю незамедлительно начинать миграцию.

— Я поддерживаю!

— Я тоже!

— Вопрос! Один вопрос!

— Есть возражения? — спросил Мэрлоу.

— Один момент, мистер Председатель...— высказаться решил Хамфри Гиббс, маленький аккуратный человечек.— Мы действуем слишком поспешно и, если я могу так выразиться, не в соответствии с процедурой. Мы не должны начинать миграцию. Нужно связаться с мистером Бичером. Возможно, для проведения антимиграционной политики появились веские причины...

— Вам очень нравится температура ниже ста градусов?

— Мистер Председатель, я прошу навести порядок.

— Дайте ему высказаться,— приказал Мэрлоу.

— Как я уже говорил, там могут быть веские причины для этого, но руководство Компании на Земле, возможно, не совсем представляет, какое здесь положение. Если мистер Бичер не сможет помочь нам, мы свяжемся с руководством и обсудим вопрос с ними.

Мы не должны поворачивать закон по своему усмотрению. У нас есть контракт; в худшем случае, мы всегда сможем заставить выполнить его судебным порядком,— он сел.

Снова поднялся Мак-Рэй.

— Вы не против, если я скажу? Я не хочу влезать в судопроизводство,— стояла одобрительная тишина, и он продолжил: — Некоторые слюнтяи хотят заставить их судебным порядком! Когда они «исчерпают все средства», здесь будет сто тридцать градусов ниже нуля и почва промерзнет на несколько футов, а мы будем должны подстраиваться под календарь земного судьи и нанимать адвоката!

— Если вы хотите, чтобы контракт выполнялся, то должны сделать это сами. Вы знаете, что за всем этим стоит ложь; придет время, когда они начнут экономить на содержании хозяйства и перепишут излишки личного имущества. Я предупредил вас, но когда это случится, руководство будет находиться в сотнях миллионов миль отсюда и вы скорее заплатите за все, чем станете драться за свои права. Компании поперек горла стоят издержки на миграцию, но им важнее отправить сюда новых эмигрантов, и быстрее, чем мы сможем их принять. Они считают, что вместо строительства новых зданий дешевле сохранять Южную и Северную Колонии постоянно заселенными. Как выразился Гиббс, они не совсем представляют здешнее положение и не знают, что мы не сможем эффективно работать в зимних условиях.

— Вопрос не в том, сможем мы или нет выдержать полярную зиму; эскимосы — смотрители зданий — делают это каждый сезон. И дело не в контракте. Вопрос в том, или мы останемся свободными людьми, или позволим принимать решения за нас человеку с другой планеты, нога которого никогда не ступала на Марс!

— Еще минутку... разрешите мне закончить! Мы — только авангард. Когда работы по атмосферному проекту завершатся, миллионы других людей последуют за нами. Ими тоже будут управлять руководители, живущие на Земле? Марс останется земной колонией? Пришло время принимать решение!

Мертвая тишина рассыпалась аплодисментами.

— Кто-нибудь еще хочет выступить? — спросил Мэрлоу.

Поднялся мистер Саттон.

— Док все сказал. В моей крови никогда не было любви к земному руководству.

— Ты прав, Пэт! — крикнул Келли.

— Я призываю вас сохранять порядок,— сказал отец Джима.— Осталось только одно приемлемое предложение. Вы готовы принять решение?

Они были готовы и единогласно поддержали предложение. По крайней мере, даже если кто-то и воздержался от голосования,

ни один не голосовал против. Вопрос был решен. Следующим голосованием они учредили чрезвычайный комитет; решения председателя утверждаются комитетом, и в то же время комитет действует с одобрения колонистов.

Джеймс Мэрлоу-старший был выбран председателем. Выдвигалась кандидатура доктора Мак-Рэя, но он отказался, и это было принято во внимание. Мистер Мэрлоу ввел его в комитет и тем самым не дал ему увильнуть от работы.

В Южной Колонии было пятьсот девять человек, включая младенцев и старого доктора Мак-Рэя. Там находилось одиннадцать скутеров; для того, чтобы двинуться всем одновременно, этого было достаточно, но при условии, что они оставят свои вещи здесь и возьмут с собой только несколько фунтов ручной клади. Обычно с началом миграции из Малых Зыбучих Песков присылали дополнительные скутера и весь процесс завершался в три-четыре приема.

Отец Джима решил двинуться всем одновременно и надеялся, что последующие события позволят им вернуться назад за личным имуществом колонистов. Крику было много, но он стоял на своем; комитет поддержал его, и никто не попытался собрать общее собрание. Отправление он назначил на понедельник.

Крюгеру было разрешено находиться в его офисе; Мэрлоу предпочитал оставить вещи на своих местах, но Келли, который стал шефом полиции, было поручено постоянное наблюдение за ним. В воскресенье, в полдень, Келли позвонил Мэрлоу.

— Привет, шеф. Вы ничего не знаете? Два полицейских Компании прибыли на скутере, чтобы забрать в Малые Зыбучие Пески вашего сына и мальчика Саттона.

Мэрлоу принял это во внимание. Он решил, что Крюгер мог переговорить с Бичером по телефону, когда услышал, что мальчики вернулись домой.

— Где они сейчас?

— Здесь, в офисе Крюгера. Мы арестовали их.

— Приведите, я хочу с ними поговорить.

— Хорошо.

Вскоре в сопровождении Келли и его подручного появились два безоружных человека; у них было очень плохое настроение.

— Прекрасно, мистер Келли. Нет, оставаться не надо — я вооружен.

Когда Келли и его ассистент вышли, один из полицейских Компании сказал:

— Вы знаете, этим ничему не поможешь.

— Вам не причинили вреда,— спокойно сказал Мэрлоу,—

и сейчас вам вернут ваше оружие. Я только хочу, чтобы вы ответили на некоторые вопросы.

Но все, что он смог добиться от них несколько минут спустя, было рядом скудных отрицательных ответов. Снова зазвонил видеотелефон, и на экране появилось лицо Келли.

— Шеф? Вы не поверите...

— Чему не поверю?

— Старая лисица Крюгер впрыгнул в скутер этих двух перелетных птиц. Я даже не знал, что он может управлять им.

На спокойном лице Мэрлоу его чувства не отразились и после короткого раздумья он ответил:

— Время отъезда переносится на сегодняшний вечер. Бросайте все и оповестите людей,— он сверился с диаграммой.— Заход солнца будет через два часа десять минут.

Крик поднялся даже больше, чем раньше. Как бы то ни было, когда солнце коснулось горизонта, первый скутер отправился в путь. Остальные следовали за ним с тридцатисекундным интервалом. Когда солнце скрылось, последний скутер оставил колонию. В сезонной миграции колонисты направлялись на север.

10. «МЫ ОКРУЖЕНЫ!»

Четыре скутера были устаревшей конструкции и могли развить скорость чуть менее двухсот миль в час. Их поместили в авангард, и они задавали скорость всей колонны. Около полуночи в одном из них забарахлил двигатель; движение колонны замедлилось. Около трех он совсем остановился, и надо было разместить пассажиров в других скутерах — рискованное занятие, к тому же на морозе.

Мак-Рэй и Мэрлоу забрались в штабной скутер, последний в колонне. Когда скутер снова тронулся, доктор посмотрел на него и спросил:

— Шкипер, будем планировать остановку в Гесперидуме? — станцию Циния они миновали без остановки; Гесперидум располагался примерно в семистах милях от Малых Зыбучих Песков, и они были уже недалеко от него.

— Я бы не хотел этого делать. Если мы остановимся в Гесперидуме, нам придется потерять целый день, потому что с восходом солнца лед может испортиться. Крюгер опередил нас, и за целый день Бичер может придумать способ, чтобы нас остановить. Если бы у меня была уверенность, что лед будет способен достаточно долго держать скутера, чтобы мы успели добраться туда...— он задумчиво пожевал губу.

В Южной Колонии уже наступала ранняя зима, и лед в канале



не растает уже до следующей весны, но сейчас они были вблизи экватора; здесь каналы замерзали каждую ночь и оттаивали каждый день, чему способствовали ежедневные резкие перепады температур. С северной стороны экватора, куда они сейчас направлялись, уже началось весеннее половодье; каналы заполнялись водой с таявшей полярной шапки и только ночью покрывались небольшим слоем плавучего льда, медленно дрейфующего к экватору.

— Предположим, вы пройдете мимо, Шкипер. Каковы ваши дальнейшие планы? — снова спросил Мак-Рэй.

— Подойдем на скутерах к лодочной станции и заберем все лодки, какие там окажутся. Как только лед растает и лодки смогут плыть, двинемся к северу. Я хочу отплыть из зоны Малых Зыбучих Песков к северу раньше, чем Бичер придет в себя от неожиданности. У меня нет никакого реального плана. Я хочу только, чтобы развитие событий не оставило ему времени составить собственный план. Я хочу, чтобы он всегда оказывался перед свершившимися фактами.

Мак-Рэй кивнул.

— Наша ставка — дерзость. Двигаем вперед, и только вперед.

— Правильно, но меня волнует лед. Если скутер провалится, могут быть убитые, и это будет моя вина.

— Наши водители не новички. У них хватит ума рассредоточиться, когда поднимется солнце. Джеймс, я давно понял, что в жизни вы любите рисковать. Сейчас пришло время рискнуть, иначе мы попадем как овощ в горшок с супом,— он посмотрел в лобовое стекло.— Впереди виден свет; это, должно быть, Гесперидум. Соберись с мыслями, Джеймс.

Мэрлоу не ответил. Через некоторое время свет оказался позади них.

Когда взошло солнце, Мэрлоу попросил своего водителя выдвинуться из колонны и показывать остальным дорогу. Было около девяти, когда они прошли мимо станции Малых Зыбучих Песков без остановки. Они миновали космический порт и свернули к лодочной станции. Это была конечная станция главного северного канала. Водитель штабного скутера плавно вывел его на уклон и на пониженной скорости повел вниз. Ведущий скутер сполз с уклона и встал на стоянку; другие остановились возле него.

Из штабного скутера выбрались Мэрлоу, Келли и Мак-Рэй. За ними вылез Джим с Виллисом на руках. Открылись двери других скутеров и начали выходить люди.

— Келли, скажите им, пусть никто не выходит,— сердито сказал мистер Мэрлоу. Услышав это, Джим попытался не привлекать внимание отца и встал за его спиной.

Мэрлоу раздраженно смотрел на бухту. В ней не было ни одной лодки, только один маленький баркас со снятым двигателем был вытащен на берег. Наконец Мэрлоу повернулся к Мак-Рэю:

— Ладно, док. Я взобрался на дерево; как мне теперь спуститься вниз?

— Наше положение не хуже, чем если бы мы остановились в Гесперидуме.

— Но и не лучше.

Из-за складов, окружающих бухту, вышел человек и приблизился к ним.

— Что все это значит? — спросил он, бросив взгляд на припаркованные скутера. — Цирк?

— Сезонная миграция.

— Удивительно! Ваши люди уже здесь, а я об этом ничего не слышал.

— Где все лодки?

— В разных местах. Я полагаю, большая часть находится в лагерях Проекта. Здесь нет моей вины. Вам лучше связаться с транспортной службой.

Мэрлоу нахмурился.

— Ну хорошо. А вы можете мне сказать, где устроены временные убежища для колонистов? — перед каждой миграцией, заботясь о семьях колонистов, Компания освобождала несколько складов и переоборудовала их в бараки; единственная гостиница Компании, «Отель Марсиолис», вмещала только двадцать коек.

Человек был озадачен.

— Я не знаю. Здесь не было никакой подготовки к миграции и не делалось ничего, о чем вы говорите. Выглядит, словно все распорядки были нарушены.

Поняв, что вопрос был довольно глупым, Мэрлоу выругался. Конечно же, Бичер не готовился к миграции, потому что не собирался ее проводить.

— Здесь есть телефон?

— Там, в моей конторе,— я кладовщик. Можете позвонить.

— Благодарю,— сказал Мэрлоу и пошел в указанном направлении, за ним последовал Мак-Рэй.

— Какие у тебя планы, сынок?

— Я хочу вызвать Бичера.

— Думаешь, это правильное решение?

— Черт возьми, люди не могут жить в скутерах, среди них малыши... и женщины.

— На них можно положиться.

— Послушайте, док, раз мы оказались здесь, Бичер должен ЧТО-ТО сделать для нас.

Мак-Рэй пожал плечами.— Вы заварили эту кашу.

После долгих переговоров с несколькими секретарями, Мэрлоу наконец увидел на экране Бичера. Генеральный Представитель посмотрел на него, не узнавая.

— Да? Говорите, мой дорогой, какое у вас неотложное дело?

— Меня зовут Мэрлоу. Я председатель чрезвычайного комитета Южной Колонии. Я хочу знать...

— Ах, да! Знаменитый мистер Мэрлоу. Мы видели, как прибыло ваше лохматое войско,— Бичер отвернулся и что-то спросил. Ему ответил голос Крюгера.

— Ну ладно, мы все равно уже здесь, что вы будете делать?

— Делать? Вот это не ясно. Когда сегодня вечером лед окрепнет, вы можете развернуться и возвращаться туда, откуда пришли. Все, за исключением вас — вы предстанете перед судом. И, если я правильно вспомнил, ваш сын тоже.

Мэрлоу сдержался.— Я не это имел в виду. Нам нужно помещение с кухней и туалетом, где можно разместить пятьсот человек.

— Пусть остаются там, где сейчас,— махнул рукой Бичер.— Один день в таких условиях им не повредит, а на будущее будет уроком.

Мэрлоу хотел возразить, но телефон отключился.

— Вы были правы, док. Не было никакой необходимости говорить с ним.

— Ладно... хуже от этого не стало.

Они вышли и увидели, что Келли со своими помощниками выстроились в линию вокруг скутеров.

— Шеф, когда вы ушли в контору, я решил расставить вокруг своих мальчиков.

— Из вас выйдет лучший генерал, чем из меня,— сказал Мэрлоу.— Что-нибудь случилось?

— Показался один полицейский Бичера и снова ушел.

— Почему вы его не задержали? — спроси. Мак-Рэй.

— Я хотел задержать,— ответил Келли. — но когда окликнул его, он не остановился. Чтобы остановить его, пришлось бы стрелять, поэтому я дал ему уйти.

— Могли бы его только ранить,— сказал Мак-Рэй.

— А надо было? — спросил Келли у Мэрлоу.— У меня было искушение, но я не знаю нашего положения. То ли мы вышли на тропу войны, то ли просто поссорились с Компанией?

— Вы поступили правильно,— ответил Мэрлоу.— Если Бичер не начнет первым, мы не будем стрелять. - Мак-Рэй фыркнул, и Мэрлоу повернулся к нему.— Вы не согласны?

— Джеймс, просто вы напомнили мне случай, который произошел в Западной Америке. Уважаемый горожанин выстрелил в спину профессионального убийцы. Когда его спросили, почему он не предоставил парню шанс выжить, он ответил, что в противном случае убит был бы он сам. Джеймс, если вы проявите порядочность к известному негодяю, то сами окажетесь в ужасно невыгодном положении.

— Доктор, сейчас не время обмениваться байками. Я должен как можно быстрее обеспечить людей жильем.

— Вы не правы,— упорствовал Мак-Рэй.— Надо не искать жилье, а сделать что-то другое.

— Что же тогда?

— Надо отобрать лучших стрелков и послать их захватить Бичера и офис Компании. Я сам поведу их.

Мэрлоу сердито отмахнулся.

— Я даже не хочу это обсуждать. Сейчас мы группа обычных граждан, которые требуют выполнения своих законных прав. Выполнив ваше предложение, мы окажемся вне закона.

Мак-Рэй покачал головой.

— Вы просто не видите, но по логике вещей, мы уже вне закона. Вы знаете, что вода потекла с горы, но думаете, что она никогда не дотечет до конца. В книгах Бичера вы сейчас объявлены вне закона. И все мы.

— Нонсенс, мы только выполняем контракт. Если Бичер начнет действовать, мы тоже будем действовать.

— Говорю вам, сынок,— крапиву надо вырывать решительно и безжалостно.

— Доктор Мак-Рэй, если вы лучше меня знаете, что надо делать, почему вы отказались принять руководство?

Мак-Рэй покраснел.— Извините, сэр. Какие будут приказы?

— Вы знаете Малые Зыбучие Пески лучше меня. Где здесь здания, которые мы могли бы реквизировать под жилье?

Джим решил, что пришло время ему выйти на сцену.

— Папа,— сказал он, выходя из-за спины отца.— Я знаю, где мы находимся и где находится школа...

— Джим, у нас нет времени на болтовню. Вернись в скутер.

— Но папа, до школы только десять минут ходьбы!

— Я думаю, он дело говорит,— вставил доктор.— В школе есть кровати и кухня.

— Гммм... это хорошо. Возможно, мы сможем использовать обе школы, женщин с детьми поместим в школу девочек.

— Джеймс,— сказал доктор,— я рискую снова получить по ушам, но все же скажу — нет. Не надо разделять наши силы.

— Я и сам не хочу этого. Келли!

— Да, сэр?

— Выведите людей из скутеров и в каждой команде назначьте ответственного. Мы все уходим.

— Хорошо.

На улицах земного поселения Малых Зыбучих Песков практически не было никакого движения, пешеходы предпочитали ходить по тоннелям. Они встретили нескольких напуганных людей, но ни один не попытался их остановить.

Переходная камера школы могла вместить одновременно около двадцати человек. Когда дверь открылась для второй загрузки, из нее вышел Хове.

— Что все это значит? — спросил он требовательным тоном.

Виллис бросил на него один взгляд и свернулся. Джим спрятался за спину отца. Мэрлоу вышел вперед.

— Извините, но мы вынуждены использовать школу как убежище.

— Вы не можете этого сделать. Во всяком случае, кто вы?

— Мое имя Мэрлоу. Я ответственный за миграцию.

— Но...— Хове вдруг повернулся и, пробравшись через толпу, скрылся в переходной камере.

Примерно через полчаса Мэрлоу, Мак-Рэй и Келли с последней партией вошли в школу. Мэрлоу приказал Келли выставить около дверей охрану. Мак-Рэй хотел предложить выставить вооруженную охрану вокруг здания, но сдержал свой язык.

Мистер Саттон ожидал Мэрлоу в холле.

— Шеф, пришли новости от миссис Пэлмер. Она просила передать вам, что пища будет готова через двадцать минут.

— Хорошо! Я и сам не против чего-нибудь перекусить.

— Школьная повариха ругается в столовой. Она хочет поговорить с вами.

— Разбирайтесь с ней сами. Где Хове?

— Будь я проклят, если знаю. Он пронесся здесь, словно ангел разрушения.

В холле собрались не только колонисты, но и студенты. Произошло великое воссоединение между родителями и их сыновьями. Келли колотил по спине свою точную уменьшенную копию, которая в ответ тоже колотила его. Стоял оглушительный шум. Вперед пробрался какой-то человек, подошел к Мэрлоу и, наклонившись к его уху, сказал:

— Мистер Хове в своем кабинете. Он заперся там; я пытался с ним увидеться и сейчас иду прямо оттуда.

— Пусть там и остается,— решил Мэрлоу.— Кто вы?

— Ян ван дер Линден, учитель естественных наук. Могу я спросить, кто вы?

— Мое имя Мэрлоу. Я отвечаю за этот сумасшедший дом. Послушайте, вы можете собрать мальчиков, которые живут в городе? Мы пробудем здесь день или, по крайней мере, два дня. Пожалуйста, отправьте городских мальчиков домой... и учителей тоже.

Учитель недоверчиво посмотрел на него.

— Мистер Хове не любит, когда мы уходим без его разрешения.

— Во всяком случае, сделайте это поскорее. Всю ответственность я беру на себя.

Джим увидел свою мать и, не дожидаясь конца разговора, стал пробираться через толпу. Она устало прислонилась к стене, держа на руках Оливера, Филлис стояла около нее. Джим выбрался из толпы.

— Мама!

Она подняла глаза.

— Что, Джим?

— Идемте со мной.

— Ох, Джим, я слишком устала, чтобы двигаться.

— Идемте! Я знаю место, где можно прилечь,— и через несколько минут он привел их в комнату, которую они с Френком оставили неделю назад. Мать опустилась на койку.

— Джим, ты ангел.

— Устраивайтесь поудобнее, а Фил принесет вам что-нибудь поесть. Я вернусь назад и посмотрю, что происходит,— он пошел к двери, но остановился.— Фил, ты не можешь позаботиться о Виллисе?

— Почему я? Я тоже хочу посмотреть, что происходит.

— Ты девчонка, и тебе лучше не путаться под ногами.

— Но я хочу! Думаю, для меня тоже дела найдутся...

— Дети, прекратите ругаться. Джим, мы присмотрим за Виллисом, а ты скажи отцу, где мы находимся.

Джим передал сообщение и встал в очередь за едой. Поев немного, он почувствовал себя бодрее. Через некоторое время он увидел, что колонисты собираются в школьном актовом зале. Он вошел и, заметив Френка с доктором Мак-Рэем, протиснулся к ним.

Его отец, используя вместо молотка рукоятку бластера, колотил по столу, призывая к порядку.

— Слово имеет мистер Линшикум.

Слово взял человек лет тридцати с раздражающе агрессивными манерами:

— Я говорю, доктор Мак-Рэй прав: нам не до шуток. Чтобы отправиться в Копи, нам нужны лодки. Правильно? Бичер не дает их нам. Правильно? Всю силу Бичера составляет отделение полиции. Правильно? Даже если он мобилизует всех жителей Малых Зыбучих Песков, у него будет около ста пятидесяти ружей. Правильно? Мы имеем в два раза больше. Кроме того, Бичер не в состоянии заставить всех жителей драться с нами. Что же нам делать? Надо выйти и взять его за горло, тогда все будет так, как мы захотим. Правильно? — он торжествующе сел.

— Избави меня Боже от таких друзей,— пробормотал Мак-Рэй.

Несколько человек хотели говорить, но Мэрлоу выбрал одного.

— Слово имеет мистер Гиббс.

— Мистер Председатель... соседи... Мне редко приходилось слышать более безрассудную и провокационную речь. Мистер Мэр-

лоу, вы убедили нас погрузиться в эту авантюру, которую я никогда не поддерживал...

— Вы зарываетесь! — выкрикнул кто-то.

— Соблюдайте порядок! — воззвал Мэрлоу.— Продолжайте, мистер Гиббс.

— ...но я присоединился к большинству. Теперь спешка и раздражительность может привести к открытому насилию. Но раз уж мы оказались здесь, самая очевидная вещь для руководства, это выполнить нашу просьбу и загладить обиду.

— Мистер Гиббс, если вы хотите просить Бичера отправить нас в Копи, то я уже сделал это.

— Извините меня, мистер Мэрлоу,— вяло улыбнулся Гиббс,— но разве личность просителя не влияет на результат? Как я понимаю, здесь находится мистер Хове, директор Школы, который имеет влияние на Генерального Постоянного Представителя. Может, будет разумнее попросить его обратиться к Генеральному Представителю?

— Это последний человек на Марсе, которого я попросил бы говорить за меня! — крикнул мистер Саттон.

— Пэт, надо обращаться к Председателю,— предостерег Мэрлоу.— Мне самому это не нравится, но если народ хочет, я против не пойду,— он обратился к аудитории: — Хове еще здесь? Я не видел его.

Поднялся Келли.

— Он еще здесь, заперся в своем кабинете. Я сказал ему через вентиляционную трубу, что, если он только выйдет, я из него сделаю взбитые сливки.

Мистер Гиббс был шокирован.

— Прекрасно!

— Это мое личное дело, мальчик мой;— объяснил Келли.

Мэрлоу ударил по столу.

— Я полагаю, если народ захочет, чтобы Хове говорил от их имени, мистер Келли откажется от своих намерений. Какие будут предложения?

Гиббс повторил свое предложение; в конце концов за него проголосовали только он сам и супруги Поутл.

После голосования поднялся Джим.

— Папа!

— Сынок, обращайся как положено. Что у тебя?

— Мистер Председатель... у меня появилась идея. Раз мы не смогли получить лодки, так почему бы нам не отправиться в Копи таким же способом, каким я и Френк вернулись в Чаракс,— при помощи марсиан,— он подумал и добавил: — Если люди захотят, я думаю, мы с Френком найдем Гекко и попробуем поговорить с ним об этом.

Наступила тишина, затем послышались вопросы: «О чем он говорит?» Несмотря на то что почти все колонисты слышали рассказ двух мальчиков, они приняли к сведению, но не поверили, или просто проигнорировали, или не приняли в расчет. Рассказ казался слишком невероятным, а большинство колонистов так же увязли в болоте «здравого смысла», как и их земные родственники. Мэрлоу нахмурился.

— Мы не знаем, имеют ли аборигены подобное транспортное сообщение с Копями...

— Держу пари, имеют!

— ...и даже если имеют, мы не знаем, разрешат ли они нам этим воспользоваться.

— Но папа, Френк и я...

— Мистер Председатель, у меня вопрос! — это снова поднялся Гиббс.— По какому праву вы разрешаете говорить ребенку на собрании взрослых?

Мистер Мэрлоу был смущен, а доктор Мак-Рэй громко сказал:

— Мистер Председатель, у меня тоже вопрос. До каких пор этот набитый дурак...— он показал на Гиббса.

— Соблюдайте порядок, доктор.

— Поправка. Я хочу сказать, когда этот милый здоровый горожанин Гиббс поймет, что Френк и Джим, да и другие вооруженные малыши, давно уже не дети? Могу добавить, что когда я уже был взрослым человеком, Гиббс все еще распускал слюни на свой нагрудничек.

— Соблюдайте порядок!

— Извините. Я хотел сказать, прежде чем он достиг этой стадии. И теперь этот человек, считающий себя достаточно взрослым, будет решать, что можно делать этим ребятам, а что нет — и достаточно ли взрослая какая-нибудь девочка, чтобы варить обед и присматривать за малышом. Люди, знаете вы это или нет, но мы вступили в период, когда придется драться за свои права. Юнцы желают драться, и вы должны удовлетворить их желание. Возможно, там, на Земле, и правильно считается зрелым возраст в двадцать пять лет, но здесь мы должны жить по своим законам.

Мистер Мэрлоу стукнул по столу бластером.

— Вопрос снимается с обсуждения. Джим, увидимся позднее. Есть какие-нибудь реальные предложения? Будем вести переговоры или прибегнем к силе?

— Если возникнет необходимость, я поддержу вас,— сказал мистер Конски,— но сейчас в применении силы нет никакой необходимости. Мистер Мэрлоу, вы не могли бы снова позвонить мистеру Бичеру? Вы объясните ему, что у нас достаточно сил, чтобы с ним справиться, и, возможно, он увидит основание пересмотреть свою позицию. Вот мое предложение.

Его поддержали. Мистер Мэрлоу предложил, чтобы от их имени поговорил кто-нибудь другой, но это предложение было отклонено. Он спустился с кафедры и прошел к комнате переговоров. Но прежде чем попасть туда, ему пришлось сломать замок, который повесил Хове.

Бичер казался очень довольным собой.

— Ах, да... мой дорогой друг, Мэрлоу. Вы позвонили, чтобы сказать, что решили сдаться?

Мэрлоу вежливо объяснил Бичеру цель своего звонка.

— Вам нужны лодки, чтобы отправиться в Копи? — Бичер засмеялся.— К наступлению ночи будут готовы скутера, чтобы забрать колонистов в Южную Колонию. Все, кто будет готов к тому времени, смогут избежать последствий своих поспешных действий. Вы, конечно, нет.

— Позвольте мне напомнить вам, что нас здесь гораздо больше, чем вы сможете собрать в Малых Зыбучих Песках. Мы не намерены отступать от контракта. Если вы вынудите нас применить силу, мы применим.

Бичер усмехнулся на экране.

— Мэрлоу, ваши угрозы меня не пугают. Полная капитуляция. Выходите по одному, безоружные и с поднятыми вверх руками.

— Это ваше последнее слово?

— Еще одно. Вы держите в плену мистера Хове. Немедленно отпустите его, или я обвиню вас в похищении.

— Хове? Он не пленный; он свободен и может уйти в любое время.

Бичер спросил о некоторых деталях.

— Ну, это личное дело Келли и Хове,— ответил Мэрлоу.— Вы можете позвонить в кабинет к Хове и передать ему это.

— Вы обязаны обеспечить ему безопасность,— настаивал на своем Бичер.

Мэрлоу покачал головой.

— Я не хочу вмешиваться в личные ссоры. Хове в безопасности там, где он находится сейчас; почему я должен беспокоиться о нем? Бичер, я предлагаю вам воспользоваться возможностью и мирно снабдить нас лодками.

Бичер посмотрел на него и молча отключился.

— Шеф, вы, кажется, бросили меня на растерзание волкам,— сказал Келли.

— Не думаю. Я не могу держать заложника, но пока здесь находится Хове, мы в безопасности. Насколько я знаю, в Малых Зыбучих Песках нет ни бомб, ни любого другого тяжелого оружия. Интересно, почему Бичер так уверен в себе?

— Он блефует.

— Если бы это было так.

Мэрлоу вернулся назад и передал содержание разговора колонистам.

Поднялась миссис Поутл.

— Хорошо, мы сразу принимаем милостивое предложение мистера Бичера! Держать в плену бедного мистера Хове — просто прекрасная идея! Я надеюсь, что вас хорошенько накажут, и этого грубияна Келли тоже. Идем, дорогой! — она величественно прошла к выходу, и мистер Поутл рысью последовал за ней.

— Кто еще желает сдаться? — спросил Мэрлоу.

Гиббс неуверенно осмотрелся вокруг и последовал за ними. Пока они не ушли, никто не произнес ни слова, затем поднялся мистер Тоуленд.

— Я думаю, нам пора переходить к действиям.

— Второе! Второе предложение!

Никто не хотел обсуждать вопрос и поэтому проголосовали сразу. Тоуленд предложил выбрать Мэрлоу капитаном с правом назначать офицеров. Это тоже было поддержано.

В этот момент вернулся запинающийся Гиббс. Его лицо было белым и руки дрожали.

— Они мертвы! Они мертвы! — кричал он.

Мэрлоу понял, что восстановить порядок невозможно. Вместо этого он пробрался через толпу к Гиббсу.

— Кто мертв? Что случилось? — спросил он.

— Мистер и миссис Поутл. Меня самого чуть не убили,— он немного успокоился и все рассказал. Втроем они надели маски и вышли в переходную камеру. Миссис Поутл, не глядя по сторонам, выскочила на улицу, а ее муж следовал за ней. Едва они вышли из дверного проема, как были обстреляны из бластеров. Их трупы до сих пор лежат перед школой.— Это ваша вина! — пронзительно закричал он в лицо Мэрлоу.— Вы втянули нас в это!

— Один момент,— сказал Мэрлоу,— они выполнили требование Бичера? Руки вверх, по одному и так далее? Поутл был вооружен?

Гиббс кивнул головой и отвернулся.

— Не в этом дело,— жестко сказал Мак-Рэй.— Пока мы здесь спорили, Бичер окружил нас.

11. ОСАДА

Правда эта сводила с ума и вскоре подтвердилась. Главный и задний входы были перекрыты вооруженными людьми — предположительно полицейскими Бичера — которые, чтобы самим не попасть под огонь, были готовы обстрелять любого, выходящего из здания. Устройство переходной камеры сделало спешку убийственной.

Школа располагалась на некотором расстоянии от домов, поэтому к ней не провели тоннель и в ней не было окон. Колонисты имели сотни вооруженных бойцов, но все же горстка людей с бластерами могла удержать их внутри, расстреливая выходящих по одиночке.

Под влиянием ревущего голоса доктора Мак-Рэя собрание вернулось к работе.

— Прежде я хочу услышать,— сказал Мэрлоу,— не хочет ли кто-нибудь сдаться? Я совершенно уверен, что мистер и миссис Поутл были убиты потому, что вышли без предупреждения. Если вы крикните и помашете чем-нибудь белым, я думаю, вас пропустят.

Он подождал. Поднялся один человек со своей женой, затем другой. Несколько человек вышли в мертвой тишине.

Когда они ушли, капитан Мэрлоу продолжил организацию людей. Главным интендантом он утвердил миссис Пэлмер, на должность исполнительного офицера назначил доктора Мак-Рэя, а Келли определил как офицера, отвечающего за внутреннюю охрану. Саттон и Тоуленд занялись работой по изготовлению портативного экрана, способного блокировать прицельный огонь, под который попали мистер и миссис Поутл. Джим следил за всем с неослабевающим интересом. Наконец его отец решил использовать мальчиков в качестве бойцов. Из студентов сформировали два взвода, но потом их определили в резерв и распустили. Джим держался неподалеку от отца, пытаясь переговорить с ним. В конце концов он перехватил его взгляд.

— Папа...

— Не мешай мне сейчас, Джим.

— Но папа, ты ХОТЕЛ поговорить со мной о том, как нам добраться в Копи с помощью марсиан.

— Марсиан? Ах да,— он подумал об этом, а затем сказал: — Забудь об этом, Джим. Пока мы не выберемся отсюда, не сработает ни эта, ни любая другая схема. Иди посмотри, что делает наша мама.

Получив отказ, Джим опечаленно повернулся и пошел прочь. Его догнал Френк.

— Знаешь, Джим, оказывается, ты не такой пустой болван, каким иногда кажешься.

Джим подозрительно посмотрел на него.

— Если это комплимент — то благодарю.

— Не комплимент, Джим, так оно и есть. Я редко одобряю твои утомительные намерения, но сейчас, должен признать, тебя осенила яркая мысль.

— Перестань болтать и переходи к делу.

— Хорошо. Дело в твоей прекрасной идее попросить помощи у марсиан.

— Что? Ладно, благодарю тебя, но я не вижу, чем она такая прекрасная. Как сказал отец, мы ничего не сможем сделать для ее выполнения, пока не найдем способ выбраться отсюда. А когда выберемся, я думаю, нам уже не понадобится их помощь.

— Ты думаешь слишком поспешно. Как сказал бы док, сначала проанализируй ситуацию. Во-первых, твой отец завел нас в окружение...

— Ты клевещешь на моего отца!

— Я ничего не имею против твоего отца. Твой отец мировой парень. Он действовал как джентльмен, но нас загнали в тупик, и мы не можем выбраться. Я не порицаю его, но ситуация так сложилась. И что они собираются делать? Твой отец поручил моему старику и Тоуленду сделать щит, своего рода броню, которая позволит выйти из переходной камеры на открытое пространство, где мы могли бы вести бой. Ты считаешь, они сделают такой щит?

— Ну, я не думал об этом.

— А я думал. Они точно не сделают. Отец хороший инженер. Дай ему оборудование и материалы, и он создаст все, что угодно. Но с чем он работает сейчас? Он занял школьную мастерскую, а ты знаешь, в каком плачевном состоянии она находится. Компания никогда не тратила денег на ее оборудование; там можно только подклеивать книги. Материалы? Из чего они сделают щит? Из крышек от столов? Бластер разрежет крышку стола, словно мягкий сыр.

— Возможно, здесь найдется что-нибудь, что они смогут использовать.

— Назови, что.

— Ладно, что ты предлагаешь?— раздраженно спросил Джим.— Сдаваться?

— Конечно, нет. Старики действуют по шаблону. Мы проявим ловкость и используем твою идею.

— Брось называть это моей идеей. У меня нет никаких идей.

— Ладно, весь кредит я забираю себе. Мы передадим сообщение Гекко, что нуждаемся в его помощи. Он наш друг по воде и поможет нам.

— Чем Гекко поможет нам? Марсиане не дерутся.

— Верно, но как гласит геометрия, главное — результат. Люди никогда не станут драться с марсианами, НИКОГДА. Бичер не рискнет обидеть марсиан. Все знают, сколько времени Компания потратила на уговоры марсиан, чтобы те разрешили нам основать здесь колонию. Теперь предположим, что двадцать или тридцать марсиан — или даже один — притопают к дверям школы. Что сделают полицейские Бичера?

— Что?

— Они прекратят огонь, вот что, и мы сможем спокойно вый-

ти. Гекко сделает это для нас, и Бичер будет вынужден отвести своих бойцов. И он СДЕЛАЕТ это.

Джим задумался. В этом было рациональное зерно. В каждого человека, прибывающего на Марс, вдалбливалось, что нельзя мешать аборигенам и нарушать их обычаи — запрещалось все, что могло повредить им. Люди, незнакомые с историей первого контакта с марсианами, должны были подчиняться основному закону колонистов Марса. Джим даже не мог представить себе, что Бичер или полицейские Компании решатся нарушить этот закон. В обычное время основной обязанностью полиции было следить за соблюдением этого закона. Им приходилось иметь дело, в основном, с туристами с Земли, которым никогда не разрешалось входить в контакт с аборигенами.

— Здесь только одна ошибка, Френк. Предположим, что Гекко и его друзья согласятся, но как они узнают, что нам нужна помощь? Мы не можем позвонить им по телефону.

— Нет, не можем, но выход есть. Ты можешь отправить им сообщение.

— Как?

— Через Виллиса.

— Ты сошел с ума!

— Я? Предположим, ты вышел из переходной камеры — фссст! — и ты погиб. Но предположим, выйдет Виллис. Кто станет стрелять в прыгуна?

— Мне это не нравится. Они могут повредить Виллиса.

— Если мы будем здесь сидеть и ничего не делать, ты со временем пожалеешь, что он не мертвый. Бичер отправит его в Лондонский зоопарк.

— Во всяком случае,— ответил Джим,— в твоей схеме полно дыр. Даже если Виллис благополучно выберется отсюда, он не сможет разыскать Гекко и без посторонней помощи прочитать послание. Вернее всего, он начнет петь или декламировать ни на что ни годные шутки доктора. У меня есть лучшая идея.

— Убеди меня в этом.

— Держу пари, что остолопы Бичера и не думают следить за мусорной свалкой. Я сам передам сообщение Гекко.

Френк обдумал предложение.

— Нет. Даже если они не следят за свалкой, они заметят тебя с того места, откуда наблюдают за задним входом. Они пристрелят тебя раньше, чем ты поднимешься на ноги.

— Я дождусь темноты.

— Ммм... будет холодновато. Только это сделаю я. Я немного половчее, чем ты.

— Кто это говорит!

— Ладно! Мы оба сделаем это, но порознь, с разницей в один

час,— сказал Френк.— Но это не освобождает Виллиса. Он тоже попробует. Один из троих сможет добраться. Подожди минутку — ты просто недооцениваешь своего маленького друга. Мы научим его, что он должен сказать, затем ты скажешь ему, чтобы он шел в город марсиан, остановил первого встречного аборигена и прочитал свою роль. Остальное сделает марсианин, потому что в сообщении мы попросим передать это Гекко. Вопрос только в том, хватит ли у Виллиса ума сделать все так, как ты ему скажешь. У меня возникли серьезные сомнения.

Джим ощетинился.

— Ты всегда пытаешься изобразить Виллиса глупым, а он не глупый; ты просто не понимаешь его.

— Хорошо, значит он сможет найти дорогу в город и передать сообщение. Или нет?

— Ну... я не хочу этого.

— Что ты предпочитаешь: немного рискнуть с Виллисом или чтобы твоя мать и младший брат перезимовали в Южной Колонии?

Джим закусил губу.

— Хорошо, мы попробуем. Пошли за Виллисом.

— Не спеши. Ни ты, ни я не знаем марсианский язык так хорошо, чтобы составить наше сообщение, а доктор знает. Он поможет нам.

— Во всяком случае, это единственный взрослый, кому я могу довериться. Идем.

Они нашли доктора Мак-Рэя, но не смогли сразу поговорить с ним. Он сидел перед экраном связи в комнате переговоров. Они могли слышать конец его разговора.

— Я хочу поговорить с доктором Рэвлингсом. Хорошо, соедините с ним — и не жуйте свой карандаш! Передайте, что это доктор Мак-Рэй... Ах, добрый день, доктор... Нет, я перебрался сюда... Как дела, доктор? Все еще снимаете сливки со своих заблуждений?.. Ладно, кто не ошибается?.. Извините, не могу, я заперт... Я сказал, заперт... З... А... П... Е... Р... Т... словно недисциплинированный алкоголик... Вообще никаких оснований. Эта идиотская обезьяна Бичер... Да, вы не слышали? Всю колонию загнали в здание школы... если мы высунем нос, начинают постреливать... Нет, я не шучу. Вы знали Скани Поутла? Он и его жена застрелены не более двух часов назад. Придите и сами увидите, какой сумасшедший управляет вами...— экран внезапно погас. Мак-Рэй выругался и попытался восстановить связь.

Немного поэкспериментировав, он понял, что связь не восстановится, пожал плечами и вышел.

— Кажется, они в конце концов поняли меня,— сказал он, ни к кому не обращаясь,— но все же я успел переговорить с тремя влиятельными людьми.

— Чем вы занимаетесь, док?— спросил Джим.

— Организую пятую колонну в тылу Бичера. Везде есть хорошие люди, сынок, надо только сказать им об этом.

— Послушайте, док, вы не могли бы уделить нам немного времени?

— Зачем? Твой отец, Джим, и так дал мне слишком много работы.

— Это очень важно,— и, отведя Мак-Рэя в сторону, они объяснили свой план.

Мак-Рэй задумался.

— Это может сработать. Френк, это блестящая идея использовать иммунитет к марсианам; ты должен стать политиком. Что касается другого трюка — десантирования через мусорный сброс — твой отец будет против, если вы его спросите.

— Может, вы сами поговорите с ним? Вас он может послушать.

— Я сказал: «если спросите».

— О, я понял.

— И последнее — тащите маленькую бестию в классную комнату «С»; я там оборудовал себе кабинет.

Джим и Френк пошли за Виллисом. В комнате он увидел спящих мать и Оливера, сестра и Виллис отсутствовали. Он уже собрался уходить, когда проснулась его мать.

— Джим?

— Я не хотел будить тебя, мама. Где Фил? Я хочу забрать Виллиса.

— Твоя сестра ушла помогать на кухню. А разве Виллиса здесь нет? Он оставался со мной и малышом.

Джим осмотрел комнату, но никаких признаков Виллиса не обнаружил.

— Я пойду спрошу Фил, возможно, она забрала его.

— Он не мог далеко уйти. Я уверена в этом, Джим.

— Я найду его.

Он пошел на кухню и позвал сестру.

— Откуда я знаю?— заявила она.— Когда я ушла, он остался с мамой. Не смотри на меня так.

Джим пошел к Френку.

— Черт возьми, они дали ему уйти. Теперь надо его искать.

Прошел час упорных поисков. Они задали сотни вопросов и убедились, что даже если прыгун где-то в школе, то он нашел слишком укромное местечко. Джим был так раздосадован, что совершенно забыл о существующей опасности.

— Вот к чему ведет доверие к женщинам,— горько сказал он.— Френк, что теперь делать?

— Искать.

Они находились в дальнем конце здания. На случай, если Вил-

лис вернулся назад, мальчики решили снова заглянуть в свою бывшую комнату. Когда они пересекали холл, Джим внезапно остановился.

— Я слышу его!

Оба прислушались.

— Откройте!— послышалась реплика, сказанная голосом Джима.— Выпустите Виллиса!— голос доносился из переговорного устройства, установленного в переходной камере.

Джим рванулся к дверям, но был остановлен охранником.

— Эй,— запротестовал он,— откройте дверь. Это Виллис.

— Больше похоже на ловушку. Отойди назад.

— Впустите его. Говорю вам, это Виллис.

Охранник ничего не ответил, но повернул выключатель запорного механизма. Затем он убрал всех из зоны обстрела, на случай, если из двери начнут стрелять, а сам вытащил оружие и встал сбоку.

Внутренняя дверь открылась и в холл, переваливаясь, вошел Виллис.

Виллис был как никогда вежлив.

— Джим уйдет. Все уйдут. Виллис пойдет сам.

— Как ты вышел из школы?

— Вышел.

— Но как?— Виллис промолчал, потому что не видел в этом ничего странного.

— Может, он вышел вместе с мистером и миссис Поутл?— предположил Френк.

— Возможно. Я полагаю, не это главное.

— Ходил встретиться с людьми,— сказал Виллис и назвал несколько имен аборигенов, а потом добавил: — Хорошее время. Друзья по воде. Дали Виллису пить много хорошей воды,— он издал звук, словно причмокнул губами, хотя у самого губ не было; так обычно причмокивал Джим.

— Ты пил всего неделю назад,— обиженно сказал Джим.

— Виллис хороший мальчик!— возразил Виллис.

— Подожди минутку,— сказал Френк.— Он был у МАРСИАН.

— Что? Даже если бы он был у Клеопатры, меня это не волнует. Он не должен убегать.

— Ты не понимаешь? Он доберется до марсиан; он уже добрался один раз. Теперь остался единственный вопрос, передаст ли он сообщение Гекко?

Приключение Виллиса вызвало интерес Мак-Рэя. Они втроем сочинили сообщение на английском языке и передали доктору перевести на доминирующий марсианский. Послание гласило:

«Приветствую вас. Это послание Джима Мэрлоу своему другу по воде Гекко, живущему в городе...— здесь они вставили непроизносимое марсианское название Цинии.— Кто бы ты ни был, друг моего друга, умоляю сразу же передать эти слова Гекко. Я в большой беде и нуждаюсь в его помощи».

Далее в послании говорилось, какая беда их постигла, кто был в этом виноват и что они хотят от Гекко. Они не стали прибегать к телеграфной простоте, потому что нервная система Виллиса позволяла так же просто запомнить тысячу слов, как и десять.

Мак-Рэй перевел послание и научил Джима, как его прочитать. После этого они пытались объяснить Виллису его действия, которые он должен выполнить. Виллис постоянно вертелся, и такой безответственный подход к важному делу раздражал их и доводил почти до истерики. Наконец им показалось, что прыгун в состоянии выполнять задание. Когда его спросили, что он должен делать, прыгун ответил: «иду встретиться с друзьями», а что он должен сказать, прыгун начал декламировать послание.

— Это должно сработать,— решил Мак-Рэй.— Мы знаем, что у марсиан существует способ быстрой передачи информации, хотя неизвестно, как они это делают. Если наш дружок не забудет, что он должен делать и зачем идет...

Джим взял Виллиса и пошел в холл. С разрешения Мак-Рэя охрана пропустила их в переходную камеру. Пока дверь открывалась, Джим снова проэкзаменовал Виллиса, но прыгун уверенно повторил инструкции, хотя ответ показал чехарду в его мышлении.

Когда Виллис скатился с крыльца, Джим чуть-чуть, чтобы не попасть на линию огня, высунулся из дверного проема. Мистер и миссис Поутл все еще лежали там, где упали. Виллис взглянул на них, затем зигзагами направился вдоль улицы и исчез из поля зрения Джима, ограниченного дверной рамой. Джим пожалел, что не захватил зеркало, которое можно было использовать как перископ. Наконец, осмелев, он лег на живот и выглянул за край.

Виллис был уже далеко и с ним ничего не случилось. В конце улицы было поднято какое-то прикрытие. Пытаясь получше разглядеть, что это такое, Джим высунул голову еще на дюйм. От угла дверного косяка пошел дымок, и он почувствовал на лице электрическое покалывание. Убрав голову, Джим захлопнул дверь.

Он почувствовал холодок в животе и стал винить себя в том, что, может быть, больше никогда не увидит Виллиса.

12. «НЕ СТРЕЛЯТЬ!»

Для Джима и Френка день проходил утомительно. Осуществление своих планов, собственных планов, они могли начать только после наступления темноты. Между тем споры среди лидеров

колонистов продолжались, но проходили за закрытыми дверями, и мальчиков туда не приглашали.

Ужин немного оживил ребят. Во-первых, они были голодны, во-вторых, это означало, что кухня скоро опустеет и путь к сбросу мусора станет свободным. Или они только так думали. На самом деле женщины не торопились покидать кухню. Они не спеша убрались, а затем уселись в кружок и, попивая кофе, завели разговор. Казалось, они расположились тут на всю ночь.

Мальчики искали благовидный предлог, чтобы зайти на кухню, потому что их частые посещения начали будить подозрения у миссис Пэлмер.

Наконец Джим увидел другого мальчика, направляющегося на кухню, и последовал за ним. Он подошел к двери и услышал его слова:

— Миссис Пэлмер, капитан Мэрлоу спрашивает, не могли бы вы подежурить ночью, чтобы готовить кофе и сэндвичи для охраны?

— Почему бы нет,— услышал Джим ее ответ,— мы будем рады. Генриетта, составьте график из добровольцев. Я буду дежурить первая.

Джим повернулся и пошел к ожидавшему его Френку.

— Ну что?— спросил Френк.— Выглядит так, словно они не собираются расходиться в ближайшее время.

Джим рассказал ему, какие у них планы — или, скорее, каких нет. Френк выругался, использовав пару слов, которые Джим даже не слышал раньше.— Что будем делать?

— Не знаю. Может, когда она останется одна, ей понадобится куда-нибудь выйти?

— Можно обмануть ее.

— Попробуем сказать, что ее вызывают в штабную комнату. Это должно сработать.

Они все еще обсуждали это, когда погас свет.

Стало так темно, словно в глухой пещере. Но что было еще хуже, наступила тревожная тишина. Джим понял, что эта тишина наступила в результате остановки суперагрегата на крыше и прекращения циркуляции воздуха в вентиляционных каналах. Пронзительно закричала женщина. К ней присоединилась другая, на более высоких тонах. Затем в темноте послышались вопрошающие, жалующиеся и утешающие голоса.

В холл выпрыгнул луч света, и Джим услышал голос своего отца.

— Все успокойтесь. Недостаток энергии. Будьте терпеливы,— луч метнулся к ребятам и ослепил их.— Мальчики, идите спать,— отец Джима пошел дальше. С другой стороны до них доносился

ревущий голос доктора, приказывающий людям замолчать и успокоиться.

Вернулся отец Джима. Он говорил на ходу:

— Все наденьте наружные костюмы и респираторные маски. Мы надеемся через несколько минут исправить положение, но не хотим, чтобы кто-нибудь пострадал. Не волнуйтесь! В конце концов давление в здании будет в норме еще полчаса. Даже если устранение неисправности затянется, вам хватит времени на подготовку.

Появилось еще несколько лучей от карманных фонариков, и вскоре в коридорах стало довольно светло. Кругом возникали призрачные фигуры, облачающиеся в наружные костюмы. Так как Джим и Френк планировали попытаться выйти наружу, они уже были в костюмах, вооружены и держали наготове респираторные маски.

— Кажется, наступает подходящее время,— намекнул Френк.

— Нет,— ответил Джим.— Они еще на кухне, я вижу свет.

В коридор вышел Мак-Рэй, и Джим остановил его.

— Док, как вы думаете, еще долго не включат свет?

— Вас обмануть или сказать правду?— спросил Мак-Рэй.

— Что вы имеете в виду, док?

— Это очередной трюк Бичера. Он отключил подачу энергии в школу.

— Вы уверены?

— Мы проверяли — не было никакого недостатка в энергии. Меня удивляет только одно, почему Бичер не сделал это еще час назад? Но держи язык за зубами, Джим, твой отец не хочет, чтобы у него на руках оказалась куча нервных барышень,— сказал док и пошел дальше.

Вопреки заверениям капитана Мэрлоу, о действительном положении вещей догадывались почти все. Давление опускалось очень медленно, так медленно, что каждый успел привести в порядок свой респиратор, чтобы избежать подкрадывающегося кислородного голода. Спустя некоторое время никто не верил в сказку о временном прекращении подачи энергии и в то, что через несколько минут все восстановится. Температура в здании медленно опускалась; не было никакой опасности замерзнуть в закрытом изолированном помещении, но ночной холод пронизывал колонистов.

В холле, в круге света, отбрасываемого единственным фонариком, Мэрлоу устроил свою штаб-квартиру. Джим и Френк слонялись вокруг, благоразумно держась в тени. Они не собирались пропускать ничего из происходящего, и тем более не собирались идти в кровать, как было им приказано. В оправдание Френк сказал Джиму, что единственные кровати, которые они могли занять, уже заняты миссис Мэрлоу, Филлис и Оливером. Ни один не пытался воспользоваться сбросом мусора, так как в глубине души

они чувствовали, что муравейник слишком расшевелился и вряд ли они смогут остаться одни.

К Мэрлоу подошел Джозеф Хэртли, один из гидропонистов колонии. Позади него стояла жена, держа в руках маленькую герметическую кроватку, в которой спала их дочь. Над прозрачным пластиком саркофага, словно труба дымохода, торчал воздухозаборник.

— Мистер Мэрлоу... Я хотел сказать, капитан Мэрлоу...

— Да?

— Вы должны что-нибудь сделать. Наша малышка не может оставаться в саркофаге. Она хрипит во сне, а мы ничем не можем ей помочь.

Мак-Рэй вышел вперед.

— Вы должны были принести ее ко мне, Джо,— он через пластик осмотрел малышку и затем сказал.— Кажется, ребенок совсем здоров.

— А я говорю вам, она больна.

— Гмм... Я не могу обследовать ее, пока она находится в саркофаге, и даже не могу замерить температуру, но я не вижу никаких признаков того, что ее здоровье в опасности.

— Вы просто пытаетесь меня успокоить,— сердито сказал Хэртли.— Вы вообще ничего не сможете сделать, пока она лежит в кроватке.

— Извини, сынок,— сказал доктор.

— Какая польза от ваших извинений! Кто-то должен что-нибудь сделать. Эти не могут...— Жена потянула его за рукав; он повернулся к ней, и они, тесно прижавшись друг к другу, пошли прочь.

Вскоре они вернулись назад.

— Капитан Мэрлоу!

— Да, мистер Хэртли?

— Вы сами можете делать, что хотите, а мы уже сыты всем этим по горло. Я должен позаботиться о своей жене и малышке.

— Вы вправе сами решать, что вам делать,— жестко сказал Мэрлоу и резко отвернулся.

— Но...— сказал Хэртли и остановился, поняв, что Мэрлоу больше не собирается уделять ему внимания. Он продолжал стоять, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, словно ему надо было обязательно доказать, что его решение верно. Жена коснулась его руки, он повернулся, и они вместе медленно пошли к выходу.

— Что он хотел от меня? Чуда?— спросил Мэрлоу.

— Точно, мальчик,— ответил Мак-Рэй.— Большинство людей привыкли, что за них думают другие. Они надеются, что придет папочка и достанет им луну с неба. Но в одном Джо безусловно прав. Мы должны что-нибудь сделать.

— Я не вижу ничего, что мы могли бы сделать до того, как Саттон и Тоуленд добьются каких-нибудь результатов.

— Ты не можешь больше ждать, сынок. В любом случае нам надо выбираться отсюда. Теоретически человек может прожить в респираторной маске несколько дней, практически этого еще никто не проделывал. На это и рассчитывал Бичер. Пока сохраняется неопределенность, люди не будут сидеть в темноте и холоде, надев свои маски, чтобы сохранить жизнь. Скоро в ваших рядах поднимется паника.

Даже через маску было видно, как устал Мэрлоу.

— Мы не можем прокопать тоннель. Мы нигде не можем отсюда выйти, кроме как через дверь, а они перекрыли эту дверь, и выход равносилен самоубийству.

— Это должно быть сделано, сынок. Я возглавлю атаку.

Мэрлоу вздохнул.

— Нет, я сам.

— У вас жена и дети, а у меня нет ничего, и кроме всего, я уже достаточно пожил.

— Это мое право. Решено.

— Посмотрим.

— Сэр, я сказал, все решено!

Спор остался незаконченным, потому что дверь переходной камеры снова открылась и в холл, шатаясь, вошла миссис Хэртли. Обхватив крошечную кроватку, она безудержно рыдала.

Снова во всех деталях повторилось происшедшее с мистером и миссис Поутл. Из ее рыданий Мак-Рэй понял, что они были очень осторожны, задержались и крикнули, что хотят сдаться, а затем помахали карманным фонариком. Ответа не было, и они крикнули снова. Потом Хэртли поднял руки и вышел из дверей, а жена освещала его фонариком. Он был убит сразу, как только вышел из дверей.

Мак-Рэй отвернулся от женщины и вышел на разведку. Он вернулся почти сразу.

— Кто даст мне стул?— спросил он и осмотрелся вокруг.— Джим, сбегай.

— Что там?— спросил Мэрлоу.

— Скоро все узнаете. У меня есть кое-какие подозрения.

— Будьте осторожны.

— Поэтому мне и нужен стул.

Вскоре вернулся Джим. Доктор взял у него стул и вышел в переходную камеру; через несколько минут он возвратился.

— Это ловушка для болванов,— заявил он.

— Что вы имеете в виду?

— Бичер и не пытался держать там людей всю ночь, по крайней мере, я так думаю. Это автоматика. Они направили на дверь

электронный глаз. Когда возникает движение, бластер начинает стрелять,— он показал полдюжины отверстий, прожженных в стуле. Мэрлоу внимательно их рассмотрел.

— Но не это главное,— продолжал Мак-Рэй.— Установка хоть и автоматическая, но неподвижна. Трасса огня проходит в двух и в четырех футах над поверхностью. Если у человека крепкие нервы, он сможет проползти.

Мэрлоу выпрямился.

— Покажите мне это, доктор.

Через несколько минут они вернулись; стул был обожжен еще больше.

— Келли,— быстро сказал Мэрлоу,— для вылазки мне необходимы двадцать добровольцев. Объявите вокруг.

Там было, по крайней мере, двести добровольцев, возникла проблема отобрать их. Джим и Френк тоже пытались влезть в это дело, но отец Джима не брал никого, кроме взрослых и неженатых мужчин. Правда, себя он включил в список.

Доктор оттащил Джима в сторону и прошептал:

— Придержи своих лошадей. Через несколько минут я стану боссом.

Группа десанта направилась в переходную камеру, Мэрлоу повернулся к Мак-Рэю.

— Мы пойдем к энергоблоку. Если не вернемся через два часа, начинайте действовать по своему усмотрению,— он вышел и закрыл за собой дверь.

Едва закрылась дверь, Мак-Рэй крикнул:

— Хорошо. Нужны двадцать добровольцев.

— Вы не будете ждать два часа?— спросил Келли.

— Смотрите лучше за собой! Когда я уйду, вы останетесь за старшего,— он повернулся и кивнул Джиму и Френку.— Вы оба идете со мной.

Мак-Рэй быстро набрал группу, видимо, заранее мысленно прикинув состав, и они гуськом прошли в переходную камеру.

Едва открылась наружная дверь, Мак-Рэй фонариком посветил на улицу. Трупы трех несчастных колонистов лежали там, где упали; новых погибших не было.

Мак-Рэй повернулся.

— Хитрое приспособление этот стул,— сказал он.— Я вам сейчас все продемонстрирую.

Он просунул стул в дверь, и перед дверным проемом сразу появились две молнии. Когда установка перестала стрелять, параллельно почве, где прошли молнии, обозначились два тусклых фиолетовых следа ионизации, а затем постепенно рассеялись.

— Вы заметили,— спросил доктор так, словно читал лекцию студентам-медикам,— в каком месте стул включает цепь? — Он

снова выставил стул и подвигал им вверх и вниз. Молнии появлялись с секундными интервалами, но всегда в одном и том же месте — на высоте груди и на уровне колена.— Думаю, пора начинать,— продолжал доктор.— Посмотрим, на что вы способны. Пошел первый!

Джим сглотнул слюну и шагнул вперед — или его подтолкнули, он так и не понял это. Он осмотрел смертельную изгородь, вздохнул и, сосредоточив все внимание, перешагнул порог и вышел на улицу.

— Двигайся!— приказал доктор.— Вперед!

Джим побежал по улице, чувствуя себя одиноким, но ужасно взбудораженным. Добежав до конца здания, он остановился и осторожно выглянул за угол. Ничего не произошло. Он стоял в темноте и ждал, готовый выстрелить во все, что начнет двигаться.

Впереди и чуть слева стояло странное сооружение, которое едва не снесло ему череп несколько часов назад, когда он провожал Виллиса. Теперь было ясно, что молнии шли от него.

Кто-то приближался к нему сзади. Он повернулся и услышал голос:

— Не стреляй! Это я — Френк.

— Где остальные?

— Думаю, тоже идут.

В здании за автоматической установкой мигнул свет.

— Кажется, кто-то вышел.

— Ты видишь его? Думаешь, мы должны стрелять?

— Не знаю.

Сзади кто-то бежал к ним. Впереди, примерно в том месте, куда всматривался Френк, сверкнул бластер; луч прошел мимо них.

Чисто рефлекторно ответило оружие Джима, поразив то место, где была вспышка.

— Ты достал его,— сказал Френк.— Хороший мальчик!

— Достал?— спросил Джим.— А что с парнем позади нас?— он почувствовал, что его начинает трясти.

— Он уже здесь.

— Кто в меня стрелял?— спросил вновь прибывший.— Где они?

— Уже нигде,— ответил Френк.— Джим пригвоздил его.— Френк попытался всмотреться в маску, но ночь была слишком темной.— Кто ты?

— Смит.

Френк и Джим одновременно издали возглас удивления. Это был Смит — практичный человек.

— Что вы на меня так смотрите?— спросил Смит.— Я пришел сюда, чтобы защитить свои капиталовложения. Вы еще должны мне.

— Думаю, Джим все отплатил,— намекнул Френк.

— Не помню! Это совсем другой вопрос.

— Ладно, потом,— сказал Френк. К ним подходили остальные; пыхтя, приблизился Мак-Рэй.

— Не собирайтесь в кучу, птичьи мозги,— он перевел дух и продолжил:— Мы блокируем главный офис Компании. Бежим — и не толпитесь.

— Док,— сказал Джим.— В том здании кто-то есть.

— Что?

— Кто-то стрелял в нас, вот что.

— Прекрасно,— Мак-Рэй отдал хриплые инструкции и добавил:— Все поняли?

— Док, что будет с автоматической установкой?— спросил Френк.— Может, мы сначала разрушим ее?

— Я, наверное, стал слишком стар,— сказал Мак-Рэй.— Есть среди вас техник, способный вырвать зубы установке?

Вперед выдвинулась темная фигура и вызвалась это сделать.

— Иди,— сказал доктор,— а мы тебя прикроем.

Колонист побежал вперед, обогнул щит, прикрывающий стационарный автоматический бластер, и остановился. Он работал несколько минут, затем ярко-белая вспышка осветила улицу. Он бегом вернулся назад.

— Обезвредил. Держу пари, в энергоблоке возникла хорошая перегрузка.

— Ты уверен, что она больше не стрельнет?

— Теперь от нее даже не прикуришь.

— Ладно. Ты,— Мак-Рэй схватил кого-то за руку,— вернись назад и предупреди Келли. Ты,— он указал на парня, который уничтожил автоматическую установку,— обойди школу и посмотри, что можно сделать с бластером, установленным там. Двое прикроют его, а остальные — следуйте за мной. Идем в это здание и действуем в соответствии с планом.

В задание Джима входило прокрасться вдоль фасада здания и занять позицию в двадцати футах от дверного проема. Его путь проходил через то место, где находился человек, в которого он стрелял. На тротуаре тела не было; неужели он промахнулся? Было слишком темно, чтобы разглядеть кровь.

Мак-Рэй подождал, пока группа прикрытия заняла свои места, и затем с шестью следовавшими за ним колонистами, среди которых находился Френк, двинулся вперед. Доктор первым подошел к переходной камере и попробовал открыть дверь. Она открылась. Группа нападения присоединилась к нему, и они вошли внутрь. Дверь за ними тихо закрылась.

Джим с широко открытыми глазами прижался к ледяной стене и приготовился стрелять. Казалось, он ждал целую вечность; ему даже стали мерещиться какие-то сполохи на востоке. Наконец

впереди возникли силуэты. Он поднял оружие, но тут же опустил, узнав плотную фигуру доктора.

Мак-Рэй захватил ситуацию в свои руки. С ним были четыре безоружных пленника; один из них повис на двух других.

— Отведи пленных в школу,— приказал доктор одному из колонистов.— Если что, сразу стреляй. Передай тому, кто там сейчас за старшего, чтобы их сразу заперли. Иди. А мы займемся настоящей работой.

Позади них раздался крик; Мак-Рэй повернулся. Послышался голос Келли.

— Док! Подождите нас! — он подбежал и спросил: — Какие у вас планы? — позади него из школы выходили люди и по улице шли к ним.

Несколько минут ушло на изменение плана, чтобы задействовать больше вооруженных людей. Один из передового взвода, инженер Алварес, отправился в школу с приказом возглавить наружную охрану здания и вести разведку, патрулируя близлежащий район. Келли была поставлена задача захватить узел связи, расположенный между городом и космопортом. Это было важнейшее звено для контроля над всей ситуацией, так как узел связи не только включал местную телефонную станцию, но и поддерживал радиосвязь с Деймосом, а через него со всеми остальными аванпостами на Марсе. Кроме того, он также контролировал все радары-маяки, установленные для приема прибывающих космических кораблей с Земли.

За собой Мак-Рэй оставил взятие планетарного офиса — главного офиса Компании на Марсе, штаб-квартиру Бичера. Личные апартаменты Генерального Постоянного Представителя находились в том же здании, и доктор надеялся лично захватить Бичера.

Мак-Рэй послал несколько человек на помощь Мэрлоу к энергетическому блоку, а потом приказал:

— Остальные за мной, пока не замерзли до смерти. Быстрее, быстрее!— он тяжело побежал вперед, показывая дорогу.

Джим нашел в группе Френка и присоединился к нему.

— Что вы как долго торчали в этом здании?— спросил он.— Там был бой?

— Долго?— переспросил Френк.— Мы не были там и двух минут.

— Вы пробыли там гораздо больше...

— Прекратите болтовню!— крикнул док. Джим замолчал и задумался.

Чтобы избежать возможной засады, Мак-Рэй решил обойти мосты и пересечь главный канал по льду. Они двигались парами. Сначала задние прикрывали тех, кто переходил канал, а затем те, кто перешел, стали прикрывать задних. Канал переходили мед-

ленно, очень медленно, словно старались сохранить достоинство, но торопиться было нельзя, хотя человек на льду представлял из себя прекрасную мишень. Было очень скользко, и Джим пожалел, что не захватил коньки.

Перейдя на другую сторону, доктор собрал всех вместе в тени складских помещений.

— Мы двинемся на восток и обойдем жилые дома,— сказал он хриплым шепотом.— Дальше сохраняйте полную ТИШИНУ! От этого зависит ваша жизнь. Мы не будем разделяться, потому что я не хочу, чтобы вы перестреляли друг друга в темноте.— Затем он объяснил свой план: половина людей окружит здание и перекроет все выходы, а он сам с другой половиной попытается ворваться в здание через главный вход.— Когда окружите здание и встретитесь с той стороны, воспользуйтесь паролем,— предупредил Мак-Рэй тех, кто должен был перекрыть выходы.— У вас не будет времени разглядывать, кто перед вами, друг или враг. Будьте внимательны! Пароль — Марс, отзыв — Свобода.

Джим был включен в штурмовую группу. Доктор расставил шесть человек перед дверью, на расстоянии около двадцати пяти ярдов, и приказал им прикрывать остальных. Трое из них оказались прямо напротив двери; он велел им лечь и приготовить оружие.

— В случае чего сразу стреляйте,— приказал он им.— Остальные идут за мной.

К Джиму относился последний приказ. Мак-Рэй подошел к двери и попробовал ее открыть, но она была заперта. Он нажал кнопку сигнала и подождал.

Ничего не произошло. Мак-Рэй снова нажал кнопку и крикнул в решетку переговорного устройства:

— Впустите меня! У меня важное сообщение для Генерального Представителя.

Снова ничего не произошло. Мак-Рэй притворился раздраженным.

— Поторопитесь, пожалуйста! Я совсем замерз.

Дверь оставалась закрытой. Мак-Рэй заговорил опять, но теперь более воинственно.

— Ладно, Бичер, открывай! Мы окружили здание и готовы начать стрелять. Если через тридцать секунд дверь не откроется, мы начнем атаку.

Прошло два раза по тридцать секунд.

— Хотел бы я, чтобы это было правдой,— пробормотал док Джиму, а затем крикнул.— Бичер, время вышло. Мы начинаем.

Дверь зашипела, так как сжатый воздух из переходной камеры начал выходить наружу; она была готова к загрузке. Мак-Рэй немного отодвинулся назад. Все ждали, затаив дыхание и нацелив оружие в точку, где должна была начать открываться дверь.



Когда она открылась, в камере на фоне яркого света стояла одна-единственная фигура.

— Не стреляйте!— послышался твердый приятный голос.— Все нормально. Здесь уже все кончилось.

Мак-Рэй всмотрелся в человека.

— Ого, доктор Рэвлингс!— сказал он.— Рад снова увидеть вашу безобразную физиономию.

13. «ЭТО УЛЬТИМАТУМ»

Рэвлингс и сам провел половину ночи взаперти вместе с полдюжиной других влиятельных горожан, пытающихся переубедить Бичера. Когда новости о происходящем распространились вокруг — особенно всех взволновала смерть мистера и миссис Поутл,— Бичер лишился поддержки горожан, за исключением небольшой клики подхалимов и лизоблюдов, а также немногих профессионалов-полицейских, бескорыстно, по долгу службы, поддерживающих Компанию.

Даже Крюгер потерпел крах в попытке переубедить Бичера и был водворен к другим добропорядочным гражданам, среди которых к тому времени уже находился главный инженер энергетического блока. Но доктор Рэвлингс уговорил охрану поставить на них и, рискуя работой, освободить горожан.

— Я не думаю, что Бичер, даже если мы отправим его на Землю, предстанет когда-нибудь перед судом,— заметил Мак-Рэй в разговоре с Рэвлингсом и Мэрлоу.— Как вы думаете, доктор?

Они втроем сидели в здании офиса планетарной службы. Мэрлоу пришел туда после того, как в занятом им энергетическом блоке получил сообщение от доктора Мак-Рэя о захвате главного офиса Компании. Чтобы собрать лодки в Малых Зыбучих Песках, он написал официальное обращение к лагерям Проекта и другим аванпостам, включая и Северную Колонию. Затем он попытался составить подходящий рапорт на Землю, но Мак-Рэй оторвал его от дел и настоял на том, чтобы он немного отдохнул. Теперь усталый, с красными от бессонницы глазами, Мэрлоу сидел с ними.

— Паранойя?— предположил Рэвлингс.

— Явные признаки.

— Мое мнение такое же. Я и раньше видел некоторые признаки, но они были не совсем определенны, а у меня не было причин его обследовать. Он должен быть изолирован и госпитализирован,— доктор Рэвлингс посмотрел через плечо на запертую дверь, за которой находился Бичер, потом снова повернулся к собеседникам: — А что вы думаете о Хове, доктор?

— Я слишком мало его видел, чтобы составить свое мнение,—

проворчал Мак-Рэй.— Что вы собираетесь с ним делать, Джеймс?— добавил он, обратившись к Мэрлоу.

Мэрлоу нахмурил брови.

— Ничего. Единственное обвинение, которое мы можем выдвинуть, не заслуживает хлопот. Мы просто отправим его назад.

Мак-Рэй кивнул.

— Было бы лучше его повесить, ну да ладно, вышвырните его отсюда.

— Меня больше волнует, кто сможет его заменить,— продолжал Мэрлоу.— Прежде чем мы отправимся в Копи, школа должна возобновить работу. Почему бы вам не взяться за это, док? Временно, конечно.

— Мне?— вытаращил глаза Мак-Рэй.— Избави боже!

— Кто-то должен стать пастырем для этих юношей, способный обойтись без смирительной рубашки. Они все любят вас.

— Нет — категорически заявляю — нет!

— В школе есть один парень,— предложил Рэвлингс,— которого профессор Стибен готовил для этой работы, но Компания прислала Хове. Парня зовут Ян ван дер Линден. Кажется, разумный, и неплохой специалист. Моему мальчику он нравится.

Мэрлоу заинтересованно посмотрел на него.

— Я имел с ним дело. Он был очень полезен. Конечно, не в моей власти назначить его...

Мак-Рэй фыркнул.

— Джеймс, вы убьете меня!

Мэрлоу поставил чашку с кофе и вытер рот.

— Ну ладно, пусть все идет своим чередом. Думаю, я растянусь здесь на столах и вздремну пару часиков. Док, если потребуется, разбудите меня?

— Конечно,— согласился Мак-Рэй, совсем не собираясь позволять кому-нибудь беспокоить его, пока он не отдохнет.— Не беспокойтесь.

Джим вместе с другими колонистами вернулся в школу; они решили расположиться в школе до тех пор, пока лодки не заберут их в Копи. Миссис Пэлмер суетилась со своими помощниками, готовя завтрак из мамонта для усталых мужчин и мальчиков. Джим и сам был очень утомлен и голоден, но был слишком возбужден, чтобы ложиться спать.

Он взял чашку кофе и подул на него, когда появился Смит.

— Послушай, как я понял, ты действительно угробил полицейского, который стрелял в меня.

— Нет,— возразил Джим,— он только ранен и сейчас находится в больнице. Я видел его.

Смит казался немного встревоженным.

— О, ерунда,— сказал он в конце концов,— такое не случается более одного раза в жизни. Вот твои часы.

Джим посмотрел на них.

— Смит, ты просто прелесть.

— Возможно. Забирай их.

Джим потянулся за ними, но вспомнил, что мог бы сказать на это отец.

— Нет, благодарю. Мэрлоу оплачивают свои долги.

Смит посмотрел на него и сказал:

— Ну и черт с тобой, ты безнадежный хам! — и, с размаху бросив часы, гордо пошел прочь. Часы раскололись и из них выпали пружинки и шестеренки.

Джим удивленно посмотрел ему вслед.

— Чего он так разозлился?— подумал он и решил отыскать Френка, чтобы рассказать ему о случившемся.

Френка он разыскал, но рассказать ничего не успел, так как в толпе раздался крик:

— Мэрлоу! Джим Мэрлоу!

— Капитан Мэрлоу в офисе планетарной службы,— ответил кто-то.

— Нет, не его. Нужен его сын,— ответил первый голос.— Джим Мэрлоу! Срочно подойдите сюда.

— Иду,— крикнул Джим.— Зачем я понадобился?

Он пробрался к выходу. Френк последовал за ним. Человек, вызвавший его, не отвечал до тех пор, пока они не приблизились.

— Вы не поверите этому. Я сам в это не верю. Вас вызывают марсиане.

Джим и Френк торопливо вышли из школы. Перед переходной камерой собралось более дюжины марсиан. Там были Гекко и Г'куро, но среди них не было К'бумкха. Или просто Джим не мог отличить старика, которого считал вождем племени Гекко. Гекко заметил ребят и сказал на доминирующем языке:

— Приветствую Джима Мэрлоу, приветствую Френка Саттона, дружба с которыми скреплена водой.

Из рук-заслонок Гекко донесся другой голос:

— Привет, мальчик Джим!

Виллис, хотя с некоторым опозданием, но удачно справившийся с заданием, вернулся домой.

Другой марсианин что-то прогудел сочным голосом. Гекко выслушал его и спросил:

— Где тот, кто украл нашего маленького друга?

Джим, плохо знающий доминирующий язык, не был уверен, что понял правильно и переспросил:

— Что?

— Он хочет знать, где Хове,— сказал Френк и бегло ответил на довольно правильном марсианском языке. Хове все еще сидел в своем убежище, хотя ему несколько раз предлагали выйти, потому что боялся встретиться с Келли.

Гекко показал, что хочет войти в здание. Мальчики удивились, но провели его внутрь. Чтобы пройти в переходную камеру, Гекко был вынужден сложиться, но он справился с этим, приняв форму смятого цилиндра. Внутри его появление вызвало сенсацию, сравнимую с введением слона в церковь. Люди расступились перед ним, освобождая дорогу.

Дверь, ведущая в офис, была даже более узкая, чем в переходной камере, но Гекко протиснулся через нее. Джим и Френк прошли следом. Гекко передал Виллиса Джиму и осторожно ощупал дверь кабинета Хове руками-заслонками. Внезапно он потянул, и дверь отошла, слетев с петель, хотя замок остался целым. Он присел и заполнил собой дверной проем.

Мальчики посмотрели друг на друга, а Виллис закрылся. Они услышали голос Хове.

— Что все это значит? Кто...

Затем Гекко освободил дверной проем, выпрямился, насколько ему позволяла комната, предназначенная для людей, и пошел к выходу. Мальчики мгновение колебались.

— Давай посмотрим, что он с ним сделал,— предложил Френк, шагнул к сломанной двери и заглянул в кабинет.— Я не вижу его. Эй, Джим... здесь вообще никого нет.

На самом деле, никого не было.

Обескураженные мальчики побежали догонять Гекко и настигли его в переходной камере. Никто не пытался остановить Гекко; никто не пытался остановить ребят. Люди, выполняя первый закон колонистов относительно марсиан, расступались перед ними, освобождая проход. Выйдя из переходной камеры, Гекко повернулся к мальчикам.

— Где другой, который хотел повредить маленького друга?

Френк объяснил, что Бичер находится в другом месте, на некотором расстоянии от школы.

— Вы покажете нам,— объявил Гекко и поднял мальчиков. Другой марсианин подошел и помог ему, забрав Френка.

Джим почувствовал убаюкивающее покачивание, какое, вероятно, чувствовал и Виллис на руках у Джима. Виллис выставил стебельки глаз, осмотрелся вокруг и заметил:

— Хорошо ехать, да?

Джим не был уверен в этом.

Марсиане неторопливым шагом двигались по городу, но их скорость, тем не менее, составляла восемь миль в час. Они перешли через мост и подошли к офису планетарной службы. Переходная

камера здесь была выше и больше, чем в школе, и в нее вошла вся группа. Потолок фойе в здании был достаточно высок даже для самых больших марсиан. Как только они вошли внутрь, Гекко опустил Джима на пол. Марсианин, несущий Френка, сделал то же самое.

Увидев марсиан, люди были так же поражены, как и в школе. Мак-Рэй вышел и спокойно оценил ситуацию.

— Что здесь за заварушка?— спросил он.

— Они хотят поговорить с Бичером,— объяснил Френк.

Мак-Рэй поднял брови и заговорил на чистом марсианском языке. Ему ответили. Так они беседовали некоторое время.

— Хорошо, я приведу его,— согласился Мак-Рэй, а потом перевел это на марсианский. Он ушел в кабинет и через несколько минут вернулся, толкая перед собой Бичера. За ними вышли Рэвлингс и Мэрлоу.— Вас хотят увидеть люди,— сказал Мак-Рэй и толкнул Бичера так, что его вынесло на середину фойе.

— Это он?— спросил представитель марсиан.

— Воистину он.

Бичер посмотрел на них.

— Что вам от меня надо?— спросил он на английском. Марсиане придвинулись и окружили его со всех сторон.— Отойдите от меня!— крикнул Бичер. Марсиане продолжали двигаться, медленно сжимая круг. Бичер попытался выбраться из него, но на его пути встали руки-заслонки.

Они продолжали сближаться. Бичер метался по кругу, делая попытки выбраться из него в разных местах, но у него ничего не получилось, и вскоре он совершенно скрылся из виду за стеной из рук и тел марсиан.

— Выпустите меня!— услышали они его крик.— Я ничего вам не сделал. Вы поняли неправильно...— его голос перешел в пронзительный крик.

Круг расширился и распался. Внутри ничего не было, даже пятнышка крови на полу.

Марсиане направились к двери, а Гекко остановился и спросил Джима:

— Ты вернешься к нам, мой друг?

— Нет... О нет,— ответил Джим.— Я останусь здесь,— он перевел свой ответ на марсианский.

— И маленький друг?

— Виллис останется со мной. Виллис, я правильно говорю или нет?

— Конечно, мальчик Джим.

— Тогда скажи это Гекко.

Виллис исполнил просьбу. Гекко грустно попрощался с мальчиком и Виллисом и вышел в переходную камеру.

Мак-Рэй и Рэвлингс начали шептаться между собой, обсуждая вопрос, куда делся Бичер и где он был виден в последний раз; сонный и смущенный капитан Мэрлоу прислушивался к разговору.

— Уйдем отсюда, Джим,— сказал Френк.

— Согласен.

Марсиане еще не ушли. Гекко увидел выходящих мальчиков, что-то сказал одному из своих сородичей и затем обратился к ним:

— Где тот, кто выучил наш язык? Мы хотим поговорить с ним.

— Я думаю, им нужен доктор,— сказал Френк.

— Они это имели в виду?

— Мне так кажется. Мы позовем его,— они вернулись назад и разыскали Мак-Рэя в группе возбужденных людей.— Док,— сказал Френк,— они хотят поговорить с вами... марсиане.

— Что?— спросил Мак-Рэй.— Почему со мной?

— Я не знаю.

Доктор повернулся к Мэрлоу:

— Что скажете, Шкипер? Вы не хотите принять участие в этом заседании?

Мэрлоу потер лоб.

— Нет, я все равно не понимаю их языка. Займитесь этим сами.

— Хорошо.

Мак-Рэй сходил за своим костюмом и маской и не стал возражать, когда мальчики помогли ему одеться и последовали за ним. Как бы то ни было, выйдя из переходной камеры, ребята остановились и стали наблюдать за происходящим с некоторого расстояния.

Мак-Рэй подошел к группе марсиан и обратился к ним. Голоса аборигенов прогудели в ответ. Он вступил в группу, и мальчики могли видеть, как он говорит с ними, отвечает на вопросы и жестикулирует руками. Совещание продолжалось довольно долго.

Наконец Мак-Рэй утомленно опустил руки. Голоса марсиан прогудели прощание, и вся группа неспешным шагом, но очень быстро перешла мостик и направилась в свой город. Мак-Рэй медленно вернулся назад.

В переходной камере Джим спросил:

— Что им было надо, док?

— Что? Помолчи, сынок.

Войдя в фойе, Мак-Рэй взял за руку Мэрлоу и повел в кабинет, который они заняли.

— Рэвлингс, идемте с нами. Оставьте свои дела,— мальчики следовали за ними, и Мак-Рэй разрешил им войти: — Вы тоже можете слушать, так как по уши влезли в это дело. Джим, позаботься о двери. Не давай никому ее открывать.

— Что все это значит?— спросил отец Джима.— И почему вы такой мрачный?

— Они хотят, чтобы мы ушли.

— Ушли?

— Оставили Марс. Совсем ушли, ушли на Землю.

— Что? Почему они нам это предлагают?

— Это не предложение, а приказ, ультиматум. Они даже не дали нам времени, чтобы вызвать сюда корабли с Земли. Они хотят, чтобы ушли все, каждый человек — мужчины, женщины и дети. Они хотят, чтобы мы ушли немедленно — и они не шутят!

14. ВИЛЛИС

Спустя четыре дня доктор Мак-Рэй ввалился в кабинет. По сравнению с утомленным Мэрлоу Мак-Рэй был просто измучен.

— Удалите всех отсюда, Шкипер.

Мэрлоу отпустил людей и закрыл дверь.

— Ну?

— Вы получили мое сообщение?

— Да.

— Провозглашение Автономии написали? Люди его поддерживают?

— Да, написали. Мы взяли за основу Американскую Декларацию Независимости. Я боялся, что у нас ничего не получится, но все-таки мы написали.

— Стилистика меня не интересует! Как к ней отнеслись люди?

— Провозглашение ратифицировано. Это не составило труда. Нас немного беспокоили люди из лагерей Проекта, но и они поддержали нас. Я думаю, мы должны поблагодарить за это Бичера: он сделал так, что теперь все принимают независимость как нечто само собой разумеющееся.

— Мы ничего не должны Бичеру! Он чуть не угробил нас всех.

— Вы сделали все, что хотели?

— Я расскажу вам, но сначала хочу узнать о Декларации. Вы выполнили мою просьбу?

— Да, прошлой ночью мы передали ее в Чикаго, но еще слишком рано ждать ответ. Позвольте и мне спросить вас: вы действовали удачно?

— Да,— Мак-Рэй устало потер глаза.— Мы можем остаться. «Это был великий бой, Моо, но я его выиграл». Они разрешили нам остаться.

Мэрлоу поднялся и вставил ленту в магнитофон.

— Вы не хотите это записать, чтобы больше к этому вопросу не возвращаться?

— Нет. Мой официальный отчет должен быть очень внимательно отредактирован. Я постараюсь, чтобы вы первый услышали

его,— он задумался и выдержал паузу.— Джеймс, как давно человек впервые высадился на Марсе? Около пятидесяти земных лет или больше? Кажется, за последние несколько часов я узнал о марсианах больше, чем за все это время. И в то же время я совершенно ничего не знаю о них. Мы пытались думать о них, как о людях, пытались впихнуть их в наши рамки. Но они не люди; они вообще ничем не похожи на нас,— он подумал и добавил: — Миллионы лет назад они уже совершали межпланетные полеты... совершали и совершают до сих пор.

— ЧТО?— спросил Мэрлоу.

— Это не самый важный вопрос. Это только одна деталь из того, что я узнал из разговора со стариком, с которым разговаривал Джим. Но он вообще не марсианин.

— Подождите минутку — кто же он тогда?

— О, я полагаю, что он абориген Марса, здесь все нормально. Но он не марсианин в том смысле, какой мы вкладываем в это слово. В конце концов, он не видел меня, как другие.

— Как же он видел? Опишите его.

Мак-Рэй озадаченно посмотрел на Мэрлоу.

— Ох, я НЕ МОГУ. Возможно, каждый из нас, Джим и я, видели то, что хотел он. Не обращайте внимания. Виллис скоро вернется к марсианам.

— Конечно,— ответил Мэрлоу,— Джиму это не понравится, но если они хотят... это будет не самая высокая цена...

— Вы не понимаете, вы вообще ничего не понимаете! Виллис является ключом ко всей проблеме.

— Конечно, он был впутан в это дело,— согласился Мэрлоу,— но почему вы считаете, что он — ключ ко всему?

Мак-Рэй потер виски.

— Все это очень сложно, и я не знаю с чего начать. Виллис — очень важное звено. Послушайте, Джеймс, нет никакого сомнения, что вы войдете в историю как отец страны. но Джим, между нами, должен быть записан в ней как наш спаситель. Это благодаря Джиму и Виллису — любви Виллиса к Джиму и верности Джима, которая помогла ему,— колонисты еще живы сегодня, а не лежат под цветущими маргаритками. Они намеревались истребить нас, но благодаря Джиму пошли на уступки и выдвинули ультиматум.

Челюсть Мэрлоу отвисла.

— Но это невозможно! Марсиане не могут сделать ничего подобного!

— Могут и сделали бы,— вяло констатировал Мак-Рэй.— Они долгое время сомневались в отношении нас. Намерение Бичера отправить Виллиса в зоопарк переполнило их терпение — отношение Джима к Виллису снова уравновесило положение. Они пошли на компромисс.

— Я не могу поверить, что они могли,— возразил Мэрлоу,— да и не вижу, как бы они смогли сделать это.

— ГДЕ БИЧЕР?— грубо спросил Мак-Рэй.

— Ммм... да.

— Тогда не говорите относительно того, что они могут, а что нет. Мы ничего не знаем о них... вообще ничего.

— Я не могу спорить с вами, но вы могли бы прояснить некоторые тайны относительно Джима и Биллиса? Почему они о нем так беспокоятся? В конце концов, Виллис обычный прыгун.

— Я не думаю, что смогу прояснить это,— признался Мак-Рэй,— зато могу выдвинуть теорию. Вы знаете марсианское имя Виллиса? Вы знаете, что оно означает?

— Я даже не знал, что у него есть...

— Оно означает «В ком соединяются надежды мира». Это наводит вас на какую-нибудь мысль?

— Боже мой, нет.

— Я мог перевести это не совсем точно. Возможно, оно означает: «Многообещающая молодежь» или просто «Надежда». Может быть, марсиане, как и мы, не задумываясь, вкладывают в имя поэтический смысл. Например, возьмите мое имя — Дональд. Оно означает «правитель мира». Мои родители наверняка не знали этого. А может, марсиане получают удовольствие, давая прыгунам экстравагантные имена. Я знал одного китайского мопса, которого, поверите или нет, называли «Великий Маньчжурский Принц Победитель Бельведера». — Мак-Рэй вдруг удивленно посмотрел на Мэрлоу.— Вы знаете, я вспомнил, что в кругу семьи собаку называли — Виллис!

— Вы не договорили!

— Я скажу,— доктор почесал щетину на своем подбородке и попытался вспомнить, когда он брился в последний раз.— Но это не совпадение. Полагаю, для Джима на первом месте стоит имя Виллис. Я подумал о китайском мопсе; это был маленький симпатичный дьяволенок с моргающими глазками; он смотрел на вас так, словно Виллис, — наш Виллис. Кто сказал, что ни одно из имен Виллиса ничего не значит?

Он сидел и ничего не говорил так долго, что Мэрлоу не выдержал.

— Вы почти ничего не прояснили. Как вы думаете, настоящее имя Виллиса означает что-нибудь или нет? Вы так и не сказали этого.

Мак-Рэй внезапно поднялся.

— Я скажу. Я действительно скажу. Я думаю, имя Виллиса имеет буквальное значение. Теперь подождите минутку — не отвлекайте меня. Кажется, до меня дошел настоящий смысл. Как ВЫ думаете, что такое Виллис?

— Я?— спросил Мэрлоу.— Я думаю, он является представите-



лем экзотической марсианской ФАУНЫ, в какой-то степени смышленым и приспособившимся к окружающей обстановке.

— Высокомерное мнение,— посетовал доктор.— Я думаю, он — то, кем были все марсиане, прежде чем стали взрослыми.

Мэрлоу скривился, как от зубной боли.

— Нет совершенно никакого сходства структур. Они так же различны, как мел и сыр.

— Допустим. Но какое сходство между гусеницей и бабочкой?— Мэрлоу открыл рот и снова закрыл.— Я не виню вас,— продолжал Мак-Рэй.— Мы никогда не связывали такие метаморфозы с высшими существами, какими бы эти высшие существа ни были. Но я именно так думаю о Виллисе, и это объясняет, почему Виллис возвращается к своему народу. Сейчас он находится в стадии нимфы; скоро он перейдет в стадию куколки — некий вид долгой зимней спячки. Когда он выйдет из этой стадии, то станет марсианином.

Мэрлоу пожевал губу.

— В этом нет ничего нелогичного — но это поразительно.

— Все, что касается Марса,— поразительно. Но если моя теория правильна — имейте в виду, что я не утверждаю это,— то она может объяснить, ПОЧЕМУ Виллис является таким важным персонажем в нашей истории. Да?

— Вы сказали мне слишком много, чтобы все усвоить за один раз,— устало сказал Мэрлоу.

— Постарайтесь превзойти себя. Я не закончил. Я думаю, марсиане имеют еще одну стадию, стадию «старика», с которым я говорил,— и, по-моему, это самое странное. Джеймс, можете вы представить себе человека, который имеет ежедневную устойчивую связь с Небом — ИХ небом — как, скажем, связь между Соединенными Штатами и Канадой?

— Док, теперь я уже могу вообразить все, что вы мне скажете.

— Мы говорили о марсианском «другом мире»; эти слова что-нибудь значат для вас?

— Ничего. Это что-то наподобие транса, в какой впадают индусы.

— Я спросил вас потому, что они говорили о нем как о представителе «другого мира» — я имею в виду старого марсианина. Джеймс, я думаю, что я вел переговоры и заключил новый договор о колонизации с ДУХОМ. А теперь не упадите со стула,— продолжал Мак-Рэй.— Я скажу вам, почему так думаю. Он совсем не понял меня, когда я переменил тему. Мы все время говорили на английском, но его умственное развитие было на уровне умственного развития Джима. Он знал каждое слово, которое должен знать Джим, и ни одного из тех, что Джим не может знать. Ради интереса, я попросил его предположить, что нам разрешено остаться,

и спросил — позволят ли марсиане в этом случае воспользоваться нам их системой подземки. На это совещание я сам ехал в подземке; талантливо сделана — постоянное ускорение, словно комната установлена на ролики и катится вниз. Старый марсианин затруднялся понять, что я хочу. Затем он показал мне глобус Марса — он был выполнен очень натурально, за исключением того, что на нем не было каналов. Точно так же, как и с Джимом, со мной был Гекко. Между стариком и Гекко возник спор, суть которого сводилась к выяснению, В КАКОМ ГОДУ Я НАХОЖУСЬ. Потом на моих глазах глобус постепенно изменился. Я видел, как каналы ползут по поверхности Марса. Джеймс, Я ВИДЕЛ, КАК ОНИ СТРОИЛИСЬ.— Теперь я спрошу вас,— закончил он,— какое существо станет вспоминать, в каком тысячелетии оно живет? Будете вы возражать, если я стану называть его духом?

— У меня вообще нет никаких возражений,— заверил его Мэрлоу.— Возможно, мы все — духи.

— Я выдвину еще одну теорию, Джеймс; прыгуны, марсиане и старики — совершенно разные расы. Прыгуны относятся к третьему классу горожан, марсиане — ко второму классу горожан, а настоящих хозяев мы никогда не видели, потому что они живут глубоко под землей. Их не волнует, что и как мы делаем с поверхностью. Мы можем пользоваться парком, можем даже ходить по газонам и мять траву, но мы не должны пугать птиц. Или, может, старый марсианин появился в результате гипноза, который оказал на меня Гекко, и, возможно, на Марсе живут только прыгуны и марсиане. Ответьте мне.

— Я не могу вам ничего ответить,— сказал Мэрлоу.— Я вполне удовлетворен тем, что вы справились со своей задачей и пришли к соглашению, которое позволяет нам остаться на Марсе. Я полагаю, пройдут годы, прежде чем мы поймем марсиан.

— Вы выразились слишком мягко, Джеймс. Прошло пятьсот лет после открытия Колумбом Америки, и человек все еще пытается понять американских индейцев, а индеец и европеец — оба ЛЮДИ, похожие, как две горошины. А здесь — МАРСИАНЕ. Мы никогда не поймем их; мы даже не представляем себе, в каком направлении нам двигаться, чтобы их понять,— Мак-Рэй поднялся.— Я хочу принять ванну и немного поспать... а потом я встречусь с Джимом и поговорю о Виллисе.

— Минутку, док. Вы думаете, у нас действительно могут возникнуть неприятности с провозглашением автономии?

— Я добьюсь провозглашения. Отношения с марсианами в десять раз щекотливее, чем мы думали раньше. Попытайтесь вообразить, что решение, от которого зависит ваша жизнь, будет приниматься на Земле, среди членов правления, никогда в жизни даже НЕ ВИДЕВШИХ марсиан.

— Я не это имел в виду. Какое сопротивление нам придется преодолеть?

Мак-Рэй снова почесал свой подбородок.

— Человеку и раньше приходилось драться за свою свободу, Джеймс. Я не знаю. Мы должны убедить население, что автономия необходима. С существующей на Земле проблемой питания и перенаселения они сделают все необходимое, чтобы сохранить нас здесь и продолжить миграцию. Когда-нибудь они осознают, из-за чего мы поднялись против. Они не захотят провалить Проект.

— Надеюсь, вы правы.

— Я слишком долго был прав. Мы поставим марсиан в свою упряжку. Ладно, я пойду передам новости Джиму.

— Ему они не понравятся,— сказал отец Джима.

— Ему придется через это пройти. Вероятно, он найдет другого прыгуна, научит его английскому языку и тоже назовет его Виллисом. Затем он вырастет и больше не станет держать прыгунов для своей забавы. Осталось недолго,— он задумчиво повернулся и добавил: — Но кем станет Виллис? Хотел бы я знать.


РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН
ФЕРМЕР
В
НЕБЕ



1. ЗЕМЛЯ

Днем наша группа была наверху, в Сьерре, и мы вернулись поздно. Мы вовремя вышли из полевого лагеря, но служащий из контроля движения направил нас на восток из-за какой-то непогоды. Это мне не подходило. Папа по большей части ничего не ел, когда меня не было.

Кроме того, мне вместо второго пилота всучили какого-то новичка; мой постоянный второй пилот и заместитель руководителя группы был болен, и мистер Кински, наш руководитель, подсунул мне этого типчика. Мистер Кински полетел в другом вертолете с группой «Пума».

— Почему ты не вставишь себе зуб?— поинтересовался типчик.

— Ты когда-нибудь слышал о правилах дорожного движения?— спросил я его.

В вертолете всегда включалась автоматика; он управлялся с Земли и полз в кильватере грузовика, как ему и было предписано.

Типчик рассмеялся.

— Ты всегда можешь сымитировать несчастный случай. Тут... внимание!— он включил микрофон.— Волк *-восемь-три вызывает службу...

Я отключился и тотчас же включился снова, когда ответили из службы контроля движения. Я объяснил, что вызов был ошибочным. Типчик презрительно посмотрел на меня.

— Молокосос!— сладеньким голосом произнес он.

Именно этого ему не следовало делать.

— Иди вниз,— сказал я,— и скажи Слейту Кайферу, чтобы он поднялся сюда.

— Зачем? Он же не пилот.

— Если ты меня спросишь, то я скажу, что ты тоже не пилот. Но он весит столько же, сколько и ты, а я должен держать этот ящик в равновесии.

Он откинулся назад.

— Папаша Кински назначил меня вторым пилотом. Я остаюсь здесь.

Я сосчитал до десяти и смолчал. Пилотская кабина вертолета — не подходящее место для драки. Мы больше не говорили друг с другом, пока я не опустил машину на посадочную площадку Норт-Диего и не отключил дюзы ротора.

Я, конечно, вылез последним. Мистер Кински ожидал нас, но я не видел его. Я видел только этого типчика. Я схватил его за плечо.

— Может быть, ты еще раз повторишь свою шутку?— спросил я его.

Мистер Кински появился словно из-под земли, прошел между нами и сказал:

— Билл, что это все значит?

— Я...— я хотел сказать, что я должен вытряхнуть этого типчика из его шкуры, но потом передумал.

Мистер Кински повернулся к типчику.

— Что произошло, Джонс?

— Я ничего не сделал. Спросите у остальных.

Я тоже хотел ответить, что о случившемся нужно сообщить в союз пилотов. Бунт в воздухе — серьезное дело. Но это «спросите у остальных» заставило меня смолчать. Никто ничего не видел и не слышал.

---

* «Волки», «Орлы» — названия отрядов различных ступеней в организации скаутов.

Мистер Кински посмотрел на нас обоих, потом сказал:

— Построй свою группу, Билл, и отправь ее по домам.

Я так и сделал, после чего сам отправился домой.

По возвращении я очень устал и нервничал. Я слышал сообщения во время полета. Они были неутешительными. Рационы сократили еще на десять калорий — ко всему прочему, я был голоден и вспомнил о том, что пришел слишком поздно, чтобы поужинать вместе с отцом. Далее в новостях передали, что новый космический корабль «Мейфлауэр» уже готов, и составляются полетные списки переселенцев. «Как им хорошо,— подумал я.— Никаких скудных рационов, никаких типчиков джонсов».

Новая, с иголочки, планета.

Джордж — мой отец — сидел в столовой и просматривал какие-то бумажки.

— Ну, Джордж,— сказал я.— Ты еще не ел?

— Хелло, Билл, еще нет.

— Я уже все закончил,— я заглянул в холодильник и увидел, что в обед он ничего не ел. Я решил дать ему добавочную порцию.

Я взял два синто-бифштекса из холодильника и бросил их в быстроразмораживающее устройство, добавил пару печеных картофелин *для папы и одну для себя, потом взял пакет с салатом*, который оставил медленно оттаивать.

Когда я залил суповые и кофейные кубики кипятком, бифштексы уже можно было жарить. Я положил их на решетку жаровни, установил автоматику на «бифштекс с кровью» и достал из холодильника немного мармелада на десерт.

Картофель был готов, и, бросив взгляд на свою таблицу рациона, я добавил пару кусочков маргарина. Раздался сигнал. Я вытащил бифштексы, накрыл стол и зажег свечи, как это всегда делала Энни.

— Иди ешь,— позвал я и быстро вписал число калорий в таблицу рациона, прежде чем бросить упаковку в мусоропровод.

Папа вошел, я тоже уже был готов. Вся эта процедура длилась две минуты двадцать секунд. Стряпня — это действительно что-то забавное. Я не могу себе представить, почему некоторые женщины поднимают из-за этого столько шума — вероятно, у них нет никакой системы.

Папа понюхал бифштекс и усмехнулся.

— Мальчик, мальчик, ты когда-нибудь сделаешь нас банкротами.

— Не бойся,— сказал я.— У меня в этом месяце еще есть остаток,— я наморщил лоб.— Если в следующем квартале сократят рацион, вот тогда уже хуже.

Папа опустил вилку с нанизанным на нее куском бифштекса.

— Опять,— сказал я.— Еще раз, Джордж, и не понимаю зачем.

Мы собрали хороший урожай, а в Монтане пущена новая дрожжевая фабрика.

— Ты в курсе всего этого, Билл?

— Конечно.

— Тогда ты, конечно, знаешь о результатах последней переписи в Китае. Тебе надо только ненадолго взять в руки калькулятор.

Я знал, что он имеет в виду, и бифштекс мой вдруг приобрел вкус старой резиновой подметки. И как можно пользоваться системой распределения, если в соседнем полушарии такие попытки были сразу же дискредитированы?

— Эти тупые китайцы должны производить на свет как можно меньше детей и сами себя обеспечивать продовольствием.

— Все должно быть распределено по справедливости, Билл.

— Но...— я замолчал. Джордж был прав, как всегда, но справедливость представлялась мне сомнительной.— Ты слышал о «Мейфлауэре»?— спросил я его, чтобы сменить тему.

— А что с «Мейфлауэром»?— голос папы вдруг стал каким-то осторожным, и это удивило меня. Со времени смерти Энни — моей матери — у нас с папой не было друг от друга никаких тайн.

— Он уже готов. Теперь начнут отбирать переселенцев.

— В самом деле?— снова этот осторожный тон.— Что ты сегодня делал?

— Ничего особенного. Пятимильный вылет из лагеря. Мистер Кински проверил пару новинок. Я видел одного горного льва.

— Правда? А я думал, что их больше не осталось в живых.

— А я всегда думал, что в живых остался хотя бы один.

— Ну, значит, ты был прав. Что еще?

Я поколебался, потом рассказал ему об этом типчике Джонсе.

— Он прежде не был в нашей группе. Как только ему пришло в голову вмешаться в управление вертолетом?

— Ты все сделал правильно, Билл. Кажется, что типчик, как ты его называешь, еще слишком зелен для того, чтобы получить права на управление вертолетом.

— Но он старше меня на целый год.

— В мое время человеку должно было исполниться шестнадцать, прежде чем он мог заявить о себе.

— Времена меняются, Джордж.

— Да, тут ты прав, тут ты прав.

Теперь папа казался печальным, и я понял, что он думает об Энни. Я поспешно спросил:

— Неважно, сколько ему лет. Я просто не могу понять, как он выдержал тест на твердость характера?

— Психологические тесты неточны, Билл. Они так же мало точны, как и люди,— папа откинулся в кресле и раскурил трубку.— Нужно ли мне сматываться сегодня вечером?

— Нет, спасибо,— он спрашивал это всегда, и я всегда отклонял это предложение. Если я делаю все чисто, то он — основательно.— Сыграем в криббедж?

— Хорошо. Я обдеру тебя до нитки.

— Ничего у тебя не выйдет,— я убрал со стола, бросил тарелки в мусор и последовал за ним в гостиную. Он взял доску и вытащил карты.

Но мысли его были далеко от игры. У меня были все преимущества перед ним, когда он положил карты и взглянул на меня.

— Мальчик мой...

— А? Я хочу сказать — что, Джордж?

— Я решил отправиться на «Мейфлауэре».

Я выронил доску для криббеджа. Затем встал, откашлялся и сказал: — Вот это класс! Когда же мы летим?

Папа еще сильнее затянулся трубкой.

— Это еще не все, Билл. Ты со мной не летишь.

У меня перехватило дыхание. Папа еще никогда не поступал со мной так. Я просто сидел и глотал воздух. Наконец я выдохнул.

— Папа, это шутка!

— Нет, мой мальчик.

— Но почему? Скажи мне только одно — почему?

— Теперь выслушай меня, мой мальчик.

— Называй меня просто Билл.

— Ну, хорошо, Билл. Все будет просто великолепно, если на риск пойду я и начну новую жизнь в колонии, но у меня нет никакого права портить и т в о ю жизнь. Ты должен сначала закончить свое образование. На Ганимеде нет приличных школ. Ты сначала закончишь свою школу, и, когда подрастешь, ты всегда сможешь перебраться ко мне.

— И это основание? Это единственное основание? Чтобы я мог ходить в ш к о л у?

— Да, ты останешься здесь, пока не сдашь выпускные экзамены. Если у тебя все еще будет желание, ты можешь полететь вслед за мной позднее. Тебе это сразу же разрешат. Родственники переселенцев имеют преимущество.

— Нет!

Папа остался непреклонен.

Я, конечно, тоже.

— Джордж, я говорю тебе, что тебе вообще нет никакого смысла оставлять меня здесь. Я уже теперь могу сдать на права гражданина Третьей степени. Потом я приобрету разрешение на получение работы и...

Он прервал меня.

— Тебе не надо никакого разрешения на получение работы, Билл. Я оставлю тебе достаточно денег...

— Достаточно денег! Ты думаешь, что я прикоснусь к твоему кредиту, когда ты улетишь и бросишь меня здесь на произвол судьбы? Я буду жить на стипендию, пока не сдам экзамены, а потом я приобрету разрешение на получение работы...

— Тише, сынок,— продолжил папа.— Ты гордишься тем, что ты скаут, не так ли?

— Как... да, конечно!

— Я должен напомнить тебе, что скаут должен быть послушным. И вежливым.

Это был жестокий удар. Мне пришлось задуматься.

— Джордж...

— Да, Билл?

— Мне очень жаль, я был груб. Но законы скаутов созданы не для того, чтобы скаута можно было легко убрать с дороги. С тех пор, как я живу с тобой, я делаю все, что ты мне велишь. Но если ты оставишь меня одного, у тебя больше не будет никаких прав на меня. Порядочно это или нет?

— Это разумно, мальчик. Я же хочу тебе только добра.

— Не увиливай от спора, Джордж! Порядочно это или нет? Думаешь, что можешь распоряжаться моей жизнью, находясь за сотни миллионов миль отсюда? Я должен сам встать на ноги.

— Я все еще твой отец.

— Отец и сын должны держаться друг за друга. Насколько я знаю, отцы брали своих сыновей в первое плавание «Мейфлауэра».

— Но это нечто совсем другое.

— Почему?

— Наше путешествие намного дальше и опаснее.

— Путешествие в Америку тоже когда-то было опасным — половина колонистов в Плимут-Рок * умерла в первую же зиму. Это знает каждый ребенок. И расстояние не значит вообще ничего. Важно только то, сколько времени нам понадобится, чтобы преодолеть его. Если я отправлюсь пешком сегодня после обеда, на следующий месяц я все еще буду в пути. Отцам-основателям понадобилось шестьдесят три дня, чтобы пересечь Атлантику,— во всяком случае, нас так учили. В новостях недавно говорили, что «Мейфлауэр» достигнет Ганимеда за шестьдесят дней. Теперь Ганимед ближе, чем раньше был Плимут-Рок.

Папа встал и выбил трубку.

— Я не буду спорить с тобой, мой мальчик.

— А я не лечу с тобой,— я глубоко вдохнул воздух. Может быть, мне лучше было бы ничего не говорить, но я был в ярости. Со мной еще никогда так не поступали, и мне показалось, что я должен возразить.

---

* Плимут-Рок — место высадки первых колонистов-англичан в Америке.

— Я могу сказать тебе только одно. Ты не единственный, кто по горло сыт рационом. Если ты думаешь, что я останусь здесь, в то время как ты будешь сидеть там, в колонии, перед полной миской, то ты ошибаешься. Я думаю, мы будем партнерами.

Последняя фраза была бесчестным ударом, и мне стало стыдно. Именно это он сказал мне на следующий день после смерти Энни.

В то же мгновение, как я это произнес, я понял, почему Джордж должен стать переселенцем, и я также понял, что это не имело ни малейшей связи с рационом. Но я не знал, как мне все это высказать.

Папа уставился на меня. Потом он медленно сказал:

— Ты действительно думаешь, что это так? Что я хочу отправиться туда, чтобы мне больше не дрожать над каждым куском еды?

— А что же еще?— ответил я. Я уцепился за этот довод и больше не мог отпустить.

— Гммм... итак, ты думаешь, Билл, что мне нечего на это ответить. Тогда, мне кажется, я могу идти спать.

Я отправился в свою комнату, все еще чувствуя, как я запутался. Мне так необходима была мама, что я почти физически ощущал это, и я знал, что Джордж думает о том же. Она никогда не позволяла нам зайти так далеко, не позволяла нам кричать друг на друга — по крайней мере, я не кричал. Кроме того, наше партнерство будет разрушено, и его больше невозможно будет возобновить.

После душа и длительного массажа я почувствовал себя лучше. Я знал, что в действительности наше партнерство не могло быть расторгнуто. Если папа всерьез поймет, что я должен лететь с ним, он больше не будет настаивать на том, чтобы я сначала окончил школу. Я был убежден в этом — ну да, именно так и должно быть.

Я задумался о Ганимеде.

Ганимед!

При всем этом я ни разу не бывал даже на Луне!

В моем классе был мальчик, который родился на Луне. Его родители все еще жили там. Его они отправили на Землю, чтобы он получил нормальное образование. Он рассказывал, как долго он летел в открытом космосе. Но Луна была отдалена от Земли всего на четверть миллиона миль. До нее можно было добросить камешком. И тамошняя колония зависела от Земли. Там были такие же рационы, как и на Земле. И все они относились к землянам. Но Ганимед!

Другое дело Юпитер — он был отдален от Земли на полмиллиарда миль — немного больше или немного меньше в зависимости от времени года. Разве короткий перелет к Луне можно было сравнить с полетом туда?

Я никак не мог вспомнить, был ли Ганимед третьей или чет-

вертой луной Юпитера. А мне нужно было это знать. В жилой комнате внизу была книга, в которой все это, конечно, было — Эллсуорт Смит «Путешествие по колониям Земли». Я спустился вниз, чтобы взять ее.

Папа не лег спать. Он все еще сидел в комнате и читал.

— О... хэлло,— сказал я и подошел к книжному шкафу. Он кивнул и стал читать дальше.

Книги на месте не было. Я осмотрелся, и папа спросил:

— Ты что-то ищешь, Билл?

Только тогда я обратил внимание на то, что он читал. Я сказал:

— А, ничего. Я не знал, что ты сам ее читаешь.

— Вот это?— он поднял книгу.

— Ладно. Я найду себе что-нибудь другое.

— На, возьми ее. Я ее уже прочитал.

— Ну... хорошо. Большое спасибо.

— Минутку, Билл.

Я задержался.

— Я принял решение, Билл. Я не лечу.

— Что?

— Ты прав, мы — партнеры. Мое место здесь.

— Да, но... Извини, Джордж, мне очень жаль, что я сболтнул о рационах. Я знаю, что ты решился не из-за этого. Причина... ну да, ты просто д о л ж е н улететь отсюда,— я хотел сказать ему, что причиной была Энни, но я боялся, что разревусь, если произнесу ее имя.

— Это значит, что ты остаешься — и заканчиваешь школу?

— Э...— этого я ему не говорил. Я твердо решил тоже переселиться.— Я не это имел в виду. Я хотел сказать, что я знаю, почему ты хочешь улететь, почему ты д о л ж е н улететь.

— Гммм...— он раскурил трубку, сделав это довольно обстоятельно.— Я понимаю. Или, может быть, нет.— Потом он добавил:— Тогда мы все это выразим так, Билл. Наше партнерство не разрушается. Или мы летим вместе, или мы вместе остаемся, или ты решаешь остаться здесь добровольно, чтобы закончить колледж, а потом последовать за мной. Это порядочно?

— Что? А, да, конечно.

— Тогда позже мы еще раз поговорим об этом.

Я пожелал ему доброй ночи и быстро исчез в своей комнате. «Уильям, друг мой,— сказал я сам себе,— теперь ты все это практически устроил — ты только не должен быть таким сентиментальным и должен приступить к тренировкам». Я залез в постель и открыл книгу.

Ганимед был третьей луной Юпитера — теперь я это узнал. Он был больше Меркурия и намного больше, чем наша Луна,— до-

стойная всяческого уважения планета, хотя она и была всего лишь луной. Тяжесть на ее поверхности составляла треть земной тяжести. Итак, я должен был там весить примерно сорок пять фунтов. Впервые человек высадился на Ганимеде в 1985 году *. Это я знал и раньше. Проект изменения атмосферы был начат в 1988 году и продолжался до сих пор.

В книге находился стереоснимок Юпитера, такого, каким он был виден с Ганимеда: круглый, как яблоко, красно-оранжевый, приплюснутый на полюсах. Великолепный. Я заснул, не отрывая взгляда от этого снимка.

В следующие три дня у нас с папой не было никакой возможности поговорить, потому что я вместе со всем классом во время урока географии задержался в Антарктиде. Я вернулся домой с обмороженным носом и парой снимков резвящихся пингвинов. К этому времени я изменил свое мнение. Потому что у меня было достаточно времени для размышлений.

Как я и ожидал, папа снова напутал в таблице рационов, но он, по крайней мере, не закрыл коробки, и потребовалось совсем немного времени, чтобы все снова привести в порядок. После ужина мы сыграли две партии, а потом я сказал:

— Послушай, Джордж...

— Да?

— Ты знаешь, о чем мы должны с тобой поговорить?

— Да.

— Дела обстоят так. Я все еще несовершеннолетний. Я не могу стать переселенцем, если ты мне этого не позволишь. Мне будет лучше, если ты это сделаешь, но если ты не захочешь, я останусь в школе. Но ты не должен так делать — ты знаешь почему. Я прошу тебя, чтобы ты еще раз все хорошенько обдумал, но если ты меня не возьмешь, я не буду плакать.

Папа казался прямо-таки смущенным.

— Это были только разговоры, сынок! Значит, ты готов остаться здесь, ходить в школу и не противиться мне?

— Ну, не совсем «готов», но я ничего не буду предпринимать против.

— Спасибо.

Папа покопался в кармашке своего пояса и достал из него плоскую фотографию.

— Взгляни на это.

— Что это?

— Копия предложения о переселении. Я получил ее два дня назад.

---

* Тут Хайнлайн сильно ошибся. Напоминаю, что роман этот был издан в 1950 году. *Прим. пер.*

2. ЗЕЛЕНОГЛАЗОЕ ЧУДОВИЩЕ

В течение следующих двух дней я был не особенно прилежен в школе. Папа предупредил меня, чтобы я не волновался — в конце концов, наши кандидатуры еще не были утверждены.

— Ты должен знать, Билл: на одно место в корабле претендует более десяти кандидатов.

— Но многие из них хотят переселиться на Венеру или на Марс. Ганимед — это слишком далеко; все трусы здесь отпадают.

— Я говорю не о кандидатах в другие колонии: я имею в виду кандидатов в колонию на Ганимеде — и в особенности на первый рейс «Мейфлауэра».

— Несмотря на это, особенно не беспокойся. Почти все останутся, так как пригодным для полета будет признан только один из десяти.

Папа кивнул. Он сказал, что такое происходит не в первый раз; что сначала попытаются отобрать для колонии лучших людей, вместо того, чтобы использовать колонии в качестве места ссылки неудачников, преступников и бездельников, как это было раньше. Потом он добавил:

— Но, смотри, Билл, как ты считаешь, мы оба относимся к этим лучшим? Ни одного из нас нельзя назвать суперменом.

Это снова вернуло меня на твердую почву. Мысль о том, что мы окажемся для них недостаточно хороши, еще ни разу не приходила мне в голову.

— Джордж, они же не могут отвергнуть нас?

— Могут и, вероятно, отвергнут.

— Но почему? И там, вне Земли, нужны инженеры, а ты относишься к лучшим специалистам. Я... я хотя и не гений, но в школе я не из самых последних. Мы оба здоровы, и у нас нет никаких опасных мутаций; у нас нет ни дальтонизма, ни гемофилии, ни чего-нибудь еще, подобного этому.

— Никто не признается в наличии опасных мутаций,— отрезал папа,— но я должен добавить, что нам довольно трудно определить наших настоящих предков. Я тоже никогда не думал о таких очевидных вещах.

— Что же теперь? Какой же пост они должны занимать, чтобы отвергнуть нас?

Папа плотно набил свою трубку; он всегда делал так, когда не мог ответить немедленно.

— Билл, когда я создаю новую легированную сталь для различных деталей и конструкций, не могу же я сказать: «Вот прекрасный блестящий металл — это то, что нам нужно». Нет, я подвергаю этот сплав великому множеству испытаний, пока наверняка не узнаю, достаточно ли он подходит для тех целей, в которых я

хочу использовать его. Если тебе нужно отыскать людей только для грубой и тяжелой работы в колониях, на кого ты сначала обратишь внимание?

— Ну... Я не знаю...

— Я тоже не знаю. Я не социопсихолог. Но если они говорят, что им требуются здоровые люди с широким кругозором и высокообразованные, тогда это именно то, что я имел в виду, когда говорил, что беру сталь вместо дерева. Я еще долго не узнаю, какой вид стали мне лучше использовать. Может быть, мне даже нужен легированный титан. Итак, лучше не надейся ни на что.

— Но... может быть, мне ничего не надо д е л а т ь?

— Ничего. Если они нас не возьмут, ты должен сказать себе, что ты — хороший кусок стали и что не твоя вина, если им требуется магний.

Все, что сказал папа, конечно, было справедливо, но это меня все же тревожило. В школе я, разумеется не подал и виду. Именно там я рассказал всем, что мы являемся кандидатами на полет к Ганимеду. Если нас постигнет неудача... ну да, теперь мне все это кажется уже немного смешным.

Дюк Миллер, мой лучший друг, был уже готов переселиться.

— Но как же ты сможешь это сделать? — спросил я его.— Позволят ли тебе твои родственники лететь туда?

— Я уже все обдумал,— сказал Дюк.— Мне только нужен взрослый, который согласится быть моим опекуном и заступником. Если ты сможешь подключить к этому своего старика, чтобы он поручился за меня, все будет в порядке.

— Но что на это скажет твой отец?

— Мне это все равно. Он и без этого давно говорит, что в мои годы он уже стоял на собственных ногах. Он говорит, что молодые люди должны быть самостоятельными. Ну какая тебе от этого польза? Ты поговоришь об этом с твоим стариком, лучше всего сегодня же вечером?

Я пообещал ему это, и я это сделал. Папа некоторое время ничего не отвечал. Потом он спросил:

— Ты действительно хочешь, чтобы Дюк полетел с нами?

— Конечно. Это же мой лучший друг.

— Что сказал на это его отец?

— Он его еще не спрашивал — я потом скажу тебе, что ответит на это мистер Миллер.

— Ах так? — сказал папа.— Тогда мы лучше подождем, что ответит мистер Миллер.

— Гм... Джордж, это значит, что ты подпишешь поручительство, если отец Дюка будет согласен?

— Это значит то, что я сказал, Билл,— подождем! Проблема эта, может быть, разрешится сама собой.

— Ну, если Дюку удастся заинтересовать мистера и миссис Миллер, они, может быть, тоже выдвинут свои кандидатуры.

Папа поднял брови.

— У мистера Миллера очень много интересов здесь, на Земле. Я думаю, легче заставить поднять угол Боулдер-Дам *, чем оторвать от Земли мистера Миллера.

— Но ты же отказываешься от своего дела.

— Не от своего дела, а только от своего рабочего места. Свою профессию я беру с собой.

Я увиделся с Дюком в школе на следующий день и спросил, что сказал его отец.

— Забудем об этом,— ответил он.— Наше дело лопнуло.

— Ч т о?

— Мой старик сказал, что только полные идиоты могут думать о том, чтобы лететь на Ганимед. Земля — единственная планета в нашей Солнечной системе, на которой можно жить, и если бы правительство не состояло из сумасшедших мечтателей, они бы не дали ни гроша на этот безумный проект. Нельзя голые скалы превратить в зеленые холмы, сказал мой отец. Он сказал, что все это предприятие обречено на провал.

— Еще вчера ты придерживался другого мнения.

— Тогда я не знал его точки зрения. Не знал его решения. Мой старик хочет взять меня в компаньоны. Как только я окончу колледж, он подключит меня к руководству делом. Он сказал, что ничего не хотел говорить мне до сих пор, чтобы я стал самостоятельным и учился захватывать инициативу в свои руки, но вчера он откровенно сказал мне о своем решении. Как ты это находишь?

— Неплохо, это же ясно. Но что это должно значить: предприятие обречено на провал?

— Он тоже говорил «весьма мило». Итак, мой старик сказал, что просто невозможно поддерживать колонию на Ганимеде. Это опасное положение, которое должно поддерживаться искусственно,— это он сказал буквально,— и однажды эта поддержка исчезнет, тогда вся колония сыграет в ящик. Может быть, тогда мы прекратим бороться с природой.

Мы больше не говорили об этом, потому что начались уроки. Вечером я рассказал об этом папе.

— Что ты скажешь на это, Джордж?

— Гм, это другое дело.

— Что?

— Ну, не лезь в бутылку! Если на Ганимеде что-нибудь выйдет из строя и у нас не будет возможности это отремонтировать, третья луна вернется к своему первоначальному состоянию. Но это

---

* Крупная плотина в США.

не весь ответ. У людей смешная привычка называть «природой» все, к чему они привыкли,— но теперь больше не существует «естественного» окружения; по крайней мере, не в обычном смысле этого слова. С тех пор как человек спустился с деревьев, он изменяет природу. Билл, сколько человек живет в Калифорнии?

— Пятьдесят пять—шестьдесят миллионов.

— Ты знаешь, что первые четыре колонии, основанные здесь, голодали? Это правда! Как же это получилось, что здесь могут жить пятьдесят с лишним миллионов человек и не голодать? При этом я не имею в виду рационы.

Он сам ответил на свой вопрос.

— У нас на побережье есть четыре атомные станции, которые опресняют морскую воду. Мы используем каждую каплю воды Колорадо и каждую снежинку Сьерры. И у нас есть миллионы других способов самообеспечения и различных устройств для этого. Если эти устройства будут уничтожены, скажем, во время сильнейшего землетрясения,— эта страна снова превратится в пустыню. Я сомневаюсь, чтобы можно было эвакуировать такое количество людей. Но об этом мистер Миллер, конечно, не беспокоится. Он рассматривает Южную Калифорнию как свою естественную среду обитания. Запомни одно, Билл. Там, где у людей в руках достаточно массы и энергии,— и они достаточно энергичны, они сами создают себе такие условия, какие им нужны.

С тех пор я больше не обращал внимания на Дюка. Примерно в то же время мы получили приглашение принять участие в тестах, которые должны были помочь выбрать участников полета, и это очень сильно воодушевило нас. Кроме того, Дюк, казалось, изменился — или это я стал другим? У меня в голове был перелет, а он не хотел об этом говорить или, если все же говорил, то превращал это в какую-нибудь шутку, ударявшую меня в самое больное место.

Папа не хотел, чтобы я бросал школу, пока все было не наверняка, но я многое пропустил из-за испытаний и тестов. Тут был обычный медицинский осмотр, конечно, к нему была добавлена пара новых процедур. Например, «g-тест». Я выдержал восемь «g», прежде чем потерял сознание. Это показал тест. Потом были испытания в условиях переменного давления и исследования кровеносных сосудов — им не нужны были люди, у которых была склонность к спазмам сосудов. Было еще много других испытаний и исследований подобного же рода.

Но мы выдержали их все. Потом начались психологические тесты. Это было много хуже, потому что никогда не знаешь, что тебя ожидает. Половину времени вообще не имеешь представления, что тебя проверяют. Все началось с гипноанализов, и это было довольно подло. Откуда тебе знать, что ты выдашь им во сне?

Однажды я бесконечно долго сидел в кабинете одного психиатра, который просил меня прийти к нему. Там также находились двое служащих; когда я вошел, они достали из моего дела листок с данными медицинского и психологического обследования и положили его на стол. Потом один из них, рыжеволосый парень, насмешливо осклабился:

— О'кей, коротышка, садись вон там и жди.

Через некоторое время рыжий взял листок с данными осмотра и стал его читать. Внезапно он глупо усмехнулся, повернулся к другому писарю и сказал:

— Эй, Нед, посмотри-ка на это!

Другой прочитал указанное место и, казалось, тоже нашел его смешным. Я видел, что они наблюдали за мной.

Второй писарь вернулся назад, к своему столу, но потом рыжий подошел к нему с листком моих данных и прочитал что-то из них, но так тихо, что я не смог понять большинства слов. Но то, что я понял, обеспокоило меня.

Закончив, рыжий взглянул на меня и рассмеялся. Я встал и спросил:

— Что это там смешного?

— Тебя это не касается, коротышка,— ответил рыжий.— Сядь на место.

Я подошел к столу и сказал:

— Покажите мне это немедленно!

Второй служащий сунул листок в ящик стола. Рыжий сказал:

— Нед, молокосос хочет посмотреть на это. Почему ты ему не покажешь?

— Мало ли чего он хочет,— произнес другой.

— Да, на самом деле нельзя,— рыжий рассмеялся и добавил: — И он хочет стать храбрым колонистом?

Другой погрыз ноготь своего большого пальца и взглянул на меня.

— Это не так уж и смешно. Мы его, конечно, можем использовать в качестве повара.

Это вызвало у рыжего приступ судорожного хохота.

— Держу пари, он будет великолепно выглядеть в фартуке.

Год назад я, вероятно, врезал бы ему по носу, хотя он был больше и сильнее меня. Слово «молокосос» каждый раз выводило меня из себя. У меня было только одно желание: стереть эту придурковатую усмешку с его физиономии.

Но я не сделал ничего. Я не знаю почему; может быть, это произошло потому, что я был командиром группы «Юкка» — довольно буйной группы. И мистер Кински сказал мне, что хороший командир никогда не будет наводить порядок при помощи кулаков.

Я только обошел вокруг стола и попытался выдвинуть ящик.

Он был заперт. Я посмотрел на обоих присутствующих. Они усмехались. Я был очень серьезен.

— Доктор назначил мне это время,— сказал я,— Но его, кажется, тут нет, и я ухожу. Я свяжусь с ним и условлюсь о встрече в другое время,— я повернулся и ушел.

Я пришел домой и все рассказал Джорджу. Он сказал только, что надеется на то, что я не повредил себе.

Я не условился о встрече в другое время. Вы знаете почему? Это были не служащие. Это были психологи, и мое поведение было запечатлено видео- и звукозаписывающей аппаратурой.

Наконец нас с Джорджем известили о том, что нас приняли и мы можем отправиться на «Мейфлауэре», если обязуемся выполнять устав.

В этот день мне было наплевать на таблицу рационов. Я накрыл настоящий праздничный стол.

Нам прислали брошюру с уставом. «Оплатите все долги»,— было сказано в ней. Это меня не касалось. Кроме полукредита, который я был должен Слэтсу Кайферу, долгов у меня не было. «Заплатите залог пассажира» — об этом позаботится Джордж. «Завершите все текущие дела на законных основаниях» — до сих пор я подчинялся только одному закону — кодексу чести скаута. Там был еще ряд пунктов, но они, в основном, касались Джорджа.

Я также нашел небольшой абзац, который обеспокоил меня.

— Джордж,— сказал я,— тут сказано, что переселение разрешено только семьям с детьми.

Он поднял взгляд.

— А мы разве не семья? Если ты не имеешь ничего против того, чтобы тебя зарегистрировали как ребенка.

— Ах так. Я думал, они имеют в виду женатые пары с детьми.

— Не беспокойся об этом.

Втайне я спросил себя, не отбросил ли папа этот пункт слишком легкомысленно?

Нам сделали прививки, у нас взяли кровь и исследовали ее; я едва успел в школу. Если бы мне не делали инъекции и не брали у меня кровь раньше, мне стало бы плохо от этих процедур. И наконец на наших телах вытатуировали все наши данные, всю историю наших болезней — опознавательный номер, резус-фактор, группу крови, время свертывания крови, естественный иммунитет и количество прививок. Женщинам и девушкам по большей части это делалось бесцветными чернилами, которые становились видимыми только в инфракрасных лучах, или данные эти татуировались у них на подошвах.

Меня тоже спросили, не предпочитаю ли я татуировку на подошвах; я ответил, что нет, потому что мне предстояло еще порядком побегать. Мы договорились о татуировке на седалище, и

я на протяжении двух дней ел стоя. Но мне это место показалось разумным и очень личным. Конечно, мне надо было брать зеркало, если захочется взглянуть на эти данные.

Времени было в обрез. Двадцать шестого июня мы должны были быть у корабля на космодроме в Мохаве, и до этого времени осталось только четырнадцать дней. Это было жаркое время, потому что я должен был разобрать вещи, которые хотел взять с собой. Каждому человеку было позволено взять с собой 57,6 фунта багажа. Об этом было объявлено, когда стал известен вес тел всех пассажиров.

В брошюре было написано: «Заканчивайте все свои дела на Земле так, словно вы должны умереть». Легко сказать. Когда ты умираешь, тебе не надо брать с собой в вечность 57,6 фунта багажа.

Вопрос заключался вот в чем: что я должен с собой взять?

Своих шелковичных гусениц я передал в нашу школьную биологическую лабораторию, так же как и змей. Дюку хотелось получить мой аквариум, но я его ему не отдал. У него уже были две рыбки, и обе они погибли. Я отдал рыбок двум парням из своей группы скаутов, у которых уже были аквариумы. Птиц получила соседка, миссис Фишбейн. Ни собаки, ни кошки у меня не было. Джордж считал, что эти маленькие граждане, как он их называл, не могут получить достаточно свободы на нашем девяностом этаже.

Я как раз наводил порядок, когда вошел Джордж.

— Так,— сказал он.— В твою комнату впервые можно зайти, не надевая противогаза.

Я пропустил это мимо ушей. Джордж часто и охотно говорил такие вещи.

— Я все еще не знаю, что я должен взять,— сказал я и указал на груду, наваленную на моей постели.

— Оставь все, в том числе и эту фотографию,— он указал на стереофото Энни, которое весило больше фунта.

— Что?

— Ты, конечно, не можешь взять с собой все. Но ты должен удовлетвориться тем, что пионеры всегда брали с собой как можно меньше багажа.

— Я не знаю, что мне выбросить.

Я подумал, мрачно смотрев на груду, а он тем временем произнес:

— Перестань жалеть самого себя. Я должен оставить это здесь, это слишком тяжело для меня,— он снова указал на фотографию и вытащил из кармана трубку.— Это я тоже должен оставить.

— Почему? — спросил я.— Трубка же весит очень мало.

— Потому что табак на Ганимед экспортировать не будут, а сами колонисты не смогут вырастить его.

— О! Вот если бы я мог сделать так, чтобы можно было взять с собой мой аккордеон.

— Гмм... ты думал о том, чтобы зарегистрировать его как предмет культуры?

— Как это?

— Прочитай вот это маленькое примечание. Вещи, относящиеся к предметам культуры, не входят в вес обычного багажа пассажира, они принадлежат к имуществу колонии.

Мне никогда не приходило в голову, что мой аккордеон мог попасть в этот раздел.

— Они никогда не позволят мне пронести его, Джордж.

— Но, во всяком случае, ты можешь попытаться. Не будь таким пессимистом.

Двумя днями позже я стоял перед комиссией ученых и деятелей культуры и пытался доказать, что я могу быть и музыкантом. Я сыграл «Сюзи, любимая Сюзи», «Опус 81» Неруса и увертюру к «Вступлению в 22-е столетие» Моргенштерна. А на десерт я заставил их прослушать «Зеленые холмы Земли».

Они спросили меня, охотно ли я играю для других людей, и вежливо объяснили, что решение комиссии будет мне сообщено. Неделей позже я получил письмо, в котором говорилось, чтобы я принес свой аккордеон в Бюро Обеспечения на Хейуорд-Филдз. Я был признан «музыкантом».

За четыре дня до старта папа пришел домой рано — он закрыл свое бюро и спросил меня, можем ли мы на ужин сделать что-то особенное. Он ожидает гостей. Я обещал ему это.

Он казался смущенным.

— Мальчик мой...

— А? Да, Джордж?

— Тебе же известен пункт, в котором говорится, что лететь на Ганимед могут только семьи.

— Да, конечно.

— Итак, ты был прав, но я не хотел тогда говорить тебе этого, а теперь должен тебе признаться: я завтра женюсь.

У меня загудело в ушах. Пощечина от папы не могла бы удивить меня больше, чем это.

Я не мог ничего сказать. Я просто встал и уставился на него. Потом я выговорил:

— Но, Джордж, ты же не можешь сделать этого!

— Почему не могу, мой мальчик?

— А как же Энни?

— Энни умерла.

— Но... но...— я больше не мог говорить. Убежал в свою комнату и заперся. Потом лег на свою кровать и попытался все обдумать.

Потом я услышал, как папа взялся за ручку двери. Он постучал и спросил:

— Билл?

Я не ответил. Он постоял немного и ушел. Я полежал еще некоторое время, и мне показалось, что я плачу. Но это было не из-за папы. У меня было такое же чувство, как в тот день, когда умерла Энни. Я просто не мог себе представить, что никогда больше не увижу ее... что никогда больше не увижу, как она улыбается, и что она никогда больше не скажет мне:

— Билл, держи хвост пистолетом!

И я держал хвост пистолетом; она всегда гордилась мной.

Как мог Джордж сделать это? Как он мог привести в дом Энни другую женщину?

Я встал, бросил взгляд в зеркало, а потом отправился в ванную. Я поставил душ на «контрастно». После этого я почувствовал себя лучше, но у меня все еще было чувство слабости в желудке. Мне показалось, что сквозь шум воздуха в сушилке я ясно слышу голос Энни, но он был только в моем воображении.

Она говорила:

— Держи хвост пистолетом, сынок!

Я снова оделся и вышел из ванной.

Папа возился с ужином, и если я говорю «возился», то именно это я и имею в виду. Он обжег палец о СВЧ-печь; только не спрашивайте меня, как это ему удалось. Мне пришлось превратить в салат все, что он «наготовил». Я достал из холодильника новую порцию продуктов и оттаял ее. Никто из нас не произнес ни слова.

Я накрыл стол на троих, и папа наконец сказал:

— Поставь четвертый прибор, Билл. У Молли есть дочь.

Я уронил вилку.

— Молли? Ты имеешь в виду миссис Кеньон?

— Да. Разве я тебе не говорил? Нет, ты же не позволил сказать мне об этом.

Я ее хорошо знал. Она была чертежницей у папы. Я также хорошо знал ее дочь — двенадцатилетнюю девчонку. То, что это оказалась миссис Кеньон, было еще хуже. Она присутствовала на похоронах Энни и даже набралась наглости плакать.

Теперь я знал, почему она всегда была со мной дружелюбна, когда я заходил к папе в его бюро. Она уже тогда положила глаз на Джорджа.

Я ничего не сказал. Какую пользу могли принести слова?

Я вежливо поприветствовал их, когда они пришли, потом я вышел из своей комнаты, чтобы они увидели меня за обедом. Обед был малопримечательным. Папа и миссис Кеньон разговаривали, а я отвечал, если меня спрашивали. Я не прислушивался к их разговору. Я все еще думал о том, как же он так поступил. Девчонка

пару раз заговорила со мной, но я так ответил ей, что она скоро совсем заткнулась.

После обеда папа предложил, чтобы мы все вместе отправились в кино. Я извинился и сказал, что я еще должен упаковать свой багаж. Они пошли без меня.

Я думал обо всем понемножку. Но с какой стороны не посмотри, все равно это было плохо.

Сначала я решил вообще не лететь на Ганимед, если туда полетят они. Хотя папа и потеряет внесенный за меня залог, но я буду много работать и, конечно, смогу выплатить ему это — я не хотел ничего быть им должен.

Потом я наконец понял, почему папа сделал это, и почувствовал себя лучше, но ненамного. Цена была слишком высока.

Сам папа пришел домой поздно и постучал ко мне в дверь. Она была не заперта, и он вошел.

— Ну, мальчик? — спросил он.

— Что значит это «ну»?

— Билл, я знаю, что это для тебя неожиданность, но ты должен пройти через это.

Я рассмеялся, хотя мне было не так уж и хорошо. Пройти через это! Может быть, он мог забыть Энни, но я никогда этого не смогу.

— А тем временем мне хотелось бы, чтобы ты вел себя лучше,— сказал он.— Я думаю, ты сам знаешь, как ты теперь должен вести себя. Мне очень не понравилось, что ты чуть было не плюнул им в лицо.

— Но это неправда! — запротестовал я.— Разве я не накрыл на стол и не приготовил еду? И я был вежлив с ними.

— Таким же вежливым, как судья во время вынесения приговора. И так же дружелюбен. Мне очень хотелось пнуть тебя по щиколотке, а не напоминать тебе о манерах и приличии.

Я думаю, что я тогда набычился. Джордж продолжил:

— Но все это в прошлом. Забудем об этом, Билл, через некоторое время ты сам увидишь, что это была... хорошая мысль. Я прошу тебя только о том, чтобы ты в этот промежуток времени вел себя прилично. Тебе же не надо бросаться им на шею; но я настаиваю на том, чтоб ты был разумен и вежлив, как обычно. Ты, по крайней мере, попытаешься сделать это?

— Да, конечно,— потом я продолжил: — Скажи мне, папа, почему это произошло так неожиданно?

Он смущенно посмотрел на меня.

— Это была моя ошибка. Я думаю, что сделал так потому, что я был уверен: узнав об этом, ты сдвинешь небо и превратишь землю в ад. И поэтому я боялся.

— Но я понимаю, почему ты на это решился. Я понимаю, почему ты хочешь жениться...

— Что?

— Я понял, когда ты упомянул об уставе. Ты должен был жениться, чтобы отправиться на Ганимед.

— Что?

Я совсем запутался.

— Но... но это же так, не правда ли? Ты же сам это сказал. Ты...

— Я не говорил ничего подобного! — папа остановился, глубоко вдохнул воздух и медленно продолжил: — Билл, может быть, у тебя сложилось такое впечатление — хотя для меня это не особенно лестно. Но теперь я, наконец, должен сказать тебе правду: Молли и я поженились не потому, что должны были лететь. Мы летим потому, что хотим пожениться. Ты, может быть, еще слишком молод для того, чтобы это понять, но я люблю Молли, и Молли любит меня. Если я захочу остаться здесь, то останется и она. Если я захочу лететь, она полетит вместе со мной. Ты достаточно умен, чтобы понять, что я должен полностью покончить со своей прежней жизнью. Ты понимаешь меня?

Я ответил, что понимаю.

— Тогда я желаю тебе спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— он повернулся, но я крикнул ему вслед: — Джордж!..

Он остановился.

Я с трудом выдохнул: — Ты больше не любишь Энни, я прав?

Папа стал белым, как мел. Он хотел подойти ко мне, но потом остался на месте.

— Билл,— медленно сказал он,— прошло несколько лет с тех пор, как я в последний раз высек тебя. А теперь у меня впервые за все это время снова появилось желание это сделать.

Я уж было подумал, что он сделает это. Я ждал. Если он коснется меня, то его ждет самая большая неожиданность в его жизни. Но он не подошел ко мне. Он просто закрыл за собой дверь.

Через некоторое время я принял еще один душ, который был мне совершенно не нужен, и отправился в постель. Около часа я лежал и думал, почему это папе захотелось высечь меня. Мне так хотелось, чтобы Энни была тут и сказала бы мне, что я должен делать. В конце концов я включил аппарат электросна и стал смотреть в потолок. Затем я уснул.

За завтраком никто из нас не говорил, и никто из нас не ел особенно много. Наконец папа сказал:

— Билл, я хочу попросить у тебя прощения за вчерашнее. Тебе не надо ни говорить, ни делать что-либо, чтобы оправдать мою реакцию.

— О, все в порядке,— ответил я. Потом я подумал и добавил: — Может быть, мне ничего не следовало говорить.

— Хорошо, что ты сказал это. Что меня печалит, так это тот факт, что ты мне это сказал. Билл, я никогда не переставал любить Энни, но случившегося теперь не изменишь.

— Но ты сказал...— я осекся.— Я просто не понимаю этого.

— Я ценю это. Иного и ожидать было нельзя.

Джордж встал.

— Билл, бракосочетание в три. Ты сможешь за час одеться и подготовиться к церемонии?

Я заколебался.

— Я не могу, Джордж. Мне надо еще так много сделать.

На его лице не было вообще никакого выражения и в его голосе тоже. Он сказал:

— Я понимаю.

Затем он покинул помещение. Немного погодя он покинул и дом.

Через некоторое время я попытался связаться с его бюро, и голос автосекретаря произнес обычное: «Если вы хотите оставить сообщение...»

Я этого не хотел. Я думал, что Джордж незадолго до трех будет уже дома, и надел свой воскресный костюм. Я даже воспользовался своим кремом для бритья.

Он так и не появился. Я попытался еще раз связаться с его бюро. Потом я собрался с духом и нашел в телефонной книге номер миссис Кеньон.

Его там не было. Там никого не было.

Время ползло медленно, и я ничего не мог с этим поделать. Спустя некоторое время было уже три часа, и я понял, что папа уже где-то обвенчался, но я не имел никакого представления, где. В половине четвертого я пошел в кино.

Когда я вернулся назад, на телефоне мигал красный свет. Я перемотал ленту с записью. Это был папа.

— Билл, я попытался дозвониться тебе, но тебя не было дома, а я не могу больше ждать. Молли и я отправляемся в короткое свадебное путешествие. Если ты хочешь связаться непосредственно со мной, используй телефонную службу Чикаго — мы где-то в Канаде. Мы вернемся в четверг. До свидания,— на этом сообщение заканчивалось.

Четверг... А в пятницу во второй половине дня мы стартуем.

3. КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ «БИФРОСТ»

Папа позвонил мне в пятницу вечером от миссис Кеньон — я имею в виду, от Молли. Мы оба были вежливы и неуверенны. Я сказал ему, что я, конечно, уже готов, надеюсь, что они совершили

отличное путешествие. Он ответил, что путешествие действительно было отличным и что я должен приехать к ним, чтобы утром нам всем вместе отправиться на космодром.

Я сказал, что, не имея никакого представления о его планах, я уже купил билет до Мохаве и зарезервировал себе номер в отеле «Ланкастер». И спросил его, что мне теперь делать.

Он задумался, потом произнес:

— Вероятно, тебе придется отправиться туда самому, Билл.

— Конечно.

— Ну хорошо. Тогда увидимся на космодроме. Ты не хочешь поговорить с Молли?

— О нет, но ты можешь передать ей от меня огромный привет.

— Очень хорошо. Так я и сделаю,— он отключился.

Я пошел в свою комнату и взял свой багаж — ровно 57,59 фунта. Больше я не мог взять с собой даже мушиной ножки. В моей комнате было пусто. Оставалась одна только моя форма. Я не мог позволить себе взять ее с собой, но мне также не хотелось выбрасывать ее.

Я взял ее и хотел бросить в мусоросборник, но тут мне в голову пришла идея. При обследовании мой вес в одежде равнялся 131,2 фунта.

Но в последнее время я ел не слишком много.

Я пошел в ванную и встал на весы — 129,8 фунта, потом я перекинул форму через руку и взвесился еще раз — 132,5 фунта.

Уильям, сказал я себе, ты не получишь ни ужина, ни завтрака, ни глотка воды. Я сложил форму и взял ее с собой.

Квартира наша опустела. На удивление новым съемщикам, я оставил в холодильнике кое-что из еды и запер за собой дверь. Энни, Джордж и я жили здесь с тех пор, как я себя помню.

Я пересек город на подземке и выбрался на береговую дорогу, ведущую в Мохаве. Двадцатью минутами позже я уже был в отеле «Ланкастер» в пустыне Мохаве.

Скоро я обнаружил, что заказанный мной «номер» был нáрами в биллиардной. Я спустился вниз и осведомился, как это так случилось.

В подтверждение того, что я заказал номер, я показал карточку переселенца. Служащий взглянул на нее, а потом спросил меня:

— Юноша, вы когда-нибудь пытались разместить за раз шесть тысяч человек?

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда скажите спасибо, что вам достались хотя бы нары. Ваш номер заняла семья с девятью детьми.

Я ушел.

Отель превратился в сумасшедший дом. Я не смог бы достать ничего съестного, даже если бы и захотел. В двадцати метрах надо

мной находилась столовая. Везде бегали подростки, а под ногами вертелись малыши. Семьи переселенцев сидели в бальной зале. Я посмотрел на них и спросил себя, где это их только подобрали. Вероятно, они наудачу разыграли между собой места на корабле.

Наконец я улегся. Я был голоден и с каждой минутой становился все голоднее. Постепенно я начал спрашивать себя, почему, собственно, я так стараюсь взять с собой форму скаута, которая, по всей видимости, мне никогда уже больше не понадобится.

Если бы у меня с собой была таблица рационов, я встал бы и отправился бы в столовую — но мы с папой ее сдали. У меня было с собой немного денег, и я подумал, не стоит ли пойти и разыскать какого-нибудь спекулянта — наверное, поблизости от отеля их вертелось довольно много. Но папа всегда говорил, что иметь дело с такими людьми неприлично.

Я встал, нашел себе кое-что попить и проделал упражнения для расслабления. Наконец я заснул. Мне снились пирожные с земляникой и настоящими сливками, которые только что вынули из печи.

Я проснулся от голода, но мне внезапно пришло в голову, что это мой последний день на Земле. Поэтому я был так возбужден, что даже забыл о голоде. Я встал, надел свою форму скаута, а поверх нее натянул корабельную одежду.

Я подумал, что мы немедленно пойдем на борт корабля. Однако я ошибся.

Сначала мы должны были собраться под навесом, который был возведен перед отелем недалеко от поля космодрома. Снаружи, конечно, не было кондиционеров, но было еще рано, и пустыня еще не успела достаточно раскалиться. Я нашел букву «Л» и опустил свой багаж поблизости от нее. Папы и его новой семьи все еще не было. Постепенно я начал спрашивать себя, не придется ли мне лететь на Ганимед одному?

По ту сторону поля, на расстоянии около пяти миль, были видны корабли, стоящие на посадочных площадках,— «Дедал» и «Икар», которые совершали полеты на линии Земля—Луна, а также старый «Бифрост», который, насколько я помнил, курсировал между Землей и космической станцией «Супра-Нью-Йорк».

«Дедал» и «Икар» были огромными кораблями, но я надеялся, что мы полетим на «Бифросте». Он был первым кораблем, при старте которого я присутствовал.

Возле меня оставила свой багаж еще одна семья. Мать взглянула на посадочное поле и спросила:

— Джезеф, который из этих кораблей «Мейфлауэр»?

Ее муж попытался объяснить ей, но она не хотела этого понять. Я чуть было не рассмеялся вслух. Она стояла тут и хотела лететь на Ганимед, хотя не имела ни малейшего понятия, что главный ко-

рабль собирался в космосе и не мог совершать посадок на поверхности планет.

Постепенно все вокруг заполнялось переселенцами и их родственниками, которые прощались с ними, но я нигде не видел своего папы. Я услышал, как кто-то выкрикнул мое имя и обернулся, это был Дюк Миллер.

— Эй, Билл! — сказал он.— Я уже думал, что не найду тебя.

— Хэлло, Дюк. К сожалению, я все еще здесь.

— Я хотел позвонить тебе вчера вечером, но телефон уже был отключен. Тогда я решил прогуляться и просто приехал сюда.

— Но ты не должен был делать этого.

— Мне хотелось бы, чтобы ты взял это с собой,— он протянул мне пакет — целый фунт шоколада. Я не знал, что мне ответить ему.

Я подумал, потом объяснил:

— Дюк, это действительно мило с твоей стороны, но я должен тебе это вернуть.

— Что? Почему?

— Вес. Это значит, масса. Я не могу взять с собой больше ни унции.

Он все обдумал, потом сказал:

— Хорошо, тогда мы его откроем.

Он открыл пакет и предложил мне кусочек шоколада. Мой желудок взмолился. Я еще никогда в жизни не был так голоден.

Я сдался и съел кусочек. Я надеялся, что этот вес выйдет у меня с потом: постепенно становилось все жарче и жарче, а у меня под корабельной одеждой была форма скаута — не совсем подходящая одежда для июньского дня в пустыне. После этого, конечно, я почувствовал ужасную жажду. Одно повлекло за собой другое.

Я подошел к питьевому фонтанчику и сделал крошечный глоточек воды. Вернувшись назад, я закрыл коробку со сладостями и вернул ее Дюку. Я попросил его разделить их на ближайшем слете скаутов и передать моим друзьям большой привет. Он пообещал сделать это. Потом он добавил:

— Ты знаешь, Билл, мне очень хотелось бы отправиться с тобой. Правда.

Я спросил его, с каких это пор он изменил свое решение. Он, казалось, смутился, но в это время появился мистер Кински, а потом подошли папа с Молли, девчонкой и миссис Ван-Метр, сестрой Молли. Каждый пожал другому руку, миссис Ван-Метр захныкала; а девчонка спросила, почему одежда у меня так топорщится и с чего я так вспотел.

Джордж внимательно посмотрел на меня, но тут назвали наши имена, и мы направились ко входу.

Сначала Джордж, Молли и Пегги, а потом я. Вес моего бага-



жа, конечно, был известен мне с точностью до грамма, а сам я весил 131,1 фунта — я мог бы съесть еще кусочек шоколада.

— Все в порядке,— сказал человек у весов, потом он поднял взгляд и покачал головой: — Что, ради всего святого, ты надел на себя, мальчик?

Левый рукав моей формы спустился и теперь высовывался из-под более короткого рукава корабельной одежды.

Я ничего не ответил. Он провел рукой по утолщениям на моей одежде.

— Мальчик, ты же отправляешься не в полярную экспедицию. Ничего странного, что ты так вспотел. Разве ты не знаешь, что ты должен носить только ту одежду, которую вам дали?

Папа вернулся назад и спросил, что произошло. Я стоял с пылающими ушами. Тут вмешался помощник служащего, но и он не знал, что им предпринять. Служащий вызвал кого-то, и тот, наконец, сказал:

— Все сходится; если он утверждает, что эта штука — его вторая кожа, тогда пусть он берет ее с собой. Следующий, пожалуйста.

Я побежал, чувствуя, что оказался в глупейшей ситуации. Мы спустились вниз и перешли на эскалатор. К счастью, здесь было довольно прохладно. Через пару минут мы уже стояли в грузовом помещении под кораблем. Ясно, это был «Бифрост». Я тотчас же понял это, как только мы поднялись на поверхность в грузовом лифте и друг за другом вошли в корабль.

Все было организованно. В грузовом помещении у нас забрали багаж. У каждого пассажира было свое место, чтобы вес был распределен как можно лучше. Поэтому нас разделили; я оказался на палубе прямо под рубкой управления. Я отыскал свое место 14-Д, а потом подошел к иллюминатору, из которого были видны «Дедал» и «Икар».

Веселая маленькая стюардесса нацарапала мое имя в списке и предложила мне инъекцию против космической болезни. Я поблагодарил ее, но отказался.

— Вы уже бывали в космосе? — спросила она.

Я ответил, что мне еще не представлялся такой случай, и она сказала?

— Тогда лучше сделать.

Я объяснил, что я пилот и что мне не будет плохо. Я умолчал, что у меня были права только на вождение вертолета. Она пожала плечами и ушла. Из динамика донеслось:

— «Дедал» к старту готов!

«Дедал» находился на расстоянии четверти мили от нас и был выше нашего корабля. У него были великолепные обводы, и он сверкал в лучах утреннего солнца; это было потрясающее зрелище.

Справа от него, на краю посадочного поля, на диспетчерской башне загорелся зеленый свет.

Корабль накренился на пару градусов на юг.

Из-под его кормы ударил огонь, сначала оранжевый, а потом слепяще-белый. Огонь ударил в специальное углубление, а потом дым втянулся в отводную шахту в почве. Корабль поднялся в воздух.

Некоторое время он висел неподвижно, затем сквозь пламя из его дюз стали проступать очертания гор. Затем корабль исчез.

Просто так — исчез. Он поднялся вверх, как вспугнутая птица — тонкая белая черточка в небе,— и исчез, хотя грохот дюз все еще был слышен и все еще чувствовалось дрожание почвы.

В моих ушах гремело. Я услышал, как кто-то позади меня сказал:

— Но я еще не позавтракала. Капитан должен подождать. Скажи ему об этом, Джозеф!

Это была та женщина, которая не знала, что «Мейфлауэр» можно было собрать только в невесомости. Ее муж попытался успокоить ее, но ему это не удалось. Она вызвала стюардессу. Я услышал ее ответ:

— Но, мадам, вы не сможете сейчас поговорить с капитаном. Он занят подготовкой к старту.

Очевидно, это не произвело на женщину никакого впечатления. Стюардесса наконец успокоила ее, но только после того, как пообещала ей, что она получит завтрак сразу же после старта. Когда я это услышал, я навострил уши. Я ведь тоже не завтракал.

«Икар» стартовал двадцатью минутами позднее, а потом кто-то сказал по системе оповещения:

— Внимание! Всем занять свои места! Подготовка к старту! — Я пошел к своему креслу, и стюардесса убедилась, что все мы крепко пристегнулись. Она предупредила нас, что мы не должны расстегивать ремней, пока она нам этого не позволит. Потом она отправилась на нижнюю палубу.

Я почувствовал, что в ушах моих щелкнуло и по кораблю пронесся легкий вздох. Я несколько раз сглотнул. Я знал, что они сделали: они выкачали земной воздух и заменили его обычной гелиево-кислородной смесью, давление которой составляло только половину нормального давления. Но одна из женщин — та самая — воспротивилась.

— Джозеф, у меня болит голова. Джозеф, я не могу дышать. Сделай же что-нибудь!

Затем она расстегнула ремни и встала. Муж ее тоже поднялся и заставил ее сесть и пристегнуться снова.

«Бифрост» немного наклонился, и динамик сообщил:

— Старт через три минуты.

А потом:

— Еще минута,— вслед за этим другой голос начал отсчитывать:

— Пятьдесят девять! Пятьдесят восемь! Пятьдесят семь!

Мое сердце колотилось так сильно, что я едва слышал эти слова. Отсчет продолжался:

— ...тридцать пять, тридцать четыре, тридцать три, тридцать два, тридцать один, половина! Двадцать девять, двадцать восемь...

А потом голос сказал:

— Десять!

И:

— Девять!

— Восемь!

— Семь!

— Шесть!

— Пять!

— Четыре!

— Три!

— Два!..

Я не услышал ни «один!», ни «старт!», ни вообще ничего. В это мгновение что-то навалилось на меня, и мне показалось, что вот-вот придет мой конец. Однажды, когда я со своими товарищами исследовал одну пещеру, обвалилась глыба кварца и завалила меня так, что меня пришлось откапывать. Сейчас было так же, как и тогда, только теперь меня никто не откапывал.

Грудь моя болела. Мои ребра, казалось, были готовы сломаться в любое мгновение. Я не мог поднять и пальца. Я хватал губами воздух, но его мне не хватало.

По-настоящему я не боялся, потому что я знал, что мы стартовали на ускорении в несколько «G», но я чувствовал себя ужасно неуютно. Я с трудом повернул голову и увидел, что небо уже стало пурпурным. Пока я на него смотрел, оно стало черным и на нем появились звезды, миллионы звезд. А потом через иллюминатор проник луч солнца.

Рев дюз был невероятным, но шум становился все тише и тише, а потом и вовсе исчез. Известно, что старые корабли были весьма шумными, пока их скорость не превышала скорости звука; но к «Бефросту» это не относилось. В нем было тихо, как внутри комнаты, обитой пуховыми подушками.

Делать было нечего, оставалось просто сидеть, уставившись в черное небо, пытаться дышать и бороться с тяжестью, навалившейся на грудь.

А потом — так неожиданно, что мой желудок сделал сальто,— я вообще потерял всякий вес.

4. КАПИТАН ДЕ ЛОНГ ПРЕ

Я могу сказать вам только одно: когда в первый раз оказываешься в невесомости, в этом нет ничего забавного. У тебя из желудка вылетает все. Чтобы этого не произошло, перед стартом необходимо как следует поголодать. Бывалые космонавты привыкают и великолепно переносят это — я имею в виду невесомость. Они говорят, что два часа сна в невесомости заменяют целую ночь на Земле. Я тоже привык к ней, но никогда не находил в ней никакого удовольствия.

«Бифрост» разгонялся чуть более трех минут. Это стало возможным благодаря высокому ускорению — почти в шесть «G», иначе разгон занял бы гораздо больше времени. Потом мы на протяжении часа находились в невесомости, пока капитан не вывел «Бифрост» на орбиту «Мейфлауэра».

Другими словами, мы падали вверх на высоту в двадцать тысяч миль, если так можно сказать. Это звучит довольно глупо. Каждый знает, что предметы падают вниз, а не вверх.

Но мы падали вверх.

Как и каждый человек, я получил в школе основы знаний по космической баллистике, знал небо и слышал множество забавных историй о невесомости в космическом корабле. Но если взять, например, меня, я не верил в это, пока я не испытал этого сам.

Возьмем, например, миссис Тарбаттон — женщину, которая хотела позавтракать. Я считаю, что она, как и все остальные люди, ходила в школу. Но она долго еще хотела пожаловаться капитану. Я, конечно, не знаю, что ей от него было нужно,— может быть, она хотела, чтобы он высадил ее на отдаленном астероиде.

Конечно, я испытывал сострадание к ней — и к себе. Вы хоть раз переживали землетрясение? Когда все, к чему вы с давних пор привыкли и считали надежным, вдруг начинает шататься и твердь под вашими ногами больше не отвечает своему названию? Здесь это было именно так и даже еще хуже.

Я не хочу повторять здесь уроки физики, но если космический корабль летит по орбите, вверх или куда-нибудь еще, то он вместе со всем содержимым движется в одном направлении, и кажется, что он падает в бесконечно глубокую пропасть. Только один желудок, кажется, делает исключение и поднимается вверх, к горлу.

Это было первое, что меня поразило. Я был крепко пристегнут, чтобы не парить по всему помещению, но я чувствовал слабость, дрожь в теле и головокружение, как будто меня кто-то ударил под дых. Потом мой рот наполнился слюной, я сглотнул и горячо пожалел о том, что съел этот кусочек шоколада. Но это мне не помогло.

Единственное, что меня спасло,— то, что я не позавтракал. Многим другим пассажирам так не повезло. Я постарался не при-

сматриваться. Я намеревался, как только мы окажемся в невесомости, отстегнуться и подплыть к иллюминатору, но теперь я отказался от этого намерения. Я остался пристегнутым и сосредоточил все силы на подавлении дурноты.

Стюардесса вернулась с нижней палубы и вошла на нашу. Она оттолкнулась кончиками пальцев и ухватилась рукой за центральную опору. Потом она, как лебедь, подплыла и осмотрелась вокруг. Оттуда был великолепный обзор, однако в данное мгновение я не был способен оценить это.

— Все в порядке? — весело спросила она.

Это было глупое замечание, но стюардессы и медицинские сестры ведут себя только так. Кто-то застонал, и какой-то ребенок в другом конце помещения заплакал. Стюардесса приблизилась к Тарбаттон и сказала:

— Теперь вы можете получить завтрак. Что вам подать? Яичницу-болтунью?

Я стиснул зубы и отвернул голову. Почему она не может помолчать? Потом я снова огляделся. Ей придется дорого заплатить за это глупое замечание, потому что ее обязанность составляет поддержание чистоты.

Когда с миссис Тарбаттон было закончено, я сказал:

— Э... э... мисс....

— Эндрюс.

— Мисс Эндрюс, нет ли возможности сделать инъекцию?

— Сейчас, дружок,— сказала она улыбаясь и достала иглу из маленькой сумочки на своем поясе. Она подала мне шприц. Я сделал себе укол, и на мгновение мне показалось, что сейчас шоколад окончательно покинет мой желудок. Но потом все прошло, и мое положение показалось мне почти приятным.

Стюардесса оставила меня и дала шприцы еще паре человек, которым было так же плохо, как и мне. Миссис Тарбаттон получила от нее еще одну инъекцию, которая полностью отключила ее. Первые храбрецы отстегнулись и поплыли к обзорным иллюминаторам. Я обнаружил, что тоже могу попытаться это сделать.

Это было не так легко, как казалось,— парить в невесомости. Я отстегнул пояса безопасности и встал. То есть, я хотел встать. В следующее мгновение я затрепыхался в воздухе и попытался ухватиться за что-нибудь.

Я перевернулся в воздухе и врезался затылком в нижнюю часть рубки управления. Я увидел звезды, но не в иллюминаторе, а в своих собственных глазах. Потом пол палубы с креслами снова приблизился ко мне.

Я попытался ухватиться за ремень безопасности и остановиться. Кресло, которому принадлежал этот ремень, было занято толстым низеньким мужчиной. Я сказал:

— Извините.

— Пустяки,— ответил он.

Потом он отвернулся, словно ненавидел меня. Я не мог больше оставаться там, и я также не мог вернуться к своему собственному креслу без того, чтобы не ухватиться за чужие нары. Итак, я осторожно оттолкнулся и ухватился за одну из опор, прежде чем снова врезаться головой в потолок. На потолке были петли, связанные друг с другом тросиками. Я схватился за один из них и, как руконогая обезьяна, подтянулся к ближайшему иллюминатору.

Я впервые увидел Землю из космоса.

Я знал, чего мне ожидать, но увидел совсем не то, что ожидал. Земля выглядела точно так же, как на географических картах, или, скорее, в телесообщениях со станции «Супра-Нью-Йорк». И все же это было нечто иное. Если можно так выразиться: рассказы о темноте — это нечто иное, чем сама темнота.

Невозможно описать. Что-то красочное.

Во-первых, она находилась не точно в центре поля зрения, как в телепередачах. Она висела у края иллюминатора, и корма корабля закрывала значительную часть ее. И она двигалась. Она уменьшалась. Пока я наблюдал за ней, она стала почти в два раза меньше и более округлой. Итак, Колумб был прав.

Со своего места я видел кусок Сибири, Северную Америку и северную половину Южной Америки. Канада и восточная часть Северной Америки были закрыты облаками. Я не видел ничего светлее их. Они были ярче, чем снега на полюсах. Прямо под нами, в океане, отражалось солнце. Глазам было больно. Там, где не было облаков, море казалось почти пурпурным.

Это было так прекрасно, что у меня перехватило дыхание. Мне так захотелось снова оказаться на Земле.

А позади нее были звезды — ярче и больше, чем те, которые можно было видеть с Земли.

Довольно быстро вокруг меня образовалась большая толпа людей, пытающихся протиснуться к иллюминатору. Дети напирали, и матери говорили: «Сейчас, милый, сейчас». Я сдался. Я отплыл назад, к своему креслу, и крепко пристегнулся одним из поясов, чтобы не дрейфовать по помещению. Я задумался. То, что я родился на такой огромной, великолепной планете, наполнило меня гордостью. Я подумал, что видел на Земле далеко не все, несмотря на экскурсии на уроках географии, скаутские вылазки в Швейцарию и поездку на каникулы в Сомали вместе с Энни и Джорджем.

А теперь я больше этого ничего не увижу. И это очень грустно.

Я поднял взгляд. Передо мной стоял парень.

— Что случилось, Уильям? Тебе плохо?

Да, это был тот самый типчик Джонс. Меня словно огрели по башке пыльным мешком. Если бы я знал, что он тоже хочет пе-

реселиться, я бы дважды подумал, прежде чем сделать это самому.

Я спросил его, каким божьим попущением он оказался здесь?

— Конечно, точно тем же, что и ты. Кроме того, я, кажется, тебя о чем-то спросил.

Я сказал ему, что чувствую себя неплохо, и спросил, почему это ему пришло в голову. Он взял мою руку и повернул ее так, что можно было видеть красную точку на месте укола. Он засмеялся, и я отдернул руку.

Он снова рассмеялся и протянул мне свою руку; на ней тоже была красная точка.

— Это случается даже с самыми крепкими парнями,— сказал он.— Тебе нечего стесняться.

Потом он произнес:

— Пойдешь со мной? Осмотримся, прежде чем нам снова придется пристегнуться.

Я пошел с ним. Хотя он и был совсем не тем парнем, которого я выбрал бы себе в друзья, но, по крайней мере, он был мне знаком. Мы пробрались к люку, который вел на следующую палубу. Я хотел пролезть в него, но Джонс удержал меня.

— Пойдем лучше в рубку управления,— предложил он.

— Что? Это же запрещено.

— А что, разве попытаться — это преступление? Идем же! — мы поплыли в другом направлении и вплыли в короткий коридор. На другом конце коридора находилась дверь с надписью: «Рубка управления — вход воспрещен!» Кто-то под ней приписал: «Это относится также и к вам!» А под этой надписью было написано: «И ко мне?»

Джонс нажал на рукоятку. Дверь не поддалась. Возле нее была кнопка. Он положил на нее свой большой палец.

Дверь открылась, и перед нами появился мужчина, на его лацканах блестели две звездочки. Позади него стоял пожилой мужчина с четырьмя звездочками. Он крикнул:

— Кто это, Сэм? Скажи им, что они должны оставить нас в покое!

Первый мужчина спросил:

— Что вы здесь ищете, дети?

— Извините, сэр, нас интересует астрогация,— сказал Джонс.— Нельзя ли нам осмотреть рубку управления?

Я тотчас же увидел, что мужчина хочет вышвырнуть нас отсюда, и уже приготовился к этому, когда пожилой человек сказал ему:

— Ах ты, боже мой! Отойди, Сэм, позволь им войти!

Сэм пожал плечами и сказал:

— Как вам будет угодно, кэп.

Мы вошли внутрь, и помощник сказал:

— Держитесь за что-нибудь покрепче. Не парите по рубке и не

касайтесь ничего, иначе я оборву вам уши. Ну... кто же вы, собственно говоря?

Мы представились.

— Рад с вами познакомиться, Хэнк и Билл,— сказал он. Потом он провел рукой по рукаву моей формы, который снова высунулся из-под корабельной одежды.— Юноша, твое нижнее белье слишком длинно.

Я покраснел и объяснил ему, почему я это ношу. Он, улыбаясь, произнес:

— Итак, ты контрабандой пронес ее на борт. Глупый поступок. Эй, Сэм? Хотите чашечку кофе?

Они ели сэндвичи и пили кофе — не из чашек, конечно, а из маленьких пластиковых бутылочек, как младенцы. Там даже были соски. Я отказался. Хотя после укола мисс Эндрюс я чувствовал себя гораздо лучше, но я не хотел рисковать.

В рубке управления, как оказалось, не было ни одного иллюминатора. В носовой части находился огромный экран, но он не был включен. Я спросил себя, что бы сказала миссис Тарбаттон, если бы знала, что капитан не может видеть, куда мы летим, и что это было ему безразлично.

Я спросил его об иллюминаторах. Он ответил, что иллюминаторы существуют только для пассажиров и туристов.

— Зачем мне здесь нужны иллюминаторы? — спросил он.— Чтобы высунуть голову и изучать дорожные знаки? Мы можем видеть все, что нам нужно видеть. Сэм, включи экраны и объясни все этим ребятам.

— Хорошо, кэп,— второй мужчина подплыл к своему креслу и нажал на пару кнопок. А его сэндвич тем временем спокойно плавал в воздухе.

Я осмотрелся. Рубка управления была круглой, но не совсем, потому что одна ее сторона была шире, чем другая. Помещение это находилось практически в самом носу корабля. Тут были два кресла, одно для пилота, а другое для его помощника. Они находились у стены, отделяющей рубку от пассажирского салона. Большую часть ее объема занимал компьютер.

Кресла эти выглядели намного более удобными, чем пассажирские; они были подогнаны к телу так, что колени, спина и голова опирались, как это было сделано в зубоврачебном кресле. На их подлокотниках даже были рычаги управления, чтобы пилоты без особого напряжения могли управлять приборами, сидя в креслах. В центре над каждым креслом находилась приборная доска, так что капитан и его второй пилот всегда могли прочитать показания приборов.

Телеэкран засветился, и мы увидели Землю. Она заполняла большую часть экрана.

— Это вид с кормы,— объяснил второй пилот.— Его передает

находящаяся там камера. Такие камеры установлены повсюду. Теперь посмотрим, что у нас впереди,— он произвел переключение, но на экране появилась только пара маленьких точек, которые, возможно, были звездами. Хэнк сказал, что в иллюминатор видно гораздо больше звезд.

— Мы используем экран не для того, чтобы наблюдать за звездами,— ответил пилот.— Если нам нужны звезды, мы пользуемся коэлостатом. Смотрите! — он отклонился назад и потянулся вверх. Над его головой, перед одним из его глаз, появился окуляр, окруженный резиновым ободком. Ему не нужно было поднимать голову с кресла.— Коэлостат — это телескоп, спаренный с перископом.

Он не предложил нам заглянуть в окуляр, а снова повернулся к пульту управления. Там была пара радарных устройств, какие можно найти на каждом самолете и даже на каждом вертолете, и, кроме того, множество других приборов, назначения большинства которых я не мог понять. В других я узнал указатель скорости сближения, термометр и так далее.

— Смотрите! — сказал второй пилот. Он нажал на несколько кнопок на пульте управления, одна из крошечных точек на экране вспыхнула ярче, мигнула пару раз и исчезла.— Это была «Супра-Нью-Йорк». *Я нащупал ее радаром,— он снова нажал на кнопки,* вспыхнула другая точка, две длинные вспышки и одна короткая.— Там строится «Звездный Скиталец»,— объяснил он нам.

— А где «Мейфлауэр»? — спросил Хэнк.

— Ты хочешь увидеть, куда мы летим, а? — он нажал на кнопку. Вспыхнул еще один огонек, мигнул трижды с небольшими паузами и погас.

Я сказал, что не вижу того, что мы туда летим. Теперь взял слово капитан:

— Мы летим окольным путем из-за метеоритов. Так, этого достаточно. Сэм, отключи приборы.

Мы все снова подошли к капитану, который все еще ел.

— Ты «орел»? — спросил он меня. Я сказал, что да, и Хэнк стал утверждать, что и он тоже «орел».

— Какой же ступени? — спросил капитан.

— Тринадцатой,— сказал я, и Хэнку пришлось ответить, что он получил только двенадцатую. Честно говоря, я не верил ни одному его слову.

Капитан сказал, что мы летим на Ганимед и он нам завидует. Второй пилот спросил, чему же тут завидовать?

— Сэм, у тебя в душе нет ни капли романтики,— ответил капитан.— Ты всю свою жизнь будешь мотаться взад и вперед на этой посудине и в конце концов даже умрешь в ней.

— Весьма возможно,— сказал второй пилот.— Но до этого будет еще немало ночей, когда я смогу спать дома.

Капитан сказал, что космонавт не должен жениться.

— Посмотри на меня,— сказал он,— я всегда хотел стать настоящим космонавтом и посетить чужие планеты. Я также был твердо уверен, что я тогда смогу схватиться с пиратами. Но все это были мечты. Когда мне представился первый шанс, я не смог его использовать, потому что был уже женат.

— Ты и твои пираты...— сказал второй пилот.

Я и бровью не повел. Взрослые всегда верят, что тот, кто моложе их, запросто проглотит что угодно. Я не стал лишать их иллюзий.

— Ну да это все равно,— сказал капитан.— Теперь, ребята, лучше уходите. Мистер Майес и я должны провести пару замеров, иначе мы совершим посадку на берегу южного Бруклина.

Мы поблагодарили их и ушли.

Я нашел папу, Молли и девчонку на палубе, которая находилась под моей.

— Где ты был, Билл? — спросил папа.— Я облазил весь корабль, разыскивая тебя.

— У капитана в рубке управления,— сказал я.

Папа удивленно посмотрел на меня, а девчонка скорчила гримасу и сказала:

— Ну ты и врешь. Туда, наверх, не пускают никого.

Я всегда считал, что девчонок нужно все время держать на самом дне темного мешка, пока они не поумнеют, а потом их надо или выпустить, или завязать мешок покрепче и выбросить его.

— Тише, Пегги,— сказала Молли.

— Ты можешь спросить у Хэнка,— ответил я.— Он был со мной. Мы...— я оглянулся, но Хэнк уже исчез. Я рассказал им все, что с нами произошло. Только разговор о пиратах я опустил.

Когда я закончил, девчонка сказала:

— Я тоже хочу в рубку управления.

Папа сказал, что он не думает, чтобы это можно было устроить. На что девчонка спросила:

— А почему нет? Билл же был там.

Молли снова приказала ей замолчать.

— Билл — мальчик, и он старше тебя.

Девчонка ответила, что это непорядочно.

Я подумал, что она, может быть, права. Но на свете многое устроено непорядочно.

Папа продолжил:

— Ты должен гордиться. Билл. Ты ведь беседовал со знаменитым капитаном Де Лонг Пре.

— Что?

— Может быть, тогда ты был еще слишком мал, чтобы запомнить это. Он заперся в одном из грузовых автоматических кораблей, которые доставляли ториевую руду с Луны,— и взорвал всю

шайку контрабандистов, которых в то время называли «рудными пиратами».

Я ничего на это не ответил.

Мне хотелось увидеть «Мейфлауэр» из пространства, но мы должны были пристегнуться, прежде чем я нашел его. Но я хорошо смог разглядеть «Супра-Нью-Йорк». «Мейфлауэр» находился на той же суточной орбите, что и станция, и мы ее почти достигли, когда пришел приказ пристегнуться.

Капитан Де Лонг Пре был искусным пилотом. Он не стал производить никаких длительных маневров, чтобы вывести корабль на новую орбиту. Короткий толчок двигателями нужной силы, в нужное мгновение и в нужном направлении. В моем учебнике физики написано: «Если при орбитальном полете потребуется коррекция для перехода на другую орбиту, это можно сделать одним-единственным включением двигателей». Однако при этом, конечно, все зависит от пилотов.

Пилот был хорош. Когда мы снова оказались в невесомости, я оглянулся через свое плечо на один из иллюминаторов — там был «Мейфлауэр». Он сверкал на солнце недалеко от нас. Почувствовался слабый толчок коррекции курса, потом голос из динамиков объявил:

— Маневр подхода закончен. Пассажиры могут отстегнуться.

Я сделал это и подплыл к иллюминатору, чтобы посмотреть на «Мейфлауэр». Я тотчас же понял, что он никогда не сможет совершить посадку на планету, у него вообще не было никаких несущих плоскостей, не было никаких воздушных рулей, и форма его была далека от аэродинамической. Он был почти шарообразным. Только с одной стороны он был конусовидным.

Он показался мне довольно маленьким — потом я заметил крошечный выступ на другом его конце. Это был «Икар». И внезапно «Мейфлауэр» показался мне гигантским. Маленькие точки на его корпусе были людьми в космических скафандрах.

Один из них чем-то выстрелил в нас, и к нашему кораблю потянулся кабель. Прежде чем он достиг нас, послышался хрустящий треск. Волосы на моей голове встали дыбом, кожа начала зудеть. Пара женщин в салоне вскрикнула, и я услышал, как мисс Эндрюс успокаивает их и объясняет им, что это было всего лишь выравнивание электрических потенциалов между обоими кораблями. Если бы она сказала, что это была молния, она была бы права, но, вероятно, это не успокоило бы женщин.

Я не испытывал никакого страха. Каждый мальчишка, который когда-либо мастерил радиоаппаратуру, знает об этом и ожидает этого.

Конец кабеля ударился о корпус нашего корабля. Чуть позже за ним последовал другой кабель, черный и толстый, и нас подтянули поближе. «Мейфлауэр» заполнил весь иллюминатор.

Через некоторое время в моих ушах щелкнуло, и голос из динамика сказал:

— Всем нужно приготовиться к переходу!

Мисс Эндрюс заставила нас ждать довольно долго, однако потом наконец настала наша очередь, и мы спустились на нижнюю палубу, через которую мы вошли в корабль. Миссис Тарбаттон не пошла с нами. У нее и у ее мужа возник спор с мисс Эндрюс.

Мы покинули наш корабль через коленчатую стальную трубу около трех метров длиной и попали прямо в «Мейфлауэр».

5. КАПИТАН ХАРКНЕСС

Вы знаете, что самое худшее на космических кораблях? Запах. Даже «Мейфлауэр» пах, хотя он был новый, с иголочки. Он пах машинным маслом, сварными швами, различными растворами и всеми этими рабочими, которые провели так много времени внутри корабля. Потом прибыли три грузовых корабля, полные людей, большинство которых от возбуждения и страха изрядно вспотели. Мой желудок все еще был не в порядке, и я с трудом удерживал его в повиновении.

Но хуже всего было то, что на корабле не было никакой возможности по-настоящему помыться. Ванна — это роскошь. После того, как места распределили, были выданы карточки на две помывки в неделю, но этого было мало — особенно, если «ванна» означала пару литров воды, которыми едва можно было обмыть тело.

Если у кого-нибудь было чувство, что без ванны ему больше просто не выдержать, он опрашивал окружающих, не отдаст ли кто ему свою карточку за деньги. В моем спальном помещении был один парень, который продал свои карточки на четыре недели вперед; в конце концов мы его больше не смогли выносить и вне очереди отдраили его очень жесткой щеткой.

И одежду тоже нельзя было сжечь. Ее нужно было стирать.

После того, как мы ступили на «Мейфлауэр», потребовалось около полутора часов, чтобы каждый нашел свою постель. Люди с «Дедала» и «Икара» к этому времени уже должны были разместиться, но они все еще не сделали этого; они бродили по коридорам и образовывали настоящее столпотворение. Столпотворение, в котором каждый парил в воздухе и не знал, где верх, а где низ, где правая сторона, а где левая, и люди были возбуждены гораздо больше, чем при обычном столпотворении.

Тут также не было стюардесс, которые помогли бы нам. Из числа

переселенцев выбрали людей, на грудь которым прикололи значки с надписью «уполномоченный по поддержанию порядка»,— но многие из них сами были беспомощны. Это было похоже на толпу, ведомую тупицей, когда сам ведущий не знал, где находятся нужные людям места.

Как только я достиг помещения, предназначенного для меня, и пристегнулся, повсюду прозвучал сигнал и из динамиков раздался приказ: — Всем приготовиться! До старта десять минут!

Потом мы стали ждать. Мне показалось, что прошло больше получаса. Потом начался обратный отсчет времени. Я сказал себе: «Уильям, старик, старт с Земли был отвратителен; как же теперь нас выбросит отсюда!» Я знал, что скорость должна была достигнуть девяноста трех миль в секунду. Это же треть миллиона миль в час! Честно говоря, я ужасно боялся.

Секунды истекли, и последовал легкий толчок, бросивший меня на постель, и это было все! Я просто лежал. Потолок снова был потолком, а пол находился подо мной, но я чувствовал себя не особенно тяжелым.

Я сказал себе, что это был только первый шаг. Следующий вынести будет гораздо труднее.

На потолке нашего отсека находился экран; он внезапно включился, и я увидел на нем мужчину с четырьмя звездочками на лацканах. Он был моложе капитана Де Лонг Пре. Он улыбнулся и сказал:

— Говорит капитан, друзья,— капитан Харпнесс. Теперь корабль примерно четыре часа будет разгоняться при ускорении в одно «g». Я считаю, что теперь вы можете немного перекусить. Как насчет завтрака?

Он снова улыбнулся, и я заметил, что мой желудок снова в порядке и, кроме того, я чертовски голоден. Капитан, вероятно, знал, как мы должны были проголодаться, когда вернемся к нормальной земной тяжести. Он продолжил:

— Мы постараемся обслужить вас как можно быстрее. Теперь вы можете спокойно отстегнуться и расслабиться, но я должен просить вас обратить внимание вот на что.

Корабль уравновешен очень точно, так что движущая сила корабельных дюз проходит точно через центр тяжести. Если бы это было не так, корабль начал бы вращаться — и мы вместо Ганимеда могли бы совершить посадку на Солнце.

Но никто из нас не хочет изжариться, поэтому я прошу каждого из вас не удаляться от своей койки без особой необходимости. Корабль может автоматически корректировать свое движение, но только в очень узких пределах, и вы не должны перегружать автоматику — поэтому просите разрешения у своего уполномоченного, если вам нужно удалиться от своей койки более чем на пятьдесят сантиметров.

Он снова улыбнулся, но на этот раз его улыбка была не такой приятной.

Каждый, кто не будет выполнять это правило, будет пристегнут насильно — и капитан накажет нарушителя, как только мы окажемся в состоянии свободного полета.

В нашем отсеке не было ни одного уполномоченного. Таким образом, нам не оставалось делать ничего, кроме как ждать. Я хотел познакомиться с ребятами, окружающими меня. Одни были младше меня, другие старше. Среди них был рыжеволосый олух лет семнадцати. Его звали Эдвардс...

Я не могу винить его. У всех нас было чувство, что прошло уже много часов, и голод все сильнее и сильнее терзал нас. Я думал, что о нас забыли. Олух Эдвардс не хотел ждать.

Он подошел к двери и выглянул наружу. Затем произнес:

— Это смешно! Не можем же мы весь день сидеть здесь! Я за то, чтобы посмотреть, что там происходит. Кто идет со мной?

Один из мальчиков возразил:

— Но ведь капитан сказал, что мы не должны бродить по кораблю.

— Ну и что? Что он может сделать, если я его не послушаюсь? В конце концов, мы же не принадлежим к экипажу корабля.

Я объяснил ему, что капитан имеет власть над всем кораблем, но он отмел мое возражение.

— Вздор! Мы имеем право знать, что происходит. И мы имеем право получить еду. Кто со мной?

Другой мальчик сказал:

— Ты только попадешь в затруднительное положение, парень.

Эдвардс остановился. Я думаю, что замечание обеспокоило его, но теперь он уже не мог отступить. Наконец он сказал:

— Послушайте, мы должны иметь своего уполномоченного, но у нас его нет. Просто выберите меня уполномоченным, и я достану еду для нас всех. Что вы на это скажете?

Никто не возразил вслух. Олух сказал:

— Ну, хорошо, тогда я иду.

Прошло не более двух минут, и появился уполномоченный; он принес с собой большую коробку с рационами. Он распределил их и задержался в конце коробки. Потом он пересчитал койки.

— Разве здесь не двадцать парней? — спросил он.

Мы поглядели друг на друга, но никто ничего не сказал. Уполномоченный достал из кармана список и прочитал наши имена. Эдвардса здесь, конечно, не было, и мужчина ушел, захватив с собой его рацион.

Потом Олух появился снова и увидел, что мы завтракаем. Ему захотелось узнать, где же его рацион. Мы сказали ему где, и он воскликнул:

— Господи, почему же он не оставил его вам? Мне так хочется есть! — с этими словами он снова вышел.

Скоро он появился снова, на лице у него была ярость. Следом за ним вошел уполномоченный и пристегнул его к койке.

Мы только что покончили с едой, когда экран на потолке вспыхнул снова. Мы увидели Луну. Казалось, что мы направляемся прямо к ней,— и весьма быстро. Я постепенно начал спрашивать себя, не просчитался ли капитан Харкнесс на пару запятых.

Я лежал на своей койке и смотрел на постепенно увеличивающуюся Луну. Спустя некоторое время она показалось мне весьма опасной. Когда она стала такой огромной, что заполнила весь экран, и нам уже казалось, будто мы не сможем увернуться от нее, я увидел, что горы на ее поверхности плывут справа налево. Я облегченно вздохнул. Вероятно, старик знал, что делал.

— Теперь мы пролетим мимо Луны, и при этом наш курс немного изменится. Наша относительная скорость при максимальном сближении составит более пятидесяти миль в секунду, что производит весьма внушительное впечатление.

Было ли это потрясающим? Мы за полминуты промчались мимо Луны, и она осталась позади нас. Я сказал, что они направили на Луну только одну телекамеру, когда мы пронеслись мимо нее и совершили крутой поворот, а потом вынеслись в открытое пространство. Но повороты на такой скорости были обычным делом.

Двумя часами позже ускорение прекратилось. Я заснул, и мне снилось, что я прыгаю с парашютом, но парашют не хотел раскрываться. Я с криком проснулся. Прошло некоторое время, прежде чем я осознал, где я нахожусь.

Голос из динамика объявил:

— Конец ускорения. Сейчас мы приведем корабль во вращение.

Но «сейчас» было преувеличением. Все произошло гораздо медленнее. Мы подплыли к стенам, а потом соскользнули вдоль внешних стен корабля. Теперь внешняя стена стала полом, а потолок с экраном — другой стеной. Ко всем нам постепенно возвращался вес.

Оболтус все еще был пристегнут к своему ложу. Уполномоченный так установил застежки, что сам он не мог дотянуться до них. Он умолял нас помочь ему.

Опасность ему не грозила, и он не должен был чувствовать себя так уж неудобно, потому что мы далеко еще не достигли нормальной силы тяжести. Потом оказалось, что капитан так рассчитал вращение корабя, что у нас здесь была только треть земной тяжести. Это было сделано потому, что тяготение Ганимеда составляло треть тяготения Земли. Так что не было никакой настоятельной необходимости освобождать Олуха.

Мы уже подготовились к этому, и пара наших товарищей отпускала шутливые замечания, которые очень не понравились Олуху, но

тут вошел уполномоченный, он отстегнул Эдвардса и приказал нам всем идти с ним. Так я получил возможность присутствовать на суде капитана.

Он был таким же, как в старые времена, когда обязанность судей возлагалась на крупных землевладельцев. Мы последовали за уполномоченным — его звали доктор Арчибальд — к каюте капитана Харкнесса. В коридоре около нее уже собралась большая толпа людей. Капитан Харкнесс вышел из своей каюты и начал разбирать дело нашего Олуха.

Мы все были свидетелями, но капитан допросил только двух из нас. Меня среди них не было. Доктор Арчибальд рассказал, что он встретил этого парня в коридоре, когда корабль разгонялся, и капитан спросил Олуха, слышал ли он его приказ не покидать своих коек?

Олух некоторое время ходил вокруг да около, как кот вокруг сметаны, и не хотел признаваться в своей вине, но капитан взял его к ногтю, и тот вынужден был подтвердить, что слышал приказ.

Капитан Харкнесс сказал:

— Парень, ты — недисциплинированный болван. Я не знаю, как тебя с твоим поведением выбрали в колонисты, но на моем корабле ты не можешь оставаться безнаказанным.

Он на мгновение задумался, потом продолжил:

— Итак, ты утверждаешь, что сделал это потому, что был голоден?

— Да,— ответил Олух.— Я не завтракал и не получал пакета с ленчем.

— На хлеб и на воду на десять дней,— произнес капитан.

Казалось, что Олух не мог поверить своим ушам.

Следующим случаем было сходное преступление — только на этот раз была женщина, одна из тех энергичных дам, которые всегда хотят сами все организовать. Она затеяла ссору с уполномоченным своего отделения и сбежала, чтобы пожаловаться на него капитану... во время разгона корабля.

Капитан Харкнесс быстро оборвал поток ее слов.

— Мадам,— сказал он с холодным достоинством,— из-за вашего глупого упрямства жизнь всех остальных подвергалась опасности. Вы можете что-нибудь сказать в свою защиту?

Она начала свою тираду о том, как этот «неотесанный» уполномоченный обращался с ней и что она никогда не признает этот обезьяний цирк настоящим судом и так далее, и тому подобное. Капитан махнул на нее рукой.

— Вам когда-нибудь приходилось мыть посуду? — спросил он.

— Но как вы можете... нет, никогда!

— Хорошо, тогда все следующие четыреста миллионов миль вы будете мыть посуду.

6. $E = mc^2$

После того, как нам разрешили выходить, я нашел папу. Это было все равно, что разыскивать иголку в стоге сена, но я все время искал и искал, пока не нашел его. У него с Молли была отдельная каюта. Пегги была с ними, и я заметил, что там было только две постели. Пегги тоже поместили в общий спальный отсек. Это значило, что на детей здесь обращают мало внимания.

Папа был занят тем, что снимал койки со стены и крепил их к полу. Когда я вошел, он оторвался от своего занятия; мы сидели с ним и беседовали. Я рассказал ему о суде капитана, и он кивнул.

— Мы видели это на экране. К сожалению, тебя я не видел.

Я сказал ему, что капитан меня не допрашивал.

— Почему же нет? — спросил папа.

— Не имею никакого представления,— я немного подумал о служении делу, потом произнес.— Скажи, Джордж, капитан является абсолютным властелином на корабле во время перелета в космосе?

Папа задумался.

— Гмм... да, он абсолютный властелин — но демократичный.

— Это значит, что я должна склоняться перед ним и обращаться к нему «Ваше Величество»? — спросила Пегги.

— Это будет неблагоразумно, Пег,— ответила Молли.

— Почему же нет? Это же шутка.

Молли улыбнулась.

— Ну хорошо. Расскажи мне, как это будет. Я думаю, он поставит тебя на колени и сдерет с тебя шкуру.

— Он не посмеет! Я стану очень громко кричать!

Я не был так уж убежден в этом. Я думал о горе грязной посуды, которую предстояло перемыть приговоренной женщине. Если бы капитан назвал меня лягушкой, думаю, я принялся бы прыгать.

Если капитан Харкнесс и был властелином, он не слишком много времени уделял правлению. Прежде всего, он позволил нам выбрать Корабельный Совет. А потом мы его больше почти не видели.

Каждый, кому исполнилось восемнадцать лет, мог быть избран в Совет. Нам сказали, что мы также должны были создать Совет Молодежи — но не потому, что он был на что-то нужен.

Кораблем все же правил н а с т о я щ и й Совет. Он даже взял на себя функции суда, и капитан больше никогда не налагал никаких наказаний. Папа рассказал мне, что капитан передал все права Совету и сказал — он вынужден был это сделать — что во всем согласен с ним.

И вы знаете, что сделал этот Совет после того, как было уста-



новлено обеденное время и другие подобные же вещи? Он решил, что мы должны ходить в школу!

Совет Молодежи аккуратно собрался на заседание и внес контррезолюцию, но она вообще не понадобилась. Мы обязаны были посещать школу.

Пегги избрали в Совет Молодежи. Я спросил ее, почему она не вышла из Совета, если он ничего не может сделать. Я, конечно, дразнил ее — а она, конечно, и не думала вступаться за нас.

Однако школа здесь была не так уж плоха. В пространстве почти нечего делать, и если все время смотреть на звезды, то уже знаешь их все наизусть. С первого же урока мы приступили к обходу корабля. Это нам очень понравилось.

Мы пошли с группой номер двадцать и потратили целый день. Я подразумеваю «день» по корабельному времени. «Мейфлауэр» был похож на шар с удлинением на одном конце — точнее, на корме. На его конце находилась дюза — но Первый Инженер Ортега, который сопровождал нас, называл ее «горелкой».

Если горелку назвать кормой, то тогда носом будет округлый конец с рубкой управления. Вокруг нее находились капитанская каюта и каюты офицеров. Горелка и все энергетические установки были отделены от остального корабля стальной переборкой, которая пересекала весь корабль. От этой переборки до самой рубки управления находилось множество грузовых помещений. Это был цилиндр более тридцати метров в диаметре, разделенный на отдельные помещения. У нас с собой было все оборудование и все необходимые вещи для создания колонии; трактора с плугами, сельскохозяйственные культуры и многое, многое другое.

Вокруг этого цилиндра располагались жилые палубы. Палуба «А» находилась вплотную у внешней обшивки корбаля, палуба «Б» была над ней, а палуба «Ц», в свою очередь, над палубой «Б». Потолок палубы «Д» одновременно являлся полом грузового помещения. На палубе «Д» находились столовая, кухня, общественные помещения и лазарет. На трех внешних палубах находились спальные помещения и отдельные каюты. На палубе «А» на каждую пару метров приходилась пара ступеней, потому что она должна была подходить к кривизне внешней обшивки корабля. Вследствие этого палубы имели различную высоту. Впереди и позади расстояние между полом и потолком составляло около двух метров. Здесь спали маленькие дети. В центре палубы высота была более четырех метров.

Изнутри корабля было трудно увидеть, как все связано между собой. Во-первых, все было разделено, во-вторых, в результате постоянного вращения понятие о направлении потеряло смысл — везде, где ты стоял, был пол, а позади и впереди тебя он всегда изгибался вверх. Однако никогда нельзя было добраться до изогнутой части; казалось, что ты всегда находишься на одном и том же мес-

те. Если идти достаточно долго, кольцо замкнется, и ты снова вернешься в исходную точку.

Я никогда не понял бы всего, если бы мистер Ортега не изобразил этого на рисунке.

Мистер Ортега объяснил нам, что корабль делает 3,6 оборота в минуту, или 216 полных оборотов в час, и этого было достаточно, чтобы создать на палубе «Б» притяжение, равное трети земного. Палуба «Б» находится на расстоянии двадцати пяти метров от центральной оси «Мейфлауэра»; палуба «А», на которой живу я, находится несколько ближе к поверхности, и сила тяжести здесь больше примерно на одну десятую, в то время как на палубе «Ц» сила тяжести на одну десятую меньше. На палубе «Д» тяготение было слабым, и если в обеденном зале быстро встать, могла закружиться голова.

Рубка управления находилась точно на оси корабля. Хотя корабль вращался, там была невесомость — так, по крайней мере, нам сказали.

Вращение корабля давало еще один забавный эффект: все вокруг нас было «низом». Это значит, что иллюминаторы палубы «А» находились в полу. В каждом отделении было по одному иллюминатору.

Мистер Ортега повел нас на одну такую обзорную галерею. Иллюминатором была большая круглая кварцевая пластина в полу, окруженная защитными перилами.

Первые ребята подошли к перилам и тотчас же отступили назад. Две девочки взвизгнули. Я протиснулся к перилам и взглянул вниз... Я застыл на самом краю бездны космоса. В миллиарды миль глубиной. Я не отпрянул назад — Джордж всегда утверждал, что я могу без подготовки танцевать на канате,— но я крепко вцепился в перила. Никто из нас не хотел падать так далеко вниз. Поверхность кварцевой плиты была обработана таким образом, что не отражала света, и мне казалось, что между мной и бездной ничего нет.

Из-за вращения корабля вращались также и звезды, и это было еще хуже. Большая Медведица появлялась слева, проплывала под палубой слева направо и исчезала — а через пару секунд снова появлялась слева.

— Да, это все вращение,— сказал я и отошел назад, чтобы позволить другим подойти к перилам. Но никто особенно не стремился к этому.

Потом мы пошли в гидропонную оранжерею, однако там не было ничего особенного — просто множество растений, которые производили кислород, потребляемый нами. В основном, это были разные виды трав, но там был также огород. Я спросил себя, как же это заставили вырасти растения так быстро, за то время, пока пассажиров не было на борту. Мистер Ортега указал на поглотитель углекислоты на стене.

— Конечно, мы должны были искусственно вводить углекислоту в воздух оранжереи,— объяснил он.

Я мог бы сам догадаться об этом.

Первый Инженер провел нас в один из обеденных залов, тут мы расселись, и он рассказал нам о машинном отделении.

Он сказал, что в развитии космонавтики было три ступени: первой ступенью были ракеты на химическом топливе, которые не особенно отличались от немецких ракет времен Второй Мировой войны, кроме того, что они были многоступенчатыми.

— Вы, ребята, слишком молоды, чтобы видеть эти штуки,— сказал он,— но это были огромные космические корабли. Они и должны были быть огромными, потому что они были так несовершенны. Как вы все знаете, первая ракета, достигшая Луны, была многоступенчатой — но ее полезный вес составлял едва тонну.

Следующей ступенью были атомные ракеты. Это было огромное усовершенствование, потому что ступени ракет больше не были нужны. Это значило, что даже такие корабли, как «Дедал», могли стартовать с Земли без всякой катапульты и отправиться на Луну или даже на Марс. Но эти корабли все еще были потомками ракет; они зависели от реактора, который нагревал реакционную массу и заставлял ее взрываться, так же, как это происходило в двигателях ракет на химическом топливе. Третья, новейшая ступень — это принцип превращения массы в энергию; этот принцип применяется на «Мейфлауэре». Может быть, это окончательная конструкция — корабль, основанный на этом принципе, теоретически может вплотную приблизиться к скорости света. Возьмем, к примеру, этот рейс; мы в течение четырех часов разгонялись при ускорении в одно «g» и в результате этого достигли скорости более чем девяносто миль в секунду.

Если бы мы поддерживали это ускорение в течение года, мы вплотную приблизились бы к скорости света.

Корабль, основанный на принципе превращения массы в энергию, располагает достаточным количеством топлива, чтобы проделать это. В энергию превращается один процент массы, а остальные девяносто девять процентов используются для истечения. По этому же принципу будет действовать и «Звездный Скиталец», когда мы его закончим.

Тут вмешался один из младших учеников.

— Мистер Инженер.

— Да, мальчик?

— Предположим, мы будем разгоняться еще пару недель — тогда мы превысим скорость света?

Мистер Ортега покачал головой.

— Этого не произойдет.

— Почему не произойдет, сэр?

— Гм, как у тебя там с математикой, мальчик?

— Мы только что начали изучать дифференциальное исчисление.

— Тогда нет никакого смысла тебе это объяснять. Но ты можешь мне поверить, что, по мнению величайших ученых, это невозможно.

Я тоже неоднократно ломал над этим голову. Почему нельзя двигаться быстрее света? Я знал обо всей этой суете вокруг уравнений Эйнштейна, доказывающих, что скорость, превышающая скорость света, является не имеющей значения величиной, как, например, вес песни или краски звуков, потому что она содержит квадратный корень из минус единицы — но это все только теория, и, если я правильно понимаю историю естествознания, ученым зачастую их теория дороже, чем другим людям их честь. Я поднял руку.

— Да, что еще?

— Мистер Ортега, предположим, что мы не превысили скорости света. Что произойдет, если «Звездный Скиталец», приблизится к скорости света и капитан внезапно увеличит ускорение до шести «g»?

— Гм, это дает... ну, скажем, следующим образом... — он замолчал и усмехнулся. При этом он выглядел достаточно молодо. — Слушай, мальчик, не задавай мне больше таких вопросов-ловушек. Я инженер, а не физик.

Он задумчиво посмотрел на нас и добавил:

— Честно говоря, я не знаю, что произойдет, но я много бы дал, чтобы узнать это. Если бы мы только знали, как выглядит квадратный корень из минус единицы...

Он быстро продолжил:

— Но снова вернемся к «Мейфлауэру». Вероятно, вы знаете, что «Мейфлауэр», собственно, должен был стать «Звездным Скитальцем-2», если «Звездный Скиталец-1» не вернется назад. Но тем временем эта конструкция устарела, и заложен «Звездный Скиталец-3», а этот корабль передан для обслуживания колоний. И ему дано название «Мейфлауэр».

Вы сами должны понять, как вам повезло. До сих пор переселенцы добирались до Ганимеда за два года и девять месяцев. Мы же проделаем этот путь за два месяца.

— А разве мы не можем лететь быстрее? — спросил кто-то.

— Можем,— сказал Ортега.— Но это не нужно и приведет к навигационным затруднениям. На этом новом корабле такое навигационное оборудование — шаг назад. Будем же терпеливы. Ваши внуки долетят туда за неделю. Будет так много кораблей, что придется учредить Службу Безопасности Движения, и, может быть, в колонии отбудет столько людей, что Земля больше не будет знать перенаселения.

Но хватит об этом,— продолжил он.— Кто из вас знает, что значит уравнение $E=mc^2$?

Я мог ему это сказать, но я не хотел снова вылезать и не хотел, чтобы меня сочли за карьериста. Наконец один из мальчиков постарше меня сказал:

— Это значит, что масса может превращаться в энергию.

— Верно,— сказал мистер Ортега.— Первым настоящим доказательством этому была атомная бомба, взорванная в 1945 году в Аламогордо, штат Нью-Мексико. Однако это был особый случай. Они еще не могли контролировать взрыв бомбы; и этот большой успех был всего лишь огромным взрывом. Потом были созданы урановые реакторы. Это тоже был особый случай, и только микроскопическая малая часть массы превращалась в энергию. Только когда Килгор вывел свои уравнения превращения массы в энергию — не беспокойтесь, это объяснят вам позже, когда вы станете старше,— все встало на свои места, а еще раньше, в 1905 году, Эйнштейн вывел свои знаменитые уравнения.

Но люди все еще не знали, как им управлять реакцией. Если мы хотели превращать массу в энергию, нам нужно было как можно больше массы, которая не превращалась бы в энергию до тех пор, пока мы этого не захотим. И нам нужны были прочнейшие сплавы. Обычного металла было уже недостаточно. С таким же успехом мы могли бы взять мягкое масло.

Но уравнения Килгора показывают, как нам разрешить эту проблему. Их нужно только правильно понять. Кто-нибудь из вас имеет представление, сколько энергии выделяется, если часть массы превратить в жесткое излучение?

Никто этого не знал.

— Это все есть в уравнениях,— сказал он.— В том числе в добром старом уравнении Эйнштейна $E=mc^2$. Оно показывает, что один грамм массы выделит девять на десять в двадцатой степени эрг.

Ниже он написал: «1 г $= 9\times10^{20}$ эрг».

— Все выглядит вполне нормально, не так ли? — произнес он.— Но теперь мы напишем это иначе.

И он написал на доске: «900000000000000000000 эрг».

— Теперь прочтем это. Девятьсот тысяч миллиардов. Это все еще говорит вам очень мало, так? Сосчитать это количество невозможно. Физики-ядерщики пользуются своими нулями, как плотник пилой.

Попробуем еще раз. Фунт любой массы, например, перьев, может выделить тринадцать миллиардов лошадиных сил энергии в час. Теперь вы понимаете, почему «Мейфлауэр» должен всегда оставаться в космосе и почему он никогда не сможет опуститься на поверхность планеты?

— К примеру? — спросил кто-то из мальчиков.

— К примеру, жесткое излучение. Если бы «Мейфлауэр» стартовал прямо с космодрома Мохаве, вся Калифорния превратилась бы в сплошное озеро лавы, и люди, населяющие ее, погибли бы от жесткого излучения и жары. Теперь вы понимаете, почему защитная перегородка пересекает весь корабль?

Нам не повезло, что Олух Эдвардс оказался в нашей группе. Он был включен в нее, потому что спал в нашем отсеке. Теперь он вылез вперед и спросил:

— А если потребуется произвести какой-нибудь ремонт по ту сторону защитной перегородки?

— Это невозможно,— объяснил ему мистер Ортега.— В энергетической установке нет движущихся частей.

Но Олуха все еще не удовлетворил данный ему ответ.

— Но, предположим, что что-нибудь все же вышло из строя, разве туда нельзя войти во время полета?

Олух обладал уникальной способностью выводить из себя других людей. Мистер Ортега немного нетерпеливо ответил ему:

— Поверьте мне, юноша, даже если потребуется войти туда, мы на это не пойдем. Действительно не пойдем.

— Фи,— сказал Олух.— Я могу сказать только, что это смешно. Почему же тогда вместе с нами отправили инженера, если в полете не надо производить никакого ремонта?

Повисла такая тишина, что можно было бы услышать, как жужжит муха, если бы таковая здесь была. Мистер Ортега покраснел, но ответил ему:

— Вероятно, ты сам сможешь ответить на свои глупые вопросы,— он взглянул на нас.— Еще что-нибудь неясно?

Никто больше не задал ни одного вопроса.

Ортега добавил:

— Я думаю, что на сегодня достаточно. Урок окончен.

Позже я рассказал об этом папе. Он мрачно посмотрел на меня и сказал:

— Я боюсь, что инженер Ортега сказал вам не всю правду.

— Как?

— Во-первых, сам он сделал многое для того, чтобы механизмы по ту и по эту сторону защитной перегородки всегда были в полном порядке. Но также вполне возможно, что во время полета придется добираться до горелки.

— И как же тогда?

— На этот случай предусмотрены исключения из правил. Тогда мистер Ортега, вероятно, наденет космический скафандр, вылезет наружу, на внешнюю обшивку корабля, и оттуда проникнет в машинное отделение. Не особенно приятная работенка...

— Ты имеешь в виду...

— Я думаю, что через пару минут Первый Инженер предстанет перед Святым Петром. Инженеров подбирают очень тщательно, Билл.

7. СКАУТЫ В КОСМОСЕ

Как только проходит новизна, путешествие на космическом корабле оборачивается такой скукой, что и представить себе невозможно. Никаких пейзажей и нигде нет места, чтобы чем-нибудь заняться. В конце концов в «Мейфлауэр» было набито шесть тысяч человек, так что даже поворачиваться здесь надо было осторожно.

Возьмем, к примеру, палубу «Д». Там спало около двух тысяч пассажиров. Она была пятьдесят метров в поперечнике и более шестисот метров в окружности. И эту площадь надо было разделить на две тысячи секторов, но большую часть ее занимали лестницы, коридоры, стены и ниши. Это значило, что койки должны были стоять вплотную друг к другу, и места было ровно столько, чтобы около койки можно было стоять.

Турниры, как на Диком Западе, здесь были невозможны, и девочки не могли здесь водить хороводы.

Палуба «А» была больше, а палуба «Ц» меньше, и она находилась ближе к оси корабля, но в среднем все палубы были одинаковыми по площади. Совет придумал систему сдвига времени, чтобы кухня, обеденные залы и ванные использовались равномерно. Палуба «А» жила по Гринвичскому времени; палуба «Б» — по сдвинутому на восемь часов Западно-Тихоокеанскому времени, а палуба «Ц» — по сдвинутому еще на восемь часов времени Филиппин.

Просыпаешься рано, не особенно усталым и, страшно скучая, ждешь завтрака. Как только завтрак кончается, нужно убивать время в ожидании обеда. А всю вторую половину дня с лихорадочным нетерпением ожидаешь ужина.

Я должен признать, что идея организовать для нас школу была не так уж плоха. Это значило, что два с половиной часа до обеда и два с половиной часа после обеда были заполнены. Некоторые из взрослых жаловались, что обеденные залы и все другие свободные местечки постоянно заняты под школьные классы, но чего же они ожидали от нас? Что мы будем мотаться по палубам? Во время занятий нам нужно было меньше места, чем если бы мы шатались просто так.

Несмотря ни на что, это были чудесные занятия. На корабль была погружена пара обучающих машин, но мы не пользовались ими, кроме того, они далеко не на все были годны. Каждый класс состоял примерно из двух дюжин детей и одного взрослого, который был докой в какой-нибудь области знаний (трудно представить, какое количество взрослых не было специалистами ни в какой облас-

ти). Взрослый рассказывал о том, что он хорошо знал, дети слушали его и задавали вопросы. Не было никаких настоящих экзаменов, никаких экспериментов, никаких показов и никаких наглядных пособий.

Папа сказал, что это лучшая школа из всех возможных и что в университете каждый студент должен иметь возможность поработать профессором. Но папа был романтиком.

Было так скучно, что я не счел нужным вести дневник — и у меня вдобавок не было ни одного микрофильма.

Вечерами мы с папой постоянно играли в криббедж — папе как-то удалось протащить с собой доску и карты. Затем он принимался за разработку технических планов для Совета, и у него больше не оставалось для меня времени. Молли сказала, что я должен научить ее этой игре, и я сделал это.

Потом я обучил Пегги, и она играла сравнительно неплохо для девчонки. Мне было немного неприятно от того, что я предал Энни и развлекаюсь с Пегги и ее матерью, но потом я сказал самому себе, что Энни сама потребовала бы этого от меня.

Несмотря на это, у меня оставалось еще много времени. При трети «g» я не мог спать больше шести часов. Лампы были погашены на протяжении восьми часов, но мы не могли спать больше, за исключением первой недели после всех этих треволнений с отбором и отлетом. Большую часть времени мы с Хэнком Джонсом бродили по коридорам корабля, пока не уставали. Мы много разговаривали. Хэнк был вовсе не так плох, каким я счел его после нашей первой встречи.

Форма скаута все еще была при мне. Она лежала сложенная на моей койке. Как-то Хэнк пришел ко мне утром, когда я застилал постель, и заметил ее.

— Послушай, Уильям,— сказал он.— Почему ты так цепляешься за эту штуку? Оставь прошлое в покое.

— Я не знаю,— ответил я, поколебавшись.— Может быть, на Ганимеде тоже есть скауты.

— Я ничего об этом не слышал.

— Может быть, и есть. На Луне же они есть.

— Это еще ничего не доказывает.

Но мы продолжали говорить об этом, и Хэнку в голову пришла великолепная мысль. Почему бы нам на «Мейфлауэре» не создать организацию скаутов?

Мы созвали заседание. Пегги известила об этом всех через Совет Молодежи, и мы собрались на слет в половине четвертого пополудни, сразу же после школы. Конечно, в половине четвертого по Гринвичскому времени. Для ребят с палубы «Б» это была половина восьмого утра, а для ребят с палубы «Ц» это было полпервого ночи. Но ничего лучшего придумать не удалось. Люди с палубы «Б» должны были

поспешить с завтраком, если хотели успеть на слет, и мы надеялись, что ребята с палубы «Ц», заинтересовавшиеся этим, не будут спать.

Я играл на аккордеоне, когда они стали собираться. Отец Хэнка как-то сказал, что музыка поднимает настроение. Мы обращались друг к другу «скауты» или «бывшие скауты»; сначала сбор намеревались провести в четырех из двадцати закупоренных коридорах, но потом нам хитростью удалось заполучить в свое распоряжение один из обеденных залов. Хэнк попросил тишины, и я отложил свой аккордеон в сторону и стал вести протокол. Радиоинженер пожертвовал нам для этой цели магнитофон.

Хэнк произнес маленькую речь. Я считаю, что, когда он вырастет, он, наверное, станет политиком. Он сказал о том, что нам всем пойдет на пользу, если мы будем блюсти товарищество и традиции скаутов, и позор нам, если мы отойдем от них. Традиции скаутов — традиции исследователей и пионеров, и где еще они будут так уместны, как не на новой планете? Возродить нашу скаутскую организацию — это будет в духе Дэниэла Буна *.

Я не думал, что он может быть таким отличным оратором. Его речь звучала великолепно.

Он умолк и сделал всеобъемлющий жест. Я поднялся и объяснил, что хотел бы внести резолюцию. Потом я зачитал ее. Первоначально она была намного длиннее, но мы ее укоротили. Она звучала следующим образом: «Нижеподписавшиеся — скауты и бывшие скауты различного происхождения, а теперь пассажиры космического корабля «Мейфлауэр» — решили возродить организацию скаутов и принести ее к звездам. Они с общего согласия создают организацию скаутов Ганимеда с общими чертами земной организации скаутов и обязуются соблюдать ее законы».

Может быть, это было слишком цветисто, но звучало это впечатляюще; никто не засмеялся. Хэнк продолжил:

— Вы слышали резолюцию. Что вы о ней думаете? Все ли присутствующие поддерживают ее?

Повсюду вверх взлетели руки. Потом разгорелась дискуссия. Кто-то придерживался мнения, что мы не должны называться скаутами Ганимеда. Но на это возражение ответом было ледяное молчание, и юноша быстро закрыл рот. Потом другой мальчик сказал, что Ганимед не звезда, и поэтому пассаж о звездах надо отбросить.

Хэнк убедил его, что это была поэтическая вольность и, кроме того, полет на Ганимед — это первый шаг к чужим звездам. Он добил его, рассказав ему о «Звездном Скитальце-3».

Самые худшие возражения они услышали от «Мини»-Мунтца,

* Дэниэл Бун (1734—1820) — один из первых американских поселенцев в Кентукки, ставший фольклорным героем переселенцев.

одного маленького парнишки, который все время разевал свой рот. Он сказал:

— Мистер председатель, это собрание незаконно. Вы не имеете права учреждать новое законодательство. Как член группы 96 в Нью-Джерси я возражаю против вашего поведения.

Хэнк спросил его, какой авторитет имеет группа 96 из Нью-Джерси здесь, в космосе, между Землей и Марсом, и кто-то крикнул:

— Выбросить его отсюда!

Хэнк ударил молотком по столу:

— Не нужно его выбрасывать отсюда — но если скаут Мунтц считает это собрание незаконным, ему не стоит принимать в нем участие. Итак, теперь мы будем рассматривать его как не имеющего права голоса члена нашей организации. Все согласны с этим?

Резолюция была принята единогласно, и Хэнк стал руководителем. Он назначил уйму комитетов: организации и планирования, для разработки программ и испытаний и так далее. Например, комитет по связям получил задание найти среди взрослых бывшего командира отряда и членов комиссии и установить суд чести. На слете присутствовало около дюжины взрослых и среди них доктор Арчибальд, уполномоченный с палубы «А». Он попросил слова:

— Мистер председатель, я был руководителем скаутов в Небраске. Я охотно предоставляю себя в распоряжение новой организации.

Хэнк посмотрел ему в глаза.

— Спасибо, сэр. Мы проверим вашу кандидатуру.

Доктор Арчибальд был, казалось, сражен, но Хэнк быстро продолжил:

— Мы хотим и нуждаемся в помощи всех взрослых скаутов. Комитет по связям получил задание установить имена всех добровольцев.

Мы решили создать три группы, по одной на каждую палубу, потому что было невозможно встречаться всем сразу. Хэнк попросил всех наблюдателей встать. Их было немного, и он решил всем им снова присвоить звание «Орлов». Теперь «орлов» у нас было около дюжины.

Хэнк распределил нас по палубам и объяснил нам, чем мы должны заниматься. Образовать отряды и выбрать верховное командование. На палубе «А» было только три «Орла». Хэнк, я и мальчик, которого я раньше никогда не видел,— Дуглас Мак-Артур Окаджима. Дуг и Хэнк объединились против меня и навязали мне работу.

Хэнк и я намеревались закончить слет за пару часов, но времени этого оказалось недостаточно, и я снова извлек свой аккордеон. Я сыграл «На тайной тропе» и «Зеленые холмы Земли». Слет мы завершили общей клятвой:

«Я клянусь своей честью, что выполню свой долг перед Богом

и Родиной, буду физически крепок, духовно свободен и морально устойчив».

На этом слет закончился.

Некоторое время мы продолжали собираться ежедневно.

Между групповыми занятиями, заседаниями комитетов и собраниями наблюдателей нам тоже не приходилось скучать. Сначала группы назывались просто «А», «Б» и «Ц», по названиями палуб, но потом нам захотелось дать им имена с тем, чтобы каждая группа приобрела свое лицо. По крайней мере, мне хотелось этого для своей группы. Нам хотелось развернуть кампанию по вербовке новых членов, и нам нужно было нечто более благозвучное, чем просто группа «А».

Кто-то предложил название «Космические крысы», но другие отклонили его; другие были за название «Ребята с «Мейфлауэра». Но это предложение мы даже не ставили на голосование.

Отклонены были следующие названия: «Отцы-основатели», «Космические пионеры», «Звездные скитальцы», «Небесная бригада». Тут встал мальчик по имени Эдвард Форбс-Смит.

— Послушайте,— сказал он.— Мы разделены на три группы с различным сдвигом времени, так? У нас есть английское время по Гринвичу. Мы можем назвать себя группой Святого Георгия.

Бад Келли признал, что это великолепная идея, только Святой Патрик будет лучше, чем Святой Георгий *. В конце концов в Дублине тоже Гринвичское время, а Святой Патрик гораздо более важный святой.

— С каких это пор? — спросил Форбс-Смит.

Бад сказал:

— Так было всегда, ты, томми...**— но мы все были против этого предложения, и было решено не использовать никаких имен святых. Но тут Джонни Эдвардсу в голову пришла хорошая идея. Мы сошлись на названии «Группа скаутов с Ганимеда «Баден-Пауэлл». Это подошло для английской зоны, и никто не был оскорблен.

Эта мысль была обсуждена. Мальчики с палубы «Ц» решили назвать себя «Агуинальдо», а мальчики с палубы «Б» назвали себя «Группой Юпитер-Сьерра». Когда я услышал эти названия, мне сделалось почти жаль, что я не принадлежу к палубе «Б». Но я отбросил это сожаление. В конце концов, «Баден-Пауэлл» — тоже неплохое название.

Они все трое были скаутами, исследователями и храбрыми мужчинами — примером нашей группе. Двое из них никогда не имели

* Святой Георгий традиционно считается покровителем Англии, а Святой Патрик — Ирландии.

** Презрительная кличка английских солдат.

шансов стать скаутами в узком смысле этого слова, но они были пионерами, как и третий из них, Дэниэл Бун.

Папа сказал, что в этом имени скрыто многое.

Как только девочки услышали о том, что мы сделали, они тоже организовали слет девочек-скаутов, и Пегги стала членом группы имени Флоренс Найтингейл *. Я не вижу, почему бы девочкам не сделать того же, что сделали мальчики? Конечно, мы были очень заняты и не могли позаботиться об этом. Мы должны были приспособить деятельность скаутов к местным условиям.

Мы решили оставить прежние ранги и знаки — но, конечно, не правление. Никто не спрашивал о том, останутся ли командиры отрядов и протоколисты или нет, но если кто получил на Земле знак «Орла», он остается им и у скаутов Ганимеда. И если кто из мальчиков был «Волком», он им и остается. Если мальчик не имел никакого ранга — таких было более половины,— он должен был доказать скаутам, что говорит правду.

Это было просто. Но разработка испытаний и обозначений была гораздо труднее. В конце концов мы не могли требовать от ребят, чтобы они поймали пчелиный рой, потому что на корабле не было пчел.

(Как стало известно позже, мы на самом деле взяли с собой пару ульев замороженных пчел, которые находились в грузовом отсеке, но их, конечно, никто бы нам не дал.)

Но мы могли послать команду в гидропонный отсек и провести испытания на технические знания о космическом корабле, а капитан Харкнесс сделал то же по баллистике и астрогации. И во время полета с Земли мальчики должны были пройти множество испытаний, чтобы получить «Орла». Нам также необходим был суд чести.

Это было оставлено напоследок. По неизвестным причинам Хэнк держал в тайне последнее сообщение Комитета по Связям. Я спросил его, почему он это делает, но он только заговорщически взглянул на меня и сказал — я это скоро узнаю.

Я действительно скоро узнал. Мы снова созвали слет всех трех групп, чтобы выбрать командиров и учредить суд чести. И с этих пор нами стали руководить взрослые, а мы, дети, могли только назначать командиров отрядов — ну да! — несмотря ни на что, это было смешно.

8. ТРЕВОГА

Когда мы пробыли в космосе пятьдесят три дня и у нас оставалась еще неделя полета до Ганимеда, капитан Харкнесс повернул

* Прославленная английская сестра милосердия (1820—1910).

корабль так, что мы наконец смогли увидеть, куда мы направляемся. Для его астрогации это, казалось, не имело никакого значения.

Вы должны знать, что ось вращения «Мейфлауэра» была сравнительно точно направлена на Юпитер, а «горелка» — на Солнце. Иллюминаторы же находились по бокам корабля, повернутые на девяносто градусов по отношению к оси корабля, и мы могли видеть кусок неба, но не Юпитер и не Солнце. Теперь корабль повернулся на девяносто градусов, и мы, так сказать, повернулись на нашей орбите. Таким образом, мы могли видеть попеременно то Юпитер, то Солнце.

Юпитер уже был крохотным красноватым пятнышком. Некоторые из парней утверждали, что они могут видеть Луну. Честно говоря, я этого не мог, по крайней мере, в первые полдня. Хорошо уже, что можно было разглядеть Юпитер.

Марс во время нашего путешествия мы наблюдать не могли, он находился по другую сторону от Солнца, на расстоянии трехсот миллионов миль. Мы не видели ничего, кроме звезд, которые можно было видеть и с Земли. Мы также не видели даже пары самых завалящих астероидов.

Для этого имелось основание. Когда мы покинули орбиту «Супра-Нью-Йорк», капитан не направил «Мейфлауэр» на Юпитер; вместо этого он отключился к северу от эклиптики, чтобы по огромной дуге обогнуть Пояс Астероидов. Теперь каждый знает, что метеориты в пространстве встречаются не случайно. Если пилот не глуп и не проложит курс через ядро кометы, попадание метеорита в корабль — большая редкость. Свободные метеориты очень редки.

С другой стороны, Пояс Астероидов содержит более чем значительную долю небесных отходов. Старые корабли шли на риск и направлялись к большим планетам прямо через Пояс Астероидов, и я не могу припомнить, чтобы какой-нибудь из них был тяжело поврежден метеоритом. Но капитан Харкнесс, который нес ответственность за сохранение нашего корабля, решил не рисковать. Если мы облетим Пояс Астероидов стороной, попадание метеорита в корабль будет почти исключено. Поскольку...

И все же метеорит попал в наш корабль.

Это случилось вскоре после пробуждения на палубе «А», когда я стоял возле койки и застилал ее. Я держал в руках форму скаута и уже хотел сложить ее, чтобы положить под подушку. Я все еще не носил ее. Ни у кого из других ребят не было с собой формы, так что мне не стоило быть исключением. Но я все еще держал ее при себе.

Внезапно я услышал грохот, какого не слышал никогда в жизни. Это прозвучало так, словно у меня над ухом кто-то выстрелил из ружья; мне показалось, словно нечто пробило толстую стальную

дверь; словно какой-то гигант разодрал кусок материи метровой толщины.

Потом грохот остался только в моих ушах, и я почти потерял сознание. Я потряс головой и уставился в пол. Прямо перед кончиком большого пальца моей ноги появилось отверстие с рваными краями. Изоляция на краях была оплавлена, а в центре отверстия я увидел что-то черное. Потом в этом черном мелькнула звезда, и мне стало ясно, что я гляжу в открытый космос.

Потом я услышал шипение.

Я не думаю, будто что-то понял. Я просто машинально скомкал свою форму, нагнулся и сунул ее в отверстие. На мгновение мне показалось, что подсос воздуха протолкнет ее наружу, но она осталась на месте и больше не шевелилась. Но шипение не прекратилось. Мне кажется, что в это мгновение я думал только о том, что мы теряем воздух и, может быть, нам придется задохнуться в вакууме.

Позади меня кто-то закричал и завизжал, что мы должны умереть, и повсюду завыли сирены тревоги. Теперь вообще ни о чем нельзя было хорошенько подумать. Герметическая дверь в наше спальное помещение автоматически закрылась, и мы теперь были отрезаны от остального корабля.

Я почти сошел с ума от страха.

Я знал, что я что-то должен сделать. Я знал также, что было лучше запереть нас здесь, в отсеке, и позволить людям, находящимся в нем, задохнуться, чем обречь на гибель пассажиров всего корабля. Но, в конце концов, я сам находился в этом отсеке. И я считаю, что я ни в коем случае не был героем.

Я почувствовал, как подсос воздуха снова втянул форму. Где-то в глубине сознания я отметил, что материя моей формы называлась «воздухонепроницаемой». Я жалел, что вместо формы я не взял с собой старый резиновый плащ. Я боялся, что моя форма еще глубже всосется в отверстие, вылетит наружу и мы наглотаемся вакуума. В это время я отдал бы весь десерт на ближайшие десять лет за пачку жевательной резинки.

Крики смолкли; потом возобновились снова. Это был Олух Эдвардс. Он молотил кулаками по запертой двери и вопил:

— Выпустите меня! Выпустите меня!

Сквозь эти крики я услышал голос капитана Харкнесса.

— Н-12, ответьте! Н-12, вы меня слышите?

Я крикнул во весь голос:

— Тише!

Пиви Брюн, один из моих «волков», с широко открытыми глазами стоял возле меня.

— Что случилось, Билли? — спросил он.

Я сказал:

— Дай мне подушку с одной из коек! Быстрее!

Он сглотнул и повиновался.

— Сними наволочку!

Он сделал это и поспешно протянул мне подушку, но руки у меня были заняты. Так что я сказал:

— Положи ее на мою руку.

Это была обычная подушка из мягкой пенорезины. Я освободил одну руку и сжатым кулаком прижал подушку к отверстию. В центре ее появилось маленькое углубление, и я испугался, что подушку разорвет. Но она выдержала. Олух снова заорал, а капитан Харкнесс все еще спрашивал, может ли кто-нибудь в отсеке Н-12 сказать, что произошло. Я снова крикнул:

— Тише! — и добавил: — Нельзя ли заставить замолчать этого идиота?

Эта мысль понравилась и остальным. Трое моих товарищей взялись за работу. Олух получил удар ребром ладони по шее и тычок под дых и наконец успокоился.

— Теперь не гомоните,— сказал я,— и если Олух хотя бы пискнет, ударьте его еще раз! — Я глубоко вдохнул воздух и крикнул:

— Говорит Н-12!

Капитан ответил:

— Что там у вас?

— Дыра в борту корабля, кэп, но мы ее заткнули.

— Что? И какого же размера эта дыра?

Я объяснил ему, как обстоят дела, больше я ничего не мог сделать. Потребовалось некоторое время, прежде чем к нам пришли, потому что — я обнаружил это позже — они изолировали герметическими дверями также и коридор, и это значило, что они должны эвакуировать всех людей с этой стороны палубы «А», но в конце концов два человека в космических скафандрах открыли дверь и вывели из отсека всех мальчиков, кроме меня. Потом они вернулись назад. Одним из них был мистер Ортега.

— Теперь ты можешь встать, мальчик,— его слова смешно звучали сквозь шлем, и все плыло у меня перед глазами. Другой человек опустился на колени возле меня и прижал подушку еще крепче.

У мистера Ортеги в руке была огромная металлическая заплата. С одной ее стороны была видна клейкая масса. Я хотел оставаться тут и поглядеть, как будут накладывать заплату, но они выставили меня наружу и закрыли дверь. Коридор снаружи был пуст, но я постучал в герметическую дверь, и меня выпустили к другим ребятам. Они хотели знать, что там происходит, но я ничего не мог им сказать, потому что меня самого оттуда выставили.

Через некоторое время мы почувствовали себя очень легкими, и капитан Харкнесс объявил, что вращение корабля на некоторое время должно быть приостановлено. Мистер Ортега и его товарищ

вышли из отсека и направились в рубку управления. Сразу же после этого корабль перестал вращаться, и мне стало ужасно плохо. Капитан Харкнесс не отключил корабельную связь, когда разговаривал с людьми, вышедшими наружу, чтобы заделать отверстие. Я не прислушивался. Когда страдаешь космической болезнью, все остальное перестает волновать.

Потом вращение возобновилось, и мы вернулись назад, в нашу спальню. Там ничего не изменилось, только появилось пятно на том месте, где недавно была пробоина.

В это утро мы получили свой завтрак на два часа позже, и на этом все закончилось.

Так, во второй раз, я оказался на суде капитана. При этом присутствовали Джордж, Молли и Пегги, а также доктор Арчибальд, командир скаутов нашей палубы, ребята из нашего отсека и все офицеры. Остальные пассажиры могли наблюдать за церемонией по экрану стереовизора. Я хотел надеть свою форму, но она была изорвана и запачкана клеющим составом. Я срезал с нее знаки различия и бросил остатки в мусоропровод.

Первый офицер выкрикнул:

— Суд капитана — для наказания проступков и для вознаграждения за храбрость! — Все встали, и капитан Харкнесс выступил вперед. Папа также подтолкнул меня вперед.

Капитан взглянул на меня.

— Уильям Лермер? — спросил он.

— Так точно, сэр!

— Я прочитаю вчерашнюю запись в бортовом журнале:

«Когда мы двадцать первого августа, в семь часов четыре минуты, согласно плану, находились в инерциальном полете, в корабль попал метеорит. Система безопасности сработала безукоризненно, и пораженная область, Н-12, была отсечена, благодаря чему давление воздуха в остальном корабле почти не изменилось.

Отсек Н-12 — спальное помещение, в котором в момент несчастного случая находились двадцать пассажиров. Один из пассажиров, Уильям Лермер, изготовил из подручного материала временную пробку, благодаря чему было сохранено необходимое количество воздуха, пока ремонтная бригада не проникла в помещение.

Его быстрые и решительные действия спасли жизнь всем пассажирам, находящимся в пораженном отсеке».

Капитан посмотрел поверх бортового журнала и продолжил:

— Заверенная копия этой записи вместе со свидетельскими показаниями направляется в Межпланетный Красный Крест. Вторая копия вручается вам. Здесь, на борту, я ничем не могу наградить

вас, поэтому я приношу вам свою истинную и глубокую благодарность. Я знаю, что я говорю не только для офицеров, но и для всех пассажиров — особенно для родителей ваших товарищей по спальному помещению.

Он сделал паузу, затем велел мне подойти. Потом он тихо сказал мне:

— Это действительно храбрый поступок. Ты поступил правильно, мальчик. Я думаю, ты можешь гордиться этим.

Я ответил, что мне просто повезло.

— Может быть,— сказал он.— Но так повезти может только тому, кто готов ко всему.

Он немного помедлил, потом добавил:

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы получить профессию космонавта?

Я ответил, что думал об этом, но не особенно серьезно.

— Если ты когда-нибудь надумаешь, сообщи мне,— сказал он.— Ты можешь послать для меня сообщение в Союз Пилотов в Луна-Сити.

На этом суд капитана завершился, и мы разошлись. Джордж и я пошли вперед. Молли и Пегги последовали за нами. Я слышал, как Пегги сказала:

— Ведь это сделал мой брат!

— Фи, Пегги,— ответила Молли.— Не стоит на это напирать.

— А почему нет? — спросила Пегги.— Ведь он мой брат, не так ли?

— Конечно, но ты не должна его смущать.

Но она меня нисколько не смутила.

Мистер Ортега разыскал меня позже и дал мне маленький черный кусочек металла, чуть больше кнопки.

— Вот все, что осталось от этой штуковины,— сказал он.— Но я думаю, что, может быть, ты охотно оставишь его себе — так сказать, в качестве платы за испорченную форму.

Я поблагодарил его и сказал, что мне не особенно жалко было потерять эту форму; в конце концов, она спасла жизнь и мне тоже. Я взглянул на метеорит.

— Мистер Ортега, можно установить, откуда он прилетел?

— Я думаю, нет,— произнес он.— Конечно, ты можешь спросить об этом у ученых, и они выскажут тебе свое мнение — если ты хочешь, чтобы они уничтожили этот осколок.

— Нет,— ответил я. Этого я не хотел. С этих пор он всегда был со мной.

Мистер Ортега продолжал:

— Это либо кусочек кометы, либо частичка разбитой планеты.

Мы не можем сказать точно, потому что он встретился нам в таком месте, где мы не ожидали никаких метеоритов.

— И все же он нам повстречался.

— И что же?

— Э-э... мистер Ортега, почему корпус корабля не сделан толще, чтобы такие камешки не могли пробить его? — я вспомнил, каким тонким выглядел корпус, когда я заглянул в пробоину.

— Ну, во-первых, этот метеорит по сравнению с остальными — настоящий гигант. Во-вторых, ты когда-нибудь слышал о космических лучах, Билл?

— Не очень много.

— Несомненно, ты знаешь, что первичные космические лучи пронизывают тело человека, но нисколько не вредят ему. Эти лучи также есть и здесь, в космосе. Но металл не полностью прозрачен для них, а те, что взаимодействуют с металлом, превращаются во вторичное, третичное и четвертичное излучение. Это излучение уже далеко не безвредно. Оно может вызвать мутации и причинить непоправимый вред тебе и твоим потомкам. Короче говоря: человек должен строить космические корабли с как можно более тонкими стенками.

В следующую пару дней Олух больше не появлялся в нашем отсеке, и я думал, что он, может быть, получил хороший урок. Но я ошибался. Я встретил его в нижнем коридоре, который находился не слишком близко от нашей спальни. Я хотел пройти мимо него, но он заступил мне дорогу.

— Я хочу поговорить с тобой,— сказал он мне.

— Ну хорошо,— ответил я.— Что там у тебя?

— Может быть, ты считаешь себя очень хитрым, а?

Его слова мне не понравились — и еще меньше мне понравился его тон. «Я не считаю себя очень хитрым, я и есть хитрый»,— ответил я ему. Он постепенно начал терять самообладание.

— Ты слишком много о себе воображаешь. Может быть, ты думаешь, что я теперь буду целовать тебе руки и благодарить тебя, потому что ты спас мне жизнь?

— О,— сказал я.— Если это мучит тебя, забудь. Я сделал это отнюдь не для тебя.

— Я это знаю. И я не благодарю тебя, понятно?

Все было правильно, так и должно было быть. От этого парня я не мог ждать никакой благодарности.

Он тяжело вздохнул.

— Ты вывел меня из себя,— медленно сказал он. Потом он ударил меня кулаком в лицо, и я рухнул на пол.

Я осторожно встал и попытался захватить его врасплох. Но

это мне не удалось. Он снова свалил меня. Лежа на полу, я пытался толкнуть его. Но он успел отскочить.

Когда он ударил меня в третий раз, я остался лежать. А когда я поднялся снова, он уже исчез. Я не крикнул ему вслед никакого оскорбления. Я никогда не был силен в потасовках. Я всегда говорил себе, что я отомщу позже.

Я подошел к водяному фонтанчику и вымыл лицо. Хэнк подошел ко мне и спросил меня: что, ради всего святого, со мной произошло? Я сказал ему, что налетел на дверь. Папе я сказал то же самое.

Олух больше не докучал мне, и мы больше никогда ни о чем не говорили друг с другом.

В этот вечер я долго не мог заснуть и пытался объяснить себе все. Я просто не понимал этого. Парня, который выдумал такое вот предложение: «Я борюсь с силой десяти человек, пока сердце у меня чисто». Вероятно, он никогда не натыкался на такого идиота, как Эдвардс. По-моему, Олух был отвратительнейшим типом, и я раскаивался лишь в том, что я закупорил отверстие, пробитое метеоритом, формой и подушкой, а не его башкой. Я пытался вообразить себе, как бы я это сделал, но мне так ничего и не пришло в голову. Как говорит папа — иногда просто нужно принять сложившуюся ситуацию.

9. ЛУНЫ ЮПИТЕРА

Это произошло незадолго до того, как мы приблизились к Юпитеру. Пропал четырехлетний ребенок. Родители всюду искали его, потом они попросили других проявить внимание, но никто не мог разыскать малыша.

Так мы получили возможность проверить нашу готовность скаута оказать помощь. Офицеры не могли обыскивать корабль; кроме капитана, мистера Ортеги и его заместителя, а также двух вахтенных офицеров, никто из экипажа не мог этим заняться. Капитан Харкнесс выдал каждой группе скаутов план корабля, и мы пошли на все, чтобы оправдать оказанное нам доверие. Мы нашли ребенка за двадцать минут. Оказалось, что мальчуган незаметно проскользнул в гидропонный отсек, пока персонал обслуживал растения, и там его заперли.

Пока он находился внутри, его начала мучить жажда, и он пытался утолить ее растворами, в которых росли растения,— он даже немного выпил этих растворов. Результат был ужасающим. Хотя он и не получил никакого серьезного отравления, но гидропонный отсек теперь выглядел не слишком стерильно!

Вечером, когда мы с папой сидели за игрой, я рассказал ему

об этом. Пегги была на собрании девочек-скаутов, Молли тоже не было в каюте. Таким образом, мы были одни. Мать малыша жутко вопила, словно совершилось преступление,— я думаю, куда бы мог подеваться ребенок на космическом корабле? И за борт он тоже не мог бы выпасть.

Папа сказал, что ее реакция была вполне естественной.

— Послушай, Джордж, разве у тебя никогда не было ощущения, что некоторые переселенцы просто не подходят для жизни в колониях?

— Ммммм... весьма может быть.

Я думал об Олухе, но я упомянул миссис Тарбаттон, которая окончательно сломалась и больше не появлялась на людях, и другую женщину — миссис Григсби,— которая подверглась наказанию и должна была мыть посуду. Потом здесь был еще парень по имени Сэндерс, который постоянно вступал в конфликты с Советом, потому что он постоянно пытался вести на корабле свободную жизнь.

— Джордж, как же этим людям удалось выдержать психотесты?

Джордж прервал игру и теперь смотрел на меня.

— Билл, ты никогда не слышал о политическом влиянии?

Я только и смог спросить:— Как это?

— Я знаю, эта мысль тебя шокирует, но ты уже достаточно взрослый, чтобы видеть мир таким, каков он есть. Возьмем следующий пример: я не думаю, что родственники членов правительства проходят те же самые тесты. Если же они проходят их — заключения психиатров всегда благоприятны для них, если правительство проявляет к этому настойчивое внимание.

Мне некоторое время пришлось переваривать услышанное. Как будто это сказал не Джордж. Он не был циником. Я был циничнее его. Образ мыслей Джорджа представлялся мне наивным.

— Но если люди могут обойти эти тесты, тогда, значит, они совсем не нужны.

— Напротив. В основном, результаты тестов честны. И нескольких человек, которым удалось избежать их, не стоит принимать всерьез. Через некоторое время нам, конечно, удастся изменить их. Они почувствуют, что сделали не лучший выбор,— он раздал карты и продолжил: — На этот раз я оставлю тебя в дураках.

Так он говорил всегда. Но теперь я не мог сосредоточиться на игре.

— Каждый, кто злоупотребляет своим положением, должен нести за это ответ.

— Ха,— сказал Джордж.— Не будь так опрометчив, мальчик. В конце концов, мы ведь имеем дело с людьми, а не с ангелами.

Двадцать четвертого августа капитан Харкнесс остановил вращение корабля и начал маневр сближения. Мы тормозили больше четырех часов и прошли на расстоянии шестисот тысяч миль от Юпитера, двигаясь по инерции. Ганимед находился прямо перед нами. Невесомость все еще казалась мне неприятной, но на этот раз мы подготовились к ней и с самого начала сделали себе инъекции против космической болезни.

Теоретически «Мейфлауэр» мог проделать всего лишь один сложный маневр в конце торможения и выйти на низкую орбиту вокруг Ганимеда. На практике же было лучше приблизиться к нему помедленнее и избежать встречи с метеоритами — особенно с так называемым «фальшивым кольцом».

Конечно, у Юпитера не было таких колец, как у Сатурна, но в той же плоскости, в которой обращались вокруг него его спутники, вращались также и большие каменные осколки. Если бы их было больше, они образовали бы такое же кольцо, как у Сатурна. Но их было сравнительно немного, и пилоты вели наш корабль сквозь него, как сквозь рой крутых яиц. И медленное приближение обеспечило нам бесплатный показ Юпитера и его лун.

Большинство метеоритов, которых мы избежали, благодаря маневру, находились над экватором Юпитера. Поэтому капитан Харкнесс провел корабль над северным полюсом планеты. Таким образом, мы могли оказаться в опасной зоне только по ту сторону Ганимеда,— и скорость наша уже была бы совсем небольшой.

Минуя северный полюс Юпитера, мы летели не так уж и медленно. Боже мой! Мы делали больше тридцати миль в секунду, и мы прошли в тридцати тысячах миль от поверхности планеты. Это было захватывающее зрелище! Юпитер имеет в диаметре девяносто тысяч миль; тридцать тысяч миль — это очень близко. Можно дотянуться рукой.

В течение двух минут у меня был хороший обзор, однако потом я должен был уступить место у иллюминатора другим. Я пошел в спальный отсек и стал наблюдать за экраном телевизора. Это было великолепное зрелище. На Юпитере всегда были экваториальные полосы. Но теперь, когда мы смотрели на них сверху, они казались кольцами. Юпитер напоминал огромную мишень с оранжевыми, кирпично-красными и коричневыми кольцами — это значит, что мы видели только его половину.

Точно на полюсе было темное пятно. Это была зона относительно спокойной и ясной погоды, и там была видна поверхность планеты. Я ничего там не мог разглядеть. Это было просто темное пятно, и больше ничего.

Когда мы миновали полюс, появилась Ио — первая луна Юпитера. Ио имеет почти такие же размеры, как наша Луна, и она находится почти на таком же расстоянии от Юпитера, как наша

Луна от Земли. Сначала мы видели только черное небо, потом темный, кроваво-красный диск, который менее чем в пять минут стал таким же оранжевым, как и Юпитер. Ио появилась внезапно, точно по волшебству.

Я поискал спутник Барнарда, потому что мы должны были пролететь мимо него, но не нашел его. Он был маленьким и ближе к поверхности Юпитера — так близко к планете, что обегал ее за два часа. Я заинтересовался им потому, что знал: на нем находится обсерватория по изучению Юпитера и его хотели использовать в качестве опорной базы при осуществлении проекта «Юпитер».

Вероятно, я потерял не слишком много; спутник Барнарда был всего лишь сто пятьдесят миль в диаметре. Это значило, что человек мог почти что прыгнуть с поверхности этой планеты в космос. Я спросил об этом Джорджа, и он ответил, что это невозможно, потому что скорость отрыва должна быть около ста тридцати метров в секунду. Он хотел знать, кто сказал мне такую чушь.

Позднее я разыскал данные. Все было правильно. Папа — источник самой разнообразной информации. И все это он знает основательно. Он всегда говорит, что факты должны говорить сами за себя.

Каллисто находилась позади нас; мы миновали ее на пути сюда, но прошли довольно далеко от нее. Европа находилась примерно в девяноста градусах слева от нашего курса, и мы видели ее полумесяц. Она находилась более чем в четырехстах тысячах миль от нас и не была так красива, как Луна, видимая с Земли.

Ганимед находился прямо перед нами, он становился все больше и больше. Одно было удивительно: Каллисто была серебристой, как наша Луна, но не такой яркой; Ио и Европа ярко-оранжевые и светились таким же светом, как и Юпитер, но Ганимед был скучным и тусклым.

Я спросил об этом Джорджа, и он, как обычно, ответил:

— Ганимед раньше был таким же ярким, как Ио и Европа. Это парниковый эффект — тепло. Иначе мы не смогли бы там жить.

Я, конечно, уже слышал об этом. Выделение тепла — важнейшая часть проекта «Атмосфера». Когда экспедиция 1985 года совершила здесь посадку, температура поверхности Ганимеда была на пару сотен градусов ниже нуля. Этого вполне достаточно, чтобы человек мгновенно замерз.

— Но, несмотря на парниковый эффект, Джордж,— сказал я,— разве нормально, что Ганимед такой темный?

— Свет — это тепло. Тепло — это свет,— ответил он.— На поверхности не темно. Свет достигает поверхности, но не отражается от нее.

Я молчал. Это было для меня ново, и я ничего не понимал, поэ-

тому решил подождать. Капитан Харкнесс затормозил еще раз, когда мы достигли Ганимеда, и мы смогли позавтракать при тяготении. Я еще не готов был есть в невесомости, даже после инъекции. Капитан вывел корабль на орбиту вокруг Ганимеда. Мы прибыли, и едва ли кто-нибудь заберет нас отсюда.

Уже после погрузки на корабль, следующий на Ганимед, мне стало ясно, что жизнь в колонии вовсе не так захватывающа и романтична, как это казалось с Земли. Вместо трех кораблей, которые доставили всех нас на «Мейфлауэр», тут был только один-единственный челнок «Джиттербаг», который прибыл на «Мейфлауэр» в грузовом помещении «Бифроста». Он мог взять за один раз девяносто пассажиров, и это означало, что ему предстоит сделать довольно много рейсов.

Мне повезло. Я должен был ждать в невесомости всего три дня. Но и за эти три дня я потерял девять фунтов веса.

Во время ожидания я помогал выволакивать груз, который должен был перевезти «Джиттербаг». В конце концов настала наша очередь и мы забрались в «Джиттербаг».

Это было ужасно. Палубы там были не больше полок — около метра высотой. Стояла ужасная вонь, хотя не стоило большого труда очистить помещение. Не было никаких отдельных кресел. Нас просто плечом к плечу запаковали в длинные маты, или, точнее сказать, с головы до ног.

Сказать, что здесь распоряжался капитан, было бы неточно, потому что им была старуха с глазами хищного зверя, которую звали кэп Хетти. Она ревела и кричала нам, чтобы мы поторопились. Потом она стартовала, даже не поинтересовавшись, пристегнулись ли мы.

К счастью, это продолжалось недолго. Она так резко набрала скорость, что я впервые за все свое путешествие потерял сознание. Потом мы в течение примерно двадцати минут летели по инерции. В конце концов она резко затормозила и совершила посадку с чудовищным толчком. Кэп Хетти заорала:

— Вон, наружу, вы, сони! Мы уже на месте!

В «Джиттербаге» был чистый кислород, а не гелиево-кислородная смесь, как в «Мейфлауэре». У нас было давление десять фунтов на квадратный сантиметр. Теперь кэп Хетти снизила давление до трех фунтов — что соответствовало количеству кислорода на Ганимеде. Конечно, можно было жить и при трех фунтах; на Земле было не больше. Там кислорода было всего двадцать пять процентов, как и здесь. Остальное здесь, конечно, составлял азот. Но вне-

запное изменение давления заставило нас всех зевать. Мы не задохнулись, но у нас возникло чувство, что это вот-вот произойдет.

Когда мы спустились на поверхность Ганимеда, мы почувствовали себя жалкими, и у Пегги из носа пошла кровь. Здесь не было лифта. Мы должны были спускаться по веревочной лестнице. И было холодно!

Шел снег. Буран ревел вокруг корабля и сотрясал веревочную лестницу — маленьких детей пришлось привязывать к себе и спускаться вместе с ними. Слой снега на почве достигал двадцати сантиметров — кроме того места, где его растопили тормозные дюзы «Джиттербага». Я едва мог видеть, потому что ветер забивал мне лицо снегом, но какой-то мужчина схватил меня за плечо, развернул и проревел:

— Иди дальше! Иди дальше! Сюда, вдоль корабля!

Я пошел в указанном направлении. Второй мужчина, мурлыкая какую-то песню, принял меня. Я увидел слабо натоптанную тропинку в снегу. Передо мной в хлопьях снега исчезла пара человек, и я побежал вслед за ними, в основном для того, чтобы согреться. До защитного дома было примерно полмили, и дорога была ужасно холодной. Мы были легко одеты. Я продрог до костей, и мои ноги были мокрыми и ледяными, когда мы наконец достигли укрытия.

Защитный дом был огромным ангароподобным строением, и внутри него было не особенно тепло, потому что двери большей частью были открыты. Внутри него толпились люди — некоторые в корабельной одежде, другие в одежде колонистов Ганимеда. Колонистов нельзя было не узнать: они были бородатыми, и у некоторых из них даже были длинные волосы. Я решил, что этому не стоит подражать. Я всегду буду чисто выбрит, так же, как Джордж.

Я осмотрелся, пытаясь обнаружить Джорджа и К°. В конце концов, я обнаружил их: Молли сидела на одном из узлов и держала на коленях Пегги. Нос Пег перестал кровоточить, но лицо ее было маской из крови, слез и грязи. У нее был очень жалкий вид.

Джордж мрачно смотрел на них, как в первый день путешествия, когда он был вынужден отказаться от своей трубки. Я подошел и сказал:

— Привет всем.

Джордж поднял взгляд и, улыбнувшись, ответил:

— Как хорошо, Билл, что ты уже здесь. Как у тебя дела?

— Ты спрашиваешь это у меня? Сверхъестественная путаница!

Он взглянул на меня еще мрачнее и сказал:

— Это все скоро уладится.

На этом наш разговор был закончен. Один из колонистов с сапогами, запорошенными снегом, и густой бородой остановился около нас и свистнул в два пальца.

— Тише! — проревел он.— Мне нужны двенадцать молодых и сильных мужчин и подростков, чтобы выгрузить багаж,— он осмотрел нас и указал: — Вы... и вы... и вы...

Джордж был девятым, а я десятым.

Молли хотела запротестовать. Я думал, что Джордж тоже запротестует, но он ничего не сказал. Он только объяснил:

— Оставайся тут, Молли. Я думаю, мы должны сделать это. Идем, Билл.

Мы снова вышли наружу, на холод.

Снаружи стоял открытый грузовик, и мы забрались в него; потом грузовик поехал назад, к посадочному полю. Папа позаботился о том, чтобы меня направили внутрь «Джиттербага» и мне не пришлось работать снаружи. Но благодаря этому я еще раз испытал на себе острый язычок кэпа Хэтти. Она всем была недовольна. По ее мнению, мы работали слишком медленно. Но, в конце концов, мы выгрузили весь свой багаж. Когда я покинул корабль, багаж был уже погружен на грузовик. Возвращаясь, мы снова продрогли до костей.

Молли и Пегги на прежнем месте не оказалось. Огромное помещение было почти пустым, и нам приказали пройти через внутреннюю дверь в другое помещение. Я увидел, что Джордж обеспокоен отсутствием Молли.

В следующем здании мы обнаружили огромную стрелу с надписью: «Мужчины и мальчики — направо, а женщины и девочки — налево». Джордж повернул именно налево. Но он не сделал и десяти шагов, как на пути у него оказалась женщина со строгим выражением лица. На ней была одежда колонистов.

— В другом направлении,— твердо сказала она.— Здесь женская спальня.

— Да, я знаю,— ответил папа.— Но я ищу свою жену.

— Вы ее можете увидеть после ужина.

— Я хочу увидеть ее сейчас.

— В настоящее время я не могу найти определенного человека в такой толпе. Вам придется подождать.

— Но...— пара женщин протиснулась мимо нас и прошла в спальное помещение. Папа остановил одну из них, узнав ее: — Миссис Арчибальд!

Она обернулась.

— О, мистер Лермер. Что вы здесь делаете?

— Миссис Арчибальд,— настойчиво попросил папа,— вы можете найти Молли и сказать ей, что я буду ждать ее здесь, снаружи?

— Ну, конечно, мистер Лермер, я постараюсь сделать это.

— Большое спасибо, миссис Арчибальд.

— Я охотно помогу вам,— она ушла, а мы стали ждать, не обращая внимания на строгую привратницу. Через некоторое время

вышла Молли, но Пегги с ней не было. Казалось, что папа не видел ее целый месяц.

— Я не знаю, что мне делать, дорогой,— сказала она.— Я должна была уйти туда и как можно лучше устроить Пегги. Я знала, что потом ты разыщешь меня.

— А где теперь Пегги?

— Я уложила ее в постель.

Мы вернулись назад, в главный зал. Там находился письменный стол с надписью: «Обслуживание переселенцев: информация». Вокруг него вилась длинная очередь желающих получить эту информацию. Мы встали в ее конец.

— Как дела у Пегги? — спросил папа.

— Я боюсь, что она простудится.

Папа сказал: — Надо надеяться... ага, надеюсь... апчхи!

— Ты тоже простыл,— прокурорским тоном произнесла Молли.

— Я никогда не простужаюсь! — возразил папа и протер глаза.— Это всего лишь рефлекс.

— Гмм,— только и ответила Молли.

Мы стояли на маленькой галерее. Двое парней моего возраста или старше меня стояли у перил и наблюдали за нами. Они были из колонистов и старались отрастить бороды, но это им еще не удавалось.

Один из них повернулся к другому:

— Рэйф, посмотри, кого это нам сюда прислали?

— Печально,— произнес другой.

Первый указал большим пальцем на меня и продолжил:

— Посмотри-ка на него. Можно держать пари, что он будет художником.

Второй задумчиво уставился на меня.

— Это меня не касается. Не замерз ли он?

— Тебе это должно быть безразлично,— ответил первый.

Я повернулся к ним спиной, и они оба рассмеялись. Я ненавижу людей, которые ведут себя так вызывающе.

10. ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Мистер Сэндерс стоял перед нами. Он жаловался на погоду. Он говорил, что стыдно высаживать людей на такой холод, как это сделали с нами. Он был в нашей группе по разгрузке, но не слишком утруждал себя работой.

Человек, сидевший за письменным столом, пожал плечами.

— Срок вашего прибытия сюда установлен Комиссией по колониям. Мы не имеем на нее никакого влияния. Не можете же вы ожидать, что мы по своему желанию можем отодвинуть зиму.

— Я буду жаловаться в высшие инстанции!

— Теперь вы можете сделать это,— человек протянул ему бланк.— Следующий, пожалуйста,— он взглянул на папу и спросил: — Что я могу сделать для вас, гражданин?

Папа тихо объяснил, что он хотел бы, чтобы его семья была вместе с ним. Мужчина покачал головой.

— Мне очень жаль. Следующий, пожалуйста.

Но папа не сдвинулся с места.

— Вы не можете разлучить семью. Мы не рабы, не преступники и не животные. Служба по переселению несет за это известную ответственность.

Мужчина поскучнел.

— Это самая большая партия переселенцев, с которой мы когда-либо имели дело. Мы сделали все, что смогли. Но у нас тут пограничный городок, а не отель «Астория».

— Я же прошу только места для меня и моей семьи, которое нам было обещано согласно памятке Комиссии.

— Гражданин, эта брошюрка написана на Земле. Будьте терпеливы, и о вас позаботятся.

— Когда? Завтра?

— Нет, не завтра. Через пару дней — или через пару недель.

Папа взорвался.

— Недель! Это уже слишком. Лучше я сам построю для себя и своей семьи иглу на открытом месте, чем буду дожидаться этого.

— Вы можете поступить так, как вам будет угодно,— мужчина протянул папе бумагу.— Если у вас есть какие-нибудь жалобы, изложите их вот здесь, внизу.

Папа взял листок и бросил на него взгляд. Это был отпечатанный формуляр — и он был адресован в Комиссию по делам колоний, находящуюся на З е м л е! Мужчина продолжил:

— Сделайте это как можно быстрее. Мы снимем микрофильм и отправим его на землю с «Мейфлауэром».

Папа что-то пробурчал, сложил формуляр и отошел. Молли последовала за ним. Она сказала:

— Джордж! Джордж! Ты не должен так беспокоиться. Мы сами все это преодолеем.

Папа усмехнулся:

— Конечно, любимая. Меня беспокоит только система. Все жалобы, пожалуйста, направляйте в Центральное Бюро — а оно находится за полмиллиарда миль отсюда!

На следующий день у Джорджа потекло из носа — конечно, это был рефлекс. Пегги стало еще хуже. Молли заботилась о ней, а папа был в отчаянии. Он куда-то ходил и протестовал против такого обращения с нами.

Честно говоря, для меня все это было не так уж и трагично.

Пребывание в общем спальном зале не представляло для меня ничего необычного. Я мог бы спать даже во время светопреставления. И насчет еды здесь все было более чем в порядке.

Послушайте же, что там было: на завтрак кукурузные оладьи с сиропом и настоящим маслом, сосисками, настоящей ветчиной и земляникой, и все это было покрыто таким толстым слоем сметаны, что их не было видно; чай, молоко сколько угодно, томатный сок, дынный мед, яйца — сколько угодно яиц! Сахарницы тоже были полны, но на солонке была приклеена маленькая надпись: «Соль зря не тратить». Не было также кофе, однако я бы так и не заметил этого, если бы Джордж не упомянул об этом. Отсутствовало также еще кое-что из продуктов, но в первое время я также этого не заметил. Например, не было фруктов с деревьев — яблок, груш и апельсинов. Однако, кому они нужны, если каждый мог по желанию получить землянику, дыни и ананасы? У нас также не было грецких орехов, но мы же могли насушить земляных орехов.

Все, что было сделано из пшеничной муки, было роскошным, однако мы, подростки, не могли этого оценить.

На обед были блюда из рыбы и моллюсков, мясной бульон, по выбору — сырное суфле, жареная курица, говядина с капустой, маленькие головки лука с грибами, жареные фаршированные томаты, батат, жареный картофель, залитый маслом салат из листьев эосдивия, салат из капусты со сметаной, ананасы и запеченный сыр с зеленым салатом. Затем были мясные блюда, паштеты, яичница, земляничное мороженое и три сорта пудингов — но от десерта мне пришлось отказаться. Мне хотелось попробовать все эти кушанья, и желудок мой был набит до отказа.

Повара, как и в лагере скаутов, здесь выбирались из переселенцев. Но при таких продуктах нам ничего не могло повредить. Мы сами должны были брать посуду, здесь не было ни официантов, ни слуг, и тарелки мы должны были мыть сами — мы не могли их просто выбросить или сжечь, потому что они были привезены с Земли и имели огромную ценность.

В первый же день переселенцы вымыли всех пятьдесят ребятишек, от первого до последнего, а на следующий день взялись за среднюю группу. Меня же причислили к взрослым мужчинам.

Первый ужин состоял из грибного супа, жареного шпига, горячих кукурузных лепешек с маслом, баранины, спаржи в сметане, картофельного пюре с печеночным соусом, шпината с крутыми рублеными яйцами и тертым сыром, кукурузного пудинга, картофеля со сметаной, салата из капусты и еще трех других видов салата. Потом шли ванильное мороженое, пудинг с изюмом и сливками, малага, виноград и земляника в сахарной пудре.

Кроме того, можно было в любое время зайти на кухню и чего-нибудь перехватить.

В первые три дня я очень мало выходил на улицу. Шел снег — и хотя во время нашего прибытия солнце находилось в одной из своих фаз, сейчас было очень темно, солнца не было видно, не говоря уж о Юпитере. Кроме того, мы попали сюда во время солнечного затмения. Было холодно, как в Сибири, а у нас не было никакой по-настоящему теплой одежды.

Однажды я на тракторе комиссариата отправился в город, чтобы пополнить запасы продовольствия. Не то чтобы я увидел в городе слишком много, и не то чтобы Леда была огромным городом, хотя ты и жил раньше в Диего. Но я увидел гидропонные устройства. Это были огромные, смахивающие на сараи сооружения, которые были проименованы по названиям местности: «Оаху» и «Айова». В них не было ничего особенного, просто обычные строения без пола. Я не долго задержался там, потому что яркий свет, которым облучались растения, вызывал боль в моих глазах.

Но я заинтересовался тропическими растениями, которые росли в «Оаху» — многие из них я никогда не видел. Я заметил, что большинство из них были помечены буквами «М. Г.», а остальные имели букву «З». Я спросил у садовника, и он объяснил мне, что «М. Г.»— это мутанты Ганимеда, а «З»— значит, земные растения.

Позже я обнаружил, что почти все растения были мутантами, которые приспособились к условиям жизни на Ганимеде.

Позади этих строений был высокий сарай с надписью «Техас». Там были настоящие коровы, и меня это совершенно потрясло. Вы знаете, что коровы двигают челюстями из стороны в сторону? И я могу заверить вас, что у них было великолепное вымя для производства сливок; безразлично, что вам там наврали. Теперь я понял, почему в «Техасе» несло так же, как в космическом корабле. Затем был короткий переход к зданию, где под одной крышей находились все магазины Леды.

Я присматривал небольшой подарок для Пегги, потому что она все еще болела, но я пережил самый большой шок в своей жизни. Такие цены! Если мне нужно купить в Леде какую-нибудь вещь, которую я не захватил с собой с Земли, я тут же становлюсь беднее на пару тысяч кредитов. Это чистая правда! Все, что экспортировано с Земли, стоит очень дорого. Тюбик пасты для бритья стоит двести восемьдесят кредитов!

Тут были также предметы местного производства, в большинстве своем ручной работы; они тоже были дорогими, но не настолько дорогими, как товары с Земли.

Я поспешно покинул магазин. Единственным дешевым товаром на Ганимеде, очевидно, была только пища.

Водитель трактора хотел знать, где я был, пока он грузился.

— Вообще-то тебя надо было заставить вернуться домой пешком,— пробурчал он.



А затем захлопнул дверцу, оставив зиму снаружи. Обогреватель работал на полную мощность, небо было безоблачным, и это было великолепно. Я впервые увидел небо вскоре после утренних сумерек этой фазы солнца. Тепловое поле планеты придавало ему зеленовато-голубой оттенок, но Юпитер довлел над всем — красно-оранжевый и гигантский. Большой и прекрасный — я никогда не уставал любоваться Юпитером.

Луна в полнолуние выглядит огромной, не так ли? Ну, Юпитер с Ганимеда выглядел в шестнадцать-семнадцать раз больше, чем земная Луна, и занимал на небе в двести пятьдесят раз большую площадь, чем Луна. Он просто висел на небе, никогда не заходя и не восходя, и можно было спросить себя, не прикреплен ли он к чему-нибудь там, наверху?

Сначала я видел его в половинной фазе, и я не мог себе представить ничего красивее этого. Но солнце скользило по небу, Юпитер превратился в серп и стал еще прекраснее, чем прежде. В середине солнечной фазы, конечно, наступили сумерки, и Юпитер стал огромным, угольно-красным кольцом на небе.

Но самое лучшее — это темная фаза.

Может быть, мне нужно объяснить, как обстоит дело с этими фазами. Я знаю, что сам я не совсем точно понимал это, пока не прибыл на Ганимед. Ганимед такая маленькая планетка, и она так близко от Юпитера, что все время связана с этой гигантской планетой так же, как Луна связана с Землей. Ганимед обращен к Юпитеру всегда одной и той же стороной, и поэтому планета-гигант не меняет своего места на небе. Солнце движется, другие луны Юпитера тоже движутся, звезды движутся — но только не добрый старый Юпитер. Он просто висит на месте.

Ганимеду требуется около одной земной недели, чтобы обежать вокруг него, поэтому у нас три с половиной дня светит солнце, а три с половиной дня темно. По времени Ганимеда его оборот длится точно одну неделю; двадцать четыре часа ганимедского времени — одна седьмая этого периода. По всеобщему соглашению, одна ганимедская минута стала на одну секунду длиннее, чем земная минута, но кому это мешает?

Таким образом, неделя Ганимеда имеет следующий состав: солнце восходит каждое воскресенье в полночь; когда встаешь в понедельник утром, краешек солнца поднимается над горизонтом на востоке, а Юпитер находится в половинной фазе. Солнце взбирается все выше и во вторник заходит за Юпитер. Тогда на Ганимеде становится темно. Это время, в зависимости от положения Юпитера на эклиптике, длится от одного часа в минимуме до трех с половиной часов в максимуме. Появляются звезды, и густая атмосфера Юпитера образует роскошное красное кольцо. Потом, вечером во вторник, снова становится светло.

В четверг, в полдень, солнце заходит, и начинается темная фаза. Это еще прекраснее. Юпитер сияет всеми своими красками, и легко можно разглядеть другие луны этой планеты. Их можно видеть почти всегда и в любых комбинациях.

Юпитер и его луны образуют миниатюрную Солнечную систему. Когда Ганимед занимает определенное положение, это можно увидеть собственными глазами. На небе все время появляется что-то новое. Кроме одиннадцати «исторических» спутников, от самого большого из них, Ганимеда, до Джи-10 или, как его еще называют, Николсон-альфа (шар изо льда и камней всего лишь пятнадцать миль в диаметре), существует еще около дюжины других спутников, имеющих всего лишь пару миль в диаметре, но все же достаточно больших, чтобы называться лунами. Иногда одна из этих маленьких лун проходит вблизи Ганимеда. У них весьма эксцентричные орбиты.

Ио, Европа и Каллисто видны как диски. Когда Европа проходит между Юпитером и Ганимедом, она примерно таких же размеров, как и Луна, видимая с Земли. Она на самом деле такой же величины, как наша Луна, и в это время находится на расстоянии четверти миллиона миль от Ганимеда.

Потом она перемещается на другую сторону и становится очень маленькой — ну да, расстояние теперь до нее составляет больше миллиона миль. Ио претерпевает такие же изменения, но она никогда не достигает таких размеров, как Европа.

Когда Ио и Европа проходят между Юпитером и Ганимедом, их движение можно наблюдать невооруженным глазом и рассмотреть тени их фаз. Орбиты Ио и Европы находятся внутри орбиты Ганимеда, и эти спутники никогда не отходят далеко от Юпитера. Ио находится на расстоянии пары диаметров от своего старшего брата; Европа может удаляться от него на шестьдесят градусов. Орбита Каллисто находится вне орбиты Ганимеда, и спутник этот плывет по небу на фоне звезд.

И мы всегда можем увидеть это. Земное небо по сравнению с этим кажется очень скучным.

В субботу утром, в шесть часов, Юпитер был виден в полной фазе, и стоило встать пораньше, чтобы понаблюдать за этим. Во-первых, вид Юпитера просто захватывает дух, а во-вторых, происходит затмение. Маленькая черная точка тени Ганимеда ползет по лику доброго старого Юпитера. Она кажется одинокой веснушкой, и тут вы впервые осознаете, *как же огромен этот Юпитер.*

Юпитер имеет по экватору девяносто тысяч миль, а от полюса до полюса — восемьдесят четыре тысячи миль. А Ганимед — только около трех тысяч.

На следующий день после этой фазы Юпитер становится все тоньше и в воскресенье, в полночь, достигает половинной фазы.

Восходит солнце, и начинается новая дневная фаза. Впрочем, я ожидал, что увижу только слабый солнечный свет, но я ошибся. Юпитер находится на довольно значительном расстоянии от Солнца. Он получает только одну двадцать седьмую часть света от того, что получает Земля. Я ожидал, что мы будем жить здесь в постоянных сумерках.

И что удивительно — свет здесь показался мне таким же ярким, как и на Земле.

Джордж сказал, что это оптический обман и это связано со свойствами человеческого глаза. Радужная оболочка человеческого глаза отражает лишний свет, и он просто не попадает в зрачок. Солнечный свет в земной пустыне имеет яркость примерно в десять тысяч свечей на квадратный дюйм, а на Ганимеде сила света составляет около четырехсот свечей на квадратный дюйм. Но в искусственно освещенном помещении сила света составляет всего лишь двадцать пять свечей на квадратный дюйм, и мы говорим о таком помещении, что оно «хорошо освещено».

Проблема в следующем: когда наполняешь жестянку водой — все равно, откуда она — из моря или из лужи. Солнечный свет на Ганимеде все еще был сильнее, чем мог вынести человеческий глаз, поэтому он казался таким же ярким, как на Земле.

Мне даже показалось, что было почти невозможно смотреть прямо на Солнце.

11. ДОЛЯ ФЕРМЕРА

Когда мы пробыли на Ганимеде около недели, Джорджу удалось раздобыть жилище. С этим дело у нас обстояло лучше, чем у многих других поселенцев.

Глупо думать, что он должен занять пост инженера в правительстве, чтобы получить квартиру. Это значило бы, что он больше не сможет претендовать на земельный надел, чтобы построить себе там дом. Однако квартира была для него важнее, если только комнату в четыре квадратных метра можно было назвать квартирой.

Колония состояла из сельских жителей и горожан. Горожане работали на правительство и жили в правительственных домах — только несколько торговцев в городе имели свои собственные дома. К горожанам также относились представители Комиссии по колониям, кэп Хетти, пилоты, инженеры гидропонных установок, медицинские работники и обслуживающий персонал, инженеры, обслуживающие энергетические установки и обогревательные системы, рабочие группы проекта «Юпитер» и все остальные, которые не были заняты в сельском хозяйстве. Но большинство колонистов были крестьянами, и Джордж тоже прибыл сюда, чтобы стать сель-

ским жителем. Как и многим другим, ему показалось заманчивым получить участок земли и самому выращивать урожай в пищу для всех нас.

Свободной земли тут было достаточно — целая планета. Но тут еще не было построено ни одного здания, ни одной фермы.

Так все и должно было происходить: колонист прилетает сюда со своей семьей и совершает посадку на космодроме Леды. По его прибытии Комиссия по колониям дает ему жилище в городе, помогает ему найти подходящий земельный надел и возвести на нем свой собственный дом. Комиссия кормит его и его семью в течение одного года по земному времяисчислению — что составляет два ганимедских года,— во время которого он возделывает свой участок. Потом он в течение десяти ганимедских лет выплачивает Комиссии издержки — что составляет для него примерно двадцать фаз Ганимеда,— и как только он полностью расплатится с долгами, он может возделывать свое поле только для самого себя. Через пять лет у него будет чистенькая маленькая ферма, и он будет свободен от всяких долгов. Потом он может прикупить еще земли или заняться торговлей — как ему угодно. У него будут собственные средства и никаких долгов.

Комиссия по колониям вложила громадные деньги в проект «Атмосфера». Земля, которую колонисты будут обрабатывать, была ее наградой; придет день, и у Комиссии по колониям на Ганимеде будут тысячи квадратных миль первоклассной пахотной земли, которые она позднее сможет продать колонистам. Каждый, кто тогда захочет переселиться сюда, должен будет заплатить за землю высокую цену.

Со временем Каллисто тоже получит кислородную атмосферу, на нее смогут высадиться пионеры, и процесс этот повторится снова. Это будет то, что банкиры называют «самопогашением».

Но в действительности все было иначе; когда мы совершили посадку, на Ганимеде находилось около тридцати тысяч человек, которые за земной год могли принять не более пятисот новых переселенцев. Большее количество старые космические корабли не могли перевезти.

Потом «Звездный Скиталец-2» был превращен в «Мейфлауэр», и Комиссия по колониям сообщила, что этот корабль может взять на борт шесть тысяч человек за раз. Нас приняли как незваных гостей, когда в семье находится заразный больной.

Колонисты уже целый земной год знали, что мы должны прибыть, но они не могли протестовать. Сообщение с Земли на Ганимед можно было передать в любое время, если только Солнце не находится между этими двумя планетами, но из колонии можно было связаться разве что с Марсом, и только тогда, когда Юпитер был в стороне от луча связи.

Я должен добавить, что они сделали для нас все, что смогли. Было много еды, и они даже обеспечили нас спальными местами. Раньше переселенцев распределяли по квартирам других семей. Теперь же разделительные стенки квартир были убраны и использованы для изготовления нар, установленных в огромных спальных помещениях. Они освободили свои собственные помещения и устроили в них кухни и столовые. Мы были защищены от непогоды, и у нас была хорошая пища, хотя нам было так же тесно, как и на «Мейфлауэре».

Может быть, у них спрашивали, почему они не построили новые дома, хотя для этого у них был целый год. Мы тоже спросили об этом. Мы даже не спросили, а просто потребовали ответа; мы были в ярости.

Они не построили новые дома потому, что это было невозможно. Прежде чем сюда пришли земляне, на Ганимеде были только лед и камни. Конечно, это каждому известно, но каждый ли понимает, что это значит? Я думаю, нет.

Ни дерева. Ни металлических конструкций. Ни изоляции. Ни кабелей. Ни стекла. Ни труб. Пионеры в Северной Америке строили блокгаузы. У нас не было бревен.

Большие гидропонные сараи, станция связи и другие общественные помещения были построены из материалов, доставленных сюда за полмиллиарда миль, с Земли. Прочие дома в Леде, так же как и хижины крестьян, были построены из камня. Люди делали все возможное всеми доступными им средствами.

Конечно, мы не могли жаловаться на это. В конце концов, первые поселенцы в Калифорнии голодали, как это подчеркнул Джордж. Никто не знал, что произошло с колонией на Роаноке, и первые две экспедиции, посланные на Венеру, не вернулись назад.

Мы по сравнению с ними были в безопасности.

Конечно, мы тоже должны были некоторое время жить в бараках — перед нами простиралась пустынная местность.

При ближайшем рассмотрении, правда, было установлено, что нам придется ждать довольно долго. Поэтому Джордж сдался и нашел себе работу в городе. Ближайший свободный участок земли находился на расстоянии девяти миль от города. Можно было найти достаточно земли для всех шести тысяч колонистов, но она уже будет находиться на расстоянии пятнадцати-двадцати миль.

Что такое двадцать миль? Пара минут на подземке, прыжок на геликоптере — но, друзья, вы когда-нибудь преодолевали двадцать миль пешком? Туда и обратно?

Была возможность расселить шесть тысяч человек так далеко от города. Только это было трудно — и дело шло медленно. Перед пионерами местность всегда исследовали разведчики с топорами

и ружьями в руках. Потом следовали поселенцы с упряжками волов и шарабанами, полными мебели и фермерского инвентаря. Двадцать миль для них ничего не значили. Но это же было не на Ганимеде.

В колонии было два грузовых тягача. Третий привезли на «Мейфлауэре». Это был единственный транспорт в нашем распоряжении — и нельзя было забывать, что кроме нас здесь были еще тридцать тысяч поселенцев, которым тоже ежедневно нужны были эти тягачи.

Все это нам объяснили на большом заседании, на котором присутствовали представители всех семей. Собственно, меня там не должно было быть, но они проводили открытое собрание, и никто не мог прогнать меня оттуда. Главный Эколог и Главный Инженер планеты тоже присутствовали на заседании, а председатель Совета колонистов сидел во главе. Они внесли следующее предложение:

— На самом деле на Ганимеде нужны были не фермеры, а рабочие. Нужны были чернорабочие и горнорабочие и вообще люди всех профессий. Нужны были мастерские и всевозможные вещи из металла, которые из-за того, что их импортировали с Земли, стоили баснословно дорого. Поэтому мы должны были работать, и, если мы это сделаем, нас будут кормить не только год, но и дальше, неограниченное время.

А тем, кто упорствовал, настаивая на получении участков,— пожалуйста. Участки здесь были, и они могли ими пользоваться. Но им не могли предоставить никаких машин, и они должны были ждать около двух лет, пока они наконец смогут обработать свою землю.

Кто-то в зале встал и воскликнул: — Нас обманывают!

Мистеру Толли, председателю, потребовалось довольно много времени, чтобы успокоить всех. Когда он снова взял слово, он сказал:

— Может быть, вас обманули, а может быть, и нет. Все зависит от точки зрения. Я должен добавить, что условия жизни здесь совсем не такие, как вам говорили...

— Как это мило с вашей стороны! — крикнул кто-то с сарказмом.

Мистер Толли сердито взглянул на него.

— Или вы будете вести себя как взрослые, или я отложу заседание.

Они закрыли рты, и он продолжил. Большинство колонистов обрабатывали больше земли, чем они могли использовать сами. Им нужны были помощники, чтобы лучше обрабатывать землю. Была работа для каждого человека — и семьи, само собой разумеется, должны были кормить работников до тех пор, пока они наконец не получат свою собственную землю.

Когда слова мистера Толли стали ясны всем, повисло гробовое молчание. Так должен был чувствовать себя Иаков после того, как он работал семь лет, а потом пришел приказ трудиться еще семь лет, чтобы заполучить женщину своей мечты. Я сам почувствовал это, хотя Джордж уже получил работу в городе.

Какой-то мужчина встал:

— Мистер Председатель!

— Да? Ваше имя, пожалуйста.

— Сэндерс. Я не знаю, что думают другие, но я фермер. Это моя профессия, и она всегда была моей. Но я сказал «фермер», а не «батрак». Я прилетел сюда не за тем, чтобы прислуживать другим. Вы можете сделать с вашим предложением все, что хотите, но я настаиваю на своих правах.

Раздались громкие аплодисменты, и собравшиеся в зале люди стали еще самоувереннее. Мистер Толли взглянул на них и сказал:

— Конечно, вы можете сделать это, мистер Сэндерс.

— Что? Я рад, что вы согласны с этим, господин председатель. Теперь перестаньте нести чепуху. Я хочу знать две вещи. Какой участок земли я получу и когда мне дадут машины, чтобы я смог обработать его.

— Относительно первого вопроса вы можете справиться у людей из Службы разметки территории,— сказал мистер Толли.— А на второй вопрос наш инженер уже ответил: среднее время ожидания машин составляет двадцать один месяц.

— Это слишком долго.

— Я знаю, мистер Сэндерс.

— И что вы можете предпринять в связи с этим?

Мистер Толли пожал плечами и развел руками.

— Я не волшебник. Мы настойчиво просили Комиссию по колониям при следующем рейсе «Мейфлауэра» прислать нам не колонистов, а машины. Если они послушают нас, ситуация улучшится уже к следующей зиме. Но вы все уже знаете, что Комиссия принимает решения, не посоветовавшись с нами. «Мейфлауэр» уже на этот раз должен был привезти машины. К приему колонистов мы еще не готовы.

Сэндерс задумался над этим.

— Следующей зимой, гм? Это пять месяцев. Так долго я, может быть, и смогу подождать — я разумный человек. Но работать батраком — об этом не может быть и речи!

— Я не сказал, что через пять месяцев вы сможете начать жизнь фермера. Вам придется ждать двадцать один месяц или даже больше.

— Но вы же сами говорили!

— Я сказал только, как это будет выглядеть на практике. И еще

одно: как же вы будете кормить свою семью, если весь этот промежуток времени вы нигде не будете работать?

Мистер Сэндерс осмотрелся и усмехнулся.

— Господин председатель, в этом случае нас должно кормить правительство, пока эта часть договора не будет выполнена. Я знаю свои права.

Мистер Толли взглянул на него и поморщился, словно раскусил лимон, который подал ему мистер Сэндерс.

— Конечно, вашим детям мы не позволим голодать,— сказал он.— А вы тем временем можете питаться хоть камнями. Если вы не будете работать, вы не получите еды.

Сэндерс хотел вспылить: — Вы не можете сделать этого! Я буду жаловаться Правительству, и я буду жаловаться на вас, как на непосредственного представителя правительства. Вы не можете...

— Успокойтесь! — мистер Толли повернулся к нам всем и тихо продолжил: — Вы выразились точно, я представляю власть. Вас заманили сюда радужными обещаниями, и, само собой разумеется, вы почувствовали себя обманутыми. Но вы заключили контракт с Комиссией по колониям, находящейся на Земле. Вы не заключили никакого договора с правительством Ганимеда, которое я представляю, и граждане Ганимеда не должны вам вообще ничего. Если мы и заботимся о вас, то делаем это только ради приличия и гуманности.

Если вам не нравятся наши предложения, пожалуйста, не обращайтесь больше к нам. Обращайтесь к представителю Службы переселения. Это его обязанность выслушивать жалобы. Собрание закончено.

Но представителя Службы переселения уже тут не было; он предусмотрительно заранее покинул собрание.

12. ПЧЕЛЫ И НЕВЕСОМОСТЬ

Да, нас обманули. И оказалось, что мы ничего не можем поделать с этим. Некоторые из переселенцев действительно пошли к представителю Комиссии по колониям, но он ничем не смог утешить их. Он сказал, что отказывается от своей должности. Он был сыт невозможностью выполнения данных ему инструкций, которые он получал из Главного Управления, находящегося за пятьсот миллионов миль отсюда. Он хотел вернуться домой, как только прибудет его заместитель.

Это снова вывело нас из себя. Если он может вернуться назад, то почему же этого не можем сделать мы? «Мейфлауэр» все еще находился на ганимедоцентрической орбите и принимал грузы. Многие из прибывших людей хотели вернуться назад.

Капитан Харкнесс отказался взять их. Он сказал, что у него нет разрешения везти назад людей после того, как они, добираясь сюда, пересекли половину Солнечной системы. Поэтому переселенцы снова отправились к представителю Комиссии и хорошенько поговорили с ним.

Мистер Толли и Совет наконец прекратили эту склоку. На Ганимеде не нужны были склочники и слабаки. Если Комиссия отказывается позволить тем, кто чувствует себя обманутым, вернуться на Землю, мы не дадим разрешения на посадку следующего корабля с Земли. Представитель сдался и отдал капитану Харкнессу соответствующее распоряжение.

Когда мы об этом узнали, мы собрали военный совет — в палате Пегги, потому что на этом настаивал врач. Пегги было необходимо нормальное земное давление.

Должны ли мы остаться или вернуться? Папа оказался в тисках. На Земле он, по крайней мере, имел свое собственное бюро. Здесь же он был всего лишь служащим. Если он потеряет свое место, чтобы стать поселенцем и получить участок земли, он два ганимедских года должен будет батрачить, прежде чем он сможет основать собственную ферму.

Но наибольшие опасения вызывала Пегги. Хотя на Земле она выдержала все медицинские тесты, она не могла привыкнуть к низкому давлению воздуха на Ганимеде.

— Мы не должны на это закрывать глаза,— сказал Джордж Молли.— Пегги должна вернуться назад, в привычные ей условия.

Молли посмотрела на него. Лицо ее было вытянувшимся и усталым.

— Джордж, ты ведь хочешь отправить меня назад, так?

— Об этом и речи не было. Но сначала нужно позаботиться о здоровье ребенка,— он повернулся ко мне и добавил: — Для тебя это, конечно, необязательно, Билл. Ты достаточно взрослый, чтобы решать за самого себя. Если ты хочешь остаться здесь, то, само собой разумеется, так и будет.

Я ответил не сразу. Я пришел на этот совет в довольно подавленном состоянии, не из-за сложившейся ужасной ситуации, а из-за столкновения, которое произошло у меня с двумя колонистами.

И знаете, что меня переубедило? Повышенное давление в комнате Пегги. Я уже привык к низкому давлению, и это мне теперь даже нравилось. В палате Пегги у меня появилось ощущение, будто я плаваю в густом супе.

— Я думаю, мне не хотелось бы возвращаться.

Пегги приподнялась и с огромными глазами следила за разговором. Она показалась мне маленькой обезьянкой. Затем она сказала:

— Я тоже не хочу назад.

Молли ласково похлопала ее по руке, но ничего не сказала.

— Джордж,— произнесла она.— Я уже много думала над этим. Тебе не хочется назад, на Землю, я это знаю. Так же как и Биллу. Но нам не нужно всем возвращаться назад. Мы можем...

— *Об этом не может быть и речи, Молли,— твердо сказал па*па.— Я женился на тебе не для того, чтобы разлучаться снова. Если ты вернешься назад, я вернусь с тобой.

— Я имела в виду не это. Пегги может вернуться назад с О'Фаррелами, которые на Земле передадут ее моей сестре, и та о ней позаботится. Она хотела оставить Пегги себе, когда узнала, что я хочу улететь. Все будет прекрасно.

— Но, Молли...— сказал папа.

— Нет, Джордж,— ответила она.— Я уже все обдумала. Из-за меня ты вступаешь в конфликт со своим долгом. Я знаю, что Фебе *будет заботиться о Пегги как родная мать...*

Пегги, казалось, была шокирована.

—Я не хочу к тете Фебе! — закричала она и расплакалась.

— Не надо так, Молли,— произнес Джордж.

— Джордж, пять минут назад ты говорил о том, чтобы оставить Билла здесь одного.

— Но Билл уже практически взрослый.

— Несмотря на это, он почувствует себя здесь одиноким. Я же не хочу оставить Пегги одну. Фебе любит ее. Нет, Джордж, если бы жены пионеров при каждой трудности сразу бежали бы домой, *колоний никогда бы не было. Пегги должна вернуться, но я* остаюсь.

Пегги, всхлипывая, все еще слушала нас. Потом она произнесла:

— Я не вернусь назад. Я ведь тоже женщина-пионер, не так ли, Билл?

Я не знаю, почему произнес следующие слова. Бог свидетель, что девчонки до сих пор вызывали у меня только головную боль из-за того, что они своенравны и завистливы. Но я сказал:

— Не бойся, Пегги. Если ты вернешься назад, я вернусь вместе *с тобой.*

Папа посмотрел на меня, потом повернулся к Пегги.

— Билл выразился несколько опрометчиво, малышка. Ты не должна принимать его слова всерьез.

— Но ведь ты честно сказал это, не так ли, Билл? — спросила Пегги.

Я уже сожалел о сказанном, и все же ответил:

— Конечно, Пегги.

Пегги снова повернулась к папе.

— Ты видишь? Но это же неважно. Никто из нас не вернется

назад. Пожалуйста, папа,— я же обязательно поправлюсь. Мне уже сейчас значительно лучше.

Да, в этой комнате с земным давлением, Джордж сидел, раскаиваясь, что раскрыл рот.

Молли сказала:

— Я готова на все, Джордж. Что ты думаешь теперь?

— Ммм...

— Ну?

— Я думаю, что, может быть, нам удастся соорудить комнату с повышенным давлением в нашем жилище. В мастерской я могу изготовить необходимые насосы.

Пегги с трудом поборола слезы.

— Ты думаешь, что я тогда смогу покинуть лазарет?

— Конечно, дорогая, если папа так и сделает.

Молли с большим сомнением посмотрела на него.

— Это не решает нашей общей проблемы, Джордж.

— Может быть, и нет,— папа встал и расправил плечи.— Но я решил: или мы все возвращаемся, или мы все остаемся. Лермеры всегда держатся вместе. Это решено окончательно.

Мы еще не знали многих вещей. А именно — на Ганимеде тоже были скауты, и они не имели ничего общего со скаутами Земли. Со времени посадки группа с «Мейфлауэра» больше не собиралась; мы все были слишком заняты. Быть скаутом приятно, но иногда для этого не хватает времени.

Группа Леды тоже не проводила собраний. Раньше они встречались в общественном здании. Теперь это общественное здание было превращено в столовую, и у них больше не было места для сборов. Могу себе представить, что это не слишком вдохновляло.

Я встретил этого парня в магазине. Когда он проходил мимо меня, я заметил у него на груди маленький значок. Он был ручной работы и не особенно красив, но я тотчас же заметил его.

— Эй! — сказал я ему.

Он остановился.

— Сам ты «эй»! Что тебе надо?

— Э... ты скаут, не так ли?

— Конечно.

— Я тоже. Меня зовут Билл Лермер,— я подал ему руку в приветствии скаутов.

— Я Сергей Расков,— он посмотрел на меня.— Ты один из новеньких, так?

— Я прилетел на «Мейфлауэре»,— добавил я.

— Я это и имею в виду. В этом нет ничего плохого. Я тоже родился на Земле. Итак, ты там был скаутом. Это великолепно. Ты можешь прийти на одну из наших встреч, и мы снова примем тебя.

— Но меня уже принимали в скауты.

— Как? Ах да, я понимаю — «скаут всегда скаут»! Ну, это все уже позади, и мы сделаем это официально.

В это мгновение я должен был закрыть рот. Но нет, я не сделал этого! Когда звучали фанфары суда молодежи, я всегда поднимался и говорил, вместо того, чтобы слушать. Я сказал:

— Все это было официально. Я старший командир группы «Баден-Пауэлл».

— Не слишком ли далеко ты находишься от своей группы?

После этого я рассказал ему все. Он слушал меня, пока я не закончил, а потом тихо сказал:

— И ваши ребята имели наглость называть себя «скаутами Ганимеда»? Может быть, вы хотите присвоить себе еще что-нибудь? Вы уже присвоили себе наше помещение для проведения собраний. Может быть, вы теперь хотите спать в наших постелях?

— Что ты под этим подразумеваешь?

— О, ничего,— он задумался.— Это только дружеское предупреждение, Билл...

— Что?

— Здесь может быть только один старший командир группы — и он стоит перед тобой! Не забывай этого на будущее. Но, несмотря на это, ты можешь спокойно прийти на собрание. Нам всегда нужны новички.

Я вернулся назад, на станцию, и разыскал Хэнка Джонса, которому я все рассказал. Он удивленно посмотрел на меня.

— Уильям, старик, тебе надо отдать должное: у тебя определенно есть талант основательно халтурить, как ты только что это сделал. Это не так-то легко.

— Ты думаешь, что я допустил ошибку?

— Надеюсь, что нет. Теперь нам надо разыскать мистера Арчибальда и спросить у него совета.

Наш командир был в клинике. Мы подождали, пока все его пациенты уйдут, потом вошли к нему. Он сказал:

— Вы что, оба больны или вам нужно удостоверение об отсутствии у вас хвостов?

— Док,— сказал я.— Мы ошиблись. На Ганимеде есть скауты.

— Я знаю,— ответил он.

— Что?

— Мистер Гинсберг, мистер Баран и я провели переговоры с руководством местных скаутов, чтобы установить, как нам лучше включиться в эту организацию. Это не очень сложно, потому что на «Мейфлауэре» скаутов было больше, чем здесь, в восточной группе. Но мы, конечно, должны признать их главенство.

— О,— только и сказали мы.

— В ближайшую пару дней мы хотим собрать общий слет, чтобы выработать правила.

Я подумал и решил, что он говорит разумно.

Я молча выслушал его. Потом сказал:

— Хэнк считает, что я сделал глупость. А как считате вы, док?

— Ммм...— произнес он.— Надеюсь, что он ошибается. Но я все же должен сказать, что ты не особенно улучшил ситуацию.

Я не знал, что мне ответить.

— Ну, не расстраивайтесь так,— произнес он.— Все будет хорошо. И, может быть, нам не удастся договориться ни о чем.

Но нам удалось договориться. Док и другие пытались настоять на том, чтобы наша группа была признана со всеми своими рангами. Но после того как Сергей посовещался со своими людьми, все настоящие скауты Ганимеда стали брюзжать, что мы всего лишь новички, безразлично, какой ранг был у нас на Земле. Мы должны все начать сначала, с самого низа, и только испытаниями доказать, что мы на что-то способны.

Был найден компромисс. Джордж говорит, что в таких случаях всегда надо искать компромиссы. Мы можем сохранить свои ранги, но в течение одного года мы должны доказать, что мы сможем также выдержать испытания скаутов Ганимеда. Наша группа оставалась в прежнем составе. Но все же произошли большие изменения.

Все командиры групп должны были быть избраны из местной группы. Я должен признать, что это правильно. Как же я мог быть командиром группы на Ганимеде, если я не умел определять направление по звездам? Но когда другие ребята, которые раньше были командирами отрядов, узнали, кто это «насыпал им в суп соли», они обиделись.

Хэнк сказал мне: — Билл, мальчик, ты знаешь, что мы здесь так же желанны, как муравей на пикнике?

— И кому теперь до этого дело?

— Тебе. Теперь самое время для настоящего аутодафе.

— Какое еще, во имя всех лун Юпитера, аутодафе?

— В настоящем случае это — переход в группу Леды.

— Ты сошел с ума? Ты знаешь, за кого считают нас эти парни, особенно меня? Я буду счастлив, если уберусь оттуда живым.

— И только докажешь, как плохо ты знаешь людей. Конечно, этот промежуток времени будет для тебя труден, но это — единственный путь, которым ты довольно быстро сможешь восстановить свое положение.

— Хэнк, ты спятил. В группе я действительно буду новичком — мы все до одного будем новичками!

— Да, это именно так,— тихо продолжил Хэнк.— Мы все новички — но в нашей группе мы этого не замечали. И если честно признать, теперь мы принадлежим к группе, которая здесь действительно хорошо ориентируется. И, может быть, мы тоже сможем этому научиться.

— Ты сказал «мы»?

— Да.

— Я понимаю. Ты хочешь в другую группу, и потому ты читаешь мне моральные нравоучения. Ты — мелкая сошка!

Он только усмехнулся. Он ничуть не был смущен.

— Бравый Билл! Только когда он пару раз ударится башкой, он заметит, на каком месте упал. И это не так уж плохо. Через четыре месяца и девять дней мы уже не будем новичками.

— Почему такая точная дата?

— Потому что в это время снова прибудет «Мейфлауэр», и как только на нем прибудут дети новых колонистов — они будут новичками.

— Ах так!

Так мы и сделали. Поначалу было трудно, особенно для меня... как на том вечере, когда они рассказали о том, как я стал героем. Один из этих пройдох запомнил то происшествие с метеоритом. Но они не слишком придирались к нам, и, когда они начали нас задирать, Сергей встал на нашу сторону. Через некоторое время им самим стало скучно.

Сергей вообще был настолько великодушен, что я охотнее всего не пошел бы на эту встречу.

Двумя новыми дисциплинами, которые мне еще нужно было изучить, чтобы выдержать испытание, были астрономия и планетарная экология по отношению к Ганимеду. Обе дисциплины были трудны, но обе они стоили того, чтобы познакомиться с ними поближе. На Ганимеде они были даже жизненно важными, поэтому я взялся за оба эти предмета.

Экология — самая запутанная штука, которой я когда-либо занимался. Я сказал об этом Джорджу, и он ответил, что политика, может быть, еще хуже — однако, при ближайшем рассмотрении, оказалось, что политика — это всего лишь аспект экологии. В толковом словаре сказано, что экология — это «связь живых существ с окружающей средой». Это говорит очень мало, не так ли? Так можно и снежный буран назвать «движением воздуха».

Трудность экологии в том, что никогда не знаешь, где нужно начать, потому что каждый фактор влияет на все остальные факторы. Неожиданное понижение температуры воздуха в Техасе может повлиять на качество завтраков на Аляске, что в свою очередь окажет влияние на улов лососевых рыб, и так далее. Или добрая старая история: молодые мужчины из Англии переселились в колонии в Америке. Это значит, что в Англии появилось много старых дев. Старые девы держали кошек, а кошки ловили полевых мышей, а полевые мыши разоряли гнезда шмелей, а шмели очень важны для опыления клевера, а клевером питаются коровы, а коровы поставляют мясо для солдат, которые защищают колонии, в которых

находятся молодые мужчины, причем старые девы так и остались в Англии.

Не очень научно, не правда ли? Я хочу этим сказать, что существует множество переменных, которые нельзя выразить в точных цифрах. Джордж утверждает, что если нельзя выкинуть что-то, что не удается отразить при помощи пары формул, то надо избегать говорить об этом как о «науке», и он лучше останется простым инженером.

Но в экологии Ганимеда существует также пара недвусмысленных вещей, за которые можно зацепиться. Например, насекомые — на Ганимеде ни при каких обстоятельствах нельзя растоптать насекомое. Когда первые люди высадились на Ганимед, здесь не было никаких насекомых. Насекомые, которых сейчас можно здесь увидеть, расселены на Ганимеде по плану биологов и экологов. Они хотят, чтобы насекомые были там, куда их выпустили, и чтобы они делали то, что нужно делать насекомым: пожирали и производили на свет других насекомых.

Конечно, скаут воспитан так, что он не растопчет насекомое намеренно, разве что речь идет о «черной вдове»* или о чем-нибудь подобном,— но ему и в голову не придет, что его ожидает суровое наказание, если он убьет насекомое. Из этого урока ясно, что колония может существовать без тебя, но не без насекомых.

Или возьмем дождевых червей. Я знаю, что каждый дождевой червь здесь стоит столько же, сколько кусочек урана, равный ему по весу, потому что мне самому пришлось покупать их. Фермер без червей не может достичь ничего.

Экспорт дождевых червей на другие планеты не так прост, как можно подумать. У Ноя было меньше трудностей с его зверями, потому что на Земле хотя и произошел потоп, он вместе со своими четырех- и шестиногими спутниками все еще находился на родной планете.

Ганимед — не Земля. Вот пример с пчелами. Мы взяли с собой на «Мейфлауэр» пчел, но мы их не выпустили. Теперь они находились в гидропонном сарае под названием «Оаху» и, по всей видимости, должны были провести там еще некоторое время. Пчелам нужны клевер или, по крайней мере, какие-нибудь овощи или другая зелень. Клевер на Ганимеде рос, но мы использовали его главным образом для того, чтобы связать в почве азот и вновь регенерировать выщелоченную почву. Мы еще не разводили слишком много клевера, потому что в воздухе было не так уж много азота, который нужно было связать.

Но в своем рассказе я упустил кое-какие аспекты. Теперь перейдем к технической стороне экологии. Прежде чем мы пришли,

---

* Ядовитый паук.

Ганимед состоял только из льда и камней. Он был страшно холодным, и на нем не было никакой достойной упоминания атмосферы. Только следы аммиака и метана. Итак, на планете сначала нужно было создать атмосферу, которой могли бы дышать люди.

Материал для этого был — лед. Имея достаточное количество энергии, можно было молекулы воды разложить на кислород и водород. Водород поднимался вверх — это ясно, а кислород оставался внизу, где им можно было дышать. Все это было проделано за пятьдесят лет.

Вы когда-нибудь задумывались, сколько надо энергии, чтобы снабдить планету величиной с Ганимед кислородом в количестве трех литров на каждый квадратный дюйм поверхности?

Три литра на квадратный дюйм соответствует девяти фунтам массы, потому что на Ганимеде сила тяжести составляет одну треть земной. Это значит, что нужно было начать с девяти фунтов льда на квадратный дюйм — и этот лед сначала имел температуру более чем минус двести градусов по Фаренгейту.

Сначала его растопили, затем разложили молекулы воды на кислород и водород — не обычным лабораторным способом при помощи электролиза, а при помощи нагрева в конвертере материи. Результатом были три литра кислорода на квадратный дюйм. Это не была взрывчатая смесь, потому что водород поднялся вверх и образовал слой на границе с вакуумом, так что участвовать в процессе горения он не мог.

Но чтобы можно было провести этот процесс, требовалась энергия, и немалая — 65 000 БТУ на квадратный дюйм поверхности или, смотря по обстоятельствам, на каждые девять фунтов льда. Суммируем это. Ганимед хотя и небольшая планета, но его поверхность составляет 135000000000000000 квадратных дюймов. Умножаем это на 65000 БТУ, а потом превращаем эти британские единицы выделения тепла в эрги! И получается следующее число:

9250000000000000000000000000000000 эрг!

Это число настолько прекрасно, что я записал его в свой дневник, а потом показал Джорджу.

Его оно не впечатлило. Джордж считает, что только идиота может впечатлить длинный хвост нулей. Он показал мне, как выглядит это число в пропорциях массы-энергии, которые использовались конвертором энергии, чтобы дать Ганимеду атмосферу.

Согласно уравнению Эйнштейна, один грамм массы равен 9×10^{20} эрг, и поэтому это чудовищное число обозначают $1{,}03 \times \times 10^{11}$ граммов энергии, или 103000 тонн.

Это был, в основном, лед, который превратили в энергию: некоторая часть того льда, который использовался для создания атмосферы — хотя, вероятно, туда примешали пару каменных блоков. Конвертор материи глотает все.

Допустим, что это был лед. Тогда это будет куб льда с длиной ребра в пятьдесят три метра.

Я показал результаты своих расчетов Джорджу, но это все еще не впечатлило его. Он сказал, что я должен представить себе это число так же легко, как и другое, потому что оба они значат одно и то же.

Только не думайте, что атмосфера Ганимеда была изготовлена из одного ледяного куба с длиной ребра в пятьдесят три метра; это была только масса, которую нужно было превратить в энергию, чтобы процесс вообще смог начаться. Масса льда, которую превратили в кислород и водород, покрывала всю поверхность планеты слоем толщиной более чем в шесть метров — как слой льда в Гренландии.

Джордж сказал, что это только доказывает, что на Ганимеде с самого начала было много льда и нам никогда бы не удалось колонизировать эту планету, если бы мы не использовали конвертор материи. Иногда у меня появляется чувство, будто техники настолько черствы и деловиты, что совсем не замечают самого прекрасного в жизни.

На Ганимеде было создано достаточное давление, чтобы вызвать прогрев планеты, так что кровь больше не застывала в жилах и сюда могли прибыть первые колонисты. Им больше не надо было жить в помещениях с повышенным давлением, им не нужно было больше носить космические скафандры. Проект «Атмосфера», однако, не был остановлен. На Ганимеде скорость убегания значительно меньше, чем на Земле, и новая атмосфера постепенно улетучивается в пространство, особенно водород. А потом, нам нужен еще и азот.

Нам нужен азот для дыхания, и обычно мы не слишком много думаем об этом. Азот нам нужен для образования протеинов — для формирования мышечной ткани. Большинство растений извлекают его из почвы; некоторые растения, как, например, клевер, люцерна и бобовые, извлекают его из воздуха и связывают в почве. Почва Ганимеда богата азотом; первоначальная скудная атмосфера большей частью состояла из аммиака — но, конечно, придет такой день, когда почву снова нужно будет насыщать азотом. Этим теперь и были заняты люди из проекта «Атмосфера». Они насыщали воздух азотом.

Это было не так просто, как расщепление воды: нужны были некоторые изотопы, которые могли бы возместить чудовищные затраты энергии. Я еще не очень разбираюсь в дебрях химии и поэтому опускаю уравнения. Самое существенное заключалось в том, чтобы создать пригодный для работы конвертор материи, и Га-

нимед будет иметь свой азот, как только поля истощатся и будут нуждаться в подаче азота.

Углекислота не была проблемой. На Ганимеде также в изобилии был сухой лед в глубине, но с поверхности он улетучился задолго до того, как здесь высадились первые поселенцы.

Нет, при наличии кислорода, углекислоты и участков земли здесь несомненно можно было основать ферму. Но земля эта была м е р т в а. Мертва, как Христофор Колумб. Один голый, стерильный камень и ни малейших признаков жизни. На Ганимеде никогда еще не было жизни. Как далек путь от мертвой каменистой почвы до теплого чернозема, в котором так и кишат бактерии и черви.

Заданием поселенцев было создать такую землю.

Видите, как все это запутано? Клевер, пчелы, азот, центробежная сила, энергия, равновесие растительного и животного мира, законы газодинамики, закон сложных процентов, метеорология — экологи должны думать обо всем, они должны предвидеть все, экология чревата взрывом; то, что сейчас кажется малозначительным и безобидным, может изменить все равновесие. Каждый знает об австралийских кроликах, которые опустошили почти весь континент. Или — как повели себя мангусты на островах Карибского бассейна? Их завезли туда, чтобы они охраняли кур, а они сожрали их.

Возьмем безвредное или даже полезное насекомое, растение или животное и переселим его, но не возьмем его естественных врагов. Через пару поколений мы, может быть, решим, что нам лучше было бы взять с собой бациллы бубонной чумы.

Но это дело ведущих экологов. У фермеров есть задание — создать пахотную землю и чем-нибудь засеять ее. Это значит, что нужно брать то, что предлагается,— гранитные обломки, выплавленные изо льда, застывшие потоки лавы, пемзу, песок, обломки скал — и все это размолоть в тончайшую пыль, покрывающую почву рыхлым слоем толщиной в пару сантиметров. К этому слою примешивается немного почвы с доброй старой Земли, и теперь нужно позаботиться о том, чтобы бактерии размножались как можно лучше. Это нелегко.

Но это интересно. Я забыл о своем первоначальном намерении изучить оба предмета только для того, чтобы вернуть себе свой прежний ранг. Я расспрашивал всех обо всем и наблюдал за работой на всех ее стадиях. Мне кажется, что я провел снаружи целую светлую фазу, внимательно наблюдая за работой фермеров.

Когда я вернулся назад, я узнал, что папа разыскивает меня.

— Где, ради всего святого, ты был? — спросил он.

— Просто осматривал окрестности,— объяснил я.— Я хотел ознакомиться с жизнью поселенцев.

Ему захотелось узнать, что я ел и где я спал.

— Билл, это хорошо, что ты так серьезно воспринимаешь свой ранг скаута, но ты не должен из-за этого пропадать. Я считаю, что я в последнее время слишком запустил тебя. Мне очень жаль,— он замолчал и некоторое время подумал.— Может быть, будет лучше, если ты будешь посещать школу. Конечно, для тебя это едва ли интересно, но это все же лучше, чем ничего.

— Джордж?

— Да. Ты согласен?

— Ты думаешь отказаться от жизни поселенца?

Папа обеспокоенно взглянул на меня.

— Трудно сказать, Билл. Мне все еще хочется жить на свободе, но теперь, когда Пегги больна, это невозможно. Во всяком случае, наше имя все еще не вычеркнуто. Я должен принять решение к следующему розыгрышу участков.

— Папа, я буду сам обрабатывать наш участок.

— Что?

— Ты сохранишь свою работу и будешь заботиться о Молли и Пегги. А я тем временем буду заниматься уходом за фермой.

13. ДЖОННИ — ЯБЛОЧНОЕ СЕМЕЧКО

Розыгрыш нашего участка состоялся тремя неделями позже. На следующий день Джордж и я вышли наружу, чтобы посмотреть, что мы приобрели. Участок находился к западу от города, за Пьяными Холмами. Для меня это означало целину, незнакомую местность. Во время своих исследовательских походов я направлялся, в основном, на восток, где находилась энергетическая установка и большая часть предоставленной поселенцам земли.

Мы прошли мимо нескольких ферм, и некоторые из них выглядели весьма и весьма неплохо. Некоторые из поселенцев уже засадили несколько акров, и мы видели зеленеющие поля. Большая площадь была также выровнена и подготовлена. Это напомнило мне Иллинойс, но чего-то здесь не хватало. Потом я понял чего — здесь не было деревьев.

Однако и без деревьев это была прекрасная местность. Справа от нас находились предгорья Больших Сахарных Гор. Позади них возвышалась покрытая снегом вершина, до нее было двадцать или тридцать миль. С юга, вплотную к нашему участку, подходила лагуна Серенидад. Мы находились в паре сотен футов над уровнем моря. Я попытался разглядеть другой берег, но, несмотря на ясный день, я видел вдали только расплывающиеся очертания.

Картина эта показалась мне отрадной, папа тоже почувствовал это. Он про себя на ходу насвистывал «Беулу». Но я свои музыкальные способности, конечно, перенял не от него, а от матери.

Потом он перестал насвистывать и сказал:

— Билл, я завидую тебе.

— Ты же придешь сюда позднее,— утешил я его.— Я же только начну все это,— потом я подумал немного и сказал: — Джордж, ты знаешь, что я посажу сначала, прежде чем посею хлеб?

— Что?

— Табак для тебя.

— Ах ты, дорогой мой мальчик!

— А почему нет? — я знал, что когда он был смущен, он всегда говорил «мальчик».— Я же смогу это сделать, не так ли?

— Это очень мило с твоей стороны, но мы должны сеять то, что можем продать другим. Как мы можем позволить себе сеять табак, если я не знаю, где мне теперь прикурить трубку? И если честно, то мне уже не так и хочется курить.

Мы вместе направились дальше. Никто из нас не говорил, но мы оба чувствовали себя великолепно. Через некоторое время дорога кончилась. Папа остановился и достал из кармана карту.

— Где-то здесь должен быть наш участок.

На карте было показано, где кончалась дорога, а также пунктирной линией было показано, как она должна была продолжаться. Наш участок тоже был нанесен на карту. Он начинался в полумиле впереди, где должна была проходить дорога, но ее еще не было. На карту были нанесены наши владения, хотя мы еще не видели их,— четверть мили вдоль северной стороны дороги, а оттуда назад, в направлении предгорий. Этот участок носил обозначение 117-Х-2 и был проштампован Верховным Инженером.

Папа остался стоять в конце дороги. Прямо впереди участок пересекал лавовый вал высотой с мой рост и сильно изрезанный трещинами.

— Билл,— спросил он,— ты хороший индеец?

— До некоторой степени,— ответил я.

— Мы должны попытаться пройти мимо этого вала и подняться на него — точно на запад. И при этом мы должны считать свои шаги.

Но это было почти невозможно. Мы снова и снова оскальзывались на лавовых камнях и вынуждены были искать обходы. Лава казалась мягкой, но это был обман. Папа поскользнулся и содрал себе кожу, а я заметил, что пропустил множество шагов. Потом мы оставили лавовый поток позади себя и вышли на равнину, по которой были рассыпаны обломки скал. Они были разных размеров, одни величиной с дом, другие не больше моего кулака — но большинство из них средних размеров. Эти камни остались здесь после того, как был расплавлен лед и образовалась лагуна Серенидад.

Джордж сказал, что Ганимед пережил бурную юность и раньше он был усеян вулканами.

По местности, усеянной обломками скал, идти было легче, но мы так и не смогли выдержать прямую линию. Через некоторое время папа остановился.

— Билл,— спросил он,— ты знаешь, где мы сейчас?

— Нет,— ответил я.— Но это не так уж и скверно. Если мы направимся назад, на восток, мы снова придем в обитаемую область.

— Хорошо, так мы и сделаем.

— Одну минутку,— перед нами находился особенно большой обломок скалы. Я забрался на него. Конечно, я исцарапал при этом себе все руки. Я осмотрелся. — Я вижу дорогу,— сказал я папе.— Мы отклонились далеко на север.— Я пометил на карте определенное место, спустился с обломка и направился к этому месту.

Достигнув его, мы снова повернули на восток. Через некоторое время я сказал:

— Мне кажется, я снова заблудился, Джордж. Я плохой индеец.

— Действительно? А что это тут? — папа указал на что-то впереди. Он остановился перед грудой камней. Кто-то написал на ней яркой краской: «117-X-2, юго-восточный угол».

В течение последнего получаса мы бродили по нашему участку. Огромный обломок скалы тоже принадлежал нам.

Мы уселись на сравнительно плоский камень и осмотрелись. Некоторое время мы оба молчали. Может быть, мы оба думали об одном и том же: когда тут будет ферма, я назову ее «Энни».

Через некоторое время папа что-то пробормотал про себя.

— Что такое? — спросил я.

— Голгофа,— громко сказал он.— Голгофа, череп,— он уставился прямо перед собой.

Я проследил за его взглядом; далеко впереди, друг возле друга лежали два камня, и в свете солнца они действительно были похожи на гигантский оскалившийся череп.

Было так дьявольски тихо, что было слышно, как растут волосы. Это место угнетало меня. Я многое отдал бы за то, чтобы услышать или увидеть какое-нибудь движение. Хоть бы что-нибудь — всего лишь ящерку, шмыгнувшую за камень.

Но здесь нет никаких ящерок и никогда не было.

Потом папа сказал:

— Билл, ты уверен, что хочешь взяться за эту работу?

— Конечно, уверен.

— Ты же знаешь, что ты можешь этого не делать. Если ты хочешь вернуться назад, на Землю, чтобы продолжить свое образование, ты можешь отправиться туда со следующим кораблем.

Может быть, он думал, что Пегги полетит со мной, если я от-

правлюсь на Землю. Может быть, я должен был поговорить с ним об этом. Но я так не сделал. Я только спросил:

— А ты сам летишь на Землю?

— Нет.

— Я тоже нет,— этот ответ, собственно, был всего лишь упрямством. Я только должен добавить, что на нашей «ферме» ни в коем случае не было молочных рек с кисельными берегами. Напротив — все это выглядело достаточно мрачно. Только сумасшедший поселенец мог остаться здесь, на этом пустыре.

— Ты хорошо все обдумал, Билл?

— Да, я все хорошо обдумал.

Мы еще некоторое время посидели молча. Каждый думал о своем. Потом мы оба внезапно вздрогнули. Кто-то окликнул нас. Мгновением позже я услышал звук, который мне так хотелось услышать, но теперь, когда он раздался, я перепугался до смерти.

Мы вскочили, и папа сказал:

— Что...— Я огляделся. К нам направлялся огромный мужчина. Несмотря на свои параметры, он прыгал легко, как горная коза, с камня на камень, и при такой низкой силе тяжести казалось, что он парит над почвой.

Когда он подошел ближе, я узнал его. Это был всем известный мистер Шульц, которого мы часто видели на Суде Чести.

Папа помахал ему рукой, и он довольно быстро оказался возле нас. Он был на голову выше папы и вдвое его шире. Его грудная клетка была похожа на огромный бочонок, а самой выдающейся достопримечательностью его внешности был необъятный живот. У него были густые, кудрявые рыжие волосы, а борода свисала на грудь.

— Сердечно приветствую вас, селяне,— крикнул он нам.— Я — Иоганн Шульц.

Папа представил нас, и мистер Шульц подал мне руку. Потом он посмотрел на меня и сказал:

— Я тебя уже где-то видел, Билл.

Я ответил, что я присутствовал на большинстве собраний скаутов. Он кивнул и произнес:

— Но все же ты не был командиром отряда?

Я сказал, что раньше я им был. На что он ответил:

— Тогда ты им снова станешь,— и вопрос для него был исчерпан. Он повернулся к папе: — Один из моих ребят видел, как вы проходили мимо по дороге, и поэтому мать прислала меня, чтобы я пригласил вас на чашку чая.

Папа ответил, что это очень мило, но ему не хотелось бы навязываться. Мистер Шульц даже не стал его слушать. Папа объяснил, почему мы здесь, и показал мистеру Шульцу карту и пластину. Мистер Шульц порывисто кивнул и сказал:

— Тогда мы с вами соседи. Великолепно, прекрасно,— он повернулся к папе.— Все мои соседи называют меня Джон или Джонни.— Папа объяснил, что его зовут Джорджем, и с этого мгновения они стали друзьями.

Мистер Шульц постоял возле груды камней. Сначала он повернулся на запад, а через некоторое время на север, к горам. Потом он вскарабкался на обломок скалы, чтобы лучше видеть, и проверил направление. Мы взобрались следом за ним.

Он указал на возвышение.

— Стройте свой дом там, на некотором отдалении от дороги, но не слишком далеко. Сначала обработайте часть надела вон там, а на следующий год можете протянуть поле туда, к горам,— он посмотрел на меня и добавил: — Или нет?

Я только кивнул.

— Это хороший участок, Билл,— сказал он.— Ты можешь создать на нем великолепную ферму.— Он взял горсть пыли и мелких камешков и пропустил их между пальцами.— Хороший участок,— повторил он.

Он осторожно спустился вниз, потянулся и сказал:

— Мама ждет нас.

Мать действительно ждала нас, на столе стояли чай и завтрак; она определенно рассчитывала на целую компанию. Но прежде, чем мы подошли к дому, меня больше всего поразило Д Е Р Е В О.

Это было настоящее дерево, яблоня, которая росла на великолепной лужайке с голубой травой. На двух ветвях ее были плоды. Я остановился и уставился на нее.

— Великолепно, не правда ли, Билл? — спросил мистер Шульц, и я вынужден был согласиться с ним.— Да,— продолжил он,— это самое прекрасное дерево на Ганимеде — и ты знаешь, почему? Потому что оно единственное! — он громко рассмеялся и ткнул меня под ребра, словно шутя. После этого ребра у меня болели целую неделю.

Он рассказал папе, что он должен был сделать, чтобы убедить дерево расти, и как глубоко нужно было копать, чтобы подготовить землю, и как он сам выкопал канал, чтобы можно было поливать его. Папа спросил, почему плоды были только на одной стороне дерева.

— На следующий год мы пересадим плодоносящие ветви и на другую сторону,— ответил он.— Тогда у нас будет также сорт «Демициус». В этом году мы получили «Гравенштайнер» и «Грэнни Смит»,— он потянулся вверх и сорвал одно яблоко.— А это для тебя, Билл.

Я поблагодарил его и откусил кусочек. В жизни не ел ничего более вкусного.

Мы вошли в дом и познакомились с мамой Шульц, а также с

четырьмя или пятью юными Шульцами всех возрастов — от малыша, возившегося на песчаной почве, до девушки примерно моего возраста и почти такого же роста, как и я. Ее звали Гретхен, и у нее были такие же рыжие волосы, как и у ее отца, только они были прямые и заплетены в косу. Мальчики были светловолосыми, так же, как и те ребята, которые подошли позже.

Дом в основном состоял из большого жилого помещения с огромным столом в центре. Стол был не чем иным, как каменной плитой полтора метра шириной и четыре метра длиной, и он опирался на четыре каменные ножки-опоры. Когда я увидел, как мама Шульц нагрузила его, я обрадовался, что он был сделан не из дерева. У обоих длинных сторон стояли каменные скамьи, а у узких сторон находились два настоящих стула — бочонки из-под масла, обтянутые кожей.

Мама Шульц вытерла лицо и руки фартуком, подала нам руку и настояла на том, чтобы папа занял ее стул. Она объяснила, что она никогда много не сидит. Потом вернулась назад, к очагу, а тем временем Гретхен подала чай.

В одном конце комнаты размещалась кухня. Там также находился огромный каменный камин. Казалось, что его на самом деле можно было использовать — и, как я узнал позже, это было так, хотя пока в нем никогда еще не горел огонь. Он служил, в основном, для вентиляции помещения. Но папаше Шульцу очень хотелось иметь камин, вот он его и построил. Очаг мамы Шульц находился в углу комнаты, рядом с ним.

Он был выложен дельфийским кафелем, но в это я просто не мог поверить. Я имею в виду, кто же будет импортировать с Земли такую бесполезную здесь вещь, как декоративный кафель? Папа Шульц проследил за моим взглядом и сказал:

— Наша Кати рисует просто великолепно, не так ли? — одна из девочек покраснела и, смущенно хихикнув, выбежала из дома.

Я уже съел яблоко и теперь не знал, что мне делать с огрызком. Тут папа Шульц протянул руку.

— Дай мне огрызок, Билл!

Я отдал ему огрызок. Он достал свой нож и осторожно вырезал из огрызка зернышки. Один из мальчиков вышел из комнаты и вскоре вернулся с маленьким бумажным пакетиком, в который папа Шульц положил вырезанные зернышки.

— Вот, Билл,— сказал он.— У меня есть только одна яблоня, а у тебя их будет целых восемь.

Я был немного удивлен, но все же поблагодарил его. Он продолжил:

— На свободном участке земли по эту сторону холма, на котором ты построишь свой дом, есть глубокая яма. Если ты заполнишь

ее рыхлой землей и насыпешь туда немного обогащенной бактериями почвы, ты сможешь посадить там несколько деревьев. Как только саженцы немного подрастут, мы сможем привить их ветками от моего дерева.

Домой вернулись несколько юношей постарше; они умылись, а потом все мы сели за стол и стали есть жареную курицу с картофельным пюре и с консервированными томатами. Мама Шульц сидела возле меня и все время подкладывала мне еду. Она утверждала, что мне надо больше есть, чтобы тело и душа мои всегда были в порядке, но мне казалось, что я вот-вот лопну.

После этого я стал беседовать с ребятами, в то время как Джордж разговаривал с папой Шульцем. Я познакомился с четырьмя парнями. Все они были скаутами. Пятый парень, юноша по имени Иоганн, которого все звали Джо, был старше меня — ему было около двадцати лет, и он работал в городе инженером. Других парней звали Хьюго, Петер — оба «Волки», потом Сэм, а затем Вик, который, так же как и я, был разведчиком скаутов. Из девочек здесь были малышки Кати и Анна, которые казались близнецами, но не были ими, и, конечно, Гретхен. Все девочки говорили одновременно.

Через некоторое время папа повернулся ко мне и сказал:

— Билл, тебе известно, что в ближайшие месяцы у нас совершенно нет никаких шансов получить камнедробилку?

— Да,— ответил я, немного удивленный этим вопросом.

— И чем ты намерен заниматься все это время?

— Гм, об этом я еще не думал. Вероятно, я буду учиться, пока не смогу заняться работой на своей будущей ферме.

— Ммм... Мистер Шульц был так любезен, что предложил мне использовать тебя здесь в качестве своего помощника, пока ты не сможешь по-настоящему заняться своей собственной работой. Как ты это находишь? Тебе будет полезно поработать у него на ферме.

14. МОЯ СОБСТВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Папаша Шульц нуждался в помощниках на своей ферме точно так же, как я во второй паре ушей, но я согласился. В этой семье, кроме малышки, работал каждый, и можно было быть уверенным, что малышка тоже будет убираться, как только научится стоять. Каждый трудился постоянно, и это, казалось, доставляло ему удовлетворение. Если ребенок не работал, он должен был учиться, и если он ленился делать уроки, дома его наказывали и заставляли наверстывать упущенное.

Мама Шульц, занимаясь приготовлением пищи, расспрашивала

всех о том, что ей сготовить. Иногда они говорили о вещах, в которых я ничего не понимал, но Шульц всегда был тут как тут, и поэтому все было в порядке.

Я узнал очень много о свиньях. И о курах. И о коровах. И я узнал, как почва, богатая бактериями, может создавать еще больше почвы, богатой бактериями. «Драгоценный навоз», как мы ее называли, экспортировался с Земли и состоял из концентрированных культур почвенных бактерий; он был обогащен удобрениями и другими подобными же вещами.

Нужно было многому учиться. Возьмем, к примеру, коров — сколько существует вокруг людей, которые не могут отличить свою правую руку от левой? И кто бы мог подумать, что корове это далеко не безразлично? Но это именно так. Я узнал об этом, когда сделал попытку подоить корову.

Моя работа на ферме была тяжелой канителью — иногда мы даже напоминали китайских кули. Единственным транспортным средством на ферме была тачка.

Но когда я узнал ее цену в магазине, я никогда больше не потешался над тачками.

Дело было не в нехватке энергии, а в отсутствии энергопотребляющих механизмов. Антенны на крышах домов могли принимать неограниченное количество энергии — но здесь не было машин. Немногие машины, которые имелись здесь, принадлежали всей колонии и были просто жизненно необходимы — как, например, дробильная машина для размельчения камней и обломков скал или аппаратура для поддержания выделения тепла.

Джордж объяснил мне это так: каждая вещь, которую отправляют с Земли на Ганимед, является плодом компромисса. Колонисты требуют как можно больше машин и как можно меньше переселенцев. На Земле, наоборот, отправляют как можно больше людей и снижают до минимума отправку машин.

— Комиссия, конечно, права,— продолжил он.— Если у нас будет достаточно людей, мы сами создадим себе машины. Мы сами построим их. К тому времени, Билл, как ты обзаведешься семьей, переселенцев будут доставлять без багажа, и мы сами снабдим их пластиковыми тарелками, жилыми помещениями и комбайнами.

На это я ответил:

— Если они будут ждать, пока я обзаведусь семьей, на это потребуется довольно много времени. Я всегда считал, что жизнь холостяка намного привлекательнее семейной жизни.

Папа усмехнулся, словно он знал то, чего не знал я, но я не изменил своего мнения. Я пошел в город, чтобы поужинать вместе с ним, Молли и малышкой. Я очень редко видел ее с тех пор, как стал работать у Шульцев. Молли давала уроки, Пегги, конечно, не могла прийти на ферму, а папа восторженно рассказывал

о залежах бокситов, которые открыли в двадцати милях от города. Он по уши погрузился в свои планы и говорил о листовом алюминии, который мы сможем продавать на следующий год.

Работа на ферме, впрочем, была не так уж и плоха, по крайней мере, здесь, на Ганимеде. Низкая сила тяжести очень помогала нам: мы не так быстро уставали. После того как мама Шульц откормила меня, на Земле я весил бы сто сорок два фунта; на Ганимеде это было меньше пятидесяти фунтов, включая и рабочие сапоги. Груженая тачка тоже была не очень тяжелой. Но самым большим облегчением, которое мы испытывали, было не это.

Здесь не было сорняков.

Вообще никаких сорняков. Мы очень тщательно следили за тем, чтобы их не завезти сюда. Как только почва была обработана и семена высеяны, всходы росли прямо на глазах.

Это, конечно, не значило, что мы оставались без работы. Даже если не надо было выпалывать сорняки, на ферме еще оставалось немало дел. И на легкую тачку мы могли грузить втрое больше обычного, и тогда вес груза был такой же, как и на Земле. Но мы также много веселились. Я еще никогда не встречал семьи, которая бы столько смеялась.

Я забрал из города свой аккордеон и играл на нем перед обедом. Потом мы все пели. Папаша Шульц запевал, не обращая внимания на то, подпевают ему или нет. Это было так забавно.

Я обнаружил, что с Гретхен можно составить отличный дуэт, как только она утратила свою первоначальную робость. Но больше всех пел я сам, любуясь на ее огненно-рыжие волосы.

Наконец настал день, когда дробильная машина колонии должна была начать обрабатывать мой надел. Я был почти опечален этим, потому что время, проведенное у Шульцев, было самым лучшим временем в моей жизни. И теперь я знал, как обращаться с курами и сажать кукурузу прямыми рядами. Мне нужно было еще многому учиться, но теперь уже не было серьезных оснований для того, чтобы отодвигать на будущее создание своей собственной фермы.

Папа и я должны были подготовить наш участок для дробильной машины, взорвав самые большие валуны и обломки скал. Дробильная машина справляется с обломками величиной с бочку, но большие глыбы она осилить не может. Динамит, к счастью, был дешев, поэтому мы, в основном, им и пользовались. Динамит изготавливается из нитроглицерина, и его не надо импортировать с Земли; глицерин мы получали из животного жира, а азотная кислота была побочным продуктом нашего проекта «Атмосфера».

Папа две недели провел со мной в поле, помогая мне разбивать огромные обломки скал, пока, наконец, не убедился, что я сам прекрасно могу обращаться со взрывчаткой. Дальше я работал самостоятельно.

На краю нашего участка протекал маленький ручей талой воды, и мы проделали для него новое русло, чтобы подвести его к самому дому. Конечно, мы оставили еще перемычку, так что новое русло пока было сухим. И так будет до тех пор, пока я не построю дом. Один из огромных обломков мы взорвали прямо возле оврага со стороны моря. И обломками этот же овраг и засыпали. Я могу сказать вам, что для этого потребовался добрый заряд взрывчатки, и я чуть было не угробил сам себя, потому что неправильно оценил радиус взрыва.

Эта работа доставляла мне удовольствие. У меня был вибробур, который мне одолжили в инженерном бюро. При помощи него я бурил шурфы в обломках, как в мягком масле. Заложив заряд, я заполнял оставшееся отверстие камнями, поджигал фитиль и убегал, как заяц. Но наибольшее наслаждение мне доставил подрыв камней, напоминающих улыбающийся череп мертвеца. Его оскал сразу же исчез!

Когда мы взрывали обломки скал, у нас появился посетитель. Мы с папой только что присели, чтобы пообедать, как внезапно появился Сэндерс. Джордж называл его «Оппозиция-в-лице-одного-человека». Мы пригласили его пообедать с нами.

Он жаловался на всех и каждого. Папа попытался сменить тему и спросил Сэндерса, как далеко он продвинулся в очистке взрывами своего участка. Сэндерс ответил, что эта работа слишком изматывает.

— Вы получаете дробильную машину сразу же после нас, не так ли? — спросил папа.

Сэндерс кивнул и сказал, что он пришел, чтобы одолжить взрывчатки. У него осталось уже сравнительно мало времени. Папа дал ему немного взрывчатки, потому что после работы он сможет взять в городе еще. Сэндерс продолжил:

— Я думаю, мы сломаем на этом голову, мистер Лермер. Мы все начали совершенно не так.

— Не так? — спросил Джордж.

— Да, конечно. Во-первых, это не дело поселенца — взрывные работы; этим должны заниматься специально обученные люди, которым обязано платить правительство. Это входит в договор. Нам ведь обещали предоставить готовый участок, не так ли?

Папа дружески сказал, что хотя это хорошая идея, но он не знает, где можно нанять для этой работы специально обученных людей. В конце концов, ведь на очереди пятнадцать сотен новых ферм.

— Правительство обязано их нанять! — объяснил мистер Сэндерс.— Для этого их должны привезти с Земли. Смотрите, мистер Лермер, вы работаете в бюро Верховного Инженера. Вы должны замолвить там за нас словечко.

Джордж взял в руки бур и просверлил следующий шурф.

— Я боюсь, что вы обратились не по тому адресу. Я сижу совсем в другом отделе.

Вероятно, мистер Сэндерс тоже увидел, что находится на ложном пути, потому что он сказал:

— Во-вторых, я посмотрел так называемую «землю», которую мне дали,— это катастрофа,— он пнул ногой один из камней.— Эта земля ни на что не годится. На ней ничего нельзя вырастить.

— Конечно, нет,— ответил папа.— Землю сначала надо подготовить.

— Я это и имею в виду,— сказал Сэндерс.— Нужна земля, добрый жирный чернозем. Бессмысленно самим возделывать ее метр за метром — насыщать ее навозом, червями и другими подобными штуками.

— Вы знаете способ получше?

— Знаю ли я! Я это и имею в виду. Мы крепко засели здесь и должны делать то, что придумала пара бюрократов, сидящих за письменными столами. У них есть бесчисленные кубометры великолепной земли, которая только и ждет, чтобы ее использовали.

Папа бросил на него резкий взгляд.— Где?

— В дельте Миссисипи, именно там! Чернозем, там находятся сотни и сотни кубометров чернозема.

Мы оба взглянули на него, но он говорил совершенно серьезно.

— Мы должны забрать эту землю, да, мы должны это сделать. Сначала здесь нужно выровнять камень. А на него мы насыпем настоящей земной почвы, по меньшей мере, полметра толщиной. Только тогда здесь можно будет что-то выращивать. А то, что мы делаем сейчас,— только напрасная трата времени.

Папа немного помолчал, прежде чем ответить ему.

— Вы хоть раз подсчитывали, сколько это будет стоить?

Мистер Сэндерс махнул рукой.

— Это неважно. Важно лишь то, что нам нужна эта земля. Правительству нужно, чтобы мы поселились здесь, не так ли? Хорошо, если мы все соберемся и будем настаивать на этом, им придется обеспечить нас этой землей,— он с триумфом выдвинул вперед свой подбородок.

Джордж хотел что-то сказать, но промолчал. Он набил камней в пробуренное отверстие, вытер со лба пот и выпрямился.

— Эй, житель,— сказал он,— вы разве не видите, сколько мы уже сделали? Теперь мне нужно поджечь фитиль, и я предлагаю вам покинуть опасную зону.

— Что? — спросил Сэндерс.— Насколько велик заряд? Далеко ли мне нужно отойти?

Если бы он поднял взгляд, он увидел бы, как велик заряд и далеко ли ему нужно было отойти. Папа сказал:

— О, примерно на полмили. Но вы можете отойти еще дальше.

Сэндерс посмотрел на него, что-то презрительно пробормотал и исчез. Мы отошли назад и подождали, пока заряд не взорвался. Пока мы подготавливали новый заряд, я видел, как двигаются губы Джорджа. Через некоторое время он сказал:

— Если я приблизительно верно оцениваю вес речного ила, тогда на один участок мистера Сэндерса его потребуется целый «Мейфлауэр». Пройдет пятьсот ганимедских лет, прежде чем все фермеры будут обеспечены подходящей землей.

— Ты забыл о «Крытом Фургоне»,— дружески напомнил я.

Джордж усмехнулся.

— Ах так! Если и этот корабль отдадут в наше распоряжение, мы, может быть, управимся за двести пятьдесят лет, принимая во внимание, что сюда больше не прилетит ни один поселенец, и здесь не родится ни один ребенок.— Он добавил, наморщив лоб: — Билл, почему так мало взрослых с виду людей умеют считать?

Я этого тоже не знал, и он сказал:

— Ладно, продолжим нашу работу. Я боюсь, нам не остается ничего другого, как только счесть нашего друга Сэндерса неспособным вести жизнь фермера.

В тот день, когда должна была прийти дробильная машина, я ждал ее на кромке дороги. Она двигалась со скоростью двадцать километров в час и заполняла дорогу от одного края до другого. Подойдя к лавовому валу, она остановилась. Я махнул рукой мужчине, управляющему машиной. Он махнул мне в ответ, машина охнула пару раз, а потом вырвала кусок лавового вала.

Лава для нее вообще не представляла никаких затруднений. Она разбивала камни, как скорлупу земляных орехов. Виброрезак, находящийся под ее движущейся частью, просто вырезал кусок камня, потом огромная стальная лопата поднимала его.

Водитель мог или раздробить эти камни тяжелыми валками машины, или отбросить их в сторону. В это мгновение он продвинулся вперед, оставив на моем участке позади себя чистую, прямую дорогу. Хотя она была немного пыльной, но когда пару раз выпадет дождь, все это должно измениться.

Машина производила ужасный шум, но водителю это, казалось, ничуть не мешало. Он отпустил несколько шуток. Ветер погнал пыль в противоположном направлении, и он надвинул на лицо маску. Около полудня он достиг середины нашего участка. Мы поели вместе, потом он начал выравнивать наш участок — пару акров, а остальное могло и подождать. Впрочем, нам повезло, потому что я получил свой участок на месяц раньше, чем по плану. «Мейфлауэр» вторым рейсом привез еще три дробильные машины и совсем немного новых поселенцев. Это и был компромисс между Советом Ганимеда и Комиссией по колониям.

Шум стал еще сильнее, когда машина вгрызлась в обломки скал, но для меня это звучало как музыка, и я неотрывно наблюдал за ней. Каждая полная баггерная лопата означала для меня кусочек участка. К вечеру папа рассчитался с водителем. Мы некоторое время наблюдали за машиной вместе, потом папа должен был уйти. А я остался. Около полуночи я отыскал защищенное от солнца местечко в стороне от своего участка и немного вздремнул.

Потом меня разбудил водитель и сказал:

— Просыпайся, парень,— вот твой участок.

Я встал, протер глаза и осмотрелся. Десяток акров земли с достаточным пространством для оросительных каналов и с маленьким холмом в центре, на котором будет стоять наш дом. У меня была своя ферма!

Логичнее всего было начать с постройки дома, но я сделал по-другому, я незадолго до указанного срока взял напрокат на неделю дробилку. Эта штука по своей сути — миниатюрная дробильная машина. Она питается от батарей, а не от антенны, и она настолько проста, что с ней может управиться и ребенок, она размельчает куски, которые пропустила большая дробильная машина. По сравнению с большой дробильной машиной дробилка маленькая и потребляет меньше энергии. В колонии их было около сорока штук.

После того как дробильная машина обработала мой участок, осталась галька величиной с кулак, покрывающая участок слоем толщиной до одного метра. Маленькая дробилка была снабжена ситами для камней различных размеров. Сначала галька пропускалась через верхнее сито. Более крупные куски собирались и отправлялись в воронку дробилки и там размельчались до величины грецкого ореха.

При следующем рейсе использовалось следующее сито, и дробилка устанавливалась на более тонкое измельчение. И так далее, пока, наконец, верхние двадцать сантиметров не превращались в тонкий песок.

И так всю площадь, дюйм за дюймом. Чтобы как можно полнее использовать взятую напрокат дробилку, нужно было работать двадцать четыре часа в день. Первый день я вообще не отходил от нее. Я ел на ходу. Вечером папа сменил меня, а потом из города пришел Хэнк, и мы, сменяя друг друга, работали всю ночь. У нас была целая светлая фаза, и это было хорошо.

Во второй половине следующего дня папаша Шульц нашел меня спящим на пульте управления и отправил меня в свой дом, чтобы я там немного отдохнул. В дальнейшем, если я работал четыре-пять часов без перерыва, внезапно появлялся один из Шульцев. Я не знаю, как мы с папой обошлись бы без Шульцев в темную фазу.

Они нам очень помогли, и, когда пришло время возвращать

дробилку, было уже готово полтора акра земли. Нужно было только смешать ее с богатым бактериями перегноем.

Приближалась зима, и я твердо решил построить свой дом и прожить в нем зимние месяцы, однако мне нужно было сильно поспешить. Но сначала я должен был что-нибудь высеять, чтобы талая вода не снесла верхний слой почвы. Короткий ганимедский год — это неплохая идея, и я рад, что она воплощена в жизнь; зима на Земле просто слишком длинна. А здесь она длится очень недолго.

Папа Шульц дал мне траву. Траву-мутанта, растущую на стерильной почве. И ее корни удерживали почву на моем участке, даже если сама трава погибала. Кроме того, оказалось, что через корни лучше всего распространяются бактерии.

Перегной с бактериями, в основном, это не что иное, как добрый старый чернозем с Земли, в котором кишат бактерии, грибы и микроскопически маленькие червячки,— все, что необходимо для появления больших навозных червей. Они должны были появиться сами. Несмотря на это, нельзя было просто погрузить на корабль пару грузовиков земного чернозема и привезти его на Ганимед, потому что в каждой лопате земли хотя и есть сотни необходимых для развития и роста растений вещей, но также имеются сотни вредных микроорганизмов, таких, как бактерии столбняка, споры вредных грибков и семена сорняков. Большинство из них так малы, что их нельзя разглядеть невооруженным глазом, а некоторые нельзя даже отфильтровать.

Поэтому на Земле приходится выращивать чистые культуры бактерий, которые должны быть в почве. Сама почва облучается, *пока не становится абсолютно стерильной, а потом в нее* высеваются выведенные в лаборатории бактерии и грибки. На Ганимеде эта почва смешивается с почвой Ганимеда в пропорции один к шести и в таком виде продается.

Нужно всеми силами избегать заражения. Я не знаю, упоминал ли я об этом, но во время нашего путешествия на корабле наша одежда и багаж были простерилизованы, и перед выходом из корабля мы должны были принять особую ванну. Это была первая настоящая ванна за два месяца полета.

Трактор колонии доставил богатую бактериями почву, которую я заказал, чтобы я смог заложить свою ферму. Рано утром я ушел от Шульцев, чтобы встретить людей. Впрочем, существуют разные мнения о том, как нужно вносить богатую бактериями почву в участок земли. Некоторые поселенцы просто разбрасывают ее и идут на риск, что она будет уничтожена. Некоторые делают небольшие углубления на расстоянии двух метров друг от друга, но это очень сложный метод. Я был в нерешительности, когда увидел, как кто-то идет вдоль дороги.

Это были шесть человек с тачками. Они приблизились, и я узнал всех мужчин Шульцев. Я пошел им навстречу.

Тачка каждого из них была гружена навозом, и все это, несомненно, было предназначено для меня!

Это папаша Шульц придумал для меня такой сюрприз. Я не знал, что мне сказать. Наконец я выдохнул:

— Боже мой, папаша Шульц, я не знаю, смогу ли я когда-нибудь расплатиться с вами за все это!

Он сердито посмотрел на меня и ответил:

— Кто говорит о плате? У нас много навоза, больше, чем мы можем использовать,— затем он добавил навоз к моей почве, богатой бактериями, взял вилы и осторожно смешал все это, словно он священнодействовал на кухне своей жены.

Он все взял в свои руки, а я так и не смог принять никакого решения. По его мнению — я и не отваживался возразить ему,— того, что мы сделали, было достаточно для пол-акра земли. У него был свой особый метод распределять почву. Он выбрал не взаимосвязные участки, а семь широких полос земли. Каждая из полос была пару сотен метров длиной и от десяти до пятнадцати метров шириной. Затем мы взяли тачки и распределили на полосах эту смесь земли и компоста.

Когда мы сделали это и отметили границы полос камнями, мы заделали эту смесь граблями поглубже в почву. Около полудня появились мама Шульц и Гретхен, нагруженные едой, и мы устроили пикник.

После еды Джо должен был вернуться в город, но он уже почти закончил свою полосу. Папаша Шульц закончил свою полосу еще быстрее и стал помогать Хьюго и Петеру, которые были еще слишком малы, чтобы работать как взрослые. Я трудился изо всех сил и кончил свою полосу своевременно, чтобы успеть доделать и полосу Джо. Папа пришел вечером, рассчитывая, что ему придется проработать всю ночь. Он тоже не знал, как ему отблагодарить Шульцев.

Может, мы действительно смогли бы поставить свою ферму на ноги, даже если бы не было Шульцев,— но я в этом не был уверен. Пионерам всегда нужны соседи, готовые помочь.

На следующей неделе я вносил в почву между полосами искусственные нитраты, взятые на энергостанции колонии,— эта штука была не так хороша, как почвенные бактерии, но зато и не так дорога. Потом я вручную посеял траву, как в Библии. Я тщательно заделал семена граблями. При этом снова появился этот несносный Сэндерс. Это происходило часто, пока папы не было поблизости. Я думаю, он был одинок. Его семья все еще жила в городе, а он ютился в крошечном каменном сарайчике, который он построил для себя. Он вообще ничего не сделал для того, чтобы создать свою собственную ферму.

Я сказал:

— Хэлло,— и продолжил свою работу.

Он с кислой миной понаблюдал за мной, потом произнес:

— Ты хочешь надорваться на этой работе, а, малыш?

Я ответил ему, что сердце мое все еще в полном порядке, и спросил, не займется ли он своей фермой?

— Кажется, нет,— ответил он.

— Но чем же вы тогда, собственно, будете заниматься?

— Я куплю себе обратный билет, вот что я сделаю.

— Как?

— Единственное, что здесь можно купить,— это улучшенная земля. Я сделаю ее своей собственной игрой, вот что. Я подготовлю свой участок, а потом продам его другим беднягам. Потом я как можно быстрее вернусь со своей семьей на Землю. И вам я советую сделать то же самое. Не будьте идиотами! Здесь никогда не удастся создать настоящую ферму. Это невозможно.

Постепенно он начал надоедать мне, но, к сожалению, я очень редко становлюсь по-настоящему груб.

— Ах, я не знаю,— ответил я.— Посмотрите на мистера Шульца — у него великолепная ферма.

Сэндерс вздернул нос.

— Ты имеешь в виду «Джонни—Яблочное семечко»?

— Я имею в виду мистера Иоганна Шульца.

— Конечно, конечно — Джонни—Яблочное семечко. Так его называют в городе. У него не все дома. Ты знаешь, что он сделал? Он дал мне целую горсть яблочных семечек и сделал вид, что он вручил мне, по крайней мере, сокровища царя Соломона.

Я перестал работать граблями.

— А разве это не так?

Сэндерс сплюнул на землю.

— Он же шут.

Я поднял грабли.

— Мистер Сэндерс,— сказал я,— вы стоите на моем участке, на моей земле. Уходите немедленно и никогда больше здесь не появляйтесь.

Он отступил и сказал:

— Эй! Сейчас же перестань! Осторожнее со своими граблями!

Я ответил:

— Вон!

Он ушел.

Дом был проблемой. На Ганимеде постоянно происходили небольшие землетрясения. Это было как-то связано с «изостасисом», что означало не что иное, как «состояние равновесия», и относилось к твердой коре планеты.

Это было также как-то связано с приливами и отливами, что

было смешно, потому что на Ганимеде никогда не было никаких приливов и отливов. Солнце было так далеко, что оно не играло никакой роли, а к Юпитеру Ганимед всегда был повернут одной и той же стороной. Конечно, были заметны слабые приливы, когда Европа проходила вблизи Ганимеда; а при приближении Ио и Каллисто они были еще заметнее, но они не шли ни в какое сравнение с приливами и отливами в Тихом океане на Земле.

Но на Ганимед все же действовали приливные силы. Мистер Хукер, главный метеоролог, объяснял это так: Ганимед находился недалеко от Юпитера, прежде чем он застыл и утратил собственное вращение по отношению к нему и в результате мощных приливных сил приобрел некоторую сплюснутость. Впрочем, в отношении Луны дела обстояли точно так же.

Потом пришли мы, растопили лед и дали Ганимеду атмосферу. Вследствие этого давление повсюду выровнялось и изостатическое равновесие перестроилось. Результатом этого были небольшие ганимедотрясения.

Я прибыл из Калифорнии. Поэтому я хотел построить сейсмически устойчивый дом. Шульцы сделали то же самое, и это, по моему мнению, было хорошей идеей, хотя мы никогда не видели сильного ганимедотрясения, которое бросало бы людей на землю. С другой стороны, поселенцы должны были побеспокоиться и об этом. Было по-настоящему трудно построить сейсмоустойчивый дом из каменных блоков.

А хуже всего — все было дорого. Основные материалы, предоставляемые нам в соответствии с договором, были действительно великолепны — по крайней мере, теоретически: мотыги, лопаты, тачки, ручной культиватор, ведра и так далее. Но только когда начинаешь работать, замечаешь, что у тебя есть далеко не все. Очень многое приходится покупать.

Я засеял пол-акра, прежде чем мне вообще удалось заняться постройкой своего дома.

Как обычно, мы пошли на компромисс. Одна из комнат должна была быть сейсмоустойчивой и одновременно быть комнатой с повышенным давлением воздуха для Пегги. Хотя Пегги стало уже много лучше, она все еще не могла надолго выходить наружу и выносить низкое давление. Когда наша семья переселится на ферму, у этой комнаты будет воздушный шлюз. И это будет стоить немалых денег.

Пока все было приготовлено, я засеял еще акр. Папа попытался получить ссуду, но ему ясно и недвусмысленно сказали, что кредит может получить только поселенец, и больше никто. Этим дело и закончилось. Мы намеревались построить одну комнату с усиленными стенами, чтобы позднее дом можно было надстроить. А тем временем наш дом должен был состоять из жилой комнаты, в кото-

рой буду спать я, из крошечной спальни для Джорджа и Молли и из комнаты Пегги.

Не слишком большой дом, верно? Но что это значит? Эйб Линкольн начинал с гораздо меньшего.

Как только я засеял поле, я принялся за резку камня. Вибропила действовала так же, как и вибробур, только она не бурила отверстие, а резала тонкую, как волос, щель. Когда включаешь питание, нужно быть очень внимательным, чтобы в зону действия пилы не попал палец, а управление самой пилой — детская игра. В договоре говорилось, что пилу можно взять напрокат на сорок восемь часов. Я отложил все другие дела и работал с нею все сорок восемь часов. Я больше не хотел иметь долгов, потому что мне предстояли новые расходы — прожектор, излучающий дневной свет. У папы Шульца на полях были такие прожектора, и урожай у него был почти вдвое выше, чем у остальных. Земные растения не привыкли находиться в темноте целых три с половиной дня, но с прожекторами они чувствовали себя отлично.

Ну да, нужно было подождать еще некоторое время.

Дом построила группа — я хочу сказать, моя группа скаутов. Это было для меня неожиданностью и одновременно не было, потому что повсюду дома строили подобным образом. Дом в одиночку не построить. Я сам уже шесть раз помогал другим — не из великодушия, а потому что мне необходимо было учиться, как это делать.

Но патруль появился внезапно, прежде чем я успел сообщить им о своей готовности. Они шли вдоль дороги. Сергей вел их к тому месту, где должен был стоять дом; парни остановились, и Сергей спросил меня:

— Билл, ты уплатил налог скаутов?

Голос его звучал угрожающе.

— Ты же об этом знаешь,— ответил я.

— Тогда ты должен нам помогать. И мы тебе тоже должны помочь,— внезапно он улыбнулся и я понял, что все это было всего лишь ритуалом. Он повернулся к группе и крикнул:

— Приступаем к постройке дома! Начали!

Внезапно мне показалось, что все это телекомедия, в которой чрезмерно убыстрился темп действия. Я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь работал так основательно, как мои скауты. Я могу только сказать, что не нужно никакой формы, чтобы быть скаутом.

Вместе со скаутами здесь были Вик Шульц и Хэнк Джонс, оба из скальной группы; кроме того, тут был Дуг Окаджима, который принадлежал к группе «Баден-Пауэлл». Все это было великолепно. У меня были друзья, которых в последнее время я видел очень редко. Во время светлой фазы я работал так долго, что уже поздно

было идти на встречу; а во время темной фазы дважды подумаешь, прежде чем отважишься на девятимильный переход туда и обратно.

Совесть у меня была неспокойна, потому что я забывал о них и приходил к ним так редко. Но теперь я решил чаще приходить на встречи, как бы я ни устал после работы. Кроме того, при ближайшей возможности я должен был пройти испытания.

При этом я вспомнил еще об одном деле, которое еще не было улажено,— Олух Эдвардс. Но я не мог позволить себе просто так терять день, чтобы только дать кому-то по морде. Кроме того, мне не повредит, если я стану тяжелее еще фунтов на десять; я не хотел бы, чтобы результат нашей драки был таким же, как в тот раз.

Спустя некоторое время появился папа с двумя людьми из его бюро, и они взяли на себя сооружение комнаты для Пегги. Его появление доказало мне, что он знал об этом заговоре и принимал в нем участие. Но сам заговор был идеей Сергея.

Я отвел папу в сторону.

— Послушай, Джордж,— сказал я,— как же, ради всех святых, мы сможем накормить эту ораву?

— Не беспокойся об этом!

— Но я должен беспокоиться! Каждый знает, что поселенец, которому только что построили дом, должен обеспечить едой своих помощников. А мои товарищи появились здесь совсем неожиданно.

— Ты не беспокойся,— повторил он. А потом я понял, почему он так говорил. Молли появилась вместе с мамой Шульц, Гретхен, сестрой Сергея Марусей и двумя подругами Пегги: они принесли с собой гору еды. Это был великолепный пикник, и Сергею пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить своих ребят работать снова. Теоретически еду у Шульцев готовила Молли, но я знал маму Шульц. Кроме того, я могу добавить с чистой совестью — Молли не слишком разбиралась в поварском искусстве.

Молли захватила с собой для меня пару строк от Пегги:

«Дорогой Билл, приходи сегодня вечером в город и расскажи мне поподробнее, как это было. Пожалуйста, приходи!»

Я обещал Молли, что обязательно приду.

Около шести часов вечера крыша была готова, и у нас был дом. Дверь еще не повесили. Она все еще находилась на складе. Энергоустановка тоже должна была прибыть примерно через неделю. Но у нас был дом для защиты от дождя, и даже крошечное стойло, хотя о корове в настоящее время нечего было и думать.

15. ПОЧЕМУ МЫ ПРИШЛИ?

В моем дневнике записано, что в первый же день весны мы перебрались в наш собственный дом.

Потом пришла Гретхен и помогла мне устроиться. Я предложил позвать еще и Марусю, потому что работы было очень много.

— Как ты можешь! — сказала Гретхен, и я не сделал этого, потому что почувствовал, что она обиделась. Девочки такие странные. Но Гретхен работала очень проворно.

Я спал в этом доме с тех пор, как его построили, даже прежде, чем техники из инженерного бюро установили антенну на крыше и обеспечили нас светом и теплом. Все это произошло еще до наступления зимы, и я провел приятный месяц. Я все устроил внутри дома и загрузил пару тонн льда в щель возле нашего дома, в которую позже должны быть высажены яблони. Лед там сохранится, пока я не построю настоящий погреб.

Первая пара месяцев после переезда сюда моей семьи была самым счастливым временем за всю мою жизнь. Папа большую часть темной фазы проводил в городе. Теперь он работал только половину недели, и не только потому что его интересовал проект, но и потому что это помогало гасить наши долги. Во время светлой фазы мы все вместе работали на ферме.

Молли, казалось, с удовольствием вела домашнее хозяйство. Я научил ее готовить, и училась она очень прилежно. Готовить на Ганимеде — искусство. Большинство из кушаний приходится готовить при повышенном давлении, потому что вода здесь закипает уже при ста сорока градусах по Фаренгейту. Последним тонкостям Молли научила мама Шульц — в области кулинарии она была непревзойденной мастерицей.

Пег, конечно, должна была жить в комнате с повышенным давлением, но мы надеялись, что она скоро сможет покинуть ее. Давление уже снизили до восьми фунтов, наполовину кислород, наполовину азот, и мы большей частью ели в ее комнате. Я все еще ненавидел густой воздух, но я ничего никому не говорил об этом, потому что совместные обеды всей нашей семьи были нам очень дороги. Спустя некоторое время я даже мог находиться в ее комнате, не получая при этом головной боли.

Пегги могла покидать свою комнату. Мы принесли ей из города переносную пластиковую барокамеру — на нее мы тоже истратили кучу кредитов! — папа снабдил ее кислородным аппаратом, снятым со старого космического скафандра. Пегги могла покидать свою комнату на переносных носилках, на которых была установлена барокамера, и сама запирать и отпирать ее. Потом мы снижали давление в ее комнате и выносили ее на солнце, откуда она могла видеть горы и море. Она охотно наблюдала за нашей работой. Прозрачный пластик оболочки пропускал ультрафиолетовые лучи, и это шло ей на пользу. Барокамера была небольшой и легкой, и Пегги могла передвигаться в ней. Во время светлой фазы она большую часть времени проводила снаружи.

У нас была наседка, пятнадцать оплодотворенных яиц и два кролика — с этого мы и начали. Сравнительно скоро у нас появилось свое собственное мясо. Конечно, мы всегда говорили Пегги, что куры на нашем столе были с фермы Шульцев, но она не верила, что это правда. Сначала я ежедневно брал у Шульцев свежее молоко для Пегги, но затем появилась возможность по случаю приобрести прекрасную корову-двухлетку. Цена была невысока. Пегги назвала ее Мейбл и сердилась, что не может с ней играть.

Мы сделали еще много чего. Я все не удосужился пройти испытания и редко приходил на собрания нашей группы. Это было не просто. Мы, например, заложили пруд. Хотя лагуна Серенидад была заселена планктоном и водорослями, но в ней еще не было никакой рыбы, и пройдет еще много времени, прежде чем мы получим лицензию на отлов. А потом у нас будет свою собственная рыба на китайский лад.

А потом мы снова занялись нашими полями. Моя трава существенно укрепила почву, и вскоре после нашего переезда мне показалось, что почва уже была готова к подсадке червей. Папа уже хотел отослать пробу почвы в городскую лабораторию, чтобы убедиться в этом, но тут пришел папа Шульц, взял пригоршню земли, понюхал ее, попробовал и сказал, что мы спокойно можем выпускать червей. Мы сделали это, и они расползлись. Временами мы встречали на поле их потомков.

Там, где мы использовали почву, богатую бактериями, трава была значительно гуще, Полосы расширялись, но очень медленно. Мне пришлось немало потрудиться, пока я не обработал все полосы, а потом я снова начал подумывать о том, не взять ли мне снова дробилку и не обработать ли оставшиеся три четверти почвы. Этот участок мы сможем возделать, использовав почву с нашей собственной пашни. Затем при помощи дробильной машины мы хотели подготовить еще акр... однако все это было в отдаленном будущем.

Мы сажали морковь, салат, ягоды, капусту, спаржу, картофель и брокколи. Между рядами мы сеяли кукурузу. Я бы охотно попытался засеять пол-акра пшеницей, но занимать этой культурой такую малую площадь было бессмысленно. Поблизости от нашего дома был участок, на котором мы сажали томаты, тыкву, горох и бобы. Это были «тепличные» растения, и Молли своими руками возделывала грядки — трудная работа. Мы надеялись, что однажды у нас будет улей с пчелами — энтомологи из команды экологов давали возможность разводить пчел, которые принесли бы на Ганимеде огромную пользу. Но это пока было невозможно. Дело, собственно, было вот в чем: пока на Ганимеде сила тяжести составляла одну треть земной, давление воздуха здесь было в одну шестую земного, и пчелам это не нравилось. Они едва могли летать.

Но, может быть, пчелы были просто слишком консервативны?

Мне кажется, до самой следующей зимы я был счастлив. Но, может быть, я был слишком занят и устал, чтобы быть несчастливым.

Сначала зима показалась мне долгожданной паузой. Мы заготовляли лед и заботились о домашних животных, но дел было не так уж и много. Я изрядно устал и начал капризничать, но сам не замечал этого. Молли, по моему мнению, была на пределе. Но она терпеливо несла свой крест. Она не привыкла к жизни на ферме и не могла так надрываться, как это делала мама Шульц.

Кроме того, ей нужен был водопровод и туалет, но их просто не было. Я, конечно, носил воду, а также наколол в море много льда, но это был неприкосновенный запас. Но Молли не жаловалась, нет.

Папа тоже не жаловался, но от его носа к уголкам рта пролегли глубокие морщины, которые не могла скрыть даже борода. Но нашей основной заботой, конечно, была Пегги.

Когда мы доставили ее на ферму, она впервые за все это время ожила. Мы постепенно снижали давление в ее комнате, и она все время подтверждала, что чувствует себя великолепно. По совету доктора Арчибальда мы даже однажды вывели ее наружу без барокамеры, и носового кровотечения у нее не было, но через десять минут она добровольно вернулась в свою комнату.

Она просто не могла вынести этого, и все. Дело было не только в давлении — тут было еще что-то. Она не принадлежала этой планете и не могла привыкнуть к жизни здесь. Вы когда-нибудь видели растение, которое, будучи посажено в определенном месте, быстро увядает? То же самое было и с Пегги.

Она обязательно должна была вернуться назад, на Землю.

Я думаю, нам было не так уж плохо, но существует огромная разница между прирожденными фермерами, такими, как Шульц, у которого были целые кучи коровьего навоза, окорока в погребе и даже проточная вода, и такими бедными фермерами, как мы. Мы боролись за каждый дюйм новой почвы и задолжали Комиссии. Это угнетало нас, а зимой у нас было много времени для раздумий.

Как-то в четверг мы все вместе сидели за едой в комнате Пегги. Только что наступила темная фаза, и папа скоро должен был снова отправляться в город. Мы часто сопровождали его часть пути. Сейчас мы покончили с едой. Молли чинила белье, а Джордж играл с Пегги в криббедж. Я взял свой аккордеон и извлек из него пару нот. Некоторое время все с удовольствием слушали. Я не знаю, как это произошло, но через некоторое время я заметил, что играю «Зеленые холмы Земли». Я давно уже не играл эту вещь.

Я начал с того места, где говорилось: «Красота Земли нас влечет к себе, и дюзы громко ревут»,— я подумал о том, что дюзы кораблей сегодня уже не ревут. Я все еще размышлял над этой про-

блемой, когда подошел к концу песни: «Дай увидеть покров голубых облаков и зеленые холмы Земли»...*

Я поднял взгляд и увидел, что у Молли по щекам катятся слезы.

Мысленно я дал пощечину самому себе. Я отложил аккордеон и встал. Папа спросил:

— Что такое, Билл?

Я пробормотал, что мне нужно взглянуть на Мейбл.

Я вышел из жилой комнаты, надел свою теплую одежду и действительно вышел наружу. Но я не пошел в стойло. Шел снег, и было темно, хоть выколи глаз, хотя солнце зашло всего лишь пару часов назад. Небо было закрыто плотными облаками, так что не видно было даже Юпитера.

Потом облака на западе стали тоньше, и я смог различить в красноватом сиянии море и горы. Горы были покрыты снегом, а море казалось гладкой холодной лиловой пустыней. Обломки скал вне нашего участка отбрасывали жуткие тени. Эта картина соответствовала моему настроению. Несколько мгновений я думал о чистилище.

Я подумал о том, чего я здесь ищу.

Облака на западе разошлись, и я увидел одну-единственную зеленую звезду, ярко сияющую низко над горизонтом.

Земля.

Я не знал, сколько времени я стоял тут. Потом кто-то положил мне руку на плечо, и я вздрогнул. Это был папа.

— Что такое, мальчик? — спросил он.

Я хотел что-то сказать, но слова застряли у меня в горле, и я не произнес ни звука. Наконец я выдохнул:

— Папа, почему мы сюда пришли?

— Ты хочешь сказать, что ты это знаешь?

— Я знаю,— ответил я.

— И все же главной причиной нашего прихода был страх, что наши внуки умрут от голода. Земля слишком перенаселена, Билл.

Я снова бросил взгляд на зеленую звезду.

— Папа, я сделал открытие. В жизни есть кое-что еще, кроме хорошего трехразового питания. Конечно, мы можем получать здесь богатые урожаи — почва здесь еще не истощенная. Но внуки наших внуков на Ганимеде не могут рассчитывать на это. И это будет несправедливо по отношению к ним. Я знаю, что мы допустили ошибку.

— Ты ошибаешься, Билл. Твоим детям здесь понравится, как нравится в Гренландии тамошним эскимосам.

— Я очень сомневаюсь в том.

— Обдумай все! Предки эскимосов не были эскимосами; они

---

* Перевод В. Бетаки.

тоже были переселенцами. Если ты отправишь своих детей на Землю, может быть, затем, чтобы они ходили там в школу, они тоже будут испытывать ностальгию по Ганимеду. Они будут ненавидеть Землю. Они будут весить слишком много, воздух для них будет слишком плотен, климат и люди Земли будут для них отвратительны.

— Гмм... послушай, Джордж, тебе нравится здесь? Ты доволен, что мы сюда прилетели?

— Я беспокоюсь о Пегги, Билл.

— Да, я это знаю. Но как это для тебя самого и для Молли?

— С Молли все в порядке. Женщины всегда могут взять себя в руки, даже если они иногда бывают подавлены. Это ты еще узнаешь,— он откинул голову и сказал: — Я приду позже. А теперь иди в дом и выпей с Молли чашку чая. Потом еще загляни в крольчатник. Я думаю, крольчиха скоро должна разродиться. Мне бы не хотелось терять крольчат,— он расправил плечи и пошел прочь. Я подождал, пока он не скрылся из вида, потом вернулся в дом.

16. СЛОЖЕНИЕ СИЛ

Потом внезапно пришла весна, и все снова стало хорошо.

Даже зима была для нас чем-то необходимым, но теперь она кончилась. Нам нужна была зима. Замораживание и таяние было необходимо, чтобы улучшалась структура почвы, не говоря уже о том, что некоторые культуры не могли развиваться без пауз. И все же четыре недели непогоды не каждому были по душе.

Папа закончил свою работу в городе, когда пришла весна, и все мы стали засевать поля. Я взял напрокат электротележку и стал разбрасывать землю, богатую бактериями, между уже обработанными полосами. Потом мы начали подготавливать небольшой овражек для наших яблонь. Я посадил туда зернышки, которые подарил мне папа Шульц. Сначала я оставил их у Шульцев, а потом, когда мой дом был готов, я перенес их в нашу жилую комнату. Шесть зернышек взошло, и яблоньки достигли почти полуметровой высоты.

Теперь я хотел попытаться оставить их снаружи. Может быть, мне следовало взять их в дом следующей зимой, но мне необходимо было попытаться акклиматизировать их.

Папа тоже был заинтересован в такой попытке, не столько из-за фруктов, сколько из-за древесины. Дерево, казалось, было устаревшим материалом, однако хоть раз попытайтесь обойтись без него! Я думаю, Джордж уже видел склоны Больших Сахарных Гор, покрытые елями и соснами.

Итак, мы заполнили небольшой овражек почвой, предварительно

расширив его. Мы пожертвовали на это много нашего компоста, а также немного нашей драгоценной богатой бактериями почвы. Там было достаточно места для двадцати деревьев. Но мы сначала высадили туда шесть наших карликов. Потом пришел папаша Шульц и дал нам пару советов. Затем он прошел внутрь дома и поздоровался с Пегги. Ему едва хватило места в ее маленькой комнатке. Джордж всегда говорил, что давление воздуха в помещении существенно снижается, когда папа Шульц делает вдох.

Немного позже мой папа и папаша Шульц беседовали в жилой комнате. Когда я хотел уйти, папа удержал меня.

— Билл,— спросил он,— как ты относишься к тому, чтобы нам сделать здесь пару окон? — он указал на пустую стену.

Я уставился на него.

— Но как же мы тогда сохраним в этой комнате тепло?

— Мы вставим в окна настоящие оконные стекла.

— О,— я задумался над этим. Я еще никогда за всю свою жизнь не жил в комнате с окнами. Мы всегда жили в наемных домах. Конечно, на Земле я видел окна, особенно в сельских домах, но на Ганимеде не было ни одного-единственного окна, и мне никогда не пришло бы в голову, что можно жить иначе.

— Папаша Шульц хочет сделать окна у себя в доме,— тихо сказал папа.— Мне кажется, будет великолепно сидеть в комнате и глядеть из окна на море.

— В каждом настоящем жилище должны быть камин и окна,— объяснил Шульц.— Теперь, естественно, я сделаю окна.

Папа кивнул.

— У людей в домах раньше всегда были окна. Только в последнее время люди стали запираться в этих безобразных жилищах с климатизаторами и искусственным освещением. Людям больше не нужно никаких окон, потому что они все время сидят, уставившись в эти проклятые телеэкраны.

Это была ошеломляющая идея, но я нашел ее великолепной. Я знал, что в городе производят стекло. Джордж сказал, что стекло — это древнейший материал и один из тех, что легко изготавливать. Но я всегда думал только о стеклянных мисках, стаканах и бутылках. Мысль об окнах никогда не приходила мне в голову.

Окно для наблюдения — прекрасная мысль. Мы могли сделать одно окно на юг, чтобы любоваться морем, а другое на север, чтобы смотреть на горы. Ночью, лежа в постели, я мог бы смотреть из окна на Юпитер.

Спокойнее, Уильям, сказал я сам себе, скоро у тебя будет стекло. После того как папаша Шульц ушел, я поговорил об этом с папой.

— Да, насчет окон — это хорошая мысль, особенно для комнаты Пегги. Но возникает следующий вопрос: хватит ли у нас для этого денег?

— Я уже подумал об этом,— сказал папа.

— Я имею в виду, хватит ли у нас денег без того, чтобы ты снова работал в городе? Ты уже заработался до полусмерти — но это было действительно необходимо. Теперь же ферма прокормит нас всех.

Он кивнул.

— Об этом я и хотел поговорить с тобой. Я решил больше не работать в городе. Я буду только преподавать по субботам.

— Надо ли тебе это делать?

— Мне это нравится, Билл. И тебе не надо беспокоиться о стоимости оконных стекол. Мы получим их бесплатно. Я помогал в разработке проекта стекольного завода. А теперь снова приступим к работе. Около трех часов должен пойти дождь.

Примерно тремя неделями позже луны Юпитера образовали прямую линию. Такое событие происходит исключительно редко. Ганимед, Каллисто, Ио и Европа — все они оказываются по одну сторону Юпитера. Они занимают почти такое же положение каждые семьсот два дня, но никогда не выстраиваются в прямую линию. Вы должны знать, что все периоды их обращения различны — от менее чем двух дней у Ио до целых четырнадцати дней у Каллисто. Но противостояние происходит довольно редко. Это происходит потому, что их орбиты имеют различный эксцентриситет, и потому, что орбиты их находятся в разных плоскостях. Как уже говорилось, противостояние всех лун происходит очень редко.

А на этот раз должно было быть еще и противостояние с Солнцем. Юпитер находился в своей полной фазе. Мистер Хукер, главный метеоролог, сказал, что такое противостояние в ближайшие двести тысяч лет больше не произойдет.

Можете себе представить, в каком мы все были напряжении. Специалисты из проекта «Юпитер» были вне себя и не отходили от своих приборов наблюдения.

То, что все это происходило во время полной фазы Юпитера, значило не только то, что все шесть небесных тел, включая Солнце, будут находиться в противостоянии, но и то, что мы могли все это видеть. Тени Ганимеда и Каллисто упали на Юпитер, когда Ио и Европа уже прошли половину своего пути.

Полная фаза началась в субботу утром, в шесть часов. Мы все встали в полпятого и в пять уже были снаружи. Джордж и я вынесли наружу Пегги в ее барокамере. Мы пришли как раз вовремя.

Была хорошая, ясная летняя ночь, и Юпитер оранжевым шаром пылал над нами. Ио только что пересекла восточный край Юпитера — «вошла в контакт», как называли это ученые. Европа уже прошла некоторое расстояние, и я должен был внимательно всмотреться, чтобы различить ее. Когда спутник Юпитера находится в полной фазе, его легко обнаружить на орбите, но в такой фазе

он легко сливается с Юпитером, находясь на его фоне. К счастью, и Ио, и Европа были немного ярче, чем Юпитер, и они виднелись на фоне экваториальных облачных полос.

Пройдя значительное расстояние от края, но все еще на востоке находились тени Ганимеда и Каллисто. Я не смог бы отличить их друг от друга, если бы не знал, что восточнее находится тень Ганимеда. Это были просто две маленькие круглые точки; три тысячи миль — ничто по сравнению с девяноста тысячами миль диаметра Юпитера.

Ио казалась несколько больше, чем тени, а Европа была больше, чем Ио, по размерам примерно равная нашей земной Луне.

Мы ощущали легкое дрожание почвы, но это ни в малейшей степени не беспокоило нас; мы привыкли к такому. Кроме того, в это мгновение Ио соприкоснулась с Европой. И с этой минуты Ио находилась позади нее.

Они ползли по лику Юпитера; луны сравнительно быстро, тени намного медленнее. Мы пробыли снаружи примерно полчаса; тени теперь коснулись друг друга и слились вместе. Ио все еще не совсем зашла за Европу. Она выглядела как флюс с одной стороны Европы.

Незадолго до шести часов Европа коснулась объединенной тени. Ио находилась за Европой и не была видна.

Четырьмя или пятью минутами позже тени Ганимеда и Каллисто легли на Европу — теперь все спутники находились на одной линии, и я знал, что такого я больше не увижу никогда в жизни. Солнце, Юпитер и четыре его большие луны выстроились в один ряд!

Я не знал, как долго я сдерживал свое дыхание.

— Какая сила! — больше в голову мне не пришло ничего.

— Я до некоторой степени разделяю твои чувства,— улыбнулся папа. Потом он повернулся к Молли: — Не лучше ли нам отнести Пегги в дом? Становится холодно.

— Да,— ответила Молли.— Я сама замерзла.

— А я теперь спущусь к морю,— сказал я. Разумеется, сегодня ожидался самый сильный за все время прилив. И хотя на таком маленьком море он не должен быть особенно заметен, но я накануне сделал отметку и надеялся провести измерения.

— Не заблудись в темноте! — крикнул мне вслед папа. Я не ответил. Замечание это показалось мне ужасно глупым.

Я уже пересек дорогу и, может быть, прошел с четверть мили, когда произошел толчок.

Я упал ничком. Это было самое мощное землетрясение в моей жизни. В Калифорнии были сильные толчки, однако с этим они не шли ни в какое сравнение. Я лежал лицом вниз, уцепившись за почву пальцами, в надежде, что толчки вскоре прекратятся.

Содрогание почвы прекратилось, а с ним и непрестанный грохот, более сильный и жуткий, чем гром во время грозы.

Один из камней покатился и ударил меня по ребрам. Я с трудом поднялся на ноги, стараясь сохранить равновесие. Почва все еще колебалась, и гром все еще не затих. Я побежал к дому. Казалось, что я бегу по кузову грузовика на ходу. Я упал, но снова быстро вскочил.

Фронтон дома был полностью разрушен. Крыша свисала под невероятным углом.

— Джордж! — крикнул я.— Молли! Где вы!

Джордж услышал меня и выпрямился. Он был по другую сторону дома, и я увидел его голову над осевшей крышей. Он не произнес ни слова. Я побежал к нему.

— У тебя что-нибудь случилось? — тяжело дыша, спросил я.

— Помоги мне... Молли...— сказал он.

Позднее я узнал, что Джордж с Молли ушли в дом и отнесли Пегги в ее комнату. Потом, пока Молли готовила завтрак, он еще раз вышел наружу. Толчок застал его в то мгновение, когда он направлялся из стойла к дому. Но в то мгновение у него не было времени для разговоров. Мы отбрасывали осколки камней в стороны голыми руками.

— Молли! — снова и снова звал Джордж.— Молли! Где ты?

Она лежала на полу возле верстака для обработки камней, который находился под крышей. Мы отодвинули его в сторону. Джордж нагнулся и поднял Молли.

— Любимая!

Она открыла глаза.

— Джордж!

— У тебя все в порядке?

— Что произошло?

— Землетрясение. У тебя все в порядке? Ты не ранена?

Она поднялась, лицо ее исказила гримаса боли; потом она сказала:

— Я думаю... Джордж! Что с Пегги? Помоги Пегги!

Комната Пегги уцелела. Балки ее потолка выдержали толчки, в то время как остальная часть дома рухнула. Джордж настоял на том, чтобы Молли вышла наружу. Потом мы снова стали разбрасывать обломки камней, загораживающие воздушный шлюз.

Внешняя дверь шлюза была отперта и открыта — но открыта не в ту сторону. Внутри шлюза было темно. Когда я потряс внутреннюю дверь, она не поддалась.

— Она заперта,— сказал я папе.— Возьми фонарик.

— Вероятно, давление воздуха удерживает ее. Крикни Пегги, что она должна забраться в барокамеру. После этого мы сможем снизить давление.

— Мне нужен фонарик,— повторил я.

— У меня его нет.

— Ты не взял его с собой? — Я был поражен. Во время темной фазы мы всегда носили с собой фонарики. Но я выронил свой, когда толчок уронил меня. Я не знал, где он теперь.

Папа на мгновение задумался, потом скрылся за кучей камней. Через несколько секунд он вернулся.

— Я нашел его на пути к стойлу,— он включил его и направил луч света на внутреннюю дверь.

— Выглядит весьма скверно,— тихо сказал папа.— Взрывная декомпрессия.— Между стеной и дверью был зазор шириной в палец. Дверь удерживалась не давлением воздуха — она была заклинена.

— Пегги!— крикнул папа.— Пегги, девочка, ответь нам!

Молчание.

— Посвети, Билл, и отойди в сторону,— он отступил назад, потом ударил плечом в дверь. Она немного поддалась, но не открылась. Он еще раз ударил ее. Она рухнула внутрь, и Джордж упал на нее. Он мгновенно вскочил, а я посветил ему фонариком.

Пегги наполовину сползла с кровати, словно она пыталась встать. Голова ее свисала вниз, а изо рта вытекала тонкая струйка крови.

Молли вошла в комнату сразу же за нами; она и папа поместили Пегги в барокамеру, и папа увеличил в ней давление. Пегги была жива. Она тяжело дышала, задыхаясь, пока мы пытались помочь ей. Потом она заплакала. Оказавшись в барокамере, она успокоилась и заснула. Но, может быть, она просто потеряла сознание.

Молли тоже плакала, но не закатывала истерики. Папа потянулся, провел рукой по лицу и сказал:

— Бери камеру, Билл. Мы должны доставить девочку в город.

Я кивнул и взялся за один конец. Молли держала фонарик, и мы оба зашагали по обломкам, в которые превратился наш дом. Потом мы на мгновение опустили барокамеру, и я осмотрелся.

Я бросил взгляд на Юпитер. Тени все еще были видны, а Ио и Европа все еще не достигли западного края диска. Но это меня больше не интересовало. Небо выглядело очень странно.

Звезды были яркими и многочисленными.

— Джордж,— сказал я.— Что такое случилось с небом?

— Нет времени для...— начал он, потом осекся и медленно произнес:— Матерь божья!

— Что?— спросила Молли.— Что такое?

— Немедленно все в дом! Мы должны взять всю теплую одежду, которую найдем там! И крышки-утеплители!

— Зачем это?

— Выделение тепла! Выделение тепла прекратилось! Землетрясение, должно быть, повредило энергостанцию!

Таким образом, нам пришлось копаться при свете звезд, пока мы не нашли то, что нам было нужно. Мы нашли это быстро. Все вещи у нас всегда находились в определенных местах. И, конечно, крышки для барокамеры. Папа закрыл ими камеру, и она стала напоминать кокон.

В следующее мгновение я услышал мычание Мейбл. Я остановился и посмотрел на папу. Он тоже остановился, и было видно, какого труда стоило ему принять решение.

— Проклятье!— сказал он, и это было первое ругательство, которое я от него услышал.— Мы просто не можем оставить ее замерзать здесь. Она тоже член нашей семьи. Идем, Билл.

Мы опустили барокамеру и побежали в стойло. Оно превратилось в кучу обломков, но мычание Мейбл привело нас в нужное место. Мы отбросили часть обвалившейся крыши в сторону, и корова встала; она, казалось, не была ранена, но, кажется, некоторое время была без сознания. Она обиженно смотрела на нас.

Это была героическая работа, поднять ее на кучу обломков. Папа тянул, а я подталкивал ее. Потом папа передал поводок Молли.

— А что нам делать с курами и кроликами?— спросил я. Некоторые из них были убиты во время землетрясения, другие выбежали наружу и крутились поблизости.

— Нет времени,— резко сказал папа.— Мы ничего не можем сделать для них.

Мы направились к дороге.

Молли с Мейбл шла впереди и несла фонарик. И он нам понадобился. Еще пару минут назад чистое небо внезапно затянуло облаками. Сразу же после этого Юпитер исчез из виду, а потом не стало видно даже вытянутой руки.

Дорога была мокрой — не от дождя, а от внезапно выпавшей росы. Постепенно становилось все холоднее.

Потом пошел дождь, равномерный и ледяной. Дождь перешел в снег. Молли остановилась и подождала, пока мы не подойдем.

— Джордж, мы уже миновали поворот на ферму Шульцев?

— Тут нет никакого смысла,— ответил Джордж.— Малышку немедленно нужно доставить в госпиталь.

— Я не это имею в виду. Не должны ли мы их предупредить?

— Их дом сейсмоустойчив.

— А холод?

— О,— он понял, о чем она думает. Теперь, когда производство тепла прекратилось, каждый дом в колонии превратится в ледяной погреб. Как можно использовать приемник энергии на крыше, если больше нет никакой энергии? Будет становиться все холоднее и холоднее...

А потом стало еще холоднее...

— Идем дальше,— внезапно сказал папа.— Мы посмотрим, когда подойдем к развилке.

Но мы так и не нашли развилку. Снег бил нам в лицо, и мы, вероятно, прошли ее. Теперь шел сухой снег, и его острые иглы секли нас, как бритвы.

Я шагал и молча считал шаги, когда мы удалились от потока лавы, образующего границу нашего участка. Насколько я мог просчитать, мы прошли миль пять, когда Молли вдруг остановилась.

— Что случилось?— крикнул ей папа.

— Дорогой, я не могу больше найти дорогу. Я боюсь, что я заблудилась.

Я отгреб снег в сторону. Мы были на чьем-то участке. Папа взял фонарик и посмотрел на часы.

— Мы должны уже пройти около шести миль,— произнес он.

— Пять,— поправил я его. Я рассказал ему, что считал шаги. Он задумался.

— Мы должны находиться где-то недалеко от того места, где поля граничат с дорогой,— сказал он.— И остается, по крайней мере, одна миля до Пьяных Холмов. Достигнув их, мы больше не сможем пропустить город. Билл, возьми фонарь и сделай сотню шагов вправо. После этого сделай то же самое в другом направлении. Если это ничего не даст, мы просто пойдем прямо. И ради всего святого, придерживайся своего собственного следа, иначе ты больше не найдешь нас в этом буране.

Я взял фонарик и отправился в путь. Справа я не нашел ничего, хотя сделал сто пятьдесят шагов вместо ста. Я вернулся назад и пошел в другом направлении. Тем временем папа что-то привязывал к барокамере.

Через двадцать один шаг я нашел дорогу. Я споткнулся о придорожный камень и растянулся во весь рост. Затем я встал и отправился назад.

— Хорошо,— сказал папа.— Надень вот это на шею!

Это был какой-то род хомута, который он соорудил из креплений крышек. При помощи этого хомута я мог перенести вес барокамеры на плечи, и руки мои теперь были свободны. Это было хорошо, потому что я больше не ощущал своих пальцев.

— Великолепно,— сказал я.— Но, пожалуйста, Джордж, не лучше ли будет, если другой конец барокамеры ты отдашь Молли?

— Чепуха!

— Это не чепуха. Молли возьмет барокамеру, не так ли? А ты знаешь дорогу лучше, чем мы. Ты уже сотни раз проходил по ней в темноте.

— Билл прав,— сказала Молли.— Вот, возьми Мейбл.

Папа сдался. Он взял фонарик и поводок коровы. Мейбл не

хотела идти дальше. Папа дал ей хорошего пинка и рванул за поводок. Корова не привыкла к такому обращению и обиженно посмотрела на нас. Но теперь у нас не было времени для нежностей. Становилось все холоднее.

Мы пошли дальше. Я не знаю, как папе это удавалось, но мы все время оставались на дороге. Я думаю, прошло не меньше часа, когда мы, наконец, оставили позади себя Пьяные Холмы. Внезапно Молли споткнулась. Колени ее просто подломились, и она упала в снег.

Я остановился и опустил барокамеру. Затем сам опустился на снег. Мне нужен был отдых. Мне просто хотелось сидеть вот так, и чтобы снег заносил меня.

Папа вернулся назад, обнял Молли и стал ее утешать. Он говорил ей, что она снова должна вести Мейбл. На этом участке дороги она больше не заблудится. Но она настаивала на том, что именно она должна нести барокамеру. Папа не слушал ее, он просто отобрал у ней груз. Он поднял с барокамеры одну из крышек и заглянул внутрь.

— Как там у нее?— спросила Молли.

— Она еще дышит,— ответил папа.— Когда я посветил фонариком внутрь, она открыла глаза.— Он взял хомут, а Молли с коровой и фонарем пошла впереди.

Молли не могла видеть того, что видел я. Пластиковая оболочка барокамеры изнутри была покрыта инеем. Папа не мог видеть, дышит ли Пегги. Он вообще ничего не мог видеть.

Я долго думал над этим, спрашивая себя, как можно классифицировать эту ложь. Папа не был лжецом, это несомненно, но эта ложь была лучше, чем правда. Сложное положение.

Но я забыл обо всем этом. Я фут за футом продвигался вперед, считая шаги.

Папа остановился, и я налетел на барокамеру.

— Слушай!— сказал он.

Я прислушался и услышал глухой грохот.

— Землетрясение?

— Нет. Тише!— потом он добавил.— Это позади нас. Все прочь с дороги! Направо!

Грохот стал громче, а потом сквозь струи снега я увидел свет. Папа тоже увидел его. Он вышел на дорогу и замахал фонариком.

Прямо перед нами грохот смолк. Это была дробильная машина, и вся она была облеплена людьми.

— Забирайтесь наверх!— крикнул водитель.— И быстрее!

Потом он посмотрел на корову и добавил:

— Никаких животных!

— У нас барокамера с нашей малышкой!— крикнул папа в ответ.— Нам нужна срочная медицинская помощь!

Произошло движение, когда водитель приказал двум мужчинам спуститься и помочь папе с барокамерой. На несколько мгновений папа исчез. Он увел с собой корову.

Мы разместили барокамеру впереди машины на грейфере, несколько мужчин уселись на делительную решетку и подперли барокамеру плечами. Я беспокойно оглядывался вокруг в поисках папы, но тут он внезапно появился из темноты.

— Где Молли?— спросил он.

— Уже наверху. Но что ты сделал с Мейбл?

— С Мейбл все в порядке,— он закрыл нож. Я больше не стал задавать никаких вопросов.

17. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Затем мы проехали мимо множества идущих людей, но водитель больше не останавливался. Мы были уже почти возле самого города, и он сказал, что они смогут добраться до него самостоятельно. Вспомогательные аккумуляторы дробильной машины были сильно истощены. Машина проделала далекий путь — от самого внешнего изгиба берега моря.

Кроме того, я не понимал, где здесь может поместиться еще кто-то. Мы сидели, плотно прижавшись друг к другу, и папа все время предупреждал людей, чтобы они не слишком сильно давили на барокамеру.

Потом аккумуляторы совсем отказали, и водитель крикнул:

— Все слезайте! Теперь вам придется идти пешком!

Но мы уже достигли первых домов города, и двигаться дальше было бы нетрудно, если бы нам не мешал снежный буран. Водитель настоял на том, чтобы папе помогли нести барокамеру. Это был отличный парень, и при свете я увидел, что это был именно тот водитель, который приводил в порядок наше поле.

В конце концов мы оказались в госпитале и передали Пегги обслуживающему персоналу. Врачи тотчас же поместили ее в барокамеру. К счастью, она все еще была жива.

Папа объяснил Молли, что он должен сообщить о своем прибытии Главному Инженеру. Для ремонтных работ нужны были все техники. Мне велели отправляться в лагерь переселенцев. Молли осталась с Пегги. Я бы тоже охотно остался с ними, в госпитале было относительно тепло — здесь была своя собственная силовая установка. Но меня выпроводили вон. Я отправился в лагерь, и это было почти так же, как в день прибытия сюда,— только сейчас было намного холоднее.

Теперь я находился там же, где я очутился, когда только что прибыл на эту планету.

Зал был переполнен, и с каждой минутой появлялись все новые и новые беглецы с окрестных ферм. Здесь тоже было холодно, но не было такого чудовищного мороза, как снаружи. Конечно, все светильники погасли. Свет и тепло поставляла главная энергостанция. Тут и там были включены переносные фонарики, но они давали лишь слабый свет. Отовсюду слышались обычные жалобы, но я не обращал на них внимания. Я был рад, что у меня есть крыша над головой, и кровь в моих жилах постепенно снова начала циркулировать.

Мы находились там тридцать семь часов. И прошло двадцать четыре часа, прежде чем нам дали хоть чего-то поесть.

И все это выглядело так: металлический ангар, служивший лагерем для переселенцев, устоял. Устояли также немногие каменные дома. Энергостанция была повреждена, и выработка тепла прекратилась. Мне никто ничего не объяснил, и я знал только, что ее сейчас ремонтируют.

Тем временем мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, так тесно, как только было возможно. Мы согревали зал теплом наших собственных тел. Здесь даже была пара обогревателей, которые включались тогда, когда температура падала ниже нуля. Я был далеко от них, и мне не верилось, что температура здесь когда-нибудь поднимается выше нуля градусов.

Я сидел, спрятав руки в колени, и клевал носом. Потом просыпался от какого-нибудь кошмара, вставал и бродил по залу. Через некоторое время я снова садился и опять начинал дремать.

Припоминаю, что отыскал в толпе Олуха Эдвардса и пообещал когда-нибудь набить ему морду. Он уставился, словно не узнал меня. Но, может быть, это мне только приснилось. Я также помню, что встретил Хэнка Джонса и долго разговаривал с ним, но потом он сказал, что вообще тогда не видел меня.

Спустя бесконечно долгое время — мне показалось, что прошла уже неделя, но на самом деле было утро воскресенья, около восьми часов,— нам дали чуть теплого супа. Он показался мне необычайно вкусным. Затем я хотел покинуть лагерь, чтобы пойти в госпиталь и осведомиться там о состоянии Молли и Пегги.

Но меня не пустили. Снаружи было минус семьдесят градусов, и температура все еще падала.

Около двадцати двух часов светильники зажглись снова, и самое худшее осталось позади.

Потом мы получили достаточно еды — сэндвичей и супа, и, когда солнце в полночь взошло, нам сообщили, что люди, которым необходимо выйти наружу, могут это сделать. Температура поднялась до минус двадцати градусов, и я отважился пойти в госпиталь.

Пегги стало лучше. Молли оставалась с ней и спала на ее постели, чтобы согреть дочь своим телом. Хотя в госпитале и была аварийная энергоустановка, она не была рассчитана на подобную катастрофу. Здесь было почти так же холодно, как и в лагере для переселенцев. Но Пегги большую часть времени спала и ничего не замечала. Она даже улыбнулась мне и сказала:

— Хэлло!

Левая рука Молли находилась в гипсовой шине и висела на подвязке. Я спросил ее, как это произошло,— а потом мне стало стыдно. Само собой разумеется, это произошло во время землетрясения, но я ничего не заметил, и Джорджу тоже еще не было известно об этом. Никто из инженеров пока не вернулся в город.

Казалось невозможным, чтобы можно было так держаться со сломанной рукой, а тут я еще вспомнил, что она несла барокамеру, пока папа сооружал хомуты.

Меня выгнали из госпиталя, и я вернулся назад, в лагерь переселенцев, где я обнаружил Сергея. Он подозвал меня. У него был список и карандаш, а вокруг собралась его группа скаутов.

— Что такое?— спросил я.

— Именно ты нам и нужен,— объяснил он.— Я уж думал, что ты мертв. Это отряд по спасению. Ты идешь с нами?

Конечно, я пошел с ними. Отрядов было несколько, и все они состояли из скаутов старше шестнадцати лет. К ним присоединились ребята помладше, которым в данное время нечего было делать. Нас распределили по двое на каждый трактор колонии и отправили вдоль дороги, чтобы мы обследовали все дома и фермы. Незадолго до отправления я обнаружил Хэнка Джонса и сделал так, чтобы мы вместе с ним составили одну команду.

Это была жуткая работа. У нас были лопаты и списки — списки с фамилиями фермеров. Иногда возле имени стояла пометка «жив», но это происходило нечасто. Трактор вывез нас из города и у каждых трех-четырех ферм высаживал по паре человек. На обратном пути он по очереди заберет их.

Нашим заданием было найти отсутствующих и спасти их, если они были еще живы.

Мы не нашли ни одного живого человека.

Тем, кому повезло больше, были убиты во время землетрясения. Другие ждали слишком долго и не смогли преодолеть путь до города. Некоторых мы нашли на дороге. Они пытались добраться до города, но вышли слишком поздно. Но хуже всего было тем, кто остался в своих домах, пытаясь спастись таким образом. Хэнк и я нашли мужчину и жещину, которые, обнявшись, сидели друг возле друга. Тела их были тверды, как камень.

Когда мы находили кого-то, мы пытались его опознать, а потом забрасывали снегом, чтобы хотя бы на некоторое время защитить

его труп. Как только мы кончали хоронить людей с этой фермы, мы разыскивали домашних животных и оттаскивали их к дороге, где их потом заберет трактор. Казалось, обирать мертвецов было грязным делом, но Хэнк сказал мне, что это все же лучше, чем подыхать с голоду.

Хэнк почти не причинял мне особого беспокойства. Он легко смотрел на все. Я считаю, что намного лучше воспринимать все это именно так, и через некоторое время я делал то же самое. Разразившаяся трагедия была так велика, что мы были просто не в состоянии осознать ее всю целиком.

Но ради истины я должен заметить, что мы не пошли на его собственную ферму.

— Мы можем пропустить ее,— сказал он и поставил в списке пару закорючек.

— Разве нам не надо искать там домашних животных?

— Нет. Времени слишком мало. Идем дальше, к Милдерсам.

— Разве они не ушли?

— Я не знаю. В городе я их не видел.

Милдерсы действительно не ушли. У нас едва хватило времени, чтобы позаботиться о них, когда трактор вернулся снова. Только неделю спустя я узнал, что родители Хэнка погибли при землетрясении. У него было время, чтобы вытащить их из-под обломков и положить в погреб со льдом, прежде чем самому отправиться в город.

Как и я сам, Хэнк во время землетрясения был снаружи и наблюдал за противостоянием. Тот факт, что катастрофа произошла сразу же за этим небесным представлением, воспрепятствовал тому, чтобы погибло еще больше людей. И это значило, что землетрясение было вызвано именно этим противостоянием лун и планет — или, точнее сказать, приливными силами. Конечно, противостояние было последней каплей, приведшей к ужасным событиям. Силовые сдвиги, приведшие к землетрясению, зародились в самом начале проекта «Атмосфера».

В колонии насчитывалось тридцать семь тысяч жителей, когда произошло это землетрясение. Теперь их осталось только тринадцать тысяч

Кроме [illegible] погиб весь урожай и почти все домашние животные. Хэнк был не так уж и не прав, когда сказал, что нам грозит голод.

Нас высадили у лагеря для переселенцев, и на тракторах отправилась вторая группа. Я попытался отыскать местечко потише, потому что мне надо было поспать.

Я только что задремал — во всяком случае, мне так показалось,— как кто-то потряс меня за плечо и разбудил. Это был папа.

— Все в порядке, Билл?

— Ты где-нибудь видел Шульцев?

Я встал. Только сейчас я полностью проснулся.

— Я — нет. А ты?

— Нет.

Я рассказал ему, чем мы занимались, и он кивнул.

— Спи дальше, Билл. Я пойду посмотрю, не могу ли я что-нибудь сделать для Шульцев.

Но я не стал больше спать. Через некоторое время папа вернулся и сказал, что он нигде не смог их найти.

— Я боюсь за них, Билл.

— Я тоже.

— Я должен проверить.

— Я иду с тобой.

Папа покачал головой.

— Это не нужно. Ты должен выспаться.

Но я все же пошел с ним.

Нам повезло. Команда спасателей двинулась по нашей дороге, и мы могли отправиться вместе с ними. Во время этой поездки мы должны были навестить ферму Шульцев и нашу собственную ферму. Папа объяснил водителю, что мы возьмем на себя обе эти фермы, и тот согласился с этим.

Они высадили нас у поворота, и мы направились к дому Шульцев. По телу у меня пробежали мурашки. Было сравнительно легко закапывать в снег трупы незнакомых тебе людей. Но мне не хотелось видеть маму Шульц и Гретхен мертвыми и окоченевшими.

Папашу Шульца я не мог представить себе мертвым. Такие люди, как папаша Шульц, не умирают — они живут вечно. По крайней мере, мне так казалось.

Но я совершенно не был готов к тому, что мне предстояло увидеть.

Мы перевалили через маленький холмик, который отделял их дом от дороги. Джордж остановился и сказал:

— Ну, дом еще стоит. Он у них сейсмоустойчивый.

Я осмотрелся и замер.

— Эй, Джордж!— крикнул я.— Дерево исчезло!

Дом стоял на месте, но яблоня — самое прекрасное дерево на Ганимеде — исчезла. Просто исчезла. Я помчался вперед.

Мы почти уже достигли дома, когда дверь открылась. В дверном проеме стоял папаша Шульц.

Все они были живы и здоровы. От дерева осталась только зола в камине. Папаша Шульц спилил яблоню сразу же, как только прекратилась подача энергии и температура стала падать,— и он медленно, ветка за веткой, сжигал ее.

Рассказывая об этом, папаша Шульц указал на закопченный дочерна камин.

— Они называли его «причудой Иоганна». Я надеюсь, что теперь они не будут считать сумасшедшим Джонни — Яблочное Семечко, а? — он громко рассмеялся и хлопнул папу по плечу.

— Но ваше дерево!— сказал я смущенно.

— Я посажу новое, много новых деревьев,— он замолчал, внезапно став серьезным.

— Но твои деревья, Уильям, твои великолепные маленькие деревца — они погибли, не так ли?

Я ответил, что до сих пор не видел их. Он торжественно кивнул.

— Они замерзли... Хьюго!

— Да, отец?

— Принеси мне яблоко,— Хьюго послушался, и папаша Шульц протянул яблоко мне.— Ты снова посадишь зернышки.— Я кивнул и сунул его в карман.

Они были рады, что мы уцелели, хотя мама Шульц с сожалением покачала головой, услышав о сломанной руке Молли. Джо сразу же, как только началась буря, пробился к нашему дому и, увидев, что мы уже ушли, снова вернулся назад. При этом он отморозил себе мочки ушей. Теперь он был в городе и искал нас там.

У них все было великолепно. Они спасли даже скот. Во время самых больших холодов папаша Шульц взял всю скотину в жилую комнату.

Животные, конечно, снова были в стойлах, но все еще было очевидно, что они находились здесь,— держался запах. Я думаю, маму Шульц состояние ее всегда безупречной гостиной обеспокоило больше, чем сама катастрофа. Вероятно, они еще не заметили, что большинство людей погибли.

Папа отклонил предложение папаши Шульца о том, что мы должны переехать на их ферму. Потом он сказал, что хотел бы отправиться вместе с нами в город и посмотреть, не может ли он чем-нибудь там помочь. Мама Шульц снабдила нас горячим чаем с кукурузными лепешками, и мы пошли.

Пока мы шли к нашему дому, я думал о Шульцах. Я сказал папе, что то, что они уцелели, было настоящим чудом.

Он покачал головой.

— В этом нет никакого чуда. Они просто люди, приспособленные для выживания в разных условиях.

Подойдя поближе, мы увидели, что наш дом лежит в развалинах. За это время я видел с дюжину других разрушенных домов. И все же я ощутил шок, когда мы поднялись на возвышение, и я еще раз должен был взглянуть в глаза горькой правде. Где-то в глу-



бине подсознания я надеялся, что проснусь в теплой комнате, в мягкой кровати, и мне скажут, что все это было только во сне.

Но остались лишь голые поля и больше ничего. Я разгреб снег на полосах, на которых уже взошла рассада. Растения погибли, и почва была твердой, как камень. Я был уверен, что черви тоже погибли.

Моих маленьких яблонек, конечно, больше не существовало.

Мы нашли двух кроликов, тесно прижавшихся друг к другу и застывших под слоем снега. И мы нашли также старую наседку. Она все еще сидела на своем гнезде, накрытом упавшим куском толя. Она была твердой, как камень, и яйца превратились в лед. Я думаю, в это мгновение мы еще сильнее почувствовали обрушившееся на нас бедствие.

Я стал нищим фермером, у которого когда-то была своя ферма.

Папа рылся поблизости от дома. Теперь он направился к стойлу.

— Ну, Билл?

— Идем. С меня этого достаточно.

— Ну хорошо. Трактор скоро придет.

— Я думаю, этого достаточно для всех.

— Да, я понимаю.

Я еще раз вошел в комнату Пегги. Мой аккордеон все еще был в комнате, через открытую дверь туда намело снега, и он замел аккордеон. Я смел снег и взял инструмент.

— Оставь его здесь,— сказал папа.— Пусть он лежит здесь, сейчас ты не сможешь забрать его.

— Я не хочу больше возвращаться сюда.

— Ну, хорошо.

Папа уже связал нужные вещи в тюки. Теперь мы присоединили к ним кроликов, наседку и аккордеон. Подошел трактор, и мы погрузили все это на него. У следующего поворота нас ждал папаша Шульц.

Папа и я высматривали Мейбл, но мы не увидели ее. Вероятно, ее доставила в город другая спасательная группа. Я был рад этому. Конечно, нужно было позаботиться о том, чтобы доставить в город как можно больше мяса, но в отношении Мейбл это казалось мне каннибализмом.

Я немного поспал, перекусил, а потом снова отправился в путь, со следующей группой. Колония постепенно возвращалась к обычной жизни. Те, чьи дома устояли, снова переезжали в них, а мы обеспечивали тех, кто остался в лагере для переселенцев. Еды, конечно, было мало, и на Ганимеде впервые были введены рационы.

Не то чтобы мы голодали. Во-первых, нас было не так уж и много, а во-вторых, было запасено много еды. Настоящее бедственное

положение наступит позже. Было решено отодвинуть зиму на три месяца, а это значило, что должна начаться новая весна, что, конечно, сломало весь наш календарь. Но мы должны были как можно быстрее получить новый урожай.

Папа остался в инженерном бюро. Было принято решение построить вокруг экватора еще две энергостанции, обе — настолько мощные, что каждая из них в одиночку могла бы поддерживать выделение необходимого количества тепла. Катастрофа не должна была повториться. Конечно, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Марс в настоящее время находился в таком положении, при котором возможна передача сообщения. Мы тотчас же отправили на Землю запрос и надеялись, что получим необходимое оборудование.

Конечно, все это было мне совершенно безразлично. Я тоже оставался в городе, хотя Шульцы предлагали мне жить с ними. Я зарабатывал себе на пропитание тем, что помогал восстанавливать дома. Мы решили, что все мы должны вернуться на Землю — Джордж, Молли, Пегги и я.

Это было решено единогласно, и значит, мнения Пегги мы не спрашивали.

Мы были не единственными, кто сдался. Комиссия по колониям, конечно, брюзжала, но под влиянием сложившихся обстоятельств вынуждена была согласиться. После того как все это было оформлено официально, были составлены списки, и я отправился в бюро представителя Комиссии, чтобы нас тоже занесли в эти списки. Мы были среди самых последних. Папы в городе не было, и я стал его ждать.

Бюро было закрыто, и на двери висела записка: «Вернусь через полчаса». Подошел папа, и мы стали ждать вместе. Перед дверями бюро висел список с именами возвращающихся. Я стал читать его, чтобы убить время, и папа делал то же самое.

Я нашел имя Сэндерса и показал его папе. Он только проворчал и сказал:

— Его не жалко.

Олух Эдвардс тоже хотел домой. Может быть, я действительно видел его тогда, в лагере для поселенцев. Я этого не знаю. Мне в голову пришла мысль, что я смогу отомстить ему на корабле, но это меня больше не интересовало. Я читал дальше.

Я ожидал найти имя Хэнка Джонса, но его здесь не было. Я прочитал список еще раз, более внимательно, обращая внимание на каждое имя. Но я не нашел в списке его имени.

Потом вернулся представитель Комиссии. Папа взял меня за руку.

— Идем, Билл.

— Минуточку, Джордж,— сказал я.— Ты читал имена в списке?

— Да.

— Джордж, я не хочу дышать одним воздухом с этими трусами.

Он прикусил нижнюю губу.

— Я понимаю тебя.

Я отважился на атаку.

— Джордж, ты можешь делать то, что хочешь, но я не вернусь назад.

Папа казался несчастнее, чем когда бы то ни было. Он долго молчал, потом, наконец, сказал:

— Я должен отвезти на Землю Пегги, Билл. Она не хочет лететь назад без Молли и меня. А она должна отправиться на Землю.

— Да, я знаю.

— Теперь ты понимаешь мое положение, Билл?

— Да, папа, и очень хорошо,— он вошел в бюро, чтобы заполнить бланки. При этом он насвистывал про себя мелодию, которую он все время насвистывал со дня смерти Энни. Я не думаю, что сам он это замечал.

Я подождал его, и спустя некоторое время мы вместе ушли.

На следующий день я отправился на ферму. Не к Шульцам, а на свою. Я спал в комнате Пегги и сделал все, чтобы высадить неприкосновенный запас зерна, который нам раздали.

Потом, примерно за две недели до отправления «Крытого Фургона» на Землю, Пегги умерла. И для меня больше не было никакого смысла возвращаться назад.

Джо Шульц был в городе, и папа передал мне через него сообщение. Джо пришел ко мне, разбудил меня и рассказал мне все. Я задумался.

Он спросил меня, не хочу ли я сейчас пойти к ним, но я отказался. Мне надо было побыть одному. Он взял с меня обещание, что я загляну к ним на следующий день, а потом ушел.

Я лег на кровать Пегги.

Она умерла, и я ничего больше не мог сделать для нее. Она умерла, и я был виноват в этом... если бы я ее не ободрил, Молли отправила бы ее на Землю прежде, чем стало поздно. Она росла бы в Калифорнии здоровой и счастливой, а не осталась бы на этой проклятой луне, где она не могла жить — где ни один человек раньше не мог жить.

Я закусил подушку и зарыдал. Я причитал:

— Энни! Энни! Защити ее, Энни — она еще такая маленькая! Она не знает, что ей там делать.

А потом я прекратил хныкать и прислушался. Словно я ожидал, что Энни ответит. Сначала я ничего не услышал, а потом она сказала мне:

— Держи хвост пистолетом, Билл!

Через некоторое время я встал, умыл лицо и отправился в город.

18. БРЕМЯ ПИОНЕРОВ

Мы все жили в комнате Пегги, пока мы с папой обрабатывали поле. Мы снова отстроили дом, на этот раз сделав его сейсмоустойчивым. В стенах мы сделали огромные окна на море и на горы. Комнату Пегги мы тоже снабдили окном. Поэтому она выглядела иначе, чем раньше, и не навевала никаких мрачных воспоминаний.

Потом мы пристроили еще одну комнату, потому что все шло к тому, что она вскоре нам понадобится. В гостиной соорудили камин.

Следующие два лета после землетрясения мы с папой были ужасно заняты. У нас было достаточно посевного материала, и мы присоединили к своему участку поле опустевшей фермы соседей. Потом прибыли новые пионеры, Эллисы, и скупили весь наш урожай. Это был для нас чистый убыток, но в результате наш долг Комиссии сильно уменьшился.

Два ганимедских года спустя после катастрофы ни один человек уже не мог себе представить, что здесь что-то произошло. Во всяком случае, во всей округе не осталось больше ни одного разрушенного дома, сюда прилетело более сорока пяти тысяч новых колонистов, и город расцвел. Поселенцы устремлялись сюда таким потоком, что Комиссия могла теперь закупать кое-какие продукты, производимые фермерами.

Дела у нас шли неплохо. У нас был улей с пчелами. У нас были Мейбл-2, Марджи и Мэмми, и я ежедневно отправлял молоко, которое мы сами уже не могли потребить, в город, с грузовиком, ежедневно объезжающим все фермы.

Я приучил Марджи и Мэмми к ярму и стал на них пахать — мы подготовили еще пару акров — и мы даже подумывали о том, чтобы купить лошадь.

У некоторых фермеров уже были лошади, например, у Шульцев. Совет сначала воспротивился этому «вторжению», поскольку консерваторы предпочитали тракторы. Но мы еще не зашли настолько далеко, чтобы самим изготовлять тракторы, а наша политика заключалась в том, чтобы меньше зависеть от Земли. Поэтому мы начали разводить лошадей. Лошади могут производить лошадей, а тракторы не обладают такими способностями.

Кроме того — в Диего я бы скривился при одном упоминании об этом — конина оказалась совсем недурна на вкус.

Скоро оказалось, что нам действительно нужно дополнительное помещение. Близнецы — двое мальчишек. Сначала мне казалось, что этих младенцев не стоило заводить, но со временем я привык к ним. Я купил им в подарок детскую кроватку, изготовленную здесь, на Ганимеде, из стекловолокна и синтетических смол. Теперь

существовало очень много вещей, которые были изготовлены здесь, на Ганимеде.

Я сказал Молли, что я сделаю из этих сорванцов Волков, когда они достаточно подрастут. Теперь я чаще приходил на встречи группы, потому что теперь у меня самого была группа — я назвал ее именем Дэниэла Буна. Я все еще не прошел испытания, но не мог же я сделать все одновременно. Однажды я уже твердо решил сделать это, но тут опоросилась наша свинья. Но я не отказался от этой мысли.

Мне непременно хотелось снова стать Орлом, несмотря на то, что я постепенно вырастал из возраста, когда носят это детское звание.

Все сказанное звучит так, словно уцелевшие совершенно забыли о жертвах катастрофы. Но это, конечно, не так. Просто руки у нас ежедневно были заняты работой, и дух наш тоже постоянно был в трудах. Мы — не первая колония, которая была уничтожена на две трети, и уж, наверное, не последняя. И если горевать слишком долго, начнешь жалеть самого себя. Так сказал Джордж.

Джордж все еще хотел, чтобы я вернулся на Землю, чтобы закончить образование, и я сам тоже подумывал об этом. Постепенно я стал замечать, что существовало еще много вещей, о которых я не имел никакого представления. Идея эта была привлекательной. Теперь это больше не было бегством. Я был земледельцем и сам мог уплатить за свой проезд. Но цена поездки была значительной — два акра — и я оставался почти нищим.

Кроме того, это было тяжело для Джорджа и Молли. Но они были готовы на все.

Кроме того, у нас на Земле были заморожены вклады, которыми можно было оплатить мое обучение. Мы больше ни на что не могли использовать их; Комиссия в качестве платы принимает только землю. Существовала возможность, что Совет выиграет затянувшийся процесс против Комиссии, и тогда я мог бы использовать деньги, чтобы оплатить стоимость проезда — не теряя при этом земли. Все считали, что решение мое было отнюдь не легкомысленным.

Мы говорили о том, что я должен закончить «Нью-Арк», когда появилось еще одно обстоятельство, на которое стоило обратить внимание,— обследование поверхности Ганимеда.

Ганимеду нужны были и другие поселения, кроме Леды. Это было уже ясно во время нашей посадки. Комиссия хотела создать два новых космодрома для приема поселенцев, поблизости от двух новых энергостанций, и распределять участки вокруг этих трех точек. Уже находящиеся здесь колонисты должны построить новые города и получить за это импортные товары. Соответственно этому цена земли для новых поселенцев будет увеличена, это

будет сделано для того, чтобы в распоряжении колонистов было больше кораблей.

Старый добрый «Джиттербаг» использовался для заброски групп пионеров в выбранные места, где они должны были обследовать местность,— и Хэнк с Сергеем тоже хотели заняться этим.

Мне тоже хотелось отправиться вместе с ними, я ощущал это желание почти физически. Во время своей жизни на Ганимеде я еще никогда не удалялся от Леды дальше чем на пятьдесят миль. Предположим, когда я вернусь на Землю, меня кто-нибудь будет расспрашивать о Ганимеде? Честно говоря, я ничего не смогу ему ответить. Я еще почти нигде не был.

Однажды мне предложили совершить полет на Спутник Барнарда в качестве будущего представителя проекта «Юпитер» — но мне это не удалось. Близнецы. Мне пришлось остаться и вести хозяйство на ферме.

Я поговорил об этом с папой.

— Мне не понравится, если это протянется слишком долго,— серьезно ответил он. Я возразил, что это продлится всего лишь пару месяцев.— Гммм...— произнес он.— Ты уже прошел свои испытания?

Он знал, что я еще не прошел их. Я сменил тему и объяснил, что Хэнк и Сергей тоже идут.

— Но они же старше тебя,— ответил он.

— Не намного.

— Но они уже почти достигли предела своей возрастной группы, а ты находишься еще далеко от него.

— Однако, Джордж, они все регулируют по собственному усмотрению. Для меня там тоже должно найтись местечко — хотя бы поваром.

Именно эту работу мне и поручили. Я стал поваром.

Я всегда был сравнительно неплохим поваром. Конечно, я не мог сравниться с мамой Шульц, но все же я готовил вполне прилично. В этом отношении группа не могла на меня пожаловаться.

Капитан Хэтти высадила нас в точно намеченном пункте, девять градусов севернее экватора и на сто тринадцатом градусе западной долготы. Это означало, что мы находились на расстоянии трех тысяч трехсот миль от Леды, на другой стороне Ганимеда, и что мы больше не могли видеть Юпитер. Мистер Хукер сказал, что средняя температура на Ганимеде в ближайшее столетие должна подняться на девять градусов и все старые льды растают. На Ганимеде будет субтропический климат. Однако до этого времени колония должна находиться поблизости от экватора.

Я боялся, что кэп Хэтти все время будет нашим пилотом. Она —

безжалостная старая драконша, и считает пилотов космических кораблей чем-то особенным — разновидностью сверхлюдей. По крайней мере, нам так казалось. Короче, Комиссия вынудила ее взять дополнительного пилота; здесь просто было слишком много работы для одного-единственного пилота. Ей также пытались навязать и второго пилота — непрямым методом: ее пытались отправить на пенсию, но она оказалась упрямее Комиссии. Она угрожала разбить корабль... и никто не решился проверить, правду она говорит или нет. Но с этого времени «Джиттербаг» передали в ее полное распоряжение.

Первоначально «Джиттербаг» служил одной-единственной цели — обеспечить перевозку пассажиров и грузов между Ледой и станцией «Юпитер» на Спутнике Барнарда, но это было в то время, когда корабли с Земли еще могли совершать посадки на поверхность Ганимеда. Потом прибыл «Мейфлауэр», и «Джиттербаг» передали Службе Перевозок. Поговаривали о том, что скоро поступит еще один корабль, но он еще не был готов, и поэтому в руках у кэпа Хэтти были все карты.

В пользу Хэтти я должен сказать одно: она умела обращаться со своим кораблем. Казалось, что ее нервы были напрямую связаны с механизмами и корпусом корабля. При ясной погоде она даже совершала планирующую посадку, несмотря на нашу разреженную атмосферу. Но я думаю, что наибольшее удовольствие ей доставляла посадка на дюзы, когда она могла хорошенько тряхнуть пассажиров.

Она высадила нас, «Джиттербаг» заправился водой и стартовал. Кэп Хэтти должна была высадить три другие группы. Кроме того, «Джиттербаг» обслуживал еще восемь групп. Примерно через три недели она вернется снова и заберет нас.

Руководителем нашей группы был Поль дю Морье, новый командир группы пионеров. Он взял меня поваром. Он был моложе большинства людей, работающих с ним; причем он напоминал белого леггорна в загоне для свиней и казался младше, чем он был на самом деле. Это значило, что он был выбрит, но теперь он начал отращивать бороду.

— Скоси лучше свою траву,— посоветовал я ему.

— Тебе не нравится моя борода, профессор зеленого супа?— это было мое прозвище с тех пор, как он отведал блюдо, которое было моим собственным изобретением. Но называл он меня так не со зла.

— Ну да, она скрывает твое лицо, и это неплохо, но ты можешь сойти за одного из нас, немытых колонистов. А это совершенно не подходит парню из Комиссии.

Он таинственно улыбнулся и сказал:

— Может быть, именно этого я и хочу.

— Может быть,— ответил я.— Но если ты таким отправишься на Землю, тебя запрут в зоопарке,— он должен был отправиться на Землю на том же корабле, что и я,— на «Крытом Фургоне».

Он снова улыбнулся и сказал:

— Да, может быть, они так и сделают,— потом он сменил тему. Поль был самым добродушным человеком, которого я когда-либо встречал, и кроме этого, он был невероятно умен. Свою докторскую он защитил в университете на Венере. Он был экологом и специализировался на планетарном развитии.

Он никогда не кричал даже на самых своих упрямых подчиненных. Есть люди, у которых прирожденный талант руководителя. И они не имеют права быть грубыми.

Но вернемся снова к разведке на местности. Я видел слишком мало, потому что, с ног до головы заваленный горшками и кастрюлями, вертелся у очага, но я присутствовал на собраниях. Долина, в которой мы находились, была выбрана по фотографиям, сделанным с «Джиттербага». Теперь Поль должен был решить, пригодна она для заселения или нет. Она была удобна тем, что находилась на одной прямой линии с энергостанцией номер два, но это было не так уж и существенно. В горах везде можно было установить релейные мачты и основать множество новых ферм. Помимо фактора безопасности, не было никакого смысла строить дополнительные станции, если на всей планете могли пользоваться энергией одной-единственной станции.

Итак, люди взялись за работу. Команда инженеров проверяла источники и возможность орошения, картографы наносили на карты рельеф местности, команды агрономов и химиков проверяли, какую формацию камней имеет тот или иной участок, а архитекторы делали набросок города с прилегающими к нему фермами и космопортом. Тут были еще и другие специалисты, как, например, минералог мистер Вилла, который искал в долине выходы руд.

Поль относился к «специалистам широкого профиля», он сравнивал данные друг с другом, обрабатывал их на компьютере, смотрел в небо, а потом выдавал ответ. Ответом было: долина непригодна для заселения. И мы перебрались на другое место.

При переезде у меня появилась возможность осмотреться. Мы совершили посадку на восходе солнца — в этой местности он начался в пять часов утра,— и мы, чтобы достичь цели, должны были напряженно работать всю светлую фазу. Чтобы работать в поле, достаточно было света Юпитера, но его недостаточно, чтобы исследовать незнакомую местность,— а здесь не было света Юпитера, только свет от Каллисто. Таким образом, мы работали всю светлую фазу, принимая таблетки, выключающие сон.

Люди, принимающие эти таблетки, конечно, едят в два раза больше, чем люди, которые регулярно спят. Старая поговорка эски-

мосов гласит: «Еда — это сон». Я должен был все четыре дня готовить горячие кушанья.

Мы пришли в лагерь номер два и развернули наши палатки. Я быстро приготовил еду, и Поль раздал снотворные таблетки. Все двадцать часов, пока не было солнца, мы спали, как мертвые. Мы устроились довольно удобно — стекловолокно над нами и стекловолокно под нами.

Я накормил их еще раз. Поль снова раздал снотворные таблетки, и мы снова спали. Поль разбудил меня во второй половине дня в понедельник. На этот раз я приготовил легкий завтрак. Всю первую половину следующего дня мне пришлось готовить, и к обеду на столе появилось твердое меню. Все великолепно отдохнули и не чувствовали ни малейшего желания спать дальше.

После этого мы пару часов сидели все вместе и беседовали. Я выполз из своей кухни — Поль пригласил и меня тоже — и сказал ему, что самое главное — это мнение народа. Потом мы продолжили нашу беседу.

Они рассуждали о том, где началась жизнь, и кое-кто склонялся к старой теории, что Солнце раньше было намного ярче,— это был Джок Монтегю, химик.

— Послушайте меня,— сказал он.— Если мы когда-нибудь сможем исследовать Плутон, то окажется, что там уже была жизнь. Жизнь вездесуща, как масса и энергия.

— Ты все выдумываешь,— очень вежливо ответил мистер Вилла.— Плутон — не настоящая планета. Раньше он был спутником Нептуна.

— Хорошо, тогда, может быть, на Нептуне,— настаивал Джок.— Жизнь есть во всей Вселенной. Послушай мои слова — когда проект «Юпитер» наконец завершится, тогда мы, может быть, даже на Юпитере обнаружим жизнь.

— На Юпитере?— мистер Вилла подскочил.— Извини, Джок! Метан, аммиак и ледяной холод! Не шути так! На поверхности Юпитера совсем нет света!

— Я всегда говорил и говорю — жизнь упряма,— повторил Монтегю.— Где есть достаточно места и энергии, чтобы могли развиться большие стабильные молекулы, всегда можно обнаружить жизнь. Посмотри на Марс, посмотри на Венеру — и на Землю! Посмотри на осколки разбитой планеты!

— Ты согласен с этим, Поль?— спросил я.

Босс слабо улыбнулся.— Нет. У меня недостаточно данных.

— Да! Я часто слышу это,— вскричал мистер Вилла.— Посмотри, Джок, знаешь ли ты в достаточной мере даже этот район?

— Мне даже полезно, что я мало о нем знаю,— с достоинством ответил Джок.— В любой философской дискуссии всегда можно найти компромисс.

Этим дебаты и закончились, и мистер Сеймур, наш агроном, сказал: — Меня нисколько не интересует, откуда появилась жизнь, меня интересует только, какими путями она развивается.

— Что вы под этим подразумеваете?— спросил я.

— Что мы сделали с этой планетой? Здесь мы, кажется, совершенно свободны. На Марсе и на Венере есть своя разумная жизнь. Мы не можем отважиться изменить ее, и мы никогда не сможем по-настоящему заселить эти планеты. Но луны Юпитера — нечто совершенно иное. Они полностью в наших руках. Это означает, что человек обладает бесконечной способностью к приспособлению. Я утверждаю не то, что он может приспособиться ко всему, а то, что он приспосабливает к себе окружающую среду. А мы поступаем именно так, это твердо установлено. Но как все это будет развиваться дальше?

— Я думаю, это ясно,— ответил я.— Мы собираемся построить новые города, чтобы сюда могло прийти больше поселенцев. Они, как и в окрестностях Леды, будут подготавливать почву.

— Да, но чем все это закончится? Теперь у нас есть корабли, регулярно прибывающие сюда. Вскоре корабли будут прибывать каждые три недели, потом каждый день. Если мы не будем чертовски осмотрительны, здесь тоже придется ввести рационы, как на Земле. Билл, ты знаешь, каков прирост населения на Земле?

Я вынужден был признаться, что не имею об этом никакого понятия.

— Каждый день население Земли увеличивается на сто тысяч человек. Рассчитай, сколько это будет?

Я так и сделал.

— Это значит, что надо будет отправлять от тринадцати до двадцати кораблей в день. Как я себе представляю, нам нужно строить огромные корабли и всех отправлять сюда.

— Да, но как с ними быть? Каждый день принимать вдвое больше людей, чем сейчас находится на Ганимеде? И это в течение многих недель, месяцев и лет! Для того, чтобы население Земли стабилизировалось. Говорю вам, это не сработает. Придет день, когда мы больше не сможем принимать поселенцев,— он осмотрелся, словно ожидая возражений.

Он не был разочарован. Кто-то сказал:

— А, да перестаньте же, Сеймур! Вы думаете, что эта планета принадлежит вам, потому что вы случайно оказались здесь одним из первых? Вы думаете, что вам удалось выклянчить землю потому, что правительство здесь еще слабо?

— Я не хочу выступать против математики,— продолжал настаивать Сеймур.— Ганимед как можно быстрее должен стать самостоятельным — а потом мы должны захлопнуть двери перед новыми поселенцами.

Поль покачал головой.

— Этого не нужно.

— Что?— спросил Сеймур.— Почему не нужно? Ответь мне на этот вопрос. Какое же решение предлагает Комиссия? Ты ведь представляешь здесь Комиссию.

— Никакого,— ответил Поль.— Твои данные правильны, но твои выводы — нет. Ганимед должен быть самостоятельным, это все правильно, но о своих кораблях, доставляющих все новых и новых переселенцев, ты можешь забыть.

— И почему же, если можно тебя об этом спросить?

Поль осмотрелся вокруг и улыбнулся, словно прося извинения:

— Вы в состоянии выслушать небольшую докторскую диссертацию по динамике населения? К сожалению, у меня нет преимуществ Джока. Но я сравнительно хорошо разбираюсь в этих делах.

— Расступитесь,— сказал кто-то.— Место для докладчика.

— Ну хорошо,— продолжил Поль,— я сам все вам объясню. Многие люди думают, что колонизация проводится для того, чтобы смягчить тяжесть прироста населения и предотвратить голод. Но ничто не может быть дальше от истины.

— Что?— спросил я.

— Слушайте дальше. Во-первых, физически невозможно, чтобы такая маленькая планетка, как Ганимед, могла принять к себе излишки населения такой огромной планеты, как Земля. В этом Сеймур совершенно прав. Но существуют и другие причины, почему нас никогда не захлестнет поток переселенцев,— например, психологическая. Никогда не будет такого количества переселенцев-добровольцев, чтобы уравновесить прирост населения, вызванный рождаемостью. У большинства людей просто нет никакого желания покидать свою родину. Многие никогда не смогут даже отказаться от места своего рождения и переехать в другой город.

Мистер Вилла кивнул.

— И я того же мнения. Пионеры — это особая раса.

— Верно,— сказал Поль.— Но предположим на мгновение, что сто тысяч человек готовы эмигрировать и что Ганимед и другие колонии смогут их принять. Изменится ли ситуация на Земле? Нет!

Он, казалось, закончил свою речь. И я наконец смог спросить:

— Извините меня за настойчивость, Поль, но почему это ничего не изменит?

— Нужно ли мне рассматривать биологическую экологию с математической точки зрения?

— Э-э... нет.

— Но ты знаешь, что после больших войн количество населения на Земле всегда падает, безразлично, какое количество солдат бывает убито? Жизнь не только упряма, как выразился Джок.

Жизнь взрывоподобна. Основная теория динамики населения, из которой до сих пор не было никакого исключения, гласит: население увеличивается до тех пор, пока не оказывается на грани уничтожения. Другими словами — если мы будем ежедневно принимать сто тысяч поселенцев, на Земле население будет ежедневно увеличиваться на двести тысяч человек.

На мгновение воцарилось молчание. Потом Сергей сказал:

— Это мрачная картина, босс. И каково же решение проблемы?

— Его нет,— сказал Поль.

— Я не это имел в виду,— сказал Сергей.— Чем все это должно закончиться?

Поль произнес только одно-единственное слово, так тихо, что мы бы не расслышали его, если бы в палатке не воцарилась мертвая тишина.

— Войной.

Следующую пару секунд мы молчали, потом зашаркали ногами. Некоторые из нас встали. Сеймур сказал:

— Послушайте, мистер дю Морье, я, может быть, и пессимист, но я не считаю, что все настолько плохо. Войны в наше время быть не может.

— Ты уверен? — спросил Поль.

Сеймур ответил, почти вспылив:

— Может быть, ты хочешь сказать, что Космический Патруль бросит нас на произвол судьбы? Только так может возникнуть война.

Поль покачал головой.

— Патруль не бросит нас на произвол судьбы. Но он не сможет остановить войну. Силы полиции пригодны для того, чтобы душить отдельные происшествия в зародыше. Но когда вспыхивает вся планета, даже самая сильная, мощная и умная власть ничего не может с этим поделать. Они будут пытаться сделать это — они будут героически вмешиваться. Но они не достигнут никакого успеха.

— И вы действительно так думаете?

— Я в этом твердо убежден. И не только я, но также и вся Комиссия. О, я имею в виду не комитет политиков — я имею в виду ученых.

— Но что, ради всего святого, намерена предпринять Комиссия?

— Она создает колонии. Мы думаем, что игра стоит свеч. Колонии должны быть независимыми от войн. Напротив, я думаю, что они должны держаться в стороне от них. Как это было с Америкой

в конце девятнадцатого столетия. Разногласия в Европе тогда не достигли Нового Света. Я думаю, что война, если она разразится, будет настолько разрушительной, что, скорее всего, на некоторое время парализует все космические сообщения. Поэтому Ганимед должен быть независим от Земли. Нужна высокоразвитая космотехническая цивилизация, чтобы поддерживать отношения между планетами, а Земля после войны, может быть, не будет на это способна.

Я думаю, высказывания Поля удивили нас всех; для меня, во всяком случае, это было словно удар пыльным мешком из-за угла. Сеймур указал пальцем на Поля и сказал:

— Если вы в это верите, почему же тогда вы возвращаетесь обратно на Землю?

Голос Поля снова стал тихим.

— Я не вернусь на Землю. Я останусь здесь и стану поселенцем.

Теперь я понял, почему он начал отращивать бороду.

Сеймур пробормотал:

— Тогда война должна начаться очень скоро.

Это был не вопрос, а, скорее, утверждение.

— *После того, как я зашел так далеко, я отвечу вам и на этот* вопрос. Война начнется, самое большее, через сорок лет.

Можно было услышать вздохи облегчения. Сеймур сказал за нас всех:

— Сорок лет! Но тогда нет никаких оснований для переселения. Вероятно, ты даже не доживешь до войны. Пойми меня правильно... я ни в коем случае не хочу отговаривать тебя от Ганимеда...

— Я вижу эту войну,— продолжал настаивать Поль.— Я знаю, что она разразится. Могу я быть уверен, что мои дети и внуки переживут ее? Нет. Я остаюсь здесь. Если я когда-нибудь женюсь, то женюсь здесь. Я не хочу производить детей в мире, который, может быть, превратится в радиоактивную пыль.

В это мгновение внутрь палатки просунул голову Хэнк. Хэнк во время нашей дискуссии бродил снаружи. Теперь он крикнул:

— Эй, люди! Европа восходит.

Мы все вышли наружу. Я думаю, все мы были потрясены. Поль так убедительно преподнес нам эту правду. Наблюдение за Европой могло служить великолепным отвлекающим средством.

Конечно, мы не впервые видели Европу, но наблюдение за ней с этой точки — нечто совсем другое. Орбита Европы находится внутри орбиты Ганимеда, и спутник этот никогда не отходит слишком далеко от Юпитера, если тридцать девять градусов не считать «слишком далеко». Мы находились на сто тринадцатом градусе восточной долготы, и Юпитер был на двадцать три градуса ниже нашего восточного горизонта. Это значило, что Европа, когда она

находилась в самой дальней точке от края диска Юпитера, поднималась в максимуме на шестнадцать градусов над краем горизонта на том месте, где мы были.

Извините меня за эту математику. Можно выразиться и иначе: на востоке в небо поднимается высокая горная цепь, и один раз в каждую неделю Европа висит низко над горизонтом, над этой горной цепью; потом она исчезает точно на том же месте, где она недавно взошла,— как лифт, который то опускается, то поднимается.

В первый раз за все время нашего путешествия мы видели подобное зрелище, и мы, конечно, не могли его пропустить: маленькая серебряная лодочка, покачивающаяся в небе над волнами скалистого гребня с поднятыми вверх носом и кормой. Мы смотрели, восходит ли она или уже заходит, и сверяли наши часы. Некоторые люди утверждают, что они могут различить ее движение, но сейчас не было единого мнения о направлении этого движения. Спустя некоторое время я замерз и вернулся назад, в палатку.

Но я был рад перерыву. У меня было чувство, что Поль сказал намного больше, чем он намеревался сказать. Я думаю, в этом были виноваты снотворные таблетки. Они хороши, если их использовать по назначению, но они заставляют говорить вещи, о которых лучше умолчать.

19. ИНОЙ РАЗУМ

В конце второй светлой фазы стало ясно — по крайней мере, Полю, что эта долина подходит для колонизации. Она была не идеальна, и, может быть, по ту сторону гор были лучшие места,— но жизнь коротка. Поль сдался после ее оценки с помощью сложной системы, выдуманной Комиссией и состоящей из девяноста двух пунктов. Тут наличествовали как минимум семь пунктов. Более пригодная долина могла подождать до того времени, когда поселенцы ее откроют... что однажды, конечно, и произойдет.

Для простоты мы назвали эту долину Долиной Половинного Везения, а горы, лежащие за ней, горами Поля, хотя Поль и протестовал. Потом он сказал, что название это неофициальное, а мы ответили, что мы будем настаивать на своем. Эби Филкенстайн, топограф, занесла эти названия на карту, а другие подписались под ними.

В течение третьей светлой фазы мы все еще занимались изучением подробностей. Мы должны были вернуться назад, когда для этого представится возможность. Так что нам предстояло проспать еще одну темную фазу. Некоторые, конечно, возражали. Они всю ночь играли в покер, но я не принимал в этом участия, потому

что терпеть не могу что-нибудь терять. Мы провели пару дискуссий, но ни одна из них не была такой серьезной, как та, первая.

В конце третьей темной фазы до меня постепенно дошло, что я еще ничего не видел, кроме стенок нашей палатки. Я попросил Поля, чтобы он разрешил мне немного отдохнуть.

Хэнк помогал мне с начала темной фазы. Он был ассистентом топографа. С начала темной фазы были запрограммированы снимки, которые нужно было сделать при помощи вспышки. Он должен был сделать их с самой высокой точки на юге, а потом при помощи этой же мощной вспышки сделать снимки с самой высокой точки на западе.

Хэнк недавно получил свою собственную камеру и постоянно держал палец на спуске. На этот раз, кроме официальных снимков, он собирался сделать и свои личные. Он совершенно испортил снимки, сделанные для топографа, и, кроме того, забыл защитить глаза, когда происходила вспышка. Поэтому он получил бюллетень и был назначен помощником ко мне на кухню.

Вскоре его глаза снова были полностью в порядке, но Филкенстайн больше в нем не нуждалась. Так что я спросил, не можем ли мы оба предпринять небольшую прогулку. Поль разрешил нам это.

В конце второй светлой фазы возникла исследовательская горячка, когда мы открыли лишайники в западном конце долины. Некоторое время было похоже, что мы первыми открыли жизнь на Ганимеде. Но это была ложная тревога — после более тщательного исследования оказалось, что это были всего лишь земные лишайники — один из тех видов, которые были отобраны Биологическим Отделом Комиссии.

Это доказывало только одно: жизнь уже укоренилась на расстоянии трех тысяч ста миль от места первоначального появления человека. Разгорелась горячая дискуссия, были ли споры лишайника перенесены по воздуху или они находились в одежде людей, которые строили энергостанцию. Но, собственно, это было не так уж и важно.

Хэнк и я решили пойти туда, где были открыты лишайники, и посмотреть, нельзя ли там открыть еще что-нибудь. Кроме того, это место находилось в противоположном направлении от нашего первого лагеря. Мы не сказали Полю, что хотим взглянуть на лишайники, так как боялись, что он нам это запретит. Они были найдены на некотором расстоянии от лагеря. Он нас предупредил, чтобы мы не уходили слишком далеко, так как в четверг утром в шесть часов мы должны были вернуться в наш первый лагерь.

Я был с этим согласен, потому что у меня действительно не было намерения уходить слишком далеко. Я чувствовал себя не совсем хорошо. Но я никому не сказал об этом. Я не хотел упус-

кать единственную возможность увидеть что-нибудь в этой долине.

Мы больше не обнаружили никаких лишайников. Вместо этого мы открыли кристаллы.

Мы бродили вокруг, и я был счастлив, как ребенок, потому что у меня не было никаких долгов — хотя у меня кололо в боку — и от того, что здесь был Хэнк со своей камерой. Он все время останавливался и делал бесполезные снимки скал и протоков лавы удивительных форм. Он объяснил мне, что он, вероятно, купит участок здесь, в Долине Счастья.

— Ты знаешь, Билл, им здесь, снаружи, нужна будет пара настоящих фермеров Ганимеда, которые покажут этим зеленым новичкам, как бегают зайцы. И кто понимает больше в нашем фермерском хозяйстве, чем я?

— Почти каждый,— заверил я его.

Он пропустил это мимо ушей.

— Место здесь достаточно пригодное,— продолжил он и уставился на поле, которое было похоже на поле битвы после Армагеддона.— Намного лучше, чем возле Леды.

Я добавил, что у каждого свои вкусы и возможности.

— Но для меня это ничего не значит,— добавил я.— Я должен видеть Юпитер.

— Чушь! Ты пришел сюда для того, чтобы исследовать местность, или для того, чтобы основать ферму?

— Спорная точка зрения. Иногда я думаю так, иногда иначе. Я не имею об этом никакого представления.

Он не слушал меня.

— Ты видишь ту расселину, там, наверху?

— Конечно. И что из этого?

— Если мы пересечем этот маленький глетчер, мы до нее доберемся.

— И зачем это тебе?

— Я думаю, она ведет в другую долину — и, может быть, в гораздо лучшую. Там, наверху, еще никто не был. Я знаю это, потому что я сопровождал топографа.

— Я хотел помочь тебе, поэтому и пошел с тобой,— я усмехнулся.— Но почему тебе обязательно надо туда, наверх? На Ганимеде есть сотни тысяч долин, которые еще не видел ни один человек. Может, ты — разметчик участков?

Не нравилось мне все это. Когда на Ганимеде ступаешь на девственную почву, испытываешь странное чувство. Здесь было даже тише, чем в библиотеке. Я охотнее остался бы на месте, откуда был виден лагерь. Тишина действовала мне на нервы.

— Ладно, не будь трусом,— произнес Хэнк и полез вверх.

Расселина вела не в другую долину; она вела в нечто вроде коридора между скалами. Стены его были на удивление ровными,

словно кто-то искусственно выровнял их. Мы прошли немного дальше, и я уже хотел поворачивать. Я остановился и окликнул Хэнка, но в это мгновение заметил какой-то блеск. Я подошел поближе и обнаружил кристаллы.

Я уставился на них, а они, в свою очередь, казалось, уставились на меня.

— Эй, Хэнк!— крикнул я.— Немедленно иди сюда!

— Что случилось?

— Тут... надо это снять!

Он спустился вниз и подошел ко мне. Спустя некоторое время он выдохнул и прошептал:

— Святой Бимбам!

Хэнк начал щелкать своей камерой. Я еще никогда не видел таких кристаллов. Большинство из них были шестигранными, однако попадались трех- и двенадцатигранные. Некоторые из них были величиной с кулак, а другие достигали моих колен. Дальше, вверху, мы обнаружили такие кристаллы, которые достигали моей груди. Это были не просто призмы. Они многократно разветвлялись, но самым удивительным были их цвета.

Они, казалось, состояли только из цветов, и когда в них глядишь, оттенки сменяют друг друга. В конце концов, мы заметили, что все они были бесцветными и только преломляли свет. По крайней мере, именно так утверждал Хэнк.

Он сделал серию снимков, а потом сказал:

— Пошли! Я хочу узнать, откуда они здесь появились.

Я этого не хотел. Колени у меня дрожали от крутого подъема, и при каждом шаге у меня сильно кололо в боку. Мне кажется, у меня немного кружилась голова. Когда я глядел на кристаллы, мне казалось, что они шевелятся.

Но Хэнк уже устремился вперед, и я последовал за ним. Кристаллы, казалось, придерживались старого каньона. В давние времена он был полон воды. Казалось, кристаллы нуждались в воде. Мы подошли к тому месту, где на полу лежал старый лед. Он был покрыт слоем снега толщиной в пару сантиметров. Кристаллы проложили себе путь через него и образовали нечто вроде моста.

Хэнк поскользнулся, когда мы перебирались через них, и упал на один из кристаллов. Тот разбился с серебристым звоном.

Хэнк встал и посмотрел на свои руки. На его ладонях были два параллельных пореза. Он удивленно покачал головой.

— Надеюсь, это приведет тебя в сознание,— сказал я и перевязал его руку куском бинта из своей аптечки первой помощи. Когда все было готово, я сказал:

— А теперь пойдем назад.

— Чушь! Из-за этих царапин? Идем!

Я сказал:

— Послушай, Хэнк, мне нужно вернуться. Мне нехорошо.

— Что там такое?

— У меня болит живот!

— Ты объелся, вот и все. Немного движения, и у тебя все пройдет.

— Нет, Хэнк, мне нужно вернуться.

Он уставился в глубь ущелья и, казалось, был расстроен. Наконец он сказал:

— Билл, мне кажется, я вижу, откуда пришли кристаллы. Ты подожди здесь, а я погляжу. Потом я вернусь, и мы пойдем в лагерь. Я действительно не задержусь там долго.

— Ну хорошо,— сказал я. Он пошел наверх. Некоторое время спустя я последовал за ним. Мне уже присвоили Волка, и это значило, что в незнакомой местности я никогда не должен был оставаться один.

Спустя некоторое время он позвал меня. Я поднял взгляд. Он стоял перед огромной темной пещерой в скальной стене.

— Что там?— крикнул я.

Он ответил нечто непонятное:

— Святой Флориан, помоги мне!

— Что случилось?— рассерженно спросил я и пошел к нему.

Кристаллы тянулись до того места, где мы стояли. Они доходили до края пещеры, но внутри их не было. Они образовывали на пороге пещеры частую решетку. На дне ущелья лежал плоский обломок скалы — огромный, словно постамент для памятника из старых времен. Можно было увидеть на каменной стене то место, от которого он откололся. Он пробил проход в кристаллах.

Но это нас не интересовало. Мы смотрели внутрь пещеры.

Внутри было темно, но из каньона внутрь проникал рассеянный свет. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я увидел, что так взволновало Хэнка.

Там внутри были эти ш т у к и, и они не были естественного происхождения. Я не могу сказать, что они из себя представляли, потому что я никогда в жизни еще не видел ничего подобного и не слышал о таком. Как можно описать вещи, для которых в человеческом языке не существует слов? О небо, они сначала показались нам нереальными, потому что глаз не мог воспринять их очертаний.

Но я понял следующее: это были не камни, это были не растения, это были не животные. Это были искусственно изготовленные предметы.

Я хотел подойти к ним как можно ближе. На несколько мгновений я даже позабыл о своей дурноте.

Хэнку тоже этого хотелось. Как обычно, он сказал:

— Идем!

— Как это?— спросил я.

— Очень просто...— он замолчал и стал обдумывать, как это сделать.— Итак, мы пройдем здесь... нет. Гмм... Билл, мы должны разбить эти кристаллы. Другого пути внутрь этой пещеры нет.

— Разве тебе недостаточно пораненной руки?

— Я разобью их обломками камней. Но мне жалко их. Они такие прекрасные.

— Я не думаю, что ты сможешь их разбить. Кроме того, клянусь, они достаточно остры, чтобы разрезать подошвы твоих сапог.

— По крайней мере, я попытаюсь это сделать,— он взял один из каменных обломков и принялся за работу. Оба мои утверждения оказались правильными. Хэнк отступил и задумался. Потом он тихо свистнул.

— Билл...

— Да?

— Ты видишь тот маленький выступ над входом?

— И что из этого?

— Слева он ведет в пещеру за кристаллами. Теперь я положу пару камней друг на друга, чтобы достать до него. Потом мы пойдем вдоль его края ко входу в пещеру и спрыгнем внутрь нее. Кристаллы не подходят настолько близко.

— Но как мы выберемся обратно?

— Мы можем там, внутри, поставить пару этих штук друг на друга и снова подтянуться наверх. В худшем случае, ты заберешься мне на плечи, подтянешься вверх, а потом поднимешь меня.

Если бы я хорошенько подумал, я бы никогда на это не пошел. Но мы попытались сделать это, и нам удалось — я уцепился кончиками пальцев за уступ и уже хотел отпустить его.

Но тут я почувствовал колющую боль в боку и упал.

Я пришел в себя, когда Хэнк сильно потряс меня.

— Разве ты не хочешь поглядеть, как все выглядит здесь, внутри?

Я оттолкнул его.

— Теперь я не хочу смотреть даже на царицу Савскую. Разве ты не видишь, как мне плохо?— я закрыл глаза.

Должно быть, я потерял сознание. Когда я снова очнулся, Хэнк сидел передо мной с карманным фонариком в руках.

— Ты долго спал, друг,— сказал от тихо.— Теперь тебе лучше?

— Лучше, но не намного.

— Соберись и идем. Ты должен это увидеть, Билл. Ты этому не поверишь. Это величайшее открытие со... со... ох, да не все ли равно. Против этого и Колумб покажется халтурщиком. Мы будем знамениты, Билл.

— Ты можешь идти. А я заболел.

— Где у тебя болит?

— Везде. Живот у меня твердый, как камень,— и ужасно болит.

— Билл,— спросил Хэнк серьезно,— тебе не удаляли аппендикс?

— Нет.

— Гмм... но тебе должны были это сделать!

— Как мило, что ты сказал мне об этом именно сейчас.

— Не двигайся! Лежи спокойно!

— Конечно,— я оперся на локоть. Перед моими глазами все поплыло.— Хэнк, послушай. Ты должен вернуться в лагерь и рассказать им все. Они должны прислать сюда трактор.

— Билл,— тихо сказал Хэнк,— ты же знаешь, что у нас нет трактора.

Я попытался решить эту проблему, но в моем мозгу все перепуталось.

— Тогда они, по крайней мере, должны прийти сюда с носилками,— сказал я слабым голосом и снова опустился на пол пещеры.

Немного позже я почувствовал, как он что-то делает с моей одеждой. Моей кожи коснулось что-то ледяное. Я попытался ударить его, но не попал.

— Спокойнее,— сказал он.— Я нашел немного льда. Если ты не будешь двигаться слишком резко, он не соскользнет.

— Я не хочу!

— Ты должен это сделать. Если ты отбросишь лед, прежде чем мы окажемся снаружи, я ничем не смогу тебе помочь.

Я был слишком слаб, чтобы сопротивляться. Я снова лег и закрыл глаза. Когда я снова открыл их, то, к своему удивлению, почувствовал себя лучше. Хэнка рядом не было, и я окликнул его. Когда он не ответил мне, я испугался.

Потом он подошел ко мне и махнул карманным фонариком.

— Я уж было подумал, что ты ушел,— сказал я.

— Нет. По правде говоря, я не могу выйти отсюда. Я не могу забраться ни на выступ, ни на кристаллы. Я уже пробовал,— он поднял сапог. Я увидел на нем кровь.

— Ты ранен?

— Переживу.

— Не знаю,— произнес я.— Никто не имеет представления, где мы находимся. Кажется, нам придется помереть с голоду. Но, честно говоря, мне все равно.

— Кстати, о еде — я прихватил с собой кое-то из ленча. Не очень много, потому что ты спал ужасно долго.

— Не говори о еде!— простонал я и прижал руки к своему боку.

— Мне очень жаль. Но послушай, разве я тебе не говорил, что мы не можем выбраться наружу?

— Конечно, ты...

— Я тебе сказал, что я не могу выбраться наружу.

— И какая в этом разница?

— Не ломай над этим голову. Но я думаю, что мы сможем сделать это. Эта твоя идея насчет трактора...

— Трактора? У тебя что, шарики зашли за ролики?

— Тише. Тут, позади нас есть что-то вроде трактора — или, лучше сказать, экипажа.

— Что такое?

— Пожалуй, мы будем называть это машиной. Я думаю, что она, по крайней мере, сможет перенести нас через кристаллы. Мы можем использовать ее в качестве моста.

— Хорошо,— подкати ее сюда.

— Она не катится. Она... э-э... ходит!

Я попытался встать.

— Я должен взглянуть на нее.

— Тогда отойди немного в сторону. Ты лежишь у нее на пути.

С помощью Хэнка мне удалось встать на ноги.

— Я иду с тобой.

— Сменить тебе лед?

— Может быть, потом.

Хэнк повел меня внутрь пещеры и показал мне эту штуку. Я не знаю, как мне описать этот шагоход,— может быть, вы видели его на фотографии. Если бы тысяченожка превратилась в металлического динозавра, это и был бы шагоход. Верхняя его часть была выполнена в виде ванны или корыта, которое опиралось на тридцать восемь ног, по девятнадцать с каждой стороны.

— Это самая сумасшедшая штуковина, которую я когда-либо встречал,— сказал я.— Ты никогда не сможешь подогнать к выходу это чудовище.

— Подожди!— крикнул он мне.— И если ты уж сказал, что эта вещь сумасшедшая, тогда ты должен увидеть и другие аппараты.

— К примеру?

— Билл, как ты думаешь, что представляет из себя эта пещера? Я считаю, это ангар для космического корабля.

— Что? Не будь ребенком. Ведь в ангаре же нет космического корабля.

— Он здесь.

— Ты хочешь сказать, что ты в и д е л космический корабль?

— Я не знаю этого наверняка. Он выглядит совершенно иначе, чем все, что мне известно под этим названием. Но если это не космический корабль, тогда я не знаю, для чего еще должна служить эта штука.

Я хотел сам взглянуть на нее, но Хэнк воспротивился.

— В другой раз, Билл. Мы должны вернуться в лагерь. Иначе будет слишком поздно.

Я не сопротивлялся. Бок у меня снова разболелся.

— Ну хорошо. А что нам теперь делать?

Он подвел меня к задней части шагохода. Корыто здесь опускалось почти до самого пола. Хэнк помог мне взобраться на него и сказал, что я должен лечь на дно. Потом он пробрался к другому концу.

— Парни, которые построили эту штуку, должно быть, были горбатыми, приземистыми и четырехрукими. Держись крепче!

— Ты знаешь, как им управлять? — спросил я.

— Я уже проехал на нем пару метров. Абракадабра! Держи крепче свою шляпу! — он засунул палец поглубже в одно из отверстий.

Эта штука задвигалась, тихо, мягко, без всяких рывков. Когда мы выехали наружу, под лучи солнца, Хэнк вытащил палец из отверстия. Я сел. Эта штука выехала из пещеры на две трети, оставив кристаллы позади себя.

Я вздохнул.

— Ты сделал это, Хэнк. Если теперь ты сменишь лед, я, может быть, выдержу, пока мы не придем в лагерь.

— Минутку,— сказал он.— Я хочу попробовать еще кое-что. Тут есть еще пара отверстий, которые я не обследовал.

— Лучше оставь их в покое.

Он не ответил. Затем он занялся ближайшим отверстием. Машина внезапно пошла задним ходом.

— Гопля! — сказал он и вытащил палец. Потом машина снова двинулась вперед.

Со следующим отверстием он был осторожнее. Наконец он обнаружил такое отверстие, которое заставило шагоход слегка приподнять нос и, как баггерную лопату, отклониться влево.

— Так,— радостно сказал он,— теперь я знаю, как управлять этой штукой.— Мы поехали вдоль каньона.

Хэнк ошибался, если верил, что он может управлять этой машиной. Она была подобна новейшему автомобилю с полуавтоматическим управлением, водителю которого нужно принимать только самые общие решения. Когда, например, шагоход подошел к мосту, образованному кристаллами, он остановился и не захотел идти дальше по этому мосту. Он самостоятельно забрался на небольшой холмик и по его склону обошел кристаллы. Казалось, что он может переставлять ноги по своему усмотрению.

Когда мы достигли места выхода льда, которое мы пересекли по пути наверх, Хэнк остановил шагоход и сменил лед на моем животе. Передо льдом машина, очевидно, не испытывала никакого страха, потому что она без колебаний пересекла маленький глетчер.

Мы подъехали — или подошли — к лагерю.

— Это самое необычное средство передвижения во все време-



на,— радостно сообщил мне Хэнк.— Если я получу на него патент, я стану богачом.

— Оно же принадлежит тебе. Это ты его нашел.

— Нет. Оно принадлежит не мне.

— Хэнк, не думаешь ли ты, что хозяин вернется, чтобы забрать его?

Он странно посмотрел на меня.

— Нет, Билл. Э-э, скажи мне, насколько давно, по твоему мнению, эти машины находятся там, в пещере?

— Понятия не имею.

В нашем лагере осталась всего одна палатка. Когда мы приблизились к ней, кто-то вышел наружу и стал ждать нас. Это был Сергей.

— Где вы пропадали?— спросил он.— И где, ради всего святого, вы это стащили?— Потом он добавил:— И что это вообще за штука?

Мы приложили все совместные усилия, чтобы объяснить ему, а потом он, в свою очередь, рассказал нам о том, что здесь произошло. Он задержался для того, чтобы пойти искать нас, так как Поль должен был вернуться в лагерь номер один, чтобы не пропустить «Джиттербаг». Он оставил Сергея здесь, чтобы он вернулся с нами, когда мы появимся.

— Он оставил для вас записку,— сказал Сергей и выудил из своего кармана листок бумаги. Он прочитал следующее:

«Хэлло, друзья.

Мне очень жаль, что я отправляюсь в путь и оставляю вас здесь, как идиот, но вы так же, как и я, хорошо знаете наше расписание. Я сам хотел остаться ждать вас, но ваш друг Сергей утверждает, что это его привилегия. Когда я хотел поговорить с ним, как с разумным человеком, он оскалил зубы и что-то прорычал.

Как только вы прочитаете эту записку, начните двигать своими милыми ножками. Вы должны не идти, а бежать к лагерю номер один. Мы попытаемся задержать «Джиттербаг», но вы же знаете тетушку Хэтти.

Когда я снова увижу вас, я отвинчу вам головы.

Всего хорошего.
П. дю М.

P. S. Профессор зеленого супа, я забрал с собой твой аккордеон».

Когда мы были готовы, Сергей сказал:

— Вы должны рассказать мне все, но не сейчас. Мы должны мчаться в лагерь номер один. Хэнк, как ты думаешь, Билл сможет идти?

Я отрицательно покачал головой. Я чувствовал себя ужасно.

— Гм... Хэнк, ты сможешь и дальше вести этот твой автогроб?

— Конечно,— Хэнк ласково и нежно погладил шагоход.

— И как быстро? «Джиттербаг» скоро снова совершит посадку.

— Ты уверен в этом?

— Я видел его уже три часа назад.

Я не могу четко вспомнить эту поездку. Однажды мы остановились, и мне сделали новый компресс изо льда. Когда я очнулся в следующий раз, я услышал крик Сергея:

— Это «Джиттербаг»! Я вижу его!

Мы стали спускаться по косогору, на расстоянии примерно пяти миль от корабля, когда кэп Хетти стартовала.

Хэнк застонал. Я откинулся назад и закрыл глаза.

Я очнулся, когда машина остановилась. Перед нами стоял Поль, прижав руки к бедрам.

— Потребовалось время на то, чтобы вы вернулись,— сказал он.— Но где вы раздобыли эту штуку?

— Поль!— настойчиво произнес Хэнк.— Билл тяжело болен.

— Ой, ай!— Поль взобрался в машину, не задавая больше никаких вопросов. Мгновением позже он обнажил мой живот и нажал на одно место около бедра.

— Тебе больно? — спросил он.

Я был слишком слаб, чтобы ударить его.

Он дал мне таблетку.

Я какое-то время не принимал никакого участия в дальнейших событиях, а произошло вот что: кэп Хетти ждала, потому что Поль усиленно попросил ее об этом, однако спустя пару часов она взбунтовалась. Она должна была лететь к «Крытому Фургону» и не могла больше терять времени. Она сказала, что не намерена заставлять ждать восемь тысяч человек из-за двух глупых мальчишек, которые вздумали поиграть в индейцев в дикой местности.

Поль ничего не мог сделать, поэтому он отправил остальных, а сам остался ждать нас.

Но все это я узнал уже потом. Я слабо отметил, что мы отправляемся на восток, и во второй раз очнулся, когда мне меняли ледяной компресс. Хэнк управлял шагоходом, а Поль взял на себя обязанности навигатора. С этим он великолепно справлялся и без приборов.

Спустя долгое, долгое время мы достигли лагеря пионеров, проехав по неисследованной местности более ста миль. Оттуда Поль по радио затребовал помощь.

Прилетел «Джиттербаг» и забрал нас. Я помню еще посадку в Леде. Это значит, что я слышал, как кто-то сказал:

— Быстрее, друзья! У этого парня прорыв аппендикса!

20. МОЙ ДОМ

Вокруг нашей находки разгорелся настоящий ажиотаж. Она теперь находится совсем не там — но сам я не видел всех этих машин. Я думаю, я должен быть благодарен доктору Арчибальду за то, что вообще остался в живых. И Хэнку. И Сергею. И кэпу Хетти. И чужому народу, который где-то когда-то жил, и о котором я не знал ничего, даже то, к какой расе он принадлежит. Они сконструировали совершенную машину, которая пронесла меня по пересеченной местности.

Я поблагодарил всех, кроме чужаков. Друзья посещали меня в госпитале, даже кэп Хетти, которая сначала ворчала, а потом нагнулась и поцеловала меня в лоб. Я был так испуган, что чуть было не укусил ее.

Шульцы, конечно, тоже пришли, и мама Шульц плакала. Папаша Шульц подарил мне яблоко, а Гретхен едва могла говорить, что было совсем не похоже на нее. Молли принесла ко мне близнецов.

«Плэнет», ежедневная газета Леды, взяла у меня интервью. Она хотела знать, сделаны ли, по моему мнению, эти предметы руками человека или нет.

Это был очень трудный вопрос, и люди многое отдали бы за то, чтобы узнать на него ответ.

Эти штуки, которые обнаружили мы с Хэнком,— а потом и ученые из проекта «Юпитер», не могли быть изготовлены существами, подобными нам. Шагоход был одной из простейших конструкций. А что касается большинства других, то не удалось даже понять, для чего они предназначены. И понять — как выглядели создатели — тоже. Там не было ни одного изображения.

Меня это удивило, но ученые решили, что у этих существ не было глаз — по крайней мере, таких глаз, как у нас. Таким образом, им не нужны были изображения.

У нас само понимание «изображение» довольно неопределенное, если его рассмотреть поближе. У венериан было так же мало изображений, как и у марсиан. Может быть, мы — единственная раса во Вселенной, которой пришла в голову идея изображать предметы на плоских поверхностях, а потом рассматривать эти изображения.

Итак, они не были «людьми» в прямом смысле этого слова. Но они были людьми по своей сути — хотя я, наверное, с криком убежал бы, встретив одного из них в темном переулке. Но, как выразился мистер Сеймур, гораздо важнее то, что они могли изменять свою окружающую среду. Они не были животными, которые не способны ни на что и вынуждены приспосабливаться к природе. Они победили природу.

Я считаю, что они были людьми.

Самым странным из всего этого были кристаллы. Никто ничего не смог узнать о них. Каким-то образом эти кристаллы были связаны с пещерой — или с ангаром космического корабля, или чем оно там было? Ученых из проекта «Юпитер» поразило одно: шагоход на своем пути по ущелью не разбил ни одного кристалла. Хэнк для этого должен был быть великолепным водителем, но он отрицает это.

Не спрашивайте меня об этом. Не могу же я знать все, что происходит во Вселенной. Она, в конце концов, довольно большая.

Прежде чем я покинул госпиталь, у меня было достаточно времени для размышлений. Я думал о своем предстоящем путешествии на Землю. Я, конечно, не полетел на «Крытом Фургоне», но это ничего не значило. Я мог улететь три недели спустя на «Мейфлауэре». Но хотел ли я возвращаться на Землю? Это было трудное решение.

Одно было ясно: я должен пройти испытание скаута, как только я встану с постели. Я уже слишком долго откладывал его. Только при таком близком знакомстве с вечностью вдруг замечаешь, как быстро летит время.

А как насчет колледжа? Это совсем другая история. Однажды папа сказал мне, что я не смогу использовать его земные вклады в качестве платы за проезд. Совет проиграл процесс против Комиссии.

И потом, слова Поля все еще лежали тяжелым камнем на моей душе. На Земле должна была разразиться война.

Сознавал ли Поль, о чем говорил? Нужно ли мне бояться этого? Наверное, нет, потому что Поль сказал, война начнется только через сорок лет. Я же останусь на Земле всего года четыре-пять. И вообще, нужно ли мне бояться будущего?

Я уже пережил ганимедотрясение и восстановление хозяйства. У меня было ощущение, что теперь меня больше ничто не сможет испугать.

Втайне я даже верил, что выживу и в том случае, если эта война начнется. Я не должен был в ней погибнуть.

Нет, я не боялся войны, но она прочно засела у меня в голове. Когда Поль навестил меня, я спросил у него:

— Скажи, Поль, ты еще помнишь тот наш разговор о войне? Ты веришь, что на Ганимеде тоже может разразиться война, когда мы достигнем плотности населения Земли? Конечно, не теперь — но через пару сотен лет?

Он печально улыбнулся.

— Может быть, к тому времени мы будем знать достаточно, чтобы избежать этого.

Он отсутствующим взглядом посмотрел перед собой, потом добавил:

— У новой колонии всегда есть новая надежда.

Это мне понравилось.

— ...новая надежда.

Однажды я слышал, как кто-то назвал младенца «новой надеждой».

Я все еще не нашел ответа, когда однажды воскресным вечером меня навестил папа. Он тоже подсчитал все расходы.

— Официально земля принадлежит мне, Джордж,— но это будет огромная потеря для всех нас.

— Напротив,— сказал Джордж.— Мы это переживем. У нас есть сбережения, которыми мы можем воспользоваться. Молли тоже за. Ты же знаешь, что потом мы и близнецов хотим отправить на Землю.

— Все же это мне представляется не совсем правильным. И какую цель ты преследуешь, Джордж? Мне не нужно образование. Я подумываю о Каллисто. Это большая, еще не тронутая планета с огромными возможностями для человека. Я могу получить должность в проекте «Атмосфера» — Поль, конечно, замолвит за меня словечко — и во время работы получу необходимое образование. Может быть, однажды я стану Главным Инженером Проекта.

— Для этого ты должен изучить термодинамику.

— Что?

— Инженерами не становятся сами по себе. На них учатся. Чтобы стать инженером, нужно посещать университет.

— Может быть, я не учился? Разве я не посетил две твоих лекции? Я и здесь смогу стать инженером. Для этого не надо лететь за три миллиарда миль.

— Чушь! Для обучения необходима дисциплина. Ты же еще не прошел свое испытание скаута. Ты еще не получил своего Орла.

Я хотел объяснить ему, что хотя я и не прошел этого испытания, но я уже начал изучение наук в избранной мной области. Но я не нашел нужных слов.

Джордж встал.

— Смотри сам, мальчик. Я только высказал свое мнение. Все равно, станешь ты инженером или нет. Но фермерам на Ганимеде тоже необходимо быть как можно более образованными. Мне хотелось бы, чтобы ты вернулся на Землю и закончил там свое образование. Потом ты можешь заниматься тем, чем хочешь.

Я подумал над этим, потом произнес:

— Может быть, ты и прав, папа.

Джордж кивнул.

— Хорошо, решай сам. Теперь я побегу на автобус. До завтра.

— Спокойной ночи, Джордж.

Я не спал, лежал и раздумывал над этим. Спустя некоторое время ко мне в палату вошла миссис Дисмоур, старшая сестра

нашего крыла госпиталя, и погасила свет. Но я никак не мог заснуть.

Я знал, что папа совершенно прав. И мне не хотелось быть идиотом. Кроме того, я сам великолепно понимал, как полезно людям университетское образование. Ну хорошо, я добуду себе диплом об университетском образовании, а потом, может быть, отправлюсь на Каллисто. А может быть, куплю себе новый участок на Ганимеде.

Я все еще никак не мог заснуть. Спустя некоторое время я посмотрел на свои новые наручные часы и отметил, что скоро должна наступить полночь. Я решил выйти наружу и полюбоваться восходом Солнца. Может быть, я увижу его в последний раз, если мне придется отправиться на Землю.

Старшей сестры нашего крыла нигде не было видно, и я быстро и незаметно прошмыгнул в коридор.

Солнце все еще не появилось над горизонтом. На севере я увидел блестки последних звезд, мерцающие над огромной антенной энергостанции на Прайд-Пике. Снаружи было очень тихо и прекрасно. Добрый старый Юпитер, огромный, круглый и оранжевый, как всегда, находился в своей половинной фазе. На западе из его тени только что появилась Ио; пока я наблюдал за ней, ее вишнево-красный цвет тоже сменился оранжевым, таким же, как у Юпитера.

Как я буду чувствовать себя там, на далекой Земле? Я буду весить там почти в три раза больше. Будет ли это для меня приятно? И плотность воздуха там почти удушающая.

Никто из моих земных товарищей и представить себе не мог, как все это выглядит здесь. Как я могу говорить с тамошними девочками, которые никогда не покидали своей Земли? Трусихи. Жеманницы. Им бы посмотреть, как Гретхен, ловко управляясь всем своим ладным телом, быстрыми руками ловит кур, убивает их, ощипывает и потрошит. Девочкам с Земли это покажется отвратительным.

Край Солнца появился над линией горизонта и окрасил вершины Больших Сахарных Гор в нежно-розовый цвет. Какая великолепная картина на фоне бледно-зеленого неба! Постепенно я смог разглядеть местность, окружающую меня. Это была новая, крепкая, чистая, плодородная земля, совсем не такая, как в Калифорнии, где пятьдесят миллионов человек буквально топчут друг друга на маленьком клочке земли. И это была моя земля.

К черту Кальтос, Кембридж, Оксфорд и все остальные привилегированные университеты вместе взятые! Я докажу папе, что мне не нужны никакие суперколледжи, чтобы получить необходимое образование. Да, но прежде всего я должен пройти испытание и получить Орла.

Свет утра осветил Пьяные Холмы на западе, и стали хорошо видны их очертания. Я вспомнил ту ночь и снежный буран, когда мы пробирались через них. Хэнк как-то однажды сказал: жизнь в колонии воспитывает настоящих мужчин.

«Я жил и работал рядом с мужчинами». Эта фраза пришла мне в голову. Райслинг? Или, может быть, Киплинг? Я жил и работал рядом с мужчинами!

Солнце достигло крыш домов. Оно поднялось над лагуной Серенидад, и небо стало ярко-голубым. Это была моя планета, моя родина, и я знал, что я никогда больше не покину ее.

Миссис Дисмоур вышла наружу и увидела меня.

— Итак, ты снова стоишь здесь,— фыркнула она.— Сейчас же отправляйся туда, где ты должен быть.

— Я уже там,— сказал я и улыбнулся ей.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГА СЛАВЫ
Перевод М. Муравьева 3

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА
Перевод М. Астафьева 249

ФЕРМЕР В НЕБЕ
Перевод И. Горачина 413

Литературно-художественное издание

Роберт Энсон ХАЙНЛАЙН

ДОРОГА СЛАВЫ

Фантастические романы
Редактор **И. А. Мудрова**
Худож. редактор **В. В. Кременецкий**
Техн. редакторы **И. К. Иорданская, Г. В. Стачева**
Корректоры **Е. А. Кокорина, Е. В. Карельская**

Сдано в набор 12.11.91. Подписано в печать 13.03.92. Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,48. Усл. кр.-отт. 34,88. Уч. изд. л. 38,43. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3596. Цена договорная.

Издательство «Флокс». 603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

ГИПП «Нижполиграф».
603006, г. Н. Новгород, ул. Фигнер, д. 32.



ДОРОГА СЛАВЫ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН